

ОДНА СУДЬБА
НА ДВОИХ

CASPERDOG

Брат и сестра. Стать врачами? Легко! Теперь институт и ординатура позади. Красные дипломы в кармане. Стабильная работа и заработок есть, но вот почему не верит в их успехи руководство, опровергая факты и доказательства? Приходится двойняшкам доказывать свои способности самым упёртым ретроgrадам. А тут ещё ими заинтересовались ведущие зарубежные клиники. И чем всё это закончится?

Одна судьба на двоих

От автора — книга не вычитана, поэтому ожидаемы опечатки и ошибки.

Москва. Военный госпиталь.

Сегодня около проходной госпиталя, да и вообще на улицах было малоллюдно — выходной день, тем более накануне праздников, когда основная масса горожан столицы стремится вырваться на природу — кто на дачу, а кто просто ближе к водоёмам — пожарить шашлыки, да и отдохнуть сколь возможно.

Седой мужчина, что с таким трудом попал в неурочный час на осмотр-диагностику, удивился, что в левом крыле здания госпиталя сегодня было непривычно оживлённо — множество белых халатов дефилировало как по коридорам, так и присутствовало в палатах, осматривая немногочисленных больных.

— *«Забавно получается, — подумал заметно хромающий человек. — Мне сказали, что сегодня здесь никого из начальства не будет, а складывается впечатление, что какая-то комиссия внезапно нагрянула. И как поступить? Не идти на приём, которого ждал почти три месяца? Или всё же решиться? Вдруг получится незаметно пройти в нужный кабинет?»*

Получив в регистратуре пояснение, что нужный ему вход не здесь, а требуется ещё обогнуть слева основное здание и пройти через отдельный вход, про себя хмыкнул, тем не менее, последовал объяснениям.

Пройдя метров сто, невольно замедлился около входной двери, на которой висела вывеска «Комплексная диагностика. Служебный вход», а потом, резко мотнув головой, явно решив всё для себя, толкнул тяжёлую дверь.

— Вы к кому? — задал вопрос вооружённый охранник, внимательно оглядев визитёра.

— Мне назначена консультация на 12, кабинет 111. Фамилия врача — Ярые. Моя фамилия — Кондратьев.

Охранник нашёл в журнале нужную запись и, подняв голову, внезапно улыбнулся, а его глаза стали добрее, совсем другими, не такими как минуту назад и, как показалось старому человеку, немного насмешливыми.

— Проходите, пожалуйста.

Охранник привстал и протянул через окошко пропуск-визитку на тонком шнурке.

— Оденьте на шею, — он посоветовал мужчине. — И Вы не потеряете и вопросов у других врачей не будет. Поверьте, так лучше. А сейчас идите направо по коридору. Гардероб у нас не работает сегодня, выходной, так что снимете куртку в тамбуре у кабинета врача. Да, и фамилии врачей — Ярые. Это брат и сестра. Они редко когда работают вместе, но Вам повезло — сегодня они оба на приёме. Сами же они из Питера, у нас бывают не часто, так что Вам, повторюсь, очень повезло.

Пожилый человек поблагодарил охранника за совет и пояснения и, накинув шнурок на шею, неторопливо последовал по коридору в указанном направлении.

— *«Ярые? — Мужчина замедлил шаг. — Фамилия не такая уж заезженная. Был у меня коллега в Питере с такой фамилией. Классный мужик и офицер от Бога. Не сказать, что с ним были друзьями, но приятелями стали. Помнится, что у него уже в зрелом возрасте родились близнецы. Сам бывал у него пару раз в гостях и помню тех двух непосед, которые по мне ползали словно обезьянки по пальме. Неужели это они? Сколько же лет прошло... По*

работе... Палыч? Точно, Сергей Павлович. Был на своём месте и да... это с его подачи разгребали мутную историю, после которой трясло весь аппарат не один месяц. Многих тогда сняли с должностей и лишили погон, и, как оказалось, не зря... Позже Сергей занял место начальника Питерского Управления, а перед самой пенсией его перевели, а куда... Звонил тот с полгода назад, поздравлял с Новым Годом, но разговор был без подробностей, как и положено...

* * *

По пути ему встретилось несколько молодых врачей, которые, на удивление, скользнув глазами по пропуску с широкой красой полосой, старались обогнуть визитёра на достаточном расстоянии. Ладно бы это были только молодые практиканты, так нет — его почти обогнала почти у нужного кабинета группа врачей во главе с пожилым доктором, но и те, увидев пропуск, невольно задержали прежде стремительный шаг. А один из молодых, так вообще — открыл дверь в нужный кабинет, уважительно склонив голову.

Мужчина поблагодарил за любезность и шагнул в кабинет, точнее, в небольшой холл, из которого вели две двери в другие помещения.

— Кондратьев Александр Александрович? — сбоку из-за небольшого столика поднялась девушка и, сделав шаг навстречу гостю, протянула руку. — Вы пунктуальны. Давайте я помогу Вам снять куртку и повешу в шкаф. Вы у нас сегодня единственный пациент, поэтому не беспокойтесь за сохранность вещей.

— Я и не беспокоюсь, — буркнул тихо мужчина. — У меня так и вообще красть нечего. В карманах только паспорт, проездной, да и...

— ... Пачка сигарет и необычная зажигалка, — с улыбкой закончила предложение девушка. — Не волнуйтесь. Всё будет в целостности и сохранности.

Сняв куртку и протянув её девушке, Александр Александрович смутился, только сейчас разглядев её более внимательно. Красивое лицо, словно сошедшее с какого-нибудь глянцевого журнала, фигура без изъянов и... лучащиеся добротой глаза. Эти глаза, а точнее чувства, которые они излучали, смутили мужчину. Добрые, светлые, в то же время цепкие, словно рентген просвечивающие собеседника. Эта девчушка очень уж напомнила оперативников из его службы.

— «Почему словно? — Хмыкнул про себя отставной генерал. — Они и есть рентген, иначе откуда бы эта козочка заметила, что в кармане у меня не боевой пистолет, а именно зажигалка?»

* * *

Он, отставной генерал-лейтенант, отдавший служению родной стране всю свою жизнь и здоровье, умел разбираться в людях. Этому его учили много десятков лет, а потом он и сам стал для нового поколения офицеров наставником и требовательным учителем. Его не только любили и уважали курсанты, но и побаивались, зная, что «дед» просто так никого не накажет, но если случись что — мало не покажется, раздаст всем по «самое немогу».

Кондратьев был уже почти полдесяток лет в отставке, но, как известно, «бывших» в их службе не бывает. Вот и с полгода назад его ученик, куратор выпускного курса, попросил провести мастер-класс по оперативной работе в самой слабой группе. Предупредил, мол, делать можно что угодно, только любыми способами нужно вывести курсантов из состояния «спящего болота», тем более что именно в этой группе были самые перспективные кадры. Первые годы эта группа лидировала по успеваемости, а потом как отрезало...

Вот отставник и вспомнил молодость. Всё бы ничего, но после теории курсанты

попросили наглядной демонстрации. И ладно бы были учебные схватки один на один в приспособленном зале, так он сам, старый дурак, предложил «поиграть» трое против одного в реальной обстановке. Вот и не сдюжил. Всё бы ничего, но возраст есть возраст, да и суставы и кости не те, что были раньше. И закончилось всё медблоком, а позже больницей. Сломанная нога и ключица. Два месяца в гипсе, так как кости совсем не хотели срастаться.

Генерал психовал — костылями пользоваться невозможно было из-за ключицы, поэтому только на кресле-каталке, благо, что к нему ведомство прикрепило двух санитаров-охранников, которые были с ним днём и ночью, находясь в квартире посменно. Кондратьева вначале такая забота порадовала, но с каждым днём его физическая беспомощность всё больше и больше вызывало раздражение. Он стал срывать на парней по пустякам, но те были словно статуи, не воспринимая нервозность старика и отвечая ему спокойным доброжелательным тоном. Понимая, что зря доводит помощников, весь свой негатив он направил уже на себя, чертыхаясь и кляня за глупую выходку.

А потом всё поменялось в один миг. Его парней сменили две девушки. Милые, красивые, но с рельефной мускулатурой и внимательными глазами. Чуть позже к нему домой приехал невзрачный человечек, которого охраняло аж ТРИ «волкодава». Представили врачом-диагностом от смежной конторы. Генерал ждал результата, а на деле... И что тот такого сделал за те пару минут, что стоял около кровати? Не осмотрел, давления не измерил, даже не прикоснулся к пациенту рукой. Помолчал, а потом выдал, мол, постарается помочь заслуженному человеку. Повернулся и... не попрощавшись, молча ушёл в сопровождении трёх лбов.

Александр Александрович после ухода этого «врача» сорвался — матерился, не стесняясь девочек. Те аж яркими пятнами покрылись, настолько это было необычно слышать от тихого и всегда спокойного человека. Потом, правда, когда успокоился, всё извинялся за свою несдержанность, пытался всучить деньги на конфеты или цветы, что бы загладить вину, но девочки его подарков не приняли — отговорились, что им и так за работу платят достойно. А через неделю одна из его помощниц принесла конверт, в котором и было приглашение на консультацию, но дата... аж через ТРИ месяца. Тогда генерал в очередной раз психанул — ему к Президенту страны на личный приём и то раньше можно было попасть...

Но и этот срок прошёл и теперь генерал на месте. Что скажут эти непонятные «святители медицины»???

* * *

В смотровой, куда его провела девушка-администратор, кроме медицинской лежанки посреди кабинета не было вообще ничего, только ширма-гармошка. Даже самой простенькой вешалки, куда можно было бы повесить одежду.

— *«Чёрт знает что, — мужчина почувствовал, что стал «закипать». — Они меня будут через одежду щупать? Очередные новоявленные экстрасенсы? Хреновенькая-то, а не консультация. Жаль времени и сил, что потратил сюда добираясь.»*

— Раздеваться и снимать обувь не надо, — подтвердила его догадки девушка. — Ложитесь на кушетку, я Вас накрою.

Она помогла мужчине лечь и накрыла его не простынью или клеёнкой, а толстым одеялом.

— Простите, но одеяло-то зачем? — удивился явному несоответствию этого предмета месту.

— Сейчас будет понижена температура в смотровой, и Вы сами поймёте для чего я Вас укрываю. Более того — если Вам будет холодно, я принесу дополнительное одеяло. Ещё. У нас принято, чтобы глаза пациента были закрыты. Это необходимо, что бы Вы не отвлекались от возможных вопросов осматривающих врачей, а могли коротко и ясно отвечать. Поэтому я попрошу Вас одеть вот эту тёплую полумаску. Не волнуйтесь, это всё только для Вашего благополучия и удобства.

— И пожалуйста... — девушка понизила голос и сейчас он словно журчал в тишине. — Не задавайте лишних вопросов. Очень прошу. Всё, что Вы захотите узнать — я Вам расскажу чуть позже. И выдам на руки полный комплект документов по результатам диагностики. Мы поняли друг друга? Сейчас техники приготовят контрольную аппаратуру и мы начнём.

Появившиеся двое молодых людей в халатах и масках вкатили две стойки с мигающей огоньками аппаратурой и так же, ничего не говоря, вышли.

Девушка сняла с одной из стоек два широких пояса с тянущимися от них к аппаратуре проводами, и положила один на грудь поверх одеяла, а второй, попросив мужчину поднять колени, просунула под ноги.

Александр Александрович кивнул, ничего не говоря. Он уже не знал как реагировать на все приготовления, тем более что девушка стала ширмой отгораживать лежанку со всех сторон.

У генерала подобные действия вызвали уже смех.

— *«Это они что, меня от себя загородили? Или наоборот? Бред какой-то. Лежу одетый, в ботинках, под толстым одеялом с тёплым намордником на лице. Так нет, ещё и загородили со всех сторон. Боятся, что я брошусь и укушу кого? Кстати, потолок интересный — матовое стекло.»*

Мужчина непроизвольно улыбнулся мыслям и в тот же момент со всех сторон, явно из динамиков, раздался тихий голос девушки, что его сопровождала.

— Александр Александрович. Пожалуйста, наденьте маску на лицо и поднимите одеяло до подбордка. Мы начинаем понижать температуру. Весь осмотр займёт не более двадцати минут. За это время постарайтесь не двигаться и не крутить головой.

И в ту же секунду Кондратьев почувствовал, что в комнате стало холодать. Температура резко понизилась приблизительно до нуля и зафиксировалась. Генералу было тепло под одеялом, вот только нос стал медленно замерзать... Он думал, что так и пролежит назначенное время, но нет — кушетка, на которой он лежал, внезапно стала вибрировать. Совсем чуть-чуть, еле заметно, но это вызвало дискомфорт у человека, которой на ней лежал. Резко заныли зубы, да и недавние переломы напомнили о себе, особенно до сих пор болевшая нога.

Неожиданно генерал понял, что в комнате он уже не один — рядом с ним молча, стояли, как минимум, два человека, потому как почувствовал, что одна пара рук легла ему на голову и грудь, а вторая пара — на колени. Через мгновение мужчина ощутил нарастающее тепло в местах, где были прижаты к его телу чужие руки, затем стало горячо, а спустя пару секунд его тело буквально пылало — жар уже шёл не от посторонних рук, а складывалось впечатление, что внутри него самого горит огонь, быстро распространяясь от груди по всему организму...

Генерал хотел было сбросить одеяло, что бы остудить тело, но в тот момент, когда стали подниматься его руки, сознание померкло...

Москва. Военный госпиталь.

Когда старик, дёрнувшись, затих, потолок в комнате стал светлеть. А за ним виднелся амфитеатр, полный врачей, которые смотрели сверху на происходящее, периодически бросая взгляды на мониторы, которые были вокруг прозрачного пола.

— Готова? — Спросил молодой человек.

— Как пионер, — ответила девушка.

— Начали. Техническому отделу. Параметры фиксируются?

— Все системы работают корректно. Показания снимаются. Видеофиксация ведётся, — послышалось из динамиков.

— Рин. У меня по этим бесстрастным словам Светы складывается впечатление, что мы не диагностику проводим, а с космодрома ракету запускаем. Ладно, шутки в сторону. Что с сердцем?

— В норме, но возрастной износ имеется. Около 15 процентов. Включаем в общий цикл?

— Да. Почки, печень, поджелудочная?

— Износ. Состояние по шкале на 10, 5, 4. Явная проблема в простате. Воспаление.

— Это моё. Сама не лезь. Переломы?

— Ключица в норме, а вот нога хуже. Эти коновалы, что делали рентген и гипсовали, не заметили осколок в полсантиметра, что сейчас при ходьбе должен причинять пациенту боль.

— Его не трогаем, времени слишком много прошло после перелома — пусть убирают хирурги.

— Принято. Кровь?

— А вот с этим на удивление норма. Все показатели даже выше среднего. Не вмешиваемся.

— Так. Вроде основное посмотрели. Что у него в голове?

— Тошка. Как и у тебя — мозг. А ты думал, там другое?

— Хрюндель. Ты поняла мой вопрос. Не сбивай.

— Норма. Патологий нет. Кстати, интересный пациент — у него пропорционально развиты оба полушария. Хороший аналитик, я понимаю, по жизни.

— Этих вопросов мы не касаемся. Общая картина ясна?

— Да. Диагностику закончили. Будем лечить или заканчиваем? Если да, как разделим зоны?

— Будем. Я от груди и ниже, на тебе верхняя часть.

— Тох. Ты опять меня бережёшь? Мы же договорились!

— Все вопросы потом. Давай работать, а не болтать. Ко мне не лезь, а то накажу. Всё. Сосредоточились. На счёт три начали. Готова? Три. Два. Один.

— Пуск. Промежуточная, предварительная, основная.

— Рин, засранка, не основная, а главная! — Зашипел молодой человек, на лбу которого появились капли пота. — Тьфу на тебя! Не отвлекайся.

* * *

Через пятнадцать минут двое молодых людей отступили от пациента. Датчик УЗИ, проведённый вдоль недавних травм мужчины, показал явную прогрессию в исцелении пострадавшего.

В комнату по команде Антона вновь вошли ассистенты и укатали аппаратуру. Прозрачный потолок стал мутнеть, а сверху раздались еле слышные аплодисменты. Электронные системы, работавшие в процессе диагностики и лечения, считывали параметры жизнедеятельности пациента, и информация в режиме текущего времени транслировалась на экраны в амфитеатре, доказывая самым неверующим, что виденное ими реальность, а не постановка.

Когда потолок стал матовым, молодой человек, чуть пошатнувшись, опёрся рукой о кушетку и усталым голосом произнёс вникуда.

— Светлана. Поднимай температуру до обычной, только медленно. Дадим нашему подопытному время на приведение организма в полное соответствие с нормой.

— Поняла. Поднимаю температуру, пять минут до общего фона, — донеслось из динамиков.

— Аринка, ты как? — спросил молодой человек у своей напарницы.

— Более-менее. Устала я, братик, если честно, доказывать этой так называемой «профессуре» свои способности. Надоело, да и, как понимаю, толку от этого не будет никогда. Все восхищаются, хлопают в ладошки как дети, которым дали внезапно конфетку, а результат? Его как не было, так и нет. Да и будет ли??? Единственное, что утешает — помогаем конкретным людям, а не на манекенах работаем. У нас завтра ещё один пациент?

— Да, ещё один. Хотел его на сегодня перенести, что бы уже завтра быть дома, но там, — он показал головой вверх, — не согласились. Ждут прилёта сегодня вечером каких-то светил из других царств-государств. Сказали, мол, что это нам зачтётся.

— Да пошли они... — Девушка сорвала маску с бледного лица. — Ты сказал им принцип нашей работы? Только НАШИ люди, никаких забугорных деятелей.

— Я поставил условие сразу, но мне логично возразили, что ТЕ будут только наблюдать, а лечить мы будем НАШЕГО.

— ЛЕЧИТЬ? — с возмущением зашипела девушка. — Такой договорённости не было. Только диагностика и никакого вмешательства.

— Подруга моя, милая моя половинка. Ты мне веришь? Как я сказал — так и будет. У нас контракт на пять дней. Пять диагностик и два вмешательства по нашему усмотрению. Четыре дня уже прошло, остался всего один. Норму мы практически выполнили.

— А тебе верю, Антошка. Кому верить как не тебе? Смотрю, что и ты вымотался за эти дни. Нельзя же так. Сам стараешься заменить меня, больше отдать своей энергии. Но мы ведь договорились и поклялись ещё в детстве делить все невзгоды и радости поровну, а что получается??? Так нечестно! Забыл, как я умею кусаться? Вот, вижу твою рожицу и понимаю, что не забыл. Будешь брать лишнее на себя — сидеть не сможешь, обещаю, всю попу искусаю.

— Болтушка ты, родненькая моя. Я же хочу как лучше. Ты посмотри на себя и сравни со мной — это небо и земля.

— Дурак ты, братик. Неба без земли не бывает. Что, съел? Всё, молчи и не пререкайся. Пойдём лучше пить кофе. Я как сегодня утром в гостинице залила в термос, так мы и не открыли ещё.

— С корицей и гвоздикой?

— И с твоим любимым ликёром.

— Здорово!!!

Молодой человек сделал было пару шагов к выходу, а потом вернулся и снял маску с

лица лежащего мужчины.

— Аринка, ты помнишь его? Лицо вроде знакомо, но когда и где...

— Я по документам вчера смотрела — это папкин приятель. Точнее, не приятель и не друг, а так, хороший знакомый. Одним словом — коллега. Только этот много лет провёл за бугром, а потом работал в Главке в Москве. Папа говорил, что вроде правильный человек, не продавшийся. Удивительно, если честно, что такие динозавры ещё существуют. Тем не менее.

— Странно, что он, судя по годам, должен быть на пенсии, а вот эти переломы... Он что, со шпаной или с бандюгами сцепился?

— Антош. Ты как маленький. Знаешь, где этот кадр травмы получил? Не поверишь — сцепился с тремя молодыми курсантами на показательных выступлениях в обычной аудитории, доказывая, что и один подготовленный старик может выстоять против трёх молодых жлобов.

— И? Доказал?

— Именно, что доказал. Двоих положил, а вот под третьим надорвался — тот лось больше ста килограммов веса. Приём старичок недовёл, так и пострадал. Кстати, завтра этот «третий», как я поняла, и будет нашим пациентом. Что-то у него с головой после падения. Хирурги сказали, что кости черепа целы и кровоизлияний в мозг нет. Единственное подозрение — шея. Наш дедок ведь воткнул этого верзилу именно головой в пол. Не специально, конечно, но со сломанной ногой и переломом ключицы провести связку чисто уже не смог.

Антон посмотрел на лежащего пожилого мужчину и замотал головой.

— Если бы все старики на нашей земле были такие как он... Ладно, сестрёнка, утро вечера мудренее — пошли пить твой волшебный кофе, а потом погуляем по Москве. А то, как ни приедем — всё больные и увечные. Нам такого добра и дома хватает. И Свету с Мишей собой возьмём, пусть развеются.

— Они опять врубят режим охраны, стараясь не подпустить к нам никого. Что, в первый раз?

— А вот фиг. Мы с тобой, между прочим, сами в прошлом году степень подняли, не забыла? Иногда думаю, что нам и не пригодится никогда вся наша подготовка. Хотя, с другой стороны, и хорошо, что не пригодится. Лучше находиться в мире и спокойствии, чем ожидать в любую секунду нежданного удара. Да ну его, опять мысли о грустном. Кофе? Ты где???

— Он нас ждёт, не умирай. Всего-то осталась пара шагов до nirваны, — хихикнула девушка и, подхватив брата под руку, потащила его из смотровой...

* * *

Отставной генерал проснулся как в детстве — тепло, уютно. Жаль, что подушки не было. Хотел было повернуться на другой бок, но дёрнулся — он же в больнице, а не дома. И тут поймал, что спал так сладко, что даже слюни пустил.

— *«Да уж... Как ребёнок, даже стыдно... Интересно, но состояние такое, словно молодой — ничего не болит и сердце... Пульс вроде 60. И что запомнил? Да ничего кроме всепоглощающего жара в груди. Кстати, девочка, что провела меня сюда, говорила, что врачи меня будут спрашивать, но, как понимаю, обошлись без моих реплик. Кстати. Я не прав. Она сказала, что МОГУТ спросить, а это не одно и то же. Что же, надо вставать и двигать домой, да и пораньше сегодня завалиться спать».*

Александр Александрович резко сел на кушетке и через секунду уже стоял на ногах. Пока никого в смотровой не было — пару раз резко присел и провёл несколько ударов в воображаемого противника. Потом остановился как вкопанный и вновь задумался.

— *«Что со мной сделали — я не знаю, но ощущаю себя лет на двадцать моложе, хотя... нет, на все тридцать. Ничего не болит и не тревожит. Правда в туалет хочется безумно, но вытерпеть можно. Да и нога почти не болит, только вот чувствуется, что в ней что-то лишнее, мешает».*

Он наклонился и, подняв штанину, ошупал место перелома.

В это время дверь открылась и зашла девушка, что привела его в кабинет.

— Я вижу, что Вам лучше, Александр Александрович. Как себя чувствуете?

— Спасибо Вам, простите, не знаю, как Вас зовут...

— Светлана Викторовна, — улыбнулась девушка.

— Спасибо, Светлана Викторовна, — мужчина улыбнулся. — Я чувствую себя отлично, словно скинул лет двадцать. Удивительно, но факт.

— Я рада, что Вам смогли помочь. Теперь, пожалуйста, следуйте за мной. Я Вам выдам на руки распечатку диагностики, а потом, если будет желание, можете побеседовать со своими врачами.

— Простите, Светлана Викторовна, а где у Вас здесь...

— Туалет? — улыбнулась девушка. — Пойдёмте, покажу.

Дверь в туалет была почти у самого выхода и, спустя время, мужчина вышел в более приподнятом настроении, тем более, что в раковине ополоснул лицо и стал чувствовать себя вообще превосходно.

Девушки-администратора в небольшом холле не наблюдалось, зато дверь второго кабинета была открыта.

— Александр Александрович, проходите, не стесняйтесь. Мы Вас ждём, — послышалось оттуда и генерал, внезапно отчего-то оробев, сделав несколько шагов, зашёл в кабинет.

Обстановка, прямо скажем, была спартанской — стол, четыре стула и, удивительно, совершенно чуждый здесь предмет — глубокое чёрное кожанное кресло, в котором сидел молодой человек не более двадцати пяти лет, а на его коленях, пождав ноги, расположилась девушка — лицом вылитая копия парня, только вот черты были, естественно, женственные и мягкие.

— *«Красивые ребята. Так это и в самом деле дети Ярого, — убедился в своих догадках генерал. — Вот что бывает в жизни. Какие только выкрутасы не случаются. Сколько я их не видел? Лет десять точно, если не больше»...*

— Здравствуйте, Александр Александрович, — улыбнулся парень, — или, как мы в детстве Вас называли, «Два А».

— Неужели помнишь? — удивился пожилой мужчина. — Вам было-то по три или четыре года, а сейчас...

— Смутно, но помним, — улыбнулась девушка. — У папы ведь не так много людей в гости приходило, поэтому и запомнилось. Вы извините, но мы пока здесь посидим вместе — так восполняем силы после трудного дня и быстрее восстанавливаемся. А вы садитесь где Вам будет удобнее. Уж простите за обстановку, но что предоставили из казённого, тем и пользуемся.

— И кресло казённое? — хмыкнул Кондратьев.

— Да, — хихикнула девушка, — мы его чуть ли не украли у главврача. Точнее, утащили из комнаты отдыха, пока начальника не было на месте. А когда большой босс спохватился и узнал, кто совершил это страшное преступление — спустился к нам, грешным, с небес лично, и с барского плеча соизволил пользоваться, пока мы здесь работаем.

— Ринка, давай по делу, не будем задерживать генерала. — Антон дождался, когда бывший пациент сядет на стул, и показал на папку, что одиноко лежала на столе.

— Это Ваше, Александр Александрович. Здесь история болезни, что нам заранее передали, а также компьютерная диагностика Вашего организма. Что касается того, что сегодня происходило — давайте без объяснений с нашей стороны. Это долго и непродуктивно, поверьте. Одно скажу — мы Ваш организм привели в более нормальное состояние. Убрали опухоль в простате и немного подлечили поджелудочную. Да и по основным органам тоже пробежались. Если быть краткими — дали Вашему организму, скажем так, толчок на восстановление до приемлимых норм. И ещё. Перелом ноги. Требуется небольшое хирургическое вмешательство. Там у Вас осколок кости остался. Как его не увидели на рентгене — не могу объяснить, тем не менее. Опасности для жизни не представляет, но при нагрузках на ногу будет мешать, да и Вы сами наверняка ощутили что-то лишнее в ноге, ведь так?

— Да, — удивлённо ответил генерал. — Я, когда соскочил с кушетки и сделал пару упражнений, сразу почувствовал, что что-то с ногой не так. А перелом?

— Какой перелом? — хором спросили молодые люди и, посмотрев друг на друга, захохотали в голос.

Кондратьев, глядя на их улыбающиеся физиономии, сам расплылся в улыбке.

Отсмеявшись, Антон уже нормальным голосом продолжил.

— Был перелом, но сейчас всё в норме, поверьте. Конечно, мы не волшебники, что бы по мановению палочки всё заростить мгновенно, но, скажем так, Ваш организм сам справится с последствиями через пару недель. А если Вы не станете тянуть и уберёте осколок, то вообще будете молодцом.

В этот момент в косяк открытой двери постучали, и в кабинет зашла Светлана, протянув генералу листок формата А4.

— Александр Александрович. Это результаты анализа вашей мочи. Всё в норме. Положите, пожалуйста, документ в папку — пусть всё будет вместе.

— А когда я сдавал анализ? — удивился Кондратьев. — Я же не...

— Вы сходили в туалет, а там стоят датчики и анализаторы, которые автоматически делаю забор жидкостей и твёрдых материалов для последующего анализа, — пояснила девушка и, обратившись к молодым людям, спросила.

— Ребят, у нас ещё полчаса, после чего нужно будет сдать кабинет и поставить на сигнализацию. Дальнейшие планы?

— Свет. Дальнейшие планы, если не будет постороннего вмешательства, таковы — гостиница и вечером пойдём гулять по Москве.

— Я против. — Светлана сразу стала нервной и жёсткой.

— Против чего? — вроде как, не заметив напряженности девушки, спросил Антон. — Против возвращения в гостиницу или против нашего ухода из кабинета?

— Болтун, ты сам понял о чём я, — строго сказала Светлана. — Опять неприятности притягиваешь к себе и сестре? Ладно сам пострадаешь, так о половинке подумай.

— Света, всё, закончили, — резко оборвал помощницу Антон. — В гостиницу вернёмся

и там поговорим. Не забывай, что мы здесь не одни.

— Принято, — девушка молча вышла из кабинета, плотно закрыв за собой дверь.

— Строго ты с ней, — удивлённо проговорил генерал. — А она Вам кто вообще?

— Светлана? — улыбнулась Арина. — Это долгий рассказ, но, вкратце, наша помощница, наш технический директор и оператор медицинской техники. Наш охранник и телохранитель.

— Она такой универсал?

— Вы даже не представляете какой, — хмыкнул Антон. — Иногда кажется, что у неё в голове не человеческий мозг, а мощный компьютер, который работает по совершенно непонятным законам природы. Мы ради интереса проводили эксперименты, так она просчитывает различные варианты предстоящих событий быстрее, чем самый расшаренный комп. Да к тому же, она медик по образованию, так что мы понимаем друг друга без лишних слов.

— Интересная девочка, — задумчиво проговорил Кондратьев. — Такой человек в нашей конторе был бы на вес золота. Ребята, — он обратился к молодым людям, — а Вы не будете против, если я с ней поговорю?

— По поводу перехода в Вашу организацию? — с улыбкой, прикрыв один глаз, спросила Арина. — Так опоздали немного. Она УЖЕ в организации. Только прикомандирована.

— Это как «прикомандирована»? — не понял ответа генерал.

— Простите, но без объяснений, — ответил Антон. — Да, что-то у нас не так в приёмной. Судя по всему, Света с кем-то сцепилась. Вмешиваться пока не будем. Давайте посмотрим что там происходит?

Антон привстал и откуда-то испод себя достал пульт дистанционного управления. Нажал кнопку и светлая панель на стене, которую генерал изначально принял как доску информации с различными бумажками, отъехала в сторону, а за ней оказался экран телевизора, который, засветившись, показал обстановку в мини-холле. И взгляды трёх человек впились в экран.

За пять минут до текущих событий.

Светлана, раздражённая резким ответом Антона, вышла из кабинета и села на своё временное рабочее место. Ей, если честно, тоже хотелось пройтись по Москве, которую она за всю свою жизнь так, по сути, и не видела. Три предыдущих посещения, когда со своим напарником они буквально «пасли» своих подопечных, были однотипными — гостиница и больница или госпиталь. Туда и обратно. Днём и ночью контроль. Так что в другое время она с удовольствием отозвалась бы на предложение Антона, но не сейчас, когда она и Миша отвечали своими жизнями за здоровье и безопасность двойняшек. С теми было интересно, в тоже время и трудно до невозможности. Постоянные внеплановые поездки, когда очень сложно просчитать вероятность нападения посторонних лиц, эти совещания и заседания, куда охрану почти никогда не пускали...

Светлана села в кресло и закрыла глаза, пытаясь успокоиться и настроить себя на позитивный лад.

— *«Чёрт с ним, прорвёмся, — она пыталась себя убедить. — В конце концов, Москва — это не Лондон и Париж. Это НАШ город, к тому же полиция имеется, да и кнопка вызова спецгруппы всегда на поясе. А на сигнал тревоги мгновенно отреагируют не только сотрудники ФСБ, но и Братсва. И неизвестно кто поснеет быстрее»...*

Входная дверь внезапно резко открылась, и в помещение стремительно влетел

подполковник в форме, вот только в петлицах у него были не примелькавшиеся медицинские символы, а крылышки.

— Девочка, — было видно, что офицер то ли бежал, то ли шёл быстрым шагом, так как его лицо было покрыто потом, — где эти два уникама-филера?

— Во-первых, я Вам не девочка, — Светлана сразу после появления офицера нажала кнопку включения видеофиксации и встала с кресла, закипая от раздражения. — Во-вторых, не филера. Если не понимаете смысла слов, то лучше непонятное не произносить — это не показывает Вашу эрудицию, да и вообще... В-третьих — почему Вы без халата и без бахил? В-четвёртых — какого лешего Вы влетаете без приглашения в служебный кабинет?

Подполковник стал покрываться пятнами.

— Ты, мелочь пузатая, как смеешь со мной так разговаривать, а? Ты откуда вообще здесь взялась? Да и кто ты, что бы задавать мне умные вопросы? Делай, что я тебе говорю, иначе... Ты знаешь кто я такой?

— Раз офицер такого ранга смеет меня называть на ты, хамит и нарывается на неприятности, перейду на более понятный для него язык. Слышь, сапог, не борзей. Мне по хрен кто ты такой, ясно? Испарился из кабинета и нашёл положенную одежду для нахождения в медицинском учреждении. Чё? Не вошло? Брысь отсюда пока я добрая. Даю минуту для понимания моих слов. Время пошло.

— Да ты... Да я... — подполковник рванул галстук и воротник форменной рубашки. — Да я тебя с дерьмом смешаю. — Он сделал шаг по направлению к девушке и протянул руки вперёд. — Быстро сделала, что я тебе сказал, иначе...

— Подполковник, возьми себя в руки. — Светлана, кажется, только сейчас пришла в нормальное состояние и уже наслаждалась ситуацией. — Не позорь погоны Российской армии и не оскорбляй сотрудника Федеральной службы безопасности при исполнении им служебных обязанностей. Если ты прикоснёшься ко мне хоть одной, хоть двумя руками — я их тебе сломаю, поверь. А потом сорву твои погоны и заставлю их сожрать. Вошло в твою тупую башку?

— Какая на х... ФСБ? Ты, курица мокрая, не доросла меня пугать...

Светлана медленно, словно издеваясь (хотя почему словно... именно издеваясь), из кармана белого халата достала удостоверение и, раскрыв, буквально ткнула им в лицо подполковника.

— Читать научился за свою жизнь? Или кроме устава вместо букваря ничего в жизни так и не прочитал? Буквы сможешь разобрать? Ну хотя бы по слогам прочти, я подожду.

Подполковник, покрасневший словно помидор, отшатнулся от удостоверения и, пытаясь разобрать написанное, старался сфокусировать взгляд на тексте, но у него ничего не получалось.

Светлана, видя состояние офицера, вместо слов сделала шаг в сторону и, налив в стакан воды, протянула его перед собой.

— Выпей, подполковник, иначе инсульт или инфаркт получишь. Это тебе говорит медик. Плохо ты выглядишь, да и реакция на раздражение у тебя обострённая.

Офицер схватил в руки стакан и, стуча по нему зубами, стал лихорадочно глотать воду.

Светлана между тем, повернув к себе удостоверение, прочла вслух.

— Федеральная служба безопасности. Старший лейтенант Морозова Светлана Викторовна. Номер тебе сказать, подполковник? Не надо? Вот и хорошо. Так вот. В данное время и в данном месте выполняю свои служебные обязанности. И мне НИКТО не смеет и

данном месте НИЧЕГО приказывать. Ясно? Тем более оскорблять и унижать. Надеюсь, что этот день Вам, господин подполковник, станет уроком на всю Вашу оставшуюся жизнь. Кстати, для информации. В данный момент ведётся видео и аудиофиксация всего происходящего в помещении с двух камер. Копии этих файлов будут приложены к рапорту Вашему руководителю.

Когда до офицера дошёл смысл слов Светланы, тот стал стремительно бледнеть. Из его рук выпал стакан, благо, что не разбился, а сам мужчина схватился за край столика что бы не упасть.

— Что, дошло наконец? — с каменным выражением на лице спросила девушка. — Сначала успокойтесь и приведите себя в нормальное состояние, а потом начните сначала. Спокойно, уважительно и только по делу. Я подожду.

Через пару минут подполковник пришёл более-менее в себя и, заикаясь, произнёс.

— Я чего... Меня... Мне приказали привести этих... ну... врачей молодых, которые недавно показывали свои умения... Вот...

— Куда привести? — задала вопрос Светлана.

— В кабинет начальника госпиталя... ик... — смутился офицер. — Там их... ик... ждут...

— Кто ждёт?

— Так начальник... ик... госпиталя и двое... ик... профессоров и... ик... из Бурденко представитель.

— Подполковник. Возьмите себя в руки и отвечайте как положено офицеру. Вы сейчас больше напоминаете перепившего алкаша. Будьте мужиком в конце концов!

Офицер выпрямился и встал чуть ли не по стойке смирно. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, открыл, было, рот для ответа, но девушка его опередила.

— Перед тем как начать, представьтесь, наконец, а то как-то непривычно общаться со старшим офицером, который сохраняет инкогнито.

— Кого охраняет? — подполковник явно не расслышал последние слова Светланы, почему и переспросил, на что девушка, давя в себе истерический смех, сквозь зубы произнесла.

— Проехали. И так...

— Подполковник Кузнецов, начальник хозяйственной службы госпиталя. В данный момент исполняю обязанности заместителя главврача.

— Не поняла, — сдвинув брови, переспросила Светлана. — С каких пор хозяйственник, то есть завхоз по-простому, исполняет обязанности заместителя главврача? Вы медик по образованию?

— Ни как нет, я лётчик, — браво отрапортовал офицер и добавил уже тише. — Комиссован по ранению. Здесь лежал почти полгода и комиссию проходил. Списали подчистую. А главврач мне предложил место при госпитале. Я и согласился. Мне ещё до срока два года. А на гражданку... Нет, не смогу я так.

— Как зовут хоть?

— Андрей Николаевич, — совсем смутился подполковник и посмотрел жалостливо на девушку. — Светлана, Вы простите уж дурака. Сорвался, сам понимаю. У меня всё неладится в последнее время. На работе ещё ничего, а вот дома... Вчера жена перед моим уходом на службу заявила, что подаёт на развод. Хочет уехать к своей матери и забирает детей. Все прошедшие годы всё её устраивало, а тут вдруг выяснилось, что не могу содержать семью как

подобаает, поэтому... А я без детей... Это мои радость и счастье. И что останется? Да ничего, хоть вешайся...

— Сочувствую, Андрей Николаевич, — голос Светланы помягчел. — Тем не менее, старайтесь разделять свою личную жизнь и службу. Если сможете, конечно, а это необходимо сделать — Вам же станет легче. И проблем на службе будет меньше, да и в личном плане, я уверена, наладится. Нельзя киснуть и бросаться на всех, словно люди вокруг виновны в Ваших личных неприятностях. Вам лет сорок пять, да? К чему эти мысли про петлю? Вы ещё мужчина видный. Поверьте, что и на Вашей улице будет праздник. Просто поверьте в чудо и оно обязательно случится.

В этот момент дверь кабинета открылась, и появились Антон с сестрой и генерал. Молодой человек посмотрел на Светлану с укоризной, а Арина, коснувшись локтя подполковника, заставила того вздрогнуть и повернуться к девушке.

— Подполковник, ведите, коль за нами приши, а то мы здесь как котята — заблудимся, будем плакать от безысходности, а потом Вы, всем госпиталем, будете нас искать. Представьте картину, что все больные буюез исключения— кто на костылях, кто на протезах, будут бродить по госпиталю и нас звать по именам... А это, поверьте, картинка ещё хуже, чем мы бы не явились в кабинет Вашего руководства.

Подполковник посмотрел на Антона и непроизвольно улыбнулся, представив нарисованную картину.

— Да, — он согласно кивнул. — У нас заблудиться, это как два пальца... простите, это просто сделать. Я только через полгода смог безошибочно найти входы-выходы в помещениях. А если бы Вы видели наши подвалы и бомбоубежище, так вообще...

— Вот поэтому и пойдём. Уверен, что нас уже заждались, — Арина повисла на локте подполковника и так на него посмотрела, что мужчина смутился и, аккуратно освободив руку, привёл в нормальное состояние свою одежду.

— Прошу следовать за мной, — офицер буквально на глазах преобразился и сейчас это был совсем иной человек — вместо тюфяка и хама явился перед глазами образцовый и галантный мужчина, соответствующий своему званию.

— Секундочку ещё, — попросил Антон и протянул руку генералу, прощаясь с ним.

— Александр Александрович. Мы с Вами прощаемся, но, вполне возможно, что ещё увидимся. Здоровья Вам и, пожалуйста, несмотря на более хорошее состояние, прекратите вбивать головой в пол своих учеников. А то и Вам после этого плохо, да и нам лишняя работа. Договорились?

— Постараюсь, — генерал сконфузился и неловко пожал протянутую руку. — Да, увидите отца, привет ему передавайте от меня, а также благодарность за ТАКИХ детей. Где он сейчас, если не секрет?

— Товарищ генерал, — с укором протянул Антон. — Вы же наверняка сами пытались узнать где служит наш папа. Не удалось? Вот. И мы не можем Вам сказать, уж простите. Сами понимаете — служба...

— ...есть служба, — улыбнулся Александр Александрович и, обняв Антона и поцеловав по очереди Арину и Светлану, бодрячком вышел в коридор.

— Чудны дела твои, Господи, — пробомотал тихо подполковник, глядя вслед генералу. — Я ведь его видел с час назад, когда тот направлялся к Вам на приём. Еле шёл, прямо скажем, а сейчас...

— Ну... мы не Господи и не дети Его, — ехидно проворковала Арина. — Хотя и сами

умеет кое-что, Господу неведомое. Правда, Господь не наш повелитель, так что мы не будем равняться на него. Он сам по себе, а мы сами... уж какнибудь. Ведите нас, подполковник, и пусть наш путь будет усыпан розами, а не шипами. И вообще, уважаемый, не вспоминайте ЕГО всуе. Это Вам добрый совет. Лучше чаще вспоминайте своих родителей и предков. Славьте их за своё существование на этой земле. Поверьте, от этого будет больше пользы. Как Вам лично, так и Вашим близким. Да и усопшим тоже.

Москва. Военный госпиталь.

Выйдя в коридор, Светлана замкнула кабинет и, дастав личную печатьку, протянув шнурок через скобы дверей, опечатала кабинет.

Подполковник с удивлением смотрел на эти действия.

— Простите, но зачем такие предосторожности? Здесь круглосуточная охрана, притом госпиталь — режимный объект. Здесь Вашим оборудованию и вещам ничего не грозит.

Светлана, закончив с дверью, внимательным взглядом посмотрела на офицера.

— Подождите меня, пожалуйста, пять минут — схожу на пульт — пусть поставят на охрану наше помещение. Когда вернусь — отвечу на Ваш вопрос, Андрей Николаевич.

Девушка обернулась быстро и, словно всё время никуда не отлучалась, подойдя вплотную к офицеру и, зажав пальцами пуговицу его мундира, вкрадчиво спросила.

— Вы, насколько я поняла, не в курсе того, что аппаратура, которой мы пользуемся, привезена из Питера. Так? Так. А знаете ли Вы сколько она стоит? Вряд ли знаете. Тогда поясню — вся наша электроника застрахована от повреждения, порчи, хищения или других действий третьими лицами в сто миллионов рублей. Впечатляет? Так вот. В договоре, что был подписан Вашей организацией с представителем ЗАО «Братство», есть такой пункт, что в случае хищения или порчи аппаратуры в госпитале на время работы командированных врачей, именно ВАША организация, то есть госпиталь или, в другом случае, Министерство обороны России, гарантирует возмещение полной стоимости оборудования плюс дополнительную страховую премию в размере 30 процентов сверх стоимости базовой страховки. Итого 130 миллионов. Поверьте, случись что — с Вашей организации вытрясут эти деньги за пару дней. А вот кто окажется виновным, то, думаю, можете сами догадаться.

Подполковник побледнел, понимая, что именно он, случись что, и станет крайним...

— И что Вы предлагаете? — еле слышно спросил подполковник у молодых людей.

— Если хотите перестраховаться — поставьте здесь круглосуточно пост, — посоветовала Света. — К тому же завтра последний день нашего контракта и вечером аппаратуру увезут транспортом дружественной компании. Конечно же, всё будет проверяться перед погрузкой представителями как с Вашей, так и с нашей сторон. Проверяться как на работоспособность, так и возможные посторонние закладки. Я не имею в виду лично Вас, а других людей, которые захотят получить доступ к уникальной аппаратуре. Предупреждаю — в обеих стойках стоят противодиверсионные закладки, которые среагируют на малейшее вмешательство посторонних лиц. А аппаратная разработка предусматривает полное стирание всех программных файлов, тем самым злоумышленникам останется лишь голое железо, правда и оно имеет высокую цену. Так что задумайтесь над своим спокойствием и примите меры.

Подполковник Кузнецов нервно хихикнул и задал, на его взгляд, провокационный вопрос.

— И что, это оборудование в самом деле такое уникальное, что стоимость железа больше ста миллионов?

— Оно уникально само по себе, так как разрабатывалось на протяжении не одного года под конкретные задачи. К тому же, пока не завершена сертификация и не поданы документы на патенты, это «железо», как вы сказали, вообще не имеет цены. Всё, вижу, что Вы

прониклись и на этом закончим. Пойдёмте, наконец, к тем, кто нас отвлекает от заслуженного отдыха.

Вскоре четыре человека зашли в приёмную, но тут снова случилась «авария», т. к. секретарь главврача, как представилась дородная тётка, не захотела пропускать в кабинет молодых людей, считая их «приблудами, авантюристами, нахлебниками и внебрачными детьми неизвестно кого-го там...»

Подполковник вначале пытался спокойно втолковать этой мегере, что именно они и есть врачи из славного города на Неве, но «мадам» вошла в режим «непущуникого» и чуть ли не своей тушей встала перед кабинетом.

Антон, пару минут наблюдая за данной сценкой, попытался шутить, но вскоре умолк. Арина же с удивлением наблюдала за разъярённой дамой, а Света, зевнув, предложила вообще всем ехать домой, так как данное время не оплачивается контрактом и является их личным. Тем не менее, она, в особо острые моменты дискуссии, включала свой смартфон и записывала то, что происходило.

Ещё минут через пять Антон не выдержал и, взяв за руку сестру, кивнул Свете на выход и они незамедлительно для оставшихся «телепортировались» из приёмной, оставив подполковника дальше ругаться с секретаршей (или кто она там была на самом деле).

Выйдя, и плотно притворив дверь, молодые люди остановились у входа, привыкая к тишине. В ушах звенело, настолько было тихо после того ора, от которого они сбежали.

По коридору спешили по своим делам врачи, медсёстры и никому не было дела до трёх молодых людей, которые с улыбками смотрели друг на друга.

— Молодёжь, помощь нужна? — внезапно из спешащего потока «вывалился» пожилой врач и, сделав шаг, вполную подошёл к двойняшкам и Светлане. — Смотрю, Вы заблудились. Кстати, я был на демонстрации Ваших способностей — впечатляет. Не поверите — все, кто там присутствовал, получили когнитивный диссонанс. Невероятность виденного, подтверждённая электроникой... и неверие в то, что видели собственные глаза. Это и волшебство и нереальность. Вот не поверите, хожу как мешком по голове ударенный — не укладывается в голове и всё тут.

— Алексей Никанорович, — Антон прочёл на бейджике имя отчество, опустив при обращении звание (профессор, член-корреспондент Академии наук) и с уважением обратился к врачу. — Всё, что мы продемонстрировали, это далеко не предел наших возможностей, хотя поверю Вам, много необычного и выглядит странно. Но мы и есть необычные, хотя и не уникамы. Так что поверьте — всё, что Вы там наблюдали — реальность.

— Вы биоэнергеты? Так, кажется, называют людей, кто лечит руками?

— Не совсем точно постановка вопроса. В названии уже и скрывается суть процесса. Руки — это лишь проводники нашей энергии, точнее, сочетание электромагнитного и биополей, а более плотный контакт с телом пациента усиливает передачу нашей энергии. Мы, конечно, можем и не использовать руки, но коэффициент воздействия резко падает. Простите, но это долгий разговор на дни, а не на часы или минуты. Если появится желание и будете в Питере — приходите к нам, посмотрите на работу не через стекло, а будучи рядом. Согласны?

Профессор аж вспеснул руками от такого предложения.

— Конечно-конечно. Неприменно буду у вас при оказии. Это настолько необычно, что на Вашей практике можно написать не одну диссертацию. Кстати, молодые люди, а как Вы

относиться к научной стезе?

Антон с сестрой переглянулись и заулыбались.

— Пока никак, — Арина мило посмотрела на врача и задала совсем неожиданный для того вопрос. — Простите, что перепрыгиваю с темы на тему, но не сочтите за труд объяснить нам — кто находится в приёмной у главврача госпиталя? Эта дама так громко орёт, простите, кричит...

Профессор приоткрыл дверь, хотя и в коридоре был слышен непрkraщающийся ор, и сразу же медленно притворил дверь. Улыбнувшись, посмотрел на молодых людей.

— Это ОНА не кричит, а разговаривает. Я в этом госпитале часто бываю и знаю почти всех. Алевтина Ивановна — старшая сестра-хозяйка. Она работает здесь уже больше сорока лет и считает себя главной. Да, она ветеран и больше неё никто здесь не работает. Женщина умная и держит всё в образцовом порядке. По секрету скажу, что и в самом деле на ней держится если не всё, то многое. Она ведь начала много лет обычной сиделкой. Потом медучилище и институт. Ей предлагали работу по специальности, но она...

— Всё это, конечно, интересно, — улыбнулся Антон. — Но почему, в данном случае, на её крики никто не вышел из кабинета главврача? А там, между прочим, нас ждут.

— Да не реагируют на шум, привыкли уже. К тому же, скорее всего, те люди, которые Вас ждут, перешли в комнату отдыха для более спокойного разговора, а это почти две пары дверей. Хотите, я Вам помогу пройти в кабинет? Кстати, с кем она так спорит?

— Вы называете это «спорит»? — чуть не захохотал в голос Антон. — Нас провожал подполковник Кузнецов, местный хозяйственник.

— Кузнецов? Ну, тогда я не стану вмешиваться, уж извините, — профессор смутился и, второпях пожав руку Антона, довольно забавно ускорил шаг, временами переходя на полубег.

— Да, — протянула Арина. — Лишнее подтверждение, что в любой фирме самый главный человек — уборщица. Вот и этот членкор позорно сбежал, даже не поинтересовавшись где мы базируемся в Питере.

— Рин, — возразил Антон, — Для такого человека не проблема нас отыскать. Другой вопрос, сможем ли мы его принять подобающим образом...

— Ребята, пошли вниз, — произнесла Светлана, подталкивая Арину и Антона. — Если уж академик боится спорить с сестрой-хозяйкой, то нам тем более нужно отсюда «линять».

Уже спустившись на первый этаж и подойдя к проходной, Светлана вдруг остановилась.

— Антон, Арина, — она с каким-то чувством вины посмотрела на двойняшек. — Вы подождите меня во дворике у проходной, очень прошу. Я всё же вернусь и постараюсь помочь подполковнику — сброшу ему на телефон те видеофайлы, что записала. Это ему хоть немного, но должно помочь оправдаться перед руководством. Жалко мне его, если честно. На меня орал как бешеный, а вот перед этой бабёнкой спасовал... Видать знает, кто она и кому кем приходится. Я быстро, честно. Только не подведите меня и не уходите никуда — сами знаете, что мне влетит по первое число, если с Вами что случится.

— Свет, — Антон усмехнулся, — поступай как считаешь нужным, а я с сестрой подожду тебя в кафе госпиталя. Оно вроде, как и в здании, но уже за проходной. Так что не беспокойся и действуй.

Девушка умчалась по коридору, а брат с сестрой в обнимку прошли пару десятков метров и, зайдя в помещение кафе, сели за свободный столик.

— Морожку будешь, сладкоежка? — спросил Антон и чмокнул сестру в нос.

— И я тебя люблю больше жизни, — улынулась Арина. — Чего ты спрашиваешь? Конечно буду. Да, и для Светы возьми — она тоже любит сладкое, хотя на людях воротит нос. Знал бы ты как она постоянно воюет сама с собой.

— Бойтся расползеть? — хмыкнул Антон.

— Не. Это битва добра и зла в конкретном человеке. Света ещё с теми тараканами в голове. Ты разве не знал? Что они решат — так хозяйка и поступает. А что? Их много, а она одна. Ведь нет рядом никого, кто осмелится бы подсунуть дихлофос. Её жалеют и за неё переживают, но тараканов тех боятся. И знаешь почему?

— Почему?

— Да потому, что думают — нельзя исключить возможность миграции. Представь себе её мужа в будущем. Нормальный и тихий подкаблучник, а другой со Светкой в принципе жить не сможет. Умный такой, скорее всего какой-нибудь учёный в очках с толстыми линзами.... И, однажды ночью, партия тараканов, узнав о свободной «хате», решает переселиться. А потом??? Представлешь дом, где одновременно живут ДВЕ Светланы, к тому же один из них уже Светлан!!! Робость и послушность у Светлана уходит под настоящим требованием большинства в голове. Характер меняется и... Борьба за лидерство в доме и жизни. Борьба насмерть, как завещал прародитель тараканов — Великий Отец Таракан, сокращённо — «ВОТ». Кстати, если услышь, что Света говорит «Вот», беги от неё как можно дальше. Это зов хозяев её головы — тараканов. Не забывай мои слова — тараканы в голове — это заразно и навсегда.

Антон еле сдерживался, чтобы не захохотать в голос, но его сестричка была настолько серьёзна, когда говорила, что становилось непонятно — то ли она «стебётся», то ли сама верит в то, что говорит.

— *«Кстати, братик. Ты заметил, что нас «пасут»? Слева мужичок лет пятидесяти явно пишет звук, а для всех вроде как читает текст на смартфоне. А вот у двери вообще интересный тип. Если бы не встречала подобных, то подумала, что он просто про себя шевелит губами, а по факту — считывает по губам наш разговор и дублирует произнесённые слова на диктофон. Будем отрываться?»*

— *«Котён. Всё под контролем. Ты у меня умница, что не забываешь контролировать обстановку. Но эти господа не по нашу душу. Точнее, они явно дублируют Свету. Нет у них агрессии, да и ведут себя как-то лениво — отбывают рабочее время, да и эмоциональный фон у них не выше нормы».*

— *«Тошка. А что ты решил со Светой? Когда откроемся? Я, если честно, устала лицедействовать. Целыми днями все вместе, а меня уже начинает тошнить от неё».*

— *«Сегодня. Меня сцена с подполковником вывела из себя. Ты обратила внимание как она сама спровоцировала чуть ли не на пустом месте офицера, а потом нахамила ему и вывернула всё так, что только тот оказался виновным. Да, я не отрицаю хамство подполковника, но можно было сразу всё перевести в стандартный рабочий разговор, а не доводить до крика. К тому же Светлана сразу же включила видеозапись. Не знал бы, что это случайность — подумал, что хорошая постановка. Кстати, малыш. Сегодня была крайняя капля. А вчера эта стервочка пыталась меня затащить в постель под предлогом массажа. И, судя по всему, была очень разгневана резким отказом».*

— *«А зря. Девушка она фигуристая, всё при ней. Расслабился бы и получил удовольствие. Только вот...»*

— *«Именно что вот. Мама сколько раз упоминала, что бы мы не разбрасывали*

биоматериал по сторонам. А эта красна девица явно не по своему желанию действовала, да и как подумаю, сколько ТАМ было до меня... Давай закончим эту тему. Мне, если честно, она последние дни омерзительна, но приходится играть до последнего. Так что прошу тебя — сама первой не открывайся. Мне кажется, что будет удобный повод, а неет — постараюсь его создать».

— «Кстати, братик. Я ведь не просто так тебе вслух рассказывала о тараканах. «ВОТ» — это закладка в мозгу Светланы. Ключ. Не знаю, кто был этим мозголом, что с ней работал в детстве, но ужас при виде тараканов у Светланы в подкорке навсегда».

— «Спасибо, милая. Информация верная?»

— «Да. Мне передали её из Братства перед самым нашим отъездом сюда».

— «Поэтому ты вслух и стала рассказывать о тараканах? Чтобы слом её психики при контроле со стороны был бы невинным и совершенно случайным?»

— «Я тебя люблю за твою сообразительность, половинка. А теперь только вслух, иначе две минуты тишины уже всполошили наших наблюдателей. Вспомни Аркашку из Меда. Мы тогда были близки к провалу как никогда».

— Ринка, я всё понял, — серьёзно ответил на монолог сестры Антон. — Скоро продолжишь, только подожди меня с минуту — я сейчас за мороженым схожу, а то здесь официантов, как понимаю, нет.

Отступление.

То, что два ребёнка чуть ли не с рождения научились общаться мысленно — в их семье, по большому счёту, никого не удивило. Мама не возражала, даже наоборот — всячески это поощряла, развивая детей, с годами и сама научившись «слышать» их. Только отец иногда обижался, когда видел переглядывавшихся детей, которые ничего не отвечали, а только хихикали.

Когда же им исполнилось по двенадцать, двойняшки вышли на новый уровень развития — научились проникать в разум друг друга, контролируя двигательные функции. По глупости захотели и ненадолго поменяться телами, но это чуть не закончилось фатально. После комы у обоих, дальнейшие эксперименты решили не проводить — достаточно было и достигнутого. Хотя и тот печальный случай что-то поменял в обоих — они стали чувствовать друг друга на большом расстоянии, да и мысленное общение стало более свободным, практически таким же, как и голосом.

В школе они именно так помогали друг другу на зачётах и экзаменах, когда один стоял у доски, а второй в этот момент читал текст по учебнику. Итог — красные дипломы об окончании. Опробировав методику, при поступлении в ВУЗ сразу поставили условие — быть в разных группах на потоке, т. к. в этом случае исключалось одновременная сдача экзаменов. И... было немало моментов, когда преподаватели не верили, что их студенты настолько дословно помнят учебники и методические пособия. А по факту... Один сидел в лаборатории или на кафедре, а второй, глядя в нужный текст, чужой рукой выписывал формулы и схемы. У Антона была неприязнь к химии, а у Арины — микробиология. Тем не менее, у обоих итоговые оценки были самыми высокими. Видя успеваемость и талант будущих врачей, им обоим предлагали остаться в институте для научной работы, но... у ребят были свои планы на дальнейшее, к тому же никто из преподавателей и сокурсников не имел понятия, что перед ними — одни из самых лучших диагностов страны. И только один единственный случай чуть не открыл тщательно скрываемую тайну.

На практике в детской поликлинике Антон, и ещё полтора десятка его сокурсников,

были прикреплены к разным врачам и выполняли роль скорее статистов, чем будущих врачей. В тот день один из учатковых заболел и «осиротевшего» сокурсника Аркадия, чернявого и высоченного, словно жердь, парня, прикрепили в пару к Антону. Врач, которая была у них наставником, меланхоличная дама лет сорока, выполняла свои обязанности чётко по методичке, которую привезла после курсов повышения квалификации. И сразу после знакомства со своим подопечным, сунула Антону в руки тонкую брошюру, заставив чуть ли не выучить наизусть. Он, естественно, прочёл эту брошюру (и не один раз) от корки до корки, но изложение и содержание были настолько казёнными, что он не вытерпел и высказал своё мнение куратору. Та дама посмотрела на него словно на пустое место и высказалась, мол, «когда сможешь написать что-то подобное, тогда и поговорим. А эти методички писали люди заслуженные и с огромным опытом».

И надо же было такому случиться, что в составе комиссии, что внезапно нагрянула в поликлинику, был один из тех, кто являлся составителем вышеупомянутой литературы.

И, уж так совсем сошлись звёзды, что в кабинет во время приёма, зашла пара проверяющих. Они сели в сторонке и смотрели на процесс осмотра очередного ребёнка. Всё бы ничего, но врачиха решила «блеснуть» мастерством и наставничеством, назначив проводить осмотр двух студентов.

Антон, как диагност, уже имел перед собой почти полную картину случившегося с ребёнком, а вот Аркадий «потерялся» — что-то нёс невнятное, показав себя отнюдь не с лучшей стороны. Один из проверяющих не выдержал и, попросив передать ему историю болезни, быстро пролистав, подошёл к ребёнку. Пощупал его, послушал. Задал пару вопросов матери, которая находилась здесь же и, фыркнув, изрёк.

— У ребёнка ярко выраженное ОРВИ, но ни как не пневмония, определённая участковым врачом. Почему нет снимков, почему заразный ребёнок не дома, а на приёме?

Врач поликлиники умоляюще смотрела на маму малыша, одного желая, что бы та высказала свою инициативу её защите, но не тут тот было. Молодая мама не стала ничего скрывать.

— Я сюда хожу чуть ли не через день. И что? Снимков нет, потому что аппарат сломан. Физиотерапию не назначили. Результат анализов ждём третий день. А малышу всё хуже и хуже. Коль Вы такие светила, что приехали проверять эту поликлинику, так помогите определить болезнь у ребёнка! Если хотите денег, так я не могу их дать — я мать-одиночка, живу, сводя концы с концами.

Все остобенели от таких слов, а Антон, словно его пихнул кто, встал со стула и, подойдя к молодой маме, аккуратно взял из рук ребёнка и прижал к своей груди — ему был необходим плотный контакт как никогда. Через секунду окончательно понял, что всё не так хорошо с малышом и задал куратору вопрос.

— Какой номер кабинета, в котором мы находимся?

Та, с удивлением смотря на практиканта, выдавила — «202».

Антон же мысленно попросил сестру как можно быстрее прийти к нему на помощь.

Через минуту в комнату ворвалась Арина и, смотря в глаза брату, невольно подошла ближе, также прикоснувшись руками к малышу.

Прошла минута в полной тишине и, буквально оторвав от себя малыша, который уже не хныкал и не плакал, а радостно гукал, аккуратно вложил в руке маме, задав той вопрос.

— Что было в кроватке у малыша? Вспоминайте быстрее. Соски, колпачки от авторучек, пластиковые маленькие игрушки или ещё что?

— Молодой человек, — задал вопрос второй проверяющий. — А почему Вы столь рьяно и однозначно опровергаете диагноз участкового врача и ведущего специалиста городского Управления Минздрава?

— Да потому, уважаемый, не знаю как вас по имени отчеству, но диагноз поставлен неверно обоими — ребёнок проглотил что-то твёрдое и оно попало не в желудок, а в лёгкие. У малыша повышена температура, периодический кашель, затруднённое дыхание. Сейчас в лёгких скапливается мокрота. Все эти симптомы несведущий специалист может диагностировать как пневмонию, но отнюдь не простудное заболевание, о котором вспомнил Ваш коллега. При ОРВИ иные симптомы.

— Малыша необходимо доставить как можно быстрее в больницу и достать инородный предмет пока не началось воспаление, — продолжила Арина. — Время играет не последнюю роль.

— Я, между прочим, научный работник, отдавший полжизни лечению детей, — вспыхнул проверяющий. — Между прочим, та методичка, что лежит на Вашем стуле — моя работа и не стоит недоучке компроментировать кандидата наук. Тем более обвинять его в некомпетенции.

— Я никого не обвиняю и не дискредитирую, а лишь констатирую факт, что Ваш диагноз, как и лечащего врача — ошибочны.

Проверяющий вспыхнул, хотел было наговорить много лишних и обидных слов, но второй коллега мягко его остановил и задал вопрос по существу.

— Вы уверены в том, что в лёгких ребёнка инородный предмет или только предполагаете его наличие?

Антон посмотрел на сестру и оба в один голос ответили.

— Уверены.

— Хорошо, — чуть улыбнувшись, мужчина встал и потянул за собой коллегу в коридор.

В кабинете наступила тишина, прываемая только гуканьем и причмокиванием ребёнка, который продолжал вырываться из рук мамы, желая опять оказаться на руках Антона.

Молодая женщина с удивлением смотрела на стоящую посреди кабинета пару молодых людей, явно родственников, а потом дёрнулась.

— Ой, я вспомнила, — мамочка заволновалась. — Я пару дней не могу найти напёрсток. Сидела рядом со спящим сыном и... (она смутилась) зашивала свои спортивные брюки... Пояс порвался. — Женщина окончательно смутилась и замолчала, став краснеть.

Антон взглянул на сестру и та, положив руки на грудь ребёнка, через мгновение выпрямилась, с укором глядя на мамашу.

— Что же Вы так, а? Ведь все дети тянут в рот то, что рядом лежит.

Арина обернулась к брату и кивнула.

В этот момент в комнату зашли два врача, представившиеся работниками «скорой» и предложили маме с ребёнком проехать в больницу. Участковый врач, попросив своих подопечных не покидать кабинета, ушла провожать своего маленького пациента до машины.

— Вы что, экстрасенсы, что бы вот так, за минуту, определить наличие постороннего предмета в лёгких? — с прищуром глаз спросил Аркадий. — Тогда понятно, отчего Вам двоим так легко даётся обучение. Кстати, мне кажется, что вы и между собой можете мысленно переговариваться. Я прав?

Арина посмотрел с низу вверх на нескладного парня и, шагнув вперед, пальцем ткнула его в грудь.

— А ещё мы можем насыпать порчу на болтливых людей, гарантировать неожиданное расслабление желудка в самое неподходящее время...

— Временную слепоту и тремоляцию пальцев, — продолжил за сестрой Антон...

— Бессоницу и конъюктевит... — это уже Арина.

— Преждевременную подагру и недержание мочи...

— Импотенцию и никтофобию...

— СТОП!!! — чуть не криком прервал сыпавшиеся на него угрозы парень. — Всё. Я всё понял и осознал. Клянусь, что ничего никому не скажу, правда. КЛЯНУСЬ!!

— Хорошо, Аркаша. Мы твою клятву слышали оба и ПОКА ничего на тебя насыпать не будем. Но именно что ПОКА. Если хоть одному постороннему ты проговоришься, то получишь одну из тех проблем в организме, что мы перечислили. Тебе ясно? Узнаем, что узнали двое — две болезни. Трое? Соответственно получишь и страданий.

— Я. КЛЯНУСЬ. МОЛЧАТЬ!!!

— Мы поняли, а сейчас ждём нашу мадам. Интересно, что та скажет...

— Антон, — чуть замявшись, спросил парень, — а что это за «никтофобия»?

— Хреново ты учишься, брат. Это — боязнь темноты в любых проявлениях.

— Удивили, — хмыкнул Аркадий, — эта зараза у меня с детства, так что не страшно.

Брат с сестрой посмотрели друг на друга и... захохотали, а вскоре к ним присоединился и Аркаша.

Через день практикантам сообщили, что в больнице и в самом деле из лёгких ребёнка вытащили напёрсток. Малыш чувствует себя прекрасно...

Чуть позже выяснилось, что тот проверяющий, определивший ОРВи у ребёнка, на самом деле не практикующий врач, а функционер, всю свою жизнь проработавший в управлении Минздрава на различных должностях. Интересно, что тому даже никто ничего не высказал о профпригодности.

Благодарности за оперативно поставленный диагноз двойняшки не дождались. Более того, Антону единственному из всех за практику поставили четвёрку.

Аркадий до конца обучения молчал, лишь изредка кидая осторожные, а порой и пугливые взгляды на двойняшек...

* * *

Вернувшись к столику, молодой человек обнаружил рядом с сестрой Свету, которая что-то увлечённо рассказывала. Получив розетки с мороженым, девушки только кивнули в знак благодарности, не прерывая разговор. Антон попытался было вклиниться, на что его оборвали и тому ничего не осталось, как услышать финал повествования.

— Вообще, этого бедного подполковника так в кабинет и не пустили пока я не пришла. — Света в процессе рассказа уплетала мороженое (кажется, подсунь ей в тот момент какую-нибудь кашу, она ела бы с таким же аппетитом). — Я его вытащила в коридор чуть ли не за шиворот. Андрей Николаевич был в полной прострации, не понимая о чём ему толкую. Потом, правда, врубился и позвонил начальнику по телефону. Лично слышала, что главврач был в бешенстве, узнав, что мы не прошли в кабинет и, дословно, «самовольно покинули» госпиталь. Когда же сам выскочил в приёмную и увидел ту толстую бабу, что нам мешала пройти в кабинет, «сдулся» мгновенно, уже спокойным голосом поинтересовавшись у всех присутствующих почему приглашённые не попали на приём. Та тётка снова стала визжать во весь голос, только уже на самого главврача. Я шепнула подполковнику, что бы он вызволил своего шефа и вывел того в коридор. Вскоре главврач и в самом деле появился и,

уже в более спокойной обстановке, я продемонстрировала запись, когда мы все были в приёмной. Если честно, думала, что хозяин этого госпиталя как-то приструнит вопящую бабёнку, так нет — тот что-то пробурчал мне, типа «до завтра», вернувшись в кабинет. Подполковник довёл меня лично до проходной и с явным облегчением умчался по своим делам. Вот.

— Что «ВОТ»? — переспросил Антон.

— Ничего, просто вот, — не понимая, ответила Света.

— Подруга, твои тарканы бодрствуют или спят? — задумчиво поинтересовалась Арина.

— А что Вам до моих тараканов? — удивлённо задала вопрос Светлана. — Как по мне, так впали в спячку после сегодняшнего дня. Устали, умаялись.

— Но предка вспоминают, — не унималась Арина.

— Какого предка? О чём ты?

— Помнишь, ты мне сама рассказывала о тараканах и о их великом предке? И мистическом возгласе носителей — «ВОТ»! Ты же сама говорила, что когда тараканам плохо, они призывают предка — «Великого Отца Тараканов»?

— Рин, ты сейчас серьёзно или издеваешься? — смутилась девушка.

— Вижу, что не помнишь. А я напому. Прошлый год. Урал. Когда мы лежали в девичьем отсеке, и ты всем присутствующим рассказывала о себе и своих предках. В смысле людей, а не тараканов. Вспомнила?

Светлана нахмурилась, явно с трудом вспоминая события прошлого года.

— Что-то такое было, но я, ели честно, не помню в деталях, вот.

— Опять???

— Что опять?

— Светка, хватит нас за дураков держать, — всхлипнула Арина. — Не спят твои тараканы и в данный момент к своему предку зывают.

— Дураки Вы, ребята, и уши у Вас холодные. Любите издеваться над бедными и незащитными. Обижусь я на Вас и напишу рапорт, вот.

— ОПЯТЬ? — уже одновременно всхлипнули, еле сдерживаясь двойняшки. — Хватит, Светик. Не нужно призывать тараканов. У тебя свои, а у нас свои, родные. Как говорится — нам чужого добра не надо, но и...

— ... своих тарканов не отдадим, так, подколисты? — Света с улыбкой закончила спич Антона, больно ущипнув его за ухо. — Всё, разгильдяи, двигаем в гостиницу. Я, пока шла к Вам, заказала такси, скоро подъедет.

— А почему не на метро? — удивилась Арина. — Прогулялись бы неспеша по городу. Недалеко ведь.

— Домой вернётесь, вот и гуляйте где угодно и сколько угодно, — проворчала Светлана.

— Ага... — закончил за неё Антон, — под присмотром десятка охранников, которые будут позволять двигаться только тем путём, который они посчитают безопасным? Весело...

— Ребята, — уже серьёзно продолжила разговор Света. — Вы же умные и сами понимаете свою ценность для страны. Ведь такого тандема больше нет нигде в мире. Только у Вас получается вытаскивать безнадёжных людей с кромки, да и тех, кто уже шагнул за неё.

— Да понимаем это лучше тебя, Света, — мрачно проговорил Антон. — Только, согласись, это не та жизнь, которую мы желали с сестрой. Это жизнь, по сути, в клетке. Иногда я задаюсь вопросом — а надо ли столько сил и здоровья отдавать совершенно чужим

людям, не получая за это даже простой благодарности. Почему-то все считают, что мы обязаны жить для других, ради других и во имя других. И почему за все годы, что мы работаем на Государство, никто и никогда не задал НАМ вопрос. Простой человеческий вопрос — «Ребята, а что ВЫ хотите от этой жизни? В чём нуждаетесь и какие у ВАС цели? Чего ВЫ сами хотите добиться в своей жизни?» Знаешь, Светлана, больно от этого и странно что пользуются нашими способностями как заблагорассудится, а вот искренней благодарности, повторюсь, нет ни от кого. И вообще. Ставлю тебя перед фактом. Доложись своему руководству, что мы, после возвращения, уходим в отпуск. Что ты сделала такие круглые глаза? Мы после диплома три года работаем практически каждый день. Неужели не понятно, что и машины ломаются? А мы люди, живые люди, которым нужен отдых. И не там и тогда, когда этого захочет чья-то левая пятка, а именно тогда, когда мы сами пожелаем. Крепостное право уже давно отменено и никому мы, в принципе, не обязаны. Разве не так? Школу и обучение на Урале закончили сами, без всякой помощи. В институт поступили сами, хотя знаю, что нам мешали, желая, что бы мы закончили иное заведение. Удивлена? Так знай, что и мы обладаем связями и верными товарищами по жизни. Ты считаешь, что Миша и ты, приставленные к нам церберами, так или иначе стали самыми близкими друзьями, с которыми душа нараспашку? Нет, Света, не стали. Вы хорошие товарищи и надёжные помощники, но, не обижайся, близкими друзьями Вам не стать никогда. А знаешь почему? Да потому, что Вашу работу и так называемую дружбу оплачивает государство. Вот так вот. Не думала, аналитик Высшей категории с двухзначным личным номером, что мы можем посмотреть на всю ситуацию именно этой стороны?

— Откуда у тебя данные обо мне? — нахмурилась Светлана, услышав последние слова Антона. — Это же закрытая информация, о которой знают не более десяти человек?

— Ошибаешься, «подружка», — усмехнулась Арина. — Знают многие, только не хотят афишировать. Не боятся тебя, отнюдь. Скорее жалеют.

— Жалеют? — вскинулась девушка, а потом тон чуть приглушила. — И с каких пор Вы знаете?

— Да почти с самого твоего появления, Света, около себя. Кстати, может тебя стоит называть Ритой, Маргаритой Семёновой? Чего ты стыдишься своего имени и фамилии? Они не самые плохие в нашей стране.

— Откуда? — Светлана буквально захлебнулась. — Это же...

— Информация под грифом «Совершенно секретно», так? — Антон улыбнулся и, протянув руку, похлопал по руке девушки. — Не трусь. Вот этой информацией обладает вообще ограниченное число людей в стране и дальше них ничего не утечёт. Скажу больше — за тобой наблюдали многие годы, с самого поступления в так называемую «школу», где из тихой невзрачной девчушки создали то, что сейчас находится рядом с нами. Радует одно, что ты не продалась и считаешь себя патриотом государства. А вот мы — патриоты своей Родины. Ты не глупая и поймёшь разницу. Ладно, закончили играть в разведчиков и диверсантов. Скажу одно — передавать или нет полностью состоявшийся разговор своему начальству — твоё право. Но повторю — наше решение об отпуске не подлежит никакому обсуждению. В ином случае мы просто оставляем работу и живём так, как хотим. Без помощи Государства, но и надзора за собой не потеряем. Будем действовать жёстко и на грани... Хотите войны? Будет Вам война. А на войне, как известно, все средства хороши для достижения своих целей. И ещё. Передай своим, что на Запад мы не сбежим — мы патриоты и любим свою Отчизну. Не государство, а именно, повторюсь, Родину. Теперь второе, коль

мы расставили всё по местам. Контракта или письменного договора, подчёркиваю, ПИСЬМЕННОГО, у нас ни с одной государственной организацией нет, только трудовые книжки, которые находятся в нами же организованном ЗАО. Зарплаты у нас ты сама знаешь какие — просто смешны по нынешним меркам, потому что мы сэкономили на всём, что бы быстрее отдать долги. Кредит в банке мы закрыли ещё полгода назад, и на данный момент у нас нет никаких долгов и обязательств ни перед кем. Так же знаю, что пациентов к нам поставляют после согласования в верхах, а для простых людей к нам вход закрыт. К чему я веду? К тому, что за те три года, что мы отработали практически бесплатно на государство, мы полностью вылатили затраты на обучение в ВУЗе, даже с лихвой. Следующее. За три года, как я упомянул, мы не были в отпуске ни дня, поэтому будем считать, что у нас накопилось минимум 84 календарных дня, то есть почти три месяца. Их мы отгуляем без дробления. Где и как проведём отпуск — наше личное дело и, потчerkну, без охраны со стороны государства. Дальше. Затра у нас встреча с представителями зарубежных клиник. Я уверен, что нам будут предлагать переехать к ним работать, предложив фантастические гонорары и гарантируя любые условия, которые мы можем выдвинуть. Естественно, что мы в любом случае пошлём их нахрен, но вот возможную зарплату хочу услышать лично. Исходя из этой суммы мы и будем оценивать свою дальнейшую деятельность.

— Вам у нас никто не будет платить такие деньги, — с уверенностью возразила Светлана.

— Не говори того, о чём не имеешь представления, — с нескрываемым презрением ответила Арина. — Ты даже не догадываешься какие деньги нам предлагали за лечение.

— Иностранцы? — вскинулась Света. — А как же Ваш нескрываемый патриотизм? Мол, только свои, родные, русские...

— Судя по твоей реплике и тону, Светлана, — ухмыльнулся Антон, — я раньше времени тебя причислил к патриотам. Что же, значит вовремя возник сегодняшний разговор. Мы своих мнений, в отличие от других людей, не меняем и не изменим никогда. Так и передай своим. Я знаю, что ты постоянно пишешь на диктофон наши разговоры и пересылаешь их руководству. Так вот. Чтобы не было искажения фактов, подтверждаю, что и сестра и я не сбегут за границу и не предадут Родину. По поводу дальнейших условий труда разговор состоится после нашего отпуска. Если состоится вообще.

— То есть? — Светлана не поняла последней фразы.

— Что было сказано. — Антон потянулся за столом так, что его тело хрустнуло. — Мы вообще можем никогда не возобновлять то, чем занимались. Или, к примеру, продадим клинику, а она наша собственность, и станем индивидуальными предпринимателями. Будем ездить по стране и лечить людей. Кто нам это запретит? Никто. А более верный вариант — так вообще уйдём в Братство, а оттуда, как всем известно, нас не выдадут.

— А о судьбе отца не подумали? — использовав запрещённый ход как последний шанс, спросила Света.

— О судьбе папы? — переспросила Арина. — Так если он будет дома с мамой — для нас это станет лучшим результатом сегодняшнего разговора. Кстати. Для всех, кто будет слышать эту запись. Если с отцом что-нибудь случится, мы пойдём до конца. Найдём не только исполнителей, но и тех, кто, так или иначе, будет причастен к событиям. Поверьте, мы умеем не только лечить...

Арина откинулась на спинку стула и посмотрела Светлане в глаза. Та, через секунду, схватилась за горло, пытаясь сделать хоть один вздох. Её лицо сначала покраснело, потом

стало резко бледнеть и... в ту же секунду невидимая рука, что сжимала мёртвой хваткой её горло, исчезла.

Девушка рядом с двойняшками сидела, боясь шевельнуться, пытаясь мелкими нервными вздохами наполнить лёгкие, но уже через пару минут успокоилась и стала дышать нормально.

— *«Тош. Ты смотри. Нас уже откровенно снимают, да и эту дурочку тоже. ЭТА... чуть не подохла, а её коллеги... ни шагу не сделали, что бы помочь. Страна волков...»*

— *«Да, я тоже обратил внимание. В такой стране живём, сестрёнка, и с такими людьми общаемся. Среди зверей и то больше понимания и взаимовыручки. Странно и страшно... Ринушка, больше ничего не предпринимай, прошу тебя. Уверен, что твоя демонстрация сегодня же ляжет на стол их руководства».*

— *«А ты не думаешь, что нас теперь не будут рассматривать в качестве возможных киллеров?»*

— *«Успокойся, милая. Не будут, потому что сами руководители и их «хозяева» будут бояться наших возможностей, а они на лицо, точнее, на лице нашей «подруги». Ты, кстати, чуть не пережала. До необратимой асфиксии оставалось не более трёх секунд».*

— *«Я считала (хихикнула девушка). Сердце у неё здоровое, подумала, придушила слегка...»*

— *«А если бы ошиблась? Ранимация в кафе при госпитале??? Это уже как в кино. Так... Наши «друзья» расслабились окончательно. Давай двигать к дому. Им и так сегодня писать и писать отчёты до утра».*

--

Ну что, пришла в себя? Тогда сделай лицо попроще и пойдём на улицу. Кстати, Миша в курсе тебя?

— Нет, — буркнула Светлана, — он сам по себе, рядовой исполнитель.

— Ясно, — криво улыбнулся Антон. — Тогда вот что, уникальная ты наша. Перед тобой ставлю задачу — приготовить с утра технику к транспортировке и присутствовать неотрывно рядом с грузом до прибытия на место. Там вновь проверишь работоспособность и можешь бежать отчитываться перед хозяевами. Завтра с нами Михаил. Он же будет сопровождать до дома. Вопросы есть?

— А как же последний пациент завтра? — удивлённо спросила Светлана.

— Милая, — Арина посмотрела с удивлением на девушку. — Ты так и не поняла до сих пор, что техника нам, по факту, не нужна. Эта аппаратура лишь доказывает посторонним людям, что мы не пустышки и не шарлатаны. Извини, но я была лучшего мнения о ведущем аналитике службы внешней разведки... Смотри, Тош, как у неё широко открылись глаза. Как у лемура... Светик, вспомни своё обучение — «никогда нельзя показывать противнику, что ты раскрыта. Надо жить в образе до последнего вздоха, до последней капли крови...» Насколько я помню, девятый класс «школы». Кто у Вас вёл психологию допроса, Кушнерёв или Виннер? Свет, стоп. Глаза вообще так выпадут. Что нам тогда придётся делать? А, придумала — завтра в госпитале вместо того амбала, что нас ожидает, мы продемонстрируем свои возможности перед зарубежными светилами на тебе. Согласна? И тебе почёт, а нам уважение.

— Ринка, хватит валять девушку. Она и так поняла и прониклась. Ведь так, «Света»?

Девушка молча кивнула, не поднимая глаз.

— Тогда на сегодня заканчиваем и едем в гостиницу. Гулять не пойдём, а то наша

«подруга» и в самом деле не в форме. Нам лично неприятности не нужны, но, Светлана, будь добра не делать глупостей и сыграть свою роль до конца. Я имею в виду — до того момента, как выполнишь свои прямые служебные обязанности техника-оператора. Что потом? Вряд ли тебя оставят рядом с нами, но если оставят приказом — не завидую тебе и просто предупреждаю — мы не выносим вранья и обмана, особенно со стороны близкого окружения. Так же не терпим, когда нами манипулируют. Возьми себя в руки и будь перед Мишей сама собой. Ужинать будешь с ним, мы уж какнибудь без надзора обойдёмся.

— Так это неположено, — вскинулась Светлана.

— А нам, знаешь, похрену — что положено, а что нет. Хотите контролировать — сидите где-нибудь в углу так, что бы Вас не было слышно и видно. Будешь подавать голос — завтра сами рванём домой, а неустойку запишем на тебя. Ясно тебе, «положено»? На одно место наложено. И не беси по пустякам. Ты — уже прошедший этап в нашей жизни, поэтому таким и оставайся — незримым и неосязаемым. Будет лучше для тебя и для нас. А сейчас всё, встали и пошли. Кажется, это такси у входа уже минут пять стоит, скорее всего, за нами...

Глава 3

Через двадцать минут трое молодых людей, поднявшись на лифте на пятый этаж гостиницы, направились по коридору к своим номерам. Уже у дверей руки Антона коснулась Светлана.

— Антон, извини за всё, — начала девушка. — Я сейчас приму душ, сделаю заказ транспорта на завтра и лягу — устала сегодня как никогда. Пришлю к Вам Мишу.

— Хорошо, поступай как считаешь нужным, — не оборачиваясь, буркнул Антон и отомкнул дверь.

Пропустил сестру вперёд и закрыл перед носом Светланы дверь, хотя чувствовал, что та ещё хотела что-то добавить.

— Как я хочу домой, — тоскливо проговорила Арина. — Насточертел весь этот шум и гам. Да и эти двое недели. Завалиться бы в кровать и никого не слышать и не видеть хотя бы сутки.

— Котёнок, — Антон сзади обнял сестру и прижал к себе. — Осталось чуть-чуть. Ещё немного...

— ...Ещё чуть-чуть. Последний день — он трудный самый, — пропела Арина. — Ладно, я сейчас в душ и передохну немного, а потом поужинаем и спать. СПАТЬ!!!

Девушка ушла в свою комнату, но через минуту ворвалась в комнату, где на застеленной кровати лежал брат.

— Тош. У меня «контрольки» сбиты.

— ???

— Пойдём, покажу, — и Антон, подскочив, последовал за сестрой.

— Смотри, — волнуясь, Арина показывала на свои вещи. — На косметичке волоска нет, на сумке с вещами....

Антон мягко закрыл рукой рот сестры и потянул её в ванную. Включил воду в душе и, зайдя в свою комнату, включил телевизор, по которому в данный момент транслировался какой-то концерт.

В комнате сказал громко, обращаясь в никуда.

— Арин. Ты копаешься долго. Я в душ, а потом ты!

Зашёл в ванную и громко хлопнул дверью.

— *«Милая. Зачем же вслух? — укоризнено спросил Антон и постучал себя по голове. — Ты меня расстраиваешь. Сколько нас учили-учили, а всё, оказывается, напрасно?»*

— *«Прости, братик, я растерялась, не ожидала подобного. — Красивые глаза девушки наполнились слезами. — Скажи, зачем ИМ моя косметичка и вещи? Там ведь нет ничего...»*

— *«Не зная, милая, но тебе не стоит пользоваться косметикой и одевать ничего из того, что лежит в сумках. Сама знаешь, что может быть».*

— *«Знаю я, но противно, что моего белья касались чужие руки. Я же настолько брезгливая. Да что тебе объясняю — ты сам такой».*

— *«Именно. Ты не забыла, что в моей комнате есть камера и микрофон, а в твоей пишется звук? Вот, исходя из этого, и будем действовать. Сейчас ты сядешь в моей комнате и пощёлкой пультом телевизора. Я быстро ополоснусь, а потом и ты примешь душ. Обсохнем и пойдём ужинать. Хочу Михаила поспрашивать о посещении нашей комнаты. Если честно, то не верится, что в вещах копался именно он. Да и не нужно по*

факту ему лазать по вещам — он с нами уже месяц. За это время можно было бы сто раз залезть куда не нужно».

— «А может это другие заинтересованные лица? К примеру — представители тех, с кем у нас завтра назначена встреча? И, знаешь, у меня такое чувство, даже не могу объяснить, что в моей косметике могут быть наркотики. Я, когда открыла косметичку, почувствовала какой-то странный запах... Чем-то напомнил химическую лабораторию...»

— «Я ничего не исключаю, — Антон чмокнул в нос сестру. — Ты у меня умничка и очень часто твои предположения оказываются пророческими. Знаешь, что мы сделаем? Поужинаем, а потом я сделаю звонок представителю метного Братства. Уверен, что москвичи отреагируют оперативно и предоставят возможность как перекантоваться эту ночь, так и охрану, которая нас сопровождает хотя бы до самолёта. Да и в госпитале их присутствие не помешает. Транспортом, предполагаю, тоже обеспечат. Вещи из номера не забираем — ничего! Попрошу местных коллег, что бы всё забрали и проверили, а уж потом доставили прямо домой, а сейчас вымой руки как можно тщательнее и больше ничего своего не касайся».

— «Братик. Может и рейс сменим, а то как-то всё это...»

— «Я поговорю. Сейчас иди в комнату и поклацай пультом. Расслабься — в данный момент нам ничего не грозит. Верить?»

Арина кивнула и, выскользнув из ванной, направилась в комнату, а Антон, достав древний пейджер, набрал короткий текст и, отправив его по назначению, двумя пальцами сломал аппарат и, кинув обломки в унитаз, смыл напором воды.

— «Теперь оценим оперативность работы Московских братьев», — хмыкнул парень, раздеваясь и забираясь под горячие струи...

--

Пока сестрёнка принимала душ, Антон пересмотрел свои вещи и тоже заметил следы выражения чужого интереса. Закрыв шкаф, сел в кресло и бездумно стал клацать кнопками на пульте, не особо задерживаясь на каком-либо канале — или спорт, или очередные «круглые столы», где люди, напуская на себя значимость, занимались ничем иным как откровенной болтологией. Эстрада и музыкальные клипы... — это смотреть на трезвую голову было омерзительно, а для просмотра всяких ток-шоу — так вообще надо было предварительно ужраться в одиночестве до поросячего визга.

Не выдержав, клацнул кнопкой выключения и не успел лечь на кровать, как в дверь негромко постучали.

— Кого там принесло? — не очень дружелюбно задал вопрос Антон, подойдя к двери.

— Это Михаил, — послышалось с другой стороны и парень, приоткрыв дверь, впустил своего, так называемого помощника и охранника, а по сути — контролёра.

— Антон, что случилось? — нервно спросил крепко сбитый молодой мужчина лет тридцати, с каким-то постоянно наивным выражением на лице. — Светлана вломилась в номер злая. Со мной общаться не захотела, лишь буркнула, что завтра с утра едет за электроникой в госпиталь, а сейчас ей надо сделать несколько звонков и... буквально вытолкнула меня из номера, отправляя к Вам.

— Всё верно, Миша. Она завтра именно что с утра едет грузить аппаратуру в Питер. И будет сопровождать груз до нашей клиники. Это моё распоряжение.

— Прости, Антон, но... — начал говорить мужчина, но его перебили.

— Миша. Я с тобой работаю не первый день и ты знаешь, что как я сказал, так и будет.

Если в данный момент ты начнёшь возражать и говорить, что ты «против» — это будет последней минутой, когда ты работаешь с нами. Я понятно сказал?

Лицо Михаила на мгновение дёрнулось, но он промолчал, лишь кивнул.

— Хорошо, что ты понимаешь ситуацию и моё настроение. К тому же мне с тобой нужно будет пообщаться. Ты с нами в кафе?

— Да, я не ужинал.

— Тогда просьба — хватай Светлану за шкурку и идите в кафе. Мы придём чуть позже. Да, забыл, с сегодняшнего дня в кафе мы садимся за разные столики. Будут вопросы — спроси причину у коллеги.

— Антон, сразу скажу, я не возражаю, но это ведь не по...

— Миша. ВАШИ правила, извини за грубость, засунь себе куда-нибудь подальше. С этой секунды или Вы двое подчиняетесь МОИМ правилам или скатертью дорожка. Ясно? С Вашим руководством объясняйтесь сами и, напомню, не я просил Контору обеспечить меня помощниками и охраной, а та САМА навязалась. Всё, закончили на эту тему — вопрос закрыт раз и навсегда.

— Ребята, так что случилось-то, что всё перевернулось с ног на голову? — Михаил растерялся. — Прости, Антон, но я первый раз вижу тебя в таком настроении и состоянии и, извини, впервые слышу от тебя такой тон.

— Какой такой тон? — стал заводиться Антон.

— Приказной что ли... — Мужчина поник плечами. — Вы всегда были такими тихими и спокойными. Никогда не слышал от Вас грубых слов... Да, я работаю на Государство и никогда этого перед Вами не скрывал, но так же отмечу, что так же и никогда не давал повода говорить со мной в таком тоне.

— Миша, многое сегодня выяснилось и изменилось в одночасье. Слушай, а давай выйдем в коридор и поговорим. Не будем мешать сестре.

Антон подошёл к ванной и, стукнув в дверь, громким голосом чуть ли не крикнул, слыша шум душа.

— Аринка, я прогуляюсь по коридору с Мишей. Вернусь через пару минут. Мы рядом будем.

Из ванной послышалось звонкое -

— Поняла!

Закрыв дверь на ключ, Антон показал на конец коридора, который заканчивался огромным окном.

— Пойдём медленно туда и обратно. По пути и поговорим.

— А что, в номере нельзя было?

— Нельзя, Миша, нельзя. Ты в курсе, что у нас стоит прослушка? Думаю, что да, видя твоё спокойное лицо. С этим выяснили. Теперь дальше. Второй вопрос на «засыпку» — ты лично в курсе, что сегодня в наш номер входили и копались в вещах? Что смутился? Так да или нет? И за телефон не хватайся. Успеешь доложить начальству. Что ответишь?

— О прослушке и камере в курсе, но прости, так положено...

— А мне об этом своевременно сказать нельзя было? — не сдержался Антон. — Как же вы достали... Мы что, шпионы в другом государстве или в качестве кого ваша Контора нас воспринимает? Честно скажу тебе и твоим хозяевам — НАСТОЧЕРТЕЛО!!! Понял? Чего Вы боитесь? Что мы сбежим за бугор и будем там лечить чужих толстосумов, да? Да идите Вы все к ебе... Никуда мы не сбежим, так и передай. А вот то, что с вашей Конторой работать

больше не будем — это однозначно. Ясно? Решение принято и назад дороги нет. Я Светлане сказал и тебе продублирую — после возвращения домой мы уходим в отпуск на три месяца, так как до этого три года работали практически без выходных. Как поступим дальше? Есть решение, но с Вашей организацией дел иметь не будем. Если, потчёркиваю, ЕСЛИ мы продолжим практику, то на своих условиях и без всяких подсовываний «своих бластных» вне очереди. Нам, прости, насрать кто из них будет богаче, один или другой. Мы САМИ будем выбирать себе пациентов и САМИ определять стоимость лечения, андестент?

Михаил медленно шёл рядом и молчал, лишь изредка с его стороны слышался скрежет зубов.

— Теперь о сегодняшнем инциденте. Кто позволил рыться в наших вещах?

— Антон, я не в курсе, честно, — не поднимая глаз, ответил Михаил. — Если это так, то необходимо срочно вызвать группу для осмотра. Это ЧП, как ты не понимаешь? По протоколу я проверял дверь в Ваш номер каждые полчаса, а каждые час входил и осматривал помещения.

— Хреновый протокол, — хмыкнул Антон. — За этот час можно было бы расчленить двух человек, вынести их останки, вымыть полы в номере и уйти совершенно спокойно, протерев за собой всё что только можно.

— Антон, — вскинулся мужчина. — Не я придумал правила, по которым обязан действовать, понимаешь, не Я!!!

— Вот поэтому, Миша, я с Конторой работать дальше и не буду. У Вас всё по бумажкам, написанным хрен знает когда. Разве не так? А ты хоть раз подумал, что это неправильно? Что иногда нужно думать головой, а не вспоминать Ваши протоколы?

Они дошли до окна и стали возвращаться обратно, когда со стороны лестницы в коридор зашли люди. Впереди шёл седой мужчина со шрамами на лице, хоть и не старше пятидесяти лет (при виде которого на лице у Антона стала расплываться широкая улыбка), а чуть сзади — мужчина и женщина средних лет в одинаковых серых куртках и тёмных брюках.

Заметив, что рука Михаила нырнула за пояс, он тихо проговорил.

— Не суетись, Миша. Это люди, которых я безумно рад видеть, особенно дядю Свара.

Последние слова он сказал гроче и, не удержавшись, побежал навстречу и, схватив седого мужчину в объятья, прижался к нему что было сил.

— Малыш, я тоже тебя рад видеть. Честное слово, — негромко сказал человек и стиснул парня так, что послышался хруст костей.

Около минуты все замерли, ожидая, что будет дальше, а Антон со Сваром так и стояли в обнимку, ничего не говоря и не двигаясь с места.

Чуть отстранив от себя парня, Свар посмотрел на сопровождающего его мужчину и кивнул.

Тот, сделав шаг вперёд, достал из внутреннего кармана куртки сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его Михаилу.

— Капитан. Ваши обязанности заканчиваются в момент прочтения этого документа. Прошу Вас ознакомиться и позвать свою напарницу. Ей также будет вручён аналогичный приказ.

Михаил раскрыл лист бумаги и внимательно прочёл текст, после чего, сложив, аккуратно убрал лист в карман пиджака и ушёл в свой номер, однако через минуту выскочил оттуда с растерянным лицом.

— Простите, но Светланы в номере нет и... её вещи тоже отсутствуют...

Свар кинул взгляд на мужчину и, ехидно улыбнувшись, произнёс.

— Андрей. Ну и кто был прав? «Будут до конца...» Это, кажется, твои слова? Умей слушать старших — и тебе наука и время жизни увеличишь. Действуй, что замер?

Мужчина стукнул по еле заметной гарнитуре радики и стал отдавать приказы.

— Группе «Один-один» около госпиталя контроль. Есть вероятность похищения и вывоза аппаратуры. Бывшего охранника «Двойки» задержать жёстко, но без членовредительства. Группе «Два» — четырёх человек на этаж гостиницы за вещами «Двойки».

— Передай им, — вмешался Свар, — что бы проверили на наркотики и другую всяческую дрянь, особенно вещи девочки.

(Антон кратко изложил своему другу-наставнику предположения о возможных закладках, когда они стояли обнявшись).

Мужчина кивнул и продолжил.

— Вещи на экспертизу, так как те имеют следы постороннего вмешательства. Проверить по всем параметрам.

В коридоре раздался тихий тоновый писк вызова и уже женщина щёлкнула по микрофону гарниры. Выслушав, обратилась к спутникам.

— Наружный контроль докладывает, что к гостинице приближается группа машин — две с обозначениями полиции и два микроавтобуса с тонированными стёклами. Время прибытия три-четыре минуты. Действия?

Её коллега продолжил отдавать приказы неведомым подчинённым.

— К гостинице приближаются четыре машины. Возможно, что не только зафиксированные. Группам «Пять» и «Шесть» — не препятствовать движению, но блокировать выход пассажиров из машин у гостиницы. Работать, не превышая правил и данных полномочий. Все удостоверения и оружие конфисковать для дальнейшего разбирательства. Фигурантов идентифицировать и лишить возможности покинуть место задержания. При вооруженном сопротивлении разрешаю открыть огонь на поражение. Всем группам — готовность «НОЛЬ»...

--

Михаил слушал отдаваемые приказы и тихо охреневал — и куда ему пришлось влипнуть-то, хотя... приказ о прекращении сопровождения и охраны двойняшек лежал у него в кармане пиджака, тем более подписанный его непосредственным начальником, а уж подпись и личный номер того мужчину знал прекрасно. Влезать же в чужие разборки у него не было ни малейшего желания. Своё он отрубил честно и без нареканий, поэтому посчитал более правильным исчезнуть тихо и незаметно. Сделал, было, пару шагов к своему номеру, как его догнал насмешливый голос Антона, в котором Михаил почувствовал нотки презрения...

— Что, Миша? Посчитал, что твои функции закончены? Это по документам так, не спору, но вспомни разговор, что состоялся с пятюк минут назад. Вспомни мои слова о том, что ты работаешь на Контору. Именно РАБОТАЕШЬ и за это получаешь зарплату. А вот когда ты получил приказ, что дальнейшее выполнение твоих служебных обязанностей прекращено — совершенно спокойно покидаешь человека, точнее двух бывших твоих подопечных, совершенно не думая о том, что с ними будет дальше. Знаешь, Михаил, твои решения и действия — лишнее подтверждение, что с Конторой и лично с Вами двоими,

больше дел иметь не буду, да и видеть Вас не хочу. Вспомни мои слова, когда будешь одет в форму и станешь отдавать честь. К сожалению, честь ты свою отдал давно. Свободен, капитан.

Михаил ничего не ответил и, нырнув в свой номер, захлопнул дверь.

— Круто ты с ним, малыш, — Свар обнял рукой за плечи Антона. — Да-а-а... Не думал я, что ты настолько вырос, правда. Эти слова зрелого человека, который прожил жизнь, а не юноши, который только-только открытыми глазами взглянул на мир. Молодец. Я уважаю тебя и за слова и за поступки. И прекрати, наконец, дрожать — я всё понимаю, но тебе надо успокоиться и взять себя в руки. Расслабься — ты теперь не один и есть кому обеспечить не только безопасность твоей сестрёнки, но и твою лично. Кстати, пойдём к ней, а то девочка будет волноваться.

— Свар, — приходя в себя от внутреннего срыва, пробормотал Антон. — У нас в номере нельзя говорить — там прослушка, да и видеокамеры понатыканы.

— Антон, не волнуйтесь, это ерунда, — умехнулся спутник Свара, который, судя по всему, был главным в этой операции. — Пойдёмте, и не думайте ни о чём плохом.

--

Когда четыре человека зашли в номер, Арина была ещё в душе — слышно было, как она что-то напевает в голос.

Мужчина, что говорил с Антоном, остановил всех у дверей, а сам, сняв с пояса небольшой аппарат, выдвинул из него несколько телескопических антенн и, нажав комбинацию кнопок, глядя на светящийся экран, вошёл сначала в комнату парня, а затем уже туда, где располагалась Арина. Заглянул мимоходом и в туалет. Несколько минут спустя вернулся и широким жестом пригласил всех проходить.

— Что могу сказать, — он произнёс, задвигая антенны в корпус аппарата, а потом вешая технику на поясной ремень, — общее количество зашкаливает, правда. Даже не думал, что «жучков» будет так много. В большой комнате — три видео и четыре аудиоточки. В маленькой комнате — одна видео и три аудио. В туалете и ванной — по одному комплекту соответственно. Я никогда в жизни с таким количеством жучков в столь небольших помещениях не сталкивался, хотя техника размещена в различное время. Есть вообще допотопная, а есть и интересная, о которой и не слышал. Скорее всего, те, кто делали новые закладки, не имели представление о старых. Или это конкурирующие фирмы или же установщики просто дебилы. А дебилы потому, что должны были понимать, что большое количество электроники одновременно корректно работать не может. По факту — чем больше включено, тем хуже качество. Но это я так, ворчу на недоумков...

— Антон, — послышалось из ванной, — у нас что-то со светом не в порядке. Пару раз мигнуло, а потом вообще запахло сгоревшей изоляцией... Ты чем там занимаешься? Чего молчишь? Я же слышала, что ты вошёл. Михаил с тобой?

— Ринка. Михаил у себя, а у нас ТАКОЙ гость, которого ты точно будешь рада видеть.

— И кто это? Папа или мама? Отвечай, не томи.

— Выйдешь, сама увидишь, — улыбнулся Антон, глядя на хитрую физиономию Свара.

— Поганка ты, а не братик. Я это тебе ещё припомню... Ой... ДЯДЯ СВ-А-АР!!! П комнате с визгом промчался мокрый и полуодетый вихрь, который закружил мужчину по кругу. Арина радовалась как маленький ребёнок — обнимая и целуя мужчину, глядя его по седым волосам и одновременно тиская что было сил. Закончилось всё тем, что девушка, подпрыгнув, вообще спровоцировала Свара подхватить её на руки.

— Чертёнок ты, а не девочка, — со счастливой улыбкой на лице проворчал мужчина. — Закружила, облизала с ног до головы, а под конец вообще заставила старика напярчь последние силы. И как тебе не стыдно, а?

— Совершенно не стыдно, — девушка прижалась щекой к плечу Свара. — Это тебе должно быть стыдно — забрал Белого и удрали от нас полгода назад. Ни слуха ни духа. Нет, что бы позвонить хоть раз. Бессовестные Вы оба. Ты же сам знаешь, как нам Вас двоих не хватает.

Арина прижалась ещё сильнее и вдруг... заплакала навзрыд.

Свар сел в кресло, так и держа девушку на руках.

— Малышка, успокойся. Я рядом и всё хорошо. Ведь правда всё хорошо?

Девушка, всхлипывая, кивнула и вновь уткнулась мужчине в шею.

Дверь номера после короткого стука открылась и внутрь зашла очередная тройка людей — двое мужчин и женщина.

Свар кинул взгляд на женщину и та, не проронив ни слова, провела рукой по груди.

— Ясно. Ребятки, встали и показали всю свою одежду. Сами ничего не касаетесь, хорошо?

Арина в сопровождении двух людей ушла к себя, а парень поднялся с кровати и подошёл к шкафу. Протянулся рукой, что бы открыть дверцу, но его плеча коснулся мужчина, отрицательно помотав головой. Незнакомец одел резиновые перчатки и вопросительно посмотрел на парня.

— А, сумка, — понятиливо улыбнулся Антон. — Там же, в шкафу. Кроме вещей, висящих на вешалке, ещё и сменка белья в тумбочке. Там же и зубная паста со щёткой. Папка с документами, что лежит на кровати, была с нами постоянно, её оставьте.

Мужчина раскрыл шкаф и начал работу, аккуратно складывая вещи Антона в сумку. Потом перешёл к тумбочке и, забрав всё и оттуда, вновь вопросительно посмотрел на парня.

Антон оглядел номер и отрицательно помотал головой.

Спец закрыл молнии на сумке и понёс её к входной двери. Почти одновременно с ним и из комнаты Арины вышли мужчина с женщиной, неся в руках две сумки. Все трое, так и не проронив ни единого слова, вышли из номера, плотно закрыв за собой дверь...

— Ну что, мои хорошие. Коль от Вашего возможного компромата мы отделались, позвольте представить моих спутников. Только зная Вашу любознательность, попрошу всё же не задавать лишних вопросов. И так. Перед Вами два майора собственной службы безопасности. Марина Скворцова — МВД и Андрей Скворцов — ФСБ. Да, вы не ошиблись судя по Вашим улыбкам — это брат и сестра. Вы уж извините, ребятки, но операция спецслужб была заранее спланирована и заточена именно под возникшие непонятные телодвижения представителей указанных служб по отношению персонально к Вам. Велась разработка конкретных фигурантов не один год, а вот сейчас так совпало, что все они одновременно резко активизировались. Каким боком здесь я? Да никаким. Приехал в Москву по своим делам на пару дней, а меня тут неожиданно запрягли, внушая, что бы рядом с ними был знакомый Вам человек, который не вызывал бы отторжения. Вопросы?

— Вопросов множество, но постараюсь задать те, на которые однозначно хочу услышать ответы. Извини, Свар, но если внятных объяснений не услышу и... не увижу, то мне придётся отказаться от Вашей помощи. — Последние слова он уже адресовал именно безмолвным спутникам Свара.

Мужчина и женщина переглянулись и, одновременно закатав рукава,

продемонстрировали на запястьях символы братства.

— Змея и волк, — задумчиво протянул Антон. — Что ж, это снимает мой вопрос о демонстрации подтверждения. Теперь уже возник следующий вопрос — с каких это пор члены братства занимают высокие должности в силовых структурах, да ещё имеют офицерские звания? Насколько я знаю — это не приветствуется ни с той, ни с другой стороны.

— Антон, — парень услышал впервые голос женщины и непроизвольно вздрогнул от неожиданности, настолько тембр был мягким и даже завораживающим. — Последние пять лет разные конторы пытались внедрить своих соглядателей в Братство. Мы, естественно, так же пытались пристроить своих людей в силовые структуры. Всё как всегда. К сожалению ни мы, ни наши, скажем так, конкуренты, так ничего и не добились. Поэтому на самом верху было решено — открыто обменяться представителями. Естественно, что об этом знает считанное количество людей, но всё произошло мирно, и плодотворная работа началась. В Братстве приняли людей от Системы, только обладающих нестандартными способностями. Прогнали всех кандидатов через курс обучения и оставили на работе в системе внутреннего контроля. А наших людей точно также направили на соответствующие курсы, хотя... Братство отправляло кандидатов УЖЕ имеющих, как минимум, высшее юридическое образование. И наши люди возглавили отделы именно в службах внутренней безопасности названных органов.

Арина хихикнула, включаясь в разговор.

— То есть, как я поняла, Братство к себе забрало людей, которые имеют способности? Хитро, ничего не скажешь. Ничего не потеряли, только приобрели.

Марина с братом переглянулись и улыбнулись.

— Братство старается никогда не упускать возможности привлечения в свои ряды новых членов. Свежая кровь и новые силы только укрепляют наши ряды.

— Хитро и умно, ничего не скажешь, — задумчиво проговорил Антон и стал серьёзным. — Хорошо. Вашу принадлежность и легенду мы услышали. О наших же делах и обстановке Свар в курсе. (Марина и Андрей быстро удивлённо переглянулись). Теперь в двух словах информация для Вас. Нашего помощника и охранника Михаила вы избавили от дальнейшего общения. Вопрос по Светлане. Вы в курсе кто она на самом деле?

Андрей утвердительно кивнул головой.

— Командировка от службы внешней разведки в Контору. Легенда безупречна — психологический срыв и эмоциональная травма, не позволяющая дальнейшую работу аналитиком в спегруппе отдела «Два». Мы за ней давно наблюдаем, и в курсе, что она до сих пор имеет связь со своим бывшим руководством.

— А то, что она не только аналитик, Вы в курсе? Имеете информацию, что эта девушка одна из немногих, кто закончила с отличием «школу»?

— Так их все закрыли чуть ли не полсотни лет назад, — удивлённо произнесла Марина. — Это точная информация?

— Поверьте, что не ВСЕ «школы» закрыли. Я, если честно, удивлён другому — почему до ВАС не довели эту информацию, хотя в Братстве о этой ситуации в курсе?

Свар негромко засмеялся и, протянув руки, дал лёгкие подзатыльники сидевшим рядом с ним Скворцовым.

— Это, наверное, для того, что бы те не полезли туда, где им походя отрут их любознательные головушки. Это ведь запросто сделают и концов никто и никогда не найдёт. Поэтому, ребята, эту девочку держать под контролем, но близко к ней не лезть. Антон, а

можешь дать по ней какую-либо дополнительную информацию. Ту, которая не даст этим дурилкам пропасть?

— Информации мало, но что знаю, да и не такая уж секретная эта информация. Скажем так, под грифом просто «совершенно секретно» (Все в комнате улыбнулись). Закончила «школу» на отлично и оставалась там же ещё три года помощником воспитателя. Потом был перевод в управление аналитики и прогнозирования, где Маргарита Семёнова, а именно так она значилась в школе, хотя не факт, что и это её настоящие имя и фамилия, показала себя самым блистательным специалистом. Между прочим, хочу отметить, что как прогнозист она и в самом деле уникальна — может выдать как минимум три возможных варианта развития событий и сразу же представить варианты нивелирования возможных эксцессов. Так что эти возможности у неё или врождённые или же достигнутые с помощью длительной работы мозгололов Системы. Что ещё? — парень задумался ненадолго... — Хороший оператор, который буквально чувствует любую электронику. Как програмиста — не могу оценить, но, судя по всему, и эти знания у неё есть. С людьми сходится трудно и держит всех на расстоянии. С мужчинами я её не видел, поэтому с этой стороны ничего сказать не могу. Читать не любит и с книгой ни разу не видел за все три года, что была рядом с нами. Вот, вроде и всё. А, нет, добавлю. Хороший психолог и умеет быстро просчитывать человека. Часто невинными словами вызывает в оппоненте гнев и антипатию к себе, но уже через десяток минут переворачивает всё так, что все, в конце концов, в неё чуть ли не влюбляются. И не только мужчины, но и женщины. Да. И последнее. О Братстве знает, но явно интерес не показывает. И способностей у неё нами не выявлено. Год назад нас настоятельно попросили, что бы в школу на Урале мы её взяли с собой. Скажу кратко. Друзей не заимела. Физические данные у неё хорошие, выше среднего обычного, но на общем уровне курса повышения квалификации выглядела совсем уж бледно. Сама это понимала, но ничего поделать не могла. Ей по результатам обучения даже знака «Ученик» не выдали, что говорит о многом. Как вывод из всего сказанного — готовили её не как боевика, а именно как аналитика, и учителя сделали своё дело на высоком профессиональном уровне.

— Интересный кадр, — задумчиво сказала Марина. — Как я поняла, то для процесса её обучения были привлечены лучшие специалисты во многих областях науки... Антон, поясни свою последнюю фразу про способности.

Парень улыбнулся.

— Марина, Андрей. Вам не довели, что мы «экстрасенсы»?

Арина тихо засмеялась и обняла брата, продолжив его фразу.

— И можем на расстоянии определить — есть аномальные способности у человека или нет. А если серьёзно — мы медики по призванию и образованию. Мы не только эмпаты и диагносты, но и энерготерапевты и, скажем так, немного хилеры. Марина, что Вы улыбаетесь, не верите? Да и ладно. Пусть и у нас останутся свои маленькие секреты.

Андрей, который искоса глянул на сестру, лишь процедил через зубы.

— Марин. Если бы эти ребята были обычными, или выше среднего, за ними не было бы такой охоты. Включи голову и проанализируй то, что видела в госпитале последние два дня.

Арина удивилась.

— А Вы что, и там нас «пасли»?

— Мы за Вами присматриваем почти месяц. Пожалуйста, не надо вопросов, на которые мы не сможем ответить. Да, ребята. Простите, что задаю нескромный вопрос. А какие знаки у Вас?

Антон обнял сестру и прижал к себе.

— У нас знаки одинаковые и самые простенькие. Такие, что можно увидеть иногда на асфальте у детских садов.

— Не понял, — вступил в разговор Свар. — Вы же сами всё время плакались и жаловались, что у Вас одних в Братстве нет принадлежности к Родам.

— Было такое, не спорим, — улыбнулась Арина, — ОНИ появились месяца три назад. Вот не надо было бросать нас и где-то ползать по лесам и горам. Вы бы первые и увидели. — И показала Свару язык. — Мы всё время страдали — думали, что нас так предки наказали...

Древний убрал с лица улыбку и стал серьёзным как никогда.

— Ребята. Хватит дурачиться. Руки вперед и сигнал на проявление. Живо!

— Дядька, — хихикнул Антон. — А ты не приказывай. Мы слишком большие детки, что бы нами руководили, а если откровенно и без шуток, то ты и сам не поверишь в наши способности. За последние три месяца мы сделали даже не шаг — два шага вперед как в профессии, так и самосовершенствовании. Иногда и сами до конца не верим, так что...

— «Братик, покажем им?»

— «Покажем, почему нет? Вот только не знаю — надо ли солнышко демонстрировать?»

— «А почему нет? Думаю, что и «ЩИТ» можно».

— «А «ЛУЧ» и «ПОИСК»? Или усовершенствованные элементы внушения, которые нас сам Свар обучал?»

— «Нет, моя хорошая. Это уже элементы не защиты, а нападения. Сама понимаешь, что после этого нам вообще жизни не будет. Запрут где-нибудь в глухой тайге на подземной базе. И будем там жить до конца, зная, что над головой с полсотни метров земли.

— «Так мы оттуда спокойно выйдем, используя «ЛУЧ» и внушение».

— «Выйти-то выйдем, а дальше как будем жить? Прятаться всё время от людей? Нет. Давай самое опасное не показывать. Это на крайний случай и только для обороны. Кстати, ты чувствуешь, что дядька пытается пробить нашу блокировку? Какой же он любопытный и настырный».

— «А давай сами к нему взлезем? Узнаем, что они там искали с Белым так долго?»

— «Ринка, не надо. Надо соблюдать ПРАВИЛА. Они написаны не просто так. Мы уж раз пострадали от собственной глупости и желания обойти ЗАКОНЫ. Вспомни, что пришлось перенести нашим родителям, когда мы лежали в коме. Мама тогда постарела сразу лет на десять. Я такого больше не хочу».

— «Я тоже не хочу», — Арина погрузилась, вспомнив, как и папа и мама переживали за них, когда ни один врач не мог объяснить причины внезапной комы у обоих детей. И даже Белый, буквально перевернув им мозги, ничего толком не смог сделать — лишь понял причину, но ни кому об этом так и не сказал. Зато потом, когда они «вернулись» и стали привычными детьми, Белый не на словах, а на деле наказал, выпоров обоих так, что тот день запомнился надолго. А потом, когда все успокоились, и время прошло, Олег долго объяснял им, что есть ЗАКОНЫ, которые нельзя нарушать никому. Не только ЗАКОНЬ Братства, но и законы природы».

Двойняшки прервали ментальное общение и посмотрели на Свара.

Тот сидел напряжённый, а на его лбу ребята впервые увидели капли пота. Древний рукой вытер лоб и с укоризной посмотрел на двойняшек.

— А это что за блокировка интересная, а? И кто Вас этому научил?

— Это не совсем блокировка, дядь. Это переход на дублирующую частоту, используя нашу энергетику. Если можно так выразиться — это наш с сестрой личный канал, к которому практически никому постороннему не подключиться, потому что он действует на основе НАШИХ биоэнергий. Да и сил затрачивается при общении намного меньше, чем при обычном мысленном общении. Мы, кстати,... Ой, Рин, ты чего щипаешься?

— Братик, ты не забылся? — Арина с укоризной посмотрела на Антона и только сейчас до того дошло, что в комнате присутствует два посторонних человека, которые от услышанного вытаращили глаза.

— Свар, — оторопела спросила Марина, — они что, мысленно общаются? Телепатическая связь?

— Что-то вроде того, — недовольно буркнул Свар и вновь потребовал. — Покажите запястья.

— *«Что делать, сестрёнка? Раз просит, то не отвертеться. Только «Солнышко» создаём совсем крохотное, а то, вспомни, что было в первый раз — оставили весь район без света на несколько часов».*

Арина заливисто засмеялась, вспомнив тот случай и, потянув брата за собой, встала с кровати, на которой они так и лежали в обнимку.

Двойняшки расположились посреди комнаты и, попросив отсесть гостей подальше, протянули руки, развернув их в стороны ладонями вверх.

Через мгновение на обоих запястьях рук двойняшек ярко засветились два стилизованных символа солнца. Именно таких, о которых и говорил Антон — словно детские рисунки — кружок посредине, от которого было множество чёрточек в разные стороны.

Эти «солнышки» с каждой секундой стали светиться всё ярче и ярче, а ещё через мгновение словно отделились от каждой из четырёх рук и медленно стали двигаться навстречу друг другу, а встретившись, объединились в одно крохотное, но неистерпимо яркое солнышко, которое ещё через миг, вспыхнув, беззвучно исчезло.

В эту секунду в номере погас свет, да и, как поняли люди, не только в номере, а и во всей гостинице, а в комнате запахло горелой изоляцией и пластиком.

— Блин-н-н-н... — Андрей, вскочив со стула, натянув на руку рукав куртки, стал избавляться от плавающих останков той аппаратуры, что была на поясе, а его сестра с остервенением рванула ворот, доставая раскалённый витой провод гарнитуры рации.

Двойняшки в оцепенении посмотрели друг на друга, а потом, еле сдерживая хохот, стали просить прощения у пострадавших людей.

Один только Свар встал со стула. Постоял в задумчивости, а потом опустил на одно колено перед оторопевшими ребятами, склонив голову.

— Не думал, что когда-нибудь мне придётся произнести те же слова, что слышал много-много лет назад от своего отца. Я понял и почувствовал, что Вы сейчас показали только малую часть всего того, что достигли в процессе своего развития. Счастлив от того, что на этой земле появились те, кто сможет нести свет и мир людям.

Он говорил, не поднимая глаз от пола, а Андрей с Мариной от удивления замерли, не зная как реагировать на всё происходящее, тем более на такие странные слова.

— Славьтесь, Высшие, да не покинет Вас благоволение Изначальных и благословение ушедших...

Когда Свар поднял голову и посмотрел на двойняшек, все присутствующие увидели, что по его лицу текут слёзы, но это были слёзы радости и счастья...

Поднявшись с колен, Свар надолго задумался, а потом, дёрнувшись, посмотрел на Скворцовых.

— Вы до сих пор здесь? И в голову ни кому из Вас не пришло, что надо сменить испорченную аппаратуру связи? Раздолбай Вы, а не майоры. Исчезли быстро. Так, СТОП!!!

Древний подошёл вплотную к Марине и Андрею и произнёс то, и таким тоном, что брат с сестрой вздрогнули.

— Если Вы хоть кому-нибудь на всём белом свете расскажете что видели и слышали здесь, я клянусь, что закопаю Вас обоих так глубоко, что Ваши останки никто и никогда не найдёт, ясно? Ни по работе, ни в Братстве НИКТО не должен знать. А сейчас доведите до конца ту работу, что взялись делать. Сюда никому не входить без оповещения голосом. Выход из гостиницы и эвакуация двойняшек через двадцать минут. Всё, время пошло.

Заперев дверь за ушедшими, мужчина вернулся в комнату и сел на край кровати, куда опять перебрались брат с сестрой.

— И что же нам с Вами делать-то, а? Кто бы мог подумать, что в это дикое время на земле появятся два Высших. Я не оговорился. В моём мире, когда я был совсем маленьким, Высших было всего пятеро, кто мудро руководил жизнью на нашей планете, а Вы... Недавно соску выплюнули, а уже там, куда практически никому из живущих и не добраться... И как с Вами теперь говорить-то? Да, дела... Ребятки, я не прошу, что бы Вы рассказали всё, чего достигли, но, если можете, хотя бы в двух словах. Без подробностей.

Антон видел угнетённое состояние человека, который пришёл к ним из глубин веков, и впервые не знал что делать и как поступить...

— «Солнышко», что мы показали, можем увеличить раз в двадцать-тридцать без особых усилий.

После услышанного у Свара в полном смысле слова открылся рот. Он что-то хотел сказать, но кроме скрипа из горла не раздалось ни одного внятного звука.

— А лучше так. — Арина показала на голову и стала общаться ментально на доступной и для Свара «частоте».

— *«Элемент «Щит». Сразу оговорюсь, что все названия придуманы нами. Это как силовая стена, которая отгораживает как от агрессивных людей, так и от летящих в нас предметов. Он, к сожалению, пока маленький — два метра в ширину и два с половиной в высоту. Научились его изгибать, делать своего рода купол. Но тогда сами еле-еле помещаемся под ним. Стреляли как-то в себя из дробовика картечью — запас прочности оказался с огромным запасом. Сейчас пытаемся увеличить размеры, но пока не получается».*

— *«Луч», — продолжил Антон. — Это то же самое солнышко, только вытянутое в виде копья толщиной примерно в полметра при максимальной длине метра в три-четыре. Пробовали на гранитной скале — пробивает с полсотни метров и летит дальше. Тут, главное, успеть его потом развеять, а то вlepится куда-нибудь не туда...»*

— *«И как выглядела эта дырка в скале?»*

— *«Обычная дырка, словно лазером кто прожжёт. Края были оплавлены и напоминали стекло».*

— *«Так люди могли найти и возникли бы вопросы... — Свар с недоумением посмотрел на ребят».*

— «Мы что, совсем идиоты? Обижаетесь, дядь. Мы потом вообще эту скалу разрушили. Ну не совсем, но вполовину ниже стала», — хихикнула Арина.

— «Ещё два элемента, которыми овладели в совершенстве — поиск и внушение. Последний элемент ты сам нам показывал. Мы «добиваем» до пятисот метров поодиночке. Когда работаем вместе — чуть больше семисот метров, но сила внушения увеличивается в разы».

— «А что за Поиск?» — поинтересовался Свар.

— «А вот это вообще непонятно даже для нас самих. Когда мы вместе запускаем сигнал, то дальше он сам, как разумное создание, ищет нам то, что заложили в сам смысл поиска. Понимаешь? Это как на компьютере — задал задание и клацнул кнопкой мыши, а дальше он уже работает сам. Так и у нас. Мы пробовали менять структуру поиска, делать его более сложным или многогранным, но ничего не получается. Вывели для себя одно — чем проще задание, тем быстрее появляется результат. Антон, вон, ради хохмы, загрузил в Поиск задачу — найти клад поблизости от места нашего пребывания. Так через пять минут на нас такая масса информации свалилась... думали, что с ума сойдём. Чего только там не было — и какие-то фотографии, и марки почтовые и кем-то потерянные современные монеты и тысячи тысяч других наименований. В итоге поняли, что общие слова приносят точно такой же общий результат. Но, как известно, на ошибках учатся. Вот и мы, несколько дней пролежав с головной болью, решили, что надо пускать поиск по минимальным запросам».

Древний смотрел на двойняшек с изумлением.

— «Вы что, не понимаете, что только один этот «Поиск» может сделать Вас самыми известными и богатыми людьми во всём мире? Хотя, — мужчина как-то странно крикнул. — Извините, не подумал. У Вас и сейчас нормальной жизни нет, а тогда и вообще не будет».

— «Да нас самих не будет на этой земле, — хмыкнул Антон. — Кто же позволит двум молодым шалопаям заниматься тем, что мы можем... Ладно бы поиск пропавших людей или кладов. Ну, это первое, что приходит в голову. А если расширить диапазон? Скажем, нефть, золото и платина, или ещё что-нибудь бесценное в понимании правителей нашей земли? Какие там пропавшие дети или родственники? Цепь на шею и вперёд — искать именно то, что поможет богатым стать ещё богаче. Разве не так? Конечно же, мы можем себя защитить. И у меня и у Аринки есть и свои индивидуальные секреты, так что мы только с виду безобидные и пушистые».

— «Например», — заинтересовался Свар.

— «Например? — Вновь хихикнула девушка. — Например, Антон может мгновенно у любого человека остановить сердце. И вскрытие покажет инфаркт, самый обыденный. Или, к примеру, парализовать руки или ноги на выбор. Я считаю, что неплохо для начала».

— «Для начала?» — чуть не вскрикнул Свар.

— «А как ты сам считаешь, дядька, что нам следует предпринять, если, к примеру, нас захотят не убить, а пленить и заставить работать на себя? Исходя из такой банальности, мы и стали думать как себя обезопасить. Парализовал руки всем плохишам в доме и всё... Будут те бродить по комнатам, зубами открывая себе двери. А для смеха нескольким вместо рук ноги — что бы те уравнивали первых пострадавших» х.

— «Это не смешно, Арина», — выдавил через силу Свар.

— «А ты думаешь, будет смешно, когда нас посадят на цепь? Будут насиловать и

издеваться каждый день, заставляя, что бы мы использовали свой дар по ИХ разумению? Это ты считаешь серьёзным?» — Девушка аж покраснела от гнева.

— «Простите за непродуманные слова, — извинился Древний. — Сказал не подумав».

— «А мы вот думали не один месяц и разработали систему, при которой нас задержать или удержать будет практически нереально, — вновь вступил в разговор Антон, прижав к себе сестру и нежно целуя её в нос. — Не обижай нас своими домыслами. Не забывай, что мы ПОКА не убили ни одного человека. Наказали, это да, но не смертельно и не навсегда. Аринка, кстати, может на большом расстоянии просто придушить человека или, если будет необходимость, довести начатое до конца. Ладно, Рин, хватит страшить нашего далёкого предка. Он хороший человек и верный друг. Таких как он, у нас всего-то по пальцам одной руки пересчитать».

— «Ребята, — как-то грустно улыбнулся Свар, — спасибо, что цените мою жизнь и причисляете к числу ближайших друзей. Я ценю это невероятно и постараюсь дальше Вас не разочаровать. Что же касается Ваших приёмов защиты, то Вы неверно поняли меня. Я не беспокоюсь о других. Я беспокоюсь лишь только о Вас и Вашем здоровье и благополучии. И пусть погибнут нечистивые тысячи, а Вы двое будете невредимыми».

— «Пафосно, но принимаем твои слова с благодарностью», — кивнул Антон и встрепенулся. — Свар, по коридору идут пять человек. Один из них... Думаю, что пришла пора покинуть столь негостеприимный номер.

Через десять минут двойняшек, предварительно нарядив в бронежилеты и натянув на их лица маски, через служебный вход гостиницы в «коробочке», что состояла из почти десятка спецназовцев ФСБ, посадили в бронированный фургон и тихо, без всякой суеты, перевезли в одну из шикарных квартир в высотном доме в центре города. Антон с сестрой, которые в итоге остались без ужина, сразу свалились спать на новом месте, не думая о завтрашнем дне, но вокруг осталось бодрствовать множество людей, которые всю ночь, не смыкая глаз, обеспечивали безопасность необычных гостей.

Высотный дом на набережной Москва-реки.

Хотя вечером легли в разные постели, но проснулись, как и почти всегда, в одной, плотно прижавшись друг к другу.

Антон, приоткрыв глаза, попытался аккуратно избавиться от ноги сестры, которая лежала у него на животе, но девушка даже от еле заметного движения брата открыла глаза.

— Тошка, неугомонный, какой ты мне сон прервал. Я там была суперзвездой эстрады и меня как раз вызвали, что бы вручить Оскар.

— Дурилка картонная. Это актёрам вручают Оскар, а у певцов самая почётная награда — Грэмми. Так что сон не в руку. Обманка.

— Да? Жаль, а так всё было красиво. Полежи ещё, не вставай. Дай её чуть-чуть понежиться перед трудным днём.

— Рин. Я вот много лет думаю о том, как всё это выглядит со стороны. Я имею в виду наше времяпровождение в одной кровати. Мы-то с тобой знаем, что это необходимо для обоих, но вот со стороны...

— А мне, если честно, плевать на все взгляды со стороны. Если мы с тобой составляем единое целое и жить друг без друга не можем, то остальное нас не должно касаться.

— И всё же, милая, надо хоть немного соблюдать правила приличия на людях.

— А здесь есть люди? Люди? А-у? Вы где? Вот видишь, мой дорогой, нет никого. Так что всё в порядке.

— А ты не думала о том, что в дальнейшем тебе захочется иметь семью и детей? Что сможешь полюбить мужчину, от которого потеряешь рассудок? Нет?

Арина села в кровати и, подтянув к себе ноги, обхватила их руками.

— Думала и не раз. Может быть такое и случится, но вероятность, что мы сможем познакомиться с парой близнецов или двойняшек, которые станут нашими супругами, очень и очень мала. Один шанс на миллион.

— Ага. Но если такой шанс осуществится, то и в дальнейшем каждая пара близнецов или двойняшек будет спать с родным человеком в обнимку, закинув ему ногу чуть ли не на голову, при этом сладко мечтая о личной славе.

— Ах ты, бледная поганка, — Арина вспыхнула и, неуловимым движением выдернув из-за спины подушку, отправила её в полёт, явно целясь в голову брата... Тот среагировал мгновенно, выставив перед собой "щит", в который подушка ударилась и, вспыхнув, осыпалась невесомым пеплом на дорогой ковёр, которым был устлан пол в спальне.

— Ни фиги себе, — девушка открыла рот от удивления. — Ты когда это придумал комбинацию со щитом и огнём? Колись, иначе...

— Никакого иначе, сестрёнка. Ты долго спишь, а твой брат в это время напрягает мозги, заботясь о безопасности не только себя, но и своей любимой сестры.

Девушка подскочила с кровати и мгновенно оказалась рядом с братом, обняв его за шею и притянув голову парня к себе.

— Рассказывай и показывай немедленно, — практически голая сестра совсем не думала о том, как выглядит в это время со стороны.

— Милая моя, — Антон медленно отодвинул сестру от себя, напрягая все мышцы, так как сестра, несмотря на свою конституцию, обладала немалой силой. — Я вот смотрю на

тебя и радуюсь, что какому-нибудь мужчине в жизни несказанно повезет, и он сможет целовать эти красивые грудки сутками. Знаешь, ты сейчас такая красивая, что, пожалуй, я и сам сейчас не удержусь.

Арина, взвизгнув, вырвалась из рук брата и вихрем умчалась в ванную....

Парень улыбнулся и, одевшись, стал заправлять кровать, зная, что его половинку можно будет увидеть не менее чем минут через двадцать. Ну, любила она воду, что поделаешь... А эти игры в возможные поцелуи не были столь уж редки. Минимум несколько раз в год Антон грозился обцеловать тело своей сестры с ног до головы, но они оба знали, что это только слова и не более...

Антон улыбнулся своим мыслям и снова задумался. Сегодня последний день показательных «операций» в госпитале. Ещё вчера он решил сломать публичный процесс, после чего и распорядился вывезти аппаратуру. Выполнит Светлана свою работу или нет — он не знал, но хотел верить, что помещение, в котором хранилась техника, не будет вскрыто Светланой или кем-нибудь ещё. Явно за госпиталем ведётся наблюдение, да и команды, которые он слышал вчера по рации, были произнесены не просто так. Одно только беспокоило. Если ФСБ-шники задержат Свету, то кто будет руководить погрузкой, и кто будет сопровождать технику до их клиники...

Его размышления прервал аккуратный стук в дверь, что удивило Антона — тот ещё вчера увидел рядом с входной дверью кнопку звонка. Парень подошёл к двери и закрыл глаза, стараясь почувствовать визитёра. За дверью находился мужчина, с которым он вчера вечером беседовал и который был тем, кто провёл двойняшек до самой двери в квартиру, да ещё потом и лично обошёл её, заглядывая повсюду, убеждаясь в безопасности жилья.

— Кто там? — голосом и с интонацией галчонка из известного мультика проговорил в замочную скважину Антон.

— Это я, майор Скворцов, принёс письмо для нашего мальчика, — раздался придурашливый голос с другой стороны двери и, щёлкая ключом в замке и открывая дверь, Антон увидел смеющегося офицера.

— Проходите, почтальон Скворцов, — улыбнулся Антон. — Вы сегодня один? И без велосипеда?

Тот посмотрел на невозмутимого парня и засмеялся в голос. Антон с удивлением посмотрел на визитёра, а потом и сам присоединился к нему, настолько сама ситуация была забавна, тем более, что майор и в самом деле в руках держал запечатанный конверт.

— И от кого же это послание? От мамы с папой, которые беспокоятся обо мне?

— Нет, Антон, — уже серьёзно ответил Андрей. — Это от Свара. Ему пришлось ночью срочно возвращаться в Питер.

— Во как? — удивился Антон. — Ладно, проходите, а я пока прочту послание столь важного вельможи, которое доставляет аж цельный майор Федеральной службы безопасности. Мне кровью нигде расписаться не нужно в получении столь загадочного письма?

Майор был скорее хмур, чем весел, и ничего не ответил, лишь отрицательно покачал головой.

— Ясно, что ничего не ясно, — пробормотал парень, открывая письмо.

«Антон и Арина.

Мне неловко, что даже не попрощался с Вами, но появилась информация, которую необходимо срочно озвучить на общем КРУГЕ. Дело сверхважное и меня в Питере уже ждут.

С Вами будут круглосуточно люди из служб и Братства, поэтому не бойтесь и работайте спокойно. До встречи дома. Обнимаю и прижимаю к себе. Свар».

— Я ещё вчера ему сказала, что ОН — огромная поганка. — Арина из-за плеча брата прочла письмо и плюхнулась в кресло, замотанная лишь в широкое и длинное полотенце. — Как явился внезапно, так и свалил в туман. Блин. Знаешь, как я его теперь буду называть? Ёжик. Как пришёл из ниоткуда, так и свалил туда же.

— Рин, он пишет, что у него срочные дела.

— Ага... Знаешь, какие дела? Могу рассказать. Это мы и наши способности. И теперь седые головы из Совета КРУГОВ будут днями и ночами думать куда нас запрятать так, что бы и в истории не осталось воспоминаний, что были такие на белом свете и что...

— Стоп, Рин, стоп, — Антон прервал начинающую закипать от гнева сестру и показал на её длинные красивые ноги. — Ты, моя дорогая, сходи в комнату и приведи себя в достойный вид. Здесь присутствует, как ты наверняка успела заметить, симпатичный мужчина, который уже несколько минут не сводит с твоих ног, да и других частей тела, своего пристального взгляда.

— И почему я должна прятать свою красоту от мужских взглядов, а? Особенно, если этот представитель противоположного племени не так уж плох собой?

— Не племени, чучело, а пола. Накинь хотя бы халат.

— Тот халат, что висит в ванной, вообще предназначен для ролевых игр. Там разрезы имеются, что... Ой... Тошка, паразит, хватит щипаться. Больно же. Синяк теперь будет...

Арина ушла из комнаты, медленно покачивая бёдрами и делая вид, что её полотенце вот-вот упадёт на пол...

Антон смотрел на это представление с улыбкой, а потом кинул взгляд на бедного майора, котрый сидел в мягком кресле, стараясь создать впечатление, что его вообще здесь нет. Лицо его то бледнело, то краснело...

— В принципе, ты, майор, молодец, выдержал две минуты, хвалю. За всю мою жизнь, наверное, человек пять-семь откровенно не пускали слюни после такого дефиле. Не удивляйся, это наша обязательная программа для испытания новичков. Пока ты держишься. Посмотрим, что будет дальше. Совет тебе, пока сестра в ванной, — отдели чувства от работы. А лучше всего перед тем, как будешь иметь дело с моей половинкой — имей в кармане кусочек лимона. И при малейшем сомнении в себе — лимон под язык. Ясно?

Майор ничего не ответил, лишь закивал как болванчик.

Вскоре из ванной вышла Арина в новом образе — а-ля «синий чулок». Никакой косметики, поскольку её не было, немного покрасневшие глаза, словно девушка плакала, а её густые волосы исчезли, превратившись в какой-то непонятный бублик на затылке. Лицо Арины украшали очки в толстой чёрной оправе (правда, с простыми стёклами), но именно эти очки и приковывали к себе внимание, коверкая природную красоту.

— Ну-с, господин майор, — строгим голосом старой библиотечарши, задала вопрос девушка. — Мой братец, будь он неладен, наверняка Вам посоветовал в дальнейшем держать в кармане половинку лимона, так? ОТВЕЧАТЬ!!!

Слово «отвечать» она буквально проорала в лицо майора, который от неожиданности подпрыгнул в кресле, а потом встал и с удивлением посмотрел на девушку.

— Зачем Вы...

Арина лёгким толчком вновь усадила майора в кресло и, подняв ногу, прижала ступню к животу мужчины.

— Куда Вы дели тело Свара? Только не надо врать, иначе я парализую твои ноги и руки, майор, а потом дам команду на расслабление кишечника. Представляешь это ощущение, когда ты не можешь двигаться, а твой организм медленно опустошается. Не хочешь почувствовать это удовольствие? Тогда отвечай, иначе я приведу слова в действие...

Голос Арины на этот раз был и предельно сексуальным и, в то же время, в нём была определённая уверенность, что все сказанное действительно через несколько секунд осуществится...

— Я клянусь, что сам посадил Свара в вагон поезда. Он поехал не один, а в сопровождении четырёх ЗАЩИТНИКОВ Братства. Я клянусь всем, что у меня есть.

— А что у тебя есть интересного, майор? Давай, предлагай. А если будешь лгать, я тебе буду откусывать палец за пальцем на руках. Ты же уже знаешь, что я умею читать в чужой голове как в раскрытой книге. И могу сделать так, что ты не будешь чувствовать боль от потери пальцев. Абсолютно ничего. Только видеть свои пальчики, сложенные на пухлом животике. Начинай, малыш, я жду с нетерпением...

Майор собрал все свои силы и хотел было подняться, но с ужасом понял, что ни ноги, ни руки его не слушаются. И вот тогда его стал наполнять животный ужас от пребывания в одной комнате с ненормальными людьми.

— Это кого ты считаешь ненормальными, а? Ты сам сейчас превратился в кусок мяса, а в твоём мозгу кроме ужаса не осталось ничего — ни чести, ни долга, ни достоинства...

— Арина, хватит. Твой экспромт перешёл границы, — недовольно сказал Антон и, сделав шаг вперёд, за воротник поднял над полом сестру. — СТОП!!!

— Братик, — улыбнулась Арина, — не будь идиотом. Ты не заметил, что в письме нет знака писавшего? Что, лопухнулся?

— Это ты не будь идиоткой, сестричка. Вспомни порядок очерёдности замещения знаков. Сегодня какое число? Третье. Вот разуй свои глаза и посмотри внимательно. — И Антон ткнул письмом в лицо сестры.

Та вырвала из рук Антона лист бумаги, подошла к окну и, наклонив письмо, взгляделась в текст.

— Упс... Да, моя ошибка, признаю. Видать стала стареть и память уже подводит.

Арина взглянула на майора и тот почувствовал, что к нему возвращается способность управлять телом. Он встал и, качаясь на нетвёрдых ногах, пошёл к выходу.

— Майор, — позвала мужчину Арина. — Ты уж прости за небольшой спектакль. Нам надо было убедиться, что ты не продался.

— Вы сумасшедшие и психи. По вам больница скучает, — пробормотал Скворцов и схватился за косяк двери.

— Не скучает, а плачет, — на автомате поправил Антон. — А вообще ты бы сполоснул лицо холодной водой и вернулся. Мы ещё не обо всё поговорили.

— Говорите с кем угодно, но только не со мной. Я уже сыт по горло общением, — майор открыл входную дверь и, выйдя, с силой её захлопнул.

— Мать, ну ты даёшь, — растроенно протянул Антон. — С твоими сценками у нас вскоре вообще не останется человека, с кем мы могли бы просто поговорить. Зачем ты так с ним? Хороший же мужик.

— Как мужик — не знаю, но ты бы слышал его мысли, когда я шла переодеваться. Он меня изнасиловал самым жестоким образом немисленное количество раз. Так что мужчина, который теряет человеческий облик при виде соблазнительной самочки, не мужик, а нечто неопределённое. Я ванной тёрла себя со всех сил, словно смывая следы этого

похотливого самца. И сыграла лишь в отместку за своё моральное унижение. А условный символ я и сама заметила, так что и здесь продолжала играть. Всё ждала, что тот возьмёт себя в руки и в его душе вновь появится офицер или ЗАЩИТНИК Братства, но, увы. Это было уже испуганное безвольное животное, которое чудом избежало смерти. И давай не ссориться, любимый. Мы с тобой единое, но не могу же я каждый раз брать на себя самую тяжёлую долю — унижать людей и доводить их животного состояния. Мы же с тобой ещё в детстве договорились, что всё пополам. А за этот месяц я уже третий раз играю палача. Если б ты знал чего это мне стоит...

Арина плюхнулась в кресло и горько заплакала.

Антон несколько секунд держался, а потом подошёл к креслу и сел на широкий подлокотник, приобняв сестру и целуя её в макушку.

— Всё, родненький. Прости, что я не понял тебя сегодня. Ответь мне только на один вопрос — почему ты мне не сказала о том, что ты будешь делать? У нас же имеется способ общения, который никто не сможет ни прервать, ни подслушать.

— Почему? — открыла широко глаза сестра и, на секунду задумавшись, выдавила с трудом из себя, зарыдав в голос.

— Я забыла-а-а-а... и не подумала-а-а-а...

Антон поднял на руки сестру и, прижав к себе, стал ходить по комнатам, качая её словно маленькую, периодически целуя куда придётся.

— Какая же ты ещё маленькая, лапушка ты моя. Нежная и беззащитная, хотя и пытаешься из себя корчить чёрт знает что. Тебя вот так и надо воспринимать — носить на ручках, качать как маленькую и целовать как можно больше.

— И чаще и нежнее, — послышалось от груди Антона.

— Да, согласен. Целовать надо чаще и нежнее. Вот таковы и будут напутствия от меня твоему будущему мужу. А вот как он сам будет делать, то это уже останется без моего контроля.

— Не хочу мужа, хочу, что бы ты меня носил на ручках.

— Ринушка. А напруги содержание своей прелестной головки. Сколько лет тебе, моя ненаглядная? И сколько ещё я ещё должен буду носить тебя на руках?

— Какая разница сколько мне лет. Кстати, столько, сколько и тебе. А хочу я, что бы ты меня носил всегда на ручках, до самой нашей старости...

— ... После чего рыбка золотая, махнув хвостиком, решила кончить жизнь самоубийством...

— Поганка, — сестра в руках Антона стала дёргаться, вырываясь, и брат поставил её на ноги. — Вот и проявилось твоё истинное отношение ко мне. Как говорится, друг познаётся в беде, так? А ты как себя ведёшь? Самое простое, что я от тебя прошу — немного ласки и нежности, а ты... грубый ты и не женственный, вот.

— Что, тараканы Светки нашли пустующее помещение и стали звать предков для благоустройства?

— Кого звать? — непонимающе посмотрела на вздрагивающего брата Арина, а через мгновение оба хохотали в голос, обнявшись и кружась по большой комнате...

* * *

Полчаса спустя брат с успокоившейся Ариной сидели в креслах напротив друг друга и, взявшись за руки, спокойно беседовали. Антон рассказал сестре о своём плане на сегодняшний день, который был сразу поддержан.

Молодой человек вздохнул и посмотрел на часы у входа.

— Уже скоро девять утра, а нас ещё не накормили, и не оповестили как будем добираться до госпиталя. Начало представления, которое мы устроим приехавшим «покупателям», назначено на час дня. Времени не так много, хотя больше меня волнует судьба техники.

— Согласна с тобой полностью. Меня это тоже тревожит. Знаешь, складывается ощущение, что нас стали бояться как огня, и сейчас, скорее всего, кто-то стоит у дверей и трясётся от страха, что мы выскочим и набросимся на него. Пойду, посмотрю, а вдруг...

Арина подошла к входной двери и, поняв, что замок до сих пор открыт, распахнула дверь. Перед ней стояли две представительницы прекрасного пола, и обеих Арина знала.

К тому же девушка заметила, что майор Скворцова опускала руку, словно крестилась перед тем, как постучать в дверь.

— Долго Вы здесь топчитесь? — С ухмылкой произнесла Арина. — Заходите, коль пришли. Мы не такие страшные, как Вам рассказывали, и не кусаемся больно, честное слово.

— Не могу комментировать твои последние слова, но мне только что сообщили, что брат подал рапорт об отказе с Вами работать. Написал, что Вы проявили нескрытую антипатию и агрессию по отношению к нему лично.

— Начальство подписало? — спросил подошедший Антон.

— Да, не глядя, — подтвердила Марина и представила коллегу — девушку, ровесницу Арины. — Это...

— Простите, госпожа майор, но нам Женю представлять не надо. Мы вместе провели два лета в Уральской школе, так что знаем, надеюсь, её лучше Вас.

— Вот и хорошо, — с облегчением выдохнула Марина. — Всем будет легче.

— Проходите и располагайтесь, — Антон показал на комнату. — Есть пара вопросов, которые не терпят отлагательств. Потом всё остальное.

Когда все расселись, Антон задал первый вопрос.

— Меня интересует в первую очередь судьба нашей техники и, соответственно, Светланы. Вчера прозвучало, что её будут задерживать, но я, если честно, этот вопрос опустил.

— Приказ моего брата о задержании Светланы был отменён руководством. В данный момент Ваш бывший сотрудник следует как сопровождающий на машине в Петербург. Техника принята в госпитале по списку и проверена на работоспособность. Никакого вмешательства посторонних лиц не выявлено. За грузовиком ведётся наблюдение из другой машины, где находятся трое наших сотрудников.

— Прекрасно, — обрадовался Антон. — Идём дальше. Сразу два вопроса. Где мы сможем позавтракать? К слову, мы и поужинать вчера не смогли из-за известных событий.

Женщина смутилась.

— Простите, но и мы этот вопрос упустили. А позатракаем все вместе в кафе, что недалеко отсюда. В 12.00 у дома будет стоять микроавтобус, в котором мы все вместе направимся в госпиталь.

— И тогда последний вопрос, — Антон на секунду задумался. — Вопрос, точнее, просьба. У нас авиабилеты на вечер. Не могли бы Вы поменять на более ранний рейс. Скажем, на пять или шесть вечера? Я не знаю расписания, но нам нужно как можно быстрее вернуться домой. К тому же, думаю, и Вы будете рады пораньше избавиться от нашего присутствия.

— Давайте билеты, попробую организовать, — женщина протянула руку, на что молодой человек хлопнул себя по лбу.

— Увы. Только что вспомнил, что наши билеты в моей сумке, которую вчера унесли Ваши сотрудники.

— Это не проблема. Сейчас позвоню, и их мне привезут.

— И что показала проверка наших вещей?

Лицо Скворцовой исказилось.

— Кроме двух пакетов по 200 граммов героина в Вашей сумке, Антон, некоторая часть косметика Вашей сестры была пропитана нервно-паралитическими препаратами. Наши специалисты до конца не определили тип и формулу, но однозначно заявили, что лаборатория, где был синтезирован препарат, на 99 процентов находится в Англии. Простите, Арина, но вся косметка возврату не подлежит. Там концентрация такова, что один мазок помады может гарантировать, как минимум, паралич в течение пары минут.

Антон сидел, о чём-то размышляя, после чего задумчиво спросил у майора.

— У меня не складывается в мозгу картинка, хоть убей. Получается хренотень в итоге. Зачем было ликвидировать мою сестру, а мне подкидывать наркоту? Я так понимаю, что те машины, которые следовали к гостинице, и которые Ваши люди притормозили, наркоконтроль? Или как они сейчас называются?

— Да, Вы правы, Антон. В машинах были следователи и опергруппа из Главного управления по контролю за оборотом наркотиков. После краткого допроса всех задержанных выяснилось, что приказ о Вашем задержании был подписан ещё вчера днём, когда Вы сами были на территории госпиталя. Сейчас с этим разбираются в усиленном режиме и пытаются выяснить источник информации.

— И всё равно не складывается картинка. Кто и чего добивался, убивая мою сестру и пряча меня за решётку на долгое время? Ведь всем известно, что работаем мы ТОЛЬКО в паре и никак иначе. Зарубежным спецслужбам это невыгодно — сегодня у меня randevu с представителями, как я понял, сразу нескольких крупных клиник, или кого они там будут представлять. Нашим деятелям? Не знаю, но считаю, что тоже невыгодно — у нас очередь расписана чуть ли не на год вперёд. И большинство из пациентов именно из верхнего эшелона власти или членов их семей. Убрать нас, что бы те не смогли подлечиться? Смешно в корне и я в это не верю. Тупик, если честно. Единственное, что может быть — это непонятная третья сторона, которая пока незрима и неощутима, но гадить уже начала по-полной. И всё равно не складывается. По логике — это должны быть не одна, а две силы, которые действуют независимо одна от другой, но явно не желают нам добра.

Скворцова внимательно выслушала Антона и лишь развела руками.

— Ваши Выводы логичны, хотя, признаюсь, под таким углом сложившуюся ситуацию никто не рассматривал. А логика у Вас безупречна. Извините, но я сейчас ненадолго отлучусь — поделюсь с руководством Вашими размышлениями.

— Я не против, Марина. Только, если позволите, один личный вопрос я могу задать?

— Если смогу ответить, то отвечу.

— Почему Вы так безэмоционально отреагировали на случай с Вашим братом? Я ведь заметил, что у Вас реакция была скорее безразлична, чем скрытые переживания.

— А, это... — Слегка улыбнулась женщина. — Не никаких секретов на эту тему. Мы с братом детдомовские. До сих пор так и не получили достоверной информации куда делись наши родители. По одним документам — они были чуть ли не разведчиками, по другим —

трагически погибли в автоаварии. Нас, не понимая почему, разделили в детстве, а было нам на тот момент по два года. Шло время и только когда мы, независимо друг от друга, попали в одну и ту же школу в Братстве, выяснилось, что мы не однофамильцы, а родные брат и сестра. Кстати, мы близнецы. Шло время, а родными мы так и не стали. Вроде и появилась связь, но какая-то... натянутая, что ли. Скорее надуманная, нежели естественная. Вот и вся история. А то, что мы одновременно стали работать с Вами, хоть и представляя разные ведомства, так это воля Случая и Братства. Кстати, а почему Вы задали этот вопрос?

— Потому, что, не услышав Вашего ответа, не смогли бы Вам сказать откровенно о Вашем родном брате. Сегодня он не прошёл элементарную проверку «на вшивость». Поверьте, что мы не обманываем. Он слабый по характеру и не является бойцом. По прибытии домой, мы составим отчёт для его Круга, где дадим рекомендации о его дальнейшем применении в Братстве. Простите, но без дальнейших пояснений.

Майор улыбнулась.

— Вы не открыли мне глаза и не сказали ничего нового. Я всегда знала, что на него нельзя было положиться и я, выражаясь высокопарным языком, «в разведку с ним не пошла бы». У него в стрессовых ситуациях эмоции полностью заглушали разум и логику. Это, кстати, отмечали и психологи Братства.

— Так почему его направили на столь ответственную работу, — удивился Антон, на что женщина еле заметно улыбнулась и развела руками.

Антон прислушался к эмоциям сестры и понял, что ту всё время волновало, задав Марине вопрос.

— У нас найдётся полчаса свободного времени до завтрака или после него?

— Время есть и с запасом.

— Мы, к сожалению, Москву так и не посмотрели и не знаем что здесь и как, поэтому прошу совета у Вас не как офицеров, а как у женщин — где здесь недалеко можно купить хорошую косметику?

— *«Антошечка, любимка моя. Ты самый лучший на свете!!!»* — донеслась мысль-эмоция до парня и его с ног до головы окутало чувством любви и радости сестры.

— Недалеко отсюда есть мегамаркет, где полно отделов, которые торгуют самой разнообразной косметикой, — отозвалась Наталья и с улыбкой посмотрела на Арину. — Хотя могу предложить и свой запасной нетронутый набор. Он далеко не самый плохой.

— Спасибо Вам, но мы актёры, которые играет по жизни, а не в театре. И лучше пользоваться личным проверенным комплектом, а не тем, что предлагают гримёры. Извините, не хотела Вас обидеть. Наоборот, выразить Вам свою искреннюю благодарность за проявленную заботу, зная, что мало кто из женщин сможет поделиться личной косметикой, — девушка, увидев слегка искажившееся лицо женщины, поспешила сгладить свою грубость.

— Я понимаю Вас, Арина, как женщина женщину, поэтому без обид, — улыбнулась Наталья и поднялась с кресла. — Тогда Вы пообщайтесь со своей знакомой, а я минут на десять покину Ваше общество. Вернусь и мы пойдём завтракать.

Когда майор вышла, девушки обнялись и стали болтать как старые подружки, вспоминая своих знакомых, совсем не обращая внимания на Антона. Парень немного посидел рядом, а потом, извинившись, пошёл к себе в комнату и, завалившись на кровать, стал выстраивать предстоящий разговор с иностранцами, пытаясь предугадать различные варианты исхода переговоров.

Когда Наталья вернулась в квартиру и позвала всех в кафе, Арина позвала брата, но, не дождавшись ответа, зашла в комнату и увидела как тот сладко спит, свернувшись калачиком и спрятав голову под подушку.

— Поднимайся, труба зовёт! — девушка села на кровать и нежно стала гладить брата по руке. — Мне так не хочется тебя будить, но надо поесть, иначе сил не будет. Чувствую, что обеда мы лишимся в любом случае, если только не перекусим во вчерашнем кафе, а потом домой к маме.

— *«Малыш, а не завалиться ли нам к Белым по приезду? — донеслась мысль Антона. — Мы ведь спиногрызов Катьки уже с месяц не видели. Сегодня и завтра они дома, а потом опять в школу пойдут. И нам радость и им, да и тётка будет счастлива нас видеть».*

— *«Я только за, — до брата донеслись радостные эмоции Арины, — тоже скучаю по ним. Хотя ты опять ошибся — это мы для Кати тётя и дядя, а она нам племянница».*

— *«Какая разница? Она, по большому счёту, нам сестра».*

— *«А по маленькому?»*

— *«Фу... Рин, опять ты... Как думаешь, Олег дома? Или опять куда-то свалил? Сварто отправился в Питер, хотя... Вот неймётся этим двоим. У меня складывается впечатление, что Белый просто боится Катьку и старается дома лишний раз не показываться. Я не прав?»*

— *«Не прав. И если бы хотел хоть немного почувствовать Белого, то понял, что Катя для Олега не просто супруга, а нечто большее. Я, конечно, может и немного преувеличиваю, но он относится к ней как к ожившей богине».*

— *«А как может относиться человек, которого вернули к жизни, да ещё и омолодили? Я бы точно носил такую женщину на руках всю жизнь, а то, что он мотается по белу свету в поисках неизвестного, то, как мне кажется, лишь для того, что бы их чувства не угасали. Я однажды присутствовал, когда Олег вернулся домой спустя месяц странствий. Ты бы видела их. Олег схватил Катьку на руки и так прижал к себе... Это был такой эмоциональный взрыв... Я думал, что они начнут светиться словно боги. Эти потоки нежности, радости, любви и счастья... Знаешь, словами не передать всё то, что я почувствовал».*

— *«Завидую я им по-доброму и желаю только счастья на многие голы. А у меня есть ты — и мне этого достаточно. Я купаюсь в твоей любви, заботе и ласке. Если б ты знал как я бузумно счастлива, что мы вместе»...*

— *«И я люблю тебя, сестрёнка, больше самой жизни. Ты моё солнце и моя радость. Ты — моя лучшая половинка»...*

Арина прыгнула на кровать к брату, и они обнялись что было сил, соединяя свои души, чувства и мысли, а через секунду отпрянули друг от друга в изумлении — им показалось, что от них во все стороны стала распростряться физически осязаемая волна чего-то светлого и яркого.

В комнату без стука ворвались Наталья и Евгения, выпученными глазами глядя на двойняшек, которые лежали на кровати, взявшись за руки и с изумлением смотрели друг на друга, а потом перевели взгляды на появившихся женщин.

— Ребята, — ошарашенно спросила женщина, — что это было?

— А что было? — переспросила Арина. — Мы ничего не видели и не слышали. Просто лежали и разговаривали о планах на будущее.

— Нас словно окатило волной неземной любви и, простите, нестерпимого желания, —

майор смутилась от своих же слов и, явно переборов себя, постаралась говорить как можно ровнее и спокойнее.

— Давайте уж пойдём завтракать, а то время идёт... Я сейчас, уж простите, к Вам в туалет заскочу и через минуту буду готова.

Когда она ушла, до сих пор красная от смущения Женя, неловко присев на край кровати, тихо проговорила.

— Я не знаю, что Вы сделали, но меня внезапно захватило такое желание отдаться, не передать словами. А потом я... разрядилась. Уж простите за столь интимные слова. Не знаю, Аринка, какую Вы цель преследовали, но очень прошу Вас — не надо так больше делать, очень прошу. Майора ведь тоже прихватило, я видела.

— Женя, — удивлённо произнёс парень. — Мы ничего не делали и не пресловали никаких целей, клянёмся. Поэтому извини, претензия не по адресу. Арин. Пойдём, что ли, а то нас опять в чём-то непонятном обвинят.

— Это не Вы? Правда? — удивлённо пробормотала Евгения. — Тогда простите меня, хотя... Я в этой «волне» почувствовала тебя, Арин. Не знаю как, но очутила твоё безграничное чувство счастья и восторга, — девушка продолжила уже чуть слышно. — И чувство любви и... удовольствия...

— Ну, ты и выдумщица, — Арина вскочила с постели и обняла смутившуюся и покрасневшую девушку. — Мы же с тобой много лет знаем друг друга, так какого ты придумываешь, что во всём произошедшем виновата именно я? Я лишь разбудила брата, который сладко спал, а потом мы разговаривали. И больше ничего.

— *«Ну-ну, сестрёнка. Каждый день приносит нам открытия и откровения. Сегодня, вон, довели девушек до оргазма, неконтролируя личные чувства. Кстати, интересно — насколько эта «волна» продвинулась. Представляешь, если далеко? Офигеть не встать. А если мы такое будем делать регулярно по вечерам, то рождаемость в нашей стране резко повысится. Как считаешь, стоит продолжать?»*

— *«Тошка. Я не знаю, как всё это получилось, но давай всё же контролировать себя более тщательно. А?»*

— *«Ага. Всё, идём, а то что-то долго наша майорша из туалета не выходит. Знать её и в самом деле затронуло по-полной».*

— *«Только не надо пошлости. Ты знаешь, как я это не люблю. Всё, вставай и делаем вид, что ничего не произошло».*

--

После плотного завтрака, когда двойняшки съели вдвоём столько, что даже удивили самих себя, не говоря о сопровождающих, вернулись обратно в квартиру, а вскоре, оставляя Антона одного, троица женщин, собравшись отправиться на шоппинг, напутствовала и инструктировала остающегося.

— Антон, из квартиры не выходи, очень тебя прошу, — это была Наталья. — Хоть рядом и находится с полдесятка моих людей, но не надо притягивать к себе неприятности.

— Как скажете, госпожа майор, — с улыбкой ответил парень. — Я сейчас в душ и посплю, а то чувствую, что переел слегка. Вы там особо не дёргайте сестрёнку — пусть она спокойно сама выберет то, что нужно.

И, уже обращаясь к Арине, не стал говорить вслух.

— *«Малыш. Денег-то на твоей карте хватит, что бы расплатиться?»*

— *«Не хватит, так украду остальное. Отведу глаза и натырю столько, сколько смогу»*

унести».

— «Я тебе натырю по одному месту так, что потом неделю сесть не сможешь. Хоть и люблю тебя, но такое не спущу».

— «Да шучу я, как ты не понимаешь? Я за свою жизнь даже спички не украла. Зачем ты так?»

— «И я шучу — ты тоже это знаешь. Ладно, шутки в сторону. Теперь серьёзно. Смотри по сторонам и в случае чего дай знать. Я буду присматривать за тобой».

— Наталья, — он обратился к женщине. — У меня необычная просьба. Вы не могли бы с собой захватить для страховки ещё трёх-четырёх человек? Мне охрана не нужна и я обещаю Вам, что останусь здесь до последнего. Но если с сестрой что-нибудь случится, то говорю прямо — я Вас выверну наизнанку, как и всех, кто не справится со своими обязанностями.

— Вы думаете, что могут быть неприятности?

— Я думаю, что лучше перестраховаться, раз на нас идёт какая-то странная охота. Вот посадите нас в самолёт и убедитесь, что тот взлетел, тогда и расслабитесь. А пока Вы выполняете функции охраны — позаботьтесь о предупреждении возможных неприятностей. Вы же сами из Братства и должны помнить Наставление ЗАЩИТНИКА. Я не прагматик. Напомню Вам, что, одев погоны, Вы не перестали быть ЗАЩИТНИКОМ.

— Я это никогда и не забывала, Антон, — взвилась женщина. — Не надо мне напоминать прописные истины. Я выполню свой долг до конца, будьте в этом уверены.

— Вы не поняли меня, Наталья. Я не учу Вас и не корю. У меня одна единственная сестра, которую я не могу потерять. Это моя неделимая половина, без которой мне жизни не будет. Да и Вас обеих хочу видеть живыми и здоровыми... Да ну его к чёрту. Я иду с Вами. И Вам и мне будет спокойнее, а если что — сразу говорю Вам, Наталья и Евгения — мы намного сильнее не только Вас, да и большинства в Братстве, и сами можем постоять за себя. Единственное, чего боюсь, то если мы начнём сражаться в полную силу, может пострадать множество посторонних людей. К чему я? К тому, что в случае нападения главным в нашей компании становлюсь я. И именно мои приказы Вы, и приданные люди, должны выполнять бесприкословно и мгновенно. В этом случае я с сестрой постараемся, что бы все НАШИ остались хотя бы живы. О противнике же я беспокоиться не буду от слова совсем. Если Вы принимаете мой ультиматум, то всё пройдёт в разумных пределах. Иначе я не буду рассматривать Вас как «дружественную сторону».

— Круто Вы, — после непродолжительного молчания произнесла майор. — Что ж, я принимаю Ваши условия и дам соответствующее распоряжения всем своим подчинённым. Но это, как поняла, только в случае прямого нападения?

— Вы правильно поняли, Наталья. Только в случае нападения. Вся остальная работа на Вас и Ваших людях как обычно.

— Тогда вперёд, навстречу приключениям, — улыбнулась Арина и все вышли из квартиры. Майор нажала на рации кнопку и почти сразу из квартиры напротив выскочили двое мужчин.

— Мы все вместе идём в торговый комплекс. Оставляйте здесь двух, остальных снимайте с постов и с нами. Схема работы «Двойной круг». В случае явного нападения — бесприкословное подчинение приказам Антона Ярого. Вопросы есть? Нет. Работаем.

Москва. Военный госпиталь.

Два неприметных микроавтобуса остановились непосредственно у входа в военный госпиталь. Пока охрана из второй машины занималась своими обязанностями, Наталья в последний раз инструктировала двойняшек.

— Я прошу тебя, Антон, как ведущего в Вашей связке, что бы держал себя в руках и не спровоцировал международный скандал. Это просьба не только моя лично, а и руководства силовых, да и не только ведомств. Поясню обстановку — сегодня в госпитале устроили внеплановый санитарный день и в коридорах практически никого из посторонних не будет. Больных так же не будут выпускать из палат до 15.00. К этому времени, я надеюсь, Вы освободитесь. Билеты я Вам перерегистривала на шесть вечера. Соответственно, к пяти надо быть во Внуково. Вылет оттуда. До Петербурга будут сопровождать двое сотрудников. Сдадут с рук на руки местным товарищам как положено. А сейчас давайте на выход.

— Спасибо, Наташа, вы нас очень порадовали своей информацией. Это поистине помощь не на словах, а на деле.

Женщина еле заметно улыбнулась.

— Антон. Вы сейчас впервые меня назвали по-человечески. За прошедшие сутки только Наталья или майор. По званию, кажется, чаще.

— Так и Вы впервые проявили не служебное рвение, а чисто человеческое отношение, так что один-один, да?

— Да, Антон. А сейчас идите и покажите ЭТИМ, что наша земля не только недрами богата. Удачи! Вас будет сопровождать Евгения, я же останусь здесь контролировать внешний периметр.

Антон наклонился и поцеловал женщину в щёку, чем вызвал недоумение.

— Спасибо, Наташа, за пожелания и добрые слова. Девочки, на выход.

--

В госпитале и в самом деле было непривычно малоллюдно. Лишь изредка мелькали люди в белых халатах, возникая и почти сразу же исчезая, словно в тумане.

У входа в смотровые, которые были предоставлены госпиталем Ярым на пять дней, стоял мужчина, одетый в тёмный костюм, который, отозвав в сторону Женю, что-то коротко ей рассказал.

Девушка от услышанного нахмурилась и, повернувшись к двойняшкам, пояснила.

— В кабинете находится сотрудник госпиталя, который, показав приказ Главврача, сорвал пломбу и, открыв своими ключами дверь, самовольно проник в помещение.

— А сотрудник, как понимаю, не имел приказа восприпятствовать проникновению. Так? — Антон стал потихоньку раздражаться.

— Так точно. Я не являюсь работником госпиталя и приказа о недопущения проникновения собственно непосредственных сотрудников учреждения в свои помещение у меня не было. Тем более что врач показал приказ о собственном назначении в качестве Вашего ассистента на сегодняшние операции.

Антон открыл рот от удивления, потеряв дар речи.

— Простите, уважаемый, а приказ, что Вы видели, точно подписан именно Главврачом госпиталя?

— Так точно. У меня есть образец его подписи и при сверке был идентифицирован положительно.

Антон услышал сзади еле слышно всхлипывающую сестру. Обернулся и посмотрел — та еле сдерживалась, что бы не засмеяться в голос. Она ничего не стала говорить, лишь отрицательно замотала головой. Потом до Антона донёлся уже мысленный хохот сестры.

— *«Слушай, Тош. А перед нами живой человек или робот? Я, если честно, склоняюсь ко второму. Как-то он неестественно ведёт себя, да и говорит на каком-то непонятном языке».*

Антон улыбнулся и подмигнул девушкам, что стояли рядом. Потом вновь обернулся к сотруднику непонятно какой службы.

— Давно служите? — поинтересовался Антон, кривя улыбку.

— Шестой год.

— А за шесть лет службы Вас так и не научили представляться? Или считает назваться ниже собственного достоинства? Хотя мне, если честно, пофигу. С Вами будут разбираться Ваше руководство, но, как по мне, то Вы явно занимаете чьё-то место совершенно незаслуженно. Свободны. В Ваших услугах более не нуждаемся. Евгения, это, понимаю, Ваш кадр? Если так, то сделаете милость — уберите его отсюда как можно быстрее пока я ещё сдерживаю себя.

Антон рывком открыл дверь и зашёл в помещение. Смотровые были закрыты и по-прежнему опечатаны, а вот в кабине, в «ИХ» любимом кресле развалился незнакомый человек лет тридцати пяти-сорока, который даже не соизволил встать при виде гостей, точнее, на данную минуту, хозяев кабинета.

Антон встал перед этим чудиком и, скрестив руки на груди, замер.

Арина же села на стул и заинтересовано стала наблюдать как будут развиваться дальнейшие события. Евгения, как понял Антон, осталась в коридоре разбираться со своим подчинённым.

— Чего встал? Садись на стул, будем общаться, — донеслось из кресла. И прозвучало это так, словно Антон пришёл милостыню просить у барина.

Молодой человек повернулся к сестре и протянул руку, в которой через секунду оказалась тонкая папка переданная сестрой. Он её открыл и, пролистнув первую страницу договора, остановился на второй. Нашёл глазами нужный пункт и, демонстративно ведя пальцем по строчкам, прочёл.

— Пункт 22 настоящего договора, параграф 3. Цитирую... «На время контракта предоставленные помещения госпиталя являются арендованными ЗАО «...» и передаются арендатору в безраздельное пользование. Посещение или проникновение в указанные помещения любых лиц, в том числе сотрудников госпиталя без представителей арендаторов недопустимы и могут служить к расторжению контракта без предварительного уведомления»... Думаю, Арина, этого достаточно, что бы сейчас же покинуть помещение и отправиться по своим делам?

Сестра встала и медленно пошла к выходу из кабинета, попутно забрав из рук брата папку с договором.

— И что это был за спектакль сейчас, не подскажешь? — раздалось из кресла.

— Это не спектакль, неуважаемый, а лишь цитата из контракта, что был заключён между организацией, которую мы представляем и госпиталем, в помещении которого в данный момент находимся. Счастливо оставаться.

— Я, между прочим, приказом Главврача прикреплен к Вашей парочке в качестве научного консультанта и ассистента. Можете меня звать Алексей...

— Да мне похрен как тебя звать, мудила, — взорвался Антон. — Ты хам, невежа и жлоб. К тому же придурок, который собственной манией величия сорвал международную встречу. Я тебе, недоумок, только что зачитал вслух пункт договора, который однозначно определяет, что своим появлением здесь ты его злостно нарушил. Так что готовь мыло или скипидар, что там у Вас принято готовить — иметь тебя будут долго и вдумчиво за твой непонятный апломб. Ад'ю, пер'дентэ (addio, perdente — прощай, неудачник. Итал.)

Антон вышел из кабинета и, подхватив под локти сестру и Женю, повёл тех к выходу, слыша за спиной какие-то невнятные выкрики.

— Что случилось, Антон? — тревожно спросила Евгения и встала у самой проходной, мешая двойняшкам выйти из госпиталя.

— У тебя задача задержать нас любым способом и не дать покинуть госпиталь? — хмуро спросил Антон. — Объяснись, только внятно и быстро.

— Мне нечего объяснять, — не поняла вопроса Женя. — Всё было нормально, и вдруг ты выходишь бешенный из кабинета и тащишь нас на выход. Это как понимать?

Антон не почувствовал в эмоциях девушки фальши, поэтому не стал действовать жёстко, лишь предложил всем пройти совсем недалеко, в кафе.

Уже там, взяв всем троим по чашке кофе, сока и минералки, открыл переданный сестрой договор и показал пункт, который и был нарушен принимающей стороной.

Женя прочла, сложилось такое впечатление, этот и соседний пункты не один и не два раза подряд, после чего откинулась на спинку стула и задумалась. Через пару минут, слегка хлопнув по столу рукой, изрекла.

— Если следовать пунктам договора, то нарушен не один, а сразу три пункта, но это детали. В любом случае любой суд будет однозначно на Вашей стороне и, при желании, можно вытрясти с Министерства обороны страховую премию. Это так. Но если с другой стороны...

— Женя, — перебил Антон. — Мне не интересны все стороны, которые ты можешь огласить. Есть конкретный договор и в нём чётко прописаны все обязанности сторон. Так? Так. И ты не обратила внимание на то, что именно в ЭТОМ пункте чётко прописано, что любая сторона, имея основания, БЕЗ ОПОВЕЩЕНИЯ другой может расторгнуть договор любое время. Прочти его целиком, а потом поговорим, — и парень вновь сунул документы в руки девушки.

Прошло минут десять, после чего Женя закрыла папку и отдала её Арине.

— Не знаю, кто составлял эти документы, но работал суперпрофи. Всё чётко и ясно, не подкопаться. Мне показалось, что составитель явно благоволил Вашей стороне, нежели госпиталю. Есть некоторые нюансы, которые улавливаешь, прочтя бумагу не один раз.

— Этот профи перед тобой, подруга, — Арина захихикала и кивнула на брата. — Он, перед заключением первого контракта, пару недель сидел а папином кабинете, обложившись книжками по юриспруденции и праву. Потом, со своим черновиком, неделю объезжал все ведущие юридические консультации, доводя до белого каления юристов, добиваясь идеальности формулировок, что бы ни к одной из строчек нельзя было подкопаться. У нас, кстати, есть ещё и приложение к договору, где к каждому разделу имеются подтверждения и ссылки на конкретные законы и постановления.

— Это и правда ты сам написал? — удивилась, не веря, Евгения.

— Правда, — кивнул Антон. — Взял за основу стандартный договор и даже после первого прочтения я, полный профан, увидел СТОЛЬКО лазеек для возможного оспаривания в суде, что решил заняться этим лично. И не две недели, как сказала сестра, а почти два месяца корпел над бумагами. Так что это не экспромт, а длительный изматывающий, но плодотворный труд. Девочки, а это не за нами?

Антон увидел вчерашнего подполковника, который выбежал на улицу и в растерянности озирался по сторонам. — Я, если честно, думал, что за нами побежит тот чудила, который невежливо повёл по отношению к нам.

Евгения поднялась с места и, выйдя на улицу, коснула руки подполковника, который от неожиданности чуть ли не подпрыгнул на месте. После короткого разговора бывший лётчик ворвался в кафе и, увидев сидящих за столом двойняшек, резко сдулся, словно в нём что-то сломалось. Он с шумом выдохнул и направился к столику, за который уже садилась Женя.

— Вы меня до смерти напугали своим уходом, — неожиданно ровным голосом сказал офицер. — Позвольте ненадолго присесть за Ваш столик?

Антон согласно кивнул и удивлённо взглянул на подполковника, а затем на девушек.

— Охренительная разница между людьми, — задумчиво произнёс Антон. — Теми, кто сам добивается всего в жизни, и тем, кого явно тащат за шиворот. Простите, но напомните свои имя отчество, а то вчера с Вами вела разговоры Светлана, а мы лишь выступали в роли статистов. То, что Вы бывший лётчик мы помним, да и фамилия не забыли. Но, согласитесь, по фамилиям называть друг друга в кафе в непринуждённом разговоре — это моветон, не находите?

— Кузнецов, Андрей Николаевич, — почему-то громко сплотив, еле слышно проговорил офицер.

— Андрей Николаевич, прежде чем Вы что-либо скажете, попейте воды или сока. Вот этих двух стаканов мы не касались. Прошу.

— Если можно, то воды... — просипел Кузнецов.

Антон смотрел на подполковника и ему почему-то стало жалко офицера, который был, в общем-то, невиноват ни в чём, а уж так сложились обстоятельства, что в госпитале он не только выполнял огромный пласт работы хозяйственника, но и, по-видимости, стал мальчиком на побегушках.

Парень подождал, пока офицер не успокоится окончательно и только потом спросил.

— Как я понимаю, то проникновение в помещения, которые были нам предоставлены, в действительности санкционированы начальством?

— Так точно, Антон, простите, как Ваше отчество?

— Не надо по отчеству, мы вполне обходимся и своими именами в разговоре с людьми старшего возраста. И кто подписал разрешение на срыв пломб?

— Главврач, — смутился Кузнецов. — Он отчего-то посчитал, что если аппаратуры в помещении уже нет, то туда может входить любой желающий. Я, кстати, категорически возражал, за что получил устный выговор. Но поймите и меня — не могу же я идти против приказа.

— А... То есть Вы лично не присутствовали при проникновении того хама?

— Нет, не присутствовал, хотя на этом и настаивал сам Гриблов, который с утра заявился в госпиталь.

— А это что за персонаж в нашей истории?

— Это... Это отец майора, что проник в ваш кабинет.

— Сын-майор пришёл к отцу, и спросила кроха: «Что совсем нехорошо и что такое плохо», — сколамбурил Антон. — Вы, Андрей Николаевич, не стесняйтесь и поведайте нам, сырым и убогим, кто за кем, что и почему? Я, если честно, ни хрена в Вашем клубке не разбираюсь.

— Сын генерал-лейтенанта Гриблова по требованию своего отца был назначен к Вам ассистентом и научным консультантом на сегодняшнюю диагностику и возможную операцию.

Парень захохотал в голос, от чего на него обратили немногие посетители кафе.

— Подполковник. Вы сами-то поняли, что только что сейчас сказали? Неизвестный научный консультант нам в помощь? Ржу не могу. Так ладно, проехали. Этот сынок врач, как я понял? А папашка кто?

— Отец — из штаба Министерства. Как я понял по отрывкам разговоров, то вчера ещё сам лично не хотел вмешиваться в эту историю, но на него насели как сам сынок, так и его мамашка.

— А откуда, если не секрет, Вы всё это всё знаете?

— Так ещё вчера майор вечером потребовал, что бы он ЛИЧНО присутствовал на демонстрации, инспектируя и лично контролируя процесс. Боюсь передать неточно, но его слова звучали как «в ином случае наука может понести неисполнимую утрату». Когда главврач отмахнулся от требовальщика как от назойливой мухи, майор пообещал, что дойдёт чуть ли не до министра обороны, но своего добьётся.

Кунецов произнёс эти слова с каким-то сарказмом, и все присутствующие поняли как относятся к сыну генерала в госпитале.

— Ещё какая-либо новая информация о сегодняшнем дне или изменении наших планов есть?

Полковник смешался, опустив голову.

— Вместо курсанта ФСБ, документы которого Вы вчера видели, назначен другой пациент — подполковник Андрюшенко, который после тяжёлой травмы позвоночника и нескольких операций так и остался парализован.

— То есть, как заменили? — недоумённо спросила Арина. — Без нас нас женили? Это уже ни в какие рамки...

— Подожди, Рина, — перебил сестру Антон. — Вы сказали, что было проведено несколько операций? Какого рода?

— Я не врач и не могу ответить на понятном Вам языке. Знаю только, что оперировали раздробленный позвоночник.

— Да-а-а, — протянул Антон. — Теперь предпоследний вопрос. Осмотр где будет проводиться? Там, где и раньше?

— Да, — кивнул подполковник. — Пациента, скорее всего, привезут в смотровую, где и проводилась диагностика все эти дни, поэтому и майор там с утра.

— А где наш курсант?

— В палате, где и был.

— Знаете в какой?

— Точно нет, но узнаю без проблем.

— И последний вопрос к Вам, Андрей Николаевич. Наши «заклятые друзья» из зарубежья прибыли?

— Уже как полчаса назад. Сейчас направляются завтракать в приготовленное

помещение.

— Тогда вот что, уважаемый. Сейчас остановите транспортировку в смотровую нового пациента, это, во-первых. Во-вторых — мы их посмотрим прямо в палатах, несмотря на последствия. Ответственность беру на себя. Если этому будут сопротивляться сотрудники госпиталя, не говоря уже о Вашем руководстве, то мы просто развернёмся и уедем отсюда. Условия контракта УЖЕ нарушены со стороны госпиталя, так что передайте недовольным наши условия. Всё. Действуйте.

Когда Кузнецов в полном смысле слова убежал, Арина, посмотрев на брата, спросила.

— Может поможем нашему невольному соучастнику вернуться в ряды славной авиации?

— Поздно, моя хорошая. У него ампутированы шесть пальцев на ногах, да и времени прошло много, мы ведь не боги. Не будем обнадёживать неплохого человека. К тому же я в курсе, что у нас лётчиков в разы больше чем самолётов. А что подполковник? Ну, раз, два, ну десять поднимется в воздух и всё... пенсия. Я тебя знаю и понимаю твоё сопереживание, но... Мы двоём не в силах помочь всем на этой земле. Даже и не на земле и не в стране, а в конкретном госпитале.

Вскоре вернулся Кузнецов и повёл всех троих, раздав белые халаты, маски и бахилы, в палаты.

--

Первым был парализованный подполковник. Антон с сестрой провели быструю диагностику и, посмотрев друг на друга, вышли из палаты в сопровождении лечащего врача, который присутствовал при осмотре.

— Уважаемый, — Антон посмотрел в глаза врачу, который с надеждой ждал ответа от молодых людей. — Я чувствую Ваше желание помочь, но скажу сразу — после тех операций, что перенёс больной, нам делать нечего. Не скажу, что хирургическое вмешательство было несвоевременным или операции прошли неправильно. Мы в данном случае просто не силах вернуть человека к обычной жизни. Нет, не так. Мы не можем сделать это за один или два дня. Даже за месяц или год. Хотя... За год, в принципе, могли бы, но если занимались только им одним.

— Этот человек заслуживает того, что бы бросить все силы для его лечения, — хмуро произнёс врач, услышав Антона.

— Я понимаю и ценю Ваше желание помочь, уважаемый, но мы не являемся роботами, которых можно разместить у койки больного и те будут круглосуточно выполнять необходимые процедуры. Мы живые люди, которые спят и едят. Люди, которым нужны деньги на нормальную жизнь, даже без излишеств, самую малую толику. К тому же мы не являемся сотрудниками Министерства обороны России или каких-либо профильных учреждений на дотации Минздрава. И не хватаемся за любую работу, лишь бы набить свой кошелёк и облапошить пациента. Мы не шарлатаны, поэтому сначала осматриваем пациента и оцениваем свои силы. Если можем стопроцентно гарантировать успех — тогда и начинается финансовый разговор с клиентом, не ранее. В данном случае могу сказать, что весь процесс лечения будет стоить как, к примеру... нет, не буду сравнивать. Скажу, что ОЧЕНЬ дорого. И сюда закладываются не только наши силы, а и аренда помещения, услуги протезистов, потому что больному надо делать индивидуальные протезы позвонков, а это, как известно, уникальные предметы, изготовленные на не менее уникальном оборудовании высококвалифицированными мастерами. И, насколько знаю, такие протезы, которые не

вызовут отторжения организмом, могут быть сделаны только в двух странах. Цена одного протеза — около десяти тысяч евро, а их надо четыре. Плюсуйте к этому транспортные расходы для техперсонала зарубежных клиник, да и подобные операции по замещению позвонков делают только за рубежом. Деньги и только деньги, увы. А вот когда технические вопросы будут решены и все операции проведены успешно, только тогда мы и сможем подключиться. Извините, но считаю данный разговор законченным. Одно скажу — если у Вас не исчезнет заинтересованность — обратитесь в нашу клинику в Петербурге. Бесплатно окажем помощь в технической подготовке и предоставим все контакты для связей за рубежом, что значительно сократит время. А сейчас извините, но нас ожидает второй пациент.

Когда двойняшки и Женя в сопровождении подполковника отправились по коридору в другую палату, Кузнецов, задумавшись, задал мучивший его вопрос.

— Простите, Антон, но разве в нашей стране не могут изготовить протезы? У нас ведь и врачи чуть ли не самые лучшие в мире. Уверен, что если хорошо поискать, то...

— ...какая-нибудь контора возьмётся за изготовление подобных агрегатов? — продолжил Антон. — Нет. К сожалению, наша медицина уже давным-давно не та, о которой помним. Сейчас, если у больного человека есть деньги (и их должно быть немало), то однозначно едет за границу. Та же онкология, бич столетия. Строим массу клиник и центров. Обеспечиваем их на взгляд Минздрава самой современной аппаратурой, а «выхлоп»?

Дело ведь не только в оборудовании, хотя и оно сверхважно, а во врачах-специалистах, имеющих опыт и знания. А вот этого у нас в стране почти нет. Есть НАСТОЯЩИЕ спецы, но их, по сравнению с количеством населения России, можно сказать, что и почти нет. А куда все едут? Германия, Израиль, Куба. Между прочим, на той же Кубе одни из самых лучших врачей-онкологов. Получается парадокс — Россия в своё время принимала на обучение кубинцев, а сейчас эти ученики на голову, если не на две по знаниям и опыту выше своих учителей. Так. Где наш второй подопечный?

— Заходите, это здесь. Его кровать сразу справа. А я, пожалуй, отлучусь ненадолго по неотложным делам и вскоре к Вам присоединюсь.

--

В комнате двое молодых парней сидели на кровати третьего и рассматривали фотографии, которые вызывали у них смех.

Увидев вошедшего парня и двух девушек, молодые люди мгновенно оказались на своих кроватях и сделали вид, что изначально они все там и находились.

— Судя по скорости перемещения, — хихикнула Арина, — мы попали в палату неврологического отделения. И если учитывать ту скорость, с которой перемещаются так называемые больные, двоих из трёх однозначно пора подавать на выписку. А вот третий явно тяжёлый — как лежал, так и лежит, даже не моргает, не отводя восторженных глаз от нашей спутницы.

— Всё возможно, коллега, — сдерживая смех, Анетон обратился к сестре, — но всех мы осматривать не будем — нет такой задачи. Уважаемые, — он обратился к больным. — Кто из вас недавно перевоплотился в дятла?

В палате наступила тишина и лица троицы больных с недоумением воззрились на спрашивающего, а потом на их физиономиях стала проявляться обида на столь бесцеремонного и хамолвитого врача.

Антон почувствовал нарастающее напряжение и поспешил разрядить обстановку.

— Если я кого обидел невзначай, то заранее прошу прощения. Но мне не дали на руки карту больного, а хотелось всё же уточнить — диагноз был поставлен правильно или одного из Вас нужно перевести в психиатрию? Повторяю вопрос — мне нужен дятел, что своим клювом пробовал прочность бетона во время занятий по специальным дисциплинам?

Через секунду руки двоих из пациентов, на лицах которых появились улыбки, были направлены на третьего, кстати, с виду самого здорового. Антону же было непонятно — почему указанное Кузнецовым место принадлежало не тому, кто был нужен для обследования.

— Хорошо. Этот вопрос выяснили. Тогда следующий — вы что, каждый день меняетесь кроватями, что бы Вас больничный персонал здесь держал подольше?

— Не, доктор, — ответил высоченный парень с самым простецким выражением на лице. — Нашего «сокамерника» утром выписали, а пока место было свободно, я и перелёг на другую койку, а что, так не положено?

— Я не знаю что положено в этом госпитале, а что нет — мы здесь не работаем на постоянной основе, так что, если честно, нам всё равно. Так это ВЫ, молодой да ранний, кто напал на старика поздней ночью в тихой подворотне?

— Да Вы что? — вскинулся парень. — Никакой не ночью, а вечером, на последнем занятии и не в подворотне, а в аудитории.

— Тогда вопрос — какого хрена трое молодых лбов пытаются доказать своё превосходство над пенсионером, который старше Вас по званию, не говоря уже о возрасте.

— Не правда, так не было. «Дед» сам предложил провести демонстрацию после теоретических занятий. Все были против — боялись тому случайно навредить, так преподаватель, разозлившись, лично назначил троих, ну я и попал в их число.

— Ясно. Вы все такие белые и пушистые.... Не хотели вылезать из-под парт, а он, злыдень такой, на Вас так разобиделся, что палкой оттуда выгонял. Кстати, оружие учебное у Вас использовалось или только по-нашенски, на кулачках?

— Присутствовало. Два резиновых маркировочных ножа и имитация нунчак.

— А у старичка что было?

— Ничего. А... нет, зонтик был японский, автомат. «Дед» его всегда на поясе носит, что бы руки были свободны.

— Как там пела Долина? «Есть я и ты, а всё что кроме, легко исправить с помощью зона?» И как же так получилось, что «дед», как вы его называете, научил трёх молодых парней уважать старость и немочь. Наверное, заговорил до полусмерти, вспоминая, как ходил с шашкой наголу против деникинских войск? Как понял, то зонт свой он так и не раскрыл?

— ???

— Понял, что вы, молодой человек, не поняли моего вопроса в полной мере. О сказанном никому, ясно? Это совершенно секретная информация. А теперь будьте добры всё же принять лежачее положение лицом вниз. Подушку положите под грудь, чтобы было легче держать голову. Она же у Вас невероятно тяжёлая — сколько там сейчас мыслей... Всё, шутки в сторону. Арина, будьте добры... Я верхнюю, Вы — нижнюю половину. Прошу всех соблюдать тишину, абсолютную тишину.

— Мне одежду снять? — глухо спросил парень, уткнувшись лицом в подушку.

— Мы ничего нового не увидим, разве что уже наблюдаем длительный процесс

поступления сигналов от ушей до мозга и потом к мышцам тела. Как Вы слушаете мои слова? Если у Вас грудь находится чуть ниже носа, то это настораживает и невольно задаёшься вопросом — а куда у человека делись рот, шея и плечи? Хотя, слыша отклик от пациента, понимаю, что всё вышеперечисленное на месте, однако с ушами или с пониманием слов есть проблемы. Пожалуйста, сделайте так, как я просил.

Парень судорожно передвинул подушку ниже и сам почувствовал как ему стало легче дышать.

Антон положил руки на затылок и шею парня, а его сестра на бёдра ближе к пояснице.

Закрывая глаза, кивнув сестре, произнёс негромко, но так, что бы все в палате слышали.

— Евгения. Приказ. Если кто-то из присутствующих будет стонать, просить воды или громко портить воздух — стреляй на поражение. Всё спишем на нарушение дисциплины и несистематическую чистку зубов. ТИШИНА!

— *«Ты чего-то сегодня раздухарился. Вроде ты не ты. Шутитшь, а мне не смешно. Как-то плоско, по-дурацки. Будь самим собой, братик. Мне даже неловко стало в твоём присутствии».*

— *«Малыш. Ты не забыла, что мы в военном госпитале, а перед нами молодые лбы, для которых самая тупая шутка, произнесённая лечащим врачом — изыск и удовольствие. Вот закончим, и увидишь меня в привычном амбула. Начали диагностику, а потом решим что дальше. Внутренние органы?»*

— *«Печень, почки, поджелудочная, кишечник в норме. Спайки в прямой кишке. Толстая — норма. М-да... С таким кишечником может стекло жевать без боязни. Прости, отвлеклась. Лёгкие — развиты полноценно, чистые, норма. Ноги. Кости целые, без повреждений. Мышцы развиты превосходно. Имеется шрам на спине чуть ниже поясницы. Небольшой, похоже, после операции — имеются отметки от швов. Позвоночник. Тазовый сегмент — норма. Поясничный — небольшой сдвиг — L1 и 2. Грудной раздел...»*

— *«Рина, это моё».*

— *«Нет. Дальше. С T1 да T10 норма. T11 и т 12 норма, без явных повреждений, не выдают воспаления. Общий фон в норме кроме четырёх позвонков. Или защемление или...»*

— *«Я посмотрю в процессе. На удивление — шейный раздел в порядке, кроме, пожалуй, осевого. Сейчас попроси нашего больного лечь к нам спиной. Будет возможность спроецироваться с двух сторон».*

Молодые люди выпрямились и ненадолго замерли, отдыхая от напряжения.

Антон повернул голову к Евгении, которая стояла наготове, сунув руку за спину. Улыбнулся.

— Спасибо, Евгения за тишину. Сейчас перерыв на пару минут, а потом ещё пару минут попрошу тишины. Подойди, пожалуйста, ближе к Арине и, если она начнёт заваливаться, подхвати. И, пока есть время, приготовь пару стаканов воды.

— *«Что, малыш, устал?»*

— *«Не очень, но, по всем признакам, имеется повреждение спинного мозга. Я права?»*

— *«Права. Как раз очаг в обнаруженном тобой сегменте позвоночника. Я дублировал твои исследования, так что повторно смотреть не буду. Работа предстоит недолгая, но импульс надо дать не менее четырёх единиц по нашей шкале. Сможешь выдать?»*

— *«Постараясь, но я ведь никогда выше тройки не работала».*

— *«Всегда надо быть готовым сделать чуть больше чем можешь. Я не думал, что с виду этот здоровый парень месяца через два мог бы стать инвалидом. Если бы мы его*

раньше увидели, то...»

— *«Лучше поздно, чем никогда. Командуй».*

Арина ласково коснулась рукой щеки парня, что лежал перед ними, боясь пошевелиться, и ласковым голосом попросила того лечь набок спиной к ним.

Пациент медленно, явно чувствуя боль в позвоночнике, повернулся на бок и снова замер.

— *«Продолжаем, котён?»*

— *«Да, я готова».*

Антон, глядя на затылок парня, обратился ко всем, не оборачиваясь.

— В палате прошу снова соблюдать полную тишину. Евгения?

— На месте.

— Хорошо, мы начали...

--

Прошло не две, а более десяти минут, когда без сил сначала отшатнулась Арина, заваливаясь на спину, но Женя была наготове, успев поймать девушку и мягко усадив на пол. Через пару минут выпрямился и Антон. Он был бледен до неузнаваемости, а его лицо и маска, закрывающая нижнюю часть лица, были мокрыми от пота. Взяв протянутый Женей стакан с водой трясущимися руками, стал глотать воду. Выхлебал всю и вопросительно посмотрел на девушку.

— Ещё? — поняла Евгения, но скукожилась. — Извини, Антон, почти весь графин выпила Арина.

Один из парней, что лежал в палате, дёрнув дверцу тумбочки, достал бутылку минералки и, мгновенно сдёрнув рукой крышку, протянул врачу.

Схватив бутылку дрожащими руками, Антон в два глотка выпил и её, с жалостью рассматривая дно, но почувствовал, как к нему постепенно возвращаются силы и прекращают трястись руки.

— Аринка, ты как?

Антон сел на пол рядом с сестрой и прижал её к себе.

— Держусь, но чувствовала, как силы буквально потоком покидают меня. Успела оторваться лишь силой. Ещё немного и...

— *«Я это почувствовал, поэтому тебя и отключил. Прекращать воздействие было нельзя, а ты мне уже не помогала, а работала насосом в обратную сторону. Давай говорить про себя. Не нужно афишировать свои слабости перед чужими».*

— *«Ты прав как всегда и... спасибо, что не ругаешься. Я пытаюсь помочь, но понимаю, что мои силы никогда не сравнятся с твоими. Плохой из меня помощник. Прости меня!»*

— *«Девочка моя, любимушка. Ты ведь сегодня выдала пять единиц. Понимаешь, ПЯТЬ из восьми возможных. Ты у меня сильная, вот только надо развивать свой организм в сторону расширения возможностей, а не узкой специализации. Мы и так с тобой последние полгода тратим силы на что угодно, только не на развитие собственного потенциала. Все эти элементы нападения и защиты хороши, но ты должна понимать, — чем дольше потребуется продержаться тот же щит, тем больше нам нужен запас сил. Вот и появилась цель, которую мы должны достичь за время нашего отпуска. Согласна этим заниматься?»*

— *«Я люблю тебя, родной. Ты умный и всё понимаешь гораздо лучше меня. Конечно согласна».*

--

— Боец, — Антон, повернувшись к кровати лицом, легко похлопал рукой по ногам лежащего. — Можешь отмирать. В смысле, показать всем, что ты жив, да и здоров. Только не скачи по комнате как лось во время случки. Делай всё плавно и не торопясь. Мы тебя привели в норму, но запомни — ещё неделю ты должен обращаться со своим организмом как нежно любимой девушкой — холить его и лелеять. Никаких нагрузок и резких прыжков. А сейчас встань посреди комнаты и будь добр выпонить то, что я тебе буду говорить. Вставай так же плавно, не делая резких движений. Давай, боец.

Парень слез с кровати как ему и сказали — словно стёк, будучи водой. Встал посреди комнаты и внимательно посмотрел на сидящих на полу врачей, которые сорвали с лиц мешающие им мокрые маски.

— Вы, оказывается, такие молодые, — удивленно проговорил парень.

— Не о нас разговор, — прервал Антон. — Слез с кровати хорошо. Пластика движений у тебя на уровне. Теперь делай всё медленно-медленно, как я говорил. Присядь и руки за спиной. Теперь встань. Медленно согнись, что бы кончиками пальцев дотронулся до пола. Хорошо. Опустись на колени и руки отведи как можно дальше назад. Соедини их за спиной. Круговые движения головой, но очень медленно. Так. В обратную сторону. Вставай. Круговые движения плечом, словно на ней обруч. МЕДЛЕННО, МАТЬ ТВОЮ. Боец. Ты что, уж забыл, что я тебе сказал минуту назад? Ещё раз забудешь, и тебя парализует на всю оставшуюся жизнь. Ты, идиот, этого хочешь? Если да, то мне искренне жаль затраченных сил и здоровья как своих, так и моей коллеги. Чего тарачишься? Я тебе правду сказал, что тебя может парализовать, если хотя бы неделю ты не отлежишься. Именно лежать на животе или спине, но не на боку. Запомнил? Хорошо. Ладно, братцы, нам пора, а то ждут двух горемык большие начальники с огромным желанием наказать за невыполнение их желаний. Да, парни, найдётся у Вас пара небольших листов бумаги и ручка?

Тот, кто поделился минеральной водой, из той же тумбочки достал большой блокнот с авторучкой и протянул подошедшему врачу.

— Слушай, а у тебя там золота-бриллиантов нет? — поинтересовался Антон. — А то ты достаёшь из своей тумбочки всё, что только я не попрошу. Ты не волшебник?

— Нет, увы, — засмутился молодой человек. — Был бы волшебником, уже давно бы слинял отсюда.

Антон сел на кровать к говорившему и стал что-то быстро писать. Через несколько минут пересел на кровать к недавно поступившему. С ним тоже коротко о чём-то переговорил и вновь стал писать в блокноте, но уже на другой странице. Закончив, вернул блокнот и ручку пациенту, а сам, подняв сестру с пола, направился к дверям. Уже выпустив в коридор девушек, прикрыл за ними дверь и тихо произнёс, но так, что бы его голос слышали все в палате.

— Парни, я Вас убедительно прошу держать язык за зубами. Ничего того, что Вы видели в палате, на самом деле не было, понятно? Мы просто зашли к Вам поинтересоваться здоровьем и... всё. Ни с кем из врачей и обслуживающего персонала ничем не делитесь. Да и потом, когда вернётесь на службу, лучше не вести разговоры и не вспоминать нас. Договорились? И последнее. Нашему «дятлу» мы помогли, и если у того хватит мозгов придерживаться рекомендаций — он, считай, здоров. По оставшимся двум. Ничего страшного и опасного у Вас нет. В блокноте я записал НАСТОЯЩИЕ диагнозы и описал Вашу болезнь для специалистов, они поймут. Так же там даны рекомендации лично для Вас — что нужно сделать, что бы в самое кратчайшее время вернуться к своим близким и

друзьям, а что нельзя делать ни при каких условиях. Более написанного добавить не могу. Эти записи лучше врачам насовсем не отдавайте, или же сделайте копии, если возникнет угроза конфискации. Всё, счастливо, воины. Нос по ветру и удачи по жизни!

Антон вышел и плотно закрыл за собой дверь...

--

В палате с минуту стояла гробовая тишина и только потом «новенький» заметил.

— Как он аккуратно закрыл за собой дверь. Даже «собачка» не щёлкнула. Просто я за эти полня уже возненавидел замок — клац-клац, клац-клац. Хочется встать и вообще или закрыть намертво или заблокировать замок. Сань, а что там написано в блокноте? Дай прочесть, пожалуйста.

«Волшебник», к которому эта кличка намертво прилипла на всю жизнь, открыл блокнот и, вырвав исписанные мелким почерком два листа, увидев на втором имя и фамилию соседа, передал второй лист соседу и оба погрузились в чтение.

Через время, прочитав текст повторно, оба задумались — диагноз, написанный этим неизвестным молодым врачом, отличался от того, что был в истории болезни. Не кардинально, тем не менее. И процесс лечения и реабилитации был написан хоть и конспективно, но более чем понятно.

— И кто они такие, эти молодые спецы в халатах? — задумчиво спросил «волшебник». Вот так, слёту, пару раз прикоснувшись к руке, написать полную картину болезни... Хрен кто поверит, если расскажу.

— А ты не и не рассказывай, не нужно. Советую — перепиши текст и покажи своему лечащему. Кстати, у тебя есть внизу приписка о переводе?

— Да. Там написано, что если с этим диагнозом лечащий врач будет не согласен — требовать консилиума врачей, а в случае отказа — писать рапорт на перевод в другой госпиталь.

— Парни, — к ним обратился «дятел», что тоже как-то плавно прилипло к будущему офицеру в качестве клички на все годы службы. — Вы не поверите, но я чувствую себя совершенно здоровым. Это просто фантастика. Не знаю как Вы, а я поклялся себе, что буду соблюдать всё то, что мне приказано делать. И вам советую.

— Слушай, а что ты чувствовал, когда ОНИ были рядом с тобой?

— Сначала тепло от их рук. Потом ощутил, что моё тело стало нагреваться само по себе. Было очень жарко — я и сейчас мокрый как мышь. Но чувствовал разницу — мой позвоночник как бы заморозили и он не принадлежал мне. И всё время было одно и то же чувство — лёд в спине и волны жара, что медленно прокатывались по телу от головы до пят и обратно. Меня словно укачивало в горячих волнах.

— А сейчас? — спросил новенький.

— Сейчас? Сейчас такое ощущение, что я побывал в отпуске. Валялся и ничего не делал. Организм распирает от энергии и хочется дать хоть минимальную нагрузку, но понимаю, что этого делать нельзя, запрещено.

Говоривший посмотрел на дверь и, не стесняясь, перекрестил её, про себя поблагодарив незнакомых врачей, которые, на его взгляд, совершили чудо.

— Спасибо Вам за всё. Здоровья и счастья. Пусть не оставят Вас в своей милости боги. Я же Вас никогда не забуду.

Москва. Военный госпиталь. Кабинет главврача.

— Явились, не запылились. Вы где шлялись всё то время, как прошли проходную?

Эти слова произнёс мужчина в гражданском, лет шестидесяти на вид, с небольшой бородкой и очками на кончике носа, что придавало говорившему вид скорее профессора в каком-нибудь столичном ВУЗе или заслуженному учёному. Мужчина глубоко вздохнул и продолжил.

— И что это за выпендрёж в кабинете на первом этаже? Нахамили кандидату наук, угрожали поставить того на счётчик, обозвали пидарасом и ушли с гордо поднятой головой.

Арина с изумлением смотрела на вышагивающего перед ним человека, они же стояли у самых дверей и никто даже не предложил не им не то что сесть, а даже пройти дальше. Она хотела было резко высказаться, но к губам прижалась невидимая рука.

— *«Ринка, лапушка, вдохни и медленно выдохни. Говорить буду сам, а ты, очень тебя прошу, не влезай и не порти нервы. Знаешь, я вдруг вспомнил вчерашнюю сцену со Светой и Кузнецовым. Не думаю, что это смогу повторить так идеально как наша упомянутая «подруга», но попытаюсь. Ты же постарайся хоть немного отдохнуть, а лучше будет, если сможешь вообще отключиться от обстановки.»*

— *«Хорошо, попытаюсь, но ты и сам не лезь на рожон. Нам ещё с иностранцами общаться, не забыл?»*

— *«Не забыл. А вот состоится с ними общение или нет — это будет зависеть от хода разговора здесь и сейчас.»*

Тем временем этот «профессор» продолжал вещать, меряя кабинет шагами, сцепив руки за спиной, продолжая разглагольствовать и унижать вошедших, и Антон не выдержал.

— Может быть, Вы остановитесь и перестанете мерить кабинет, словно Вы профессор, а мы первокурсники? К тому же будьте добры соблюдать хоть малейшее уважение к людям, которых видите первый раз в жизни. Не надо хамить и утверждать голословно о том, чему не являлись свидетелем. И поясните мне, кто такой умный сумел у главврача выбить приказ о присоединении к нам, дословно цитирую «научного консультанта и ассистента». Он что, может в чём-то нас проконсультировать? Или помочь в диагностике больного? Или участвовать в том, что мы делаем? Нет три раза. Этот придурок, не побоюсь публично назвать его так, сорвал пломбы на опечатанном помещении и открыл СВОИМИ ключами двери, что является неоспоримым предлогом и доказательством для прекращения действий договора, что бы заключён между нашей фирмой и данным учреждением, принадлежащим ведомству Министерства обороны. Это первое. Теперь дальше. Этот невежа даже не поднял зад при виде двух женщин, что зашли в свой, специально выделю — СВОЙ кабинет на время контракта. Стал с самого начала разговаривать с нами на Ты и сквозь зубы. И последнее. Я его не называл никакими обидными словами, а то, что этот невежа слово «неудачник», произнесённое на итальянском языке, воспринял как оскорбление в свой адрес и перевернул на более понятный для себя язык, не ко мне претензии. И человек, пытающийся любыми способами примазаться к чужой известности — мне лично омерзителен.

— И что, ты решил блеснуть своими знаниями в итальянском языке только преследуя цель унижить сотрудника госпиталя при исполнении им служебных обязанностей?

Мужчина встал как вкопанный, и в нём стала закипать злоба, которую он и не старался

скрыть перед другими.

— Повторюсь. Не надо хамить и переходить на ты. В ином случае снимаю с себя обязанность держаться в рамках приличия. Надеюсь, что это слышу в свой адрес последний раз. По поводу исполнения служебных обязанностей непонятно кого и где. Ваш сотрудник лежал в кресле в рабочее время в постороннем помещении. Претензия не ко мне, а к тем, кто не может обеспечить таких «ценных» кадров соответствующей работой именно что в рабочее время. По поводу итальянского языка. В отличие от Вашего сотрудника, я свободно владею не только итальянским, но и ещё тремя иностранными языками. И бывает, что в минуты, когда меня доводят до белого каления, я могу использовать иной язык, не оскверняя родной, русский, заменяя тем самым мат. Ещё вопросы есть по существу?

— Всезнайка хренов. Ничего, ты у меня попляшешь, это тебе обещаю. Что скажу — то и будешь делать, захлопнув свой рот надолго, если ненавсегда.

— Извините, Василий Никандрович, — Антон обратился к главврачу госпиталя, который сидел и с изумлением смотрел на непонятного «коллегу», как и ещё двое мужчин в штатском, сохраняя молчание. — Кто это такой, что по-хамски разговаривает со мной, не слыша простых человеческих слов? Не представшись, сразу стал «наезжать», не имея никаких оснований.

— Я генерал, — лицо говорившего покраснело до невозможности, и он запнулся, а этой паузой воспользовался Антон.

— И что мне до этого, что передо мной генерал?

— Лейтенант, — продолжил мужчина.

Антон пристально посмотрел на человека, который уже стал брызгать слюнами вокруг.

— Василий Никандрович, обратите внимание. Вы, как специалист, должны были заметить, что у говорящего явное раздвоение личности. То он представляется генералом, то лейтенантом... Или начинается шизофрения или что похлеще, но, скорее всего, дереализация. (Дереализация, мед. — симптом диссоциативного расстройства, характеризующийся стойким или периодически возникающим чувством отчуждения от окружающей действительности.)

Антон покачал головой и продолжил.

— С ним я разговаривать далее не желаю, потому давайте продолжу с Вами. Не будете отрицать, что своей подписью под приказом, разрешающей неизвестным нам людям проникнуть в НАШЕ помещение, Вы лично несёте ответственность за прекращение действия договора? Нет? Вы молчите, поэтому продолжу. Штрафных санкций и действий по возбуждению страхового случая, наша фирма к госпиталю представлять не будет. Но это только в том случае, если мы получим оговорённую оплату в полном объёме. Добавлю, что и пятого пациента мы не только уже продиагностировали, но и провели комплекс необходимых действий, направленных на стимуляцию выздоровления больного. По поводу того офицера, что нам хотели «подсунуть». Всё, что Вам нужно узнать — было сказано лечащему врачу, который находился в палате в период нашего посещения пациента. Там что мы не только выполнили свои обязанности, но и перевыполнили их.

— Но, Антон, мы же с Вами договаривались, что за Вашими действиями будут наблюдать иностранные специалисты, разве не так? К тому же Ваш сотрудник с самого раннего утра вывез всю аппаратуру. Это ведь тоже нарушения контракта?

— Василий Никандрович, не заставляйте меня сомневаться в Вашей компетенции. В договоре нет ни единого слова об использовании аппаратуры для демонстрации. Кстати,

если уже мы говорим предметно, то и о самой демонстрации не прописано ни слова. Поднимите документы, которые Вы лично подписывали и убедитесь. Поверьте, я Вас не обманываю, потому что имею честь и уважение к Вам лично, как к человеку, который достиг всего сам, без помощи звёздных пап или дачи взятки руководству. Вы пришли к своей должности благодаря уму и профессионализму, за что я к Вам соответственно и отношусь.

Главврач госпиталя смутился. Ему были и приятны произнесённые слова, но, в тоже время, мужчина понимал, что, по факту, именно он сам нарушил контракт и обратного пути нет. А здесь ещё папашка этого майора явился не к месту.

Пока Антон разговаривал с главврачом, так и неназванный генерал-лейтенант немного успокоился и, выхлебав воду прямо из горлышка казённого графина, опустошив его чуть ли не до дна, вновь встрял.

— Ты, пацан, ещё вспомнишь меня. Насколько знаю, все врачи после медицинского ВУЗа имеют звание офицера запаса, которого можно призвать в армию в любое время. Вот тебя и твою красотку мы и призовём, а повестку ты получишь под роспись прямо у выхода из госпиталя. И отправим служить туда, куда именно я скажу.

— Не хочу уподобляться хаму и называть человека в возрасте на ты, несмотря на неоднократные предупреждения, но замечу, что высокое звание не всегда соответствует уму и знаниям. Поясню свои слова. Повестку может вручить только военкомат по месту жительства, точнее, прописки военнообязанного. Вот когда придёт соответствующая повестка из нашего военкомата, тогда и будем разговаривать. А сейчас прошу помолчать и не показывать свою серость. Василий Никандрович, у Вас лично или у Ваших коллег есть что сказать по существу? Пустая болтовня меня выматывает, да и время моё личное уходит. Если нет вопросов, то пройдёмте к Вашим иностранцам. Я хочу вновь отметить, что в нашем совместно подписанном документе нет ни слова о дополнительной встрече. А чем удивить Ваших гостей мы найдём, поверьте.

— Если бы они видели Ваши действия, то и встреча бы не состоялась, — отметил главврач, на что Арина, всё же не удержавшись, ответила за брата.

— Эта встреча состоялась бы в любом случае. Скажите честно — Вы наверняка видели может даже не одну, а и две или три демонстрации наших возможностей. И что Вы лично смогли взять для себя? Как для именитого практикующего врача, так и человека, занимающегося наукой. Вы поняли принципы, действия, систему диагностики или ещё что? Или поняли, как мы проводим регуляцию организма пациента? Ответьте, только честно. Ведь так ничего в итоге и не поняли? Убедились только, что существуют люди, которые могут помогать другим, используя необычную и не привычную для Вас методику, работая не скальпелем, а силой своего организма. Используя дар и те способности, которых лишены большинство ныне живущих. Так? И для чего Вам, по сути, нужен был этот контракт? Чтобы кто-то из главка, кто усиленно настаивал на нашем присутствии в этом госпитале, положил себе в карман крупную сумму денег? Уверена, что общая сумма контракта, проведённая по бухгалтерии Министерства обороны, имела дополнительный ноль в сумме. Более мы с названным министерством дел иметь не желаем. Тем более что за последние два дня мы выслушали столько неприкрытого хамства и явных оскорблений, что дальше просто некуда. Хотите поддерживать с нами отношения? Пожалуйста, мы не против, но только на личном уровне.

Главврач встал и, немного подумав, кивком выразил согласие со всеми словами девушки.

Посмотрел на вновь начинающего наливаться краснотой генерал-лейтенанта и, поморщившись, предложил всем приглашённым пройти за ним, спеша покинуть кабинет.

Спускаясь по лестнице с третьего этажа на первый, где в небольшом конференц-зале их ждали гости, Антону внезапно пришла в голову забавная мысль, с которой он не приминул поделиться с сестрой.

— *«Ринка, сколько тебе нужно времени, что бы вновь вернуть образ мымры, что ты так успешно сотворила в квартире утром?»*

— *«Пара минут, а что? Так понравилось, что захотел меня представить перед иностранными гостями как антипод себе?»*

— *«Ага. Не стоит им лицезреть столь красивую девушку. Меня им одного будет достаточно».*

— *«Догадываюсь, что у тебя есть соображения, но, как понимаю, делиться с ними со мной не будешь?»*

— *«Сейчас не буду, а почему ты сама поймёшь. Если всё пройдёт как мною задумано, мы будем иметь в кармане много бонусов для дальнейшей жизни. Просто доверься мне».*

— *«Хорошо. Я знаю, что ты меня любишь, поэтому всегда, не задумываясь, сделаю всё, что просит моя половинка».*

— *«Спасибо, моя хорошая».*

Догнав на лестнице Василия Никандровича, Антон попросил главврача подождать пару минут, прежде чем начать пресс-конференцию, ссылаясь на то, что девушке нужно несколько минут, чтобы «припудрить носик».

Мужчина улыбнулся.

— Коль мы задержали встречу чуть ли не на час, то и пять минут ничего не решат.

Дождавшись, когда Арина вышла из туалетной комнаты и присоединилась к группе мужчин, все чуть ли не ахнули — вместо ослепительно красивой девушки перед ними появиась дама неопределённого возраста в старомодных очках с невыразительным лицом, да и её роскошная грива волос была превращена в непонятный комок на затылке.

Главврач, что-то поняв, лишь легко ткнул локтём в бок Антона, еле сдерживая рвущуюся улыбку, зато один из так и не представленных мужчин недовольно выразил своё недоумение девушке.

— И зачем Вы испоганили свою красоту, превратившись в непонятно что?

Арина, войдя в образ, менторским безликим голосом уставшей от жизни дамы, спустив на кончик носа безобразного вида очки, назидательно ответила.

— Уважаемый неизвестно кто. Позвольте напомнить, что я не Ваша сотрудница и, тем более, не Ваша супруга, которой Вы можете указывать на недостатки внешности или что-либо советовать или требовать. Оставьте своё личное мнение при себе, тем более что оно меня совсем «не колышет».

Антон, пропустив в конференц-зал Василия Никандровича и сестру, проходя третьим, услышал тихие слова, сказанные одним из не представленных гостей главврача другому.

— Саныч, а ребятки-то оказались не такими уж простыми. Это, скорее, молодые волчата, которым лучше не подставляться. Что парнишка, что его сестрица. И не понятно кто из них опаснее. А твоим спецам, что составляли психологические портреты этой двойцы, посоветовал бы всухомятку сожрать написанные бумажки. Я б так и сделал.

— И я так сделаю, если встреча пройдёт не по нашему сценарию — буркнул в ответ второй.

— «О... Оказывается, что за нас уже всё придумали? Ну тогда держитесь, а мы сделаем всё, что бы сломать Ваши чаяния». — Антон с усмешкой обернулся назад и, напялив на лицо широкую голливудскую улыбку, с уважением поклонился встающим гостям.

--

Насчитав сидящих в зале в первом ряду двенадцать иностранцев и столько же, судя по всему, переводчиков, сидевших сзади, Антон улыбнулся и, выдернув из-за стола в президиуме два стула, поставил их напротив гостей, посадив на один сестру, а на второй сев сам. Главврач в недоумении сел за стол, как и один из местных приглашённых, а вот второй пододвинув к себе микрофон на трибуне, начиная встречу.

— Мы начинаем пресс-конференцию, куда по заблаговременной просьбе и договорённостям с нашими уважаемыми гостями, был приглашен ведущий специалист Министерства здравоохранения России, практикующий непривычные для Вас методы лечения и диагностики. И так, начнём. По регламенту подобных встреч полагаю, что сначала мы слушаем...

— Стоп-стоп-стоп, — не выдержал Антон. — Во-первых, я умею и сам общаться на родном языке и не просил кого-либо на этой встрече быть спикером. Второе. Я и сестра работаем вместе, поэтому мы являемся единым целым. Третье. Ни я, ни сестра не являемся представителями или, как Вы выразились, «ведущими специалистами Министерства здравоохранения России». У нас частная клиника, которая была создана на личные деньги и никакой помощи от Минздрава мы не имели. В клинике, кроме вспомогательного персонала, врачами являемся только мы двое. Я это говорю лишь для того, что бы наши уважаемые гости имели представление о том, кто мы такие и какими ресурсами обладаем. В данном госпитале мы работаем по краткосрочному контракту, не более, и сегодня у нас заключительный день. Хочу отметить, что об этой конференции мы узнали чуть ли не вчера, хотя здесь и прозвучали слова, что, цитирую, была «заблаговременная просьба и договорённости». Не знаю, уважаемые, кто с Вами договаривался от нашего имени и когда, но хочу сразу сказать, что мы не передавали право говорить с кем-либо от нашего лица. Это так, что бы расставить сразу все точки над И. Представяться не надо, так как вижу перед каждым из Вас таблички со всей необходимой информацией. И так же сразу оговорюсь — в этом помещении разговор будет идти только на русском языке, который понятен хозяевам. Согласитесь с тем, что в чужом доме надо вести разговор именно на языке хозяев. Вижу Ваши недоумённые лица, поэтому прошу переводчиков приступить к тому, для чего Вы здесь и находитесь.

В эту же минуту переводчики, наклонившись к своим подопечным, стали тихо на ухо, доносить смысл сказанного Антоном, а вот к нему уже подошёл самоназначенный «спикер», злобно шепча парню.

— Что ты творишь? Тебя позвали на встречу, что бы сделать известным во всём мире, а ты всё горишь. Советую не нарываться и делать так, как тебе советуют опытные люди. Ещё не поздно всё исправить.

Антон, чуть повернув голову, так же тихо ответил.

— Во-первых, не на ты, а на Вы. Или уже разучились с высоты своей должности нормально разговаривать с незнакомыми людьми? Напомню, что я не в курсе кто Вы такие. Нас не представили, хотя и было времени более чем достаточно. Или Вы такие «небожители», которые считают, что их всё населения страны должно знать по имени отчеству? Так я скажу — смотреть телевизор, где Вы наверняка мерцаете с утра до вечера, у

меня нет времени. Я не знаю кто Вы, да и нет желания это узнать. По поводу, как вы выразились, стать «известными во всём мире», так нам это и не нужно от слова вообще. Мы не собираемся никуда уезжать из страны, тем более лечить там кого-либо. А теперь будьте добры сесть за стол рядом со своим коллегой и не мешать нашему общению с гостями.

Мужчина, что-то злобно проговорив, отошёл от Антона и сел рядом с коллегой и главврачом, тихо передавая тем суть состоявшегося разговора.

Антон, тем временем, поняв, что до всех присутствующих донесли его слова, продолжил, отметив, что переводчики стали работать синхронно, а не быть статистами за спинами своих боссов.

— Мне искренне жаль, что Вы не смогли присутствовать на обещанной Вам диагностике, хотя у нас осталась возможность Вам это продемонстрировать. Как? Об этом чуть позже.

— Нам показали записи Ваших диагностик и операций. Это, хоть и невероятно, но впечатляет, — голос подал, судя по табличке, представитель Соединённых Штатов. Говорил он сам по-русски, хотя и тщательно подбирая слова. — Много было невнятного, простите, не так... непонятного, но Ваши аппараты явно доказывали, что виденное нами не сон, а реальность. Жаль, что Вы родились и живёте не в благословенной Америке, а в России. У нас бы Вас носили на руках и, как это... а, пыль сдували с ресниц. Так?

Арина выдавила из себя натуженную улыбку, холодным голосом комментируя сказанные слова.

— Уважаемый мистер Джонс... Хотя Вас зовут несколько иначе, не так ли? Эдвард Робинсон. Ведущий специалист клиники мозга. Профессор, заслуженный человек в Америке и не только. Вы считаете, что в России все оторваны от мира и не читают периодику медицинского характера, где есть Ваши фотографии? Со скорбью признаюсь, что несколько иначе думала о Вас перед этой встречей.

Американец смутился и сел, как-то пытаясь оправдаться, но его коллеги смотрели с неискрываемым недоумением, а некоторые так и вовсе захихикали.

— Давайте не играть в шпионов и говорить начистоту. Вы нас удивили, честно. Поясню — информация о том, что велись видеозаписи в моменты нашей работы — это для нас неожиданный сюрприз. Более того, в контракте, что был заключён между клиникой, где мы работаем и госпиталем, от которого здесь присутствует главный врач, был отдельный пункт, который однозначно ЗАПРЕЩАЛ ведение подобных записей. Но об этом печальном инциденте мы поговорим между собой чуть позже, а сейчас давайте приступим к диалогу в формате вопрос-ответ. По очереди. Слева направо или наоборот. Как вы сами решите, так и будет, только оговорюсь — не более получаса. Тогда будет финальная часть, которая Вас позабавит и удивит. И так, начнём? А, секунду. Вижу, что в зале появилась наша помощница. Чтобы она не отвлекала Ваше дальнейшее внимание на себя, я её выслушаю и отпущу. Евгения, прошу.

Женя, смущённая таким явным вниманием, подошла к Антону и что-то тихо стала ему говорить на ухо. Склонившая голову Арина тоже слышала разговор и в конце оба улыбнулись, явно довольные новостями.

Женя вышла из помещения и тут же задал вопрос, судя по табличке, немец.

— Простите, но я впервые увидел на Вашем лице улыбку. Это были и в самом деле хорошие новости?

Антон, переглянувшись с сестрой, согласно кивнул.

— Да, хорошие. Только что подтвердили, что диагноз человеку, которой мы поставили несколько дней назад, консилиумом ведущих специалистов страны был признан правильным и наша рекомендация по лечению была принята как основная.

— *«Тошка. Какой ты сообразительный! Выкрутился как уж на сковородке».*

— *«А что оставалось делать? Говорить во всеуслышание, что поступила информация, после которой нам категорически не рекомендуют лететь самолётом домой? Это не стоит озвучивать. Хотя и предложенным поездом не самое лучшее, а автотранспортом тем более. Поезд так поезд, тем более что в нашем распоряжении будет чуть ли не личный вагон. Но лучше гарантии от Братства на поезд, чем без гарантий самолёт. Так, не отвлекай. Продолжим...»*

Далее посыпались вопросы, в которых было мало конкретики по производимым двойняшками действиям, а вот предложений переехать хоть завтра в любую из перечисленных стран — чуть ли не через одного. Обещали все, что только можно, соревнуясь по хвастовству между собой, но не понимали прикленной кривоватой улыбки на лице Антона. Так продолжалось почти все выделенные им полчаса, после чего парень поднял руки вверх и остановил дальнейшие излияния «купцов».

— Спасибо за предложения. Я их всех выслушал внимательно, но в данный момент мы не готовы никому из Вас отдать предпочтение или согласиться сразу. На всё нужно время, да и бросать в данный момент нашу клиентуру не можем — для нас больные, точнее, их скорейшее выздоровление, важнее всех благ. Так что на всё нужно время и немалое. Что хочу Вам предложить. Если, конечно, Вы сами согласитесь на такой эксперимент. Сейчас каждый из Вас по очереди подойдёт к нам, уделив не более минуты своего времени. Для чего? Мы продемонстрируем каждому свои способности, продиагностировав и написав на отдельном листе бумаги текущие болезни, а так же те, что могут возникнуть по тем или иным причинам в ближайшее время. Сразу оговорюсь — без рекомендаций. Их мы по своему убеждению никогда не даём представителям других государств, даже дружески настроенных к нашей Родине. У нас есть свои постулаты, через которые мы никогда не перешагиваем.

— *«Антон. Этот япошка замышляет что-то недоброе. У него душа черней чёрного, а злоба и зависть просто переполняют края. Он слабенький эмпат, но пытается в себе развить способность».*

— *«Я тоже заметил и сейчас всё исправим. Не бойсь».*

Антон поднял задумчивый взгляд на японца.

— Господин Ямуто. Простите за нескромный вопрос — Вы китайским языком владеете, письменностью?

— Это мой второй родной язык, господин. — Японец, вскочив, оттарабанил текст и, поклонившись, сел. Его переводчик дословно перевёл, с недоумением взглянув сначала на Антона, а потом и на своего подопечного.

— Хорошо. Тогда попрошу Вашего переводчика на минуту покинуть Вас. Я хочу предложить Вам прочесть уникальные строки хайку (прим. — традиционная японская лирическая поэзия), которые, надеюсь, не оставят Вас равнодушными.

Антон на листке бумаги в быстром темпе написал карандашом несколько иероглифов и, встав со стула, подошёл к японцу, показав ему текст так, что другие люди содержимое видеть не могли.

Ямуто фотографическим взглядом окинул текст, словно запоминая на всю жизнь, а

потом мысленно воспроизвёл написанное уже по-японски в ритмике хайку. Японец был удивлён даже не самим смыслом, а удивительной гармонией, что царила в этом четверостишье. Он обернулся и подозвал переводчика.

Встав, и снова поклонившись Антону, Ямута, сразу склонившись повторно, заговорил чуть ли не в пол.

— Я удивлён столь возвышенным стилем, эспрессией и мудростью. Эти стихи необычны по строению и уникальны сами по себе. Они как музыка будут сопровождать меня до конца дней. Я признателен за ту честь, что Вы оказали мне, поделившись столь уникальным текстом.

— И я благодарен Вам, уважаемый господин, что Вы с врождённой мудростью смогли оценить даже в китайских иероглифах совершенство японского языка, его музыкальность и возвышенность.

Когда Антон в ответ поклонился и вернулся к сестре, Арина чуть ли не силой вырвала бумажку, прочитав которую с недоумением взглянула на брата.

— *«Ты чего это написал? Я, если бы была узкоглазой, тебя бы задушила на месте».*

— *«Ринушка. Именно потому, что ты занималась только китайским и то недолго, и не поняла смысл написанного. А я ведь потчеркнул, что данный текст надо синхронизировать с японским поэтическим стилем».*

— *«Ты написал, дословно, «Не советую вредить нам каким-либо способом, включая возможности мозга, иначе при наборе высоты самолёта, в котором будете находиться, у прочитавшего эти стихи случится обширный инфаркт». Это же международный скандал, Антон».*

«А теперь, моя недоучка и лентяйка, послушай, как это звучит в японской поэзии:

— Черна душа как мрак.

Есть люди сильнее богов.

Сможешь им возразить, желая личного счастья?

В небесах от радости сердце взорвётся».

Ну что, смысл один и тот же, только вот изложение разное, не правда ли? Да и сам текст я ему не отдал. Тот запомнил его, уверен, но доказательства нет на руках».

— *«Тошка, ты это сам придумал, правда? Прямо сейчас и здесь? Не думала, что ты такой, такой...»*

— *«Я такой, сестрёнка. Давай заканчивать этот спектакль, надоело, да и устал я. Теперь играть тебе по-полной. Сухо и деловито вызываешь каждого к столу и просишь вытянуть две руки перед собой. Не вздумай касаться их рук. Диагностируем и записываем свои мысли каждый. Потом объединим. Готовься, сейчас начнём».*

— *«А япошка-то задумался всерьёз. Знать зацепило его не по-детски».*

Антон встал со стула и обратился к приглашённым.

— Время диспута истекло, и мы плавно переходим к заключительной части, для чего попрошу сделать следующее. На столе перед каждым из Вас лежат листы бумаги, которыми, я погляжу, никто так и не воспользовался. Чтобы не забыть все Ваши предложения о сотрудничестве, попрошу написать свои координаты и кратко перечислить всё то, что Вы РЕАЛЬНО можете предоставить нам в случае сотрудничества. Не нужно писать неосуществимое. Фантастику оставьте себе, а перечислите кратко сумму возможного контракта и что дополнительно гарантируете со своей стороны. Листки с написанным отдадите только в обмен на результаты диагностики, если, конечно, не захотите в итоге

изменить сумму.

Молодой человек улыбнулся и продолжил инструктаж.

— Подходите к нам и вытягиваете руки перед собой. Ваших мы касаться не будем, как и Вы наших. Просто вытяните руки и закройте глаза, думая о самом хорошем и светлом, что было в Вашей жизни. Инструкции настолько просты, что, думаю, даже такие известные в медицине люди как Вы запомните на десять минут.

Все присутствующие заулыбались и на некоторых лицах появились недоверчивые усмешки. Вскоре к двойняшкам подошёл самый храбрый и... конвейер заработал...

--

Примерно через двадцать минут все испытуемые закончились и Антон попросил время, что бы свести итоги, написав каждому результат диагностики.

Вскоре и эта писанина подошла к концу, и, раздав каждому адресату сложенный вдвоё лист бумаги, Арина села на своё место, наблюдая вместе с братом, как на лицах большинства гостей появилось безграничное изумление, когда те стали читать диагноз их состояния организма, написанного на ИХ родном языке.

— Не удивляйтесь, уважаемые, что мы пошли навстречу Вам, используя именно Ваш родной язык. Это было сделано лишь для того, что бы сохранить личные тайны. Кстати, бумаги у Вас не останутся — Вы их вернёте вместе со своими предложениями. Мы потом их уничтожим. Если не доверяете нам — в госпитале есть измельчитель бумаг, я видел его лично, и там сможете убедиться лично, что Ваши болячки не стали кому-нибудь известны. А теперь жду от каждого два листа и будем заканчивать нашу встречу.

Никто не стал спорить с Антоном и без каких-либо сомнений все отдали бумаги. Арина быстро рассортировала полученные листы в две стопки — написанные предложения и результаты анализов. Вторую пачку передала вновь присутствующей Евгении, которая незаметно для двойняшек появилась в зале и с интересом смотрела за происходящим.

— Эта девушка наш помощник, как я Вам и говорил. Чтобы между нами не было недопонимания — выделите кого-нибудь из присутствующих и вместе пройдите к шредеру, что бы убедиться, что бумаги и в самом деле уничтожены. Можно одного или двух человек, времени это не займёт долго. Остальные пока подождут ушедших и будем заканчивать лишь когда все будут на своих местах.

С Женей ушли аж трое мужчин, а спустя пять минут вернулись, подтверждая, что бумаги уничтожены на все сто процентов.

— Вопросов ко мне, как понимаю, множество, на которые я физически не смогу ответить. Теперь поднимите руки те, кто на все сто процентов может подтвердить, что наш диагноз верен.

Руки подняли все без исключения, и только представитель Испании робко подняв вверх две руки, попросил возможности задать вопрос.

Антон, увидев его тревогу, не стал слушать, опередив.

— Понимаю, что хотите спросить, да и у пары Ваших коллег были приписки после основного диагноза. Поясню. Особо подчеркну — всё, что Вы прочли, уже присутствует в организме в той или иной степени. А в приписке, если Вы обратили внимание — это именно та болезнь, на которую надо обратить внимание в первую очередь, иначе...

Испанец опустил одну руку, но вторую так и продолжал тянуть.

— Вы не получили исчерпывающего ответа, господин Эрнандес? Прощу.

— По диагностике всё лаконично и исчерпывающе. Определены болячки все без

исключения — от и до. Вопрос в другом, в том, что волнует лично меня, — он поднял глаза на Антона. — Вы взяли бы за лечение той болезни, которая была в примечании? Меня не интересует итоговая сумма, суть в другом — Вы двое взяли бы за её лечение и насколько реален положительный результат?

Антон закрыл глаза и задумался. Он чувствовал, что его сестра пытается к нему пробиться, но не стал отвечать, поскольку надо было подумать. Молчание затянулось и только когда все присутствующие стали шептаться, парень открыл глаза, посмотрев на испанца, но ответил всем сразу, а не только тому.

— Я проанализировал все Ваши болячки и с уверенностью могу сказать, что за исключением одного-единственного гостя мы могли бы справиться со всеми. Почему одного? Да потому, что и того можно было бы вернуть к нормальному состоянию, но фронт работ таков, что мы бы полностью потеряли всех своих возможных клиентов минимум на полгода.

— Всего на полгода? — раздались удивлённые голоса...

— За эти полгода мы могли бы спасти и вернуть к жизни минимум тысячу россиян, которые нуждаются в нашей помощи, а традиционная медицина, увы, не всегда в силах им помочь. И, как Вы наверняка знаете, у нас есть принцип в работе — лечить только соотечественников.

— Я Вас понял, — кивнул испанец. — А если я стану гражданином России и, к примеру, все свои средства заранее переведу на Ваш счёт, что бы Вы не передумали?

— Средства? — улыбнулся Антон. — А чем Вы ещё владеете кроме денег?

— Недвижимость, две клиники в столице с уникальным оборудованием. Исследовательская лаборатория по микробиологии, которая фактически принадлежит мне лично и завод по изготовлению медицинских инструментов.

— Вы богаты человек, — согласился Антон. — А теперь задумайтесь и скажите честно и от всего сердца — сможете всё перечисленное передать той стране, в которой попросите гражданство. Оговорюсь, не двойное гражданство — от испанского Вам придётся отказаться. Нет, Вас личных капиталов никто не лишит и Вы так же будете руководить своими клиниками и заводами, но уже в России, имея штат из русских сотрудников, которые по образованию не хуже испанцев. К тому же, не исключаю, что если покажете себя достойно, в дальнейшем мы и Вы сможем стать полноценными партнёрами как в области медицины, так и бизнеса.

Испанец задумался и, что-то сказав, сел.

Переводчик закончил его фразу.

— Такое предложение надо крепко обдумать, слишком оно кардинально.

— Уважаемый Эрнандес. Слово «крепко» у нас на Руси чаще используется в сочетании со словом выпить или «нажраться», что, по смыслу, одно и то же. Поэтому Вы сначала именно крепко выпейте чего покрепче, а потом, уже на трезвую голову, обдумайте мои слова.

У присутствующих появились улыбки и все стали чуть оживлённее.

Антон тоже улыбнулся, глядя на присутствующих.

— Теперь, коль закончились вопросы по существу, разрешаю задать ещё три вопроса на любые темы, только сразу предупреждаю — не спрашивайте где находится золотой запас страны — мы не знаем, честно. Так же не являемся носителями государственных тайн. Не надо глупых вопросов — наше и Ваше время будет затрачено напрасно. Прошу.

С места, не поднимаясь, задал вопрос представитель Дании.

— Можете ли Вы честно рассказать кто Ваши родители и кем они работают?

— *«Антошка. Это уже вопрос с подковыркой. Судя по ехидным рожам некоторых, определённые вопросы были распределены заранее. Будь аккуратен».*

Брат с улыбкой посмотрел на девушку и так же мило улыбнулся залу.

— Это не является секретом. Родители — самые обычные люди, которые много времени и сил отдали на наше воспитание. Мама — спортивный тренер, а папа в данный момент занимает должность лесника. Или лесного егеря, так Вам будет более понятно.

— С каких пор генерал КГБ стал работать с деревьями? — переспросил тот же датчанин.

— С тех пор, как вышел на пенсию несколько лет назад. А в лесу, знаете, очень много разных деревьев. Отец предпочитает берёзы, как символ нашей Родины и стройные сосны, густые ели, а вот с дубами и липами борется чуть ли не насмерть — мешают они и всё тут. Работы всегда много, так что почти не отдыхает, из-за этого и дома редко бывает. Вот в последнее время заинтересовался тополями. В городах от них избавляются из-за вредности пуха и вызываемой аллергии, а в лесу эти красивые деревья никому мешать не будут, вот отец и занимается саженцам, пропадая в глубине лесов.

— Вы это иносказательно говорите? — с улыбкой спросил немец.

— Почему иносказательно? Как у него записано в трудовой книжке, так Вам и говорю. У него одна единственная запись — «Лесник».

Поднялся с поднятой рукой итальянец.

— Мы из окна видели у входа несколько машин Вашего КГБ, да и люди в форме с такими же надписями на спине с оружием в руках контролируют вход в больницу. Это Вас так охраняют? Если да, то почему?

— Уважаемый господин Маркони, кстати, Вы родственник знаменитого соотечественника или однофамилец?

— К сожалению, только однофамилец, хотя и горжусь своей фамилией. Мой род насчитывает...

— Спасибо, понятно. Вы готовы поставить на кон своё состояние, а оно у Вас, как понимаю, немалое, на то, что Ваши глаза Вас обманывают и у проходной нет ни одного сотрудника КГБ? Я же, в случае проигрыша, обязуюсь работать на Вас бесплатно до конца своих дней. Так что, готовы спорить дальше?

Итальянец стушевался, ища поддержки среди коллег, однако все на него смотрели с нисхождением.

— Ну я же собственными глазами видел эти три зловещие буквы!

— И???

Итальянец замолчал и сел на стул, глядя в прострации на чистый лист бумаги перед собой.

С места поднялся американец.

— Синьор Маркони со своей невнимательностью только что чудом не расстался с многомиллиардным состоянием, однако вовремя остановился, — в голосе говорившего слышался сарказм и не прикрытое презрение к итальянцу. — С другой стороны бывшее КГБ и нынешнее ФСБ по факту одно и то же. Но Вы, мистер Яр, так и не ответили на заданный вопрос — это ВАША охрана?

— Уважаемый. Моя фамилия не Яр, а Ярый, что не одно и то же. Поэтому не стоит

коверкать то, что не можете произнести правильно. Отвечу на заданный вопрос и дам пояснение, начав с последнего. КГБ уже нет давным-давно, а нынешняя аббревиатура расшифровывается как Федеральная служба безопасности, которая является лишь приемником почившего Комитета. Сейчас в организации работают другие люди и по другим законам в совсем другой стране, поэтому не следует все вспоминать усопших, а то они могут неожиданно прийти и к Вам. Что Вас так удивило? А... Это была шутка. Что касается сотрудников внизу, то это скорее охрана для важных гостей, что присутствуют передо мной. Считайте, что наше Правительство озаботилось именно Вашей безопасностью, а не рядовых врачей. Дополнительные вопросы закончились и коль мы выполнили свою обязательную программу, цирк заканчивает представление, потому что львы проголодались, да и напоить их никто не подумал заранее. Всем спасибо и надеюсь, что Вы не остались равнодушными. Добра Вам и долгих лет жизни.

— Простите за бестактность, но позвольте занять ещё максимум две минуты Вашего времени.

Поднялся представитель Франции, который сидел вторым, и Антон был уверен, что это личный переводчик медицинского магната.

— Если только две, — поморщился Антон, глядя на часы в конференц-зале.

— Вы, отказываясь лечить иностранцев, следуете заветам своего учителя, Олега Белого? Ведь он является основателем Вашей школы нетрадиционной медицины, так? Ответьте — вы настолько ненавидите иностранцев, что желаете им только зла?

— *«Антон, позволь мне? Я уже не прошу, требую. Ты устал и уже слабо контролируешь себя».*

Арина, так и не дождавшись ответа от брата, встала и, сделав шаг вперёд, чуть ли не уткнулась в стол, что разделял её и задавшего вопрос.

— Отвечу по пунктам, как любит делать мой брат. Олег Белый не наш учитель, как Вы выразились, а лишь наставник, которому мы безоговорочно доверяем, так как чувствуем его мудрость и опыт. Второе. Школу «нетрадиционной медицины», опять же цитирую Ваши слова, основал не он, а наши далёкие предки много-много веков назад. Если уж идти от истоков истории, то нужно менять местами названия традиционная и нетрадиционная. Не знаю точно, когда в Европе стали, к примеру, ставить пломбы в зубах, а на Руси такое практиковалось, хоть и редко, признаю, уже несколько веков назад. Отвары трав и других даров природы использовалось повсеместно с глубокой старины. Так что, по-Вашему, более традиционно? Я понимаю, что легче лечь под нож хирурга и лишиться части своего тела быстро и под наркозом, а не лечиться не один год медленно, давая возможность и помогая своему организму самому привести себя в надлежащее состояние. Что касается "ненавидеть" иностранцев, то скажу откровенно, не желая лукавить — мы не имеем никакого чувства к людям из других стран, даже зная о их антипатии к русским и к нашей стране в целом. Нам, по большому счёту, они безразличны от слова вообще. Понимаете? Есть они или нет — нам всё равно. Так же как и те, кто, будучи русскими, сбежал с Родины, предав её или бросив в трудный момент истории. Не помогали Родине, а именно что трусливо сбежали, думая о себе и о своей мощи. И это, если не ошибаюсь, относится и к Вам, так как Ваш русский почти безупречен, лишь изредка выдавая в Вас эмигрантов первой волны двадцатого века. И не стоит мне отвечать. Вы так же, как и все остальные, нам безразличны. А лечим мы своих соотечественников лишь потому, что они НАШИ, какими бы ни были, а не откровенные предатели и враги. Считаю, что ответила на Ваш вопрос полно и откровенно. Всего

хорошего.

Девушка вернулась к уже вставшему со стула брату и они, взявшись за руки, покинули помещение зала в звенящей тишине.

--

Уже за проходной их догнала Женя, остановив чуть ли не силой.

— Ребят. Я вас очень уважаю, поэтому и прошу об одной услуге. Не откажите.

— Жень, только кратко. Мы очень устали сегодня. Хочется что-нибудь проглотить и попить. Эти уроды, что устроили конференцию, даже не удосужились поставить графин с водой. Жлобы, одним словом. За свою копейку удавятся, но на чужую уже не только глаз положили, но и заранее продумали куда её пристроить. Так что ты хотела?

— Вас очень просил на пару минут задержаться Василий Никандрович, который был не в курсе видеосъёмки. Он тут уже провёл быстрое расследование и выяснил, что съёмку вёл тот майор, которого Вам хотели навязать. Главнюк госпиталя хотел уладить эту ситуацию миром, поэтому и просил Вас задержаться ненадолго.

— Главнюк? — хихикнула Арина, сняв очки и развязав пук на голове, вновь превращаясь в красотку. — Забавно звучит, но точно. Значит так. Передай ему, что в кабинет подниматься не будем, а вот если захочет, то пусть сам спустится в кафе за проходной. И без своих безымянных коллег, это без обсуждений. Мы его там подождём, а пока возьмём себе что-нибудь перекусить.

— Спасибо, я побежала, — улыбнулась Женя и словно испарилась, мгновенно исчезнув с глаз.

--

Двойняшки уже по-быстрому поели и почти допили напиток, который здесь назывался гордым словом «кофе», а на вкус с оригиналом был сравним как слон и ёж, когда появился главврач.

Мужчина, спросив разрешения, сел на свободный стул, не начиная разговор, так как не знал с чего вообще начать.

— Василий Никандрович, успокойтесь, прошу, — усталым голосом начал Антон. — Вы порядочный человек, которого подставляют все кому не лень. Скажу честно — жаль мне Вас, но эта должность такая, что приходится вертеться как только можно. Хотя о чём это я, — улыбнулся парень. — Уж кто-кто как не Вы всё знаете об этой должности изнутри.

— Ребята, — смущённо проговорил главврач. — Вы простите старика, что Вас так подставили. И моим именем воспользовались, и работнички мои постарались подгадать... Да, это сделал сынок генерала, который орал на Вас в кабинете исходя дерьмом. Майор клятвенно мне обещал, что уже завтра у меня на столе будут оригиналы и копии плёнок.

— Врёт однозначно — сказала Арина, — наверняка припрячет копию.

— Нет, — улыбнулся Василий Никандрович. — Он меня подвёл капитально, выражаясь языком внука, «поставил на бабки», поэтому я позвонил знакомому в военную прокуратуру и там заинтересовались как фактом самих съёмок без разрешения, вопреки действиям контракта, так и тем, что эти плёнки были показаны иностранцам. Будут этого майора трясти всерьёз и, думаю, что и папу его крылом заденет.

— Не волнуйтесь, мы в суд не подадим, — успокоил врача Антон. — Хотя деньги нам нужны как никогда, но не хочется подставлять порядочного человека. Вас, как понимаем, после суда сразу снимут и отправят куда-нибудь далеко, а если не согласитесь, то мигом спровадят на пенсию.

— Это так, поэтому спасибо и за понимание. Я ведь здесь начинал рядовым врачом. Было бы очень обидно...

— Мы понимаем, — Арина улыбнулась пожилому человеку и поднялась со стула. — Вы уж нас извините, но время идёт, а нам ещё много чего предстоит сделать до отъезда.

— Понимаю, — главврач госпиталя подскочил со стула и пожал руку Антона, а вслед поцеловал руку девушке. — Хорошо Вам добраться до дома и спасибо за всё.

— Василий Никандрович, — смотря прямо в глаза врачу, спросил Антон. — Вы же не с извинениями пришли сюда? Что хотели спросить? Не бойтесь, больно кусаться не будем.

— Спросить? — замешкался врач. — Ладно. Только ответьте честно. Это Вы сделали так, что у генерал-лейтенанта случился инсульт?

— Да Вы что? — изумлённо спросила Арина. — И как он, выжил?

— Выжил потому, что его прихватило прямо у входа. Оперативно сработали все службы, да и комплект врачей был в удвоенном составе на месте. Месяц-полтора полежит у нас, а потом домой на восстановление. И вряд ли уже вернётся на службу.

— Я клянусь перед Вами как перед своими предками, что мы ничего не делали ему во вред. Сам спровоцировал своё состояние. Вы же видели его лицо в кабинете. Я уже тогда подумал, что с таким давлением легко заполучить или инфаркт или, скорее всего, инсульт. Сами мы практически никогда не вредим людям. Была пара случаев, когда наказывали, но так, слегка, типа расстройства кишечника на неделю или недержания мочи... Сами знаете, что это не смертельно, но занимает много внимания и тревог у получившего такие недомогания. Кстати. Вашему генералу, ибн лейтенанту, и в самом деле сказочно повезло, что прихватило рядом с госпиталем. Хотите хохму-каламбур? В Питере среди медиков долго ходила такая присказка, мол, лучше всего умирать на пороге НИИ Скорой помощи им. Джанилидзе потому, что у больного всегда имеется один шанс из двух — или его спасут в Скорой помощи или начнут исследовать в НИИ Скорой помощи на предмет «как спасти больного в Скорой помощи». Чувствуете разницу? Вижу, что улыбаетесь, значит поняли. Всего доброго, Василий Никандрович и долгих Вам лет жизни...

Выйдя на улицу, двойняшки увидели с десятков бойцов ФСБ, которые внимательно контролировали возможные подходы к госпиталю.

— Ребята, быстро в машину и ходу, — из микроавтобуса выскочила Наталья и бесцеремонно затолкнула в салон двойняшек. — Пока Вы прохлождались и развлекались, другие работали. Есть новая информация. Расскажу чуть позже, когда будет спокойная обстановка.

— *«Тош. Это мы прохлождались и развлекались?»* — мысль сестры с оттенком обиды возникла в голове Антона.

— *«Милая. У нас свои дела, которые Наташа воспринимает так, как считает правильным. Но, видя её встрёпанность, не просто так высказалась. Потерпим немного и не будем ничего спрашивать, пусть помучается. Наступит момент — сама бросится к нам на грудь с признаниями и разговорами».*

— *«У тебя к ней какие-то странные чувства. Колись, давай. Нравится как женщина?»*

— *«Она симпатичная и как женщина хоть куда, но для меня, сама понимаешь, разница лет в пятнадцать — это уже слишком. Что хихикаешь? Поняла, что шучу? Ну и хорошо. Пересядь ближе к проходу от окна подальше. Хоть стёкла и бронированные, но лучше поберечься».*

— *«Я посплю тогда?»*

— *«Пости, моя хорошая, коль есть такая возможность».*

Арина, поёрзав на неудобном кресле, всё же смогла устроиться и отключилась, а вот Антон стал анализировать проведённую пресс-конференцию, всё пытаясь найти свои промахи. Он, конечно, вёл себя на грани «фола», но не считал, что где-то уж явно «накосячил». Пару раз прогнав всё с начала и до конца, окончательно успокоился и решил было последовать примеру сестры, как заметил, что кавалькада из трёх машин выехала за пределы столицы.

— И куда Вы нас везёте? — поинтересовался парень у Натальи, которая последние пять минут не сводила с него глаз.

— Скоро приедем, а направляемся на закрытый военный завод, откуда Вас и отправят домой.

— Ракетой? — криво улыбнулся Антон.

— Почему ракетой? — не поняла женщина.

— А так быстро и надёжно. Раз, и мы через десять минут в центре Питера, а Вы наконец-то вздохнёте облегчённо, избавившись от столь необычных подопечных.

— Всё шутишь? — осунувшаяся Наталья улыбнулась через силу. — Это хорошо. В двух словах опишу обстановку. Наши службы выявили интерес неизвестных людей за аэропортами столицы, которые пытались узнать каким рейсом Вы возвращаетесь домой. Аналогичные запросы поступили и в Управление железных дорог. Мы пока не аннулировали билеты, но, судя по всему, придётся искать другой путь доставки, точнее, он УЖЕ найден. Вы отправитесь в трейлере с грузом под охраной сотрудников ФСО. А если конкретно — сидя в машине первого лица государства, которую везут в Петербург на замену нынешней. Инструктаж с Вами проведут сотрудники указанной службы, да и не оставят Вас без присмотра одних.

— Не понял юмора, поясните, будьте так добры. — Антон стал мгновенно серьёзным и его насмешливость исчезла без следа.

— Всё чуть позже. Имей терпение.

Машины въехали на территорию завода без препятствий и досмотра — понятно было, что между различными службами заранее имелась договорённость.

Микроавтобус подъехал вплотную к незаметной двери и Наталья, сдвинув в сторону дверь, чуть ли не пинками и тихими ругательствами выгнала двойняшек из машины.

— Пять шагов прямо по коридору и замрите. Стойте на месте, пока к Вам не подойдут.

Антон, подхватив зевающую сестру, чуть ли не волоком протащил её положенные шаги и остановился в ожидании встречающих. Наружная дверь медленно закрылась, щёлкнул замок и наступила тишина. Хорошо хоть в коридоре, где они стояли, горел дежурный свет.

— Какая-то хренотень получается, а не командировка. Всё началось обыденно, а сейчас как в штатовском боевике. Сменяются люди, машины, а главные герои напоминают манекенов, от которых ничего не зависит. Одним словом «экшн». Скорее бы оказаться дома и забыть всё это как странный и страшный сон.

— Братик, так и дома всё может не закончиться, как ты не понимаешь? Кому мы так мешаем, что нас пытаются уничтожить?

— Милая. Нет ответа на твой вопрос, но вот сомнения у меня, что хотят именно что уничтожить. Скорее повторяется история с Катей. Уж много несостыковок и каких-то

несуразностей во всём.

— Ты думаешь, что нас хотят насильно вывезти за границу?

— Может и это, но неужели руководители тех, кто устроил за нами охоту, не понимают, что мы никогда не будем на них работать, да и не имеется у них шансов сделать это насильно.

— А может всё же шансы есть? Например, угрожая тебе, что меня убьют или станут мучать...

— Ринушка, мы об этом говорили не раз на протяжении своей жизни и приняли окончательное решение, что один из нас не останется на земле, потому что жизни не будет. Или ты поменяла мнение?

— Нет, братик. Лучше уйти свободной, чем провести остаток жизни в неволе.

В конце короткого коридора открылась дверь и оттуда послышался до боли знакомый и родной голос.

— Не думал я, что услышу столь решительные слова от своих малышей. Чего замерли? Не верите, что это я? Идите и убедитесь.

— ПАПКА!!! — одновременно заорали двойняшки и вскоре повисли на шее пожилого мужчины.

— Так, слезли с шеи живо, а то мне одного из Вас не поднять, а тут оба повисли.

— Папочка, любимый, мы соскучились!!!

Арина не только не послушалась, а вообще, в полном смысле слова, повисла на отце, правда Антон послушался и чуть ослабил хватку, но руки отца так и не отпустил.

Лицо мужчины было строгим, но дети прекрасно знали что творится у того в душе.

— Всё, доча, освободи старика от своих объятий и лобызаний, а то здесь и душу оставлю. Ты забываешь, что я уже давно старенький и меня нельзя тревожить по пустякам. Вы же врачи, должны понимать всю опасность психологических встрясок в моём возрасте.

— Пап, поскольку мы именно что врачи, поэтому и заявляем тебе, что ты, к счастью, совершенно здоров и только пытаешься вызвать нашу жалость к себе, причём совершенно безосновательно. У тебя мышцы крепче, чем у большинства наших сверстников, так что прекрати играть спектакль.

Мужчина крикнул от досады и, легко отцепив дочь от себя, совершенно спокойно поднял её чуть ли не над своей головой, а потом осторожно и даже нежно поставил на ноги.

— Вот не интересно с Вами, честное слово. Нет, чтобы были нормальными, как все Ваши приятели, так уродились на мою седую голову — сразу диагностика и неутешительный для меня вывод.

— Папка, какой неутешительный? — взорвалась дочь. — Наоборот ты должен быть довольным, что рядом с тобой лучшие врачи-диагносты России, да и не только диагносты.

— Ой, дети-дети. Наслышан я, что Вы натворили в госпитале.

— Да ничего мы не натворили, пап, — смущённо пробурчал Антон. — Мы делали свою работу на совесть, не филоня и не занимаясь пустобрёхством. Кстати, и твоего кореша подлечили.

— Антон. Ты уж, если говоришь, то выражайся нормальным языком, без всякой фени, или как там называется Ваш молодёжный сленг?

— Это, как ты говоришь, слэнг твоей юности, пап, так что мимо.

— Папуль, — промурчала Арина, вновь прилипнув к отцу. — Ты как всегда начинаешь бурчать не по делу. Хватит изображать из себя динозаврика, будь самим собой, очень тебя

просим.

— Дети-дети. И что мне с Вами делать?

— Как что? Радоваться встрече искренне и не играя в старопёра, уж прости, пожалуйста, но ты пытаешься перед нами выглядеть именно так. Давай уж возвращайся в обычное состояние.

— Засранцы, вот Вы кто, — мужчина улыбнулся и, протянув сильные руки, сграбастал детей в охапку и прижал их к себе. — В кои-то века захотел, что бы меня пожалели и обласкали как старичка, так нет... Сразу в лоб — здоров как лось, поэтому не придуривайся, так?

— Пап, всё, закончили, — проворчал Антон. — Лучше скажи, каким боком здесь оказался?

Мужчина посмотрел на дочь и тихо проговорил.

— Аринка, я так понимаю, что мне юность твоего брата передаётся, а ему взамен моя старость. Стал ворчливым и брюзгой. Всех во всём подозревает и никому не верит, даже родному отцу.

— Не стал я таким, папа, — Антон даже немного обиделся на слова отца. — А если и появилось что-то такое, так лишь потому, что отца родного видим раз в три месяца, да и то мельком. Хочешь-не хочешь, а станешь поневоле брать на себя роль вожака маленькой стаи.

— Ты на меня наезжаешь с укорами? — удивился Ярый-старший. — Не много ли на себя взял?

— Не много, пап. Столько беру, сколько могу нести по жизни. И не укоры это, а констатация фактов. Мама безумно скучает, не только мы, хоть и вида не подаёт.

Мужчина словно споткнулся, резко закрыв рот, хотя у него на языке готовы были сорваться очередные ехидные слова. Он внезапно стал серьёзным и строгим. Таким, каким его всегда с самого раннего возраста помнили двойняшки, хотя знали, что для отца они бесценны и его любовь безгранична.

— Ну, хорошо, — нормальным ровным голосом, словно до этого и не было произнесено множества других слов, продолжил Ярый. — Мне известны подробности всех Ваших приключений и действий. Стоп, Антон. Будешь говорить после того, как я закончу. Продолжу. В курсе всех Ваших таинственных и необъявленных манипуляций в госпитале перед пресс-конференцией. Так же и Ваше общение с иностранцами имел удовольствие смотреть в прямом эфире. Или Вы думали, что такие встречи проводятся без должного контроля? Ха три раза. Ребятки, сами подумайте. Приезжают ведущие медицинские светила и представители самых крупных фармацевтических компаний и медицинских центров со всего мира в профильную клинку, отмечу, не гражданскую, а Министерства обороны, а тут двое молодых да ранних сначала доводят до инсульта замначальника тыла (хотя, если честно, то поделом ему, придурку — сам накосячил по-полной, вот и не выдюжил). Затем грубо затыкают рот руководителю пресс-службы Министерства и проводят встречу по непонятно каким законам природы. Я хочу напомнить Вам, мои дорогие, что хотя у нас и демократия в Государстве, но в Армии есть такое понятие как единоначалие, не забыли? И Вы, походя, оскорбили и унизили множество людей, которые и старше Вас по возрасту, да и опыта жизненного имеют поболее, не говоря уже о погонах и должностях. Так что юная парочка сегодня напомнили мне носорога, уж нет более точного сравнения. Так же не смотрели по сторонам, возгордясь, что есть знания и силы, которым никто не сможет противостоять. Вот и промчались по прерии к своей непонятной цели, оставив позади

множество убитых и искалеченных судеб людей, которые совершенно случайно оказались на Вашем пути.

— Ты не прав, папа, — заступилась за обоих Арина. — Если ты нас двоих так поэтично сравнил с полуслепым носорогом, то позволь и мне охарактеризовать всех, как ты выразился, «людей», которые пострадали от наших действий, скорее, как шакалов и ядовитых тварей, кому не хватило ума вовремя отойти в сторону. Ты только что сказал, что знаешь обо всех наших приключениях и действиях, поэтому не мог ли конкретно назвать хоть одного ЧЕЛОВЕКА, которого мы незаслуженно задели? А если нет таких, то и не стоишь нас обижать.

Ярый пристально посмотрел на своих «нахохлившихся» детей, а потом внезапно улыбнулся и замеялся.

— Уели старика, ничего не скажешь. А если серьёзно, то ты, Аринка, права — нормальных людей Вы не задели, более того, помогли некоторым в силу своих возможностей и способностей. Так что примите похвалу от отца, который гордится своими детьми.

— Ты это сейчас серьёзно или?.. — с недоумением и настороженно спросил Антон.

— Расслабься, малыш, совершенно серьёзно и от всего сердца. Кстати, если уж пошёл на эту тему разговор, то передаю Вам от имени Министра обороны устную благодарность за комплекс мероприятий, что Вы провели в госпитале. Что касается конференции, то за ней наблюдало множество высших лиц Государства, которые были искренне удивлены Вашей открытостью и проявленной гражданской позицией.

— Пап, давай без казёнщины, — скривилась Арина. — Ничего того, что ты только что сказал, мы не проявляли, а лишь откровенно признали, что являемся патриотами Родины. Как любит часто подчёркивать Тошка — мы патриоты не государства, а именно что Отчизны.

— ...и как он любит повторять — это две больших разницы, так? — улыбнулся Сергей Павлович. — Кстати. Не всем в руководстве страны и силовых структур нравится такая позиция.

— А мы не девицы на выданьи, что бы нравиться или нет всем подряд, — скривившись, сказал Антон. — Государство не есть в моём понимании Родина, как и наоборот. Так что пусть оставят свои мнения при себе. Мы работаем на себя и платим налоги Государству — этим наши взаимоотношения и заканчиваются. К тому же ты один из немногих, кто знает, что лечить в полную силу мы можем только на своей земле. Помнишь, мы два года назад ездили в Болгарию по турпутёвке? Так вот. Попробовали там свои способности — они были чуть ли на треть ниже. И, как поняли после экспериментов, чем дальше от родной земли, тем слабее наши силы. Не знаем почему — то ли так устроено природой, то ли есть какие-то биологические ограничения. Вообще, до конца не разобрались в причине, ну и ладно. И, как понимаешь, эту маленькую тайну мы не можем озвучить публично. Поэтому пусть все воспринимают нежелание лечить чужих именно как нашу гражданскую позицию.

— Я помню об ограничениях, сын, и считаю, что правильно себя в этом плане ведёте. А вот на счёт людей.... Зря ты такое говоришь, Антон, и не оцениваешь по достоинству помощь со стороны. Вот сейчас, например, о Вашей безопасности заботится множество служивых людей, которые могли бы в это время заниматься более важными делами.

— Во-первых, пап, мы никого лично не просили обеспечивать нашу безопасность, особенно так «высокопрофессионально», что одного из нас чуть не убили, а второго не

посадили на длительный срок за решётку. Или я не прав? Ты считаешь такую «безопасность» нормой? Во-вторых, если уж на то пошло, мы и сами можем себя обезопасить в полной мере, не беспокоя других «служивых» людей. А то, что твоя Контора три года сидела у нас на шее в полном смысле слова, не помогая ни в чём, лишь подсовывая своих протеже вне очереди, так опять же — это не «крыша», а дуршлаг в полном смысле слова. Да, если ты так всё знаешь о нас, то должен быть в курсе по поводу дальнейших планов?

— Ты имеешь в виду Ваше восстание и требование отпуска на три месяца?

— Пап, ты, наверное, не понял до конца, — ухмыльнулся Антон. — Мы не восстали, потому что нам не перед кем бунтовать. Как я сказал — мы сами по себе, а Контора, как представитель Государства — сама по себе, и больше наши дороги не совпадают. Поэтому и слова «требование отпуска» не к месту. Мы, как основатели и хозяева, так и единственные врачи в нашей клинике, поэтому если и можем требовать отпуска, то только друг у друга.

— Вы это решили окончательно? Хорошо подумали?

— Да, папочка, — вступила Арина. — Мы подняли эту тему давно, а окончательно решили перед поездкой сюда. И после подстав со стороны наших «партнёров», которые так называли себя сами (непонятно, правда, почему), решение и было высказано обоим нашим надзирателям, иначе их работу назвать по-другому нельзя.

— Ребята, Вы лишаете себя мощной поддержки со стороны Государственных служб. Как бы потом не пожалеть. Они ведь негласно прикрывали Вас всё это время.

— Пап, давай называть всё своими именами. «Крышевали». Это именно так называется, а взамен мы лечили любовниц больших дядей и их дебильных сыночков от алкоголизма и наркомании. Плюс эти три года нам платили чуть ли не как участковым врачам в районной поликлинике, обдирая без зазрения совести и имея с нас жирный куш. Разве я не прав? Если сейчас будешь возражать против очевидного, то можешь потерять наше уважение навсегда. Ты уж определись кто для тебя важнее — твои дети или твоя Контора, точнее, твои, или не совсем твои, руководители-барыги. Ведь именно они, давай говорить начистоту, просто обкрадывали нас несколько лет, зная, что ты лично их прикроешь в случае конфликта, и в дальнейшем будешь настаивать на сохранении статус-кво. Нет, пап. Дальше подобного не будет. Мы догадывались сколько стоит наша работа по факту, а сегодня убедились окончательно, имея на руках предложения от зарубежных клиник. Ты думаешь, это был экспромт на пресс-конференции? Фига. Мы просчитали всех этих деятелей как детей, получив от них то, что не могли бы получить иным способом. Хотя и те от нас поимели подтверждение, что мы действительно уникамы, а такие на вес золота во всём мире. Золотом, конечно, за лечение брать не будем, но расценки в клинике отныне будут другими. Хочу подчеркнуть, что и прайсы на лечение для разных слоёв населения будут отличаться. Вообще-то надоело мне об этом говорить, уже как ни третий раз за не полные двое суток рассказываю о ближайших планах и о своих обидах.

— Ты закончил? — мрачно спросил Ярый.

— Да, папа, закончил, но прошу лишь об одном — не стоит дальше напоминать о Конторе. Сыты по горло до конца дней.

— Теперь, дети, помолчите и выслушайте отца. Ты не прав, Антон, что Вас «обдирали как липку», присваивая деньги себе. Всё было по-честному и, даже добавлю от себя, выше того, что Вы бы получили при прямом расчёте. Не надо думать о людях плохо, не зная их совсем. Вас оберегали и, уж прости за откровенность, испытывали на прочность. Хотели понять, что Вы за люди и что у Вас внутри. Какие планы на будущее и... что вообще с Вами

делать дальше. Отпустить на «вольные хлеба» или помочь с карьерой... О клиентуре и говорить не буду. Я знаю, что виноват перед Вами обоими, умолчав о многом, но жизнь — она сложная дама, которая не всегда позволяет себя узнать сразу и со всех сторон. Признаюсь сейчас, хотя в планах было сделать это по приезду домой, уж поверьте моему слову, и открыться Вам полностью, да и рассказать обо всех нюансах. Повторюсь — Вас не обманывали с гонорарами и никто Ваши честно заработанные деньги не клал себе в карман. Умные люди послушали моего совета и было решено, когда Вы только-только организовали клинику, и стали принимать первых пациентов, что на счёт Вашего ЗАО будут перечисляться минимальная сумма, которая не даст Вам сидеть сложа руки, лишь обеспечивая оплату ЖКХ, зарплату Вашим сотрудникам и Вам самим. Простите меня, но и те трудности, через которые Вы прошли за эти три года, были испытанием для Вас, как я и упоминал. Большая часть денег, которую Вы заработали своим трудом, перечислялась на один счет, доступ к которому не имел никто, даже я. К сожалению, в данный момент не могу Вам передать необходимый комплект документов на владение счётом, так как они находятся в сейфе в моём кабинете. А что бы ты, Антон, больше не посылал проклятий в адрес неизвестных тебе людей, я покажу тебе сумму, правда приблизительную, что находится на Вашем счёте. Неужели думали, что Ваш отец со своими детьми может поступить подло?

Сергей Павлович достал из кармана крохотный блокнот, написал сумму и показал её детям.

Антон впился в написанное глазами, а Арина так вообще открыла рот от удивления.

— И это наше?.. — сглотнув, спросила девушка.

— Ну не моё же, — хмыкнул Ярый. — Это всё заработано не мной, а Вами, поэтому вопрос, как сказал сын, «мимо».

Антон нахмурился. И о чём-то задумался, закрыв глаза.

Счастливая Арина пыталась «достучаться» до брата всеми возможными способами, но отклика не получила, видя, что тому в данный момент нужно о многом подумать.

Прошло минут пять в полной тишине и Антон, так и не открывая глаз, обратился к отцу.

— Папа, я обдумал сейчас всю ситуацию с разных сторон и не буду тебе предъявлять никаких претензий. О чём искренне жалею, так о том, что своими словами и в самом деле незаслуженно обидел множество людей, но это исправимо и я готов просить прощение. И не буду ссылаться на своё незнание состояния дел — сам виноват, что не поднял этот вопрос и не разобрался лично чуть раньше. Поэтому прошу тебя передать мои слова с извинениями всем, кого обидел. Что же касается тебя лично, то, с одной стороны, твои цели оправдываю, но с другой... Ты мог поступить не так жестоко по отношению к своим детям. Уверен, что ты был в курсе наших затруднений и знал, что нам приходилось из собственных денег доплачивать сотрудникам, лишь бы удержать уже сложившийся коллектив. На эту тему более говорить не хочу, извини, больно. То, что у нас, оказывается, на счёте есть крупная сумма — это хорошо, но меня в данный момент волнуют два вопроса, а именно что за возня возникла вокруг нас и каким способом мы вернёмся домой. Если сможешь ответить, буду благодарен.

— Спасибо, сын, что не стал устраивать сцены или закатывать истерику. Это подтверждает лишь, что вы вполне состоявшиеся и умные люди, которых не страшно выпускать жить в мир самостоятельно. Что за «возня», как ты выразился, выясняется и над этим работает множество людей. Самое странное, что я попрошу Вашей помощи. Поясню. Уже задержано порядка полутора десятков человек, которые были так или иначе

задействованы в Ваших поисках. Это те, кто интересовался маршрутами Вашего возвращения, кто пытался узнать рейсы, на которых Вы могли лететь, а также смогли задержать и двух человек, которые проникли к Вам в номер гостиницы. Каким образом их вычислили и задержали, позволь мне умолчать. В чём же может заключаться Ваша помощь, если согласитесь, так именно в том, что потребуются задействовать именно Ваши способности. Поясню. Все задержанные помнят о том, что было с ними за последние два-три дня фрагментально, словно их память кто-то подчистил. И, что интересно, до последней секунды они сопротивлялись сотрудникам при задержании, а в момент посадки в одну из наших машин те теряли сознание на час-полтора, а чуть позже, очнувшись, были и сами удивлены, что оказались в наручниках, лишь помня, что они шли или на работу, или в магазин, или ещё куда-то по своим делам. И все эти люди, на наш взгляд, совершенно случайные. Там и продавцы, и разнорабочие, и доцент ВУЗа, и инженер. Все москвичи, хотя и живут в разных районах города и их между собой АБСОЛЮТНО ничего не связывает. Они и знакомы между собой не были — это выяснили точно. Наши психологи поработали с каждым, но безрезультатно. Привлекали и штатных специалистов, владеющих гипнозом, да и из Братства приглашали спецов — результат нулевой, хотя был сделан один общий вывод — со всеми ныне задержанными работали, судя по всему, бесконтактным способом и контролировали подчинённых до последнего, потом стирая из воспоминаний всё, что касалось постороннего вмешательства. Я, как вы понимаете, приказать не могу, но на помощь высококлассных специалистов надеются многие. Если согласитесь — будем считать, что Вы извинились перед всеми и ничего никому не должны.

— Пап. Ты хочешь, что бы мы залезли в головы и нашли какие-то следы вмешательства? Так это не наш профиль, извини. Мы этим никогда не занимались, лишь касались краем, когда отработывали личную защиту. Тебе нужны МАСТЕРА из Братства — вот это виртуозы своего дела. Они легко заставят любого вспомнить свои действия чуть ли не с первой минуты появления на свет. Кстати, в Братстве сейчас есть, насколько помню, двое таких. Мы же даже не дилетанты, а так, знаем совсем чуть-чуть, да и с болезнями мозга никогда не работаем.

— Нет сейчас в Братстве МАСТЕРОВ, — Сергей Павлович помрачнел. — Ты думаешь, не подумал об этом в первую же минуту? Связался с нужными людьми и мне сообщили, что один из них погиб пару месяцев назад при закрытии «окна», откуда шли волна за волной перевёртыши, а второй... Второй сошёл с ума неделю назад, а в минуту прояснения рассудка, осознав своё состояние, кончил жизнь самоубийством.

— Х-х-хреново, — протянул Антон. — Пап, а ученики тех? Они всяко более квалифицированы, чем мы.

— Мне отказали под предлогом, что ученики пока слабы для самостоятельной работы, да и менталы так себе...

— *«Рин. Твои соображения?»*

— *«Пока мы здесь, почему не помочь? Тем более что мы и сами заинтересованы, что бы всё это сумасшествие прекратилось».*

— *«Тогда я даю добро. Ты права — мы должны сами выяснить кто из москвичей такой приткий, что обладает схожими способностями, но почему-то поставил перед собой цель изжить нас со света».*

— *«Тош. Прости, если скажу глупость, но вот крутится у меня после рассказа папы мысль, что ведь такие прецеденты были раньше. Вспомни странную историю, когда после*

смерти Сталина из Москвы внезапно исчезло несколько ведущих специалистов-психологов и именитых психиатров. А спустя пару лет те всплыли из небытия и вернулись к прерванной работе, словно были в отпуске пару недель и никто вокруг даже не задал ни единого вопроса — где те были все эти годы. А если и возникал у кого вопрос, то почти сразу интересующийся или исчезал, или вдруг вопрос снимался сам по себе. Установился круг молчания, который так и не был прерван до конца дней последнего из «потеряшек». Может это постарались мозголомы из «школ», которые так долго скрывались в тени? Только вот почему они взялись именно за нас, явно получив отчёт от Светланы, что информацией владеем не только мы. Хотя... не сходится. Те начали действовать раньше, чем мы открылись нашей «подруге».

— «Малыш. Хоть в твоих размышлениях и много лишнего, но главное я понял, точнее, немного интерпретирую твою мысль — а что, если сама «школа» захотела поиметь в своих рядах нас, как специалистов, которые будут работать с их воспитанниками? Сейчас задам вопрос папе, от которого будет много зависеть. Если в курсе, что «школы» существуют до сих пор, то мы отказываемся сотрудничать, а если удивится или примет как блажь — то соглашаемся».

— «Так зачем им было в таком случае нас травить или сажать за решётку?»

— «Наверняка у кого-то поблизости был антидот для тебя, а в моей судьбе, уверен, было бы всё намного проще — пара звонков и меня бы просто вывезли из КПЗ в неизвестном направлении. Но это лишь мои домыслы».

— Папа. Вопрос, на который прошу откровенного ответа. Не надо растекаться мыслью по древу или придумывать что-то на ходу. Ответ только «да» или «нет». Ты в курсе, что закрытая много лет назад «Специальная Ленинская техническая школа», о которой наверняка слышал, существует до сих пор и вполне себе нормально функционирует? Кстати, она ведь была не одна, хотя о существовании двух других нигде не упоминалось, да документы не сохранились. Можно предположить, что где-то в архивах твоей Конторы и есть, но под таким количеством запретов, что...

Ярый-старший от удивления широко открыл глаза.

— Извини, сын, но это полнейшая чушь. Такое заведение было закрыто, если меня не подводит память, в пятьдесят втором году прошлого столетия. С чего ты взял, что она до сих пор...

— Ты говоришь «да» или «нет»?

— Конечно, нет, этого не может быть.

— «Рин. Правду сказал?»

— «Эмоциональный всплеск отторжения. Папа не знал».

— «У меня аналогичное мнение».

— А они, папа, по крайней мере, одна, точно работает в настоящее время. Информация верна на сто процентов. И об этом знают в Братстве, точнее, в нашей системе безопасности. А знают потому, что изредка к нам пытаются проникнуть ученички этой «школь», имея почти стопроцентную легенду. Но вот чего не учитывают, (или не знают) что среди Братства есть множество людей с аномальными способностями, которые за день-два выявляют «закладки» в мозге ребёнка, а дальнейшее — дело техники. Скажу больше. По той информации, что мы владеем, при вмешательстве МАСТЕРА в психику и память ребёнка для удаления «закладки», следует почти мгновенная смерть пациента. Непонятно только одно — или наставники засылаемых к нам детей высокого мнения о себе или... у них дела идут

совсем уж плохо.

Ярый с изумлением смотрел на говорившего сына, а на его скулах «играли» желваки.

— Ты это всё сейчас серьёзно говорил? Без шуток?

— Пап, какие шутки? Не обижайся на то, что скажу, но выслушай, пожалуйста, спокойно. Если судить по тому, что ты совсем не в курсе дел, можно сделать вывод — или ты не вхож в число избранных и с тобой не посчитали нужным поделиться информацией или... «школа» финансируется уже не из секретных счетов государства, а содержится на деньги из других источников. Отдельные это лица или группа, что готовит для себя уж очень узконаправленных специалистов, не понятно. Тем не менее, как итог, скажу, что второе — намного хуже...

— Кто дал тебе эту информацию конкретно?

— Конкретную фамилию называть не буду, уж извини, но если обратишься к Главе местного Круга Николаю или к известному тебе Всеволоду, те не откажут в информации. Не забывай, что для Братства ты далеко не посторонний человек, да и Дар, который ты развил в себе, уникален.

— А с чего ты сам заинтересовался «школой»?

— Пап, так к нам была прикреплена девушка, выпускница именно что «школы». Поработала в СВР в аналитическом отделе, а потом каким-то боком её перевели в Питерское отделение ФСБ, а там, в свою очередь, какая-то «умная» голова решила, что той место именно рядом с нами. Не находишь всё это странным? Вот и мы задумались — зачем именно ЕЁ было к нам подводить? Был бы ещё один рядовой исполнитель типа Михаила, так нет. И эта девушка на протяжении чуть более двух лет делала всё возможное, что бы стать близкой нам, а мне, как мужчине, так и подавно. Мы же сразу почувствовали в ней какое-то несоответствие, фальшивость, но вида не подали, и стали «играть», ожидая, когда та себя проявит, но девочка крепкая оказалась, играла до конца. К счастью, нам в Братстве помогли с кодовым словом её «закладки». Откуда такая информация в Братстве — не знаю. Могу только предполагать, что там есть наш человек. И, владея всей информацией, мы сделали так, что бы расставание прошло сравнительно мирно и без эксцессов. Сейчас Светлана по дороге в Питер, сопровождает нашу аппаратуру. Папа, убедительно попрошу тебя — не стоит её задерживать и «колоть». Получите на руки ещё один труп, а на Вас, а конкретно на тебя, очень обидятся «кукловоды». Прошу — не беги вперёд паровоза. Лучше выясни аккуратно — кто сделал перевод из СВР в Контору и кто из местных прикрепил девушку к нам. Моя интуиция говорит, что это люди связаны между собой, да и имеют, может и косвенное, отношение к вчерашним и сегодняшним событиям.

— Ты прав, сын. Нужно всё сначала обдумать и посоветоваться, прежде чем что-либо предпринимать.

— Лучше ни с кем не советоваться, а если уж так необходимо, мы в твоём распоряжении.

— Спасибо, ребята, — Сергей Павлович задумался. — Наверное, Вы правы и не стоит никому пока знать об этом разговоре. А сейчас пойдёмте, познакомлю Вас с руководителем группы следователей, что работают с задержанными и с самими «подопечными». У нас до отъезда не так много времени, поэтому не стоит тянуть.

--

Ярый и его дети вышли из комнаты и, открыв другую дверь, зашли в лифт, который, без каких-либо нажатий на кнопки или голосовые команды, опустился на два этажа под землю.

В светлом коридоре их уже ожидали немолодой мужчина с сединой на висках и двое крепких парней в балаклавах и в чёрной форме без шевронов и каких-либо опознавательных других знаков.

— Иван Иванович, — поздоровался Сергей Павлович с женщиной, — это и есть те двое молодых людей, кто постарается Вам помочь. У Вас всё готово?

— Здравствуйте, — слегка склонил голову мужчина, но руки никому не подал. — Мы приготовили восемь человек в комнате для допросов. Все подозреваемые сидят вдоль стены с завязанными глазами. Отвечать могут на любые вопросы, хотя я бы попросил воздержаться от разговоров не по теме. Следственные действия не закончены, поэтому и прошу свести до минимума общение с задержанными.

Непонятно почему, но к этому человеку у Антона мгновенно возникла неприязнь, хотя вида не подал и никак не отреагировал на сказанные слова, лишь рукой показав, что они готовы последовать за женщиной.

Что-то почувствовав, мужчина еле заметно скривил губы в какой-то кривой ухмылке и, ни слова более не говоря, не оглядываясь, пошёл по коридору, а вслед отправились и остальные...

* * *

В комнате, куда зашли двойняшки и мужчина, названный Ярым Иван Ивановичем, сидело на стульях восемь человек с плотными повязками на глазах. Как понял Антон, его отцу не позволили войти внутрь комнаты и он остался в коридоре с двумя охранниками (или кем те были на самом деле неизвестно).

— *«Рин. Я сейчас пройду один, потом ты. Постарайся почувствовать провал в памяти у всех сидящих. Остальное чуть позже, когда определимся с объёмом работы».*

Антон, останавливаясь около каждого буквально на пару секунд, вскоре вернулся к дверям и по комнате прошла Арина.

— *«Ну и какие твои впечатления, сестрёнка? Знаешь, я начинаю вновь ненавидеть Контору в полной мере — эти деятели решили нас проверить и посадили своих людей».*

— *«Слева направо первый, третий и восьмой, так?»*

— *«Так, малыш, так. И что интересного почувствовала?»*

— *«Кроме одного все «пустышки». Только второй справа интересен — у него что-то осталось в памяти. Ты заметил, что у всех руки в наручниках? Надо будет сделать так, что бы мы остались наедине с «клинтом» и того руки были свободны».*

— *«Сейчас поставлю условие, а вот как будет дальше — всё зависит от этого двойного Ивана. Блин, уже чуть ли не весь седой, а всё не наигрался в тайны и подменные имена. Они что, бояться, что мы кому-нибудь расскажем, что его видели и назовём по настоящему имени? Это вообще напоминает какое-то старое кино про СМЕРШ».*

Антон поднял глаза на мужчину, кивком головы предложив всем выйти из комнаты. Когда за ними закрылась толстая дверь, парень посмотрел сначала на отца и улыбнулся, а потом перевёл взгляд на главного здесь мужчину.

— Мы в полной мере оценили недоверие Вашей организации к нам, тем не менее. Прошу вывести из комнаты трёх людей, которые сидят, если смотреть от двери, под номерами один, три и восемь. Это первое. С посадными у Вас не получилось, уж извините. Всех остальных можете так же уводить, кроме одного — кто останется крайним справа. Он единственный, у которого в голове остались смутные воспоминания о контактёре и, если Вам действительно нужна помощь, мы с ним поработаем. Без гарантий, но что есть. Второе.

Мы обнаружили странное — словно воздействие на тех, кто присутствовал сейчас в комнате, было оказано не одной, а двумя источниками. Не понимаете? Я вот тоже, если честно. Но у всех были остаточные эманации, которые косвенно доказывают, что не один человек воздействовал, а минимум двое. В первом случае краткосрочная память была затёрта, если можно так выразиться, жёстко, задевая и другие пласты. А вот во втором — действовали намного мягче, не желая причинить вред человеку. Таких в зале двое. С первым и пытаться не будем, пустой, а вот второй интересен. Что бы пояснить наши действия, попытаюсь рассказать, чтобы Вы поняли принцип нашей работы. У человека есть три пласта памяти — краткосрочная, длительная и основная, которую в простонародье часто называют «подкоркой». У присутствующих на всех уровнях были стёрты воспоминания напрочь. У последнего же, которого я обозначил, два уровня чисты, а вот на глубинном есть что-то интересное. Какие-то смутные образы. Что бы «вытащить» эту информацию — нам необходимо освободить его руки от наручников для близкого контакта, и в комнате, где будет проводиться беседа, не должно быть никого из посторонних.

— Я не посторонний и обязан присутствовать при допросе. Это не обсуждается.

— Вы, наверное, не поняли до конца, но мы не собираемся с Вами обсуждать условия НАШЕЙ работы. Не устраивает, извините. В таком случае мы просто отказываемся от работы, подчёркиваю, из-за выдвинутых Вами условий. Как я видел — в этой комнате висит зеркало, что, как догадываюсь, является двусторонним стеклом. И, скорее всего, с другой его стороны есть кабинет, в котором наверняка присутствуют звуковая и видеоаппаратура, которые могут записывать процесс допроса. Я прав? Если да, то Вам ни кто не запрещает сидеть в «аквариуме» и наблюдать за нами. Не удивляйтесь — мы иногда смотрим кинофильмы.

— Я не могу Вас оставить один на один с задержанным в одном помещении без контроля и охраны.

— *«Антон, не заводись, прошу тебя. Здесь папа и не надо его подставлять. Потом злость и гнев выпустить».*

— *«Ещё один самовлюблённый идиот, который считает себя выше и важнее всех остальных».*

— *«Тош. Спокойно!»*

Антон поймал взгляд отца, который чуть заметно отрицательно качнул головой. Вздохнув пару раз и выдохнув, успокаивая себя, обратился к мужчине.

— Если Вас не предупредили о том, что мы мало будем говорить вслух, то это не наша недоработка. Будем работать с задержанным вдвоём как в виде общения, так и напрямую с его мозгом. И что в этом случае Вы лично сможете понять или услышать? Ничего. Будете для проформы маячить у нас за спиной и дышать как паровоз. У Вас ведь астма, да и ингалятор всегда с собой, так? Какой же Вы помощник, если в момент нашего погружения Вы начнёте задыхаться и кашлять? Кстати, не стоит играть с судьбой. Вам надо срочно лечь в больницу, иначе... С Вашим лекарством протянете максимум год. Но это так, лирика. А сейчас включите, наконец, голову, заставив в ней логику возобладать над Вашими казёнными правилами. Повторяю — нам с сестрой нужен прямой контакт с его руками и полное уединение.

Было видно, что мужчина еле сдерживает себя от резких слов, желая ответить на нанесённую обиду, да и ладони у него от гнева то сжимались в кулаки, то вновь разжимались.

Наступило молчание, которое спустя несколько минут нарушил сам Иван Иванович.

— Капитан, — он обратился к одному из бойцов. — Всех увести из комнаты кроме Игнатюка. Снимите с него наручники и вынесите все стулья из помещения.

— Простите, что поправляю Вас, но все стулья выносить не надо — оставьте три для нас.

— Делайте, как он говорит, — буркнул мужчина и, поперхнувшись, быстро отошёл в сторону, закашлявшись. Антон видел, как тот, отвернувшись, достал из внутреннего кармана пиджака явно ингалятор, несколько раз пшикнув в рот. Немного постояв в одиночестве и почувствовав себя лучше, Иван Иванович вернулся к Ярым.

За это время сначала увели всех, кто был в комнате, кроме указанного человека, а затем вынесли стулья, расставив их вдоль стены в коридоре.

— Сколько Вам надо времени? — поинтересовался мужчина у Антона, на что парень пожал плечами.

— Не могу ответить конкретно. Всё зависит от его способности сопротивляться и нашей настойчивости. Это могут быть и пара минут и полчаса.

— Ясно. Сергей Павлович, Вы со мной в просмотровую?

— Если можно, — ответил Ярый и, подмигнув детям, поспешил за хозяином подземелья...

--

Уже в небольшой комнате, сев в мягкие кресла, Ярый достал из кармана вчетверо сложенный лист бумаг и протянул собеседнику.

— Прошу ознакомиться и подписать.

Тот прочитал бумагу и, не скрывая удивления, сначала задумался, а потом всё же подписал, вернув документ владельцу.

— Странно, что здесь указано, что я ни при каких условиях не имею права упоминать этих молодых людей. А как же мне оформить протоколы? На что ссылаться?

— Ссылайтесь и опишите процесс как беседу или допрос, который Вы провели лично без привлечения посторонних людей.

— Странно всё это, но я столько на своём веку всего повидал и столько бумажек подписал, что одной больше, одной меньше...

— Тем не менее, попрошу Вас никогда не упоминать, что здесь были эти два довольно известных в узких кругах человека. Это проконтролируют обязательно.

— Я понимаю, — ответил мужчина и, включив всю аппаратуру на запись, вновь откинулся на спинку кресла. — И откуда Вы притащили на мою голову этих умников? Молодые и хамовитые до невозможности, хотя они все такие в этом возрасте. Для них не существует авторитетов, и они живут, не слушая советов старших, пробивая стены лбами, когда их можно просто обойти, открыв дверь. И давно их знаете?

— Давно, Иван Иванович. Очень давно, чуть ли не с рождения. Но согласитесь, что Вы никогда не встречались с представителями молодёжи, которые так небрежно и мимоходом напомнили Вам о болезни, которую сами так тщательно от всех скрываете, да и порядок продолжительности жизни обозначили. А в эти слова советую поверить и принять их всерьёз — эта парочка ни разу в своей жизни не ошиблась с диагнозом, а пациентов у них, не смотря на молодость, было поболее, чем у Вас на беседах за всю службу.

— Да ладно, — хмыкнул мужчина. — Прямо-таки больше чем у меня?

— Не советую даже спорить или сомневаться, — улыбнулся Ярый. — Могу доказать в

цифрах, а не просто удивить. Если не ошибаюсь, то количество полностью вылеченных людей — около пяти с половиной тысяч, даже больше. И я ещё не упоминаю, что основная их специализация — диагностика, которой они посвящают ещё больше времени. Так что успокойте гордыню — они ничего не имели против Вас лично, лишь просили предоставить условия, при которых могут работать в полную силу.

Иван Иванович смутился и замолчал, но это продлилось недолго, и диалог возобновился. Мужчины разговаривали и одновременно наблюдали через стекло, как в двух метрах от них на стулья сели парень с девушкой, а напротив — молодой мужчина, с которого, несмотря на запреты, сняли повязку и в данный момент он, не отрываясь, смотрел на собеседницу, ведя с ней негромкий разговор, совсем упустив из виду парня, который, держа одну из его рук в своих ладонях, лишь изредка поддерживал разговор, сидя с закрытыми глазами.

Минут через двадцать молодой человек за стеклом поднял вверх скрещенные руки, а девушка, встав со стула, помогла мужчине, с которым разговаривала, вновь одеть повязку на глаза, при этом мягко погладив того по щеке, что вызвало прилив краски на лице мужчины.

— Капитан, выведите задержанного, — скомандовал в рацию Иван Иванович и в ту же секунду в комнате появился охранник, который, заведя мужчине руки за спину, защёлкнул на них наручники и, взяв того за плечо, повёл к двери.

--

Вскоре в комнате появились двое мужчин, что прежде наблюдали за процессом через зеркало-стекло.

— Удалось? — спросил Ярый-старший, на что парень с девушкой одновременно пожали плечами.

— Сергей Павлович, — начал Антон, обращаясь сразу к двум мужчинам. — Сам он толкового ничего не рассказал, не помнит. А вот я, пока его Арина отвлекала, попробовал поднять нижний пласт памяти. Я уже говорил, что мы не мозголомы и не специалисты в психиатрии, тем не менее, кое-что почувствовал и «увидел», если можно так сказать. Постараюсь это описать словами. Итак. Всеми потерпевшими, а задержанных можно назвать именно так, воспользовались методом тыка, то есть внедрялись в головы самым восприимчивым, кто подвержен влиянию со стороны без особых усилий. Что удалось выяснить определённо, так то, что главный фигурант работает не один, а в паре с девушкой лет двадцати. Кто она ему — жена, любовница или дочь — непонятно, но связь между ними очень близкая и крепкая. Оба этих человека неординарные личности, я бы даже сказал — гениальные в своём роде. Место, откуда производилось подчинение людей, находится около входа на станцию метро. Вам, как понимаю, желательно проверить — все ли потерпевшие были на этой месте, подвергшись внушению, или нет. Как называется станция метро, я не в курсе, потому что вообще не знаю Москву, хотя могу точно описать дома, что были рядом, но это чуть позже. Лицо мужчины я не видел, понятно по каким причинам, а вот лицо его напарницы вполне запомнил и могу помочь составить фоторобот. Отвечу сразу, откуда такая информация. В памяти Сергея, с которым разговаривала Арина, остался слепок воздействия неизвестного с его эмоциями и переживаниями. Если честно, то сам поначалу не поверил что такое возможно, тем не менее. У меня сложилось впечатление — эти двое хотели любыми способами завязать с нами контакт, но раннее благожелательное отношение в одночасье изменилось, когда, я так почувствовал, пришла какая-то дополнительная информация. После этого — провал и всё тщательно затёрто. Ещё раз напомню, что я

«читал» размытый слепок личности неизвестного, который случайно остался в мозгу постороннего человека. Вот, вообще-то, и всё. Если предоставят хорошего специалиста-графика, а лучше художника, я постараюсь тому напрямую передать образ девушки и дом у метро, откуда и производилось вторжение в мозг случайным прохожим. Кстати, Иван Иванович, этот молодой мужчина, с которым мы только что разговаривали, уникальный специалист в вычислительной технике. Не побоюсь сказать, что он нереализованный гений. На Вашем месте я бы его взял под крыло. Поверьте, такой шанс бывает раз в жизни.

— Спасибо за информацию, разберёмся, — буркнул мужчина и быстрым шагом вышел из кабинета, а вскоре вернулся обратно в сопровождении совсем уж старика, который взглянул на молодёжь неожиданно ясными умными глазами. Тот придерживал под мышкой одной рукой папку, а другая была занята тростью, на которую и опирался при ходьбе.

— Пожалуйста, без представлений и вопросов с обеих сторон, — хозяин кабинета остановил было молодых людей, которые стали подниматься со стульев. — Я привёл к Вам художника, которого Вы просили. Что ещё нужно?

— Ничего, — улыбнулась Арина и, встав со стула, усадила на него старика. — Вы не волнуйтесь и расслабьтесь. Мой коллега Вам прямо в сознание, как это ни фантастически звучит, передаст два образа, две картинки. Первая — это вид из окна дома, где живёт интересующий нас человек, на станцию метро. Второй образ — лицо красивой девушки. Вы постарайтесь принять эти картинки и передать их на бумаге. Мы пока подождём, и если будут уточняющие вопросы — задавайте. Готовы? Тогда закройте глаза и представьте перед собой дверь в помещение, где совсем нет света. Сейчас эта дверь откроется и перед Вами из темноты появятся две картинки. Начали.

Пока сестра подготавливала пожилого человека к работе, незаметно расслабляя его мышцы от напряжения, мягко воркуя прямо в ухо, Антон, встав сзади, тоже закрыл глаза и, после команды Арины, осторожно опустил руки на седую голову, как можно ярче и чётче передавая картинку.

--

— Волшебство всё же существует на свете, — потрясённо воскликнул старик. — Я всё вижу и помню. Подождите пару минут, хотя нужную станцию метро я знаю, но понимаю, что Вам необходимо определить дом и этаж. Я сейчас...

Он раскрыл папку и быстрыми короткими штрихами стал наносить сначала образ незнакомки, а потом и города. Конечно, это заняло не пару минут, а намного-намного больше, когда художник закончил свою работу, но Антон, всё время простояв у того за плечом, видел весь процесс от начала и до конца.

— Вы потрясающий мастер, — парень был восхищён портретом девушки, что был перед глазами. — За столь короткое время создать буквально шедевр... Вы ведь не просто нарисовали лицо, а смогли выразить на бумаге все чувства незнакомки, которые я почувствовал и постарался передать Вам с её образом. Удивительно... Волшебник здесь присутствует и в самом деле, и он передо мной. Склоняю голову перед Вашим мастерством, Мастер...

Антон встал перед пожилым человеком и поклонился ему от всего сердца.

— Молодой человек-молодой человек, — засмутился старик. — Вы мне за минуту сказали столько добрых слов, что я за пару последних лет не слышал. Все только и говорят — ретроград, старопёр, мол, современной живописи не признаёт, а сам творить уже не может, исписался, кончился художник... Ха! Ваши слова, если честно, вернули меня к

жизни. Спасибо от всего сердца, что не заискиваете и не ищете благ для себя лично, а говорите от души. Ещё раз спасибо за добрые слова и всего Вам доброго, молодые люди...

Иван Иванович аккуратно помог пожилому мужчине встать со стула и довёл того до двери, неожиданно тепло попрощавшись и поблагодарив за помощь.

— Кто он? — ошарашенно спросила Арина, глядя в удивительно живое лицо девушки, изображённое на листе бумаги, которое, казалось, вот-вот оживёт...

— Это? — как-то став более человечным, Иван Иванович, кажется, даже смутился. — Это бывший профессор, преподаватель живописи, художник и... мой хороший знакомый. Что странно для меня — как он с Вами разговаривал... Брюзга последние лет десять, внезапно словно вернулся в то время и состояние, когда мы только-только познакомились... Странно...странно всё это...

— Ни удивительно, что рисовал Мастер. Это как возможно, что бы рисунок, сделанный простым крандашом, воспринимался словно цветной? С таким я не сталкивалась в жизни, хотя у нас много знакомых художников. — Арина с трудом оторвала от себя два листа бумаги и передала мужчине. — Жаль, что это будет храниться где-нибудь в казённой папке в длинном пыльном архиве...

— Если Сергей Павлович будет столь любезен и возьмёт на себя труд передать рисунок, не исключаю, что через некоторое время он появится в Ваших руках.

— Извините за наглость, а можно попросить Вас и Вашего знакомого, что бы тот подписал этот шедевр, оставил автограф?

Мужчина чуть улыбнулся.

— Постараюсь как-нибудь попросить, когда меня вновь пригласят в гости, хотя это бывает не так часто. С этим ясно. Теперь к делу. Благодарю Вас, молодые люди, за помощь и не смею задерживать Вас и Вашего сопровождающего. Ещё раз спасибо.

Антон взял руки сестры в свои, посмотрев в глаза.

— «Готова помочь хорошему человеку? Он ведь ещё много может сделать на этой земле».

— «Ты же знаешь, чего спрашиваешь?»

— «Тогда работаем как обычно — я верх, ты — нижнюю часть. Итоговый импульс в три единицы. Начали...»

* * *

Профессор, едва сделав первый шаг во двор, где его ждала машина, остановился, внезапно почувствовав, как по всему телу, сверху вниз, от кончиков волос до пальцев на ногах, пробежала тёплая жэивительная волна. Он поднял глаза к небу и в тот же миг почувствовал, словно его кто-то поцеловал невесомым прикосновением в лоб, желая здоровья и счастья.

— «Я сегодня прикоснулся к чему-то неизведанному и волшебному. Эта молодая пара, которая светилась изнутри... А сейчас чувствую, что в моё неможное тело вдохнули новые силы и новую жизнь. Странно это и удивительно. И кто постарался — я догадываюсь. Спасибо Вам, ангелы на земле».

* * *

Возвратясь в комнату, откуда недавно отправились в подземелье, Антон улыбнулся только что сделанному доброму делу, тихо замырлыкав песню, которую частенько пел про себя.

— Если бы парни всей земли

Вместе собраться однажды могли,

Арина подхватила мотив, и песня зазвучала громче.

— Вот было б весело в компании такой

И до грядущего подать рукой...

— *«И всё же встречаются на жизненном пути уникальные, яркие, талантливые и светлые люди», — донеслась до Антона мысль сестры.*

— *«Я тебя наверняка удивлю своим откровением — они действительно существуют, хотя и тщательно прячутся, не желая, что бы их, как нечто редкое, посадили в клетку и не разместили рядом табличку — «Человек добрый, порядочный, честный. Особые характеристики — умеет соперживать и помогать людям. Охраняется государством как вымирающий вид».*

— *«Не знаю о других представителях вида приматов “Ното сариенс»», а нас так точно пора охранять как недавно появившийся, но уже вымирающий вид».*

— *«Ты, кстати, обратила внимание на глаза этой красотки, что «вынул» из памяти подопечного?»*

— *«Ты имеешь в виду звездочки в уголках её глаз? Это не твоя фантазия?»*

— *«Нет. Я сам удивился, когда пытался запомнить образ неизвестной. Знаешь, сестрёнка, сдаётся мне, что не случайно один из людей остался с не стёртыми воспоминаниями. Мне кажется, что этот слепок был оставлен именно что для нас — вроде приглашения, ну или как тест, что бы получить узнать наши возможности...»*

— *«Ты предлагаешь остаться?»*

— *«Не-е-ет. Уверен, если в нас возникла нужда, эти двое могут пообщаться с нами и в Питере. Не так уж далеко уедем. Только вот у нас в городе они будут в неудобных для себя условиях».*

— *«Ты думаешь, они приедут?»*

— *«Не знаю, но почему-то образ этой девушки стоит у меня перед глазами и не хочет исчезать. Иногда ловлю себя, что та словно хочет что-то сказать. И, сестрёнка, с каждой минутой у меня крепнет чувство, что эта пара остро нуждается в нашей помощи. Нет никаких оснований думать именно так, тем не менее...»*

— *«Запала тебе в душу? — до Антона донеслось хихиканье сестры. — А что? Красивая девочка и, судя по всему, неординарная личность. Давай подождём их у себя дома, до которого ещё надо добратсья».*

— *«Это точно...»*

В это время где-то в центре Москвы.

— Мара, как считаешь, эти ребята почувствовали нашу заинтересованность?

— Не знаю, пап, но я уловила тёплые чувства и то, что парню понравилась. Да и у его сестры ко мне не возникло отрицательных эмоций.

Сидевший в инвалидном кресле мужчина еле заметно улыбнулся. Отвернулся от окна, около которого сидел, и посмотрел на дочь.

— Он тебе понравился? — спросил мужчина.

— Симпатичный парень, — девушка подошла к отцу и поправила его причёску. — Умный, образованный и вполне самостоятельный. Хороший врач, что доказал на деле. Единственный минус, который есть, его сестра. Они ведь двойняшки, а я впервые в жизни почувствовала такую любовь между братом и сестрой и, знаешь, поняла, что они буквально не могут жить друг без друга. Помнишь моё любимое стихотворение Кочеткова?

— Балладу о прокуренном вагоне? — мужчина еле шевельнул пальцами на подлокотнике кресла и дочь, увидев движение, сразу же подскочила к отцу.

— Что ты хочешь, пап? — обеспокоенно спросила Мара. — Тебе неудобно?

— Всё нормально. Спасибо, милая. Просто эти стихи, которые ты выучила наизусть чуть ли не в пять лет, не совсем точно характеризуют взаимоотношения между этими ребятами. На мой взгляд, так они чуть ли не дышат вместе и сердца их бьются в унисон. Впервые за многие годы жизни и практики убедился, что такое бывает на самом деле. Мара. Ты хотела бы выйти замуж за этого парня? Ответь честно.

— Сразу замуж? — нахмурилась девушка. — Давай сначала доведём до конца то, что запланировали, а уж потом будем думать о второстепенных вещах.

— **ВТОРОСТЕПЕННЫХ?** — негромко засмеялся мужчина. — Ты считаешь своё счастье второстепенным? Слышала бы твои слова сейчас мама, точно смеялась бы от души.

— Папа, — сердитая девушка опустила перед инвалидным креслом на колени и взяла руку отца в свои. — Для меня сейчас главной задачей является твоё здоровье. И я знаю одно — только эти двое могут тебе помочь. И они обязательно помогут, или я сверну им головы.

— Даже так? — мужчина смеялся уже в голос. — И что потом, когда свернёшь, как ты сказала, им головы? Оставишь меня до конца дней в инвалидном кресле, зная точно, что уничтожила последний шанс вернуться домой? Я тебе неоднократно говорил, что твоя несдержанность и вспыльчивость мешают осуществлению наших планов. У нас замкнутый круг, который любым способом необходимо разомкнуть. Если ты и в самом деле хочешь вернуться и увидеть мать, держи себя в руках и не поддавайся эмоциям. Кстати, что нового о тех, кто все эти дни мешал и сорвал наши планы?

— Почти ничего, отец. Наши подопечные работают, но слишком мало зацепок. Да, ещё, папа. Что меня смутило — я практически убедилась, что эта пара общается ментально, да так свободно, как мы сейчас общаемся.

— Ты уверена?

— Практически на сто процентов. Был один момент на четвёртый день демонстраций, когда они одновременно оторвались от пациента, посмотрели друг на друга, а потом стали улыбаться, словно до этого прозвучала смешная фраза. И подобное замечала не один раз.

— А сама их разговор, конечно, не слышала?

— Нет. Я находилась в другом помещении, хотя и в прямой видимости. Возник в голове тихий шум, явно от ментального общения, но ни одного слова не разобрала.

— Да-а-а... — Мужчина закрыл глаза и стал размышлять вслух. — Инфообмен на генетическом уровне? Что ж, вполне возможно. Значит, эти люди не только имеют способности к доступу и пониманию полиэнергетического состояния организма другого человека, но и ментально развиты настолько, что даже моя дочь не могла пробиться к ним в мозг... Уникумы... Будет о чём поговорить при встрече... Так... Послушай меня, дорогая. Сейчас не дёргайся — пусть шумиха вокруг них поутихнет, а вот через неделю закажи-ка нам билеты на поезд до Петербурга. Попробуем уже там выйти на прямой контакт, а если не получится, ничего не останется, как откровенно просить о помощи и открываться... А сейчас, милая, отвези меня в спальню. Устал я, да и поразмышлять есть о чём.

Это же время. Кабинет директора детского дома на окраинах Москвы.

— Борис Никифорович. Не надо повышать на меня голос, прошу. Мы сделали всё что могли и более того...

Женщина средних лет, что стояла перед сидевшим в кресле разъярённым мужчиной, всячески пыталась сохранить спокойствие, но это ей уже удавалось уже с трудом. И всё же сталалась говорить ровным голосом.

— Исчезли девять человек, с которыми мы работали. Информация недоступна, как и сами люди.

— Александра. Люди что, мусор? Вот так раз и... исчезли? Где, как, когда? Хоть это выяснили?

— Нет подтверждающих данных, но, судя по всему, их задержали. У дома или у работы каждого из наших людей появлялись однотипные чёрные микроавтобусы. Сам факт задержания никто не зафиксировал, но после отъезда машин наши сотрудники исчезали.

— И кто же был в этих танинственных автобусах? ФСБ?

— Мы не уверены, но вполне возможно. Хотя, по косвенным данным, там были задействованы и спецподразделения МВД.

— А наши источники в этих структурах что сообщают?

— Да ничего не сообщают. Молчат, словно воды в рот набрали. В аналитическом отделе сложилось впечатление, что информаторов вычислили уже давно, а сейчас просто держат на коротком поводке, мягко отстранив от дел, предоставляя дозированную информацию.

— Александра Павловна. Ты считаешь, что двух генералов можно «мягко отстранить» от дел? Того же Морозова только тронь пальцем — вонь с Лубянки мы почувствуем уже через миг. И что эти умники ещё говорят?

— Высказали мнение, что нашу школу уже давно вычислили. Лишь дело времени, когда придёт зачистка.

— Уверен, что до этого далеко, и вряд ли наши покровители допустят такого исхода — слишком уникальна Школа, что бы вот так просто нас прихлопнули.

— Тем не менее, Борис Никифорович. Прошу рассмотреть вывоз большей части сотрудников и воспитанников в близлежащее зарубежье, на базу филиала. Тогда не потеряем функциональности и работать будет намного спокойнее.

— Александра Павловна. Я понимаю Ваши волнения и тревогу, но без этих двух молодых людей нам и там делать нечего. Петренко уже впадает в маразм, а специалистов-менталов в стране как не было, так и нет. Поэтому будьте добры — хоть всех воспитанников и преподавателей задействуйте, но мне, да и Вам, если понимаете до конца конечные цели,

эта парочка нужна.

— Да, только что поступила информация — интересующая нас молодые люди будут находиться под охраной сотрудников ФСО в спецконвое, который отправится сегодня вечером в Петербург. Колличество бойцов в охране немалое, да и транспорт, как выяснилось, защищён, поэтому остановить машины и выдернуть нужных людей будет практически невозможно.

— Невозможного для нас не было и нет. Задействуйте всех наших людей, используйте наёмников. Если не сможете извлечь обоих — предпочтение отдайте парню. В случае неудачи эвакуации — ликвидация объектов на месте. Нельзя плодить врагов, тем более оставлять их за спиной живыми. А сейчас прошу меня оставить — нужно сделать несколько звонков по важным вопросам.

Московская область. Территория военного завода.

— Пап. И долго нам ещё сидеть взаперти? — задала вопрос Арина, открыв глаза после сна, поднимая голову с колен брата. — Уже всё тело ноет. Хочется принять душ и свалиться в СВОЮ кровать.

Сергей Павлович ничего не успел ответить, как в комнату, где сидело семейство, без предварительного стука зашли двое мужчин. Один из них, что был постарше, кивнул, поприветствуя.

— Доброго вечера. Просим прощения, но подготовка к выезду заняла намного больше времени, чем предполагалось ранее. Сейчас прошу на выход. Инструктаж проведёт Ваш сопровождающий. Его зовут Николай и по всем вопросам к нему. Остальных сотрудников конвоя прошу не беспокоить.

Закончив говорить, мужчина повернулся и покинул комнату.

— Поднимайтесь и следуйте за мной, — прозвучало от второго, который так же вышел из комнаты и Ярые, вскочив, последовали за ним.

Дверь, что вела во двор, была открыта, но её заговораживал открытый кузов машины.

— Машину вплотную подогнали к двери. Поднимайтесь за мной в кузов, — скомандовал мужчина и Ярый с детьми быстро поднялись по откидной лестнице. Не успели они подняться, как машина, дёрнувшись, отъехала от дверей на пару метров и две толстых даже с вида дверей снаружи плотно закрыли и, судя по характерному лязгу — снаружи на двери повесили замок, да, похоже, что и не один.

Тем временем в кузове стало светлее — зажёгся свет и мужчина обратился к своим подопечным.

— Меня зовут Николай, и объясню где Вы находитесь, что бы в дальнейшем не возникало лишних вопросов. Так же расскажу правила, которые следует неукоснительно соблюдать. И так. Вы в кунге спецтрейлера, предназначенного для перевозки особо охраняемых предметов, будь то золото или драгоценности. В данный момент в первой половине кузова находится президентский автомобиль. Сразу скажу — туда вход запрещён даже мне. Внутри есть своя охрана, которая будет защищать вверенное им имущество всеми доступными средствами. Мы же находимся в помещении сопровождающих лиц. В небольшом кубрике, перед которым сейчас стоите, есть две откидных койки, газовая плитка и санузел. Имеется кулер. Курить здесь категорически запрещено. Что ещё? Борты бронированы и способны держать пулю, так что за свою жизнь можете быть спокойны.

— Ну вот, — разочарованно протянула девушка. — Выходит, что мы так и не сможем посидеть на месте Президента... И кто Наталью тянул за язык? А я-то губу раскатала...

Трепло, а не майор...

Николай с удивлением посмотрел на Арину, но ни как не прокомментировал её слова.

— Мы двигаемся автономно или будут ещё машины? — поинтересовался Сергей Павлович.

— Конечно, нет. В колонне три аналогичных грузовика, которые время от времени будут меняться местами во время движения. Они тоже идут с грузом, но задавать вопрос «что там» не будет правильным. В качестве дополнительной охраны — два микроавтобуса с сотрудниками и приданные две машины ДПС. Двигаться будем под мигалками, хоть и без постоянных «крякалок» и сирен. Грузовые машины, к слову, так же оборудованы спецсигналами. Вопросы есть? Если хотите — можете поспать, Вам никто мешать не будет.

— Есть вопросы по делу. — Антон просително поднял глаза на мужчину. — Если можно...

— Можно. — Николай чуть улыбнулся, глядя сверху вниз на парня. — Только осторожно...

— Три вопроса и все по существу. Есть в этом кубрике, где будем находиться, средства индивидуальной защиты? Я имею в виду противогазы? Если нет, то убедительно прошу такие предоставить. Уверен, что на заводе сей девайс не дефицит. Второй вопрос. Средства связи у Вас есть со всеми машинами в конвое? И третий, пожалуй, самый главный. Где здесь другой выход помимо дверей, которые, как мы слышали, закрыли на пару навесных замков? Случись что, так мы и не сможем выбраться из кузова, будь то пожар или задымление. У меня всё.

— Вы так боитесь за свою жизнь, не смотря на то, что будет охрана почти из двух десятков вооружённых человек?

Мужчина криво улыбнулся и вопросительно посмотрел на Сергея Павловича, но что тот кивнул на Антона, мол, он спросил, ему и отвечайте, но Николай так ничего и не успел сказать...

— Мы не боимся за свою жизнь, так как можем сами за неё постоять, — улыбнулась Арина, — а вот то, что всех здесь могут отравить — вполне возможный вариант. Вентиляция приточная, да и кондиционер, что здесь где-то спрятан, навевает на разные нехорошие мысли.

— Поскольку средств защиты по штату не предусмотрены, сейчас сделаю запрос. Уверен, что поставить такое не составит труда. Что же касается связи — она имеется на всех машинах, да и рации есть у всех сотрудников. Что же по поводу запасного выхода... Он предусмотрен, но, простите, не имею права показывать устройство машины.

— А если, к примеру, этот грузовик завалится на бок и начнёт если не гореть, то дымиться, а вам лично в голову прилетит та же газовая плита? Как мы сможем при Вашем бессознательном состоянии выбраться наружу и эвакуировать хотя бы Вас? Если уж мы не внушаем доверия, то расскажите это хотя бы генералу ФСБ. Он-то, надеюсь, не вызывает у Вас сомнений?

— Антон, ты не прав, — Сергей Павлович был сердит. — Николай и так рассказал нам больше, чем положено. Не «доставай» его, прошу.

— Я не «достаю», как ты выразился, а просто хочу знать, как нам выбраться из этого металлического гроба, если наши предчувствия сбудутся?

— Какие-такие предчувствия? — встал «в стойку» мужчина, забыв обо всём остальном.

— Такие, что мы предоставляем для кого-то неизвестного явную цель и нас, простите, уже и Вас, попытаются где-нибудь на трассе тормознуть, а вот как это произойдёт...

Поэтому заданные мною вопросы не проявление детского любопытства, а жизненная предусмотрительность. К тому не понимаю, почему наше присутствие в этой машине не вызывает у Вас вполне понятного удивления? Неужели посторонние люди в колонне, озраняемой сотрудниками ФСО, такое уж обычное явление?

Николай, ничего не ответив, ненадого задумался, а потом, коротко с кем-то переговорив по радию, откинулся на спинку приваренного у самого выхода стула.

— Противогазы на всех присутствующих сейчас принесут, да и пару огнетушителей добавят сверх нормы.

— Спасибо, за заботу, — Антон шутливо шаркнул перед собой ногой, словно кланяясь и, подхватив под локоть сестру, отправился в небольшое помещение, где они разложили откидные койки и завалились на них.

— Антон. А папа где будет лежать?

— Папа на моём месте, а я переберусь к тебе. Отдыхать, как понимаю, не придётся. Давай вспоминать все навыки зондирования местности. Есть у меня даже предположение, а твёрдая уверенность, что нас не выпустят так просто из Москвы. Будь готова ко всему и настраивайся на работу...

Вскоре в кубрик зашли Ярый-старший и Николай, держа в руках коробки с новенькими противогазами.

— Игрушки принесли? — хмыкнул Антон. — Давайте, раз притащили. Лучше сейчас подогнать по лицу пока есть время. И не забудьте где чей противогаз находится, а то впопыхах начнёте напяливать...

— Молодой человек, а бурчит как прапорщик в учебке, — хмыкнул Николай. — Хотя и по делу.

Следующие несколько минут все были заняты подгонкой противогазов, добиваясь плотного прилегания к лицу.

Только закончили игру "в слоников", как у сопровождающего пискнула рация. Он что-то выслушал и проинформировал остальных.

— Движение начнётся через пять минут. Время в пути около восьми часов. Не забывайте, что мы на грузовом транспорте.

Николай вышел, а Антон задал интересующий вопрос отцу.

— Он показал где эвакуационный люк?

— Да. Объяснил и показал как открыть в случае ЧП, однако просил как можно дольше находиться именно в кунге — как-никак защита, а сотрудники охраны в это время будут выполнять свою работу.

— Ясно... Пап. Ты сейчас ложись на моё место, а мы с Аринкой начём работать — у нас отработано несколько сюрпризов для неожиданных гостей, если что. Пока будем вести тоько пассивное зондирование. Да, забыл. Попроси нашего надзирателя оставить тебе рацию. Если что-то почувствуем — нужно будет как можно быстрее сообщить всем в колонне.

— Я не надзиратель, а сопровождающий, — Николай явно обиделся. — И буду находиться рядом с Вами всё то время, пока не передам в руки питерской группы. Да, а что Вы только что говорили про какое-то зондирование?

— Вы знаете что-нибудь об экстрасенсах? — спросил Сергей Павлович. — Не из передач по телевизору или по рекламе в газетах, а на деле? Если верите, что такие существуют, то перед Вами два наиболее сильных представителя этой аномалии человечесва

в нашей стране. И не удивляйтесь их бзикам — это побочное явление их исключительности.

— Да ну... — недоверчиво буркнул Николай. — Меня поставили в известность, что под моим надзором будет пара неординарных и малоуправляемых молодых людей, но не настолько же... И что Вы умеете? — уже заинтересованно и с иронией в голосе спросил мужчина, но его прервал крик Антона.

— Держитесь!...

...Через миг грузовик дёрнулся, и Николай кубарем полетел со своего стула, каким-то чудом удержав в руке рацию, не разбив ни её, ни лицо, больно ударившись лбом о металлический косяк двери.

— Бл... — вставая, прошипел мужчина, потянувшись к стулу, на котором только что сидел.

— Приготовились, — с улыбкой на лице парень смотрел на своего «надсмотрщика». — Ещё раз. И...

...И вновь грузовик дёрнулся, на этот раз, резко затормозив, отчего Николай вновь полетел через всю небольшую комнатку, но теперь врезавшись плечом в металлический столик, а газовая плитка от удара подскочила и свалилась, больно ударив Николая по голове.

— Да что ж это такое... — мужчина, уже не делая попыток подняться, высказал по рации в адрес водителя всё, что думал о нём в тот момент. Потёр рукой лоб и затылок, на который упала плитка и не сразу посмотрел на подопечных, очнувшись лишь от какого-то странного хрюканья, что раздавалось с двух сторон.

И... неожиданно для себя, улыбнулся, видя, как молодые люди, лёжа на койках, буквально бились от хохота, прижимая руки ко рту, что бы их смех не выглядел столь уж издевательским.

— Ну что, Николай, убедились, что эта парочка не совсем нормальна и отличается от обычных людей? — прокомментировал ситуацию Сергей Павлович. — Вы уж не донимайте их личными вопросами. И Вам будет проще, да и не будете отвлекать ребят от работы. Кстати. Сложилась ситуация, в которой Вы и эта пара поменялись местами. Получается, что именно ОНИ будут охранять Вас и груз, а не Вы их. Так что сделайте правильный вывод. Надеюсь, что удар головой о дверь и летающая плитка будут Вам в помощь...

Немного посмеявшись, Антон перебрался к сестре, а их отец, который всё это время стоял в проёме двери, занял освободившуюся койку. Движение машины продолжалось уже равномерно и вскоре все привыкли к периодическому покачиванию и скрипу кузова.

--

Так прошло более часа и только когда Антон почувствовал, что скорость машины значительно увеличилась, задал вопрос.

— Николай. У Вас имеется планшет или ноутбук, на котором отмечены машины. Простите, неправильно выразился. Задам вопрос иначе. Есть ли возможность видеть в режиме реального времени ВСЕ машины колонны? Имеется наружное видеонаблюдение?

— Камеры есть на всех машинах и идёт постоянная запись трека.

— Вы не поняли. У ВАС лично есть возможность видеть движение колонны?

— Есть, а зачем Вам это?

— Для того, что бы иметь возможность контролировать каждую машину. Сейчас в этом нет необходимости, но вскоре понадобится — вот чувствую, будет какая-то гадость, и всё тут. А что бы все остались живы-здоровы, потребуется видеомониторинг всех машин и прямая связь с каждым водителем. Поверьте — мне совсем не хочется командвать чужими

людьми и распоряжаться их судьбами, но если придётся, будьте готовы делать то, что буду говорить, иначе за потери с нашей стороны отвечать будете Вы лично. Как догадываюсь, внутри этой комнатухи ведётся постоянная запись звука и изображения, иначе, зачем вон в правом верхнем углу поблёскивает объектив?

— Запись ведётся, это правило, — подтвердил Николай. — А Вы уверены, Антон, что потребуется Ваша помощь при гипотетическом нападении на конвой? Мы ведь не дилетанты, что бы слушаться непонятно кого бесприкословно. И жертвы с нашей стороны...

— ... Будут отсутствовать, если Вы послушаетесь советов молодого человека. Поверьте, я знаю, о чём он говорит, и сам в похожей ситуации, не задумываясь, отдал бы приказ подчиняться именно ему, — пробурчал отвернувшийся к стене Ярый. — Решать Вам, поскольку именно Вы командуете конвоем, но совет я уже дал, а принимать его или нет — решать Вам.

Николай задумался и замолчал. Потом раскрыл свой «дипломат», оказавшийся защищённой моделью неизвестной марки ноутбука. Включил его и, поклацав клавишами, вывел на экран сетку из множества изображений в порядке нахождения машин в колонне.

— Спасибо, — отреагировал на эти действия Антон, впившись глазами в экран, разбираясь, какая камера какой машине принадлежит, что заняло не так много времени. — Теперь, если можно, разверните на всех машинах камеры бокового обзора на пятнадцать градусов вперёд, в сторону движения. А задние камеры в машинах на столько же градусов влево, по ходу движения. Камеры по левому борту не нужны. Их можно или отключить или же повернуть тоже в сторону движения. Сами понимаете, что лучше заранее видеть неприятеля, чем тогда, когда он окажется напротив борта машины.

На удивление, Николай не стал ничего говорить по рации и отдавать приказы, а сам лично дистанционно повернул камеры так, как предложил Антон.

— Спасибо, Николай, за доверие, — улыбнулся парень. — Уверен, что Вы и дальше выслушаете мои советы. В ближайший час всё будет спокойно, а вот потом надо быть начеку. Я же сейчас отключусь ненадолго. Нужны силы, а их после уходящих изматывающих суток осталось не так и много...

* * *

Прошёл час. Полтора. Если судить по отметке на карте, которая высвечивалась на экране в правом верхнем углу, конвой проехал чуть меньше четверти пути.

Антон внезапно открыл глаза.

— Николай. По плану Вы должны следовать через Тверь или вокруг, по новой дороге?

— Мы едем по Петербургскому шоссе, М-10. Это стандартный маршрут, утверждённый руководством.

— Принимайте решение, пока есть возможность надо обогнуть город и избежать неприятностей. Я настоятельно рекомендую ехать вокруг.

— Надо заправить машины сопровождения перед дальнейшим перегонном.

— Так никто не мешает одну машину сопровождения, один грузовик и одну с сотрудниками ГАИ отправить через город, а остальные поедут вокруг. Потом на трассе нас нагонят.

— Это нарушает ВСЕ правила движения колонны. На это пойти не могу.

— Я понимаю, что такое приказ, и хочу ещё раз спросить — другие грузовики точно с грузом? Меня не интересует что внутри, просто ответьте — да или нет.

— Нет, пустые. Характер перевозимого груза подразумевает обязательное дублирование

транспорта на маршруте.

— Так нас и будет две машины. На следующей развязке повторим разделение колонны, только уже с другими машинами. Решайте. Мне очень не нравится, что всем конвоем поедем через город, где будем лишены возможности манёвра или оторваться на скорости. К тому же возможная блокировка транспорта путём созданной аварии уж явно напрашивается, не говоря об остановках на светофорах.

— Антон, — чуть не выматерился Николай. — Ну какая зараза придумала дать мне Вас в нагрузку? Ехал бы тихо, никому не мешая, и всё было бы тип топ, так нет же... Гемор с Вами на всю голову. Да и потом — Вы-то помашете на прощание ручками в Петербурге и всё, а мне придётся писать рапорта до скончания века, оправдываясь чуть ли не за каждый чих, что не прописан в маршруте. Да и случись что — до конца дней будет не оправдаться. К тому же и служба станет обузой. В лучшем случае до пенсии только и буду что сопровождать грузы. Не я первый, кто нарушает приказ, а чем это заканчивается — хорошо знаю...

— Николай, майор, ты уж прости старика, что не предупредил сразу.

Сергей Павлович бодро соскочил с койки и, потянувшись как кот, плавно и грациозно, вынул из внутреннего кармана лёгкой куртки сложенный лист бумаги и сунул в руки сопровождающему.

Тот аккуратно, словно в руках держал ядовитую змею, раскрыл лист и медленно стал читать, чуть ли не по слогам, вникая в содержание текста. Дойдя до конца, вновь начал с самого начала. И начал было в третий раз, когда из его рук чуть ли не вырвали бумагу.

— Вы хотите наизусть запомнить содержание? — улыбаясь, спросил Ярый. — Не надо. В Вашем ведомстве имеется точная копия этого документа, который однозначно в случае непредвиденных ситуаций снимает с Вас ответственность за нарушение регламента действий участников конвоя. Так что расслабьтесь. Конечно, можете прямо сейчас позвонить своему начальству и потребовать подтверждение приказа, но вот почему-то я уверен, что этот звонок будет словно красная тряпка для быка. У Вас не очень довольны этим документом, но, если заметили, подписан он самым-самым главным, чьи распоряжения не оспариваются. Действуйте, как предлагает молодой человек. Всю ответственность беру на себя. Поскольку здесь ведётся запись, то письменного подтверждения не требуется.

Николай по рации стал отдавать приказы, но в этот момент Арина, лёжа на койке в состоянии прострации, подала голос.

— Тош. Подключайся. Нас ждут на обеих дорогах, не обойти.

Майор, который всё слышал, замолчал на полуслове, а парень буркнул. — Две минуты. — Повернулся к сестре и плотно прижал её тело к себе.

Вскоре, не открывая глаз, стал говорить.

— В городе около пятнадцати человек вдоль трассы на выезде. На новой дороге — через, примерно, двадцать километров, около восьми человек. Есть тяжёлое вооружение. Двигаемся все вместе, не разделяясь. Когда скажу — машины ГАИ остановить, что бы перекрыть полностью попутное движение. Расстояние между машинами увеличить до тридцати метров. Грузовикам, при возможности, перейти на вторую полосу. Машины с охраной разместить за грузовиками ближе к разделительной линии. Всех водителей предупредить, что бы были готовы по команде как резко затормозить, так и увеличить до предела скорость. Ответный огонь охране не открывать ни в коем случае — мы постараемся сами справиться. Майор, вызывайте из Москвы и Твери группы захвата. Конвой

останавливать не будем, а им предстоит работа по задержанию и боевиков. Так, ещё. Судя по тем откликам, что получаем, среди наших врагов есть дети, точнее, подростки, но предупредите всех не делать скидку на возраст — это смертники, с которыми надо быть более осторожными, чем со взрослыми. Всем машинам готовность и быть готовыми включить световые и звуковые сигналы по первой команде. А сейчас выполняйте, что буду говорить и всё, надеюсь, будет хорошо... Передайте приказ по колонне — всем снизить скорость до 60 километров.

Майор стал отдавать команды, а Сергей Павлович, дастав сотовый, с кем-то созвонился пару раз и, выключив телефон, убрал в поясной футляр.

Через десять минут парень, находясь, словно в трансе, скомандовал.

— Машинам ГАИ стоп. Встать поперёк трассы. Остальным увеличить скорость до предела. И держитесь все при резком торможении. Перестроиться грузовикам во вторую полосу. Сопровождению спрятаться слева за бортами грузовиков, слушая приказы по номерам прикрывающих транспортов. Повторяю — огонь не открывать.

Во всех машинах наступила напряжённая тишина, поскольку майор не стал дублировать команды Антона, а просто включил рацию на передачу и все без исключения, как водители, так и бойцы, слышали нервный и напряжённый голос неизвестного молодого человека.

— Внимание первой машины в колонне. По команде стоп резкое торможение. Педаль в пол. Приготовились... Стоп!!!

Водитель, что находился в первой машине, до упора нажал педаль тормоза, стараясь удержать тяжеленную машину на дороге и в ту же секунду он и сопровождающий увидели перед самым копотом мелькнувшую тень гранаты от РПГ. Через мгновение с левой стороны трассы послышался хлопок, а затем в лесу с шумом повалилась пара деревьев.

— Ходу, Первый, ходу! — закричал Антон. — Второй, прикрой бортом Первого. Выходи на первую полосу, но не тормози. Вперёд!!!

По кузову застучали дробно, но вскоре эти звуки исчезли.

Первые две машины двигались, словно в компьютерной игре, синхронно следуя приказам неизвестного командира.

— Третий, прибавь скорость, перейди на крайнюю левую полосу, но будь готов резко уйти вправо, убирая кузов. Три секунды. Две. Вправо!!!

Крик Антона резко ударил по ушам всем находящимся в машинах, а по кузову последней машины, которая ушла в резкий разворот, скользнула ещё одна граната, уйдя в многострадальный лес, и там взорвалась, не причиня людям никаких бед.

— Продолжать всем движение кроме Второго. Второй — в крайнюю правую, затем на обочину и плавный стоп. Не бойтесь — мы за поворотом и нас не смогут достать ни из гранатомётов, ни с автоматов. Всем водителям вернуться к изначальному порядку следования. Второй догонит, не беспокойтесь. Машинам ГАИ — приказ возобновить движение через две минуты и вернуться к сопровождению колонны. Машине с охраной у Второго. Вас что, не касается общая команда? Уехали, быстро! Послушались... Вот и молодцы...

Антон открыл глаза и посмотрел на майора и отца. Первый был бледен от осознания того, чего только что избежали вверенные ему люди, а второй... Папа волновался не зря. Точнее, он думал, что всё закончилось, но нет, самое тяжёлое было впереди...

— *«Малыш, готов?»*

— *«Да. Командуй.»*

— «Ты чувствуешь всех?»

— «Да. Они под контролем. Кроме боевиковвдоль дороги, сзади есть ещё один, в пятистах метрах. Он, похоже, контролёр».

— «Тогда не будем миндальничать — работать станем по максимуму. Полная парализация всех, кроме контролёра. Того лишим возможности работать ручками и ножками».

— «Но, Антон... Там же дети. Они не смогут дышать и погибнут. Так нельзя».

— «Не надо спорить. Посмотри что под ними, под каждым из лежащих. Не понимаешь? Это гранаты и мины на боевом взводе. Малейшее движение и взрыв разбрасывает всех вокруг — и своих и чужих. Не веришь? Загляни хоть одному из этих подростков в разум. Там нет ничего человеческого кроме злобы на всех и на вся. Это уже не люди, а роботы, запрограммированные на уничтожение противника. Может быть, они и были когда-то людьми, но это было давно».

— «Прости, братик, не могу. Это выше моих сил. Я не могу вот так хладнокровно убить почти десять человек».

— «Подумай над тем, что эти люди сделали бы с тобой, получишь у них захват тебя и меня. Страшно подумать. А с парнями в конвое? А с папой и майором? Они же убили бы всех без сомнений и сожалений».

— «Я не могу, прости. Всё понимаю, но не могу. Если бы в прямом бою, один на один. Или это были бы твари, но так...»

— «Я тебя понимаю и не осуждаю, половинка моя прекрасная. Поэтому прошу одного — поделись со мной силами, а всё остальное сделаю сам. Время уходит. Сейчас или мы их или они нас, может чуть позже. Должно всё закончиться здесь и сейчас».

— «Я люблю тебя, братик, и всё понимаю. Прости за слабость. Действуй как считаешь нужным и бери всю мою силу без остатка».

— «Поставь метки на тех, кто в городе. Мне их не достать, я держу под контролем тех, кто рядом с нами. По меткам тех позже смогут обнаружить Братья. Начали».

Сергей Павлович и майор видели, как спустя минуту сначала забился в судорогах Антон, а вслед за ним и девушка. Парень через секунду обмяк, потеряв сознание, а его сестра, открыв глаза, залилась слезами, судорожно обнимая брата, словно желая слиться с ним в единое тело.

— Воды ему дайте. Как можно больше пить, — раздался хриплый прерывистый голос девушки и в ту же секунду мужчины заметались от кулера к паре, что лежала на откидной койке и обратно. Антон, в почти бессознательном состоянии, автоматически протягивал руку за стаканом воды и через пару секунд отдавал уже пустой.

Вскоре парень замотал головой, давая понять, что больше пить не хочет, зато его сестра прошептала, — «Пить», — и беготня снова возобновилась.

— Машине Два. Возобновить движение, — еле слышно прошептал Антон. — Николай Мы почти всех уничтожили. Остался один, точнее одна. Это женщина, насколько понял. Её парализовало. Она в полукилометре от основной группы на опушке леса. Передай тем, кто будет осматривать трупы у дороги — почти под каждым граната или мина. Все на боевом взводе. Это были смертники — они знали на что идут...

Майор передал команду водителю на движение и машина, чуть заметно качнувшись, двинулась по намеченному маршруту, догоняя остальную колонну, а Николай стал передавать по команде информацию, что только что услышал от парня.

А парень с девушкой, так и не разомкнув объятий, затихли, провалившись в сон, но не прошло и несколько минут, как их обоих затрясло.

— Холодно очень, — пожаловалась девушка. — Я рук и ног не чувствую — всё замёрзло. Холодно внутри и снаружи. Пап, у тебя нет тёплого одеяла? Антон тоже окоченел, но он уже не чувствует, провалившись в небытие, а я вот держу его душу и сознание, но сил не хватает. Если он уйдёт, то и я вслед за ним. Прости, пап, но я без него жить не смогу. Холодно!!!

Сергей Павлович скинул с себя куртку, а потом и тёплый свитер, оставшись в тонкой футболке. Вслед за ним практически всё скинул с себя и Николай, видя состояние тех двух, что только что спасли жизнь многим из его команды, а может и его собственную. Он по рации попросил водителя включить на максимум обогрев кунга, но этого явно не было достаточно. Потом, оглядев быстрым взглядом, чем можно ещё накрыть ребят, остановил глаза на газовой плитке. Быстро опустив её на пол, включил горелку на максимум и поставил под подвесную койку, положив сверху на подставки толстый стальной лист, который служил до этого столешницей маленького столика.

Повернувшись к Ярому, пояснил.

— Ребятам будет тепло, да и пожара не будет. Мы так раз делали, когда зимой машина сломалась далеко от Москвы. Сидели здесь впятером и ждали помощи, лишь изредка открывая дверь, что бы не задохнуться. Когда через три часа приехала техничка-эвакуатор, наши коллеги были в шоке — на улице за тридцать мороза, а тут выходим мы — все в тельняшках и мокрые от пота.

Ярый улыбнулся, не отрывая глаз от лица сына. Он видел, что детям работа далась тяжело — их подбородки были в крови от кровотечения из носа и искусанных губ, да и из ушей текла кровь, а глаза у дочери, когда та подняла голову, были красные от лопнувших сосудов. Что было с сыном, пока не видел, но, даже не смотря на свой страх за детей, не смел тревожить их странное забытье.

Они лежали под кучей одежды с закрытыми глазами, очнувшись, но вида не подавали. Их тела уже согрелись. Особенно было приятно, что теплой оказалась сама койка, до этого холодная, жёсткая и неудобная.

— *«Малыш. Мы живы?»*

— *«Живы, братик, живы. Даже способность общаться, к моему удивлению, не потеряли».*

— *«Если даже только это одно сохранилось, великое благо. Но мне кажется, что в нас произошли какие-то изменения. Не пойму какие, да сейчас это и не так важно. Потом разберёмся. Знаешь, что мне сейчас хочется больше всего?»*

— *«Знаю. Как и мне — съесть что-нибудь такое... Большое и вкусное. И что бы есть-есть-есть... Слушай, Тошка. А если в этой конуре есть плитка, то может и пожрать что-нибудь найдётся? Если нет, то я съем заживо майора. Он хоть и жилистый и, скорее всего, не вкусный, но организм требует питания, а вот других более подходящих объектов не наблюдаю».*

До Арины совсем неожиданно донёсся тихий смех брата. Присущий не какому-то полуживому или измученному человеку, а вполне здоровому и нормально себя чувствующему.

— *«Не надо есть Николая. Он показал себя не с самой плохой стороны. Так что оставим его в живых. Не знаю как ты, а вот мне вполне хватает твоего красивого уха».*

Вкусное... не могу остановиться».

Арина почувствовала, что брат и в самом деле посасывает мочку её уха и чуть ли не урчит от удовольствия.

— *«А ну брысь, извращенец. Мои уши... Или уши? Не, ушики, так будет правильнее... не для тебя, а для будущего мужа. Вот ему позволю делать с ними что захочет. Тошка, гад, не кусайся. Что за манера, а? Чуть ожил и сразу стал хулиганить. Брысь, котяра ободранный, кому сказала?»*

На глазах изумлённых Ярого и майора, скинув неожиданно на пол все вещи, что лежали на них, сначала выпрямилась и села на койке девушка, которая гневно смотрела на брата, а вслед за ней метнулась рука, которая притянула голову Арины обратно и вскоре парень, чуть приподняв голову, звонко чмокнул сестру в нос, мимоходом лизнув языком по всему лицу.

— Мяу, Аринка, — послышался ехидный голос брата. — Рад, что ты пришла в нормальное состояние, а я вот пока полежу, сил маловато. Хотя поесть не отказался бы. Господин майор, а в Ваших суперсекретных запасниках нет ничего съедобного?

— Почему нет? Есть. Нам на каждого выдан суточный паёк. Не скажу, что деликатес, но есть можно, особенно когда голодный. Печку-то можно выключить? Согрелись?

— А... Это была печка под койкой? Здорово придумали, спасибо. Это намного эффективнее кучи одежды сверху, хотя и за это благодарны. Оденьтесь только, а то замёрзнете. Нам Вас потом лечить... опять силы тратить. Давайте уж идти по более лёгкому пути. Арин, ты как? Сможешь за братцем поухаживать? С ложечки его покормить?

— С ложечки? А вот фиг тебе, засранец. Провоцируешь меня, а потом, как всегда, делаешь виноватой. Сам, вон, вставай и готовь себе есть.

— Вот так вот? Ну ладно, я тебе это припомню, — послышалось с койки и Антон, медленно сев, спустил ноги на пол, а через секунду отдёргнул их.

— Не. По раскалённой плите я сейчас ходить не готов. Спасибо за возможное испытание моих способностей, но я не совсем оправился после последней встряски.

Антон поднял глаза и отец с майором в ужасе отшатнулись — абсолютно красные от многочисленных кровоизлияний, а посередине — вертикальный тёмный, почти чёрный зрачок, который медленно, очень медленно, стал приобретать форму человеческого.

— Это что за... — в испуге, прижавшись к стене, пробормотал Николай. — Вы кто вообще такие? Вы люди или как это... во... рептилоиды?

Арина посмотрела на брата и, взяв его руки в свои, словно десять секунд назад не злилась из-за пустяка, запрыгнула на койку и, обняв половинку, захохотала, а через секунду засмеялся Антон.

— Не бойтесь, майор. Мы люди, самые что ни на есть настоящие. А с глазами... я так понял, что Вы увидели вертикальный зрачок? Это естественная защита организма при обширном повреждении глаз, а кровоизлияние и является таковым. Я вот сейчас вижу Вас как в тумане — резкости нет, но это вскоре пройдёт... — Антон тяжело вздохнул. — Вспомните кошек — у них зрачки меняются при яркости освещения от круглых до нитевидных в течение суток многократно, а что бы не пугаться подобного в дальнейшем, расширьте свой кругозор — почитайте умные книги и другую литературу, где говорится о происхождении человека, и не упоминается Дарвин. Его ошибочную теория уже опровергли почти во всём мире... Извините, но нет сейчас сил рассказывать всю теория эволюции как выдуманную, так и настоящую, поэтому займитесь самообразованием. Это, поверьте, принесёт только пользу, и поменьше читайте всякую хренотень о нашествии рептилоидов и

зелёных человечков. Теории Вселенского заговора с целью захвата земли, поверьте, почти не имеют под собой оснований. Есть люди, которые придумывают различные страшилки как для собственного пиара, так и с целью перевода внимания населения от более важных проблем...

— Так что там по поводу еды, не передумали? — Арина перебила брата, чуть ли не облизываясь, смотря на Николая. — У нас такое предчувствие, что если не хватит положенного, придётся съесть кого-нибудь самого слабого из нас на данный момент. Так что гоните пайки пока не поздно, или...

Через полчаса, съев не только своё, но и не отвергнув подsunутое отцом и майором, двойняшки завалились вновь на койку, попросив их не беспокоить хотя бы пару часов, объяснив, что дальше не будет никаких неприятностей. На вопрос озабоченного майора, каким дальше маршрутом следовать конвою, парень лишь слабо махнул рукой.

— Каким хотите. Мы не чувствуем дальше ничего плохого, поэтому поступайте как считаете нужным.

* * *

— *«Ну что, постим и будем набираться сил?»*

— *«Надо отдохнуть, а то мы страшнее, чем вампиры из фильмов-жутиков. Не зря от нас шарахнулся даже папа, а уж майор запомнит наши глаза на всю оставшуюся жизнь. Будем потом ему в самых кошмарных снах видеться».*

— *«Да уж... Хорошо, что мама нас не видит, а то опять были бы слёзы...»*

— *«Тош, я вот не могу забыть того генерала, что орал на нас как припадочный в приёмной у главврача. Если честно, то в тот миг по-настоящему испугалась, что нас заставят служить в армии. Это ведь не было простой угрозой бешеного военного?»*

— *«Ты знаешь, нет, он не врал. Мы военнообязанные и в случае необходимости, а уж тем более в случае войны, нас имеют право призвать на службу. Но именно так, как я и упомянул — повесткой по месту прописки».*

— *«Откуда ты знаешь?»*

— *«Вспомни о нашем наставнике и что тот не рассказывал почти никому».*

— *«Ты о Елене, о его любви?»*

— *«Да, о ней. Ведь тогда, чтобы расстроить планы молодых, её отец, занимавший немалый пост в военной контрразведке, сделал всё возможное, что бы Белого забрали в армию хотя бы на время. И характеристику с места работы затребовал через секретный отдел, и на трёхмесячные сборы запасников пытался забрать, но у него ничего не получилось. Олег-то уже имел звание офицера запаса, а они по планам в тот год не забирались. Да и в военкомате у него был хороший знакомый, который объяснил всё на пальцах».*

— *«Да, грустная история. Хотя, как по мне, если бы та любила, не послушалась своих родителей. Девочка была не столь наивна, хоть и молоденькая. Привыкла к определённому образу жизни, а тут... Потерялась под давлением мамы, в первую очередь, да и сбежала... А Олег ведь всю жизнь пронёс её образ в своём сердце. Он, я так поняла, любил только её одну».*

— *«Ты права. Именно её одну. И даже потом, когда произошла встреча спустя тридцать лет, он вновь предложил связать судьбы, но... та в очередной раз побоялась изменить привычную жизнь, хотя не могла не видеть и не понимать, что ради неё человек был готов на всё... Олег ведь поставил перед своей любимой вопрос ребром — «всё или*

ничего», а почувствовав, что и в этот раз она не сможет сделать шаг навстречу, порвал всякие отношения, не желая изменять жене и встречаться где-то на стороне с другой женщиной. Хотя... Ты знаешь, Белый ведь до сих пор так и любит эту женщину».

— «Откуда ты это знаешь?»

— «Мы как-то были вместе за городом на рыбалке. Сидели у костра и он, вдруг, совершенно без причины, рассказал свою историю. Поделился болью, что терзала всю его жизнь».

— «А я где была тогда?»

— «Ты сопела в палатке рядом с мамой и папой. Белый тогда хотел меня познакомить с Русей. Звал её, но тщетно, та не пришла. Чуть позже, вернувшись к костру, он со мной и поделился».

— «Жалко его. Вот хотя я и сама женщина, не могу понять тех, кто вопреки своим чувствам идёт на поводу у родителей или посторонних людей. Проходят годы и многие переосмысливают жизнь, жалея о содеянном, но уже ничего не вернуть».

— «В случае с Белым так вообще непонятно. Что ЕЙ надо было после тридцати лет разлуки? Мужчина, с которым та жила, уже был третьим мужем. Они не любили друг друга совершенно. Так, по крайней мере, сама говорила Олегу. А вот решиться на поступок так и не смогла, придумывая совершенно нелепые отговорки».

— «Может она и не любила Белого никогда? Бывает же такое в жизни, когда люди лишены большого чувства, а мимолётную влюблённость принимают именно что за любовь?»

— «Бывает. К счастью, перед нашими глазами есть два совершенно противоположных примера. Это Катя и мама. Особенно Катька. Вот уж поистине ЛЮБОВЬ, которую он пронесла через всю жизнь... Малыш, давай спать, а то так и не отдохнём. Ты затронула такую тему, что можем её обсуждать сутками. У нас не так и много времени осталось до конца поездки».

— «Спи, мой хороший, а я просто помечтаю, что бы и нам достались такие, как Катя и мама».

— «Что, обе женщины? Мне-то ладно, а тебе... Рин, не пугай».

— «Вредина ты и пошляк. Вот взял и испортил самое романтическое настроение. Как тебе не стыдно, а?»

— «Стыдно когда видно. А сейчас спать, романтик с большой дороги. Спать и никаких мыслей, иначе и мне не уснуть. Пожалей раненого бойца, сестричка. С твоими мыслями я рыдать скоро начну, сочувствуя Белому».

Антон поочередно нежно поцеловал закрытые глаза сестры и, прижав её тело к себе, мгновенно отключился, а через секунду засопела и Арина...

То же время. Москва. Детский дом.

Старый кнопочный телефон на столе на удивление хозяина кабинета разразился не столь редко звучащим Гимном Советского Союза, а вообще, мелодией из сонаты для фортепиано № 2 Шопена, которую чаще называют похоронным маршем.

Дмитрий Шевченко, третий человек в детском доме, отвечающий за воспитательную работу, с опаской покосился на аппарат, словно тот был гремучей змеей, но, поколебавшись пару секунд, протянул руку за телефоном и нажал кнопку соединения.

— Сташевич на связи, — мужчина назвал и замолчал, зная, что его собеседник (которого видел воочию единственный раз в жизни) и к номеру которого была привязан рингтон, не любит многословия.

В телефоне шуршало и раздавался треск, словно абонент находился на другом конце Галактики.

— Димочка, — послышался дребезжащий голос глубоко старика. — Рад, что ты на месте. Послушай меня и выполни, что попрошу. С этого момента ты назначаешься руководителем школы. Бориска уволен. Он разрушил своими действиями всё, что так долго существовало и было целью жизни многих поколений истинных патриотов нашей Родины. Будь так добр, мой мальчик, не опозорь старика, который замолвил за тебя слово. Сделай, что должен, и сохрани общий труд...

В телефоне замолчали, а вскоре послышались короткие гудки.

Мужчина аккуратно положил на стол телефон, а потом медленно отдвинул его на самый дальний край, размышляя — не выключить ли его вопреки всем приказам, но мысли перебил зуммер селектора. Дмитрий нажал кнопку соединения и в кабинете громко зазвучал голос директора.

— Дмитрий Николаевич. Срочно зайти ко мне.

— Понял. Буду через три минуты, — отозвался Шевченко и, отключив связь, потянулся рукой к верхнему ящику стола.

Кабинет директора детского дома на окраинах Москвы.

Несколько минут спустя.

— Дмитрий. Как получилось, что вместо остановки машин, наши люди сразу стали стрелять, стараясь уничтожить грузовики конвоя? Кто отдал такой приказ? Я ведь видел в прямой трансляции что происходило на трассе. Создалось полное впечатление, что там все походили с ума.

— Борис Никифорович. Александра Павловна посчитала правильным самой контролировать действия резервной группы. Основные же силы были на выезде из города, но откуда она знала, что в последнюю секунду конвой изменит направление движения? А потом, после случившегося, бойцы основной группе были не в состоянии успеть перехватить колонну ещё раз, исправляя допущенную ошибку.

— У них что, отсутствовал транспорт? Или, как понимаю, просто не было желания следовать отданному приказу? Ну, это так, вопрос риторический понимаю, что не к Вам. Я сам буду разбираться с участниками основной группы. Что случилось с группой Александры? Я прочёл в Вашем рапорте, что они все внезапно потеряли возможность управление своими телами? Это сказки, или Вы имеете какие-либо основания считать

написанное правдой?

— Внезапный паралич всей группы не может быть сказкой. Не знаю, что воздействовало на людей, но, скорее всего, это мощнейшее электромагнитное излучение, причём, узконаправленное. Почему так думаю? Сама Александра Павловна пострадала чуть меньше — у неё были парализованы только конечности, но не весь организм целиком, как у погибших. И умерли они именно от паралича — мгновенная остановка сердца и прекращение вентиляции лёгких.

— Проще говоря — остановка дыхания и инфаркт?

— Вроде того. На двух наших воспитанниках был комплект биодатчиков, которые до последней секунды посылали мониторинговую информацию в медцентр. После окончания жизнедеятельности организмов вся аппаратура была дистанционно уничтожена.

— Хоть что-то сделано по правилам. Результаты и выводы.

— Основная группа вернулась на базу без потерь, хотя все бойцы без исключения почувствовали одномоментную слабость, которая вскоре прошла. В данный момент их обследуют врачи. По запасной группе... Они... Точнее, их тела...

— Дмитрий. Хватит мямлить. Вы офицер, а не барышня. Будьте добры говорить чётко и без воды.

— Тела участников группы были увезены сотрудниками неизвестного ведомства...

— Что значит «неизвестного»?

— Именно, что неизвестного. Те, кто забирал тела, были одеты в обычный армейский камуфляж, радиосвязью не пользовались. Номера машин, которые были зафиксированы нашими людьми, как уже выяснилось, принадлежат обычным гражданам Москвы и являются по факту фальшивыми. Попытку проследить за собой неизвестные присекли, остановив нашу машину на въезде в Москву сотрудниками ДПС под предлогом проверки документов. Поставить метки на чужой транспорт из-за удалённого наблюдения так же не удалось.

— Меня удивило два аспекта. Это, во-первых, что с телами вначале работали сапёры, обезвреживая ловушки, словно заранее знали, что трупы заминированы, а уж потом уносили погибших к машинам. И, что ещё более неприятно — увезли Александру в полном сознании. Она, как я понял, не смогла уйти достойно?

— Она, как я понял, была жива, когда её уносили.

— М-да... Все годы подготовки коту под хвост. Что с аппаратурой контроля и наблюдения?

— Большая часть уничтожена дистанционно, хотя некоторые элементы, что находились на телах погибших, были обнаружены неизвестными. Правда, без основных блоков управления они не вызовут особого интереса у противника, так как являются немного изменёнными серийными образцами гражданского типа.

— Так... — мужчина закрыл глаза и задумался. Потом жестом руки позволил своему гостю сесть. Через несколько минут, открыв глаза, отдавал приказ.

— Дмитрий. Принимайте дела Александры Павловны. С этой минуты Вы являетесь моим заместителем. Когда бойцы закончат у врачей — всех пропустить через кабинет Петренко. Пусть он вывернет их наизнанку, но вот это, как вы выразились, «одномоментное недомогание», так? Вот именно этот аспект меня тревожит.

— Борис Никифорович, я не в силах выполнить Ваш приказ, потому что сам Петренко находится в числе погибших. Его лично забрала с собой Александра Павловна, что бы на месте можно было убедиться в пригодности объектов для наших целей. Она готовила

операцию и командовала всеми как здесь, так и на месте от Вашего имени. Простите, но Вы сами её назначили руководителем и разрешили использовать любых сотрудников по её усмотрению.

Директор интерната побледнел.

— То есть как забрала?

— Я был в кабинете у Игната Петренко, когда явилась Александра и велела тому следовать за собой. Если помните, я Вам сразу позвонил уточнить причины заявления Вашего заместителя, но Вы сами меня оборвали, приказав, что бы не мешал Александре Павловне и не лез не в свои дела.

Директор поднялся с кресла.

— Объявляйте общую эвакуацию. Срочно. Лично проконтролируйте посадку сотрудников и воспитанников в автобусы. Тех, кто не поместится, уводите пешком через коллектор на запасную точку. Вы не поняли? Что сиднем сидите?

— Вы не оправдали надежд руководства и допустили слишком много неисправимых ошибок. Меня просили передать, что в Ваших услугах больше не нуждаются и...

Мужчина встал со стула, держа в руках непонятно откуда появившийся небольшой пистолет с глушителем, и нажал на спусковой крючок...

— ... Вы уволены...

Он убрал пистолет.

— Как по-идиотски сейчас всё прозвучало... Клише дешевого бульварного романа. — Тихо закончил мужчина фразу.

Тело бывшего директора обмякло на стуле, а Сташевич, повернув к себе селектор на директорском столе, кнопку общего вызова.

— Внимание всем. Срочная эвакуация всех воспитанников и сотрудников. Время окончания — десять минут. Сотрудникам службы безопасности проверить все помещения на отсутствие людей и подготовить здание к консервации. По решению Попечительского Совета принял на себя обязанности и полномочия директора интерната Сташевич Дмитрий Николаевич.

Москва. ул. Мясницкая,1. Кабинет одного из генералов Оперативного управления.

— Анатолий Павлович, — раздалось из трубки. — Вы, как понимаем, не контролируете порученную именно Вам работу? И с каких пор, если не секрет?

Генерал побледнел, одной трясущейся рукой держа трубку, а другой пытаясь налить себе в стакан воды из графина.

— Я держу на контроле всю обстановку, смею Вас заверить, и никогда никого не подводил.

— Тогда объясните причины, по которым с полчаса назад не смогли или не захотели вмешаться в работу вверенного Вам подразделения. И объясните — почему сотрудники именно Вашего отдела действуют независимо от своего руководителя?

— Не совсем понимаю в чём меня обвиняют? Можете объяснить?

— Это не трудно сделать. Зададим вопрос более конкретно. Почему именно Ваши сотрудники увезли в неизвестном направлении замдиректора известного Вам детского дома?

— Не может быть такого, что вверенные мне подразделения были задействованы без моего ведома. Это ошибка.

— Ошибка исключена. Поясните — как Вы можете оправдать свои действия, точнее, их

полное отсутствие в то время, когда Родина нуждается в Вас?

Генерал вдруг, неожиданно даже для себя, успокоился и стал самим собой.

— Только не надо произносить высокие слова о долге и чести. Я сам Вам могу сказать то же самое и даже с большим пафосом. Я никогда не был врагом Родины и ни какими своими действиями её не подвёл. Я истинный патриот, в отличие от Вас, кучки неудачников и стариков, которые страдают маразмом и выжили из ума окончательно. Вы живёте в своём мире, который умер давным-давно. Честь имею.

Генерал отключил телефон и откинулся на спинку кресла.

— Старые мудаки. Нет, что бы передать бразды правления молодым, так нет. Всё вспоминают Ленина и Дзержинского, светлая им память, но время-то совсем другое. Неужели никто из них этого не понимает?

На селекторе зажёгся сигнал вызова и генерал ткнул пальцем кнопку.

— Товарищ генерал-майор. Получена шифрограмма, — произнёс секретарь. — Вам сейчас занести или чуть позже? И папки на подпись принесли.

— Заходи.

Через минуту, положив на стол шефу папки, что требовали срочного рассмотрения и согласования, капитан открыл ещё одну, став зачитывать вслух.

— Это получено несколько минут назад. «Сообщение 013. Рекомендуется неотлагательно рассмотреть и утвердить вопрос о ликвидации пиона посредством перекрёстного опыления».

Капитан, не поднимая глаз, чуть слышно пробурчал.

— Бред какой-то, а не сообщение.

Услышав хрип, он поднял глаза и остолбенел. Его начальник, синяя лицом, рвал на горле ворот рубашки, пытаясь сделать хоть один глоток воздуха, но через пару секунд резко обмяк и ткнулся в стол головой.

Капитан пулей вылетел в приёмную и уже через несколько минут в кабинете было не протолкнуться от врачей и представителей других служб. К сожалению, медики были бессильны — смерть наступила от обширного инфаркта...

* * *

В кабинете Председателя совета директоров одного из крупнейших в стране банков, зазвонил телефон и владелец, взяв в руки аппарат, увидел, что вызов производится по второму номеру, который был известен не более десятку людей на планете.

— Слушаю, — вальяжно произнёс банкир, немного освобождая горло от давящего галстука.

— Филипп Игоревич. Простите, что беспокоим Вас в неурочное время, но так уж сложились обстоятельства.

— Простите, уважаемые, но я перевёл последний транш всего два дня назад. Или возникли какие-то трудности?

— Мы получили деньги и благодарны Вам за пунктуальность. Этот звонок не с просьбой помочь финансами, а скорее, наоборот. Филипп Игоревич. Сообщаем Вам, что наша деятельность, скорее всего, вскрыта, поэтому рекомендуем Вам в самое ближайшее время покинуть страну. Да, и предупреждаем Вас с извинениями, что вилла в Испании будет для Вас недоступна. У Вас же имеются аналогичные в Италии и Франции, не говоря о шале в Швейцарии. Там мы Вас не потесним, Да, ещё. Следующий транш ждём в обозначенный срок.

— Какой транш, Вы о чём? Если я покину банк, то откуда возьму для Вас средства? Вы что, вообще слетели с катушек?

— Держите себя в руках, уважаемый. Надеюсь, не будете нас вынуждать напомнить, что у Вас имеются доли в банках не только России? Или о том, что Вы являетесь практически владельцем одного из немецких банков? Или о самой мелочи, а именно о том, что именно Вы являетесь основным бенефициаром крупнейшей компании в...

— Всё. Я понял. Постараюсь и дальше выполнять свой долг.

— А уж как мы на это надеемся. Всего Вам доброго.

— Простите. Сколько у меня времени до отъезда?

— Его практически нет. Прощайте.

Финансист посидел в кресле, обдумывая ситуацию. Нажал кнопку вызова секретаря.

Когда на пороге появилась милая девушка с блокнотом в руках, продиктовал.

— Мой самолёт к вылету в Италию через два часа. Андриенко связаться со всеми службами, обеспечивая полёт самолёта. Пусть позвонит на виллу в Италию и там приготовятся к моему приезду.

— Простите, Филипп Игоревич, Вашу семью проинформировать, что они летят?

— Они не летят, и звонить не надо. А вот ты полетишь со мной. На сколько — не знаю, но, думаю, вернёмся не скоро. Действуй, Мила.

— Ясно, — девушка, ослепительно сверкнув зубами, с улыбкой вышла из кабинета.

— *«Хорошая секретарша, да и девочка хоть куда. Не грустно мне будет в изгнании, а надоест, так подобных тысяча набежит, стоит только свиснуть»...*

* * *

Алексей не успел закрыть входную дверь, как раздался звонок городского телефона. Мужчина, чертыхнувшись, сбросил не только обувь, я и грязную спецовку, которую так и не успел переодеть после смены, благо, что техничка «Водоканала» проезжала рядом с его домом и начальник смены воспользовался okazji.

— Слушаю, — недовольно буркнул Алексей, всеми мыслями уже поедавший в холостяцкой квартире с утра приготовленные макароны по-флотски. А как вспомнил о баночке пива, что его ждала в холодильнике, то вообще был зол до невозможности на своего абонента.

— Здравствуй, дорогой, — раздался старческий голос, от которого по спине бывшего спецназовца потекла тонкая струйка ледяного пота.

— Здравствуйте. Что вы от меня хотите?

— Я ничего от тебя не хочу кроме одного, чтобы ты отдал долг, о котором, судя по всему, забыл за все прошедшие годы?

— Я ничего не забыл, но считаю, что ВСЕ долги Вам отдал сполна.

— Мы тоже умеем считать, Алёшенька. И наше мнение, что ты остался должен. Скажем так, совсем чуть-чуть, на один разик по твоей специальности.

— Я уже забыл, к счастью, всё, чем занимался. Вы не забыли, что я инвалид, да и инструментов у меня давным-давно нет. Так что обратились не по адресу.

— Алёшенька. Ты считаешь, что мы не знаем о тебе ничего? Ошибаешься. Всё знаем. И то, что твоя бывшая жена с сыном уезжала в Псков, к родственникам, сказать адрес её мамы? Или то, что ты потихоньку спиваешься от одиночества... А инструмент у тебя за дверью стоит, дорогой. Ты только открой и протяни руку. Всё то, с чем и работал многие годы. Иди, заberi, а то вдруг случится, что какая-то шпана приберёт чужие вещи. Неловко для тебя

будет...

Мужчина положил трубку рядом с телефоном и, сделав два шага к входной двери, посмотрел в глазок. На лестничной площадке как всегда не горела ни одна лампочка, и было темно. Открыв дверь, увидел прислонённый прямо к стене у входной двери свёрток. Схватив его, захлопнул дверь и вновь посмотрел в глазок — тишина и ни малейшего движения.

Подойдя к аппарату, вновь поднёс к уху трубку.

— Вот видишь, мой хороший, я тебя не обманываю.

— Что Вы хотите?

— В город сегодня приедут двое молодых ребяташек. Мы хотели их привлечь в свои ряды, но те отказались, притом, как понимаем, они с утра уже могут начать работать против нашей организации. Не забывай, что начини кто копать против нас, то и твоё имя может всплыть в неприглядном свете. Так что подумай, дорогой. Для тебя такая работа раз плюнуть, а ты тем самым закрываешь перед нами долг навсегда, да и премию порядочную получишь.

— Как будто я не слышал эти слова не один раз, — горько произнёс мужчина. — И прошлый и позапрошлый. Всё как под копирку...

— На этот раз уж точно последний. Я тебе сам, лично, обещаю. А ребяташек ты сможешь увидеть по твоему почтовому ящику. Тебе сбросили всю информацию. Ты уж завтра по утру сделай дела и свободен как птица. Не тяни, просим. Извини, милый, но времени у нас нет — надо ещё много кому позвонить...

В телефоне раздались короткие гудки и Алексей положил трубку на аппарат.

— Как же я был бы счастлив вас, тварей, через оптику увидеть, а не тех, чьи фотографии вы прислали.

Как был, в одних трусах, прошёл в единственную комнату и включил планшет, а вскоре рассматривал фотографии парня и девушки, которым было далеко до тридцати и, судя по виду, брата и сестры. К его удивлению, адрес их проживания был рядом — на соседней улице и указанный дом он прекрасно знал, так как тот входил в его округ, да и не неделю назад совсем рядом в очередной раз прорвало трубы и его бригада копалась там сутки...

— Что же Вы такого натворили, ребяташки, что Вас на закланье отправили? — спросил сам у себя бывший снайпер спецназа, но, увидев в приложении к письму ещё один документ, открыл его и присвиснул. Сумма, которая была УЖЕ переведена на его счет, позволяла завтра же покинуть город и уехать куда глаза глядят, не задумываясь о деньгах минимум пару лет.

--

Похожих звонков в ближайшие полчаса было сделано множество. Неизвестные лица из непонятной Системы зачищали за собой «хвосты», предупреждая нужных людей и убирая не нужных, так или иначе скомпроментированных или тех, по следам которых можно было выйти на след Организации... И совсем мало кто догадывался, что все люди, кто или скоростижно скончались, или покинули в спешке страну, были в разные годы воспитанниками одного и того же детского дома Москвы...

И только в двух случаях произошли проколы, о которых так вовремя и не узнали таинственные «кукловоды»...

* * *

— Здравствуйте, — из трубки послышал голос, судя по всему, пожилого человека и Вера Николаевна, дама сама преклонного возраста, но до сих пор не утратившая ясного ума,

заткнула пальцем другое ухо, что бы её ничего не отвлекало.

— И вам добрый вечер, — ответила женщина.

— Простите, а не затруднило бы Вас позвать к телефону Андрея Александровича?

— Затруднило бы. Его нет, Нет на белом свете.

— Прости, не понял.

— Вы не могли бы представиться, а то как-то сложно разговаривать с незнакомцем.

Меня зовут Вера Николаевна. Я мать Андрюши. А Вас?

В трубке послышался какой-то скрежет, шум и всё внезапно стихло, а через секунду вновь раздался голос.

— Аристарх Павлович к Вашим услугам. Будем знакомы, Вера Николаевна. Простите, но я так понял, что Ваш сын умер?

— Да. Мой приёмный сын скончался полгода назад. Извините, но о его кончине ничего рассказывать не могу — мне до сих пор больно. Ко мне ещё есть вопросы?

— Нет, конечно. Извините, что побеспокоил Вас и примите искренние соболезнования. До свидания...

Услышав гудки, пожилая женщина положила трубку городского телефона на аппарат и прошла в комнату сына, где над кроватью висела фотография красивого молодого парня с траурной лентой.

— Вот и дождалась, сынок, твоего нанимателя. Всё, как ты мне и написал... — сквозь слёзы пробормотала женщина и, взяв с небольшого прикроватного столика толстый конверт и сотовый телефон, который сын купил буквально накануне своей гибели. По просьбе своего мальчика, она раз в неделю заряжала телефон, поэтому знала, что тот не подведёт в момент, когда должна будет выполнить последнюю волю погибшего...

Женщина зашла в ванную и, включив воду, нажала на единственный номер, что был в адресной книге. Дождавшись соединения, не торопясь прочла весь текст, написанный на конверте, а затем, по просьбе дежурного по Управлению, продиктовала логин и пароль почтового ящика сына и затем и свой домашний адрес. Дождавшись подтверждения, что всё записано правильно, отключила телефон и вынула аккумулятор — всё так, как и просил её сын в прощальном письме своей, хоть и не родной, но маме, к которой относился трепетно, с заботой, любил всем сердцем, да и называл только МАМОЙ.

* * *

Полковник, который самолично отправил в Москву код активации «закладки» своему бывшему руководителю, достал из сейфа именную пистолет и, взведя, приставив к виску, нажал на спусковой крючок, но... выстрела не последовало, а, спустя секунду, в кабинет метнулись полуразмытые тени нескольких человек, которые, тщательно связав полковника и вколов снотворное, быстро, но внимательно его обыскав на предмет капсул с ядом, вынесли тело сначала из кабинета, а чуть позже, под видом «потерявшего сознание от переутомления на работе», и вовсе вывезли с Литейного в одну из ведомственных клиник...

--

А через несколько минут, когда дежурный по Управлению передал полученную информацию в оперативный отдел и там прочли послание, оставленное именно для них, а чуть позже, войдя на указанный почтовый ящик, просмотрели документы, были подняты на ноги оперативные службы и по адресу, что продиктовала женщина, по ночному городу помчались две машины с оперативными работниками...

Утро следующего дня. Санкт-Петербург.

— Как же хорошо спится в своей постельке, — открыв глаза, девушка потянулась до хруста в суставах. Потом, неосознано, просканировала квартиру.

— *«Так. Братец ещё сопит, папа тоже, а вот мама на кухне делает на всех наши любимые оладьи. Мамочка, любимая, как же я соскучилась по тебе. Родной мой человечек. Тёплый комочек»...*

Женщина, что стояла у плиты, внезапно почувствовала в груди тепло, которое стало распространяться во все стороны.

— *«Ну вот, один мой малыш проснулся. Судя по всему, дочка. А второй спит как медвежонок. Да и половинка сопит — его похрапывание слышно даже через закрытую дверь на кухню. Но всё равно надо всех будить — минут через десять закончу последнюю партию и накрою на стол. Не холодное же есть».*

— Привет, Тошка, — сестра, заскочив в соседнюю комнату, с разбегу прыгнула на кровать, да так, что парня подбросило вверх. — Хватит сопеть. Мама оладушки делает, так что будь готов стартовать. Кто первым сядет, тому больше достанется.

— Неугомонная ты, сестрица. Нет, что бы дать усталому путнику ещё посмотреть красивые сны, так нет же — сама не спит и другим не даёт. Поганка, одним словом. Я тут видел такой сон...

— Опять та девица снилась? Как чувствую, сны явно с эротическим уклоном. Так? Признавайся!

Девушка с размаху села на живот парня и стала его трепать.

— Подожди немного и увидишь свою зазнобу не во сне, а наяву. Может она и не такая красавица, что ты себе понапридумывал. Или голос как у простывшей вороны, или ноги кривые. А может она... карлица или каланча какая.

— Рин. Ну что ты скачешь на мне как на коне? Я, во-первых, в туалет хочу невероятно, а во-вторых, не надо огворить о человек плохо, если его не знаешь.

— Ты прям как папа стал говорить. Сразу видно, что его слова попали в нужное место, но добиралось окольными путями.

— Это в какое-такое место, а?

— В такое, что до центра мозга слова шли очень-очень долго, чуть ли не с полсуток. Если б в уши, то процесс длился бы намного короче. Ой! Ты что щипаешься? Прикрати. Тошка, паразит, опять синяки останутся. Хватит, кому сказала, иначе обижусь и не буду с тобой разговаривать.

— А ты не скачи на мне. Брысь отсюда! У тебя минута, пока я не встал, иначе умываться будешь уже после завтрака.

— Ты не посмеешь! Ой!!! Ну хватит и в самом деле щипаться. Подожди... Ты серьёзно по поводу ванной? Тошка, гад, стой на месте. Я первая!!!

Умелой подсечкой уложив вскочившего парня вновь на постель, девушка метнулась к дверям и только летевшая ей в спину маленькая подушка немного изменила направление её движения. Перехватив в воздухе мягкий «снаряд», она, не оборачиваясь, метнула его назад, точно попав в голову удивлённого парня.

— *«Вот оторва. И «повезёт» же какому-нибудь несчастному жить рядом с этой девушкой. Хотя... Она порядочная и добрая внутри...»*

— *«Именно что добрая», — донеслась мысль сестры.*

— *«Как крокодил, — хмыкнул парень. — Пока до нутра доберёшься, сожрут без кетчупа»...*

— «Как тебе не стыдно. А ещё братом называешься. Ты не брат, а так...»

— «Если сразу не разберешь...

Рину в горы тyani — рискни!

Не бросай ты её одну:

Пусть та в связке в одной с тобой —

Там поймешь... кто с тобой...»

— «Уже и Высоцкого приплёл. Вредный ты всё-таки, хотя... я всё равно тебя люблю».

— «И я тебя, малыш. Только долго ванную не занимай — на очереди ещё папа и я».

— «Папу пушу, а ты иди на кухне мойся. Знаю я твои утренние процедуры — две горсти воды в лицо и готов. Нам, девочкам, нужно время, что бы привести себя в порядок».

— «Ты папу тоже к девочкам причисляешь? Ну-ну. Я ему сейчас скажу, обрадую».

— «Тошка, ну какая же ты вредина... Всё, я закончила, выхожу. Иди, пока папа не занял».

— «Ну уж нет. Я вот сейчас доем последние оладушки, а потом и умоюсь».

Из ванной донёсся визг, и, хлопнув дверью, на кухню влетела Арина со сжатыми в гнев кулаками, но, увидев только маму, мгновенно расслабилась.

— Привет, мамуль. Ой, наши любимые оладушки!!! Спасибо, родная.

— Доброе утро, малышка. Ты бы хоть волосы причесала, а то похожа на ведьму, что с метлы слезла.

— Мам... Просто мой братец сказал, что доедает последнее, вот я и...

— Какие же Вы оболтусы, — улыбнулась женщина. — Вроде люди воспитанные, уже не детского возраста, с высшим образованием. Уже известны в медицинском мире, а на деле? Ведёте себя как два сорванца, которым максимум по десять лет, всё соревнуясь между собой кто лучше... Так и не выяснили до сих пор?

— Мы оба лучшие, — раздался голос от дверей и Антон, пройдя на кухню, сначала приобнял маму и поцеловал её, а потом сел на своё место. — Мы разные и, в то же время, одинаковые, хотя и составляем одно целое. Так что эти соревнования закончились давным-давно с условием, что пока вместе, не будем выяснять кто лучше, а кто чуть хуже.

— Не поняла твоих слов, — свела брови Настя. — Что значит пока Вы вместе? А потом?

— Мам, — улыбнулся парень. — Моя сестрица совсем уже большая. Ей семью надо создавать, да и тебя бабушкой делать. А я уж как-нибудь... Сначала посмотрю на того беднягу, что будет мучаться и уже буду решать — а надо мне такое или нет...

— Антон, — одновременно воскликнули мама и сестра. — Замолчи сейчас же!!!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Ты настоящая поганка, братик, — как можно говорить обо мне так плохо?

— И в самом деле, Антон, — поддержала мать дочку. — Ты Арину знаешь чуть ли не с рождения, неужели она такая плохая?

— Мам, — парень сдвинул брови в изумлении. — Не понял твоей фразы. Что значит, чуть ли не с рождения? Я её знаю ещё ДО рождения. Сестрица ещё в твоём животике пихалась ногами и не давала мне вылезти первым. Ты думаешь, с того времени её характер изменился? Поверь, если изменился, то не в лучшую сторону.

— Ладно, хватит трепать языком, — улыбнулась Настя. — Я в плошки уже положила Вашу любимую «бурду». Имею в виду сметану с клюквенным вареньем. Приступайте, а я пойду отца разбужу.

— Не надо меня будить, уже разбужен Вашим воплями, — деланно нахмурившись, Сергей Павлович сел за стол. — Я-то думал, что будете спать до обеда, но никак не предполагал, что вскочите в восемь утра. Хоть выспались?

— Угу, — пробурчали его дети, запихивая в себя чуть ли не целиком оладьи, уже измазавшиеся сметаной по самые уши.

Настя сидела и с любовью смотрела на детей, стараясь насладиться их присутствием. На её лице иногда мелькала какая-то непонятная улыбка, которую женщина всё время пыталась скрыть.

— А ты что изумленно смотришь на детей? — спросила супруга Сергея Павловича. — Не бойся, я тебе отдельную тарелку припасла. Знаю ведь, что малыши не остановятся, пока всё не сметут.

— Мам... — с укором промычали двойняшки. — Так не честно.

— Как раз честно, — улыбнулся отец. — Вы, вон, на последню оладушку смотрите как два голодных зверёныша, небось, про себя ругаясь и решая кому она достанется, так? Не думаю, что заглывая в таком бешеном темпе всё, что лежит на тарелке, Вы вспомнили о том, что и Вашему отцу тоже хочется позавтракать.

— Пап, — опять промычали дети и родители захихикали.

— Вы с нами уже столько лет, что знаем все Ваши повадки. И если бы я не спрятала завтрак для папы, то Вы его проглотили бы точно также. — Настя улыбнулась, глядя, как её дети аккуратно разделили поровну последнюю оладушку и съели с такой жадностью, словно она изначально была лишь одна.

— Так... — проворчал отец, глядя на две голодные физиономии, которые, не отрываясь, смотрели, как во рту папы пропадали одна за другой оладьи, буквально сглатывая после исчезновения очередной. — Вы своё съели, так что не надо смотреть мне в рот, словно Вас сегодня не кормили вообще. Встали, поблагодарили маму, и вымыли за собой посуду.

— Вот так всегда... — грустно вздохнула девушка. — Самое вкусное папе, а нам...

— Ринка, как ты можешь такое говорить? — всплеснула руками Настя.

— Настенька, успокойся. — Сергей Павлович улыбнулся. — Неужели ты не понимаешь, что эти засранцы-пролоты издеваются? Знал бы, что они голодные, так своё бы отдал, но нет. Они вчера вечером каждый съел за раз по полтора суточного пайка, представляешь? Того, что на целый день рассчитан для питания взрослого мужчины. Ладно, сын, а дочь меня удивила. Более того, точно такими же глазами смотрела и вчера в мой рот. Уверен, что они наелись сейчас, тем более того, что любят больше всего, поэтому успокойся и лучше скажи — а ты сама-то поела?

— Я? — как-то смутилась женщина, — если честно...

— Ну, вот... Опять ты себя забыла, — проворчал Ярый и отодвинул от себя тарелку. — Давай делится почестному. Это — твоё.

— Нет, — запротестовала женщина. — Я сейчас себе что-нибудь приготовлю.

— Мам, — улыбнулась дочь и из-под стола вынула тарелку с десятком оладьев, протягивая маме. — Ты словно не родная. Неужели думаешь, что мы не подумали о тебе и папе? Мы ж дурака валяли, а зная тебя, были уверены, что ты опять о себе забудешь. Кушай, просим, а что бы не смущать, глядя тебе в рот, поговорим о ближайших планах.

Настя смутилась, когда к ней подсунули две тарелки, но в её груди стало тепло и радостно...

Когда мама стала есть, Антон, дёрнув за руку захотевшую было встать сестру, усадил

обратно на сул.

— Пап, ты дома на какое время? Пара дней есть?

— Думаю, неделю буду свободен, хотя и с отлучками.

— Тогда предложение, что у нас возникло пару дней назад. А не свалиться ли нам на голову к Катке? Ты сам же такое не предложишь, а мы вот решили, что пока все вместе, будет здорово их повидать. Не против?

Сергей Павлович обменялся быстрым взглядом с супругой и оба улыбнулись.

— Не знаю, совпадение это или нет, но мы сами вчера вечером говорили об этом и хотели утром предложить совместную поездку Вам.

— Здорово! — улыбнулась Арина. — Давно их не видели и сами немного развеемся.

— Ну да... — протянул мужчина. — Это Вы такие постоянно занятые, а вот для родных времени нет. К тому же, насколько знаю, и Олег на месте, а сегодня, вроде, и Свар должен вернуться в город.

— Так он вроде как накануне сюда приехал? — недоумённо спросил Антон. — Или вновь куда умотал?

— Так Вы сами его нагрузили новостями настолько, что тот в Питере пробыл час, а потом вновь улетел.

— И куда? — поинтересовался парень.

— Не в курсе. Мне, как понимаешь, он не докладывал.

В кабинете зазвенел телефон и Сергей Павлович, встав из-за стола, поблагодарив супругу за завтрак, вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Мам, а Катя, ребята, как? Созвнивались?

Женщина улыбнулась.

— Два дня назад разговаривали. Они сейчас на даче, а вот послезавтра возвращаются в город — детишкам в школу, а Катюня на работу. Девочка сама просила Вас к ней привезти — скучает без двух великовозрастных балбесов, которые её совсем позабыли, да и ребята постоянно о Вас спрашивают. Тоже скучают.

Арина мечтательно улыбнулась.

— Тогда потихоньку собираемся и к ним. Я сейчас посуду помою и...

— Рин. Я сам помою, а ты иди, рисуй на себе красоту, иначе перепугаешь племяшек.

— Фу, Антон, как тебе не стыдно, — упрекнула мама.

— Мам, он просто завидует моей красоте с самого детства. Я ведь взяла от тебя самое лучшее, а вот ему осталось то... что во мне уже не поместилось.

Брат с сестрой посмотрели друг на друга и захохотали.

— Дураки Вы оба, вот что я Вам скажу. — Настя нахмурилась. — Ваша пикировка мне зачастую непонятна.

— Мамочка, — сын и дочь, подскочив, обняли маму. — Мы же любим безумно друг друга и понимаем, что, по сути, мы одно целое. Дополняем друг друга во всём. И не будь одного — другой просто станет калеккой, понимаешь? Уже не будет той полноты чувств, эмоций, восприятия мира таким, каким его мы именно вместе чувствуем. И работать больше не сможем. Как бы тебе сказать... Представь, что у гениального хирурга вдруг отрезали одну руку. Сможет он оставаться таким же? Нет. Вот так и с нами. Прости, родная, но наша пикировка что-то вроде ежедневного ритуала, когда мы тем самым стимулируем наши эмоции и чувства. Могли бы и про себя, но дома ведь закон — мысленной речью не пользоваться, когда рядом мама и папа.

— Это так, — согласилась Настя. — Иначе я с отцом чувствуем себя неполноценными. А это не совсем приятно осознавать.

— Мамусь, так таких чуть ли не сто процентов на планете. — Дочь улыбнулась и прижалась щекой к маминой щеке. — Это не Вы ненормальные, а Мы. Кстати, мамумль, я хочу тебе открыть страшную тайну — мой братик, кажется, влюбился.

— Рина, стоп! — рывкнул парень. — Не переходи дозволенного, прошу. И не надо маму грузить тем, что и мне ещё совсем непонятно.

— Сынок, правда? Она красивая? — Настя в удивлении посмотрела на Антона, который мыл посуду. — А кто она и откуда? Познакомишь? Я обещаю, что приму её как следует и вида не подам, даже если она мне совсем не понравится, честное слово! Только потом тебе скажу.

— Знаете что... — покрасневший парень сначала набрал воздуха в грудь, что бы выскать всё сестре, а потом, вдруг, рассмеялся. — Мам. Я не знаю кто она и что она. Вон, возьми свою дочь под ручку и уведи её в девичью. Пусть там моя сестрица-сорока расскажет всё как было.

— Арина знает её и видела? — удивилась мама и, более ничего не говоря, схватила руку дочери и потащила в комнату под еле слышное всхлипывание сына.

--

— Эта та особа, что была на рисунке? — раздался голос, и парень чуть не подпрыгнул на месте от неожиданности, не заметив появления отца.

— Да, пап. Она у меня не выходит из головы. Я вот что хочу сказать... после того, как увидел её в воспоминаниях того парня, ну, ты понял, между нами словно появилась какая-то связь. Не понимаю до конца свои чувства и мысли, но складывается впечатление, что та девушка посильнее нас с Ариной будет. Что-то в ней есть такое... непонятное для меня, словно она не человек...

— То есть как не человек? — удивился отец.

— Я не правильно выразился. Она человек, но не отсюда, не с нашей Земли. Она больше похожа на Свара. Понимаешь, мне трудно объяснить и передать словами то, что чувствую, но в её образе, взгляде, в её глазах больше от нашего Древнего, чем от обычного человека. Очень жаль, что нет с собой рисунка — я бы его обязательно показал нашему предку.

Ярый-старший насторожился и стал похож на приготовившегося к прыжку волка.

— Ты думаешь, что это может быть ещё один представитель из ТЕХ времён?

— Не знаю, но вряд ли. Слишком она юная и взгляд какой-то с одной стороны заинтересованный и не зашоренный, а с другой — в её глазах вселенская печаль. Я вот сегодня утром, в полудрёме, пытался сам разобраться, что в ней такого особого. И, знаешь, внешне, кроме красивого лица, нет ничего, а вот когда начинаешь акцентировать внимание на деталях, то вся мозаика рассыпается и понимаешь, что перед глазами нечто иное, непривычное. И ещё, пап. Я говорил сестре и повторяю снова — у меня сложилось впечатление, что те двое ищут встречи с нами. Непонятно для чего, но я в этом почему-то уверен. Более того, сегодня появилось предчувствие, что те двое вскоре приедут к нам в город и будут пытаться попасть на приём именно к нам в клинику. Слушай, меня тут осенило. А ты можешь по своим каналам попросить прислать копию того портрета? Понимаю, что это будет не оригинал, тем не менее. Хочется надеяться, что тот нелюдимый монстр из пыточной тебе не откажет.

— СЫН!!! — рывкнул отец так, что у Антона из рук чуть не вылетела последняя

вымытая тарелка. — Не смей говорить о людях, которых не знаешь, подобным тоном.

— Прости, пап, — парень смутился. — Я не прав, признаю, но тот...

— «Тот», будет тебе известно, один из лучших следователей в бывшем Союзе, да и сейчас, пожалуй. Он профессионал своего дела и предан стране не менее чем ты, только не на словах, а на деле.

— Папа! — взорвался Антон.

— Помолчи, — прервал отец. — Ты пока больше декларируешь свою любовь к Родине, а Иван Иванович на деле доказал это за многие годы и сейчас, будучи на пенсии, никогда не отказывает в помощи, когда его просят. Между прочим, он один из немногих, кто до сих пор носит с собой партбилет и верен тому государству, которое паскуды растащили на части. Я с ним сталкивался несколько раз по работе и знаю, чего он стоит, так что не мели языком попусту.

— Папа, я не хотел никого обидеть, прости, — смутился Антон. — Так его и в самом деле зовут Иван Иванович? Это не?...

— Нет. Это его настоящие имя и отчество. Будешь смеяться, но и фамилия у него Иванов. Да, именно так. Тебе смешно, вижу, а вот если кадры с «другой стороны стола» узнавали, что их делом займутся «Три Ивана» теряли всяческую способность врать и юлить, такая об этом человеке шла молва. Он не палач, а именно что профессионал. Знал бы ты, скольких людей, благодаря его работе, оправдали и вернули к нормальной жизни, а скольких обортней он вскрыл и посадил... Он честен и неподкупен в степени абсолют. Таких людей и таких профессионалов, увы, сейчас практически нет.

— Я прошу прощения, что обидел твоего знакомого. Тем не менее, сможешь сделать запрос?

— Кто о чём, а ты о своём. Попробую. Но и ты мне в ответ поможешь. Согласен на такой бартер?

— Опять забраться к кому-то в башку? — уныло спросил Антон.

— Да. Причём сделать это надо прямо сейчас, не отлагая. Кстати, информация касается тебя лично.

— То есть?

— Ты мне сам вчера подал идею узнать, кто из местного Управления «подогнал» к Вам девушку. Светлану, кажется? Так вот. Вчера в Москве, Питере и ещё нескольких городах, стали происходить странные самоубийства среди высокопоставленных сотрудников не только силовых структур, но и депутатов и сотрудников аппарата Кремля. К тому же наша служба отметила нездоровое оживление некоторых банкиров и бизнесменов, которые, словно на пожаре, бросая чуть ли не всё «честно заработанное», рванули за границу.

— Замечают следы? А та дама, что мы у дороги отключили, заговорила?

— Её через пару дней привезут сюда — распоряжение с самого верха. Более того, расследование всей этой мутной истории поручено именно Питерскому Управлению.

— Не доверяют Москве?

— Почему не доверяют? Думаю, что это неправильно слово. Скорее, перестраховываются. Наверняка в столице остались некоторые кадры, которые смогут помешать распутать клубок.

— И Иван Иванович тоже придет? — ухмыльнулся Антон.

— Зря лыбишься. Он, как мне стало известно, назначен руководителем следственной бригады, поэтому с ним ещё встретишься. Более того. Я прошу лично и передаю просьбу от

большого количества людей, что бы Вы его подлечили. Сумму назначишь сам, меня так и просили передать.

Сергей Павлович произнёс последние слова с какой-то брезгливостью, отвернувшись от сына.

— Папа, — Антон хотел было возразить, но вовремя остановился, задав совсем другой вопрос. — Что за человек, которого нам приготовили?

— Полковник местного Управления, который под видом шифровки переслал в Главк кодовое слово, которое привело к инфаркту одного из генералов. Сам же пытался застрелиться, но поскольку с недавних пор находился под наблюдением, его личный пистолет в сейфе был выведен из строя. Так что красиво уйти не смог. Полковника взяли буквально через пару секунд после попытки самоубийства. В одежде была найдена капсула с цианидом. В данный момент этот деятель в одной из ведомственных клиник. Сознание у него отсутствует и на раздражители не реагирует. Судя по всему — тоже сработала «закладка», но что-то пошло не так... Скажу тебе несколько больше, чем ты должен знать. В Москве рассекретили запись последнего телефонного разговора покойный ныне генерала — тот не пошёл на предательство Родины, а послал всех далеко, но вот триггер-код, переданный по обычному служебному каналу, пережить не смог...

— То есть НЛП сработало на все сто процентов?

— Поясни.

— НЛП — нейролингвистическое программирование, о котором большинство врачей отзывается как о псевдонауке, однако сам метод, как бы его ни называли, существует с давних времён. С его помощью можно не только контролировать самого себя, внушая определённые нормативы или запреты, но и расширять сознание, что увеличивает возможности мозга как для решения практических задач, так и для самопознания. Похожий процесс, например, используют люди, практикующие йогу. «Процесс просветления», как они называют свою медитативную практику, именно и строится на основе самостоятельного нейропрограммирования, которое помогает достичь высшей ступени — состояния самадхи, при котором индивидум освобождается от земных страстей и проблем, получая итоговый результат не от процесса мысленной деятельности, а напрямую от природы. К чему тебе рассказываю? Человек, который способен воздействовать на других, не касаясь самого тела, а напрямую воздействовать на мозг, открывая его так легко, словно свой кошелёк, без труда может вложить туда как нужные знания, так и наоборот, извлечь ненужное. Так что все «закладки», которые встречаются, сделаны подобными людьми. И вместе с комплексом запрограммированных действий вкладывается и кодовое слово, услышав которое человек становится биороботом, действующим по строго определённому сценарию. К слову. Знаю, что таким «спусковым крючком» может быть необязательно слово или фраза. Это может быть какая-нибудь малозвучающая мелодия или запах редкого цветка... Вообще, всё что угодно. Основная же опасность — что бы «клиент» совершенно случайно не столкнулся с триггером в повседневной жизни... Что же касается нашей действительности — такие «закладки» может сделать и высококвалифицированный «мозголом»-психиатр, владеющий в совершенстве методами гипноза, отмечу, при длительном воздействии на пациента в идеальных условиях. В слова «длительный» я вкладываю не одновременную продолжительность, а, скажем, при постоянном контакте со своим подопечным можно воздействовать кратковременно, по 2–3 минуты в течение месяца. Результат может быть даже лучшим, нежели воздействовать час без перерыва. Как потом привести человека в

исходное состояние? Так называемая «закладка» не может быть одновременно убрана из головы. На это требуется время... много времени. Если же убирающий внушение будет неаккуратен или станет торопиться, то результат — быстрая смерть пациента или же «аварийное» срабатывание внушения. И в том и другом случае возврата к предыдущему состоянию уже не будет никогда... Мы, к сожалению, к числу таких крутых специалистов не относимся, поэтому можем лишь «заглянуть» внутрь памяти, не вмешиваясь в саму работу мозга.

— Ты мне это всё так подробно рассказываешь, словно я полный профан во всём этом.

— Ты не профан, а, так скажем, "чайник". Вроде знаешь или слышал что-то, а всё по верхам... Ответь мне на такой вопрос — почему ты сам не можешь или не хочешь задействовать свой ДАР? Ты ведь не один и не два раза искал людей и результат, насколько знаю, был положительным?

— Сын, — Сергей Павлович смутился. — Понимаешь, тут такое дело. Ты прав. Я пользовался Дарм не один и не два, а больше десяти раз. И последний чуть не закончился совсем плохо. Я не мог найти пути назад, понимаешь? Слепок нужного человека нашёл, определил его координаты, а ниточку, что связывало сознание и тело... потерял, точнее, она стала настолько тонкой, что мне не удалось её увидеть... Хорошо, что лежал в нашей клинике под наблюдением врачей и те, поняв, что всё пошло не так, сразу подключили меня к аппаратам, поддерживающим жизнь, а чуть позже связались с людьми, чьи номера телефонов я предусмотрительно оставил.

— И?

— Несколько дней без сознания, пока Белый не смог собрать в клинике Свара и Всеволода, а чуть позже не приехал отец Никифор, который меня учил как безопасно покидать тело, так же и безопасно в него возвращаться.

— Это было после Нового года, когда ты «уехал в командировку», а вернулся настолько больным, что мама от тебя не отходила пару недель?

— Да.

— Извини, папа, но ты... Блин, еле сдержался, что бы не сказать всё, что думаю. Ты даже не «чайник», а нечто менее образованное. Нет слов. На языке только маты и ругательства. И почему ты не позвал на помощь нас, своих детей? Было стыдно или страшно за последствия? Какой же ты дурной, папа. Прости, не ожидал от тебя такого. Ты хоть в курсе, что после отрыва от тела повторять подобное нельзя минимум два-три года? Это, надеюсь, тебе озвучили твои наставники? Теперь понимаю маму, что все дни, которые её муж был в «командировке», плакала навзрыд с утра до утра, говоря нам, что ты умираешь. Она чувствовала твоё состояние, но не знала как помочь. Ты хоть понимаешь своей головой, что мог натворить в семье, не думая о ней совершенно, потому что все твои мысли отданы работе? И Белый и Свар... С этими... я поговорю сам, и не спорь. Мы могли тебе помочь, уверен в этом, хоть только раз выходили из тела. Но в тот раз совершили дурацкую глупость, которую намного позже осознали в полном объёме... А сейчас... Принцип-то известен, да и было бы нас двое... Ладно, давай собираться. Раньше закончим — раньше поедем к Кате. Надеюсь, что этот разговор более не повторится и в твоей седой голове хватит здравомыслия более не делать таких глупостей.

— Сынок, — Сергей Павлович как-то осунулся и смотрел в пол перед собой. — Маме только не рассказывай, прошу тебя. Да и с сестрой не делись — не сможет утаить перед мамой. Я тебя очень прошу.

— Хорошо, пап. Сейчас поднимайся и приведи себя в порядок. Ты даже сейчас, только вспоминая о прошедшем, бледный как смерть. Представляю, как ты выглядел ТОГДА...

— Спасибо, сын. Я тогда в ванную, а ты зови сестру. За нами выслали машину, так та, наверное, или стоит у дома или вот-вот подъедет.

--

Антон, зайдя в комнату к сестре, увидел своих любимых женщин, сидящих на кровати и о чём-то тихо разговаривающих.

— Мам, прости, что отрываю от тебя подружку, но нам с сестрой и папой надо будет на пару часов отлучиться. Не волнуйся, скоро вернёмся и поедем в гости. Ты же пока собери в дорогу что нужно. Я, если честно, рассчитываю на поездку с ночёвкой. Продукты, если надо, купим по дороге и сразу оговорюсь — едем все и папу здесь не оставим. Хоть пару дней, но время проведём вместе, полной семьёй. Арин. Сейчас едем на работу. Настраивайся на аналог, что был вчера вечером. И изобрази из себя вновь мегеру — нужен контраст.

— Понятно... — протянула девушка и с её лица сползла привычная улыбка. — Это папа попросил лично?

— Не совсем. Это касается, как я понял, последствий вчерашнего возвращения в город.

— А что вчера было? — заинтересовалась Настя. — Вы мне так ничего и не рассказали о поездке в Москву.

— Да что-то непонятное, мам, — улыбнулся Антон. — Судя по всему, мы настолько себя хорошо показали, что нас не хотели отпускать, пока не вылечим чуть ли не всех больных в городе. Пришлось вырываться из одушающих объятий.

— Какашка ты, сынуля, — иронично улыбнулась Настя. — Как будто я не понимаю, что Вы попали в какую-то передрагу, после которой стало лихорадить всю страну. Мне вчера весь вечер звонили с разных городов и взволнованно спрашивали — приехали Вы или ещё нет. Так что не надо вешать маме лапшу на уши. Неужели думаешь, что рядом с тобой настолько дурная и глупая женщина, которая ничего не видит, не слышит и не понимает?

— Мамуль, — потянулся к Насте сын, но та легко, но звонко ударила по его протянутым рукам.

— Вот когда поймёшь, что мне можно доверять, и осознаешь, что мама есть мама, и она одна у тебя, тогда и разрешу себя поцеловать.

— Мамочка, но мы просто не хотели тебя расстраивать, — потянулась Арина к матери, но Настя вновь отшатнулась.

— Дети. Доверие и искренность в общении должны быть обоюдны. Иначе это не семья, а просто совместное проживание под одной крышей. И вспомните, наконец, что я как была, так и осталась ЗАЩИТНИКОМ, кстати, выше Вас рангом. И форму свою поддерживаю постоянно в отличие от Вас. А сейчас забирайте отца и проваливайте по своим секретным делам, о которых даже матери не можете ничего сказать. И последнее. Если Вы до часа дня не вернётесь — я одна поеду к Кате, ясно?

Выйдя из квартиры, все трое остановились у лифта и посмотрели друг на друга.

— Чего это сегодня с мамой? — удивлённо спросила Арина. — Со мной была как всегда — нежная и близкая, а как зашёл Антон, так её словно подменили...

— Мама обижается, что Вы с ней не делитесь своими радостями и тревогами, — грустно ответил Ярый-страший. — Ей и со мной одним не сладко, а тут и вы резко повзрослели, став более замкнутыми. Мама есть мама. Она всегда переживает за детей, какими бы те ни были. Ей и горести и радости нужны — тогда она чувствует себя

сопричастной к жизни детей, а не кухаркой и уборщицей в общем доме.

— Пап, как ты можешь такое говорить? — возмутилась дочь. — Мы ведь делимся...

— Арин, папа прав, — перебил сестру Антон. — Прав во всём и нам надо вести себя иначе. Мама — это самое близкое существо на всём белом свете, что у нас есть.

— Мама и папа, — поправила брата Арина.

— Да. И папа...

Арина, опередив своих мужчин, первой открыв дверь, вышла на улицу, зажмурившись от яркого весеннего солнца, что светило прямо в глаза. Она сделала ещё один шаг, и почувствовала лёгкое дуновение ветра у самого лица.

— ЩИТ, — прокричал-простонал её брат, заваливаясь вместе с отцом в проём двери. — Щит ставь, Рин!!!

Девушка никогда до этого даже не пыталась в одиночку создать «Щит», но сейчас бросила все силы, что бы он появился, видя, что её отец и брат упали в тамбур между дверьми и входная дверь под воздействие доводчика плавно закрывалась, оставляя её одну на улице.

Каким-то невероятным прыжком она успела протиснуться в тамбур, споткнулась, упав рядом с родными... Секунду спустя армированное стекло наружной двери разлетелось брызгами, осыпав лежащих мелкими осколками, а вслед около ручки двери появилось ещё одно отверстие.

Девушка увидела, что её брат с трудом оттащил отца к стене и буквально навалился на него, закрывая своим телом.

— Рин, защиту не снимай. Я не могу помочь, извини. Если больше выстрелов не будет — попробуй, не вставая, открыть внутреннюю дверь. Здесь мы как на ладони. Странно, что вообще ещё живы.

Девушка рывком пересекла крохотный тамбур и, не поднимаясь, потянула ручку двери вниз, толкнув от себя. И снова, теперь уже в коробку внутренней двери, вонзилась пуля, осыпав лежащих пылью от штукатурки и крошеного бетона.

— Держи дверь, — прошипел Антон и с силой потянул отца через порог. — Молодец. Сейчас сделай всё, что бы мы смогли вызвать лифт и подняться к себе. С улицы это место не просматривается, но если за нами войдут, то...

— Тошка, что с тобой? Что с папой?

— Папе в голову вскользь, там только ссадина, ну и, возможно, сотрясение, а мне вот досталось — чувствую, бок насквозь. Я ведь отца успел прикрыть и оттолкнул, когда увидел блеск прицела — стреляли справа, с лестницы соседнего дома. По-моему, четвёртый этаж.

— Ты лучше сейчас молчи. Потом расскажешь.

Арину всю трясло, но она нажала кнопку вызова лифта, который, к счастью, так и оставался на первом этаже, и втащила в открывшийся лифт сначала отца, а потом и брата, который, судя по его безвольной голове, потерял сознание.

Когда лифт поднялся на этаж и дверь открылась, Арина мысленно закричала, зовя на помощь маму, зная, что та, хоть и не способна поддерживать мысленный разговор с детьми, но всегда чувствовала, когда её мысленно зовут.

Через пару секунду дверь в квартиру рывком распахнулась и оттуда выскочила женщина, которая, ничего не спрашивая, сначала на руках внесла в квартиру сына, а потом, вместе с дочерью, втащила и мужа.

— Мам, — с трясущимися губами, Арина старалась помочь матери снять с брата лёгкую куртку и футболку. — Давай я сама, а ты принеси нашу тревожную медсумку — она в моей комнате у окна. Прости, меня ноги не держат...

Настя метнулась в комнату, и через миг в руках дочери оказался необходимый комплект

для оказания неотложной помощи.

— Дочь, — рывкнула женщина, видя дрожащие руки Арины. — Возьми себя в руки. Ты же врач, так и веди себя соответственно. Не будь тряпкой. Ты сейчас как никогда нужна брату и отцу. Ну же!!!

Арина посмотрела с изумлением на бешеную маму и... на неё сошло какое-то если не веселье, то спокойствие точно.

Достав из сумки ножницы, она, не раздумывая, разрежала любимую футболку брата, краем сознания отметив, что ей будет не сдобровать, когда её половинка об этом узнает. Осмотрела входное и выходное отверстия, а затем, закрыв глаза и зашипев как бешеная тигрица на маму, что бы та замерла и не шевелилась, попыталась отрешиться от всего и войти в состояние, в котором они с братом проводили диагностику, правда самостоятельно никогда не входила в это медитативное состояние, только следуя за сознанием брата, который и был ведущим в их тандеме.

С первого раза не получилось, со второго тоже. Третий. Четвёртый раз... Арина стала паниковать и, только почувствовав, что брат начинает приходить в себя, скользнув в его сознание, смогла отключиться...

--

Настя впервые видела сам процесс работы её детей. Вот девочка сначала запаниковала, а потом, в один миг, отключилась от всего, а её руки стали, как женщине показалась, нет, не светиться, а выглядели так, словно между тонкими пальчиками появились видимые множественные разряды электричества, от чего создавалось впечатление именно что светящихся рук. Арина сначала положила руки прямо на рану, из которой продолжала течь кровь, а через минуту попыталась одной рукой перевернуть брата, вторую так и не убирая с раны.

Настя, увидев, что нужна помощь, подскочила к сыну и аккуратно перевернула его на здоровый бок, держа голову и упираясь другой рукой в спину, что бы её мальчик сохранял нужное положение.

Арина закрыла ладонями уже оба отверстия и вновь замерла.

В прихожей было тихо, лишь слышался какой-то непонятный треск, словно где-то далеко-далеко искрил полуоборванный электрический провод.

Женщина не отводила глаз от лица дочери, которое с каждой минутой становилось всё бледнее и бледнее.

— Мама, я всё... — прошептала Арина и, потеряв сознание, завалилась на брата.

— Да что ж такое, — закричала Настя и сначала, приподняв дочь, положила её на спину рядом с братом, а затем, взяв в руки индивидуальный перевязочный пакет, разорвав упаковку, плотно перебинтовала сына и, оставив его лежать, посмотрела на мужа. С первого же взгляда было понятно, что рана не опасна, но здоровенный клочок кожи с волосами, что висел над ухом, пугал женщину. Аккуратно промокнув и убрав с головы и шеи кровь, она прижала марлевой подушкой лоскут кожи к голове, пытаясь не причинить вреда больше, чем было, и плотно перебинтовала голову, да так, что когда закончился третий бинт, у Сергея не замотанными остались только глаза.

Посмотрев на дело рук своих, женщина сначала оторопела, а потом её стал раздражать истерический смех.

Давясь, что бы не захохотать в голос, забурчала себе под нос.

— Понятно, голову... А вот зачем ему нос и рот забинтовала? Что бы не задавал

дурацких вопросов или что бы своими жалобами не донимал. Вот засранец, а? Сам всю жизнь на грани прожил, а сейчас и детей за собой потащил. Убью заразу, что б ни смел так больше поступать.

Потом оглянулась на детей.

Обморок дочери перешёл в спокойный сон и её лицо стало розоветь, а вот Антон был бледен от потери крови, да и видно было, что силёнок у девочки не хватило, чтобы излечить брата.

— *«Собственно, а почему я не могу задействовать всех и вся, что бы спасти своих родных? — мелькнула мысль у Настю. — Вот сейчас и увидим, как отреагируют наши коллеги на произошедшее».*

Женщина на удивление спокойно поднялась с колен и взяла телефон, что бросила в прижожей перед тем, как выскочить из квартиры. Подумав, сначала набрала номер, по которому звонила один единственный раз.

— Александр Александрович. Приветствую. Беспокоит супруга Сергея Павловича Ярого. Почему не доброе утро? Может оно для Вас и доброе, а вот для моей семьи нет. Несколько минут назад стреляли в мужа и детей. Что? Знаете, я в своём уме, а вот Вы, наверное, нет, если задаёте столь идиотские вопросы. Муж ранен легко, а вот сын, скорее всего, тяжело — сквозное ранение. Где сейчас? Дома, где им ещё быть, коль Вы до сих пор в неведении. Хорошего дня.

Настя злорадно улыбнулась и, не слушая дальше, что ей говорит начальник Петербургского Управления, прервала разговор. Спустя пару секунд вызвала другого абонента.

— Это Анастасия Ярая. На членов моей семьи только что было совершено вооруженное нападение. И где же Ваша обещаенная охрана? Что? Вы думаете, меня это сейчас волнует? Знаете, разберитесь сначала между собой кто за что отвечает, а потом задавайте неуместные вопросы...

* * *

Через полчаса в квартире было не протолкнуться от людей. Все друг на друга смотрели если не как на врагов, то как на соперников точно, порой срываясь в еле слышном мате.

Настя же обзревала набившуюся в квартиру толпу с каким-то удивлением и, даже, презрением, не понимая до конца, что им всем от неё было надо. Её сына и мужа уже увезли в больницу, а вот ей самой сопровождать пострадавших не разрешили, с ходу обрушив массу вопросов. Настя раз ответила, что оставалась в квартире и ничего не видела и не слышала, второй раз, третий, а потом взорвалась криком и выгнала всех на лестничную площадку, закрыв перед носом визитёров тяжёлую дверь. Прислонившись к стене, перевела дыхание и, немного успокоившись, вновь открыв дверь, вышла на лестничную площадку. Увидев множество незнакомых лиц, попросила тишины и совершенно спокойным тоном проинформировала.

— Я не попугай, что повторять одно и то же много раз. Поэтому, если нужно знать то небольшое, что мне известно, попрошу зайти по одному представителю от каждой из организаций. Кто здесь есть? ФСБ, милиция, прокуратура? Кто ещё?... Разберитесь между собой сначала. Неужели у такого количества людей более нечем заняться? Если сами не знаете, так подскажу — выясните откуда стреляли в моих близких, да и всё основное происходило на первом этаже, а не здесь... Повторяю — что знаю, расскажу, но только раз. Дальше прихожей никого не пушу, хватит мне уже того что есть — Вы своими сапогами

разнесли грязь по всей квартире, а убирать мне одной.

На площадке раздалось несколько негромких команд и большая часть сотрудников исчезла, а в квартиру зашли трое мужчин и женщина, неожиданно став тихими и вежливыми. Все смотрели на большое пятно крови на ковровой дорожке и старались к этому месту не приближаться, аккуратно выстроившись вдоль противоположной стены.

Анастасия оглядела эту четвёрку, а потом, обречённо махнув рукой, для дальнейшего разговора предложила пройти на кухню, но предварительно сняв уличную обувь. Один мужчина смутился от слов хозяйки, но коллега-женщина, что была старше всех присутствующих по возрасту, открыв сумку, сунула тому в руки упаковку с одноразовыми бахилами.

— Одень, майор, а то, если снимешь обувь, здесь вообще жить нельзя будет с неделю.

Мужчина, которого поддели, покраснел словно помидор, но «проглотил», оглашаясь с неизбежным.

— Тамара Павловна, — он обратился к женщине шопотом, но его слова услышали все. — Спасибо. Я ведь после суток, да и всё время на ногах. Вы уж меня простите...

--

Рассказав, что было сегодня утром чуть ли не по минутам, что видела и знала, Настя, одновременно отвечая на задаваемые вопросы, сделала всем чай и, расставив чашки на столе, пододвинула вазочку с печеньем.

— Простите, но угостить Вас особо нечем. Мы собирались сегодня всей семьёй уехать на дачу к родственникам, поэтому...

— Всё нормально. Настя, а Ваша дочь дома? — спросила женщина, представитель прокуратуры. — Я её не видела среди тех, кого унесли на носилках, да и в квартире не наблюдала.

— Она сейчас спит у себя. Понимаю, что Вам нужна информация, но прошу — дайте девочке немного отдохнуть — она настолько испугалась, что делала всё неосознанно. У неё была единственная задача — спасти брата и отца.

— А она сама кто по образованию? Врач? — спросил один из мужчин, который ранее представился, но Настя не помнила — ей было на этот момент всё равно кто и откуда.

— Да, она врач, как и её брат. Работают в одной клинике. Так что, можно сказать, моему сыну повезло.

— Эт точно, — раздался другой голос. — Случаются иногда в нашей жизни удачные совпадения.

Телефон, брошенный на подоконник, зазвонил. Настя, увидев незнакомый номер, хотела было сбросить вызов, но нажала кнопку соединения.

— Милая, прости, что звоню с другого телефона, но мой аппарат не работает. Я, наверное, на него упал. — Из динамика доносился виноватый голос Сергея Павловича. — Вот мне один знакомый и дал свой мобильник позвонить, что бы ты не беспокоилась.

— Как сам?

— Я-то нормально. Наложили пару швов, а сотрясение, скорее всего, есть, хоть и не сильное — явно не тошнит. Антон рядом. Пока без сознания. Его привезли только что из операционной. Хотели было рану чистить и дренаж ставить, так там... Извини, не по телефону. Короче так — с сыном лучше, чем я думал. Если всё будет так же, то через неделю, может полторы, нас выгонят отсюда. Доча как?

— Дочь в отключке, — нервно произнесла Настя, — но с ней всё нормально.

— Ты не одна? — внезапно спросил Ярый, почувствовав скованность и односложность ответов супруги.

— У меня здесь, прежде задав пару вопросов по существу, пьёт чай целая делегация от всевозможных ведомств.

— От Конторы и прокуратуры кто?

— Кто от первой не запомнила, а вот от второй — такая милая и симпатичная дама, назвавшаяся Тамарой Павловной.

— Что? Милая и симпатичная? — Сергей Павлович словно подавился и слышно было как он хохочет, явно закрывая рукой микрофон телефона. — Настенька, милая. Будь так любезна — передай трубку этой даме.

Анастасия протянула телефон женщине и та, настороженно взяв аппарат в руки, только спросила одними губами — «КТО»?

— «МУЖ», — аналогично ответила хозяйка квартиры, тем не менее, увидев, как губы немолодой женщины скривились в подобии настороженной улыбки...

Тамара Павловна, извинившись перед всеми, поднялась и вышла с кухни. Через несколько минут вернулась и протянула телефон Насте.

— Спасибо, Настя, за угощение и за информацию, а сейчас, мои дорогие, — она обратилась к трём мужчинам. — Хором благодарим хозяйку, и дружно выматываемся из квартиры. Нас ждут в больнице. Сергей Павлович в полном сознании и готов ответить на вопросы...

Не успели все гости выйти в прихожую, как из комнаты, качаясь, вышла Арина. Затуманенным взглядом посмотрела на незнакомых людей и прошла в ванную. Вскоре оттуда вышла с мокрым лицом и полотенцем в руках.

— Мам, о наших что-нибудь известно?

— Папа звонил. Он более-менее в норме, а Антон ещё без сознания.

— Так... Я еду в больницу — мне надо быть рядом с братом. Куда их увезли, известно?

Настя смутилась.

— Прости, Арина, не спросила. Думала, что чуть позже будет информация.

— МАМА!!! — чуть не закричала девушка. — Так узнай!!! Что, так сложно?

— Арина, — Тамара Павловна мягко обратилась к раздражённой девушке. — Мы сейчас именно туда и едем всей этой толпой и можем взять тебя за компанию. Не против?

— Нет, конечно, только вопросы не нужно пока задавать, прошу. У меня голова как ватная и ничего не соображает. Я расскажу, только чуть позже, когда Гошку посмотрю.

— Без проблем, — улыбнулась женщина. — Только два вопроса, которые не терпят отлагательств. Ты видела, откуда в Вас стреляли?

— Я не видела сама, а вот брат, пока был в сознании, сказал, что заметил блеснувший прицел... сейчас, подождите...

Девушка прижала две руки к вискам, вспоминая.

— ... Дом, что справа. Лестница... Кажется, четвёртый этаж. Звуков выстрелов не было, лишь звон пуль, когда они пробивали наружную железную дверь. Кажется, было три попадания, может четыре. Извините, не считала — у меня были на тот момент иные заботы...

Когда гости вместе с дочерью покинули квартиру, Настя, закрыв дверь, сползла по ней спиной, бездумным взглядом глядя на пятно крови, что вытекла из ран сына. Закрыла руками глаза и... разрыдалась в голос, понимая, что её никто в этот момент не видит и

можно немного расслабиться и почувствовать себя женщиной...

* * *

Через пару часов, опросив Ярого, сотрудники спецслужб и прокуратуры поднялись с принесённых в палату стульев и хотели было выйти их палаты, когда парень, что лежал всё время без движения на соседней койке с закрытыми глазами, подал голос.

— Стреляли сверху, как Вам и сказала сестра. Поскольку выстрелов не было слышно — использовался глушитель. Наш недоброжелатель первые выстрелы сделал прицельно, только вот не знал, что у нас на такой случай был припрятан маленький сюрприз. К сожалению, я в тот момент уже плохо соображал от боли, а вот моя половинка, — парень притянул руку девушки, которая сидела прямо на полу у постели парня, к своим губам и нежно её поцеловал, — немного помешала стрелку. Как, не спрашивайте, это наш маленький семейный секрет, но то, что она смогла нас вытащить из тамбура между дверьми к лифтам, помешало стрелку работать прицельно. Уверен, что у киллера были наши фотографии, но вот Рина сегодня выглядела несколько иначе, поэтому и не пострадала. Судя по всему, её приняли за случайного человека, а вот дальше исправить свою ошибку уже не успели. Скажите, Вы нашли что-нибудь на месте?

— Найдены 6 пуль. Две деформированы, две практически не повреждены и еще две, которые мы с трудом вообще смогли соотнести к пулям. Это были какие-то бесформенные расплюснутые лепёшки, словно их положили на рельсы под поезд. Как такое могло произойти — непонятно, но мы работаем...

— Ну да... — через силу улыбнулся парень. — Работайте. Только вот помощи от нас, как понимаете, не будет возможно — всё, что знали, рассказали.

— Мы ценим всё, чем Вы смогли помочь. Поправляйтесь, — каждый из посетителей, уже стоя в дверях, пожелал скорейшего выздоровления и, когда закрылась дверь, в палате остались только члены семьи.

— Да, папа, — криво улыбнулся Антон. — Как нас просчитали, а? Как детей. Если бы не Аринка, то там бы и полегли все в тамбуре — глупо и по-дурацки. Я вот слушал наших визитёров и понимаю, что ничего и никого они не найдут. Времени у стрелка было много, что бы подтереть за собой. Гильзы, естественно, подобрал, да и винтовку унёс. Его же не гнали как волка, а, судя по тому, как работал на скорости и достаточно точно — это или бывший военный снайпер или... да что гадать. Всё равно он сейчас уже далеко, уверен в этом на все сто. Хоя, если поразмыслить... Работу ведь тот до конца не доделал только потому, что на улице уже было много людей, вот и побоялся приблизиться к нашему дому и убедиться в результате. И был, скорее всего, один, без подстраховки, иначе финал был бы другим. Повезло нам, иначе сказать не могу.

— Особенно тебе «повезло», дурачина, — резко прокомментировала слова брата Арина. — Лежишь, простреленный насквозь. Лучше уж бы молчал.

— Рин, нам правда повезло, что ты меня с папой прикрыла. И вытащила вовремя, и те две пули, помнишь слова следователя, что превратились в блин? Это твой Щит их задержал. Видимо ты, психанув, вложила столько энергии, что его ничего не смогло пробить. Умничка ты моя и спасительница. Кстати, что со мной на данный момент? Я чувствовал, как ты пыталась поделиться со мной здоровьем, но до конца так и не пришёл в сознание, хотя и мелькнула мысль помочь тебе.

— Хреновый помощник ты был на тот момент. Давай дождёмся врача, и он нам всё подробно расскажет. Папа сказал, что тебе делали снимки, но я их до сих пор не видела.

— Ясно. Мама как?

— А как сам думаешь? — спросил отец. — Я с ней пару часов назад разговаривал, так почувствовал, что еле держится. Сейчас, скорее всего, немного успокоилась после рыданий...

— Мамочка ты наша, — у Антона стали влажными глаза. — Сколько мы тебе, родная, горестей приносим. Нет, что бы радовать и видеть твои счастливые глазки...

— Тош, хватит травить, — Арина нервновыврвала свою руку из рук брата. — И так еле держусь, а ты провоцируешь... Молчи, прошу.

Антон протянул руку и нежно погладил сестру по голове.

— Прости, сестрёнка, не буду больше. Пап, новости с фронтов какие? Имею в виду Москву.

— Новости есть и неплохие, но не буду озвучивать здесь и сейчас. Всё чуть позже. Я, наверное, вскоре Вас покину и поеду в Управление. Жаль, что не удалось выполнить сегодняшней план, но что случилось, то случилось.

Арина подняла на отца глаза.

- Ты, пап, тогда поезжай после работы домой, к маме. Ей не будет так одиноко и больно. А я с братом останусь. Хорошо? Надеюсь, меня отсюда не выгонят?

— Не выгонят, договорюсь, — улыбнулся Сергей Павлович. — Тем более что им уже известно, что Вы оба медики. Надеюсь, что не будет конфликтов с их стороны, но и Вы, со своей, не давайте повода...

Когда отцу через пару часов сменили повязку на голове, он, подмигнув детям, исчез из палаты словно привидение ...

— Вот же неугомонный, — проворчала девушка. — Опять помчался по делам. Сотрясение мозга, повязка вон, кровит, а всё как будто шило в одном месте застряло... Так. Я сейчас замкну дверь, а ты пока постарайся подвинуться на кровати — лягу рядом и буду лечить.

— Рин, я против. Ты сама до конца не пришла в себя. Хочешь уйти в ноль?

— Двигайся. Меня твоё мнение колышет в данный момент меньше всего. Если жаль сестру, то помогай сам, если, конечно, в силах. Будет более эффективно...

Приблизительно в это же время. Санкт-Петербург. Литейный. Кабинет совещаний Начальника Управления.

За т-образным столом сидело пятеро мужчин, соблюдая тишину, дожидаясь, когда Начальник Главка закончит разговаривать по телефону.

Попрощавшись с абонентом, генерал, которому на вид было не более шестидесяти, сел за стол и в усталости потёр ладонями лицо.

— Вот знаю чуть ли не полжизни Сергея Павловича и всё время он влипает в какие-то странные события, после которых лихорадит чуть ли не всю страну. Ладно б заканчивалось нормально, так нет же — летят погоны и головы... Неугомонный чёрт. Ну, это так, старческое ворчание... Николай Дмитриевич, что есть по сегодняшним событиям? Давайте сидя.

— При выходе из своего дома, как все знают, на генерала и двух его детей было совершено покушение. Работал, судя по всему, опытный стрелок, который вполне осмысленно выбрал позицию слева от входа в интересующий его подъезд. Этаж, с которого стреляли, последний — старый фонд. Жильцы соседних квартир ничего не видели и не слышали, зацепок никаких. Домофон со вчерашнего вечера не работал — кто-то его

варварски выдрал. Окна не повреждены, а вот на подоконнике остался характерный след. Конечно, трудно однозначно сделать вывод, но, скорее всего, была использована СВД. Гильз не найдено, а пули, что собрали сотрудники в предбаннике дома, где живёт Ярый, «пустышки» — по криминалистической картотеке не проходят. Были сделаны запросы к военным — пока ответа нет. Ствол нигде не засвечен, хотя наши эксперты вроде зацепились к самому металлу пуль. Есть предварительное заключение, что патроны произведены в Болгарии. Там есть какие-то особенности, но окончательного заключения криминалистов и баллистик на руках не имею.

— А что за история со сплюснутыми пулями?

— Хренотень какая-то. Из шести найденных — две абсолютно непригодны к опознанию — лишь по еле заметным следам можно было понять, что эти кругляши были когда-то именно пулями. Ни кто из наших экспертов ничего не смог толкового сказать. Лишь один из тех, кто был на месте стрельбы, с юмором заметил, что кто-то ради шутки подложил пули под многотонный пресс.

— Да уж, шутники... Ясно. Владимир Александрович, у Вас что?

— В Москве все на ушах. До нас доведена предварительная информация, что единственная из покушавшихся, кто осталась в живых, пыталась ещё вчера вечером в больнице совершить самоубийство, но сотрудники не оплошали — придержали голову дамочки, когда та хотела прикусить воротник. Правда, там уже ничего не было — ампулу с цианидом обнаружили ещё при предварительном обыске. Кстати, тщательно прощупали всю одежду и, как оказалось, не зря — в поясе был спрятан микроклинок из платика, смазанный каким-то ядом, да и носовой платок, что лежал во внутреннем кармане её куртки, был напичкан химией до предела. Чуть позже задержанную переодели в казённую одежду, да и на всякий случай проверили полость рта и зубы, но более ничего не нашли. Задержанная сейчас под круглосуточным контролем. Двигаться до сих пор не может, а вот разговаривать ни с кем не желает, лишь прокликает всех и матерится.

— Что с трупами?

— Следуя поступившей информации, на месте сначала работали с телами сапёры и не зря. Было извлечено из-под тел три противопехотные мины и четыре гранаты. Так что мы получили дополнительное подтверждение — боевики заранее знали, что живыми оттуда не уйдут. Добавлю, что рядом с телами обнаружено два гранатомёта, два выстрела к ним, семь автоматов и четыре пистолета. По номерам на оружии, точнее, по снимкам из лаборатории, где были восстановлены сбитые номера, определено, что все стволы, да и мины, поступили из двух источников — из Украины и, судя по всему, из схронов на территории Северного Кавказа.

— Выяснили причину смерти у нападавших?

— Так точно. Асфиксия без внешних причин. Эксперты заявили, что воздействие было не физическим, а с помощью электромагнитного излучения большой мощности, что повлекло кровоизлияние в мозг и почти мгновенный паралич.

Генерал удивлённо посмотрел на докладчика.

— Насколько я знаю, разработки оружия такого типа ведутся давным-давно в различных лабораториях по всему миру, но, по-моему, никто так и не сделал излучатель портативным. Для этого требуется, если мне память не изменяет, мощный генератор, способный выдать одномоментный импульс. И кто видел подобные агрегаты рядом с трассой? Да, а что рассказал начальник конвоя ФСО?

— В данный момент идёт согласование по внутренним каналам, что бы наши следователи могли опросить майора. Сам он, кроме поданных по команде рапортов, замкнулся и ничего не рассказывает.

— А по другим каналам удалось что узнать?

— По другим «каналам»? — офицер замялся. — Все сотрудники, в момент нападения на конвой, выполняли приказы какого-то, судя по голосу, довольного молодого человека, не старше тридцати лет. Что хочу отметить — именно благодаря беспрекословному выполнению водителями грузовиков полученных приказов, удалось не допустить повреждения перевозимого груза и гибели личного состава. Два выстрела из гранатомётов прошли впритирку с машинами, а по прибытию на место назначения на бортах грузовиков было обнаружено, в общей сложности, более двухсот попаданий из стрелкового оружия, правда, внутренний слой брони не был пробит. Сейчас грузовики ремонтируются и приводятся в нормальное состояние. Время ремонта, как сказали, около трёх-четырёх дней, после чего конвой вернётся в Москву.

— Спасибо. Что ещё есть кому добавить?

— Александр Александрович, — привстал и сразу сел ещё один офицер. — По поводу вызова наших сотрудников накануне по звонку пожилой женщины. Работы много, так как кроме документов-оригиналов, что нам передали, имеется большой объём информации, что содержится на личной почте её погибшего сына. Выяснилось, что этот молодой человек в двенадцать лет был усыновлён женщиной, которая воспитала его именно как родного сына. Отслужил после техникума сначала срочную, потом остался служить по контракту. После выхода на гражданку, парень несколько раз привлекался бывшими сослуживцами для выполнения заказных убийств. Всё, кстати, подробно описано в предоставленных нам документах. Но случилось так, что внезапно в человеке проснулась совесть, и он взбунтовался против своих нанимателей, категорически отказавшись в очередной раз брать в руки оружие. В документах по усыновлению, кстати, указано, что до этого был воспитанником небезызвестного интерната, по которому сейчас работает московская группа. Что с этим парнем произошло, до конца не понятно, но, подняв дело о его гибели в ДТП, выяснилось, что водитель грузовика, который сбил неизвестного ночью за городом, не виноват совершенно. Теперь становятся понятными объяснения водителя, что, несмотря на резко сброшенную скорость и попытку избежать наезда, неизвестный специально бросился именно под задние колёса фуры, желая свести счёты с жизнью. Документы на повторное рассмотрение этого дела уже отправлены в прокуратуру города с пояснениями нашей службы, что водитель в той ситуации ничего сделать не смог.

— Что ещё было в предоставленных материалах?

— Товарищ генерал. Докладную Вы получите после совещания. Прошу рассмотреть её лично.

— Ясно. Что можете добавить?

— Так же перед совещанием поступила странная информация от московских коллег. Я не понял всё из написанного, но, в двух словах, следующее. Двое патологоанатомов морга при ведомственной больнице, где находились трупы уничтоженных боевиков, сегодня, при вскрытии очередного тела, одновременно потеряли сознание, а когда были приведены в чувство сотрудниками лаборатории, что находится рядом, обнаружили на столе вместо трупа лишь горсть пепла, словно всё тело было уничтожено одномоментной высокой температурой. Патологоанатомы в заключении отдельно выделили пункт, что не осталось

практически ничего — даже костей, что уж совсем невероятно. Всю пыль собрали и отправили в лабораторию молекулярной патологии. Результаты пока не известны. Добавлю, что сгоревший до этого был опознан как врач психиатр из того же детского дома.

— Не понял. Поясните — с каких пор в детском доме психиатр является штатной единицей?

— Так это заведение именно что профильное — оно и позиционировалось изначально как детский дом для детей с психическими расстройствами. Там больше половины воспитателей и преподавателей — работники именно с медицинским образованием. И все дети строго по закону проходили раз или два раза в год обследование в детской профильной больнице.

— Ясно. А с возгоранием — фантастика какая-то. Будут данные — сразу мне на стол. Кстати, что с воспитанниками и преподавателями этого заведения на данный момент?

— Все обитатели детского дома покинули здание вчера вечером, сев в подъехавшие автобусы. Как выяснилось уже сегодня, около семи утра дети и сотрудники в полном составе вылетели на чартерном рейсе в Турцию по заранее забронированному туру. Перелёт, проживание в гостинице и питание было оплачено со счетов неизвестных меценатов. Сейчас нами поднимается вся документация. Моё личное мнение — Турция лишь транзитный узел. Скорее всего, через какое-то время, они отправятся дальше... Добавлю. При осмотре здания кинологами, было обнаружено два скрытых помещения, в которые сотрудники смогли попасть, лишь выломав часть фальшстены. В одной из комнат нашли пустые ящики из-под оружия и столы для их обслуживания, а во втором найдено тело директора — тот был застрелен в голову. Хочу обратить внимание ещё на два более чем странных момента. Зал для физподготовки в этом детском доме был обустроен несколько иначе, чем в обычных школах. Там имеется что-то похожее на усложнённую полосу препятствий, а в углублённом подвале оборудовано помещение, напоминающее 25-метровый тир со встроенной вытяжкой, столами и перегородками для стрелков.

— Странный детский дом... У кого есть ещё информация? Добивайте уже старика. Что ни доклад, то гвоздь в крышку моего гроба. Ну?

— Разрешите? — приподнялся ещё один мужчина. — Это, правда, не гвоздь, но и не очень приятная информация.

— Слушаю, Вадим Алексеевич. Так, минуто.

Генерал поднял трубку на селекторе, что делал нечасто, обычно пользуясь громкой связью, и, что-то выслушав, дал добро.

— Простите, что перебил. К нам сейчас присоединится один знаменательный человек, а пока продолжайте.

— Из Москвы поступила информация, что руководителем вневедомственной следственной группы назначен Иванов.

— «Три Ивана»?

— Так точно.

— Нет, Вадим Алексеевич. Вы правы — это не гвоздь. Это — самосвал с землёй над моей могилой.

— Ну, прям уж самосвал... — засмеялся вошедший в кабинет. — Это, скорее, локомотив состава, который для многих из Вас расчистит путь вверх, на освободившиеся места в иерархии нашей структуры. И тебе, Сан Саныч, может выпасть лотерейный билет переехать к своей семье в Москву. Знаю, что ты будешь только рад, НО... Вам всем, в том

числе и мне, хоть я уже и не в Вашей юрисдикции, придётся поработать на совесть. Раз именно в Питерское Управление отдали это дело, то надо не хандрить и себя хоронить, а закатать рукава и радоваться, что именно в НАС верят, а это доверие надо оправдать всеми силами. Сан Саныч, я так понял, что совещание закончилось?

— Да, практически закончилось.

- Ты тогда сможешь ввести меня в суть последних событий? Или придётся твоих сотрудников вызывать по одному и просить повторить сказанное ранее?

— Введу и выведу, — хмыкнул генерал. — Для информации. Генерал-лейтенант Ярый назначен куратором расследования и возможных дальнейших оперативных мероприятий. Приказ спущен сегодня с самого-самого верха. Так что если он попросит кого-либо из Вас дополнительно поделиться информацией, не зажимайтесь и делитесь всем сокровенным как на исповеди.

Ярый посмотрел на улыбающиеся лица присутствующих офицеров, которых знал давным-давно и тоже расплылся в улыбке.

— Сработаемся. А сейчас два вопроса, точнее, просьбы. Мне нужен кабинет с полной изоляцией, ну, Вы поняли о чём я, и... простите за нескромность, один из наших защищённых телефонов. Я свой сегодня умудрился сломать, хоть мне клятвенно обещали, что он чуть ли не вечный... Когда мой починят, замену верну сразу же.

— Сергей Павлович, без проблем, — говоривший улыбался до ушей, словно был не полковником, а мальчишкой лет пятнадцати. — Кабинет предоставлю смежный, да и телефон у меня в подразделении соответствующий найдётся.

— Терентьев, — взгляд Начальника Управления был странным — в нём строгость была перемешана с нескрываемым ужасом. — Прошу, точнее, умоляю Вас обоих. Не надо вновь создавать тандем по поиску Внеземных цивилизаций и борьбе с инопланетным вмешательством. О ваших совместных похождениях до сих пор шепчутся в укромных местах Конторы, мол, вот было ТОГДА времечко, не то что сейчас... И такое сожаление во всех этих разговорах... Чувствует моя пятая точка, что Вы опять вляпаетесь во что-нибудь такое, после чего мне не в Москве место предложат, а где-нибудь в отдалённом гарнизоне на Камчатке. И то, если сказочно звёзды сложатся. Стас, Сергей Павлович, ну, правда, очень прошу.

— Сан Саныч. Обещаю клятвенно, что сам лично не буду никого призывать из других миров меряться силушкой и полковнику Терентьеву не позволю, но если зелёные или серые человечки сами явятся, наш долг, как защитников Родины, встать грудью и не допустить нашествия.

— Вы сотрудники ФСБ, а не люди в чёрном, эти её...

Генерал обвёл взглядом сначала подчинённых, которые смотрели куда-то под стол, хотя их плечи подрагивали, а потом посмотрел прямо в глаза Ярому, который с улыбкой смотрел на старого товарища, еле сдерживая смех. Не выдержал и еле тихо проговорил.

— Господи еси. Да минует чаша сия меня грешного, когда начнутся разбирательства между святыми и падшими... — он сделал паузу, добавив чуть слышно, — и, не приведи Бог увидеть разборки между сотрудниками ФСБ и инопланетянами... — Перевёл дух и уже другим тоном обратился к присутствующим.

— Совещание закончилось. Все свободны.

--

Когда офицеры, пряча улыбки, покинули зал совещаний, Сергей Павлович обнял своего

старого товарища и коллегу.

— Ну что, Саныч. Вроде и живём в одном городе, а видимся раз в год, а то и реже.

— Это так. Но лучше видеться вне работы, а не тогда, когда именно ТЕБЯ назначают куратором всего того бедлама, что начался и проходит в Москве.

— Не только в Москве, но, как оказалось, и сюда добрались шаловливые ручки некой Организации. Какой, ты уже знаешь. Так?

— Знаю, хотя в это до сих пор не могу поверить. И как можно было с полсотни лет вести свою работу и ни разу не попасть в наше поле зрения?

— А потому, что ТАМ руководят все люди, кто сами выходцы из Системы и знают как у нас всё устроено. Более того, у них всё под контролем, поверь. Они чуть ли не каждый чих в наших кабинетах анализируют — на пользу им это, или во вред. Ладно. Что тебе скажу. Ты прочти сначала доклад, что тебе Морозов оставил, а потом поговорим. Я, в принципе, в курсе темы, но давай об чуть позже.

Начальник Управления сел за стол и открыл папку, в которой лежало все два листа. Быстро пробежав глазами содержание, удивлённо посмотрел на Ярого.

— Это и в самом деле не выдумка? Я имею в виду программирование сознания?

— Нет. Это реальность, да и не такая уж новость. Пообщался с интересными людьми, так мне пояснили, что такие внушения проводятся давным-давно, чуть ли не с сотворения мира. Одно ограничение, правда, есть — уникальных людей, способных воздействовать на других, на земле считанные единицы и все, так или иначе, ныне под контролем различных спецслужб. Есть, правда, кто не афиширует свои способности и работает сам по себе и на себя, но таких вообще единицы.

— Типа твоих детей?

— Не угадал. Мои дети не психиатры, а диагносты-энергеты, а это несколько другое направление в нетрадиционной медицине.

— Но они ведь тоже могут контролировать разум другого человека?

— Опять не угадал. Не могут, и в этом много раз убеждался лично. Максимум их способностей — «заглянуть» в память человека, да и то не всегда такое возможно.

— Ты говоришь правду или их выгораживаешь?

— Правду, Саныч. Мои много могут. Знаю, что не всё рассказали даже мне о своих возможностях, но с мозгом человека точно не работают. Они в клинике за все годы практики ни разу не брались за заболевания, именно что связанные с мозгом. Боятся навредить. Именно так объяснили мне, а я им верю.

— А что они могут? Ну, кроме диагностики и приведения в нормальное состояние организма человека?

— Мои дети... Так и не опишешь в двух словах... Давай попробую иносказательно... Есть в них сила потаённая, сказочная, как у Ильи-Муромца. Помнишь о нём легенды сложенные? Сидел тот тридцать три года на иждивении родителей, будучи безработным, со службы князем без довольствия уволенным? Во-о-т. Да и многие другие герои из легенд подобны Илье. Тоже сидели по норкам тихим, сказочным, ничего не делая, а как пришла беда на землю Русскую, так они, непонятно отчего и почему, вдруг ощутили в себе силу богатырскую и начали мочить без разбора всех недругов ...

— ...По сортирам, как сказал наш великий кормчий, — хихикнул генерал. — Ладно, давай без стёба. Мы знаем друг друга больше тридцати лет, поэтому понимаю и чувствую, что за твоей бравадой скрывается много того, что я лично не хотел бы знать и во что,

особенно, не хотел бы влезать с головой. Но коль мне поступил приказ, ничего не поделать — будет рядом с тобой ещё один, как ты там сказал? «Богатырь недоделанный»?

Мужчины посмотрели друг на друга и захохотали...

И только спустя час, когда Ярый, тепло попрощавшись, подходил к двери, генерал задал тот вопрос, что мучил его длительное время.

— Палыч. Ответь честно, если сможешь, конечно, это твои уничтожили напавших на конвой ФСО? Мне доложили, что там был использован какой-то супергенератор, что фатально воздействовал на мозги всех, кто там был.

— Саньч. Ты меня ставишь перед дилеммой — или наврать тебе, или сказать ту правду, что будет висеть грузом на твоих плечах до конца дней. Так что говорить?

— Правду, Сергей Павлович, только правду.

— Хорошо. Сам выбрал своё. Да, это мои дети. Они своё оружие защиты впервые использовали как нападение. Хотя, если брать глобально, они и в этот раз лишь защищались. Сам понимаешь, что у таких неординарных людей всегда были и есть враги и завистники, которые будут делать всё возможное, что бы взять ребят под полный контроль, используя их способности на благо себе. Вот малыши и придумали систему воздействия, при котором могли бы обездвижить нападающих. Парализовать ноги или руки.

— Так это тоже воздействие на мозг.

— Не совсем. Как они мне пояснили — это что-то более похожее на обычный спазм мышц. У самого наверняка несколько раз сводило ногу или руку. Вот они и воздействуют не на мозг, а на определённые группы мышц так, что те отказываются работать. Как это происходит — увы, не понимаю. Они мне с месяц назад показали на примере бродячей собаки, которая чуть не кинулась на нас. Поехали семьёй в Сосновский лесопарк просто погулять, так там на нас выскочила стая бродячих псов. Вот вожак, судя по всему, немецкая овчарка и решил первым броситься. Уже присел на задние лапы для прыжка, а те — раз, и отказали, а через пару секунд собакин вообще завалился на бок, так как и передние лапы свело.

— И что было дальше?

— Вся стая убежала, бросив вожака. Мы отошли подальше, сын и освободил несчастного, который уже не рычал на нас, а лишь жалобно скулил. Собакин с минуту полежал, приходя в себя, а потом рванул в сторону как сумасшедший, ломая кусты...

— Забавно. Как внучка, жива-здоровая?

— Спасибо, ничего. Растит двух сорванцов. У нас ведь были на сегодня грандиозные планы — как раз съездить к ним в гости, но, как понимаешь, не получилось.

— А сын? Что говорят врачи?

— Врачи в ах... прости, в ауте. В больничке чуть ли не все стоят на ушах — решили, что выпишут сына лишь тогда, когда проведут все возможные исследования. Не могут понять, отчего регенерация у парня как у амёбы — за несколько часов раневой канал практически закрылся. Но, уверен, завтра или послезавтра их подопытный исчезнет без следа, а может уже и сегодня к вечеру. Я, кстати, дам тебе пару дней на расслабон — всё же хочу проведать внучку, пока все материалы дела не поступили, да и прийти в себя нужно после сегодняшнего. К тому, не забывай, я официально на больничном.

— Да, ты прям как Щорс. Как там пели в нашей юности?

«...Голова обвязана, кровь на рукаве,

След кровавый стелется по сырой траве...»

Ярый улыбнулся и подпел товарищу, а потом, вернувшись к столу и приобняв друга, легко щёлкнул того по носу.

— Вообще, я сейчас к Стасу, заберу телефон на подмену и отнесу свой к технарям. А после — домой. Буду здесь после выходных, так что давай, да встречи.

— И тебе, Палыч, отдохнуть, пока есть возможность. Выздоровливай...

--

Полковник встретил своего бывшего, да и, по факту, нынешнего руководителя, стоя у стола с улыбкой от уха до уха.

— Сергей Павлович, если честно, счастлив, что вновь под Вашей рукой.

— И я рад тебя видеть, — улыбнулся Ярый и обнял мужчину. — Как супруга, детки?

— Всё отлично, спасибо Вам и Насте. Она их пристроила в хорошую секцию, так что после школы мои сорванцы на тренировку, а вот дома ведут себя идеально — скорее всего, потому, что сил для баловства уже не остаётся.

— А самим-то нравится заниматься?

— Конечно. У них тренер по скалолазанию — мастер спорта, опытнейший человек, да и гоняет их без перерыва — вверх-вниз... А моим-то радость — они в секции чуть ли не самые лучшие, и тренер их хвалит.

— Это хорошо. Стас, что хотел спросить...

— Прошу прощения, Сергей Павлович, что перебиваю. Кабинет для Вас рядом с моим, а телефон под замену сейчас дам. И свой мне дайте — сам отнесу технарям. К слову, все сотрудники отдела, кто Вас застал, безумно рады, что будут работать под Вашим руководством.

— Спасибо, конечно, за добрые слова, но твои сотрудники будут работать под ТВОИМ руководством. Мне хватит своих проблем, что бы вешать на себя ещё и твои обязанности.

Мужчины посмеялись от каламбура и, пока Ярый перебрасывал информацию с одного телефона на другой, задал вопрос подполковнику.

— Извини, Стас, что называю тебя по имени. Не обижает? Естественно, когда мы одни.

— Ни в коем случае, Сергей Павлович. Я Вам обязан за всю науку и то, что Вы, по сути, всему меня научили и...

— И пинком в одно мягкое место придал ускорение работать честно и не останавливаться на достигнутом. Вижу, что мои наказания до тебя дошли, да и звание, как понимаю, скоро будет другое?

Терентьев смутился, оглянувшись на входную дверь.

— Тут такое дело, — он занервничал. — Как стало известно — всё будет по результатам работы отдела по нынешнему делу. Так что...

— Не бойсь, прорвёмся. Кстати. Как понимаю, личных дел воспитанников в детдоме не нашли?

— Нет. У оперативников, что обследовали помещения, вообще сложилось впечатление, что ТАМ не было никаких документов изначально, лишь текущие документы.

— А вот в это не верю совершенно, — Ярый поднял глаза. — А случись внезапная проверка, откуда бы их доставляли в срочном порядке? Документы где-то там или неподалёку. Ты вот что... Переговори с москвичами, что бы срочно съездили в больницу, к которой был прикреплён детский дом. А ещё через Министерство здравоохранения пусть поинтересуются — где находятся истории болезней воспитанников и заключения комиссии ежегодных осмотров. Уверен, что какие-то документы да сохранились. А нам, в первую

очередь, нужны списки как нынешних воспитанников, так и за всё то время, что сможем найти. Вот чувствую, что имея на руках эти данные, резко рванём вперёд. И ещё. Поднимай всю бухгалтерию за прошедшие годы. Задействуй весь наш аппарат, что бы выяснить как источники дополнительного финансирования, если оно было, а в том, что оно было, я уверен на все сто. И что это за странная срочная поездка на отдых в Турцию, которая ВДРУГ оказалась давно запланированной. Соответственно, надо выяснить — откуда у всех воспитанников и преподавателей зарубежные паспорта. Когда были выданы и, что особенно важно, в какие посольства обращалось руководство детдома или его представители за визами. Так что, Стас, работы тебе и твоему отделу непочатый край. Мы, по существу, даже и не приступили к ней. Так, лишь поверхностно ознакомились с предстоящим делом.

Спустя три часа. Ведомственная больница.

— Интересно, они мою кровь пьют что ли? — проворчал Антон после очередного забора крови. — Выкачали столько за последние три часа, что у меня от слабости всё плывёт перед глазами. И вместо того, чтобы хотя бы капельницу поставить, так нет...

— Ты ж подопытный кролик, братик. Сам ведь похвастался своей регенерацией, так что поздно пить баржоми.

— Не поздно. Я снимки видел — всё стало заростать. Канал чистый и уже закрылся. Внутренние органы были лишь слегка задеты, а на последнем снимке так и вообще ничего крамольного не заметил. Внутреннее кровотечение маловероятно, если только я не буду на турнике «солнышко» крутить. Поэтому, моя ненаглядная, шла б ты на улицу, да поймала такси. Я так понимаю, что ни мама, ни папа за нами не приедут из-за страха, что мне будет хуже. А я вот чувствую себя намного лучше, чем даже днём. Поэтому давай, действуй. По поводу футболки на тебя злиться не буду — понимаю, что не смогла снять аккуратно. А что бы не бегать с голым торсом — прикрою тельце твоей курточкой. Сверху накину, чтобы не были видны бинты, да и отправимся сначала домой, а потом уже все вместе к Кате.

— Антон, не глупи! — девушка была более чем серьёзна. — Тебе хотя бы неделю надо полежать. А вдруг рана откроется?

— А у меня под боком врач личный имеется. Не забыла о таком? Я вот не забыл, да и не забуду никогда, что этот маленький докторёнок, чуть ли не теряя сознание от истощения, пытался меня вылечить и вдохнуть в моё тело силы. Поверь, после сегодняшних событий ты выросла в моих глазах до невероятных величин.

— Болтун ты, Антон, — сварливо заметила девушка, хотя в её груди всё пело от похвалы брата. — Ты вредный и упрямый мальчишка. Не слушаешь врачей, которые тебе лишь добра желают.

— Добра — да, желают, но не скорого выздоровления. У них на моё тельце ТАКИЕ планы, что лучше сбежать отсюда, пока не отрезали чего специально, и не стали наблюдать — срастётся или нет... Я ведь не ящерица и не червяк какой, что бы восстанавливаться по прихоти наших... Всё, сестричка, действуй. Я и правда себя лучше чувствую, а на даче у Кати и ты будешь рядом, да и Олег, если захочет...

— Захочет, а нет, так мы все вместе его заставим захотеть.

Арина злорадно улыбнулась и, тихо отворив дверь в палату, выскользнула в коридор.

--

А спустя ещё полчаса о недавних пациентах напоминали только чуть помятые наволочки на подушках на аккуратно заправленных кроватях. И лишь медсестра, в очередной раз вкатившая в палату столик с комплектом для забора крови, в панике метнулась в

коридор, а зашедшие следом врачи лишь переглядывались от недоумения и злости на пациента, который посмел нарушить их далеко идущие планы.

Около семи вечера. Вагон Петербургского метрополитена.

Две подруги, что возвращались в одном вагоне метро, пытались было сесть на свободные места, но оно, к сожалению, было лишь одно на весь вагон. Основная масса возвращающихся с работы людей уже схлынула, но пустыми вагоны не были.

— Наташ, садись. Тебе дальше ехать, — предложила одна подруга другой. — Мне через одну остановку выходить, сама знаешь.

— Спасибо. Я и в самом деле сегодня набегалась, ноги гудят, не откажусь.

Посмотрев на задремавшего мужчину и, потянув носом воздух, убедившись, что от того не несёт спиртным, женщина села, но через пару минут её сосед, после рывка поезда, завалился на соседку.

— Мужчина, сидите ровно, прошу Вас. Я не подставка, на которую можно опереться.

Поняв, что нормальные слова сидящий рядом не понимает, женщина одной рукой оттолкнула от себя соседа, а следом посмотрела на свою запачканную красным руку, и лишь случайно её глаз зацепился за некотрую несуразность — рядом с опущенной рукой сидевшего, из бока выглядывала небольшая рукоятка ножа.

— Люда, — вскочила женщина, доставая платок и пытаясь оттереть руку от, как уже поняла, чужой крови. — Вызывай по экстренной связи машиниста. Мне кажется, этого мужчину убили. У меня на руке его кровь...

--

Алексею Панкратову, бывшему начальнику смены одного из подразделений «Водоканала», бывшему снайперу спецназа внутренних войск и бывшему выпускнику малоизвестного детского дома Москвы, так и не удалось воспользоваться щедрым гонораром за не выполненную до конца работу.

Вечер того же дня. Около десяти вечера. Приозерский район Ленинградской области. Коттеджный посёлок на берегу Ладоги.

— Мам!!! — со второго этажа с криком восторга по лестнице скатился кубарем мальчишка лет восьми. — Мамочка. Они приехали!!!

— Кто приехал, и что ты кричишь на весь дом? — недовольно спросила женщина, оторвавшись от приготовления позднего ужина. — Слав. Можешь нормально сказать?

— Мам, извини, — чуть успокоившись внешне, но внутренне весь бурля, сын обнял маму. — Я просто хотел тебя предупредить, что придётся на стол поставить дополнительно четыре прибора.

— Хватит заумничать, сын. Можешь сказать нормально и спокойно? Что вертишься, словно в попу загнули иголку?

Мальчик ничего не успел ответить, как по лестнице скатился второй клубок, вереща как резаный поросёнок.

— Мам, они наконец-то приехали. УРА-А-А!!!

— Да что с Вами такое? — Катя с удивлением посмотрела на детей, а потом её осенило от догадки.

— Что, старшие, наконец, решили осчастливить своим присутствием? — с улыбкой спросила у прыгающих вокруг неё детей.

— Ага, — хором ответили дети и рванули к входным дверям. В прихожей что-то упало и покатилося, на что женщина среагировала с большим удивлением и в тот же миг послышался ожидаемый звон разбитой посуды.

— *«Так. А вот теперь точно как заведено. Последнее блюдо для Тимофея аннулировано. Всё словно по шаблону. Как ни приезд родственников, так одно блюдо минус. Завтра надо будет в магазине снова покупать набор...»*

Катя без суеты сняла с плиты готовое блюдо и выключила газ. Вытерла руки и, не особо торопясь вышла из дома, наблюдая, как дети уже откатали половину ворот, запуская на территорию две одинаковые незнакомые машины. Она, было, нахмурилась и приготовилась к возможным неприятностям со стороны нежданных гостей, как из первой машины, потирая спину от долгого сидения, вылез дед с перевязанной головой. Увидев на его лице привычную ухмылку, Катя расслабилась, отметив про себя, что дети повисли на шее пожилого мужчины.

— Славки, а ну брысь от деда! — скомандовала женщина. — Смотрите, сломаете его окончательно.

Но все грозно сказанные мамой слова пролетели мимо ушей детей, которые уже повисли на Насте, супруге деда. Вновь прибывшие расхватили каждый по ребёнку на руки и не выпускали до тех пор, пока из второй машины не вылезли двойняшки.

То, что с ними не всё в порядке, Катя почувствовала сразу, поэтому, тревожась, поспешила навстречу.

Поцеловав девушку, женщина взглянула на Антона. Тот стоял, скривившись на один бок, и был очень бледен.

— Тош, ну что на этот раз случилось? — поинтересовалась Катя и едва успела подхватить парня, который стал заваливаться на бок. С другой стороны его уже крепко держала сестра.

— Арин. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? — требовательно спросила Катерина, держа парня по руку.

— Да, вообще, ничего не обычного при нашей-то жизни, — хмыкнула девушка. — Мы с братом стали настолько популярны под этим небом, что на нашу семью стали охотиться. Я вот, и мама — ничего, в норме. Папу по голове погладили, а у Антона сквозная дырка в боку. Помнишь песенку Никитиных? В голову только что пришла аналогия — точно про братика. Начало не помню, уж извините.

И Арина пропела четверостишье, после которого все с удивлением и восхищением посмотрели на девушку, на минуту забыв про Антона.

— «...Солнце лучистое, облако чистое,

На именины к щенку

Ежик резиновый шел и насвистывал

Дырочкой в правом боку...»

— По поводу дырочки я уже понял, — раздался негромкий голос от дверей в дом, — а вот твой голос, Рина, впервые удалось услышать. Милая, тебе бы не медициной заниматься, а петь... Будучи певицей, ты точно стала бы известной на весь мир. У меня от твоего голоса аж мурашки по всему телу забегали.

Антон, как и все, посмотрел на сестру широко раскрытыми глазами.

— Это, получается, что, прожив без малого тридцать лет бок о бок, совсем не знаю свою сестру? — негромко и, морщась от боли, заметил Антон. — И о твоём этом таланте, оказывается, ни брат, ни мама с папой ничего до сегодняшнего дня не знали? Вот это поворот...

Девушка смутилась и, опустив глаза, можно сказать, что извинилась.

— Простите, так получилось... Я не хотела...

Олег Белый, уже обменялся рукопожатием с Сергеем Павловичем и, поцеловав Настю, подошёл ближе к супруге и двойняшкам.

— Девочки, отойдите-ка на минуту в сторонку от Антона. Дайте мне полюбоваться на этого воина, который получил первую в своей жизни рану.

Белый обошёл вокруг парня, а потом положил свои руки тому на плечи.

— Как себя чувствуешь, понял. То, что тебе сестра помогла, тоже понял, но объясни мне — почему у тебя такая слабость, словно ты половину крови потерял? По большей части именно это меня и тревожит больше всего. К тебе не прицепилось ничего из нездешнего? Ну, ты понял, о чём я?

— Олег, — Антон, хоть и был слаб и не расположен для продолжительных разговоров, после слов Белого улыбнулся. — Знаешь, а ты прав в своём предположении. Я ведь тоже не предполагал до сегодняшнего дня, что из меня будут высасывать кровь не как обычно, раз в сутки по 5-10 миллилитров, а в течение неполного дня трижды присасывались, представляешь? После второго забора они даже не стали вынимать иглу, мол, зачем вновь искать вену... Я вот тот же самый вопрос задал сестре — может у нас в больнице вампиры работают под видом врачей?

Олег, не поддавшись на юмор, спросил у девушки.

— Врачи что, увидели ускоренную регенерацию?

— Да. Я успела сразу после ранения брата его немного поддержать. Остановила кровь и... — она неного смутилась, — дала импульс на регенерацию организма.

— Он что-нибудь ел в больнице? — озабоченно спросил Белый у Арины, словно не

замечая стоящего рядом парня.

— Нет, точно, только пил сок, что я по пути в больницу купила. Правда, выдул за раз оба литровых пакета, даже со мной не поделился, жадюга.

— Рин, — начал Антон, но его прервал Белый.

— С тобой сейчас вообще никто не разговаривает. Так что стой молча.

Олег задумался, а потом, посмотрев с ехидцей на Арину, скомандовал.

— Делать нечего. Коль приехали, надо прекратить мучения этого недоросля. Веди его в подвал, в процедурную. Там у меня стол новый стоит, железный, вот на него и укладывай своего недотёпу. Да, и раздень его до исподнего, а то потом верхнюю одежду стирать придётся...

— «Рин. Что он так со мной? Я ведь перед Белым ничем не провинился. Он как будто чужой. Грубит, да и вообще...»

Не успела Арина ответить, как Белый снова подал голос.

— И скажи своему братцу, что, пока Вы оба здесь, никаких тайных переговоров. Если хотите между собой разговаривать, то только вслух. Иначе эту Вашу способность на время заблокирую. У меня, вон, своих двое, которые взяли манеру общаться на «своей волне». Я им и преподаю урок, так что теперь общаются как все нормальные люди, а если захотят про себя — то только вне дома.

— Олег, так мы...

— Я, по-моему, обозначил всё конкретно и ясно. В этом доме разговоры ведутся ТОЛЬКО устно.

— Охренеть не встать, — пробормотал Антон, с трудом переставляя ноги, двигаясь к дому. — Что же здесь произошло за последнее время, что Белый стал таким... таким...

— Тош. Он не стал, а просто именно таким и был всегда. Если честно, то его понимаю — он ведь единственный, кто не обладает возможностями мысленного общения. Точнее, свободного общения. Сам говорил много лет назад, что слышит в голове непонятный гул, когда мы с тобой обменивались мыслями в его присутствии. Так почти сразу же у него начинала болеть голова по нарастающей... А здесь, как глава семьи, и стал диктовать свои условия.

— А как же Катя? Ей ведь приходится общаться чуть ли не со всем Кругом? Хотя... Мне недавно шепнули на ухо, что хочет наша родственница уйти с поста СУДЬИ, но кто же её отпустит??? Старейшины чуть ли не на колени перед ней встали, не желая идти навстречу высказанной просьбе.

— Я об этом не в курсе. Подождём немного. Думаю, сегодня-завтра всё выяснится. А ты лучше помалкивай, береги силы.

--

Спустившись в подвал, Арина открыла дверь в помещение, в котором Белый расположил свою лаборатория. Помогла раздеться брату и забраться на высокий стол, о котором и упоминул Олег, а потом, оглядевшись, села на единственный стул, что находился в этом странном месте. Почему странном? Она вновь медленно обвела взглядом комнату. Та словно была разделена пополам. На одной стороне находились шкафы с множеством различных склянок, баночек и бутылочек, на которых девушка не увидела ни одной этикетки или какой-нибудь надписи. Газовая плита и самая обычная металлическая раковина со следами ржавчины... А вот другая половина комнаты представляла собой вырванный из другой эпохи кусочек жизни какого-нибудь вельможи — стена была полностью занавешена

пушистым толстым ковром, о баснословной цене которого можно было только догадываться. А на этом ковре... Кроме огромного количества разнообразного холодного оружия, которое, как поняла девушка, было далеко не парадным, висели искусно выделанные головы различных тварей. И их, навскидку, было более двадцати штук. Арина раз попыталась сосчитать, второй, но у неё, к большому удивлению, ничего не выходило. Что она заметила, то почему-то каждый раз, когда она пыталась считать, головы словно менялись местами, а иногда и вообще вместо одних появлялись новые.

— Сестричка, — раздался голос Антона. — Ты, как понимаю, тоже не можешь сосчитать эти изделия сумасшедших таксидермистов? Я вот насчитал восемнадцать, а потом заметил, что те, которые были первыми, выглядят совсем иначе. Они другие, и до этого их не было видно. Кстати. Это не имитация?

Арина подошла и, протянув руку, прикоснулась к голове «Выдолги» — твари, которая, как она помнила, издревле обитает на границе леса и болота...

- -

Само по себе это существо достаточно безобидное, пока, при случае, не попробует человеческой крови. А вот тогда, даже после совсем крохотной капельки, небольшое человекоподобное существо, размером чуть больше домашней кошки, начинает стремительно расти и превращается за пару лет в совсем иное, уже кровожадное и беспощадное — «Жатну», которое уничтожает походя всех своих собратьев-нечисть, что издавна жила на Руси. И такой геноцид продолжается около года, после чего «Жатна» делает себе берлогу и засыпает... навсегда. Обычно места, где находятся такие «берлоги», отличаются от всего леса по обилию совершенно невероятных по яркости цветов. А вот через год-полтора, когда тело твари уже полностью разлагается, земля осыпается и на поверхности не остаётся ни следа...

- -

Кожа на голове, к которой она прикоснулась, была прохладной и совсем не напоминала высушенную. Девушка вспомнила, что такие твари сейчас уже и не встречаются. Может и остались где в совершенно глухих местах Руси, но, как упоминали преподаватели школы, встреч с подобными не было уж лет сто.

По соседству находилась голова совсем уж незнакомого существа, которое было похоже, скорее, на дикого кабана, если бы не голубые человеческие глаза и над ними... густые брови. Шерсть на загривке и о же не напоминала звериную, скорее выглядела как густые вьющиеся человеческие волосы...

— Нравится? — двойняшки даже не заметили, когда в помещении появился хозяин этой «выставки». — Это не кабан, да и вообще такие на нашей земле появляется очень и очень редко. Исследователи из Братства назвали его «Ревун», так как вместо привычной нам речи, переговариваются между собой модулированным рычанием, напоминающим короткие команды. Человекоподобное существо с вполне развитым мозгом, прямоходящее, но с полным отсутствием таких понятий как жалость, милосердие и сочувствие. У них, кстати, не копыта на передних конечностях, а именно что пальцы. А вот нижние — именно что копыта, которые не требуют никакой обуви. Это раса воинов одной планет третьего уровня от нас. Промышленности нет, сельским хозяйством не занимаются, а живут исключительно за счёт набегов на соседние миры. Жестоки и кровожадны. Жрут всё, что могут найти, в том числе людей, да и от своих соплеменников не отказываются, кто не может оказать должного отпора. Старики у них идут в поход, зная, что обратно, скорее всего, не вернутся, сожрут

свои же. «Ходячие консервы»... Одно, что цепко держит их на родной планете — определённый состав воздуха, в котором присутствует нечто такое, чего нет более нигде. Как понимаете, ОТТУДА взять анализы воздуха практически невозможно, а вот эти орды полулюдей-полуживотных набрасываются на соседей, жрут и грабят сколько позволяет запас их жизненных сил, а потом, по пути бросая всё, стремятся назад. Как в Братстве выяснили — срок такого «похода» не бывает более трёх-четырёх дней, потому что уже на третий день у них начинает выпадать шерсть и резко слабеет организм. Через неделю же, если те не вернутся домой, наступает смерть. Хочу отметить два факта — шкура у них настолько плотная, что её не может пробить даже пуля из огнестрельного оружия. О холодном и говорить нечего. Я, правда, не буду упоминать о нескольких клинках, которые сделаны не на нашей земле и здесь присутствуют, вот они их шкуру режут на раз. Второй же любопытный факт заключается в том, что на их телах не найдено никаких репродуктивных органов. Спецы, кто занимался изучением тварей, вполне резонно выдвинули гипотезу, что все «Ревуны» — клоны, созданные искусственно. А вот кем и где... на этот вопрос ответить до сих пор никто так и не смог...

— А это кто? — спросила Арина, ткнув пальцем в что-то, похожее на зелёный шарик с желеобразным наполнением, правда, внутри присутствовало нечто похожее на человеческий глаз, временами перемещавшийся в этом непонятном желе, то и дело приближающийся к наружной оболочке. После того, как палец девушки прикоснулся к «коже», глаз моментально оказался там же, быстро увеличиваясь в размерах.

Арина ойкнула от испуга и отскочила назад.

— Милая, тебе, наверное, не говорили в детстве, что нельзя трогать пальцами всё подряд? — Белый засмеялся и, взяв с одной из полок небольшой баллончик, напоминающий дезодорант, подойдя ближе, опрыскал жидкостью непонятную «голову». Глаз сразу же отпрянул вглубь и стал почти незаметным.

— Это и есть то изначальное состояние твари, которую все знают как «Перевёртыша». Это, если можно так сказать, «ребёнок», который ещё ни разу не принял другую форму. Если бы ты, Арина, прижала плотно к оболочке свою руку этак на пару минут, в этом помещении появилась бы ещё одна Ярая, в точности повторяя оригинал. И лишь молекулярные исследования могли бы отличить настоящую Арину от фальшивки. Ребят, хочу напомнить, что на этой «выставке» есть как мёртвые, так и вполне живые экспонаты. Они, правда, в своего рода, замороженном состоянии, и не способны самостоятельно вернуть себе изначальный вид. Для этого нужно несколько условий, но тот же «перевёртыш» вполне успешно может начать самостоятельную жизнь, если, к примеру, его подержать в руках несколько минут. Поэтому прошу — ничего больше не трогайте, договорились?

— Олег, а зачем тебе нужны эти головы? — спросил Антон, наблюдая за сестрой. — К тому же, если всё настолько опасно, ты не боишься, что сюда заберутся твои дети и кого-либо оживят? О последствиях даже страшно подумать...

— Мои не заберутся. Я об этом побеспокоился ещё несколько лет назад. Да и провожу с ними занятия постоянно, а иметь перед глазами образцы полуживых тварей полезно — более наглядная демонстрация опасности таковых, нежели познавать их образы в процессе обучающей игры. Вы, кстати, сколько прошли уровней?

— Я восемь, Антон — семь. Дальше было не пройти — игра заворачивала.

— Не понял. То есть как?

— Трудно объяснить, но после прохождения восьмого уровня, передо мной вспыхнуло

объявление — «Вы завершили процесс обучение полностью». Вот так вот. У брата аналогичная история. Позже мы повторно прошли с самого начала игру, надеясь, что будет допуск дальше, но нет. Та же самая история.

Белый с удивлением посмотрел на девушку, потом на парня.

— Если честно, то когда я создавал эту программу, такое объявление-баннер вообще не закладывал. Это что получается, игра саморазвивается? — Олег удивился и задумался, но, вскоре, демонстративно махнув рукой, вновь посмотрел на Арину.

— Давайте теперь по поводу Вас поговорим. Разбирать по фрагментам момент нападения и Ваши действия не буду. Общую картину понял и могу сказать, что если бы ты, Арина, выглядела в момент стрельбы как обычно, вряд ли сейчас стояла бы рядом со мной. Ваши защитные техники интересны и, надеюсь, что поделитесь своими разработками, но вот то, что стали беспечными уже на следующий день после первого нападения, не характеризует Вас как думающих людей, скорее как балбесов, которые возомнили из себя чёрт знает что. Вы что, бессмертные? Нет. А знаете, что меня больше всего шокировало? Не знаете? Я скажу — то, что моё время, которое посвятил Вашему обучению, все мои советы, все тренировки, оказались Вами бездарно растрачены и забыты. И абсолютно ничего, что Вы вроде как поняли и осознали, так и не смогли применить этим утром, растерявшись, словно первоклашки на первом уроке в школе. Хорошо, хоть не описались со страху и всё же сработали какие-то инстинкты. Вы — двое упёртых недоучек, которые меня сегодня здорово расстроили. Получается, что я сам хреновый учитель, и за все годы, что с Вами занимался, так ничему и не смог научить...

Антон, по лицу которого тёк пот от невероятной слабости, приподнялся и с трудом сел на металлическом столе.

— Зачем ты всё это говоришь, Белый, зная, что от первого до последнего слова это откровенная ложь? Ты нас практически ничему не учил и не дал даже самого малого, что тебя просили много лет назад. И, в итоге, ты нам наврал, перевернув всё с ног на голову, а сам, напустив на себя образ обиженного, умчался на Урал. Или, может, это учение и было в твоём болезненном воображении на протяжении многих лет, что находился без движения? И вообще, на кой ты сюда нас направил? Для того, что бы выслушивать твой бред наяву? Мы сами, понимаешь, САМИ, добились всего в жизни, практически не получая помощи ни от кого. Да, не отрицаю, что мы трижды ездили в школу на Урал и там проводили по несколько месяцев, обучаясь самому необходимому. Так именно там мы и получили минимальные знания, но не отнюдь не от тебя, с которым и виделись-то редко до твоего морального и психологического коллапса. Арин. Как думаешь, водители из Братства ещё не уехали? Если нет, то я не хочу здесь оставаться ни одной лишней минуты. Лучше добратья домой и лежать в своей постели, а не выслушивать всё это...

Парень, собрав все силы, опустил ноги на пол и, держась за край стола, встал, качаясь, стараясь не подавать вида, что ему невероятно плохо.

Арина подскочила к брату и помогла одеться, а вот Белый от слов Антона словно впал в ступор, застыв на месте, не замечая ничего и никого вокруг себя...

Через несколько минут, поднявшись по лестнице на первой этаж, отдыхая чуть ли не на каждой ступеньке, двойняшки вышли во двор. Где были взрослые — никто не знал, но вот вместо двух машин, что привезли их сюда, во дворе стояла лишь одна, но водительское кресло в ней не пустовало — был виден человек.

Увидев подошедших молодых людей, стекло на дверце опустилось.

— Гриш, — обратилась к мужчине Арина. — Ты в состоянии отвезти нас домой? Здесь, как оказалось, мы лишние. Антон очень плохо себя чувствует и ему нужен покой, а тут...

— Ребят, нет вопросов. Отвезу куда нужно, — ответил мужчина и, перегнувшись через соседнее кресло, открыл пассажирскую дверь. — Забирайтесь и... подождите минуту. Я сейчас попробую опустить два кресла так, что бы Антон мог лечь.

Вскоре он вылез из машины и помог девушке поднять парня в салон. Уложив того на получившееся подобие лежанки, водитель достал из багажника пару армейских одеял и подал в руки Арине.

— Накрой его. Может и не лучшее, что бывает в жизни, но всяко будет теплее. Смотрю — твой брат бледный совсем, в лице ни кровинки. Так что, едем?

— Да, — еле слышно ответила девушка, которая была потрясена не меньше брата обрушившейся на них несправедливостью со стороны Белого. Она прекрасно помнила, что ничего такого, о чём говорил Олег, не было и в помине. А оставаться в доме, где их оскорбили, обвиняя в выдуманных проступках, не хотелось совершенно, не взирая даже, что со своими младшими родственниками вообще не успели пообщаться.

— Ребят, я только поставлю в известность руководство об очередной поездке. Я ведь тоже подневольное лицо.

— Конечно, о чём вопрос, — улыбнулась девушкой, с тревогой глядя на брата, который отключился и сейчас ни на что не реагировал.

Григорий взял в руки телефон и, выйдя из салона во двор, набрал номер. После короткого разговора хмыкнул от удивления и, сев обратно за руль, повернулся в сторону салона.

— Добро на выезд получено, но Глава Круга просит завести Вас сначала к нему. Это не займёт много времени — минут двадцать, не больше. К тому же, как я понял, Вас там будет ждать НАШ врач, который посмотрит Антона.

Арина пожала плечами и, решив что-то для себя, попросила подождать её пару минут. Выскочив из машины, быстрым шагом направилась к дому, уже в дверях столкнувшись нос к носу с мамой и Катей. Те посмотрели удивлённо на девушку, но не успели задать ни одного вопроса, как услышали то, что обеим было удивительно и непонятно.

— Мам, Кать. Я с Антоном прямо сейчас уезжаю. Ему очень плохо, а помощь, на которую надеялись, здесь не получим. Белый нас обидел. Не знаю, то ли у него с головой что-то, то ли настроение не то, но время идёт, а брату всё хуже и хуже. Если так будет дальше — в городе придётся вернуться в больницу. Не уверена, что там помогут кардинально, но вдруг получится. Я его не брошу, буду постоянно рядом. Вы нас уж простите, но здесь тяжело находиться. Извини, Кать, к тебе это не относится, да к Словенам тоже. Привет им. Будете в городе, заходите, рады будем повидаться.

— Доча, — растерялась Настя. — Так дома шаром покати. А Вам что-то поесть будет нужно. — Женщина наморщила лоб и заявила. — Так. Я еду с Вами. И это не обсуждается.

— Нет, мама. Это как раз обсуждается и ты с нами не едешь по одной простой причине — в машине для тебя места нет — там два сиденья разложили и на них Антон. Осталось лишь одно — для меня. А Вы тут отдыхайте и общайтесь. Извините, нам пора.

Арина говорила с мамой жёстко, словно они поменялись местами. И, оставив её стоять в растерянности, Арина сдвинула в сторону откатные ворота так, что бы мог выехать автомобиль, а затем, запрыгнув в машину и захлопнув дверь, села рядом с братом.

— Поехали, Григорий...

Арина была расстроена, но в момент, когда машина выезжала на улицу, краем глаза заметила, что их водитель пальцами правой руки, сделал несколько непонятных движений, «просемафорив» на тайном языке Братства Кате, на что та улыбнулась и кивнула в согласия.

* * *

Как и предупредил водитель, они повернули на Ленинградском шоссе не в сторону города, а в противоположную. И, сразу после того, как машина въехала в Приозерск, свернула на просёлочную дорогу, по которой, немного попетляв, остановилась у ворот старого дома. Водитель не стал сигналить, а лишь помигал фарами и ворота, дёрнувшись, плавно откатились в сторону. Когда же автомобиль въехал во двор, их встретил старик, который выглядел словно персонаж из сказки — совершенно седая голова, такие же белоснежные густые брови и небольшая борода.

— По добру ли добрались? — спросил старик, открывая дверь машины.

— По добру, Дмитрий Михайлович. Вы как, сами управитесь или моя помощь нужна?

— Гриш. У меня в горнице племяш сидит. Вот он и поможет. А ты, добрый человек, поезжай обратно. С ребятами ничего не случится, я Главе обещал. Если понравится им у меня, так

Останутся на пару дней, а нет — вызову тебя — отвезёшь куда попросят.

Водитель, покорно склонив голову, отошёл от машины, а дед посмотрел на девушку, которая, хоть и слышала состоявшийся разговор, голову так и не повернула, не отрывая взгляда от лица брата.

— Здрава, милая.

— И Вам долгих лет, дедушка, — Арина повернулась на кресле и посмотрела в глаза старцу, от которых не смогла отвести взгляда, настолько были они яркими и добрыми, да и совершенно не соответствовала жизнь в этих глазах облику говорившего.

— Зовут меня Дмитрий Михайлович или, что чаще, просто «Дед». Поэтому зови как удобнее будет.

Старик улыбнулся так заразительно и открыто, что и девушка в ответ улыбнулась.

— Давай так, милая. Пока братца своего не буди, пусть полежит в покое, а мы с тобой пройдем в дом, там подробно и расскажешь что случилось. Слухами-то земля полнится, о твоей беде знаю, но картинка может быть как чёрно-белой, так и цветной, сама понимаешь различие. Мне же надо как можно больше деталей, что бы увидеть всё именно в цвете.

Пройдя в дом, который внутри выглядел несколько необычно и более свежо, чем снаружи, Арина неторопливо огляделась. Именно такие исконно русские дома ей и представлялись, когда она читала исторические книги. Везде было дерево и пахло так... Девушка закрыла глаза, а перед её мысленным взором всплыла картинка, что она находится не в доме, а на лесной опушке и ей чуть ли на яву послышался звук бегущей воды, словно в пару метрах от неё журчал ручеёк.

Арина даже вздрогнула от неожиданности, мотнув головой, сбрасывая наваждение. С удивлением посмотрела на деда, который сидел на лавке у дверей и наблюдал за своей гостьей с доброй улыбкой.

— И что ж тебе привиделось, а? Лес или берег морской?

— Лес, точнее, лужайка в сосновом лесу, а рядом звенел ручеёк.

Старик улыбнулся.

— Это к добру, моя хорошая. Ты плоть от плоти принадлежишь ТОЙ земле, вот она тебе и видится. Сейчас садись на лавку и подожди немного, пока я с племяшкой твоего братца

разместим в горнице.

— Простите, бабушка, мы Вас не стесним? — неожиданно робко спросила Арина и... сама удивилась такому тону.

— Нет, милая. У меня Вы будете недолго, да и не стесните меня, места много...

Старик позвал по имени и из соседней комнаты появился мужчина чуть постарше девушки, высокий и красивый, что было отмечено Ариной как само собой разумеющееся.

— Пойдём, поможешь мне, — скомандовал дед и мужчины вышли, оставив девушку одну. Та не стала сала садиться, а прошла вдоль стен, на которых в деревянных старинных рамках были размещены фотографии — от самых-самых старых, начала прошлого века, с пожелтевшими краями, до вполне современных. И, что отметила девушка, на всех были размещены кто угодно, только не хозяин этого дома. А почти в конце это галереи, к своему удивлению, на одной из фотографий, она увидела Олега Белого в компании молодых парней и девушек, правда, тому было на момент съёмки, лет двадцать пять, не больше.

Вздвухнув, вспомнив, что было совсем недавно, она подошла к окну и от удивления ахнула — там, из-за цветущего куста сирени, ничего не было видно.

— *«Сирень? Цветёт в начале мая?»*

Мысль, что мелькнула в голове, сразу же исчезла, потому что в комнату зашёл Дмитрий Михайлович с её братом на руках. И нёс его совершенно легко, словно Антон весил килограмм десять, не больше. А вот второй, молодой мужчина, лишь открывал и закрывал двери...

Пройдя в соседнюю комнату и уложив парня на кровать, дед положил ему ладонь на лоб и медленно закрыл глаза. Настолько медленно, что у девушки сложилось впечатление, будто она смотрит на его веки в замедленной съёмке.

Так прошло несколько минут в полной тишине. Дмитрий Михайлович поднялся с кровати, оторвав руку с головы Антона и посмотрел сначала удивлённо на свою ладонь, а потом на Арину.

— Внучка, а ты можешь пояснить мне, как такая связь между Вами образовалась? Ведь твой братец, словно вампир, из тебя силы тянет. Не будь тебя, он бы или уже поправился, или помер бы... Ты словно батарейка, что держит его в подвешенном состоянии.

— Так мы двойняшки, бабушка. С самого рождения вместе. Научились и разговаривать мысленно чуть ли не с малолетства. Когда порознь, чувствуем, словно оторвали от каждого половину тела. Даже болели оба, когда несколько дней были разлучены.

— Интересно. Знать сила Ваша богами разделена была изначально. Что ж, это меняет если не всё, то многое. Подожди минуту, я сейчас племянку провожу, а потом и с тобой договорю.

Мужчина, о ком зашла речь, покраснев от стеснения, пожелал добра девушке и вышел из горницы вслед за дедом. Арина слышала негромкий разговор в сенях, но специально не прислушивалась, считая побное совсем невежливым по отношению к человеку, который, как она поняла, сможет вернуть брата к полноценной жизни.

Вернувшись в комнату, Дмитрий Михайлович сел на низкую лавку в комнате, где лежал брат и позвал к себе Арину, усадив рядом с собой.

— Теперь расскажи подробно что случилось с Вами, да не только сегодня, а и чуть раньше. Понять надо, откуда к Вам столько ненависти пришло.

Рассказ Арины Дмитрий Михайлович слушал не прерывая, лишь пару раз, прежде извинившись, уточнил вроде как совсем незначительные детали. Когда девушка смолкла, дед

улыбнулся и подмигнул.

— С Вашими бедами более-менее понятно. Мне нужно обдумать пару моментов, но это чуть позже, время для этого будет. Сейчас о другом. Хочу спросить тебя, милая. Что знаешь о других мирах и как те соприкасаются с нашим?

— Знаю только в том объёме, что сначала рассказал Белый, которого мы знаем много лет, а потом эти знания дополнили учителя из Уральской школы. Наша мама сама из Братства, она ЗАЩИТНИК, если тебе, бабушка, это о чём-то говорит.

Старик улыбнулся.

— Говорит, хорошая, ещё как говорит. Я ведь сам много лет был Главой местного КРУГА, но почувствовал однажды, что тяжело мне жизнь продолжать такую — беспокоиться обо всех и всём. Сложил полномочия, да ушёл странствовать — себя испытать, да миры посмотреть.

— И как, посмотрели мир? — улыбнулась девушка, не поняв самого важного.

— Не мир, ладушка, а миры. Множество их, да и разнообразные все. Где хуже, где лучше, чем у нас. Только все эти годы, а прошло их много, тянуло на Родину, на землю родную. И, вернувшись, почувствовал, что больше покидать её не хочу. Хорошо мне здесь и спокойно очень. Даже там, где всё было хорошо и люди вокруг были счастливы, у меня на сердце лежала тяжесть, так как чувствовал, что не моя земля это, а чуждая. А вот здесь, хоть и не славно всё вокруг, да на сердце намного легче.

Арина улыбнулась и, не задумываясь, погладила руку старика, что сидел рядом, всю высохшую и твёрдую, словно не кожа была на ней, а высохший пергамент.

Дед удивлённо вскинул глаза на Арину, а потом, что-то почувствовав, улыбнулся и тоже погладил руку девушки.

— Добрая ты, Ладушка, и сердце у тебя чистое, без пятнышка. Твой брат немного похуже будет, да не корю его, понимаю, что он берёт на себя всю ответственность и грязь от жизни за Вас двоих, не желая пачкать самое светлое, самое дорогое, что есть у него — твоё тело и твою душу, красавица. Так вот почему я спросил у тебя по поводу соседних миров. Предложу один вариант, а согласишься или нет — решать тебе. Есть у меня потаённая тропка в мир, похожий на наш. Ничем не отличается, разве что отсутствием людей да крупной живности. Я, когда впервые вступил на него, подумал, что это тот Эдем, что у православных значится раем. Но потом понял, что ошибся. Просто тот мир ещё девственен, грязью не запачкан, а что самое важное — не утратил насыщенности энергий Первородных. Я говорю о тех, кто создаёт миры, а не тех, кто первыми на них появляется. Наша ошибка — путаем эти понятия, ну это так, к слову. Вот и предлагаю Вам двоим неделю пожить в ином мире. Больше не получится, к сожалению. Мир тот ещё не полностью сформировался, поэтому есть ограничения.

— А чем мне там брата кормить, да и жить где?

Старик улыбнулся.

— Сразу видно, что девочка со мной разговаривает, да о брате в первую очередь беспокоится. Умничка, но по поводу еды не думай. Там воздух и вода кормят и поят. Температура постоянная — около двадцати трёх градусов, не замёрзнете. Змей и прочих гадов не имеется, а вот плодов разных не перечесать. И, запомни, нет там ничего ядовитого, чем можно отравиться. А спать... дам вам на время два спальника, что мне гости давно подарили. Кините на травку, да и будете спать без движения. Что, согласна?

— А мой брат...

— Твоему брату я помогу перебраться, а вот потом сразу же вернусь. Вы там будете гостями новыми, а меня тот мир помнит. Хотя и не навредил ему ничем, но закон есть закон — неделя и уходи. Да, забыл самое важное. Не знаю почему, а этот мир ещё уникален другим — время там бежит намного быстрее, чем в соседних мирах. Молодой он ещё, торопится. Каждый час там равен одной минуте здесь. Не точно, конечно, приблизительно. Так что для всех окружающих пройдёт несколько часов, а для вас — неделя. И ещё, милая. Дам тебе с собой пару бытылочек со своими настойками. Будешь каждое утро и вечер выдавать брату по столовой ложке поочередно из каждой бутылки. По утрам из одной, по вечерам — из другой. Тут ведь какое дело. Не так страшна рана на теле твоего брата, а то, что, получив ранение, нарушилась у него циркуляция жизненной энергии. Нарушилась гармония жизни, поэтому в одной части тела её много, а в другой — почти нет. Мои настойки для того и созданы, что бы восстановить каналы энергии, а воздух и, особенно вода, доделают доброе дело.

Арина слушала старца, совершенно не сомневаясь в его словах, хотя услышанное более походило на какую-то сказку... Тем не менее, в голове девушки была одна цель и для достижения положительного результата она была готова на всё.

— Что мне нужно сделать? — с надеждой спросила Арина.

Дед усмехнулся.

— Может, скажу крамольное, но, поверь, без всякого злого умысла. Вам с братом придётся туда перейти в том, в чём мать родила. Нельзя новый мир пачкать и портить, да и он сам не позволит. Хотя... мысль добрая мелькнула. Там ведь нельзя ничего искусственного, а я Вам дам рубахи льняные. Тем более не заводского изготовления, а в домашних условиях сотканных и сшитых нитями натуральными. Это не будет нарушением мира перевозданного. Да, пока не забыл. Спальниками пользуйтесь, пока целые, а потом, возвращаясь, заберите с собой до последних капельки и кусочка всё, что от них останется. Здесь выкинем. И бытылочки с лекарствами дам не стеклянные, а из глины сделанные, но и их не оставьте. Вот, вроде, всё сказал. Давай тогда собираться. Я сейчас принесу Вам одежду нательную, и пока ты переодеваешься, попробую снять аккуратно с твоего брата его одежду, хотя... нет. Вместе будем, а то очнётся горемыка, испугается, да и шарахнет меня чем-нибудь убойным досмерти. А я хоть и древний, но жизни своей до конца не прожил. Малец будет позже сокрушаться сделанному, так мне-то будет уже всё равно...

--

Через полчаса, приведя в чувство брата, они, выйдя во двор через второй выход, сели на крохотной лужайке среди цветущих кустов сирени. Хотя на улице было прохладно, на этом пятачке было почему-то очень и очень тепло. Дед, тоже одетый в длинную рубаху, посадил их так, что образовали треугольник, касаясь ступнями согнутых ног друг друга. Чуть позже попросил взяться всем за руки и тщательно зажмуриться, предупредив, что это не для секрета, а лишь ради сохранения зрения при переходе.

Дмитрий Михайлович начал петь на древнем языке славян. И хотя смысл содержания песни двойняшки практически не понимали, мелодия была настолько проста, что, уловив её плавное течение, оба стали подпевать, не громко, а лишь дополняя своей энергией и голосами песню деда.

Никто не понял самого момента переноса, но когда старик отпустил руки парня и девушки, те открыли глаза и в восторге вскочили на ноги.

— Какая здесь красота, — удивлённо протянул Антон, потянувшись всем телом к

верхушкам высоченных сосен, с которых, после слов парня, как показалось, вроде случайно, прилетела пару шишек, ударив по головам близняшек, правда, не больно, а доставив этим искреннее веселье.

Дмитрий Михайлович, почувствовав, как ребят встретил новый мир, лишь усмехнулся — его надежды сбылись и мир принял гостей как родных — с юмором, отметив своим знаком.

Арина вдруг замерла и подняла глаза вверх, тем не менее, обращаясь к старику.

— Деда Дим. А ведь лес живой и он... он разговаривает с нами, я его понимаю!

Девушка, сделав шаг вперёд, обняла и прижалась к стволу стройной сосны, а потом, ласково проведя рукой по коре, сделав ещё несколько шагов, обняла совсем невысокую, метров в пять, берёзку и замерла...

Антон же со счастливой улыбкой, совершенно позабыв о своей ране, так и стоял, задрал голову, а его губы шевелились, словно он с кем-то разговаривал.

— Счастья Вам, дети. Вот и удалось мне увидеть, как встретились Первые со своими детьми...

Поскольку все уже было оговорено, и не раз, Дмитрий Михайлович не стал нарушать умиротворение двойняшек, лишь заметив, что в теле парня сразу же забурлила жизнь, приводя тело в совершенное состояние. Дед сел на траву и запел несколько иную песню. Более жалостливую или... прощальную. Его фигура стала бледнеть, словно дым над водой, а спустя пару мгновений полностью исчезла.

Через несколько часов. Неизвестный мир.

— Сестрёнка, отпусти эту берёзку, а то задушишь её в своих объятиях.

— Братик. Ты просто не понимаешь — я ощущаю каждый листочек этой красавицы. Чувствую, что она тоже мне рада и ей приятны мои прикосновения.

— Верю. Я только что сам с трудом оторвался от сосны — просто пьяный от запаха смолы и жизни, что протекает в этом исполине. Ты посмотри насколько он выше остальных!

— Лучше поделись с сестрой состоянием своего самочувствия.

— Самочувствия? — недоумённо переспросил Антон и, подняв подол рубахи, что была ему до колен, не стеснясь наготы, стал разматывать бинты. Сбросив последний, с удивлением оглядел тело — кроме двух чуть красных участков кожи, ни чего не указывало, что менее суток назад там была сквозная рана.

— Дай пропальпирую, — девушка подошла и, сев рядом с братом на колени, аккуратно и нежно прощупала как саму рану, точнее то место, где она была, так и соседние участки кожи.

— Рана затянулась полностью, но вокруг есть уплотнения. Воспалительного процесса не чувствую, да и внутри, похоже, процесс заживления идёт полным ходом. Слушай, Тош. У меня складывается впечатление, что мы или в сказке, или спим крепко-крепко, а то, что вокруг — лишь бред воспалённого сознания.

— Нет, половинка. Это не сон. Сама открой полностью сознание и поймёшь, что мы в мире живой природы, где все деревья, кусты и даже вот эти пчёлки, что летают вокруг, имеют хоть и маленький, но разум и все умеют общаться между собой. Это множество разумов, объединённых в одно единое. Нам с тобой сказочно повезло оказаться в поистине мыслящем мире. Это сказка, но сказка наяву.

— Ты кушать хочешь? — вдруг забеспокоилась девушка, заметив, что её брат немного похудел.

— Абсолютно нет, но вот пить хочется постоянно. Хорошо, рядом ручеек течёт — вода в нём словно живая — пара глотков и ощущение, что хорошо пообедал. А ты заметила, как здесь пахнет? Воздух словно кисель. Вздохнул — и поел и выпил, настолько пьянит.

— Да... Запахи здесь словно концентрат. Чего мне хочется до одури, так искупаться. Давай пойдём ниже по течению ручейка — наверняка ведь есть какое-нибудь озерцо, где сможем помыться полностью. У меня стойкое ощущение, что я, по сравнению с природой, вся грязная.

— Я также себя чувствую. Что ж, пойдём. Может, сможем хоть немного смыть с себя то, чем пропитались наши организмы за годы жизни в городе.

--

Пройдя метров сто вдоль веселого бегущего ручья, по пути аккуратно сорвав несколько пригорошной спелых ягод черники и брусники, двойняшки вышли на берег небольшого озера, метров тридцати диаметром, не больше, в которое, как они заметили, впадает множество других ручьёв.

— Надо только обязательно отметить путь назад, а то так и останемся здесь на всю оставшуюся жизнь — хихикнула Арина, но брат возразил.

— Здесь, конечно, сказочно и я не против почаще посещать это место, но не забывай, что у нас есть родители, которые, уверен, беспокоятся. Представь, что будет, если мы останемся здесь навсегда?

— Тошка, ну какой же ты приземлённый, — улыбнулась девушка, сбрасывая с себя рубаху. — Не понимаешь шуток? Нас же предупредил дедушка, что больше недели мы здесь пробыть не сможем. Кстати, а его имя и отчество тебе не напоминает ничего?

— Дмитрий Михайлович? Знаешь, в голове что-то крутится, но ничего толкового на ум не приходит.

— А вот мне пришло. Это ведь наставник Белого, который, оставив должность Главы КРУГА, внезапно исчез. Его искали много лет, но так и не нашли. А сейчас, вдруг, он оказался на месте, причём рядом с нами в своём бывшем доме и так же случайно, узнав о постигшей нас беде, вдруг предложил свою помощь. Не находишь всё это странным?

Антон задумался.

— Вполне может быть, что все случайности перешли в иное состояние и наш путь пересёкся с дорогой деда уже закономерно. Только боги знают дальнейшие пути. Кстати, ты так и будешь стоять передо мной с такой красивой голенькой попкой? Что замерла? Хочешь, что бы я её укусил? Это будет в радость. Три, два, один...

Девушка, взвизгнув, нырнула практически без брызг, а вынырнула уже на другом конце озера.

— Будешь приставать и угрожать — стану русалкой и останусь здесь жить без тебя, так и знай.

— Горе мне, горе, — шутливо захныкал Антон, посыпая голову мелким белоснежным речным песком. — Как же я буду без своей половинки? Придётся закрыть клинику, распустить всех наших коллег. Затем я зачехну и умру или, в лучшем случае, уйду в монастырь.

Девушка захохотала.

— Тоже мне послушник... Ты там не выдержишь и пару дней. Обязанностей много, а свободы практически нет. Да и запрягут тебя, молодого, на самые трудные работы. Будешь с утра до вечера копать в огороде или кирпичи таскать для строительства очередного

храма... Чуть позже сбросишь с себя данные обеты, да рванёшь куда-нибудь подальше от постной жизни.

— Болтушка ты, Арин. Говоришь так, словно сама много лет провела в монастыре. Так же убедительно врёшь, как и все, от кого слышу о церковной жизни. А на самом деле всё не так, да и жизнь у затворников монастырей не такая уж скучная и постная. Ты, дразнилка, а не сестра. Вот сейчас поймаю, да и укушу куда обещал...

* * *

После догонялок в воде и короткого спарринга голышом, благо их никто не видит, двойняшки вновь искупались и, обсохнув, надели рубахи.

Антон, вдруг став серьёзным, взяв за руку сестру, направился на ту самую полянку, где они и появились изначально. Увидев два мешка со спальниками, достали содержимое и, растелив на высокой траве, улеглись на них сверху.

— Что ты опять посмурнел? — Арина нагнулась над братом и чмокнула того в нос.

— Да вот опять девица та странная в памяти всплыла. Не понимаю, что за связь между нами образовалась, но вот внезапно ощутил, что запаниковала та, когда мы здесь оказались. Она словно ниточку потеряла, которую непонятно как привязала ко мне. Вот и сейчас в панике мечется, патаясь всеми способами обнаружить моё присутствие, но, как понимаю, здесь мы отрезаны от её надзора.

Арина, взяв руку брата и приложив к своей груди, закрыла глаза и улыбнулась.

— Тош, ты стал говорить как наш дедушка, строя предложения немного иначе, как ранее говорили, в старину. И это, знаешь, мне приятно слышать, словно мы вернулись на много-много лет назад... Что же касается этой девицы, удивительно, что ты не понял до сих пор, что образ, увиденный тобой, и был той самой «ниточкой», которую она смогла протянуть к тебе. Поверь, это не любовь с первого взгляда, а эгоизм чистой воды. Ей что-то надо даже не от тебя, а от нас обоих, поэтому и мечется в панике. Мне вот интересно совсем другое. Ты ведь ощутил её эмоции уже здесь, только что, так? Значит ли это, что этот мир способен пропускать эмоции лишь с «той» стороны? Отсюда, как мы выяснили, блокада, это и здорово. Я давным-давно мечтала хоть пару дней провести вместе вдали от родственников и друзей. Мне хорошо только с тобой, братик.

— И мне, милая. Хотя... По поводу односторонней блокады. Ты заметила, что наша малышня и здесь нас не оставила без своего внимания? Вот же любопытные засранцы. Они, если заметила, тщательно за нами подглядывают, порой довольно бесцеремонно пытаюсь влезть в наши головы. При встрече всё им выскожу.

— Тош. Они ещё маленькие, да и не понимают что к чему.

— Прекрасно всё понимают. Только, уверен, до конца не осознают свои силы и не понимают, что мы можем их ментально наказать за подобное любопытство.

— Давай просто поговорим с ним и попытаемся прийти к соглашению. Наказать всегда успеем, но сначала надо объяснить, что последствия вторжения в чужую голову без разрешения могут стать для них **ОЧЕНЬ** болезненным.

— Согласен, роднуля, сначала поговорим. А сейчас давай спать. Если честно, день был длинным и более чем насыщенным. Стрельба, ранение, больница, следователи, потом двухчасовая поездка, Белый со своей придурью, старец и вот... совершенно иной мир, чистый и девственный.

— Давай спать, только сделай глоток из любой бутылочки, что оставил дедушка. Утром глоток из одной, вечером из другой, запомнил?... У меня же в голове постоянно крутятся

слова Олега. Что с ним случилось? Это или с психикой что-то или он начал заикливаться на своём больном — как пролежал в небытии столько лет. Ведь это и в самом деле страшно осознать какой кусок у тебя жизни выпал...

— Малыш. Давай завтра спокойно разберём всё в деталях, а сейчас спать...

— Тош. Прости, но последний вопрос — как себя чувствуешь?

— Не буду врать, скажу честно. Есть ещё небольшие покалывания внутри, но это, как понимаю, идёт нормализация функций организма после травмы. Если же ты имела в виду моё ментальное состояние, то приблизительно пару часов назад полностью отрезал себя от твоей подпитки. И, знаешь, чувствую себя вполне сносно. Более того, ощущаю, что внутренние каналы начинают восстанавливаться. Хоть и не так быстро, как хотелось бы, тем не менее. Надеюсь, что через два-три дня буду в полном порядке, да, пожалуй, благодаря этому сказочному лесу может стану чуть сильнее ментально.

— Я тоже ощутила в себе улучшения. Вроде как объём силы увеличился. Спасибо тебе, лес, за помощь и дружбу.

--

Эти слова были произнесены с такой искренностью, с такой любовью, что, внезапно зашумев в вершинах деревьев листвой, словно был порыв ветра, на лежащих вновь упали две сосновых шишки, хотя двойняшки и расположились довольно далеко от деревьев.

— Хулиганы они и дразнилки, — улыбнулся, засыпая Антон. — Но красивые и добрые.

— Просто они отвечают искренне на наше отношение. Как мы к ним, так и они к нам. В этом мире всё взаимно...

— Спи, философ...

Неизвестный мир. Пять дней спустя.

— Вылезай из воды, горе моё, а то в лягушонка превратишься, — Антон шутливо позвал сестру, которая уже больше часа крутилась в воде, то ныряя надолго, то вертелась как юла, а то просто в бешеном темпе переплывая небольшое озерцо от берега до берега несколько раз подряд.

— Ой... Не хочется вылезать, — с тоской протянула девушка. — Я за эти дни отдохнула так, словно мы с тобой были в отпуске пару месяцев. Кстати, что скажешь о моей фигуре?

Арина вылезла на берег и голышом прошла вдоль воды, подражая манекенщицам на подиуме.

— Скажу одно, — улыбнулся Антон. — Не была б ты моей сестрой, прямо сейчас предложил бы руку и сердце. Красива как богиня, слов нет. Фигурка, грудь, бёдра — всё на высшем уровне. О лице и не говорю. Вот и приходит в голову мысль — как жаль, что ты моя родная сестра, а не её подружка...

Девушка, внезапно наклонившись, выпрямилась и в тот же момент в брата полетели три сосновых шишки.

Парень прямо из воздуха вынул руками две из них, а вот третья исчезла на лету без следа.

— Так нечестно, — обиделась Арина. — Мы же договорились ещё вчера, что сегодня не будем пользоваться своими способностями. И так три дня с утра до вечера занимались до изнеможения.

Антон улыбнулся, с любовью глядя на сестру.

— Так и ты тоже мошенничаешь — кинула не две, а три шишки. У меня ведь две руки.

— А ноги на что? — хитро взглянула девушка и в тот же момент кинула в брата ещё две шишки, который тот, опрокинувшись на спину, с трудом сумел отбить уже ногами.

Арина, подняв кверху свой красивый носик, в негодовании отвернулась к озеру.

— С тобой неинтересно... Ладно, проехали... Так всё же, что скажешь по поводу моей внешности?

— Рин. Я уже тебе в любви признался, а ты всё за своё. Хорошо. Если хочешь, давай серьёзно. Немного похудела именно там, где и надо было — в бёдрах, в талии. Ноги стали более стройными. Загорела, словно месяц валялась где-нибудь на Мальдивах, причём загар равномерный по всему телу. Волосы немного выгорели, но так даже лучше — более оттеняют цвет твоего лица. Что ещё... Если в целом — стала выглядеть более гармонично для своего строения.

Пока парень говорил, Арина подошла ближе и, одев рубаху, которая на ней выглядела платьем, улыбнулась, чмокнув брата в нос.

— Спасибо. Я сама себя рассматривала сегодня, так что все мои предположения ты лишь подтвердил. Жаль, что завтра придётся покинуть это сказочное место, но нас ждут. Кто, ты и сам знаешь...

Все дни, что двойняшки провели вдали от своей Земли, Антон периодически «слышал» незнакомую девушку. Не постоянно, временами, но к этому так и не смог привыкнуть. Сначала почувствовал её недоумение, потом испуг. И почти сразу в её эмоциях ощутил злость и ярость, а со вчерашнего вечера получал эмоции, наполненные лишь безысходной

тоской, словно с исчезновением Антона у незнакомки пропала всякая надежда на дальнейшую жизнь. Парень не хотел делиться с сестрой своими заботами, но та сама вчера потребовала пустить её в сознание и, убедившись, что всё сказанное не придумки брата, нехотя согласилась — надо сделать шаг навстречу и, если это будет в их силах, помочь.

--

Все прошедшие дни двойняшки в первой половине дня медитировали, расширяя сознание как по одиночке, так и слившись в одно целое, а во второй половине занимались развитием способов защиты, запуская «Щить» и «Поиск», ну а ближе к вечеру устраивали спарринги, выкладываясь полностью, совершенно не щадя друг друга. Спать ложились с большим количеством синяков, но на утро их тела были чисты, а организмы свежи, словно накануне не ложились полуживыми на траву «своей» полянки.

Спальники, данные дедом, пришли в полную непригодность уже к вечеру третьего дня, превратившись в комки какого-то противного склизкого вещества. Их Антон отнёс подальше от леса и положил на большой плоский камень, что бы ничего не попало на траву. А вот сегодня утром на камне парень не обнаружил вообще ничего, лишь пятно тёмного цвета, словно всё, что там лежало, сгорело без следа...

И, что было ещё более странным — с первой ночи им стала сниться женщина, которая пела две песни — одну радостную, а вторую даже не грустную, скорее, печальную. Лица певицы было не разглядеть, как ребята ни старались. Их взор постоянно соскальзывал, останавливаясь либо на светящихся руках, либо на сверкающем нагрудном знаке, который висел на груди женщины на тончайшей цепочке красного цвета. После первой ночи, переговорив между собой и удивившись, что видели один и тот же сон, двойняшки чуть ли не рассорились в своих предположениях. Но чуть позже, купаясь, девушка предположила, что их, таким образом, учат возможности как проникнуть в этот мир, так и уйти отсюда. И были те две мелодии, что снились им, немного похожи на ту, что пели вместе с дедом, когда перенеслись сюда.

И уже со второй ночи они постарались запомнить не только саму мелодию, но и текст, хотя вслух ни разу не пели, только про себя. А всё потому, что именно женщина из сна показала им на закрытый рот, тем самым предупреждая, что во время тренировки петь вслух ни в коем случае нельзя.

Сегодня же ночью двойняшки спели вместе с женщиной обе песни несколько раз от начала до конца и та, улыбнувшись, показав себе под ноги, внезапно исчезла. Просто раз, и её не стало. А вот на земле, где до этого момента была незнакомка, внезапно появилась огромная книга, которая, словно живая, сама стала переворачивать страницы, пока двойняшки пели, и на каждое произнесённое про себя неизвестное слово, на странице вспыхивал соответствующий знак-руна, а в головах возникало понимание, что этот знак означает. И было это обучение настолько продуктивно, что утром Арина с братом могли похвастаться пониманием нового для себя языка, который если и существовал на ИХ Земле, то много миллионов лет назад. Тем не менее, оба с жадностью впитывали новое знание, боясь упустить даже самую крохотную деталь. И только когда смогли «переварить» и усвоить в головах основы нового языка, поняли и содержание самих «песен». А были это, по сути, призыв этого мира и просьба разрешить его покинуть. Что их поразило особенно, то при пении прощальной песни перед их закрытыми глазами, словно в каледоскопе, мелькало множество знакомых мест — их квартира, кабинет в клинике, дом Кати, лужайка перед домом деда и многое-многое другое. Так они осознали, что могут вернуться отсюда в любое

место, которое выберут по своему желанию, а вот в этом мире для них было отведено только одно единственное, хотя и его было более чем достаточно для отдыха, восстановления организма и уединения. Самым же важным стало понимание, что здесь им всегда рады и будут ждать снова, в любое время, правда, со всеми ограничениями, что ранее озвучил Дмитрий Михайлович.

Утром, объединив сознание, двойняшки на несколько часов подряд устроили себе экзамен, пытаясь разговаривать на новом языке. Вначале получалось плохо, но с каждым часом всё лучше и лучше. Когда же решили пойти искупнуться, вообще решили, что всё оставшееся время будут разговаривать между собой только на древнем языке, не стесняясь поправлять друг друга при ошибках.

Поскольку оба знали в совершенстве по три-четыре земных языка, да ещё и на нескольких могли объясниться, стали искать похожие языковые корни, но так и не поняли к какому региону можно соотнести «новый старый» язык. Выяснили только, что некоторые знаки-руны чем-то похожи на древнеарийские, некоторые — на древнеславянские, а вот звучание отдельных слов временами напоминало арабский язык, хотя лишь внешне. Смысл одного слова на двух языках был чуть ли не противоположным.

Ближе к вечеру двойняшки общались на этом языке уже вполне сносно, хотя с написанием рун было всё гораздо хуже. Их точно не могли воспроизвести ни девушка, ни парень, хотя в их идеальную память весь «алфавит» впечатался намертво. Решив, что дома перенесут всё на бумагу и продолжат изучение, на том и успокоились...

--

Лес, в котором они жили, был чист, словно каждый год все опавшие листья убирались с помощью какого-то гигантского пылесоса. А вот с камнями, которых было множество, обстояло несколько иначе. Двойняшки находили как круглые камни, которых было большинство, так и осколки неправильной формы, которые валялись хаотично, непонятно откуда взявшись, поскольку рядом не было ни одного поверждённого валуна. Потратив время на поиски сколов на более крупных камнях, они, так и не получив логического объяснения, переключились на лес.

В первый день Антон боялся, что заблудится, но, как оказалось, сам лес не давал уйти дальше, чем на пару сотен метров от центра, останавливая любопытных мягко, но настойчиво — перед ними возникали непроходимые цветущие заросли кустарника, по типу диких роз, с такими же бутонами, но с невероятно длинными шипами, о которые можно было здорово пораниться.

Двойняшки поняли, что их именно оберегают, а не заставляют сидеть на одном месте, после попытки Арины пройти дальше. Та смело пошла к кустарнику с целью его раздвинуть и пролезть дальше, но, когда девушка протянула руку, что бы отодвинуть от себя колючую ветку, заросли сами раздвинулись, давая дорогу, но в головах у молодых людей появилось чувство сожаления... Когда же девушка отёрнула руку, вернувшись к брату, оба ощутили, словно кто-то непостижимо огромный погладил их по головам, с ухмылкой говоря — «вот, наконец-то поняли, что Вам здесь только добра желают». Ребята тогда переглянулись и одновременно, не стовариваясь, поклонились лесу, мысленно благодаря за доброту и защиту, внезапно ощутив в себе ответную благодарность и улыбки со всех сторон, словно двойняшки находились на сцене огромного театра под взглядами неисчислимого количества невидимых зрителей.

Сегодня, в последний вечер в этом мире, молодые люди решили лечь пораньше, но это

не получилось. Сначала девушка не желала вылезать из воды, не слушая брата, а потом Антон ходил по поляне кругами в поисках камня, на который положил останки спальных мешков, но так его и не нашёл — тот исчез, словно провалился под землю. А там, где до сегодняшнего дня находился огромный валун, была ровная поверхность земли, покрытая высокой травой...

--

Когда уже окончательно стемнело, по привычке легли на пружинящую траву. Арина, закрыв глаза, вдруг предложила.

— Тош. А если мы завтра схитрим — сначала вместе с дедом вернёмся к нему, а потом вновь сюда и уже домой, в город, прямо в квартиру?

— Выдумщица ты, моя хорошая. Хотя в твоём предложении и есть рациональное зерно, но давай вести себя так, что бы кроме нас двоих никто не знал, что можем в любой момент исчезнуть. Даже дед. У нас ведь имеется такой козырь, что узнай кто об этом сказочном месте, будет добиваться проникнуть сюда любым способом. А нам это надо? Не смогу никогда простить себе, если в этом мире с нашей помощью появится кто-нибудь чужой.

— И мне страшно даже от такой мысли, — шепнула девушка. — Не будем рассказывать никому и никогда. Но... мы же вернёмся сюда?

— Вернёмся, если нас пустят.

— Надеюсь, что пустят.

Глаза молодых ребят закрылись сами собой и двойняшки мгновенно отключились, а во сне, словно ожидая этого момента, вновь пришёл образ женщины, что их учила песням. Только в этот раз она не пела, а говорила на древнем языке, делясь знаниями, что были давным-давно утеряны людьми, но являлись основами основ Мироздания.

А под утро, жестом показав, что бы брат с сестрой встали перед ней на колени, поцеловав, торжественно повесила на шею каждому сверкающий маленький знак-символ, похожий на тот, что и сама носила, только у неё он был намного крупнее и сверкал словно маленькое солнце...

То же время. Санкт-Петербург. Одна из съёмных квартир в центре города.

— Пап, — девушка была растроена и казалась растерянной. — Я совсем не ощущаю парня. Такое впечатление, что его нет вообще на Земле. Единственное, что могу сказать — он жив и совершенно здоров, не смотря на то, что его утром ранили. Можешь объяснить как такое возможно?

Мужчина в инвалидном кресле, смотря на дочь, улыбался.

— Прекрати бегать, а то у меня глаза устали наблюдать, как ты носишься с угла в угол. Сядь рядом и давай порассуждаем спокойно и логично.

Когда дочь села по привычке рядом с креслом и взяла одну руку отца в свои, мужчина погладил другой по голове девушки.

— Не переживай так. Чувствую, что они скоро вернуться. Откуда? Не знаю. Могу лишь предположить, что есть у них возможность проникнуть в другой мир.

— Ты думаешь, они способны «скользить»?

— Не знаю, дочка, но их внезапное исчезновение и, как ты говоришь, необъяснимое исцеление, наводят именно на такие мысли. Мы, например, можем перемещаться между мирами только с помощью своей аппаратуры. Узнав же уровень технологического развития этой земли, уверен, что живущим здесь до нас далеко, поэтому и создать подобную технику местные не смогут ещё несколько сотен, если не тысяч лет. Так что остаются два варианта

— или они умеют «скользить» между мирами или владеют какими-то иными способами перемещения, о которых мы не догадываемся. Ты сама знаешь, что здесь имеются «воронки» между мирами, но они, в большинстве своём, одностороннего действия, так что этот вариант, как самый простой, отбрасываем. Успокойся, милая. Нам на данный момент ничего не остается, как только ждать. Хотя, как вижу, тебе нужно ещё что-то мне сказать. Я прав?

— Да, пап. Я до сегодняшнего дня пару раз ощущала, а несколько часов назад убедилась совершенно точно — в этом мире есть ещё кто-то из наших соплеменников.

Мужчина вздрогнул всем телом и подался в кресле вперёд, хотя почти сразу вновь откинулся на спинку.

— Подробно и в деталях.

— Не могу, к сожалению. Когда мы жили в Москве, я ощутила дважды присутствие родной крови. Помнишь, на последнем курсе Академии был предмет по...

— Как не помнить, когда сам ввёл несколько лет назад этот предмет в учебный план. Со мной в ректорате спорили, доказывая, что обнаружить и почувствовать такое нереально, тем не менее... Слушаю дальше.

— В первый раз ощутила присутствие человека с родственной кровью в Москве около месяца назад. Пыталась его привязать к определённом месту, но тот передвигался постоянно, надолго нигде не останавливаясь, а потом исчез... Второй раз я почувствовала его именно тогда, когда близнецы приезжали в Москву.

— Двойняшки, а не близнецы. Я тебе уже не раз объяснял различие...

— В данный момент это не существенно. Любопытно другое — отслеживая перемещение наших подопечных и, назовём его, «родственником», я поняла, что некоторое время, совсем непродолжительное, они были вместе, понимаешь? Потом тот, о котором я говорю, вновь исчез. Наверное, улетел на самолёте.

— Хочешь сказать, что они знакомы?

— Именно. В ином случае не находились бы в одной точке больше часа. Совпадение исключаю. И вот сегодня вновь почувствовала родственную кровь совсем рядом. Но и в этот раз тот сразу после появления уехал из города. И знаешь куда?

— Не испытывай моего терпения, дочь.

— Туда, где пропали бли... двойняшки. В данное время он именно там. Его отметка не двигается. Это место это от нас недалеко — всего лишь пара сотен километров. Какой-то областной город.

— Сегодня они общались? Я имею в виду до того момента, как ты потеряла пару?

— Нет, не общались. По времени — разминулись совсем чуть-чуть.

Старик задумался, по привычке закрыв глаза, но пальцы его левой, живой руки, стали отбивать на подлокотнике кресла какой-то замысловатый ритм.

— Пап, ты думаешь, что...

— Твой папа обязан думать, и он думает всегда, иначе не был бы ректором Академии Звёзд. Так... Как ни странно, в данный момент меня более заинтересовал именно НАШ человек. Ты можешь что-то дополнительно сказать?

Девушка замолчала, закрыв глаза, стараясь вспомнить детали.

— Информации мало было, да и контакт коротким. Я ведь случайно на него натыкалась каждый раз — все силы и внимание уходило на контроль за интересующей нас парой.

— Тем не менее. Хоть что-то конкретнее?

— Папа. Будешь смеяться, но у меня сложилось впечатление, что это не один из

участников нашей экспедиции, которых разметало по множеству миров и-за аварии с привязкой. Этот человек, как бы точнее выразиться... Он, только прошу, не смейся, или наш предок или потомок. Скорее первое, потому что отклик был ярче, чем от наших сограждан. Понимаешь о чём я? Когда изучала «Отклик крови», мы работали в парах с однокурсниками. От них отклик был постоянным, обычным. Я бы даже сказала, тусклым, а вот от этого человека, кем бы он ни был, был таким, словно в моём сознании солнце засияло. Вспышка и... тепло по всему телу, и чувство счастья внутри.

— Интересно. Похожее я сам испытал единственный раз, когда мы пробили путь на давным-давно потерянную Родину, откуда бежали наши предки при нападении иномирцев. Тогда, в День Исхода, если помнишь из истории, на планете было создано пять переходов в иные миры, куда производилась эвакуация населения. Вскоре проходы были запечатаны... Прошло много столетий и лишь когда наука вернула свой уровень, два мира с нашими соплеменниками были обнаружены. Это, как ты понимаешь, Орвон и Тратик, а два других, увы, до сих пор так и не найдены... Что касается нашей прародины, то лишь спустя много тысячелетий, совместными усилиями физиков трёх планет, удалось сделать «пробой» и твой отец был в составе той самой единственной экспедиции. Именно на прародине я и почувствовал самый яркий отклик крови. К всеобщему сожалению, наша родная планета была давным-давно опустошена и разграблена завоевателями, а те несколько сотен чудом уцелевших, точнее, их далёких потомков, скатились в своём развитии до полудикого состояния, потеряв не только основы знаний, не говоря уже о науке, а даже забыв основы родного языка. Потомки жили в пещерах, добывая еду с помощью деревянных палок. Что-то копали в лесах и полях и сразу же съедали. В них, как мы поняли, не осталось ничего общего с нами, полная деградация. Когда же провели исследования почвы и воздуха, достоверно убедились, что наш изначальный мир умирает и вскоре на его поверхности не останется вообще ничего живого. Так что и созданный проход был запечатан навсегда, а изначальная Родина останется в воспоминаниях ныне живущих лишь как красивая легенда...

Мужчина тяжело вздохнул, вспоминая те ужасы, что увидел на прародине.

— Вот что, дорогая. Давай-ка все свои силы брось на поиски нашего «родственника». Вдруг получится с ним встретиться и переговорить. Есть надежда — раз у тебя сработало это чувство, может и он что-то подобное ощутил? Не уверен, что именно «Отклик крови», но вдруг у неизвестного появится интерес к своему внутреннему состоянию...

То же время. Приозерский район Ленинградской области. Коттеджный посёлок на берегу Ладоги.

Свар, приехав по приглашению Кати в её загородный дом, очень расстроился от новостей, которые на него вылили друзья, словно ушат холодной воды. Ранение мальчишки и его непонятное исчезновение вместе с сестрой, лишили Древнего спокойствия. Когда на территорию коттеджа вернулась машина с водителем, что увёз в непонятном направлении ребят, Свар хотел было вытрясти из него душу, что бы немедленно последовать за пропавшими, но неожиданно на его пути встала Катя, мягко, но твёрдо настояв, что знает о местонахождении родственников. На все вопросы лишь улыбалась, не пожелав делиться информацией ни с кем, даже с родителями двойняшек, успокоив, что ТАМ ребятам в данный момент будет намного лучше и рядом с ними находится человек, которому она сама может доверить не только свою жизнь, но и жизнь своих детей.

Свар метался по дому не находя места от несправедливости, почему-то решив для себя, что он-то точно помог бы парню, но все его стенания и мольбы разбивались о непреклонное

молчание Кати.

Уйдя на берег Ладоги, стараясь загасить тревогу в душе, Древний ощутил внезапно в себе какое-то непонятное чувство, словно его звали издалека родственники. Даже не его конкретно, а всех, кто был из Первых на этой Земле. Мужчина вначале отбросил глупую мысль, хотя уже не в первый раз ощущал в себе подобный зов, приезжая в Москву по делам. Но тогда его словно «мазнули» мимоходом, а вот сейчас это чувство стало вполне навязчивым.

— *«Неужели кто-то из моих соплеменников очнулся и, по моему подобию, обрёл вторую жизнь? Маловероятно. Хотя... если мне это удалось, то почему так резко отмечаю мысль, что где-то есть ещё подобный человек?»*

Как говорили его родители, в каждом из живущих на ТОЙ Земле, было сильно развито единение между людьми. Что это было за чувство, ему родители так и не смогли или не захотели рассказать, но ясно помнил слова мамы, что кровь у всех живущих была нечто большим, чем просто жидкость в организме. Он и позже неоднократно слышал такие слова, как «близость» крови или «родставенная» кровь, но в дебри познаний не лез, так как было много другого, о чём приходилось думать в первую очередь, и что было более важным, чем погружаться в нечто философское. Правда, в первое время, когда после Исхода гибли люди, что вместе с ним оказались на чужой Земле, он ощущал краткую боль во всём теле, словно его сводила судорога. Чуть позже стал воспринимать смерть соплеменников всё спокойнее и спокойнее, уже не реагируя так остро. А сейчас, размышляя, вновь отверг мысль о своих возможных соплеменниках времён Исхода, поскольку тело, в котором он находился, было совсем не тем, в котором могла среагировать родная кровь. Ведь та была не его, а совсем уж чужая, как и само тело. Свар вспомнил, что уже не раз пытался вернуть свой первоначальный облик, но, несмотря на свои знания, да и помощь современной медицины и врачей Братства, в большей части всё осталось прежним, разве что удалось изменить чужой организм к своему, изначальному, в мелочах, о которых знал только он.

Мужчина затряс головой, отгоняя ненужные на данный момент мысли.

Успокоившись и вернувшись в коттедж, застав на кухне Катю, снова дёрнулся.

— Катюнь. Есть новости?

Женщина улыбнулась и пристально посмотрела своими зелёными глазами в глаза Свара.

— Ты меня уже измучал своими вопросами. Сколько можно? Давай договоримся — я САМА скажу, когда будет что-то известно. Хорошо?

— Ой, — тяжело вздохнул Древний, сев на стул в кухне, резко выдохнув и обмякнув, словно из него вынули стержень. — Был бы здесь, помог бы. Чувствую это, и делай со мной что хочешь.

— Сварушка, дорогой. Хватит и самому мучиться и меня изводить. Может быть, и помог бы, а может, и нет. Сестрёлка Антона сделала всё возможное, что бы поддержать брата. А она на данный момент обладает куда большими силами, чем ты, поверь. Так что возьми себя в руки. Лучше скажи — что с Олежкой? Он, как уехали ребята, в какой-то прострации или в бешенстве на самого себя. Ходит по дому и постоянно бурчит себе что-то под нос, но на наши вопросы не желает отвечать. Вот ты, если уж так хочешь приложить силы, помог бы ему. Он ведь тебе доверяет...

Свар вскочил на ноги, мазнув в поцелуе по щеке Кати и умчался в поисках Белого.

— Вот же второй балбес на мою голову. Так же мечется по дому, пугая всех вокруг, как

и мой. С ума все посходили.

Катя задумалась, открыв кран и подставив чайник.

— *«Если деда не поможет, то Тошке вообще никто не сможет помочь на этой Земле, но знаю, чувствую сердцем — всё будет хорошо!!! И где тот пропадал столько лет? Ни слуху ни духу, а вот именно сейчас, совершенно внезапно, оказался рядом, словно ангел-хранитель нашей семьи спустился с небес. — «Деда!»* — женщина подняла голову к потолку, не чувствуя, как по её ногам течёт вода, — *«Помоги ему. Прошу тебя!»*

— Мам, — женщина вздрогнула и очнулась от детского голоса. — Что с тобой, мамочка? Ты весь пол залила.

— Ой! — Катя резко выдёрнула чайник из-под крана, увидев, что из носика вода течёт прямо на пол. — Прости, Славена, задумалась как там наши ребята.

— Мамусь. Давай пол вытирать, а то воды уже много натекло. Потом поговорим.

Катя посмотрела на серьёзную дочку, которая металась по кухне с тряпок, убирая следы состоявшегося потопа. Улыбнулась, глядя на свою помощницу, и тоже подключилась к внеплановой уборке.

Чуть позже, посадив дочь на колени, сидели на кухне, ожидая, когда пол чуть подсохнет, и пили чай с пирожными, привезённые дедом, что остались не съеденными после позднего ужина.

— Мам, не волнуйся, — девочка была серьёзной как никогда. — Я вот их чувствую здесь, — и ребёнок показал на свою голову. — С ними всё хорошо. Они купаются целыми днями и загорают.

— Какими это «целыми днями»? — оторопело переспросила женщина, пытаясь заглянуть в глаза дочке, которая крутила головой, не желая показывать лицо маме. — Они ведь как пару часов назад уехали. Я не поняла твоих слов. Ну-ка давай рассказывай.

— Мам, — девочка подняла глаза на Катю и та отшатнулась — глаза ребёнка были почти чёрными, но через миг стали обычными. — Прости, мам, но мы с братом чувствуем Ринку и Тошку, словно они в соседней комнате, понимаешь?

Катя, немного оправляясь от первоначального испуга, попыталась говорить ровно.

— И с каких пор Вы стали такими... ну, я имею в виду, с каких пор вы стали следить за своими родственниками?

— Мам, мы не следим специально, правда. Ну... иногда... интересуемся их делами.

Девочка опустила глаза и смутилась.

— Мы скучаем по ним очень, а встречаемся редко. Мы не специально, правда, но вот иногда...

— Ты хочешь сказать, что забираешься вместе с братом к ним в головы? ТАК???

Славена совсем сникла, понимая, что сказала намного больше, чем нужно.

— Мамочка, ты только не ругайся. Пожалуйста. Мы, правда, не специально. Так получается... И не рассказывай никому, особенно ИМ. Прошу тебя.

— О-бал-деть... — Катя смотрела с изумлением на дочь, которая ёрзала на её коленях, пытаясь улизнуть с кухни, но мама крепко держала её двумя руками.

— И что Вы, поганки, сумели подсмотреть? — Катя с улыбкой посмотрела на ребёнка.

— Мам. Они в настоящей сказке, представляешь? Там всё волшебное — трава, кустики, деревья. Они все разговаривают между собой мысленно, ну... как я с братом... когда можно. А по ночам к старшим приходит самая настоящая волшебница, которая поёт песни и учит их совсем другому языку. Мы бы тоже научились, но ТАМ всё происходит быстро-быстро, всё

мелькает, как в мультике на перемотке, не успеваем ничего понять. А сегодня ночью Тошке и Ринке подарили очень красивые медали... нет, знаки на цепочке. Они светятся в ночи как маленькие солнышки. Там изображён такой кружок, а на нём пружинка и символы. Они не одинаковые у Тошки и Ринки и... очень красивые. Вот мне бы такой... А хочешь, я тебе нарисую тот, который мне больше понравился?

Девочка, не дождавшись ответа мамы, вырвалась из её рук и вихрем унеслась на второй этаж в свою комнату, что бы через несколько минут вернуться и сунуть в руки Кате листочек бумажки с непонятным символом.

— Я запомнила лучше тот, что Тошке подарили.

Катя пыталась понять изображение на рисунке, но в тот же миг у неё стала кружиться голова. Отодвинула в сторону лист — всё пришло в норму. Вновь посмотрела на рисунок — и вновь всё стало расплываться перед глазами.

— Мам. Тебе плохо? — с тревогой спросила девочка, обнимая маму руками. — Давай я тебе помогу дойти до комнаты, и ты ляжешь на кровать. Давай?

Катя положила рисунок на стол и, подняв девочку руками, приблизила её лицо к своему.

— Я очень прошу тебя, милая, об одном. Прекратите заниматься подглядыванием за своими родными. Мне совсем не хочется, что бы Ваши взрослые друзья-приятели, внезапно обнаружив Ваш интерес, не сделали бы так, что бы общение между Вами прекратилось навсегда. А такое вполне вероятно. ТЫ ЭТОТ ПОНИМАЕШЬ?

— Они не посмеют, — возмущённо возразила Славена, а потом, внезапно обмякнув в руках мамы, жалобно продолжила. — Мы же ничего плохого не сделали. Мы их любим очень и волнуемся за них. Вот сегодня, если могли бы хоть чуть-чуть помочь, думаешь, не помогли бы? Мы с братом готовы всю свою кровь отдать, лишь бы ОНИ были здоровы. Мы готовы все силы отдать, и даже жизнь за них.

— Хорошие, добрые и правильные слова, — раздался голос от дверей и, спросив разрешения войти, к Кате подошёл Свар, подхватив девочку, подбросил её к потолку несколько раз, слыша радостный писк, но... случайно его взгляд упал на детский рисунок и Свар оцепенел.

— Это что?... Откуда?... Кто нарисовал Знак?

Голос мужчины звучал хрипло и натуженно. Создавалось впечатление, что его горло с трудом пропускает воздух. Руки же затряслись и мужчина с невероятным трудом нагнулся, ставя девочку на ноги.

— Катя, Словена. ЗНАК... ОТКУДА???

Девочка, видя состояние мужчины, зашла за спинку стула, спрятавшись за маму. Та, жестом указав, что бы мужчина не нависал над ней, а сел на другой стул, поинтересовалась.

— Свар. Ты сначала сам поясни — отчего такая паника и ужас в твоих глазах? Да и вообще, постарайся успокоиться и объяснить что здесь изображено.

— Здесь. Изображён. Знак. Власти. Создателей. Первых. Из. Первых.

Каждое слово звучало отдельно от других, словно мужчина с невероятным трудом выдавливал их из себя.

— И что такого страшного, что тебя, воина, могло напугать? Это ведь только детский рисунок, не более.

Катя сказала и сразу же поняла, что ляпнула больше, чем нужно, увидев, с каким ужасом Свар посмотрел на Славену, тут же стараясь сгладить свой промах.

— Свар, дорогой, попей воды и объясни мне и дочери — чего в этом рисунке такого,

что ты превратился в маленького мышонка из большого слона, лишь разглядев на бумаге что-то известное лишь тебе?

Девочка хихикнула за спинкой стула, но оттуда так и не вылезла, стараясь вообще быть невидимой.

Мужчина подошёл к крану и, открыв, не стал пить, а, засунув голову под струю холодной воды, замер без движения. Через несколько минут слегка ожил. Закрыв кран, но голову из раковины так и не вынул.

Смотря на Древнего, Катю стал разбирать смех. Она до последнего держалась, но всё-таки не выдержала и сначала тихо захихикала, а вскоре и просто стала хохотать в голос, смотря на этого «страуса», который от страха спрятал голову в раковине.

Услышав смех, Свар сначала приподнял в раковине голову и посмотрел на Катю одним глазом, а уже потом выпрямился во весь рост. С мокрой головы текла вода, но мужчина, кажется, этого совсем не замечал, с удивлением смотря на хохочущую в голос женщину.

— И что я сказал такого смешного, что вызвало у тебя столь бурную реакцию? — произнесённые слова были пропитаны нескрываемой обидой.

— Так со стороны всё выглядело именно что смешно, — успокаиваясь, ответила женщина. — И твой страх и голова в раковине, да и вообще всё... Ты пришёл в себя? Если да, можешь тогда объяснить — в чём источник твоего ужаса?

— Ты правильно подобрала слово — ужас. Именно он, как ничто другое, характеризует появление вот таких знаков на Земле, — палец мужчины был направлен на стол, где лежал детский рисунок. — Я прекрасно помню его изображения в Центральном музее нашего города, так же и всё, что с этим связано.

— Что конкретно, можешь сказать?

— Когда этот символ появляется на Земле, это означает, что жизнь на планете подходит к концу. Это означает, что население планеты погрязло в ошибках и находится в тупиковом развитии. Это означает, что всё население планеты подлежит уничтожению. Это означает, что....

— Стоп-стоп-стоп. — Катерина встала и, сняв с вешалки полотенце, сунула в руки мужчине. — Будь добр, вытрись, а то с тебя на пол натекло. То ли слёз, то ли вода с головы, а может и... Ладно, шучу. Дело в том, что мы с дочкой только что вымыли пол, а сейчас, как погляжу, вновь придётся заниматься уборкой. Хотя... Я вот дам тебе тряпку — ей и уберешь за собой.

Свар послушно закивал, а Катя и в самом деле достала из тумбочки тряпку, которой мужчина быстро убрал за собой следы очередного потопа.

— А ты уверен, что это именно тот знак, который видел в детстве, в точности совпадает с рисунком дочери? Может есть отличия, который ты в панике не заметил? Знаешь что, а давай поступим иначе. Милая, — она обратилась к дочери, — принеси сюда, пожалуйста, ещё один лист бумаги и карандаш. Дядя Свар нарисует тот знак, который он помнит, а потом мы его рисунок сравним с твоим.

Девочка кивнула и унеслась с кухни, что бы метеором вскоре появиться на том же самом месте, протягивая бумагу и карандаш мужчине.

— Я не могу посметь нарисовать этот знак. Это будет означать, что именно я навлék беду на человечество, призвав Создателей.

— Свар, хватит придуриваться, — Катя стала разговаривать с мужчиной жёстко, видя его безвольное состояние. — Садись и рисуй, ЖИВО! А всю ответственность беру на себя

клянусь богами.

Древний послушно сел и стал рисовать. И выходил у него рисунок какой-то необычный — он был даже не трёхмерным, а, казалось, что тот вообще живёт сам по себе.

— Ты прекрасно рисуешь, — удивилась женщина. — Если бы захотел, то мог бы добиться самых высоких результатов. Тебе о твоём таланте никто не говорил?

Свар застенчиво улыбнулся и такое выражение на лице Древнего Катя увидела впервые — словно из-за маски повидавшего всё и вся возможное в жизни, робко выглянул маленький стеснительный мальчик ...

— Я и раньше рисовал и ТОГДА рисовал. Родители меня хвалили, а несколько набросков даже были размещены в нашем центральном здании. Ну... там находились самые главные руководители. Не Старейшины, конечно, но лучшие из достойных... Один из них тогда заметил, что у меня талант и его надо непременно развивать. Позже, уже здесь, тоже иногда портил бумагу, пытаюсь по памяти нарисовать свой дом и родной мир, но выглядело это намного хуже, как-то смазанно. А вот портреты моих соратников, жен и детей получались очень неплохо. Там все выглядели копиями живых.

— Да, де-ла-а... — протянула Катя. — Значит так. Бумага у нас есть, поэтому попрошу, коль у тебя выдалось свободное время, не бегай попусту по дому и не отрывай всех от дел или отдыха, а просто сделай эскиз каждого, кто сейчас в доме.

— Прости, что сделать? — ещё больше смутился Свар.

— Эскиз — это черновой набросок для будущей картины, — с умным видом сказала девочка и вновь спряталась за стул.

— Ну, вообще-то не совсем правильно. — Катя поправила ребёнка. — Эскиз делается не только для картины, а вообще — это черновой набросок какого-то образа. Может быть изображена авторучка, может будущий город или какая-нибудь скульптура или... Вообще, ты понял, да?

— Хорошо, — послушно согласился Свар и протянул руку за первым рисунком, не отпуская из своей руки свой.

— Так не честно, — выскочила из-за стула девочка и упёрла ручки в бока. — Клади оба рисунка на стол. Рядом положи. Мы все вместе будем их сравнивать. А лучше будет, если мама вообще первая посмотрит. Так будет правильно.

Свар положил свой рисунок на стол и шутливо поднял ладони вверх — мол, сдаюсь и не спорю.

— То-то же, — проворчала нахмурившаяся девочка и, вновь забравшись к маме на колени, сдвинула рисунки вместе и взяла в руки карандаш.

После короткой паузы, в течение которой все трое тщательно рассматривали рисунки, сравнивая их между собой и ища отличия, карандаш стал передаваться из рук в руки и каждый отметил на рисунке Древнего то, что их отличало. В итоге рисунок мужчины стал напоминать просто поле кружочков, за которым терялся первоначальный рисунок.

— Убедился? — с улыбкой спросила Катя после многоминутного исследования.

— Да, убедился, — со вздохом облегчения произнёс Свар. — Много различий, причём существенных. Я уже не упоминаю, что спираль, на которую нанизаны все остальные фрагменты, на этих рисунках направлены в разные стороны.

— А я это сразу заметила и догадалась об основном смысле символов. А вот ты сам-то понял главное?

— Если это не символ смерти, значит противоположное — жизни? Я прав?

— В целом, да, но обрати внимание и на детали. На рисунке моей дочери не хватает множества элементов, чуть ли не половины твоих. У тебя рисунок, словно законченное произведение, а у нас так, именно что набросок. И ещё, дорогой ты мой. Возьми в руки рисунок дочери и постарайся всмотреться в него и понять смысл.

— СМЫСЛ?

— Здесь малыш, который на тебя смотрит. Неужели не дошло?

— А... — мужчина поднял со стола рисунок девочки и поднёс его ближе к лицу, пытаясь понять смысл, что заложил создатель этого символа.

Катя увидела, как глаза мужчины расфокусировались почти сразу же, поэтому, сняв дочь с колен, встала и сделала шаг к стулу, на котором сидел Свар и... едва успела подхватить Древнего, когда тот стал заваливаться, помогая принять первоначальное положение.

— Это что такое? — через несколько секунд спросил ошеломлённый Свар, очумевшими глазами глядя на Катю и девочку. — Меня словно затягивало туда, в глубину, манило чем-то сказочным и несбыточным... Я в эти секунды будто вновь прожил обе своих жизни и, как мне показалось, где-то там, далеко-далеко, — он ткнул пальцем в рисунок, — был ТОТ, кто их оценивал, разделяя всё совершённое мной, на добро и зло.

— Дядя Свар. И чего получилось больше? — девочка заинтересовано подошла ближе и заинтересовано заглянула в глаза мужчине.

— Мне трудно судить себя, но, как мне показалось, добра было больше, как ни странно. Ведь не всё зло, что я совершил в жизни, по сути, являлось именно что злом. Да... Удивили Вы меня... Можно вопрос? Конечно, если пожелаете мне ответить.

— Откуда в голову Словены пришёл образ этого рисунка? Извини, но в данный момент позволь промолчать. Хотя могу предположить, что этот знак ты вскоре увидишь воочию.

— Значит это что-то связано с ребятами? — Свар грустно улыбнулся. — Я всегда чувствовал, даже когда они были ещё совсем детьми, что эта парочка будет необыкновенной во всём. Что ж, больше вопросов нет. Подождём вместе известий о сосотоянии Антона и Арины. А пока...

— А пока, дядя Свар, пожалуйста, начни выполнять своё обещание. Мам, меня первую дядя рисует, хорошо?

Девочка залезла на стул, где до этого сидела её мама и постаралась изобразить на своём лице одновременно гамму разных образов и настроений — и грусть, и тоску, и печаль, и радость и... вообще непонятно что...

Свар в удивлении посмотрел на ребёнка, а потом, протянув руку, нежно пощекотал девочке пятку и...

Дождавшись, когда ребёнок прекратит хохотать, мужчина быстрыми штрихами набросал образ, а вот дальше, как увидела Катя, стоявшая сбоку от Древнего, начал работать ХУДОЖНИК. Каждое нажатие карандаша было именно там, где нужно, а лёгкие штрихи, вроде как случайно нанесённые на бумагу, вдруг оказались замысловатыми кудрявыми локонами девочки....

Когда Свар закончил и положил на стол карандаш, Катя громко выдохнула — ей показалось, что вообще не дышала всё время, боясь помешать мужчине творить. Женщина не могла глаз оторвать от рисунка, точнее, портрета, сделанного простым карандашом, но этот рисунок был словно живой — при малейшем наклоне бумаги казалось, что глаза девочки сами собой моргают, а её губки вот-вот откроются, что бы что-то сказать...

Славена тихо опустила со стула и, робко подойдя к мужчине, заглянула и... замерла.

Потом, поднявшись на цыпочки, ткнула губами куда-то в область шеи мужчины и, обняв его тонкими ручками, крепко прижалась.

— Спасибо тебе, — прошептал ребёнок, по щекам которого покатались слёзы. — Если ты мне подаришь его, я буду самой счастливой на свете. Подари, прошу.

Древний даже испугался проявления таких чувств от ребёнка. Аккуратно обнял её одной рукой и прошептал тихо в ушко девочки.

— Малыш. Я тебе честно признаюсь — увы, не смог передать и сотой части того, что в тебе есть. Ты намного-намного лучше, чем на рисунке. Поверь. Я тебя не обманываю. А рисунок, конечно же, твой — я ведь именно для тебя и рисовал.

Словена вновь поцеловала мужчину и, аккуратно взяв из его рук лист бумаги, держа его чуть ли не на вытянутых руках, торжественно, но, в тоже время, и с какой-то непередаваемой грустью, понесла в свою комнату.

--

Через пару минут на кухню заскочил встревоженный мальчуган, сжимая кулаки и, насупившись, исподлобья произнёс.

— У меня два дела. Первое — дедушка просил на несколько минут ножик или отвёртку. И второе. Зачем Вы обидели мою сестру?

Катя недоумённо переглянулась со Сваром.

— Мы не обижали её ничем, честное слово.

— А почему она тогда закрылась в туалете и горько плачет? Мама, ты сама знаешь, что Славку просто так не обидеть. Значит, ты мне говоришь неправду?

— Слав. Я тебе клянусь — мы ни слова обидного девочке не сказали.

— И я тебе клянусь, — поддержал Катю мужчина. — Мы её не обижали, да и как можно обидеть такое чудо из чудес?

— Вы правду говорите? — не унимался мальчик. — Мы с сестрой всегда друг за друга стоим, поэтому если Вы её обидели, значит и меня.

— Да успокойся ты, настырный. Говорим же — не обижали её, — Катя достала из стола небольшой ножик и протянула сыну. — Иди, отнеси деду то, что он просил. А зачем ему нож, не говорил?

— Нет, — мальчик был серьёзен. — Славка сначала к дедушке зашла, а потом в туалете заперлась.

— Иди, малыш, — улыбнулась Катя. — Я сейчас подойду и всё вместе выясним. Договорились?

Мальчик кивнул и ушёл.

Катя улыбнулась, проводив взглядом сына и обернулась к мужчине. Выражение её лицо стало серьёзным.

— Вернёмся к насущему. Ты понял состояние Олега?

Свар в смущении опустил глаза.

— Понимаешь, Кать. Не столь трудная задача определить что творится с Белым, хотя, как её решить щадящим способом, увы, не знаю. В двух словах следующее — все мысли и бред, что появлялись в голове Олега во время комы, он перенёс на действительность. Прости, наверное, сумбурно объяснил. Попробую сформулировать иначе... Вообще, дело обстоит так — мысли, бредовые видения воспалённого сознания он принимает как реальность прошедших лет. И сейчас не может разделить — что было на самом деле, а что нет. И на двойняшек спроецировал именно свои бредовые видения. Что странно — он сам это

осознаёт, поэтому и злится. Злится на себя. Пытается разобраться, но, в итоге, запутывается ещё больше. Как ему помочь? Есть способ — надо лишить его тех, вымышленных, воспоминаний. Как это сделать, в принципе, знаю, но вот силёнок у меня не хватит. Тут нужно задействовать двух-трёх хороших психиатров или менталов. Ну, или... наших ребят. Думаю, что с помощью Арины и Антона вполне справлюсь с этой проблемой. Просто заблокируем часть его памяти. На общем состоянии здоровья Белого это никак не скажется. Единственный минус — он всегда будет чувствовать провал в памяти, хотя и понятно — кома есть кома. Но с осознанием своей беды он, надеюсь, со временем справится.

— Свар, — Катя была подавлена сказанным, хотя и сама последнее время замечала странности в поведении супруга. — Но Антон с сестрой, как сам знаешь, никогда не лечили болезни, связанные с мозгом. Это для них табу. Отказывали всем, даже если было малейшее подозрение на инсульт или психические расстройства. А тут предлагаешь им работать с мозгом напрямую? Они откажутся, уверена на все сто.

— Не откажутся, Катя. Олег для них не чужой, да и я очень-очень попрошу. Надуюсь, что мне-то они точно не откажут.

— Хотелось бы верить. Ладно. Разговор отложим до возвращения ребят, а там посмотрим. Ты посиди пока здесь, а я пойду разберусь со своими малышами.

--

Всё бы ничего, но спустя полчаса дом стоял на ушах в полном смысле слова.

Из кухни Свара силком перетасили в самую большую и светлую комнату коттеджа и заставили его рисовать портреты всех, кто был в доме. Даже задействовали Фёдора, водителя, которого, растолкав от сна, чуть ли не силой затащили в дом и усадили на стул. А чуть позже, бережно прижимая к себе лист бумаги со своим портретом, мужчина вернулся в машину и долго сидел, не отрывая взгляда от своего изображения, что-то шевеля губами и порой смущённо улыбаясь.

* * *

К слову, через пару часов, несмотря на позднее время, Сергей Павлович съездил в город и привёз оттуда самый настоящий мольберт, а ещё кучу цветных карандашей, красок, кистей и много листов бумаги разного формата, торжественно вручив перед выстроившимися в ряд членами семейства.

Древний смущённо разбирал свалившееся на него богатство, особенно тщательно пересмотрев и пересчитав множество тюбиков и баночек с краской и кисти разной длины и толщины. Потом всё разделил на две неровных части и большую отодвинул от себя.

— Свар, милый, — Настя приобняла мужчину. — Ты что, не умеешь пользоваться красками?

Тот замотал головой.

— Нет, Настя. У меня и карандашей-то не было. Запасы, что имелись, быстро закончились, а потом рисовали угольками. Чуть позже стали делать жалкое подобие карандашей — только цельных, без дерева. Детям хватало, да и нашим писчим тоже, а для баловства как-то и не думали что-то делать. До художеств ли было?

— Но сейчас, дорогой, давай-ка изучай все премудрости. В город приедем — познакомлю тебя с человеком, который поможет справиться с твоими проблемами. А сейчас, если не устал, начинай работать. Чем больше будешь творить, тем в дальнейшем будет лучше получаться.

— Вам на самом деле нравится то, что я делаю? Или это ради лести?

— Какой же ты глупый, хоть и Древний, — Катя обняла за шею мужчину и поцеловала его глаза. — Ты разве не видишь, что мы просто в шоке от твоего таланта. Понимаешь? ТАЛАНТА!!! У тебя дар, данный свыше, а ты всё время занимался совсем не тем, чем должен был. Всё понимаю и помню все рассказы о твоей жизни, но с сегодняшнего дня считай, что приоритетом на дальнейшее стало именно твоё детское увлечение. Вот так вот. Поверь, воинов вокруг много и тебя заменить могут многие, а вот человека, который обладает способностью рисовать трёхмерные рисунки, а чаще и с линейной перспективой — увы, нет. Нет не только у нас, но, скорее всего, и нигде больше. И ещё. Израсходуешь всю бумагу — купим новую. Главное — твори и рисуй то, что хочешь. А в городе, так думаю, покажу сначала твои рисунки своему хорошему знакомому, а чуть позже, ну, через месяц-два, организуем твою персональную выставку. Поверь — если не показать народу твои работы, то вообще возникает вопрос — кого тогда выставлять?

— Катя. А можно без выставки и публичности? — заискивающе спросил Свар.

Та на пару секунд задумалась, потом выдала вердикт.

— Не хочешь публичности? Не надо. Придумаем тебе псевдоним и твои картины будут висеть в Галерее под вымышленным именем. Устроит?

— Да, — обрадовался мужчина.

— Вот и ладно. Так что с сегодняшнего дня ты — вольный художник. Только об одном прошу — не забывай есть и спать.

Все вокруг искренне засмеялись, вновь вгоняя в смущение Свара.

--

И со следующего утра Древний выпал из общей жизни, всё свободное время проводя то в лесу, то на берегу Ладоги, любуясь природой и рисуя действительность, но на бумаге выходило совсем иное — самый обычный камень в воде на его рисунке выглядел ожившим доисторическим существом, а немного искривлённая сосна в лесу превращалась в сказочный персонаж и... многое-многое другое.

Он стал рисовать, пытаясь наверстать упущенные годы, напрочь уходя от реальности, наслаждаясь самим процессом, а не тем, что выходило из-под его талантливой руки. И как-то раз, встав ещё в сумерках, зайдя в сосновый лес, потянувшись и глубоко вздохнув, понял, что за все годы обеих жизней наконец-то безгранично счастлив, занимаясь именно тем, к чему его всегда тянуло.

Неизвестный мир. Седьмой день.

Проснувшись, когда ещё солнце не поднялось над деревьями, Антон с сетрой, сбегав к озеру и наплававшись до одури, желая впрок запастись здоровьем, бегом отправились назад на поляну. Там, помедитировав, завалились на траву, бездумным взором глядя в небо. Говорить о чём-то совсем не хотелось, вот только медальоны из сна не давали покоя, ведь то им не приснилось — они наяву висели на груди у каждого. После пробуждения, осознав их физическую реальность, немного поразглядывав и сравнив между собой, поняли, что хотя количество символов и было одинаково на обоих медальонах, но те разительно отличались своим содержанием, да и направление спиралей, на которые были «нанизаны» руны, пронзённые основной нитью, было прямо противоположно. Так же случайно выявили и другое свойство — если соединить медальоны тыльной стороной — они начинали отталкивать друг друга, словно были разными полюсами одного магнита.

Чуть успокоившись от первоначального возбуждения, попытались разобрать смысл рун, насколько позволяли знания, но и тут возникли разногласия в деталях, хотя общий смысл стал более понятен — у Антона был медальон с основными рунами справедливости и равновесия, а у сестры — жизни и созидания. К тому же, как двойняшки разглядели, на медальонах имелось и вообще множество других, еле видимых, более мелких рун, которые было не разобрать. Решив, что займутся более детальным изучением подарков уже дома, в спокойной атмосфере, имея под рукой написанный на бумаге «алфавит» неизвестного языка из снов, просто стали ждать появления Дмитрия Михайловича.

Шло время, а старец всё не появлялся. И только двойняшки решили вновь вернуться на маленький пляж, сделав уже в ту сторону несколько шагов, как за спинами раздался знакомый голос.

— Доброго дня Вам, молодёжь. Соскучились?

Антон переглянулся с сестрой и заулыблится.

Их реакцию старик понял как надо.

— Ну да, — улыбнулся пожилой человек. — Сказали бы, что соскучились — по факту б обманули. Не сказали бы — посчитали, что меня этим можно было обидеть. Ладно, мои хорошие. Всё понимаю и не буду уточнять. Вижу, что юноша оправился и чувствует себя хорошо. Это прекрасно. Да и ты, девочка, постройнела, хоть и до этого была красоткой хоть куда. Что, готовы к возвращению? Да, кстати, не забыли сделать что я просил? Имею в виду спальные мешки и бутылки? Негоже здесь оставлять чуждые миру предметы.

— Дедушка. А от спальников вообще ничего не осталось.

Антон в в кратце рассказал, во что превратились спальники и об исчезнувшем камне.

Дмитрий Михайлович, не поверив, сам обошёл указанное место, где ранее находился камень, а потом, махнув рукой, сунул пустые бутылки за спину под верёвку на поясе, коей была перевязана рубаха и, поманив к себе ребят, сев в центре поляны. И только тогда заметил на груди двойняшек медальоны. Приглядевшись, нахмурился.

— Не спрашиваю, где Вы взяли эти знаки, но прошу — не надо из этого мира выносить, что Вам не принадлежит. Лучше положите туда, где их нашли.

Арина улыбнулась и, стараясь не задеть чем-либо старика, негромко пояснила.

— Мы их не нашли, честно говорю. Нам они были подарены.

— КЕМ???

— С первой же ночи, когда мы спали, к нам приходила женщина, обучая нас своему языку и знакам-рунам. Мы пели и общались с ней как с равной, хотя нет... Не с равной, а как ученики со своей учительницей — вежливо, мягко, со взаимным уважением. И вот сегодня ночью она лично повесила каждому из нас на грудь по этому медальону. А утром мы поняли, что это вообще не сны были, а явь. Я, если честно, даже не знаю как его правильно и назвать. Вроде и кулон, и медальон. Может оберег или знак отличия... Вообще, не знаю. Понимаю лишь одно — этот подарок вполне можно принять за статусную отметку.

— Арина. — Дмитрий Михайлович слушал девушку, открыв рот от удивления, бледнее и краснее каждые пару секунд. — Ты сама-то понимаешь, что мне только что сказала?

— Вполне, дедушка. Я ни единым словом не обманула.

— Вы хотите сказать, что Вас обучала сама... Нет, не буду называть вслух ЕЁ имя. Не достоин я этого. Хорошо. Тогда, если говорите правду, я обязан это проверить. Не против? Сидите спокойно и не дёргайтесь, не укушу.

Антон с сестрой замотали головами, улыбаясь, смотря на растерянного деда.

Дмитрий Михайлович протянул руку, что бы коснуться медальона на груди Арины. Когда до его пальца оставалось совсем чуть-чуть, из медальона выскочила крохотная молния-разряд, больно ужалив палец деда.

Тот, словно ребёнок, ойкнул и засунул палец в рот, а другой рукой сразу же потянулся к груди Антона и... вновь разряд и уже второй палец оказался во рту.

— Больно-то как... — проворчал-простонал старик. — Нет, что бы пожалеть старца, так долбит что было сил...

— Знаете, это Вас специально дёрнуло, — улыбнулся Антон. — В момент, когда Вы получили разряд, я почувствовал, что во мне была наша учительница, которая смотрела моими глазами и улыбалась, глядя на Вас, обиженного, с двумя пальцами во рту.

Три человека, посмотрев друг на друга, улыбнулись.

Дмитрий Михайлович, глядя на свои обожжённые пальцы, тяжело вздохнул.

— Да. Вы только что подтвердили, что являетесь истинными владельцами знаков. Только поймите, ну ни в коем случае Вам нельзя показывать ЭТИ знаки другим людям. Хотя... Есть вариант, но сработает ли он? Давайте попробуем. Закройте глаза и представьте, что эти медальоны у Вас не на груди, а В груди. Под кожей. Пожелайте всей душой, что бы они растворились в Вашем теле. Попробуйте. Без этого, боюсь, за Вами начнётся всеобщая охота.

Девушке удалось убрать знак почти сразу, а вот у Антона долго не получалось, да и когда ему всё-таки удалось «спрятал», на груди остался красный ожог — изображение, до малейших деталей скопированное со знака.

Проведя по груди, парень поморщился — было очень больно, словно и в самом деле на коже был ожог.

Арина, видя состояние брата, потянулась к нему, внезапно осознав, что за всю неделю они ни разу между собой мысленно не общались, лишь изредко, когда медитировали, объединяли свои внутренние силы. Девушка пояснила как можно легко и безболезненно убрать знак, внезапно ощутив, что медальон не просто «спрятался», а чуть ли не растворился в теле — какие-то руны со знака остались на месте, рядом с сердцем, а другие... другие отправились в путешествие по телу, останавливая свой бег там, где им было предназначено находиться — в руках, ногах, голове. Когда Арина посмотрела на своё тело, ей показалось, что она сама стала одним большим медальоном — настолько гармонично все знаки

расположились в ней, как и до этого были на маленьком кусочке неизвестного металла. Да и цепочка не исчезла без следа — она обвила позвоночник — от самой головы до копчика, непонятно как удлинившись в несколько раз.

Все свои ощущения и понимание происходящего она передала брату, а тот, вначале с удивлением слушая сестру, сам попытался повторить подобное и вскоре и у него получилось. Хоть не с первой попытки, но всё же... Только вот дискомфорт не исчез, а, как ему показалось, стал ещё сильнее.

— Не могу, Рин, — пробормотал Антон. — У меня создаётся впечатление, словно пригоршню гвоздей проглотил. Во всём теле колет и что-то дёргается. Может, со временем, привыкну, но надо не раз и не два в состоянии покоя делать эту трансформацию, а не стоя на одной ноге.

Дмитрий Михайлович по некоторым признакам понял, что происходило с молодыми людьми и, немного постояв рядом с двойняшками, сел на траву.

Когда молодые люди более-менее пришли в себя, Антон задал вопрос, который его «зацепил».

— Дедушка. А что ты имел в виду, сказав, что за нами начнётся «всеобщая охота»?

Дмитрий Михайлович похлопал по траве рядом с собой, приглашая сестр рядом, пытаясь объяснить.

— Понимаете, ребята, эти знаки — не просто кулоны и символы власти или ещё чего-то подобного. Самое странное, что Вы и я видите эти знаки одинаково, какими их создали. Не поняли? Ну... Например, в Индии они выглядели бы как, например, знаки танцующей богини Кали, уничтожителя демонов. В арабских странах — как знаки последователей пророков Аллаха, облечённых властью его и покровительством. В христианстве — лики посланников Творца в образе архангелов. В общем, в каждой религии своё. Такой знак — символ принадлежности к Богу, подтверждение его представителя на земле.

— Дмитрий Михайлович. Но нам-то что до всех религий? Мы как жили до этого момента, так и будем жить — не собираемся идти проповедовать и становиться очередными мессиями на земле. Знаете, у нас своих проблем выше крыши — с ними бы разобраться, хватило бы сил на всё это.

— Много проблем? У Вас? Ну-ну. Не желаете стать мессиями? Если честно — это меня и успокаивает, — улыбнулся старик. — Но Вы не дослушали до конца. Как говорится в легендах, с подобными знаками на протяжении всей истории человечества люди сталкивались всего трижды. Дважды — в глубокой древности. Насколько помню — одним из посвящённых был царь Соломон, вторым — китайский правитель Тан Тайцзун. Они оба носили на груди подобные символы. Кто их вручил, когда, и куда потом те делись после смерти владельцев — не известно. А вот третий символ имеет место быть... и находиться где?

— Скорее всего, где-нибудь в подземельях Ватикана, — пробормотал Антон. — Только эти скряги могут тащить к себе в подпол все исторические реликвии со всего мира, до чего руки дотянутся, словно хомяки, и потом делать вид, что не знают что и где находится. Я прав?

— Прав, малыш, прав на все сто. Точнее, на 99 процентов. А минус один процент потому, что и в самом Ватикане знак Власти не был именно что спрятан. Наоборот — он вроде, как и спрятан и на яву — замурован в полу Апостольского Дворца. В каком месте конкретно — эта информация и в самом Ватикане утеряна. Правда, и здесь имеется

уточнение, а именно, что Ватиканский знак не полностью функционален — там было пробито отверстие точно посреди медальона. Как донесла до нас история, медальон неизвестные нам люди носили на шее, сделав отверстие точно посредине, что бы продеть цепочку, стараясь не повредить основной рисунок, так как оригинальный бейл, то есть ушко, в которое продевается цепочка или шнурок, было отбито в незапамятные времена и утеряно, как и сама цепочка. А ведь цепь сама по себе является чуть ли не усилителем или проводником... Я, если честно, не в курсе. Могу только сказать, что без неё сам знак работает во много раз слабее.

— Дмитрий Михайлович, — Антон, мягко говоря, обалдел от подобной информации. — Так мы что, сродни богам? Или проводники их воли на Земле? Если так, то не горю желанием делиться с кем либо этой информацией, даже с родными.

Старик заразительно захохотал.

— Ну, ты и сказанул, — чуть успокоившись, дед пояснил. — Совсем Вы не боги и не их проводники на Земле. Знаки — это да, божественные символы. Но для Вас они будут лишь своего рода усилителем, понимаете? Будут помогать в жизни и в том, чем занимаетесь. Вы врачи, как мне известно. Вот в своём ремесле и сможете достичь небывалых высот. Но, поверьте, сами по себе они ничего делать не будут, и работать за Вас не станут. Более того. Если изменитесь внутренне и начнёте относиться к людям иначе, чем сейчас, то эти знаки могут Вас и покинуть, исчезнуть без следа. Такой вариант был описан в легендах. К тому же они могут напоследок и наказать Вас самих за неблагоприятные поступки. Так что следует относиться к своим знакам именно как к помощникам, не более. И не считаю благоразумным бездумно на них надеяться — лучше на самих себя, на свои силы.

— Минусы мы поняли. А плюсы есть? — Антон хотел выяснить всё до конца.

— Плюсы есть. Только вот с ними Вам самим придётся разбираться. Как я сказал, знаки усиливают мощь и талант носителя, будь то профессиональные навыки человека или его ментальную составляющую. Вас никто не торопит и жизнь вся впереди. Поймёте со временем, разберётесь. Только прошу — не форсируйте события, ведь в мире всё сохраняет равновесие. В одном успеете — в другом опоздаете. Думайте и думайте — вот мой совет. Да. А чему Вас учили? Сами же об этом обмолвились.

— Рунам, языку Первых, как поняли. Выучили знаки, их звучание. Две песни.

— Ту, которую пели для пробоя пространства? — поинтересовался старик.

— Не совсем, — Арина виновато опустила голову. — Прости, но нам дали понять, что бы мы не ни с кем из ныне живущих этим не делились.

— Я и не претендую, — улыбнулся Дмитрий Михайлович. — Это значит, что этот мир Вас двоих принял как своих. Даже не в качестве гостей, а именно за своих. Что ж, замечательно, что у Вас будет возможность сюда изредка возвращаться.

— Да. Такую возможность нам предоставили, но и ограничения все обозначены — не более семи дней подряд, да и всё упомянутое тобой без изменений.

— Это хорошо, — улыбнулся старик. — Боги богами, а этот мир не должен быть испорчен. Поздравляю, ребята. Вы, насколько знаю, вообще первые в истории человечества, что можете владеть чуть ли не целой планетой.

— Не, — Антон в ужасе замахал руками. — На фиг на фиг. Нам не нужна во владение вся планета даром. Вот отдохнуть душой пару дней в живом мире, не испорченном людьми, это подарок воистину божественный.

Дмитрий Михайлович вдруг заволновался.

— Подождите. Вы упомянули, что выучили язык Первых? Я правильно понял?

— Разговорный вполне сносно, но с письменным обстоит гораздо хуже. Запомнить все руны запомнили, но в голове такая каша... Пока не отложилось как надо. Решили, что дома напишем и нарисуем руны в виде алфавита, а уж потом привяжем к звучанию. Только тогда и можно будет говорить, что язык не только понимаем, а знаем.

— Что хочу попросить, — смутился дед. — Есть у меня сохранившиеся с незапамятных времён две бронзовых пластины. На них именно что руны Первых. Будет время, посмотрите?

— Деда. Так давай мы их сфоткаем на смартфон, а дома уже разберёмся.

Дмитрий Михайлович улыбнулся.

— Не получится, дорогие. Ни как не сфотографировать эти тексты. Пытались многократно. И на плёнку снимали и на современные аппараты — в итоге ничего на снимках нет — пустое поле. Да и самих пластин не видно.

— А если срисовать или отсканировать?

— Ноль, даже без палочки. Один мой знакомый попытался сделать копию, так его аппарат загорелся после запуска сканирования — я еле успел вытащить пластину из горящего аппарата. Больше рисковать не хочу.

— Ну, мы всё-таки попробуем, ладно? Может наши знаки помогут? — улыбнулась Арина, глядя на повеселевшего старика.

В этот момент Антон как-то резко дёрнулся и сразу же расслабился, с улыбкой посмотрев на собеседников.

— Вот теперь точно всё встало на свои места. Понял, почему не мог как ты, моя половинка, сразу разместить в себе знак — именно из-за того, что моё тело было повреждено. А сейчас руны сами исправили все каналы в теле и встали там, где им и положено находиться. И сейчас уже не чувствую никаких неудобств. Наоборот, ощущение, словно в теле прибавилось сил во много раз.

Старик переглянулся с девушкой, которая обрадовалась словам брата.

— Если и у тебя теперь организм пришёл в норму, то, перед тем, как отправиться домой, попробуйте спроецировать знаки у себя на коже, а потом уберите. Ну, по типу тату на груди, чуть ниже шеи.

Арина с братом, сосредоточившись, стали пытаться вывести знак на поверхность кожи, а потом убрать. Сразу такое не получилось ни у кого. Но, спустя время, двойняшки вполне освоили эту технику, отметив про себя, что на коже видны только самые крупные руны, а вот мелкие не видны, как бы они ни старались.

Дмитрий Михайлович, не понимая сути проблемы, смотрел на пару, которые чуть ли не каждую секунду вызывали знаки и снова прятали их, смотря друг на друга и отрицательно мотая головами. Позже, узнав причину недовольства двойняшек, рассмеялся.

— Ребятюшки. Вы, хоть и врачи, но не понимаете свойств человеческого организма. Ну как можно НА КОЖЕ изобразить то невероятно малое, которое и невооружённым глазом почти не видно? Успокойтесь. Главное, что основные символы видны, а остальные — вторично. Кому надо, тот и без деталей поймёт.

— А кому надо будет показать этот знак? — чуть ли не одновременно спросили брат с сестрой.

— Вы сами поймёте когда и кому можно будет продемонстрировать свой статус посвящённых, учеников Первых. И это у Вас никто из ныне живущих ОТНЯТЬ не сможет. А вот завладеть Вашими душами и телами постараются. И вот тогда, если не захотите

погибнуть — прячьтесь именно здесь. У Вас, как я догадываюсь, для возвращения в родной мир есть выбор, да?

— Да, деда. Куда пожелаем.

— Вот и славно — будет куда ускользнуть в случае опасности и вернуться отсюда в другое место. Кстати, если Вам не объяснили — песни не обязательно исполнять громко или от начала до конца — можно и почти про себя, шепотом. Только в этом случае Вы должны как можно ярче представить перед своим мысленным взором место, куда хотите попасть.

— Спасибо за совет, деда, — Арина улыбнулась. — Ну что, поём твою песню прощание с этим сказочным местом?

— Да, — тяжело вздохнул старик. — Грустно и не хочется совершенно покидать это место, но есть такое сло — «надо». Давайте садиться так, как и в первый раз. Сели? Теперь взяли за руки и закрыли глаза. Представляем полянку среди кустов сирени у моего дома и слушаем мелодию, впускаем её в себя, в тело и душу. Как уловите мотив, присоединяйтесь. Готовы? Начали.

* * *

Через пару мгновений все трое оказались на той же полянке, откуда и исчезли неделю назад, а по местному времени прошло около трёх часов.

Пройдя в дом, двойняшки переоделись в свою одежду, ощущая, как отвыкли за эти дни вообще от одежды, даже от такой, которую до этого момента носили с большим удовольствием. Теперь всё вызывало нескрываемый дискомфорт, сжимая и обтягивая тело, нежели те просторные рубахи, которые носили в ином мире.

Арина, аккуратно сложив рубашки, свою и брата, протянула их старику, но тот отрицательно покачал головой.

— Нет, дочка. Теперь это Ваша одежда. Где ж такую ещё найдёте? Примите как мой подарок Вам. Будет желание или станет невыносимо — одевайте и... Впрочем, отправляйтесь туда, когда сможете. И не надо более вслух называть место единения, не нужно. И Вам и мне так будет спокойнее.

Арина обняла Дмитрия Михайловича и прижалась к нему. К ним присоединился и Антон, то же обняв деда двумя руками, прижимаясь к нему телом.

— Спасибо тебе дедушка, за нас с братом. Спасибо за то, что сделал для нас. Ты подарил возможность жить и трудиться дальше. Дал стимул к счастью. Мы никогда этого не забудем.

Старик стоял, блаженно впитывая в себя тепло и эмоции, чем одаривали его двойняшки, до конца сами не понимающие кем стали на самом деле. Он, правда, решил, что не отпустит своих подопечных до тех пор, пока не научит управлять своими телами и теми энергиями, которые словно водопад неконтролируемо выливались из них ... и, поманив за собой опять на крохотную поляку среди цветов сирени, объяснил суть проблемы.

— Вы сейчас уже не сияете словно боги, как сразу после перехода, но и той энергии, что из Вас выливается, многовато. Не нужно всем демонстрировать свою одарённость.

Объяснив, как можно и нужно скрывать внутреннюю энергию, закливая внутри себя, дед заставил ребят убрать всё лишнее, нивелируя вид и внутреннее состояние до критериев обычного человека.

Через двадцать минут парень и девушка внешне и внутренне совсем не отличались от деда, который довольно улыбался, оценив успехи учеников.

Внезапно вновь почувствовав ментальный щуп заинтересованной девушки, Антон попросил пару минут его не беспокоить и, уйдя в состояние полного отрешения, устремился по обнаруженной ниточке чужого внимания, столкнувшись чуть ли не лицом к лицу с ментальным образом своим преследователем.

— *«И кто ты такая, что интересуешься мной? Влюбилась и хочешь замуж?»*

Незнакомка фыркнула в негодовании от мыслей парня, тем не менее Антон почувствовал, что она испугана до невозможности, но старается этого не показывать.

— *«Ты высокого мнения о себе, как погляжу. Ты мне нужен для другого. Точнее, Вы оба мне нужны, ты и твоя сестра».*

— *«Девонька. А ты не подумала — а нужна ли ты НАМ? Знаешь, скорее нет, чем да. Если возникла необходимость в нас в качестве врачей — запишись в клинику, а если другие планы, так лучше забудь про них. Нас твои проблемы совершенно не интересуют. И прошу — умерь свои ненормальные любопытство и настойчивость — не подобает порядочной девушке так поступать по отношению к незнакомому мужчине. Впечатление, что за мной следишь круглые сутки, чуть ли не присутствуя во время еды или похода в туалет. Или у тебя других занятий нет?»*

— *«Ты, повторюсь, слишком высоко мнения о своей значимости. Да, мне нужна Ваша помощь в качестве врачей для исцеления родного человека, не более того. Не было бы моральных и... других ограничений, просто заставила бы Вас сделать это, не унижаясь и не прося».*

— *«То есть, просить не в твоём стиле, так? Что ж. Тогда и я буду с тобой разговаривать соответственно. Слишком уж ты заносчива и высокомерна, да и самомнение зашкаливает, только не пойму от чего? От высокой образованности и культуры? Увы, нет в тебе ни того ни другого. Может от ментальной разноплановости? Тоже нет, хотя и как поисковик ты чуть выше среднего. Может от положения в обществе, занятого благодаря научным трудам? И снова, как понимаю, нет. Тогда от чего? Знаешь, меня пустышки с непомерным гонором никогда не привлекали. Их, порой, надо ставить на место, опускать, так сказать, с небес на землю, а ты именно из их числа. Приди в себя и задумайся — что в тебе есть такого, кроме смазливового личика, что может по-настоящему заинтересовать кого-то из мужчин. Тебе самой надо найти ответ на этот вопрос. А сейчас счастливо оставаться, «невестушка»...*

Увидев напоследок её широко раскрытые от удивления и злости бирюзовые глаза, ментально щёлкнул девушку по носу и резко разорвал связь, напоследок пожелал, что бы та в своих поисках не выходила за пределы города, неосознанно послав импульс в мозг незнакомки.

Коротко рассказав о своём хулиганском поступке и состоявшемся разговоре, Антон увидел смеющееся лицо сестры и совершенно ошарашенное выражение на лице деда. Парень лёг на траву и пояснил.

— Дмитрий Михайлович. Эта девушка за нами стала следить ещё в Москве. А сейчас она с, как я понял, своим отцом приехала в Питер. Мужчина, как увидел в её мыслях, прикован к инвалидному креслу. Предполагаю, что хотят попасть к нам в клинику на осмотр и последующее лечение. Все эмоции и мысли девушки заключались в одном — последняя надежда только на нас. — Антон посмотрел на деда. — Вопрос, который может показаться странным, тем не менее, многое и прояснить. Что тебе известно, деда, о Борах? Почему спрашиваю? Успел прочесть в её голове, что эта пара не отсюда, да и, как чувствую, вообще

не с Земли. В момент нашего общения медальон случайно помог — грудь, где был ожог, зачесалась, а когда я приложил к том месту ладонь — в голове и возникло — «Боры».

— Боры? — Дмитрий Михайлович задумался. — Знаю только, что народ с таким самоназванием существовал на земле примерно 4–5 тысяч лет назад. Это один из основных народов Гипербореи. Откуда те пришли и куда ушли — увы, нет данных. И ушли ли вообще? Может вымерли, а может быть их поглотили другие племена и народы. Есть предположение, что на нашу Землю несколько раз попадали беглецы или переселенцы из других миров. Более ничего добавить не могу — я не компьютер и не способен всё помнить и знать, увы. За более конкретной информацией тебе лучше бы в Москву съездить и обратиться к Хранителям их КРУГА. Там, в архивах, есть много старых книг, да и легенд немерянс записано... Ты точно уверен, что это именно пришлые?

— Да, вся информация была в мыслях девушки. Та о своей проблеме думает постоянно. Успел почувствовать её настроение, да и второй поток сознания сам, без малейшего принуждения, лился мне в голову, пока общался с носителем. Вообще, история вполне заурядовая — её отец крупный учёный и был руководителем какой-то экспедиции. Около пяти лет назад произошёл то ли сбой научной аппаратуры, то ли эта техника вообще сломалась, но отца с дочерью выбросило почему-то именно на Землю, причём мужчина при аварии очень пострадал. Как он чувствует себя сейчас — не понял, но, если исходить из логики и того, что тот прикован к инвалидному креслу — повреждён позвоночник, повлёкший паралич. В голове у девушки одна единственная паническая мысль — если мы не сможем вылечить её отца и тот не сможет отремонтировать созданную именно им технику, они останутся здесь навсегда.

Арина хмыкнула, тихо прокомментировав брата.

— Если не сможем помочь — будет у Антона девушка. Может, в дальнейшем, и жена. Её отца тоже не бросим, пристроим, пусть не боится.

Дмитрий Михайлович насупился.

— Ты нарушил один из основополагающих законов ментала — влез в чужой разум без разрешения. Ты сам-то понимаешь что преступил ЗАКОН?

Парень вскинулся.

— Я уверен, что ЗАКОН не подразумевает под собой табу на посягательство нарушения неприкосновенности разума врага или недружественного менталу человека. А эта девица именно что не недружественное лицо, если не сказать враждебное.

Старик осуждающе покачал головой, но своего мнение так и не озвучил, предложив вернуться к насущному, предложив ещё немного позаниматься над контролем своего тела, попутно предложив несколько методик для саморазвития.

Согласившись с доводами Дмитрия Михайловича, двойняшки не стали упрячиться, понимая, что контроль над телом и эмоциями жизненно необходим, тем более, что рядом с ними опытный Наставник, который вовремя поправит, если они будут ошибаться.

Договорившись между собой, что пробудут у старика ещё пару дней для обучения, все трое вернулись в дом и стали готовить обед, так подходило время. И только в момент, когда сели за стол, Антон понял, что до сих пор есть ему совершенно не хочется, но понимая, что подпитка природой прекратилась, нехотя всё же стал жевать, даже не чувствуя вкуса еды. Посмотрев на сестру, улыбнулся — на её лице отображалась та же гамма эмоций, что чувствовал и сам.

Дмитрий Михайлович мысленно хихикал, глядя на гримасы молодёжи, на их

переглядывание, прекрасно понимая состояние их организмов, но, демонстративно прикоснувшись пальцем ко рту, призвал к молчанию, показав на тарелки — мол, жуйте молча.

То же время. Санкт-Петербург. Одна из съёмных квартир в центре города.

Девушка, что стояла у большого окна с закрытыми глазами, внезапно схватилась за подоконник, чтобы не упасть. Открыла глаза и замерла. Через мгновение обернулась к отцу, который читал книгу.

— Папа, — её голос был хриплым, и отец скорее почувствовал, чем услышал слова дочери. — Они вернулись. Я их почувствовала. Обоих. Папа, это не люди. Это Алнат Наори Нахти.

— Что ты несёшь, дочь? Как ты смеешь упоминать наших созда...

Мужчина замер, потому что дочь, сделав пару шагов, прижала к вискам отца свои ладони и, закрыв глаза, передала тот образ двух сияющих существ, которых не почувствовала, нет, УВИДЕЛА, одновременно ощутив себя ничтожной по сравнению с этими гигантами.

Мужчина, который увидел переданные дочерью образы, безмолвно затих, замер, боясь даже сказать что-то, потрясённый не менее дочери, сиянием и величием двух богов в человеческом облики, которые, засияв словно солнце, с каждой минутой стали тускнеть, а спустя несколько минут те уже ничем не выделялись из общей толпы вполне обычных людей.

— Ты думаешь... — после долгого молчания произнёс мужчина. — Это и есть те самые двойняшки?

— Я вообще ничего не соображаю, папа, — девушка была ошеломлена. — Понимаешь, я ведь чувствовала только парня, настроилась на него персонально, а тут такой взрыв, что у меня в голове что-то не так. Подожди, попоробую вновь их найти.

Девушка сосредоточилась, а через несколько секунд отец увидел на красивом лице своей единственной наследницы удивление, досаду, гнев и... недоумение, словно её кто-то щёлкнул по носу. И тот же миг она и в самом деле потёрла нос.

— Папа, — девушка была на грани истерики. — Представляешь, этот парень заглянул мне прямо в душу, а потом, после обмена нейтральными фразами, он сказал, что я ничтожество, ничего не добилась в жизни своим трудом, наговорил всего самого обидного и напоследок, засмеявшись, щёлкнул меня по носу. Понимаешь, МЕНЯ, словно какую-то рядовую девку из его народа. Это больше чем словесное оскорбление и я ему всё выскажу при встрече, а потом... подожди. Не понимаю что со мной. Сейчас вообще их не чувствую, словно связь между нами сгорела как листок бумаги — вспыхнув и осыпавшись невесомым пеплом. Пап, я их не ощущаю, понимаешь? Боги? Как он мог такое сделать? Меня, лучшего поисковика, этот... ограничил какой-то сотней километров. Разве такое возможно сделать ментально? Это ничтожество... он меня словно в банку поместил. Папа...

Девушка с ужасом посмотрела на своего отца и, осев без сил у инвалидного кресла, безутешно зарыдала...

Мужчина, успокаивающе проведя рукой несколько раз по голове дочери, усмехнулся про себя.

— *«Наконец-то нашёлся тот, кто смог обуздать непомерную гордыню моей малышки, поставив её на место, используя даже такой жестокий способ, ударив по самому сокровенному. Что ж, молодой человек, у меня к тебе возникло ещё больше вопросов. И,*

пожалуй, ещё больше стало уважение к такому юному, но могущественному существу, кем бы ты ни был по сути».

* * *

Утром Арина, внезапно решив устроить генеральную уборку в доме, попросила брата ей помочь, а вот старика, не смотря на все его возражения, отправила после завтрака во двор, посоветовав посидеть на полянке в кустах сирени и погреться на солнышке.

Почти три часа уборки. Двойняшки метались по дому как угорелые, вытирая пыль и вытрясая немногочисленные коврики и половики. Трижды был вымыт пол и когда стала видна текстура дерева, девушка немного успокоилась, переключившись на кровати и другую мебель. Были выбиты все перины и одеяла, а деревянные кровати и несколько шкафов тоже были очищены до первоначального состояния. И только ближе к обеду, когда сил почти не осталось и оба тали двигаться как сонные мухи, Арина предложила не отдохнуть, а воспользоваться внутренними резервами. Сев посреди горницы, двойняшки объединили сознание, взывая к истокам и... ничего не произошло. Посидев несколько минут, тупо глядя друг на друга, встали и, пошатываясь, пошли во двор, к деду.

Увидев измученные мордашки, Дмитрий Михайлович улыбнулся.

— Устали? И пытались зачерпнуть внутренней силы?

— Угу, — понуро кивнули молодые люди и свалились без сил рядом с дедом.

— Так Вы, насколько чувствую, себя исчерпали до дна. И внутри Вас не осталось никакого запаса вообще. Это, конечно, не страшно и не смертельно, но вот в жизни так растрчивать себя нельзя — кто знает, что будет через пару минут? Поэтому всегда нужно иметь резерв. Скажем так, чуть менее половины от общего объёма. Да Вы засыпаете на ходу? Понятно. Ладно, ребятки. Полежите здесь на травке пару минут, а я соображу чем помочь.

Когда Дмитрий Михайлович зашёл в дом, даже и не сразу узнал его — складывалось впечатление, что тот чуть ли не новый — всё сверкало и блестело. Включив старинную люстру, от испуга даже вздрогнул — настолько был ярким свет. Закрыв глаза, старик понял, что не физической силой единой они тут поработали, а и духовной поделились сполна — вон стёкла стали прозрачными как много-много лет назад, когда их только вставили, а мастера, коих он вызывал пару дней назад, сказали, что те помутнели от возраста — чуть ли не больше ста лет было этому строению. Дед внимательно обошёл весь дом по кругу, заглядывая во все отнорки и чуланчики — везде была первозданная чистота. И, что его больше всего удивило и порадовало — ни одна вещь не была передвинута или убрана — всё осталось на своих местах. Более того, даже немногочисленные статуэтки и фотографии в рамках были тщательно протёрты.

— Это ж сколько они сил потратили, а? — Дед даже расстроился, сев в сенях на маленькую скамеечку и, закрыв глаза руками, немного всплакнул. Такой чистоты, аккуратности и бережного отношения к себе, а свой дом он всегда воспринимал как неотъемлемую часть самого себя, не вспомнил ни от кого. Все, кто бывал у него в доме по делам или по дружбе, всегда относились нейтрально, ценя его самого, но не то место, где жил старик. А вот эти двое... Дмитрий Михайлович отнял руки от мокрых глаз и вновь вслушался в своё жилище — ему показалось, что старинный дом словно сбросил с полсотни лет — он дышал и радовался, что его ценят и любят...

Старик вышел во двор и глянул на крышу — и та была очищена от листьев и застарелого мха, который уже давно облюбовал скаты крыши.

— И когда они всё это успели? — пробормотал дед и вернулся обратно, аккуратно

закрыв за собой дверь...

Пожилой человек долгое время сидел в горнице с закрытыми глазами, слушая дом, ощущая ЕГО радость, что наконец-то вспомнили люди о самом насущном, наведя чистоту, отмыв стены и пол. Дом дышал полной грудью словно молодой, радуясь, что в нём опять будут жить люди, а не бросят его вновь на многие годы одиночества, как бывало прежде.

--

— Спасибо Вам, милые. От меня и от дома моего спасибо.

Эти слова разбудили Антона с сестрой, которые мгновенно отключились после того, как старик ушёл с полянки.

— Если б знали, как я благодарен за Вашу заботу.

Дмитрий Михайлович чуть не плакал, встав на колени перед лежащими двойняшками.

— Деда, — Арина подскочила и обняла старика, видя, как по его щекам катятся слёзы. — Не надо плакать, прошу тебя. Мы тоже живём в этом красивом доме, так почему не помочь тебе и ему? Ты только не ругайся, если что поставили не на то место. Старались ничего не передвигать, но вдруг...

— Всё хорошо, милые ребятушки. Я благодарен Вам. Очень благодарен.

— Деда, — Антон сел и погладил руку старика. — Нам ведь не в тягость было, а порадовать тебя очень хотелось. Мы понимаем, что такую махину одному тебе убрать трудно. А нас двое, да ещё и немного моложе тебя будем, так что...

— Немного моложе? — старик удивлённо вскинул глаза на Антона и, завалившись на бок, захохотал в голос. — Немного моложе... Вот сказал так сказал...

Брат с сестрой переглянулись и тоже улыбнулись, посадив Дмитрия Михайловича и обняв его с двух сторон.

Отсмеявшись, старик с хитринкой поглядел на молодых.

— Ну что, сил прибавилось?

— Да. И значительно, — улыбнулась Арина. — Мы сразу поняли, что это место как-то связано с другим, так?

— Молодец, что помнишь мои просьбы, — дед погладил девушку по голове. — Ты права. Это место, где я набираюсь сил и придаюсь размышлениям. Здесь всегда уютно и теплее, чем вокруг. Ладушки. Раз сил набрались — звоните родным, что бы успокоить их, да и, наверное, поедете в город с родителями?

— Дмитрий Михайлович, деда. Мы же договорились на два-три дня. А ведь только ночь прошла. Или ты нас уже гонишь?

Старик улыбнулся.

— Ты, Антон, прямой как гвоздь. Ну думай иногда, прежде чем говорить. Ещё скажи, что я Вас гоню именно сейчас, после того, как Вы вдвоём дом в порядок привели. Мол, не хочется, что бы его снова пачкали. Вот если б такое сказал, обиделся бы точно, притом серьёзно обиделся. Но в твоей голове такая дурь, к счастью, не появилась, поэтому...

Старик легко вскочил на ноги и протянул руки ученикам.

— Идите за мной. Вы мне и моему дому радость невероятную доставили, и я хочу сделать ответный подарок от всего сердца.

Войдяв дом и пройдя через все комнаты, старик остановился у небольшого комода.

Оглядев его, хмыкнул и, посмотрев на своих спутников, на удивление легко отодвинул.

— Вижу, что заметили панель, раз здесь мымыты пол и стены?

— Видели, но не прикасались. Это не наш дом, поэтому не посмели. Отметили только,

что сенсорная панель совсем уж из другого времени и не соответствует этому месту. — Антон спокойно объяснил свои действия.

— Поступок верный. Попробуй Вы понажимать кнопки — руки бы усохли на время. Защита тут у меня стоит от особо любознательных. Правда, сам виноват, что не предупредил Вас, забыл совсем.

Дмитрий Михайлович бегло набрал длинный код из букв и цифр, нажав кнопку ввода. На пульте замигал зелёный индикатор, а дальше, к удивлению Антона, дед попросил его вновь задвинуть комод на место, разместив так, как стоял и до этого.

— Вход не здесь, — улыбнулся старик, глядя на недоумённое выражение на лицах двойняшек. Идите за мной.

А вот в сенях, которые они за сегодняшний день прошли не одну сотню раз, неожиданно увидели открытый проём с лестницей, ведущей в подвал.

— За мной идите и ничего не бойтесь.

Спустившись по десятку бетонных ступеней, старик набрал код и на второй двери, которая на вид была совсем уж толстой, да, похоже, и железной. Но, на удивление, открылась та легко от еле заметного усилия Дмитрия Михайловича.

В подвале они увидели как как лабораторный стол и шкаф с множеством разнообразных склянок, так развешенное по стенам холодное оружие — ножи, какие-то пики с непонятными наконечниками, аналоги топоров и серпов — вообще, мечта любого фаната исторического оружия.

— Что-то нравится? — улыбнулся старик, глядя на лица молодой пары.

— Это, как понимаю, не реплики, оригиналы? — спросила Арина и, сняв со стены тонкий длинный меч, крутанула им вдоль себя.

— Конечно оригиналы. Здесь собрана история оружия нашей Земли, правда осталась лишь небольшая часть. Попросил Белого после своего отъезда большую часть оружия забрать себе. Он выполнил просьбу, хоть и не целиком. Ладно, девонька. Повесь клинок на место. Он хоть и приглянулся тебе, но сама понимаешь — в городе с таким ходить не будешь.

Старик отошёл к совершенно голой стене и, в определённой последовательности нажав ногой на несколько плиток, которыми был покрыт пол подвала, толкнул стену и часть её, к удивлению ребят, попросту исчезла.

— Это не вход в другой мир, — улыбаясь, пояснил старик, — а лишь игра света и тени. Да и стена не провалилась, как кажется со стороны, а откатилась по направляющим внутрь кладовки. Вы пока постоитесь здесь, я сейчас.

Дмитрий Михайлович наполовину просунулся в этот тёмный провал, а вскоре уже стоял посреди подвала, держа в руках свёрток из потемневшей от времени промасленной кожи, в которую было явно что-то замотано.

— Подёмте в горницу. Там и отдам то, что именно для Вас, возможно, хранилось долгое время. А если всё сложится, помогу овладеть теми клинками, что будете держать в своих руках.

--

Когда они поднялись по лестнице, Арина обернулась посмотреть на дверь, что закрылась за ними с тихим шелестом, но... там не было совершенно ничего — сплошная стена из дерева без малейших следов и стыков.

— Не волшебство это, а лишь кропотливая работа мастеровых с золотыми руками, —

пояснил дед, заметив удивление на лице девушки и пошёл в горницу. Там, положив свёрток на стол, сначала заставил двойняшек позвонить родителям, угрожая, что в ином случае продолжения интриги не будет.

--

Разговор был тяжёлым как для двойняшек, так и для их родителей. Позвонив одновременно с двух телефонов, Антон вначале выслушал множество вопросов о своём здоровье и, только получив исчерпывающие ответы, его мама чуть ли не в приказном порядке потребовала возвращения детей в дом Кати. Точно по такой же схеме состоялся и разговор Арины с отцом. Родители ничего не желали слышать ни на какие отговорки не шли, всё требуя и требуя своего. Кончилось тем, что Антон, психанув, чуть не нажал разорвал соединение, сославшись на занятость. Но Накстя почувствовала, что «перегнула палку», смягчила тон, тем не менее, требования так и не сняла. Антон же стоял на своём до последнего, объяснив, что ему необходимо до полного восстановления отлежаться ещё пару дней и только когда будет чувствовать полностью здоровым, вот тогда они и вернутся в город, а пока...

Арина же по телефону чуть ли не зацеловала папу, сыиграв на его любви и закончила разговор чуть раньше, в полном смысле слова вытирая пот со лба от напряжения. А «фишкой» её стало то, что задав невинный вопрос, мол, в городе нашли тех, кто покушался на них, так и не услышала однозначного ответа. Взяв это за основу, высказалась, что, мол, второго покушения её брат может и не пережить, а сейчас они под охраной и в полностью безопасном месте.

Сергей Павлович хрюкнул и, как поняла девушка, улыбнулся и, разрешив им остаться до полного восстановления Антона, закончив разговор.

Чуть позже, как понял парень, к разговору с мамой подключился отец и разговор вскоре был окончен.

Отключившись, брат с сестрой посмотрели друг на друга, а потом обратили внимание на Дмитрия Михайловича, который всё это время, сидя за столом, беззвучно хохотал, глядя на молодёжь.

— Что, оба родителя велели возвращаться? — старик улыбался, а его глаза блестели от слёз. — Родители, это такие... существа, которые Вас и в пожилом возрасте будут воспринимать как несмышлёньшей и... именно что как детей. Ладно. Что решили в итоге?

— Да хрен знает что, — Антон замотал головой. — Ну, право. Нам уже скоро тридцатнику стукнет, а они с нами, как ты и говоришь, словно с пятилетними. Пытаешься доказать свою правоту, так нет, с другой стороны словно бетонная плита — под юбку и всё, мол, именно там и находится единственное в мире надёжное убежище. Смешно тебе? А мне вот нет. Чаще грустно после таких разговоров, чем смешно.

— Антон, мальчик мой, не злись, мамы все такие, — по-доброму улыбнулся Дмитрий Михайлович. — Они беспокоятся о своих детях, а Вы всегда будете для них детьми. Кстати, как понял, у девочки легче разговор вышел?

— Да, деда. Папа более вменяемый. Я его победила его же фактами, а что? Тот, кто в нас стрелял, так до сих пор и не найден. Угроза покушения сохраняется, и отец на это ничто не смог возразить. А когда я сказала, что мы находимся в безопасном месте, да ещё и под охраной, он вообще «растаял».

— Лучше бы я говорил с папой, — бупкнул Антон, на что увидел высунутый язык сестры.

— Ладно, ребяташки, — улыбнулся дед. — Коль все пришли к согласию, давайте продолжим наше общение. Антон, аккуратно разверни свёрток, не прикасаясь к тому, что в нём завернуто. Почему — объясню чуть позже.

Парень аккуратно развернул уже слежавшуюся кожу и, обнаружив внутри ещё один свёрток, стал разматывать и его. Вскоре перед глазами двойняшек на небольшом куске тончайшей кожи лежали два клинка. Это были не стилеты, скорее их европейский аналог — мизерикорд, с ромбовидным тонким удлинённым клинком.

— Кинжал милосердия? Мизерикорд? — вопросительно посмотрел в глаза старику Антон. — Я прав?

— Почти, мой дорогой. — Дед был торжественен как никогда. — То, что Вы видите, наследие других времён и народов. А если быть ещё точнее, то и не нашей Земли. Эти клинки могут взять в руки ТОЛЬКО носители тех знаков, которые Вы получили. Удивлены? А я вот совершенно нет. Много столетий эта пара передавалась от одного Хранителя к другому, ожидая своего владельца. Почему? Это парные клинки, то есть ими может обладать один человек. Но поскольку Вы являетесь носителями одного целого, разделённые жизнью, то, как я посчитал, можно попробовать — будут они Вам послушны или нет. Почему так говорю? Это ведь не простое железо, а сплав металлов из других миров, как уже и сказал. Более того, по легендам, в этих клинках есть часть души Первых, которые их и создали. Клинки вполне живые, хотя в данный момент спят, ожидая своего друга. Не хозяина, не владельца, а именно что друга.

Антон, слушая деда, неотрывно смотрел на клинки, отмечая в них некоторое несоответствие.

— Дмитрий Михайлович, — дождавшись паузы в повествовании, парень задал вопрос, который его волновал. — Я неплохо знаком с историей холодного оружия, так как папа сам фанат разнообразного железа. Да и дома у него в кабинете имеется с полсотни клинков, а некоторые, так вообще старинные, чуть ли не музейные экспонаты. Так вот о чём хочу спросить. Я обратил внимание, что клинки разные по длине, имеют гарду, причём слишком уж большую для этого вида оружия. Да и навершие странное, заострённое. А если смотреть на пропорциональность, то и рукояти слишком малы даже для руки сестры, не говоря уж о моей.

Старик улыбнулся и, выдержав паузу, объяснил.

— Антош. Ты, наверное, не до конца понял мои слова, когда я упоминул, что ЭТИ клинки сделаны не для людей и не людьми. Будь более сдержанным и дождись окончания моих объяснений. Хорошо?

— Прости, деда, — парень смутился. — Я слышал всё, что ты говорил и ничего не пропустил. Ещё раз извините. Молчу и внемлю.

— Будешь молодцом, — улыбнулся старик. — Так, на чём я остановился? А, вспомнил. В принципе, осталось немного, а потому лучше приступить к опознанию — примут Вас клинки или нет. Сразу скажу — если будет отрицательный результат, то уж извините, будут клинки лежать ещё много лет или веков, пока не найдут себе хозяина. А теперь встаньте с двух сторон стола и, не прикасаясь к клинкам, вытяните раскрытую правую руку перед собой. Закройте глаза и позовите своего друга, тот клинок, который будет Вашим по праву. Если прикоснётесь без разрешения, можете остаться без пальцев или вообще без кисти.

Молодые люди, несколько озадаченные прозвучавшими словами, послушно протянули руки и закрыли глаза, каждый, по своему, призывая именно тот клинок, что мог бы стать

другом на всю жизнь. И, через миг, в тыльную сторону ладони каждого из них, ткнулся наверху рукояти кинжал, поёрзав по руке и замерев, а в голове каждого из двойняшек появился образ маленького щенка, который прыгал вокруг хозяина и норовил облизать лицо своим шершавым языком.

Двойняшки почти одновременно открыли глаза и с удивлением посмотрели на уже СВОИ клинки. Рукоять на каждом точно соответствовала ширине ладони хозяина и кинжалы, лёжа на столе... мелко дрожали, словно ожидая, когда у них наконец-то прикоснётся рука друга и согреет своим теплом...

Как ни готовился морально Дмитрий Михайлович к этому моменту, так и не смог уловить момент, когда клинки, словно живые, проползут по столу несколько сантиметров и ткнутся в руки новым владельцам. Сидел в изумлении и смотрел то на ребят, то на клинки, переводя взгляд с одного на другого. Чуть позже, взяв себя в руки, тихо проговорил.

— Теперь первый из двух шагов привязки. То, что Вы нашли себе пару, уже хорошо, но это только начало. Возьмите правой рукой клинок со стола. Не торопитесь, они от Вас не убегут. Взяли? Дрожь ощущаете? Хорошо. Теперь аккуратно уколите остриём свою левую ладонь. Именно ладонь, не другое место. Не сильно, но чтобы на клинок попала кровь. Получилось?

Брат с сестрой выполняли все приказы Дмитрия Михайловича не задумываясь, словно были в каком-то оцепенении. В тот момент, когда остриё клинка, словно тончайшая игла, без боли укололо руку, появившуюся капельку всосал в себя клинок, прекратив дрожать, но рукоять кинжала стала быстро нагреваться.

— Второй шаг привязки. Держите в руках и не выпускайте, даже если будет очень больно. Отключите в сознании болевые ощущения. Сейчас Ваши друзья испытывают Вас на стойкость. Отпустите — потеряете контакт навсегда.

Антон, испытывая нестерпимое жжение в ладони, которая обхватила рукоять клинка, держался, с тревогой глядя на сестру, по лицу которой текли слёзы от невыносимой боли, но девушка, хоть и побледнев, рукоять так не выпустила. Более того, словно в победоносном жесте, вскинула клинок над головой и... в тот же миг всё закончилось — и боль и неприятные ощущения онемелости в руке.

— Молодцы, не посрамили старика, — раздался радостный голос Дмитрия Михайловича, о присутствии которого двойняшки вообще позабыли. — Теперь можете переложить оружие в другую руку и посмотреть на свои раны.

Арина, с трудом разогнув пальцы, переложив клинок в левую руку, с удивлением смотрела на ладонь — та была совершенно целой, без малейших повреждений, хотя она была готова увидеть сильнейший ожог.

Переглянувшись с братом, непроизвольно поднесла тускло блеснувшее лезвие к губам и поцеловала его, ощутив в себе небывалое спокойствие и неожиданное тёплое прикосновение дружеской души к своему сознанию.

— Они и в правду живые, — удивлённо проговорила девушка, рассматривая странную вязь на клинке, которая под её взглядом словно оживала — нити рисунка двигались, сплетались между собой и вновь расплетались, создавая каждый миг всё новые и новые узоры, которые, исчезая в одном месте, возникали в другом.

— Ну что, убедились, что Ваши друзья не причинили Вам вреда, а лишь испытали своих носителей на прочность? Молодцы. А теперь последний шаг. Это привязка к телу. Расстегните свою одежду на груди, что бы был доступ. Теперь приложите клинок к своему

телу и держите его до тех пор, пока ощущаете его в своих руках. Арин, какая же ты умничка.

Девушка, опустив пустую руку, с недоумением посмотрела на грудь — там ничего не было, лишь гладкая кожа. Перевела взгляд на старика, потом на брата и лишь в последнюю секунду увидела, как другой клинок исчезает в груди Антона, растворяясь в теле.

— Это как? — ошеломлённо спросил парень, стоя на дрожащих ногах, схватившись рукой за край стола. — Они теперь будут в НАС? Постоянно?

Старик засмелся, ничуть не скрывая слёзы восторга от увиденного, не стесняясь подопечных. Чуть успокоившись, пояснил.

— Антон, ну ты и задал вопрос. Сам-то подумать не мог? Или до сих пор не понял главного — чем ты теперь обладаешь?

— Чем обладаю? — переспроисл Антон, ощупывая своё тело.

— Во-первых, мой дорогой, как бы ты носил свой кинжал? В чехле на поясе? Или засунув в штаны? А если тебе придётся лететь на самолёте? Или нужно будет пройти через рамку металлодетектора? Что тогда? Могу рассказать — истошный звон и последующий обыск с раздеванием. А сейчас твой друг слился полностью с твоим телом. Он стал такой же частью, как твоя рука, нога или бестолковая голова.

— Дмитрий михайлович, — начал было парень, но старик замахал на него руками, словно отбиваясь от назойливого комара.

— Не обижайся, юноша, я не со зла. Меня просто веселят твои неуместные вопросы. Задаешь их мне, когда и сам бы мог, слегка потревожив своё вещество в голове, прийти к должному пониманию. Я тебе уже сказал ранее — сначала думай, потом говори, да и будь более выдержанным — ты уже не восторженный юноша, а вполне сложившийся человек. Привыкай думать, прежде чем что-либо скажешь или, тем более, сделаешь.

Арина улыбалась, глядя на покрасневшего брата. Потом, интуитивно, закрыв глаза, представила клинок в руке и он... чуть толкнув ладонь, оказался в плотно сжатой руке.

— Ты это как...? — ошеломлённо спросил Антон, в ту же секунду и сам сообразив, повторил трюк сестры. Спрятал кинжал и вновь проявил. И так несколько раз подряд, добиваясь чуть ли не автоматизма.

— Молодцы, — похвалил обоих старик. — А теперь ещё пара слов и последнее, что Вам нужно будет сделать. Встаньте напротив друг друга и по очереди своим кинжалом уколите в ПРАВУЮ ладонь своего близкого. Не надо силы — просто поднесите клинок к руке своего родного человека.

После того как двойняшки выполнили пожелание деда, осмотрели руки друг друга, но следов от укола, тем более крови, так и не увидели.

— Вы, наверное, удивлены? — ухмыльнулся Дмитрий Михайлович. — А зря. Это же, по сути, тоже родственные души, и теперь воспринимают Вас как своих близких, так что бояться получить раны от оружия друг друга не нужно. Вы можете попытаться даже проткнуть себя или свою половинку, но ни внешнего, ни внутреннего следа не будет. В момент укола или удара, остриё кинжала Вашего родственника будет расплываться по телу, не причиняя никакого вреда, что не могу сказать о Ваших врагах. Для информации — точить своё оружие не требуется, так как оно настолько острое, что на кромке составляет молекулы. Резать может что угодно — камень, железо, дерево. О человеческом теле и не говорю — уколы и порезы, нанесённые этим оружием, если и заживают, то спустя долгие месяцы, даже и совсем незначительные царапины. К чему говорю — ни в коем случае не давайте НИКОМУ в руки своего друга, даже своим самым близким родным. Не хвастайтесь и

не показывайте кинжалы. Считайте, что вы в этот момент оголяетесь и показываете самое сокровенное. Ну, я так думаю, Вы поняли смысл моих слов. И теперь последнее. Арин Представь в руке тот меч, что держала внизу, в Хранилище. Закрой глаза и пожелай, что в руке был меч, а не твой кинжал.

Арина послушалась и, выполнив совет Наставника, вдруг обнаружила в руке, открыв глаза, тонкий и прямой меч, край лезвия которого было покрыто дымкой. Вернув размер клинку, попыталась повторить это уже с открытыми глазами. И даже не успела заметить, хоть и тщательно старались, как клинок вырос в её рук мгновенно, не став тяжелее.

— Теперь ты, Антон, — попросил старик, и парень старательно несколько раз то увеличивал длину клинка, то уменьшал.

— Молодец, — похвалил Дмитрий Михайлович. — Вот видишь? Сначала голова, а потом, как следствие, всё тело будет действовать по заданной программе. Между прочим, и форму клинка Вы можете создать такую, какая будет по душе.

Антон, держа в руке метровый тонкий меч пожелал, что бы онисчез в теле и... через секунду рука была пуста.

— Я понял, что к груди его не нужно каждый раз подносить, что бы спрятать, так? А в первый раз это было именно что привязка.

Дмитрий Михайлович согласно кивнул.

Антон, увидев, что сестра попробовала последовать его примеру, стал наблюдать. Сначала меч мгновенно стал короче, приобретя первоначальную форму, а потом, словно жидкость, сверкнув, втянулся в руку Арины.

Парень уобыкнулся, глядя на восторженное лицо сестры, а потом нахмурился, глядя на деда.

— Всё это, конечно, замечательно, не передать словами. Но меня, если честно, несколько напрягает, что наши тела за пару дней стали кладовкой для хранения древних артефактов. Я, конечно, рад, что мы оказались достойными, но, как врач, сейчас задумался — а не возникнут ли какие побочные эффекты от того, что в нас есть много чего лишнего? Интересно будет посмотреть анализ крови, да и измерить вес до и после «поглощения» кинжала. К тому же, как понимаю, хоть кинжал и внутри нас, те же металлодетекторы, хоть ручной, хоть арочный, могут сработать на чрезмерную массу железа в нашем организме.

— Вопрос, конечно, задан «вовремя». Именно тогда, когда УЖЕ в Вас медальоны и оружие, — улыбнулся страик. — Думаю, что не стоит волноваться, хотя... До сегодняшнего дня никто в мире просто не имел возможности провести анализы крови людей — носителей артефактов. Что могу посоветовать. Попробуйте пройти через рамки детектора или воспользоваться ручным аппаратом, хотя те работают, как правило, не всегда корректно. А лучше, если сделаете рентген всего тела и посмотрите на себя со стороны.

Дмитрий Михайлович говорил всё нормальным тоном и с соответствующим выражением на лице, но в то же время двойняшки почувствовали в его голосе какое-то издевательство, что ли. Вроде как он и знал что-то, но не спешил или не желал делиться информацией.

— Вообще, считаю, что со своими интересами по физиологии и структуре тел разберётесь сами. — Старик, закончив говорить, кивнул сам себе. — Да, забыл спросить, а Вы фехтованием занимались когда-нибудь?

— Занимались несколько лет, — ответила девушка. — В детстве мама обучала азам ножевого боя, позже занимались в спецшколе ФСБ под руководством опытных наставников.

Лет в двенадцать стали посещать занятия по фехтованию в спортшколе олимпийского резерва. Там хорошо учили, да и потом тренеры не хотели с нами расставаться, умоляя не нас, маму, что бы та не губила будущих чуть ли не олимпийских чемпионов. Но, если честно, бой на рапирах или сабельный бой на фехтовальной дорожке так и не стал для нас более интересным и захватывающим, чем, например, рукопашный бой или на ножах.

— Это радует, — Дмитрий Михайлович обрадовался, в предвкушении схватки потирая ладони. — Значит так. Сейчас выходим во двор и там покажете своё умение. Повторюсь — не бойтесь клинков друг друга, они Вас не покалечат и даже не поцарапают. Может, конечно, будете ощущать боль, но это, от динамического удара, а не поражения тканей. Что встали как вкопанные? Вперёд, во двор! Я уж не помню, когда в последний раз видел сражение на мечах. Так. Решено. Сначала на мечах пяток минут, а потом на ножах столько же. Победитель получит награду от судьи, то есть от меня.

Дед, хохоча во весь голос, метнулся во двор. Двойняшки, недоумённо переглянувшись, последовали за Наставником.

Старинный дом на окраине г. Приозерска. Ленинградская область.

В дом брат с сестрой вернулись после нескольких схваток не через десять минут, как было обещано, а чуть ли не через час. А всё потому, что Дмитрий Михайлович не был пассивным зрителем, то и дело останавливая бой, поправляя руки учеников, предлагая более удачные варианты тех или иных приёмов и давая дельные советы.

— Ребятюшки, — говорил дед в очередной раз останавливая схватку. — Вы не стадионе и не в зале. Отбросьте стереотипы. Сейчас сражайтесь так, словно на кону Вашу жизнь, ни больше не меньше. Уберите все красивые движения. Старайтесь работать минимум руками. Вам не следует отбивать оружие соперника, когда оно не направлено в Ваше тело, а, сделав одно единственное движение, отклонив чужой клинок, просто поразите соперника. Надо стремиться не ранить того, а убить. И чем быстрее это произойдёт, тем целее будете сами. Ещё раз. Начали...

Антон, спрятав в себе меч, без сил опустился на стул. Всё тело болело, словно били его нещадно хорошей такой жердью, да не один, а несколько человек. И парень до сих пор не мог поверить, что против него стояла лишь его сестрёнка — тоненькое и красивое существо, которое он любил и ценил больше всего на свете.

— Ты как? — спросил у девушки, но та тоже была без сил, опустившись на ближайший стул и, облокотившись на спинку, положила голову на руки.

— Ну, ты и зверь... — прошептала девушка. — Неужели нельзя было аккуратнее? Такое впечатление, что сражался насмерть, а не в тренировочном бою.

— Как и ты, милая, как и ты, — хыкнул Антон. — Не знаю как твоё тело, а моё, как чувствую, завтра будет выглядеть как один сплошной синяк.

— У меня тоже, — попыталась улыбнуться Арина, но, клюнув носом, просто вырубилась от усталости.

Антон не заметил когда в комнату зашёл Дмитрий Михайлович, но старик, услышав последние слова, улыбнулся.

— Ничего, мои хорошие. Бились в полную силу, я это оценил. Неплохие Вы воины, но вот в настоящем сражении пока не выстоите более пяти минут. И даже не против сильного соперника, а даже среднего. Школа у Вас есть, но вот опыта, можно сказать, нет совсем.

— Деда, но мы к сражениям, как ты говоришь, никогда и не готовились. Занимались ради собственного удовольствия, да и что бы гармонично развить тело. Знаешь, какое напряжение у нас во время лечения? То, что сейчас было, лишь слабая тень как мы, порой, возвращаемся домой — ноги и руки трясутся, а сил в организме нет никаких. Зачастую просто доползаем до кровати и... всё. А назавтра новые пациенты и новые трудности. Ведь каждый человек, которого мы лечим, ставит перед нами очередную задачу — повторю никогда не бывает, так как нет одинаковых людей, да и болезни, вроде похожие, протекают в разных телах по-разному.

— Трудно заниматься лечением? — дед сел рядом на стул и заглянул в глаза Антона.

— Трудно, не буду врать. Хотя и интересно. А самое главное, что нас держит и заставляет каждый день идти на работу — это те моменты, когда видим счастье в глазах людей, которые получили ещё один шанс на жизнь. Эти глаза совсем другие, чем были ещё сутки-двое до нашей работы. Они лучатся радостью и предвкушением снова ощутить

полноценную жизнь.

— И каков процент выздоровления в Вашей клинике? Только честно!

Антон через силу улыбнулся.

— А чего обманывать? Если полное выздоровление, то процентов восемьдесят пять-девяносто. Это если можем человека поставить на ноги за один сеанс. Остальных... Здесь уже не только от нас зависит, но и от самого пациента. Был у нас случай с год назад. Так, грустный пример. Привёз один большой начальник к нам на приём свою дочь. Той, как мы узнали, исполнилось восемнадцать лет, а после осмотра выяснилось — поражены почки, печень, да и много сопутствующего. Вообще, алкоголичка с многолетним стажем. Вот её папаня и пообещал нам чуть ли не золотые горы за лечение. Мы ещё раз её посмотрели, оценили свои силы и согласились, но чётко прописали в договоре, что потребуется минимум три сеанса не реже одного в месяц. К тому же внесли в соглашение пункт, что если девушка вновь начнёт пить, мы отказываемся её лечить дальше и снимаем с себя всяческую ответственность за последствия. И этот пункт был чуть ли не главным. Дали документы для ознакомления папашке. Тот прочёл очень внимательно, к тому же и своего адвоката привёз при повторном посещении, что бы не попасть впросак. Ну и, в конце концов, подписал со своей стороны.

— Что, сорвалась? — Дмитрий Михайлович грустно улыбнулся.

— Хуже. После первого сеанса всё было хорошо с месяц. Девушка пришла повторно и мы закрепили результат, порадовавшись, что её организм практически пришёл в норму. Попутно внушили отвращение к водке и вину, да и вообще к спиртному. Хотя и внушением-то это назвать нельзя. Так, стимуляция организма для более гармоничного восстановления. Что было дальше? На третий сеанс она не пришла и лишь через неделю узнали, что наша подопечная «слетела с катушек» после какого-то праздника у себя дома. Сам понимаешь — куча дружанов, подружек. Дым коромыслом и море бухла. Наша клиентка раз попробовала спиртное, второй, а в неё не идёт — тошнит, да и выворачивает после попытки выпить. Дальше хуже. В той компании оказался один «дружок», который ей дал уколиться. Кто, так и не узнали — там ведь была исключительно так называемая «золотая» молодежь, вроде как все свои, из «высшего» общества. Вообще, девочку в итоге скрутило до такой степени, что та выпрыгнула в открытое окно с шестого этажа.

— Не спасли?

— Нет, конечно. Со слов свидетелей, кто был на вечеринке, девушка разбежалась и, подпрыгнув на подоконнике, стала крутить в воздухе фигуры, словно прыгает с трамплина в бассейне. Естественно, что и в асфальт вошла как в воду — вытянутые руки и голова...

— Так она был спортсменкой, я правильно понял?

— Да, деда. Мастер спорта. Вот и выполнила свой последний прыжок на все десять баллов.

— Грустно, если честно.

— Не то слово. Вообще, было разбирательство, вскрытие и последовал соответствующий документ. Не помню дословно, но смысл таков — смертельная интоксикация суррогатным алкоголем, да ещё и чуть ли не двойная доза наркоты. В заключении были приведены такие космические цифры, что той дозы хватило бы на трёх здоровых человек для летального исхода. И знаешь что выяснилось? Оказывается, когда её организм не принял алкоголь естественным путём, кто-то особо «продвинутый» посоветовал ей влить себе пару стаканов спиртного через... вообще, использовать клизму. Она так и

сделала. Хорошо, что всё было изложено в заключение о смерти. Для НАС хорошо, так как папашка погибшей попытался с клиники стянуть охренительную сумму денег, мол, не выполнили то, что было обещано. И он, уверенный в своей вседозволенности, подал на нас в суд.

— И?

— Помог папин друг, опытнейший медик, который много лет работал с ним в Конторе, а позже перешёл в Военно-медицинскую Академию. Им был созван консилиум, который и дал однозначное заключение, что организм погибшей был до последнего дня в полном порядке, а после одномоментного принятия алкоголя и наркотиков, у девушки «поехала крыша». Вообще, суд состоялся, но закончился тем, что нас полностью оправдали, да ещё и выплатили компенсацию за клевету. Вот так и работаем, Дмитрий Михайлович.

— Всё хочу тебя спросить, — старик смутился. — Ты это... Если не сможешь ответить честно, лучше промолчи, ладно? Ваши услуги дорого стоят?

Антон улыбнулся, кинув взгляд на спящую сестру, говоря тише.

— Наши цены, если честно, не для обычного и даже среднего уровня граждан. Хотя могу сказать, что вначале узнаём о платёжеспособности клиента, от этого и берём. Не кривись, деда. Мы работаем на совесть и полностью отработываем деньги клиента. Это, во-первых. А во-вторых, зачастую денег не берём вообще, когда понимаем, что человек еле живой, мы МОЖЕМ помочь, а вот средств на оплату у того попросту нет. Бывает такое, и не так уж редко. Но и в этом случае смотрим, что это за человек и стоит ли с ним работать. Порой отказываемся от богатого наркомана, а лечим бесплатно какого-нибудь учёного или человека, кто нужен стране сейчас или понадобится в дальнейшем. От кого сразу отказываемся, не смотря на нытьё или слёзы, так от всевозможных представителей так называемой «богема» — артистов там, писателей, болерунов. Вообще, от тех, кто не является критически нужным нашей стране в данное время.

— Интересный подход. Удивил, если честно. И много таких просится?

— Много деда, очень много, чуть ли две трети. Они ведь в массе своей или наркоши или алконавты. И ползут к нам с просьбами, мол, выведи из запоя, а уж я потом... А потом, через короткое время, всё повторяется, только в более тяжёлой форме. Не раз и не два поначалу за таких брались, но позже пришли к единому мнению — хватит, и точка.

— Позволь не согласиться с тобой, малыш. И среди творческой интеллигенции много достойнейших людей, которые своим трудом прославляют нашу страну.

— И много таких, Дмитрий Михайлович, можешь назвать? Я имею в виду тех, кто именно что прославляет? Кто достоин? Могу сказать — пальцев на двух руках хватит. Остальные — шлак, которые пытаются выделиться из общей массы хоть чем-то, но, не имея ни таланта, ни способностей, корчат из себя неизвестно что. Дробавлю, коль зашёл разговор на эту тему. Среди наших клиентов есть немало порядочных известных людей, кто нуждался в помощи. И знаешь, те ведут себя скромно и достойно, понимая, что мы можем отказать. Тем не менее, не заискивают и не лебезят как большинство. И тем, кто, по нашему мнению, достоин, мы помогаем, порой бесплатно. Не забывай, что мы — владельцы и единственные врачи частной клиники и имеем полное право выбирать тех, кого будем лечить. Так что не стоит осуждать нас за то, что берём деньги с клиентов. И вот ещё что. Если ты хочешь привести как аргумент, что в поликлиниках или больницах лечат бесплатно, позволю не согласиться. Во-первых, всем, кто там работает, выплачивает деньги государство, мы же работаем на хозрасчёте — что заработали, то и получили. Да, забыл добавить, что мы из

гонорара честно платим налоги, оплачиваем коммуналку, зарплату неплохую получают шесть сотрудников нашей клиники, да и много всего другого. Одноразовые простыни, перевязочный материал, когда необходим, тоже покупаем именно что за свои. А сравнивать нашу клинику с больницей нельзя. Кстати, в той же самой больнице, которая принадлежит по факту государству, сейчас много чего платно. Официально нет, конечно, но зачастую идёт откровенное вымогательство как со стороны врачей, так и младшего персонала.

— Я в курсе, не удивил. Таков порядок был всегда, — скривился дед. — Хочешь, что бы к тебе относились получше — плати. Более эффективные препараты тоже оказываются почти всегда платными. Желаете лишнее телодвижение сестры или внимание нянечки — дай на лапу...

— Вот видишь, сам понимаешь. В поликлиниках, кстати, точно так же. Там ведь нет стремления вылечить больного. Скорее наоборот. Чем больше людей приходит на приём, тем больше зарплата у медперсонала. Понимаешь, каков круговорот? Не удивительно, что врачи отработывают положенные часы и, покидая рабочее место, полностью выкидывают всех и вся из головы, забывая все рабочие проблемы. Может это и более правильно, но мы с сестрой так не можем. Для нас каждый пациент, с которым работаем или работали, важен, и мы никого не забываем. У нас есть график периодичности, по которому сотрудники нашей клиники производят обзвон и все данные по результатам разговора вносятся в специальный файл на компьютере, да и в медкарту пациента. Так что, можно сказать, мы ведём практически всех наших бывших клиентов.

— Так и должно быть, — старик улыбнулся, но через секунду задал вопрос, от которого Антон дёрнулся. — Мальчик мой, а чем Вы владеете? Имею в виду Ваши тайные техники? Вот не поверю, что бы ты с сестрой кроме своего, так называемого, «Щита», не пробовали придумать что-то из убойного? К тому же меня успели проинформировать как погибли напавшие на конвой, где Вы находились.

Парень смутился. Хотя он и рассказывал деду историю о нападении на шоссе и как они отбились, но без деталей, а вот об остальном вообще умолчал — не хотел делиться даже с ним своими тайнами. Даже о том, что продемонстрировал Свару в московской гостинице, не раз пожалел, тем более что там были и посторонние люди. А вот сейчас... Рассказывать или нет, он не знал. Но, видя заинтересованное и доброе лицо старика, к тому же понимая, что именно благодаря старику он с сестрой и обрели невероятно больше, решил на откровенность.

— Не буду интересоваться — кто конкретно поделился с тобой информацией о причинах смерти бандитов, которые желали нас уничтожить, ведь это закрытая информация. Там мы использовали простой физиологический приём, основанный на спазме мышц. Что ещё? Ладно, не буду играть в партизана. Кроме «Щита» и «Поиска», о котором рассказывал, мы случайно овладели таким приёмом, как «Солнышко» и его производным, что назвали «Луч»...

Антон рассказал о природе и технике их создания, а также и последствиях испытаний. В принципе, то же самое, что узнал от них и Свар. Только вот Дмитрий Михайлович задал несколько совершенно неожиданных уточняющих вопросов о деталях применения «луча» и о методах его создания, словно был знаком с таким элементом ментальной техники. И, видя понимание, парень не преминул задать соответствующий вопрос.

Старик снисходительно улыбнулся.

— Тот приём, что Вы назвали «Солнышком», известен давным-давно, правда его могли

создавать только мощнейшие уникамы-менталы, в телах которых царил гармония между телом и духом. Его называли в древности «Солнцем Сварога», но применяли редко — слишком уж непредсказуемым было поведение этого элемента. А вот то, что Вы смогли его трансформировать в луч, да к тому же ещё научились и управлять им, это для меня новость. Если честно — хочется прямо сейчас просить показать всё это, но сам понимаешь, в деревянном доме такие эксперименты проводить не стоит. Лучше после обеда съездим на Ладогу — там мне и покажете, благо, что людей пока по берегам шастает мало, да и «луч» свой лучше запустить в безлюдном месте в воду, ну, или в воздух. А вообще... — Дмитрий Михайлович как-то построжел лицом. — Странно, что ВЫ в таком юном возрасте смогли овладеть сложнейшими ментальными техниками, которыми даже я не способен управлять, не смотря на свой возраст и практику.

— Так всё просто, деда, — Антон улыбнулся. — Мы тебе покажем и объясним суть — как и что, и в какой последовательности нужно делать.

— Ну-ну... — Старик кинул какой-то странный взгляд на парня. — Кто ещё в курсе этих Ваших «техник»?

— Не видел никто. Нет, вру. «Солнышко» видел Свар и двое из Братства, когда мы были в Москве. Хотя... тогда было больше показухи.

Парень смотрел на деда и понимал, что у того в голове сейчас решается много по их дальнейшей судьбе. Он выждал несколько секунд и задал вопрос, от которого глаза у старика стали похожи на блюдца.

— Дмитрий Михайлович. Ты сейчас в голове решаешь вопрос — удавить нас здесь и сейчас? Или чуть позже, при удобном случае? Боишься, что мы опасны для тебя и других людей? Или как Братству взять нас под контроль?

— Ну, ты и сказанул, — чуть ли не прошипел старик. — И как такое вообще мог произнести?

— Самое забавное, что ты не сказал «подумать», а использовал слово «произнести». Значит, что-то подобное у тебя в голове было.

Старик ничего не ответил. Поднялся из-за стола, начав ходить по горнице из угла в угол, о чём-то напряжённо думая. Потом, неожиданно дёрнувшись, чуть ли не бегом направился во двор...

— Ты сделал правильно, что рассказал, — Антон вздрогнул от фразы, неожиданно прозвучавшей в тишине. Посмотрел на сестру, а та, словно продолжая спать, не поднимая головы, продолжила. — Только не надо всем рассказывать о подробностях нашей жизни и работы. Поверь, многого не поймут, да ещё и осудят, мол, хапуги из медицины. Ведь никто не знает, что мы ощущаем во время самого процесса лечения, да и как потом чувствуем себя, отдавая, в принципе, чужим людям своё здоровье. Что бы понять, надо быть такими же.

Арина закончила фразу совсем тихо и снова задышала ровно, продолжив спать.

— Малыш ты мой. Устала, роднуля.

Антон нежно и аккуратно подхватил сестру на руки и отнёс её в спальню, которую дед определил для них. Не стал раздевать сестру, лишь аккуратно подсунул под голову подушку, да укрыл краем одеяла.

А сам, что бы не мешать, прилёг рядом с кроватью, на полу, мгновенно отключившись.

* * *

— Антош, мальчик, просыпайся.

Парень дёрнулся от прикосновения руки деда, открыв глаза.

— Что случилось?

Дмитрий Михайлович стоял перед ним в тёмном, почти чёрном комбинезон, держа в руках длинный свёрток.

— Ты меня извини. Разбудил, что бы проститься, — кривя губы, старик опустил глаза, не смотря Антону в лицо. — Прорыв у нас, а никого поблизости нет, собрали лишь десяток бойцов. Они скоро придут ко мне, а уже отсюда отправимся на точку. По всем признакам это один из крупных пробоев за последние годы. Кто лезет, пока не понятно, хотя вряд ли соседи. Те уже знают, что к нам лучше не соваться. Да. Ещё. Катя тоже скоро будет здесь. Она ведь хоть и не боец, но силы в ней много. Из города помощь уже едет, но два часа — это много. Так что, малыш, на всякий случай, прощай. Счастлив был познакомиться с Вами. Для меня это было сродни глотку свежей воды в невероятную жару. Спасибо тебе и половине передавай мои пожелания.

— Деда. Стоп. Я с тобой.

— Нет, дорогой. Ты и Арина останетесь здесь, коль обещал, что с Вами ничего не случится, так что...

— Деда. Я взрослый и самостоятельный человек. Я С ТОБОЙ. Это не обсуждается. Ты говоришь, Катя придет? А Олег, Свар?

— Олег останется дома с детьми. Он не в форме, поэтому будет обузой. По поводу Древнего не знаю — Катя ничего о нём не сказала.

— Ладно. У тебя есть во что переодеться? А то на мне то единственное, что имею. Жаль будет возвращаться в город с голым задом.

— Идём, что-нибудь подберу, — старик говорил еле слышно, но не успел Антон подняться с пола, как с кровати планым движением соскользнула девушка, схватив брата за руку.

— Не будь идиотом, Тош. Если думаешь, что сможешь от меня улизнуть, ошибаешься. Я слышала всё, сказанное дедушкой, поэтому... Не задерживай. Двигай вперед, братец-кролик.

Когда двойняшки зашли в горницу, Дмитрий Михайлович доставал из невысокого шкафа упаковки с одеждой, но, увидев девушку, дёрнулся, выпустив всё из рук.

— Антон, — возмущённо сказал старик. — А тебя-то согласился взять с большим скрипом, а на кой сестру разбудил?

— Он меня не будил. Я не спала и слышала всё, что было сказано. И давайте без соплей. Как и брат, я имею бронзовую степень знака Защитника, а что бы им обладать, надо затратить очень много сил, да и потом всю жизнь приходится доказывать, что достоин ранга. Мы вот вначале имели серебро, но так случилось, что через год не смогли подтвердить уровень. Жаль, конечно, но нам, надеюсь, удастся вернуть утерянный ранг. Так что мы не случайные люди, деда, и давай ближе к делу, а болтологией займёмся потом, в более спокойной обстановке.

— Ты, как погляжу, «крутая»? — ухмыльнулся старик. — Ладно, слова сказаны и Ваше решение не вправе оспаривать, хотя придётся теперь смотреть за Вами, а не прямым делом заниматься.

— Это кто за кем будет смотреть, старче, — такой же ухмылкой ответила девушка и, схватив со стола упаковку с одеждой, тут же стала переодеваться.

— Милая, ты б в комнату прошла, что ли, — смутился старик, отворачиваясь от чуть ли не голой девушки.

— Деда, скромность в благости, не в покаянии, — произнесла Арина, одев брюки и

застёгивая на груди молнию куртки. — Некогда стесняться и жеманичать. Так, я готова. Обuvi, как понимаю, соответствующей нет? Хотя и кроссовки будут к месту. Оружие какое дашь?

— Оружие? — дед остановился на полушаге, а потом, с улыбкой, повернулся к девушке. — А что, твоего личного не достаточно? Как по мне, то Вы будете вооружены лучше, чем кто-либо.

— Деда. Только прошу — ни слова маме. Она нас потом сожрёт без закуси...

— Она не сожрёт. Мама может только удавить своих непослушных засранцев, которые, как вижу, беззастенчиво врут родителям о своём немощном состоянии. Я что, неправa?

Родной голос прозвучал столь неожиданно, что двойняшки от неожиданности аж подскочили на месте, повернувшись к двери, в которой, загоравив проход остальным, стояла их мама.

— А ты, значит, и есть тот самый неуловимый Дмитрий Михайлович, которого искали всем миром на протяжении чуть ли не полутора десятков лет, если не больше, на земле и под землёй всем Братством? Что ж, рада познакомиться со столь неуловимой легендой.

— И нашим Наставником, мама, — Арина встала рядом со стариком и обняла того за талию. — Именно он вылечил Антона и дал ТАКИЕ знания, что подобное не могли получить за все прошедшие годы.

— И чему же он Вас научил такому, что я была упомянута как нечто незначительное?

— Мам, хватит колкостей. — Антон встал перед Настей и скрестил руки на груди. — Дмитрий Михайлович в действительности дал за эти дни... прости, часы, много полезного как из практики, так и теории. И хватит упрёков. В данный момент мы все делаем общее дело, так что прошу — успокойся и возьми себя в руки.

Отодвинув Настю, в комнату прошла Катя и, обняв деда, поцеловала его сначала в глаза, а потом в лоб.

— Здравствуй, милый. Узнала, что ты вернулся, но не виделись ещё. Соскучился по тебе за эти годы, веришь?

— Верю, Солнышконок, ещё как верю. Я ведь все эти годы помнил о тебе и держал в душе твой образ как маячок, что вернёт меня на родную земою. И не прогадал... А ты стала ещё краше, чем прежде. Глаза, вот, стали мудрыми, да и усталость в них вижу. Нелегко растить двух сорванцов? Или с Олегом не ладится?

— Деда-деда. Ты как всегда. Вроде и вопрос ни о чём, а хочется рассказать многое. Но об этом потом. Скажи одно — ты здоров, в силе?

— В силе, милая.

— Тогда передам тебе руководство. Во дворе три неполных пятёрки, да нас двое. Простите, четверо. Ребята ведь тоже изъявили желание себя испытать в реальном деле?

— Катя, — посмурнел дед. — То будет не испытание и не охота, а, возиожно, битва на смерть. По всем вторичным признакам «пробоя», к нам лезут из третьего минусового уровня. Всё указывает на Траколов. Ты понимаешь, что может случиться, если они пройдут через нас?

— Думаешь, они? Тогда придётся объявлять общую тревогу. Так. Настя. Супруг твой где?

— В машине во дворе. Сидит, ждёт чего-то, а уезжать один не хочет. Мы ведь далеко не уехали от Вас. Услышала Зов, вот и вернулись.

— Иди и позови его сюда, хотя нет, сама объясню чем сможет помочь. Время уходит, а

ехать нам минимум полчаса. Все готовы? Тогда, деда, командуй, а я займусь другими вопросами.

Дмитрий Михайлович ничего не сказал, лишь кивком головы показал на дверь, предлагая всем выйти во двор. И, уходя последним, поймав за руку Антона, остановил его.

— Тош. Что хочу сказать. Если что со мной случится — живите в этом доме, прошу. Понимаю, что постоянно здесь не сможете находиться, но хоть изредка бывайте. Жаль, если он без людей умрёт. Не надо сейчас ничего говорить, прошу. И ещё. По поводу Хранилища. Я оставил на заветной полянке пенал с кодами как наружных, так и внутренних дверей. Пользуйтесь. Считайте всё это моим подарком.

— Хрен тебе, дед, — разозлился Антон. — Нельзя идти в бой с паническим настроением. Кому, как не тебе об знать? Так что закрой, пожалуйста, рот и давай сделаем то, ради чего и живём. А потом посидим здесь все вместе и попробуем волшебной наливки. Что? Думаешь не знаем, что у тебя такая имеется? Белый все годы стонал, что больше не сможет попробовать «нектар богов». Ему повезло, он-то пробовал, а мы чем хуже? Что улыбаешься? Хочешь зажилить? Фиг тебе. Буду стоять по твоему приказу хоть на голове, а своё получу. Решили? Вот и славно.

Парень выскочил в дверь, а дед замешкался, пробурчав под нос.

— Вот засранец какой. Вроде и нагрубил старшему, в тоже время и нет. Скорее поднял настрой. Чёрт знает как с ними, потомками, общаться. Вроде ещё и люди, в тоже время уже и не совсем... Ладно, надеюсь, что будет возможность разобраться как в них, так и в самом себе.

--

Когда парень и старик вышли последними во двор, от одной из машин, что находились как на территории двора, так и стояли за воротами, отошла Катя. Подняв руку вверх, скомандовала.

— Все в круг. Полная тишина.

Через минуту, увидев сосредоточенные лица, стала рассказывать.

— Прорыв начался с полчаса назад. Место безлюдное, что облегчает нам работу. Берег Ладоги за Кузнечным. Судя по первичным данным, сработала одна из «воронок», причём, как я поняла, в обратную сторону, что не может не вызвать озабоченности. По радуге, которую заметил Хранитель, это соответствует «пробой» из миров Траколов. Для несведущих поясню что это за твари. Похожи на больших жуков, только вот высотой в метр, а зачастую и ещё выше. Панцирь по прочности сродни стали, к тому же эти твари его чем-то дополнительно укрепляют. Сами по себе не являются мыслящими существами, но когда их собирается много в одном месте, образуется что-то вроде общего разума. Действовать могут как поодиночке, так и в общем строю, наподобии древнегреческой фаланги, то есть массивный тяжёлый прямоугольник, где быстрые и слабые в центре, под защитой более крупных особей. Вооружения, как такового, не имеют, действуя передними массивными лапами, которые у них напоминают клешни наших крабов. Скорость передвижения высокая. Могут достигать в беге на ровной местности свыше сорока километров в час. На пересечёнке более медлительные. Уязвимость. Слабые места — около оснований ног. Головы из-под панциря во время схватки не высовывают, берегут. Да, как и любые жуки, больше ориентируются не на глаза, а на чувства обоняния. В их антеннах-усах имеются множество рецепторов, которые способны почувствовать человека на расстоянии более ста метров. Вроде всё. Вопросы?

— Бить по усам или под панцирь? — спросил один из мужчин со шрамом, пересекающем всё лицо.

— Да, именно туда. Забыла добавить. Боятся, как все насекомые, огня. Так что нужны огнемёты. У нас сколько в наличии?

— Пять штук могут сделать по двадцать выстрелов. Потом необходима перезарядка. К каждому аппарату имеется по запасной паре баллонов.

— Ну, хоть что-то. Пики, копья? — Катя обвела присутствующих взглядом.

— Есть. В наличие двадцать штук, — раздался очередной голос, и Антон с удивлением заметил, что эти слова произнесла девушка, по возрасту, похоже, намного моложе его. — В наличие так же пара секир на телескопических рукоятках.

— Хорошо. Огнестрел не применять — возможны рикошеты. Поубиваем не их, а себя. Используйте только в случае безвыходности, хотя такого постарайтесь вообще не допускать. Работайте минимум парами, лучше тройками. Ещё вопросы есть?

Ответом была тишина, после чего женщина скомандовала.

— Руководителем будет Дмитрий Михайлович. Его большинство из присутствующих знает или хотя бы слышал кто это такой. Я вмешаюсь лишь в крайнем случае. А сейчас по машинам.

Люди рванули к транспорту, а Катя поманила двойняшек и Дмитрия Михайловича к небольшому микроавтобусу.

— Залезайте. Поедем вместе, да и по пути надо кое-что выяснить.

Когда колонна начала движение, Антон удивился, заметив впереди машину ГАИ, которая, ещё перед выездом на шоссе, включила сирену и «люстру» на крыше.

— О как? — прыснула Арина, — прямо дискотека.

— Именно что дискотека в нашем забытом богами месте. — Настя улыбнулась. — Перефразируя древний дурацкий анекдот, добавлю. — Перун где-то достал новый диск для пулемёта...

— Не смешно, — буркнул Дмитрий Михайлович, о чём-то напряжённо думая.

— Я тоже так считаю, просто к слову пришлось, — вновь хмыкнула Катерина и, повернувшись к двойняшкам, резко изменилась в лице. — А теперь, мои дорогие родственники, поясните мне, убогой, что Вы за представление устроили в доме деда?

Антон переглянулся с сестрой и оба вопросительно посмотрели на женщину.

— ???

— Что вытаращились? Не понимаете о чём я?

— Во-первых, Катя, попридержи язык, — Антон хмуро посмотрел в глаза женщине. — Не хами, прошу в первый и последний раз. Во-вторых, мы и в самом деле не понимаем — что тебя конкретно заинтересовало. Было много всего... разного...

Женщина резко сбавила тон, сознавая, что и в самом деле несколько не так начала разговор, пояснив ранее прозвучавшие слова.

— Извините за грубость, не права, признаю. А вопрос в следующем — что Вы такое сделали, что я чуть ли не потеряла ДАР, ослепнув и оглохнув на несколько минут? Вы светились словно сошедшие на землю боги. Правда, вскоре всё вернулось к норме.

— А, это... — улыбнулась Арина. — Мы с Дмитрием Михайловичем занимались познанием возможностей своих организмов. Ну, ты, надеюсь, поняла? Нет? — удивилась она, глядя на родственницу. — Как бы более понятнее объяснить?

— Пытаешься соврать? Так это у тебя плохо выходит. Не врала в своей жизни никогда,

да и не надо начинать. — Катя потемнела лицом. — Я ещё раз спрашиваю — ЧТО. ВЫ. СДЕЛАЛИ???

С задних кресел послышался тихий голос Дмитрия Михайловича.

— Катя. Ты мне верила всегда. Сейчас способна на это?

— Да, деда, — смутилась женщина.

— Тогда отстань от ребят. Они сказали тебе правду. Я с ними занимался именно тем, что Арина и озвучила — мы расширяли сознание до предела возможностей и возвращали его в нормальное состояние. Не их вина, что малыши, по факту, являются уникамами и ты со своим ДАРОМ, которым неимоверно гордишься, считая его непревзойдённым, извини за сравнение, сейчас как спаниель рядом с тиграми. Теперь тебе будет спокойнее? Ты ЭТО хотела услышать?

— Дмитрий Михайлович, ты хочешь сказать, что они...

Старик, перебив на полуслове, не дал женщине закончить фразу.

— Я сказал всё, что тебе НУЖНО знать на этот момент. Извини, но у каждого есть маленькие секреты, которыми он имеет право не делиться даже со своими самыми близкими. И давай эту тему закроем.

В салоне все замолчали, лишь гудение двигателя нарушало тишину.

--

Вскоре минут Дмитрий Михайлович, встав с кресла, прошёл к водителю и, о чём-то с ним коротко переговорив, обернулся к остальным.

— Я попросил Володю свернуть на дорогу, если будет такая поблизости, что ведёт к берегу Ладоги. Нужно кое-что уточнить. Если наша машина свернёт, остальные пусть за нами не едут, останутся на шоссе. Катя, если не сложно — свяжись с другими водителями и объясни ситуацию.

— Дмитрий Михайлович, может позже? Сейчас каждая минута дорога, — возразила женщина.

— Нет, Катенька. Я с час назад узнал такое, что просто необходимо подтвердить до встречи с неведомыми «гостями». Если всё окажется действительно тем, как я представляю, наше будущее может кардинально измениться. Повторю — кроме нашей машины на берегу не должно быть никого.

— Я поняла, — недовольно буркнула Катерина и, вынув из кармана миниатюрную рацию, стала связываться с другими машинами.

— Деда, а чего она не..? — и Арина постучала по лбу. — Так же быстрее и... лучше.

— Для Вас может и лучше, но не для меня, — ответила сама Катя. — Это Вы такие уникамы, а я так, ничтожество по сравнению с Вами.

— Девочка, ты обиделась на мои слова? — Дмитрий Михайлович улыбнулся. — Не стоит злиться. Я старый уже, в маразм впадаю прямо на ходу. И ты, коль умный человек, делай скидку на возраст и состояние моей черепушки. Не хотел тебя оскорбить, честное слово. Да и не стоит сейчас дуться друг на друга. Что будет впереди — никто не знает, а идти в бой с посторонними мыслями негоже.

Катя недовольно зыркнула на деда, но промолчала, отвернувшись к окну и глядя на мелькающие деревья.

Вскоре колонна машин снизила скорость, а потом и вообще остановилась.

Дмитрий Михайлович вышел и подошёл к машине ГАИ. Переговорив с сидевшими внутри людьми, вернулся.

— Антон, Рина со мной. К берегу на машинене проехать, но тут недалеко, дойдём минут за пять. Остальных прошу за нами не ходить.

— И мне запрещаешь? — с вызовом спросила Катя, но старик промолчал, лишь согласно кивнул.

--

Минут через двадцать три человека вернулись обратно и, когда сели на свои места, все машины вновь стали набирать скорость.

Антон переглядывался с сестрой и они, порой, незаметно кидали взгляды назад, где сидел ошарашенный дед.

В салоне царил тишина, но Катя не выдержала.

— Если не секрет — чем Вы там занимались столько времени?

— Не секрет, — улыбнулась девушка. — Дмитрий Михайлович устроил нам испытания — способны ли мы сражаться наравне с бойцами, что сейчас направляются к месту «пробоя».

— И как? — улыбнулась женщина. — Удовлетворён той подготовкой, что я с Вашей мамой Вам дали?

Двойняшки переглянулись между собой и, улыбаясь, утвердительно закивали как болванчики.

--

Прошло ещё десять минут и машины остановились на обочине. Из них стали выпрыгивать люди, на бегу одевая бронежилеты, доставая из багажников и распределяя между собой оружие. Хотя для постороннего взгляда это было совсем уж дико — пики, луки, арбалеты, мечи, да ещё и многое другое, словно здесь, в лесу, собрались реконструкторы средневековья. Соответственно отреагировали и пассажиры нескольких машин, которые проехали мимо них по шоссе.

Дмитрий Михайлович коротко переговорил с водителями и машины уехали. Затем поманил бойцов в лес, что бы и дальше не вызывать у случайных зевак интереса. И так присутствующие заметили, что их из проезжающих мимо машин фотографируют, а некоторые так и вообще пытались остановиться, что бы сделать наиболее удачные кадры, но тех быстренько прогнали, благо машина ДПС не еехала до тех пор, пока бойцы не исчезли в лесу.

Отойдя метров на тридцать от дороги, старик собрал всех вокруг себя.

— Значит так. До «воронки» осталось метров пятьсот. Идём по лесу тихо, на берег не выходим. Не разбредаемся по сторонам и внимание не ослабляем. Я пока чужих не чувствую — возможно, что успели приехать заблаговременно.

Арина заметила, что её мама двигается со всеми вместе, но вот почему не села в ту же машину, где были её дети, так и не поняла. А вот отец, судя по всему, остался в городе.

— Что задумалась? — на ходу приобнял сестру Антон. — Страшно?

— Не бывает страшно только идиотам, — хмыкнула девушка. — Меня больше заинтересовала причина, по которой мама с нами не пожелала ехать. Так обиделась на нас, что даже разговаривать не желает?

— Рин. Потом разберёмся. Не сейчас.

Когда до берега осталось совсем немного, старик остановился. Подозвал всех ближе, что бы не кричать на весь лес.

— Значит так. Сейчас основные силы остаются на месте и ждут сигнала от Катерины.

Если последует — сами знаете что делать. С Судьёй на берег к месту прорыва пойдут Антон, Арина, Борисоглеб и я. Старшим здесь назначаю Анастасию.

Арина не была удивлена, что в передовой группе окажутся они с братом, но вот новое имя её заинтересовало и, оглянувшись, когда пятёрка людей двинулась дальше, отметила совсем молодого юношу, на вид лет шестнадцати, не более. Парнишка даже оружия никакого не имел, лишь в руках был короткий кнут, которым тот, словно на прогулке, по пути ловко сбивал с деревьев сухие ветви, да и вообще вёл себя легкомысленно.

Антон, поймав недоумённый взгляд сестры, тоже обратил внимание на юношу и хотел было сделать замечание, как они вышли на высокий берег Ладоги.

То, что здесь разыгралось сражение, было видно — громадные, по несколько метров в высоту, кучи тех самых жуков, о которых их предупреждали, но не меньше было и других тел, которые внешне походили на людей, только вот рук имели в два раза больше, да и за спинами их были... крылья. Не большие, как можно было бы представить в пропорции с телом, а меньше метра. Тем не менее.

— Да уж... Прибыли точно "заблаговременно", — протянула Арина, совсем не желая обидеть деда.

Дмитрий Михайлович остановился, подозвав ближе Катю и Борисоглеба.

— Что скажете?

Паренёк принялся, потянув носом воздух словно собака.

— Все мертвы, живых, раненных нет. Сам проход схлопнулся. Более того — его вообще ликвидировали, запечатав навсегда. Не оттуда, отсюда. Как сделали — не понятно. Скорее всего, был применён какой-то артефакт.

Дед перевёл взгляд на женщину.

— Твоё мнение?

— Моё мнение таково, что здесь, судя по всему, разыгралась битва между теми, кто хотел пройти в наш мир и теми, кто этого не желал. Может и другое, как вариант — была погоня одной группы за другой, а здесь уже догнали и схлестнулись. Кстати, а что это за летающие люди?

— Это не люди, Екатерина Дмитриевна, — улыбнулся парнишка. — Это жители одного из миров минус четвёртого уровня. У нас мало информации, но себя вроде называют Лиагрекентак... простите, долгое название, да и хрен без ошибки выговоришь. Короче, это Шибздики.

— КТО?? — недоумённо спросила Арина, которая стояла рядом и слышала разговор.

— А? Что? — не понял вопроса парень. — Именно, что "Ашки" или, как вариант "Шибздики". А, допёр, извините. — Борисоглеб немного покраснел от неловкости. — Это сокращённое название. Если полностью, Ангелоподобные Шивообразные Кентоноиды.

— КТО-КТО?? — это уже задал вопрос Антон. — Кто придумал это название? Они сами так себя называли? Вроде ты говорил, что ИХ самоназвание иное?

— Самоназвание... это не точно, лишь предположение, сделанное нами на основании найденных однотипных записей на множестве мелких вещей. А «АШКи» — это в нашем институте присвоили такое обозначение.

— В каком таком институте? — удивился Антон.

— В НАШЕМ!!! — гордо заявил парнишка и повернул голову в сторону усеянного трупами прибрежного песка.

Антон взглянул на сестру, потом на деда, потом на Катю и... промолчал, что-то

лихорадочно соображая.

Дед, в изумлении от услышанного, почувствовав к тому же настрой двойняшек, «подлил масла в огонь».

— То, что они имеют рудиментные крылья, можно, хоть и с большой натяжкой, соотнести к ангелам. То, что в наличие две пары рук — соответственно, к богу Шиве, но причём здесь кентавры?

— Не кентавры, а кентоноиды, — буркнул Борисоглеб. — Они в процессе боя, как мы поняли, трансформируют своё тело, и одна пара рук и ноги работают как копыта у лошади.

— КОПЫТА? — опять всхлипнула Арина и затряслась, стараясь вслух не хохотать.

— Да, копыта, а как ещё можно назвать то, на чём бегают лошади?

— Вообще-то у лошадей копытами заканчиваются ноги у лошади. Представляю, как из тела вместо ног растут сразу копыта. — Катю тоже стало дёргать, но она до последнего держала себя в руках. — Это было бы совсем ужасное зрелище — более похоже на гусеницу с ороговевшими ножками. К тому же, насколько понимаю физиологию, копыта не гнутся — это роговое образование, так что, в лучшем случае, гусеница бы прыгала за счёт сокращения своего тела, хотя и это вряд ли.... Молодой человек, простите, а кто в институте конкретно присвоил такое название этому виду?

— Мой куратор, профессор Алексей Павлович Дымовой, — гордо ответил парнишка, но, спустя мгновение, что-то видно осознав, сник, пытаясь стать незаметным под взглядами четырёх пар глаз. — Точнее, он согласился с предложенным названием.

— И кто же был тот? Биологи или зоолог, что выдвинул столь оригинальное название?

Все понимали, что Екатерина Ярая просто тонко издевается над парнем, а кто автор — уже однозначно поняли все.

— Или тот по образованию — антрополог, энтомолог, животновод, арахнолог?

— Я историк, а не антрополог или не арахнолог, — вспыхнул Борисоглеб и тут же, спохватившись, вообще сник. — А что делать, когда нужных специалистов не хватает? Того, кто свободен на данный момент, и бросают в помощь другим отделам, а будешь спорить, так сразу пинком под зад.

— И много ТАКИХ в вашем институте? Я имею в виду «специалистов», кто работает не по профилю?

Парень уже чуть не плакал, понимая, что его возят лицом по...

— Нас вообще немного, ведь и полугодика НИИ ещё нет. Только утрясаются штаты, а спецов по конкретным направлениям с должным образованием, да ещё и из Братства, не хватает катастрофически.

— Подожди минуту. Ты говоришь, что являешься по образованию историком, так? А что закончил и когда?

— МГУ. Пять лет назад. Занимался расшифровкой рун, а сейчас поднимаем уникальный древнейший курган на Ладоге, поэтому поблизости и оказался.

— А сколько лет тебе тогда, отрок? — просил удивлённый Дмитрий Михайлович, у которого подсчёты ну никак не сходились.

— Двадцать девять полных неделью назад исполнилось, а что?

— Двадцать девять? — чуть ли не хором спросили все присутствующие, глядя на совсем юное лицо.

— А, вы о моей внешности? — криво улыбнулся парень. — Это гены по отцовской линии, тут ничего не поделать. У нас в роду шестидесятилетние выглядят лет на двадцать

пять. А когда приходит момент ухода, мужчина за сутки-двое стареет до физиологической нормы.

— Это вроде прогерии, только наоборот, — задумчиво пробормотала себе под нос Арина, но её слышали все. — Только в оригинале — преждевременное старение, генетическая болезнь.

— И не инфантильность. Этот термин обозначает нарушение психики, что ведёт к поведению взрослого человека как ребёнка. — Антон тоже задумался, перебирая в памяти аналоги названий болезни.

— Так, врачи за работой, — хмыкнул дед. — Ладно, ребятки, потом выясните что как называется. Да и с тобой, Борисоглеб, поговорим более предметно чуть позже. На данный момент есть более насущная проблема. Какие есть предложения, что бы спрятать от людей вот ЭТО. — Старик показал на песчаный берег.

— Закапывать здесь ни в коем случае нельзя. — Катерина стала серьёзной, вновь взяв бразды правления в свои руки. — Вывозить куда-то ещё у нас нет ни сил, ни средств. К тому же вдруг кто из посторонних увидит или, не дай боги, сфотографирует... Если только сжечь прямо на месте, тем более что «воронка», как выяснилось, навсегда запечатана.

Внезапно Борисоглеб, вернувшись к обычному состоянию, попросил слова, подняв руку, напоминая ученика начальной школы.

Получив разрешение, стал второпях предлагать.

— Всё уничтожать никак нельзя. Хотя бы по несколько тел надо доставить в институт. Пусть проведут вскрытие и исследования. Это ж как науку двинет вперёд.

— А вскрытие и заключения тоже будут делать историки? — хихикнула Арина, за что заслужила ненавидящий взгляд парня, но ответил тот, на удивление, спокойно.

— У нас сразу же найдутся спецы в нужной области. Не надо так говорить. Мы с куратором лишь пару дней имели возможность работать с трупом. Как его занесло к нам, так и осталось непонятным. То тело нашли случайно, да и не свежее оно было, дня два как подох, не то, что эти. А потом... прямо в холодильнике труп превратился в кашу.

— Ты хочешь сказать, что тело самоуничтожилось? — Дмитрий Михайлович выхватил основное из сказанного парнем. — И через какое время? Сколько дней прошло?

Парень задумался, явно что-то подсчитывая в уме. Пожал плечами.

— Точно определить не берусь, но что-то около трёх-четырёх дней. Хочу добавить, что жидкость та, во что превратилось тело, была очень токсична и ядовита, по виду напоминала серную кислоту — была вязкой, периодически испуская пузыри с отвратительным запахом. Она, между прочим, за ночь наполовину разъела стальной поддон, в котором ранее находилось тело. Всё потом пришлось сжигать.

— И стальной поддон? — поддел Антон, но его шутка не прошла, так как посмотрели на говорившего уж совсем осуждающе.

— Хорош стебаться, Антон. Время для этого прошло. Давай серьёзно.

— Согласен, серьёзно так серьёзно. — Молодой человек умел быстро соображать. — Предлагаю следующее. Сначала обрабатываем все тела из огнемёттов, а потом мы с сестрой, если понадобится, окончательно сожжём останки. Если же надо изъять образцы, то лучше сделать это как можно быстрее. Кстати, Борисоглеб, а та туша, что была у Вас в институте, находилась в холодильнике или просто при комнатной температуре?

— В холодильнике, конечно же.

— Но препарировали её, естественно, при обычной температуре, так?

— Да. В самой обычной прожекторской, а что?

— Не, всё нормально. Есть мысль попробовать сначала воздействовать на тела именно огнём. Может и наши способности не понадобятся.

— Может, Антон, может. А жуков как будем убирать? — Дмитрий Михайлович задумался.

— Так на жуков и сложим тела кентонавтов, — улыбнулся парень. — Простите, как их называли уже забыл. Не обижайся, Борисоглеб, я сейчас не со зла и без всякой издёвки.

— Называйте их кратко — Ашки. Раз такое название уже присвоено, то...

— Ашки так ашки. Хоть бешки. Хотя мне больше понравилось «шибздики». Кстати, деда, зови сюда всю гвардию — может услышим ещё что разумное...

--

Выслушав от пришедших множество мнений, было в итоге решено забрать по три трупа от каждого вида для исследователей Братства, а остальных сжечь здесь же, пока сюда не добрались местные жители или туристы.

Как сразу же выяснилось — сражаться до последнего были готовы все без исключения, а вот ворочать туши, которые весили по сотне килограммов, вызвалось совсем уж немного. Но Дмитрий Михайлович и Катерина были более чем настойчивы и вскоре работа закипела.

Сначала постарались растащить груды тел на две части, а потом уже стали на сложенные вместе тушки жуков закидывать «ШЫбздики». Именно это название почему-то сразу понравилось практически всем участникам «похорон».

Антон пару раз прикасался рукой к груди, ожидая помощи от медальона, но перед его мысленным взором так никаких подсказок и не появилось.

Через полчаса, когда уже всё было готово, несколько бойцов стали работать огнемётами, стремясь больше нагреть тела, что находились наверху, чем сжечь без следа. И, как ни странно, предложенный молодым историком метод сработал — над кучей тел возникло марево от раскалённого воздуха и тела прямо на глазах стали оплывать, теряя первоначальную форму, превращаясь в дурно пахнущую жидкость, которая, в свою очередь, стала растворять и воспламенять нижний слой тел.

Люди отключили огнемёты и отскочили от погребального «костра», который не горел и не дымил, а беззвучно плавил жуткое содержимое, становясь всё ниже и ниже...

Вскоре на песчаном пляже не осталось ничего кроме оплавленного до стеклообразного состояния чёрного песка, который, остывая, громко потрескивал.

Несколько мужчин и женщин, отойдя в сторону, сняли с себя всю верхнюю одежду и, зайдя в воду по пояс, старались отмыть тела от тяжёлого запаха, который, как казалось всем, кто здест присутствовал, впитался в них надолго.

— Что ж, повезло, что никого не потеряли в бою. Можно сказать — легко отделалась. — Катерина посмотрела на собравшихся. — Скоро сюда подъедет грузовик с холодильной установкой. Туда поместим тела и все свободны. А пока...

Лицо женщины, которая стояла спиной к воде, внезапно изменилось. Она хотела что-то ещё сказать, но, схватившись руками за голову, мягко осела на песок, а вслед за ней и все, кто был на пляже. Остались на ногах только двойняшки, которые одновременно оглянулись, желая понять, что именно увидела Катя и заметили метрах в пятидесяти от себя на высоком берегу обнажённого юношу, к которому издали быстро приближался огромный, высотой не менее двух метров, жук.

— «ТРАПКОЛ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВРАЖДЕБНОГО МИРА».

Надпись, вспыхнув в сознании Антона, сразу же исчезла.

— «А я даже не коснулся груди».

Эта мысль мелькнула в сознании парня и он, вслед за сестрой рванул наперерез жуку, понимая, что тот явно нацелился на незнакомца. Тот же, стоя на коленях, даже не сделал попытки убежать, лишь закрыл глаза ладонями, смирившись с неизбежным.

— Рин, ставим Щит и клинки на полную длину, — крикнул Антон, подсакивая к незнакомцу, хватая его за волосы и пытаясь поднять того на ноги.

— Ты кто, мля? Что делаешь здест в таком виде? Загораешь, нудист хренов? — заорал парень чуть ли не в ухо незнакомцу, который так и остался недвижим.

— Рин, этот придурок в шоке, мне его не утащить. Давай Луч.

— «ХАНГЕЛ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НЕЙТРАЛЬНОГО МИРА».

Новая вспышка в голове, но эту информация в данный момент была не столь уж важна.

Двойняшки, несмотря на то, что жук был уже метрах в двадцати от них, взялись за руки и закрыли глаза, а через мгновение в сторону мчавшегося на них «насекомого» мелькнула вспышка яркого света. Затем ещё и ещё, но все лучи, что до этого пробивали на испытаниях многометровые слои камня, лишь скользили по панцирю, не нанося тому видимого вреда, лишь останавливая и отбрасывая на несколько метров назад. И только осознав, что их усилия не приносят никакого вреда твари, двойняшки отскочили друг от друга, а в руках вновь, словно по волшебству, возникли узкие мечи.

— Бьём одновременно с двух сторон по голове и усам вдоль панциря. На счёт раз. Два... Раз!!!

Ни Антон, ни Арина не ожидали, что их оружие не просто нанесёт какой-либо существенный урон инопланетной твари, а разрубит её на три части как горячий нож масло. А через мгновение туша твари вспыхнула и за несколько секунд сгорела без следа, оставив после себя горстку серого пепла, в которой что-то блеснуло.

Пряча мечи, каждый из двойняшек слышали в своей голове победный восторженный крик — это торжествовали их клинки, которые впервые за многие века напились крови своих изначальных врагов, ведь именно против таких тварей они и были созданы в незапамятные времена.

Парень и девушка не могли отвести взгляд от места, где уничтожили своими руками первое живое существо, хотя память и подсовывала тех, других, кто остался на далёком шоссе, но сравнивать два события было нельзя. Здесь был их первый бой. Лицом к лицу с врагом, в котором они победили...

— Ты как, малыш? — Антон, сделав шаг, обнял сестру и прижал к себе её вздрагивающее тело. — Вот и тебе пришлось вступить в битву. Что ж. Скажу одно — наше оружие показало себя во всей красе. Спасибо им».

— Спасибо, — эхом откликнулась девушка.

Антон повернулся к спасённому незнакомцу, что бы выразить всё, что думал в данный момент, но не смог произнести ни единого бранного слова — юноша уже стоял во весь рост позади них, с грустной улыбкой глядя на своих спасителей. Но не это поразило Антона, а то, что сзади парня сверкали, словно у бабочки, два огромных полупрозрачных крыла.

Переведя инстинктивно взгляд на руки незнакомца, он увидел, что всё тело того было пропорционально и напоминало древнеримскую скульптуру — идеальное строение, рост около ста восьмидесяти сантиметров, белые волосы и неправдоподобно огромные синие глаза.

— Ты кто? — спросила девушка, то же зачарованно смотревшая на ожившую статую.

Незнакомец ответил, но его речь была непонятна, скорее напоминая треск и дребезжание, чем какой-то мало-мальски известный язык. Потом что-то спросил. Убедившись, что его не понимают, «статуя» прижала руку к голове, вопросительно посмотрев на девушку, в упор не замечая парня.

— Забавный кадр, — хмыкнул Антон. — Он, похоже, сходу влюбился в тебя, Рин. Смотри, как смотрит. Меня же в упор не замечает, словно я привидение. Забыл сказать. Есть информация, что это вроде как представитель дружественного мира. Называется, не понял кто конкретно — сам мир или его представители — Хангел. Блин, чуть ли не архангел к нам с небес спустился. Бред, конечно, но кто знает — откуда в религии такие персонажи? Вдруг и раньше были подобные встречи? Ладно, сестрёнка. Ты пообщайся пока с непонятно кем, только прошу, аккуратно, а я пойду к нашим. Нужно выяснить, что с ними произошло и от чего одновременно вырубилось столько человек. Ладно, рядовые бойцы, а почему Катя с дедом не устояли? Хотя на нас-то это не подействовало. Догадываешься почему?

— Конечно, Тош. Думаю, что меня и тебя защитили подарки нашей... учительницы, а может и древние кинжалы. Я вот только сейчас поняла насколько хочу узнать её имя, а то называем постоянно богиней или Изначальной. По всякому, пусть и уважительно, но только не по имени. Мне кажется, что так неправильно. Храм в её честь нам построить не дадут, но вот маленький алтарь в нашем доме мы сможем осилить. Ты как, не против?

— Только ЗА! Мы нашей... Вот... В очередной раз пытаюсь выбрать как её лучше назвать. Вообще, согласен с тобой полностью. Дед-то знает её имя, но молчит. Ничего, будем его пытаться вместе.

Не успел Антон и сделать несколько шагов, как в голове раздался тихий голос, полный боли и отчаяния.

— Тош. Помоги-и-и...

Парень резко обернулся и увидел свою сестру, стоящую на коленях с поникшей головой перед незнакомцем, а через секунду его сестра упала на песок без сознания...

Как он чуть ли не единым прыжком преодолел несколько метров, подскочив к сестре, так потом и не понял. Как позже и не смог себе объяснить каким образом буквально в полёте призывал в руку меч и одним движением смахнул незнакомцу голову, даже не задумавшись о правильности своего поступка. Обезглавленное тело постояло некоторое время, а потом, словно засохшее дерево, с шумом свалось, покотившись с крутого берега на прибрежный песок.

«КХАНГЕЛ. ПОЛИМОРФ. МЕНТАЛ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВРАЖДЕБНОГО МИРА ПОДЛЕЖИТ НЕМЕДЛЕННОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ».

Очередная информация вновь вспыхнула и угасла в сознании, но разбираться, кто есть кто, что и почему, не было времени.

Он, упав на колени, аккуратно приподнял голову сестры. То, что его родной человек ещё жив, почувствовал сразу, но опустошённое тело, из которого за несколько секунд выпили всю жизнь и силы, приводило в ужас.

— Ринушка, милая. Роднуля! Вернись, прошу!!!

Завыв от отчаяния словно дикий зверь, подхватил неожиданно лёгкое тело сестры и, прижав к своей груди, аккуратно ступая, стал спускаться с высокого берега к телам своих товарищей и близких, что до сих пор неподвижно лежали на берегу озера.

Неожиданно споткнувшись, опустил голову, увидев тело убитого им человека... нет, не

человека — твари, которая пыталась уничтожить то единственное и бесценное, что у него есть — его половинку, его сестру. Не задумываясь ни на секунду, крепко прижав к себе сестру одной рукой, призвав меч во вторую, с силой воткнул его в грудь поверженной твари, с полным безразличием отметив, как совсем недавно живое тело опало пылью на белый песок...

Ленинградская область. Приозерский район. Берег Ладоги.

3 часа спустя.

Всё, что происходило дальше, Антон видел словно через матовое стекло, да и отстранённо. Как постепенно приходили в себя люди из отряда. Как, увидев дочь на коленях сына, к ним крича что-то непонятное, бросилась Настя, пытаясь узнать состояние своего ребёнка, стремясь хоть чем-нибудь помочь. Как суетились вокруг них дед с Катей. Как на берег один за другим спустились два военных вертолётa и через короткое время вновь взмыли в воздух. Как берег покинули почти все люди, оставив лишь несколько человек...

Антонa ничегo не интересовало кроме его половинки. Сердцем и разумом чувствовал, как жизнь понемногу возвращалась в тело сестры, но очень-очень медленно. Парень вцепился в родного человека и старался влить свою силу, энергию, здоровье. И лишь к концу третьего часа почувствовал, что Арина в том состоянии, которое уже не является критичным. И, внезапно для родных, которые всё это время находились рядом, расстегнул на груди сестры одежду и, обнажив и свою грудь, прижался тем местом, где ранее были их медальоны. Почему так поступил, до конца и не понял. Скорее, поддавшись импульсу или совету свыше. Но именно это действие и сыграло решающую роль — тела двойняшек для всех, кто был рядом, словно вспыхнули как маленькое солнце и так же внезапно погасли, но вот люди, сидевшие рядом, ненадолго ослепли, судорожно потирая глаза и не понимая что произошло.

Девушка, внезапно открыв глаза, увидев сияющие от счастья глаза брата, улыбнулась.

— Роднуша. Ты меня вернул, братик. Спасибо тебе, половинка моя...

Арина схватила руками мокрое от слёз лицо брата и стала целовать его в глаза, в нос, в шею — туда, куда попадала губами.

— Солнышко моё. Какое счастье, что ты есть у меня, — улыбнулся Антон, ещё крепче прижимая к себе тело родного человека. — Как ты? Пришла в себя?

— До конца ещё не поняла, но вроде как в норме, — улыбнулась девушка. — Только слабость невероятная во всём теле. Знаешь, давай проверим нашу связь. Меня сейчас это беспокоит больше, чем физическое состояние.

— *«Ты меня слышишь?»*

— *«Слышу, роднуля, слышу. Всё как было. Теперь давай на своей волне».*

— *«Я тебя чувствую. Что странно, ощущаю даже не только твои мысли, Тош, а тебя целиком. Весь твой организм. Кстати, ты, как понимаю, всё отдал мне, да? И силы и здоровье? Зачем так? Для чего? Тебя сейчас, если что, голыми руками можно взять — ты как новорождённый, без капли энергии. Ау! Ты здесь? Слышишь меня?»*

— *«Я даже не столь слышу, как чувствую. Знаешь, ты умница, заметила главное — и я теперь тебя ощущаю, словно самого себя. Раньше такого не было. Наверное, это...»*

— *«Что ты сделал? Я не поняла. Была словно во сне, а потом внезапно очнулась».*

— *«Я прижал свою грудь к твоей тем местом, где у нас висели медальоны. И ощутил, словно мы на долю секунды слились в единое целое, а потом... потом нас опять разъединили. Даже не так... отбросили. Жаль... Мне было в тот момент так хорошо...»*

— *«А помнишь, как мы у озера пытались прижать друг к другу медальоны, но их тогда отбрасывало друг от друга. Вот так и сейчас. Это, как понимаю, они сработали, передали*

друг другу энергию и уравновесили силу и в себе и в нас».

— «Получается, что это как с кинжалами? Мы ведь по совету деда дали им попробовать кровь друг друга. А сейчас то же самое сделали с медальонами — дали им почувствовать тела самых близких, носителей второй половины единого целого».

— «Знаешь, Тош, мне до сих пор кажется, что всё, что с нами произошло за последние пару дней — сюжет из какой-то сказки. Вот не верю я, что это происходит наяву. Хочется проснуться и потерять глаза».

— «Не надо тереть! Во-первых, у тебя руки грязные, а во-вторых... Сама можешь догадаться, что карета наяву превратится в тыкву, да и всё остальное пойдёт как у всех — работа участковым врачом, каждодневный быт, из которого не вырваться. Давай уж в сказке жить, пока нас из неё не выгнали».

— «А могут?»

— «Не знаю. Думаю, что пока терпят наше присутствие — ещё не наворотили того, после чего выпрут пинком под зад, да и... Лапушка ты моя. Я счастлив, что с тобой всё в норме, да и головы у нас остались на месте, не говоря о их содержимом. Сейчас успокоим родных, да и пора отсюда уходить. Кроме мамы, как заметил, рядом дед с Катей, да и папа здесь появился откуда-то».

Антон аккуратно приподнял сестру и помог ей поудобнее устроиться у себя на коленях, но так и не выпустил из рук, мягко, но прижимая её тело к своему. Посмотрел на окружающих, которые тёрли руками глаза, стараясь побыстрее привести зрение в норму. Громкий голос парня прозвучал настолько неожиданно для всех, что окружающие дёрнулись.

— Что Вы грязными руками глаза трёте? Вода в двух шагах. Вымоёте сначала руки, а уж потом... Деда. Тебя это вообще касается больше всех — считаешь, что твои слюны стерилизуют грязь? Увы, ошибаешься. Посмотрел бы сейчас на своё лицо со стороны — боевая раскраска как у индейцев племени Сяо-миу.

— Засранец ты, а не советчик. Во-первых, сам виноват в том, что мы ослепли — нехрен было делать то, чего не следует. Во-вторых, я и сам знаю, что вода рядом, но глаза словно песком засыпаны — колется. В-третьих, — сяо-миу это не племя индейцев в Америке, а голимый китай, так что и здесь твоё всезнайство не проканалло.

— Ну, у тебя и терминалогия, деда, — Катя, закрыв один глаз рукой, вполне нормально смотрела другим. — Такое впечатление, что ты решил похвастаться знанием фени. Всё, давай без комментариев. Ребята, — она обратилась к двойняшкам, которые, улыбаясь, смотрели на окружающих. — Вы, как поняла, немного пришли в себя? Отлично. Тогда будьте добры — встали и всех остальных отвели к воде. Хоть она и в паре метров от нас, тем не менее, помощь нужна всем без исключения.

Антон сначала помог подняться сестре, в очередной раз пытаясь проверить её состояние, но сил хоть и прибавилось, тем не менее, было недостаточно для даже поверхностного осмотра.

— Тошка, прекрати, не надо силы тратить, — почувствовав в себе слабый импульс брата, девушка нахмурилась. — Ты сам еле живой, поэтому запрещаю заниматься этим.

— Чем, Ринка? — улыбнулся парень, но вот улыбка у него выглядела жалкой, скорее похожа на оскал.

— Сам знаешь чем. Видел бы сейчас себя со стороны, братик... Иди в воду, а я к тебе буду подводить остальных.

— О... — тихо пробормотал Антон. — Вот сейчас всех и окрестим, благо, что родственники в полном составе.

Дождавшись, когда к нему подведут сначала маму, а потом отца, набрал в сложенные ладони воду, заговорил так громко и столь торжественно, что все вокруг в очередной раз дёрнулись.

— Освящаются в сей святой воде Ладожской, божьи дети Анастасия и супруг её Сергей. Да придут силы к ним для преодоления борьбы с чадами своими непослушными, да придет в помощь мудрость и терпение для понимания сил и помыслов отроков. И нарекаются сии родители с этого дня Анастасией и Сергием Ладожскими. Аминь.

Закончив, Антон сначала вылил на голову каждому пригоршню воды, а потом вообще толкнул их воду.

— Гадёныш, ты что творишь? — взвизгнула Настя, широко открыв глаза и бросившись за стартовавшим с места сыном.

— Настюш. Ты, главное, его поймай, а я уж сам наложу епитимью на этого святошу. Вот, гавнюк, что натворил. Мы теперь мокрые до последней нитки, а добираться до дома ещё чёрт знает сколько времени.

— Пап, — Арина хохотала в голос, ведя к воде очередную пару, Катю и деда. — Ты куда-то торопишься? Думаю, нет. Чем попусту ворчать, лучше костёр разведи — сучьев сухих по берегу полно.

Катя, глядя одним глазом, напряглась, предполагая, что сейчас последует пинок от девушки, но вот совсем не ожидала, что гадости последуют с иной стороны. Как ни готовилась к подвоху... внезапно ощутила, как её ноги отрываются от мокрого песка и, через секунду, после короткого полёта, с головой окунулась в озеро.

Вынырнув и выплюнув изо рта воду, открыв оба глаза, истошно заорала.

— Антон, я тебе этого никогда не прощу. Гад ты этакий. Правильно тебя мама так назвала. Это ж надо было выдумать бросить меня в воду. Где ты, засранец? А ну иди сюда и неси обратно на берег на ручках. Коль сила появилась и оклемался, то давай, жду.

Катя умолкла, когда увидела, что на берегу Арина с Сергеем Павловичем откровенно хохочут над ней.

— Что ржёте? — женщина зло посмотрела на родственников, не понимая причины их издевательского смеха и лишь тогда краем глаза заметила, как метрах в ста в их сторону несутся по берегу Антон и понемногу догоняющая его Настя.

— Не поняла... — недоумённо протянула Катя. Попыталась сесть и, к стыду, оказалось, что она лежала чуть ли не у самого берега. — И кто был тогда тем отважным негодяем, что покусился на моё тело и сейчас будет биться со мной? Вызваю обидчика. Кстати, а где дед?

На берегу раздался очередной взрыв смеха, когда к плечу женщины неожиданно прикоснулась холодная мокрая рука. Когда женщина обернулась — перед глазами увидела огромный шевелящийся пучок водорослей, из которого раздался негромкий свистящий голос. — Чт-о-о, красавиц-ц-ца, нравлюс-с-сь я тебе, а-а-а-а?

Катя, завизжав от неожиданности и страха, стартовав, словно ракета, с положения полулёжа, пронеслась по берегу мимо родственников, затормозив только на высоком берегу, уткнувшись в деревья. Обернулась и, увидев выходящего из воды Дмитрия Михайловича со свисающими с головы и плеч водорослями, вначале разозлилась и была готова высказать всё, что о нём думает, но потом, увидев хохочущих близких, внезапно расслабилась, осознав, что этот смех и вообще все действия, напоминающие игры детей в пионерлагере — лишь

эмоциональная разгрузка от невероятного страха всех присутствующих за жизнь Арины.

* * *

Наступили сумерки, но не так, как на юге. Здесь вполне было светло, да и горящий костёр давал не только тепло, но и свет. На вбитых шестах уже досушивалась одежда, а полуголые мужчины возились неподалёку у мангала, тихо переругиваясь между собой за право стать единственным руководителем сего волшебства.

Антон всё время просидел в каком-то забытии, полностью отключившись от реальности, не выпуская из рук сестру, словно боясь её вновь потерять. Та же отстранённо смотрела на пламя костра, радуясь, что всё кончилось благополучно как для неё, так и для всех близких.

Лишь двое сорванцов носились по берегу, кидая то камни в воду, соревнуясь между собой кто больше запустит «блинчиков», то вообще неожиданно, сбросив с себя одежду, самовольно полезли купаться, но Катя была на страже — пара шлепков по попам и короткое нравоучение привело детей в норму...

Откуда и когда на берегу появились Свар и Олег с детьми, двойняшки не заметили, но это произошло так незаметно, словно те были здесь изначально. Да и мангал с замаринованным мясом тоже появился словно по волшебству.

Дмитрий Михайлович, сидя рядом с двойняшками, ёрзал на брёвнышке, притащенным из леса, но не решался лезть с вопросами к своим подопечным, видя их состояние. Лишь Свар, нежно погладив Арину по голове, сел неподалёку и, изредка бросая взгляды на ребят, что-то то ли рисовал, то ли писал в раскрытой широкой папке.

— Дамы и товарищи, — раздался от мангала голос Сергея Павловича. — Первая порция готова. Подходим по очереди и получаем по одному шампуру. Кто останется голодным — скоро поспеет вторая порция. Хлеб, овощи каждый берёт сам. Всё вымыто. Напоминаю — у кого грязные руки — не забудьте ополоснуть. Славки, Вас это касается в первую очередь.

Люди пришли в движение, потянувшись за своими порциями и только Антон с сестрой продолжали сидеть неподвижно. Но вскоре и в их руках оказались шампуры, а на салфетке рядом ними была выложена кучка помидоров, хлеба и всякой зелени.

Откусив кусочек мяса, Арина неожиданно вздрогнула и, чмокнув в щёку брата, встала и пошла к воде, держа в руках шампур.

— Ты куда? — заволновался брат, но увидев, что та махнула в приглашении рукой, сам поднялся.

Уже у воды, отдав подержать свою порцию брату, скинув обувь, девушка зашла в воду и, тщательно умыв лицо, замерла, смотря куда-то вдаль, за горизонт.

— О чём задумалась? — тихо спросил Антон. — Рин. Надо вернуться к жизни. Нам повезло и всё закончилось хорошо. Прощу тебя. Постарайся стать прежней. Всё понимаю, но мы не одни. Смотри, как на нас смотрят родные. Кроме жалости и страха за тебя в их глазах и ничего нет. А мне совсем не хочется, что бы нас жалели. Мы ж не стали калекам или ущербными. Ведь так?

— Так, Тош, — тихо ответила сестра. — Прости, но ты не понимаешь, что я испытала, когда ТОТ пытался подчинить меня своей воле, желая вселиться в моё сознание, а потом и вообще занять моё место.

— Это был ментальный паразит или что-то подобное?

— Думаю, намного хуже. Когда ты повернулся и отошёл совсем недалеко, тот вначале мысленно стал признаваться в любви, обещая, что вместе с ним мы станем владыками этого

мира. Потом, услышав мой категорический отказ, стал из меня выкачивать жизнь. Все воспоминания, все радости и горести с самого детства просто мелькали у меня перед глазами, а я понимала, что всё это покидает меня навсегда. Не могла ни словом тебя позвать, ни мыслью — этот вампир контролировал моё сознание, держа, словно в тисках, полностью отрезав от действительности.

— Но ты всё же смогла меня позвать. Выходит, переборола его силу?

— Знаешь почему? Мои детские воспоминания дошли до того момента, когда перед взором мелькнула та давняя история, как мы с тобой пытались поменяться телами. Помнишь? Эта тварь настолько изумилась увиденным, что на долю секунды утратила контроль надо мной. Вот я и смогла тебя позвать...

— Ты у меня самая умная и красивая девушка на всей планете. Это же надо умудриться самую большую неудачу в жизни обратить в победу?

Девушка подняла глаза, в которых стояли слёзы.

— Ты, правда, так думаешь? Или меня успокаиваешь?

— Малыш. Всё хорошо, правда. А давай расскажем всё деду. Он, если не встречался сам с такими нелюдями, может что-то знает о них?

— Думаешь, стоит рассказать?

— Надо, милая. Понимаю, что каждый раз, как вспоминаешь, вновь проживаешь тот момент. Но пойми одно. ЭТА информация бесценна. Ты получила такой опыт и знания, с которыми просто необходимо поделиться с Братством. Ты, даже будучи сильным менталом, не смогла устоять под давлением на твой разум, а представь ситуацию, когда с такой тварью столкнуться лицом к лицу простые бойцы. Меня вот тревожат два вопроса, на которые так и не могу себе ответить. Где была та пара? Ведь с момента, как отряд появился в полном составе на берегу до того, как мы их увидели — прошло много времени, чуть ли не полтора часа. Они прятались? Где и почему? Или один прятался, а второй его всё это время искал? И другое, что тоже непонятно. Судя по всему, именно крылатая тварь обездвижила всех наших, а не жук. Кстати — почему на того не действовал ментальный посыл?

— А потому, сынок, что, как тебе и говорили, жуки поодиночке не имеют как такового разума. У них вся жизнь происходит на инстинктах. А против Вас был именно единственный жук.

Голос Дмитрия Михайловича был тих. Говорил чуть ли не шепотом, стараясь ни испугать двойняшек, ни потревожить их или разозлить своим вторжением нарушенное уединение.

Антон, посмотрев сквозь старика, словно его тут вообще не было, задал оди из вопросов, которые его мучали всё время, как только девушка пришла в себя.

— Ты говоришь, что у них нет осмысленности в действиях? Нет разума? Знаешь, надо, наверное, переосмыслить всю имеющуюся информацию. Объясни, если сможешь — почему жук не убежал после всеобщей бойни, а целеноправленно напал на выжившего крылатого? Искал его долгое время и всё-таки добился своего, выследил? И напал на нас только потому, как я понял намного позже, что мы стояли у того на пути. Да и напали на жука первыми именно мы, а не он. И ещё вопрос. Почему эти две группы сражались до гибели последнего? Если мои предположения верны — именно жуки были защитниками нашей земли, а не наоборот. Они, скорее всего, положили множество своих соратников у себя на планете, что бы не допустить к нам крылатых, а когда те всё же прорвались — последовали вслед, не прекратив свою миссию. Так что, деда, повторю, надо хорошо задуматься над вопросом —

кто нам враг, а кто друг. По поводу жуков, так вообще необходимо пересмотреть отношение Братства на их популяцию и, если есть возможность, так вообще попытаться наладить мало-мальский контакт. Хотя бы для того, что бы выяснить — что сегодня произошло.

Дед слушал Антона молча, опустив глаза. Казалось, что у него самого возникли сомнения по поводу правильности выводов Братства.

— Ты во многом прав, сынок. Задал много вопросов, на которые не могу ответить. Произошедшие события заставляют переосмыслить многое. Но это чуть позже, когда вернёмся в город. Да и появился ещё один серьёзный повод — нашёл я на месте Вашей схватки нечто, что мы втроём должны будем обсудить в спокойной обстановке, не посвящая в это остальных. А сейчас, Аринушка, хватит стоять столбиком в холодной воде. Не забывай, что сейчас не лето, да и тогда в Ладоге вода почти всегда холодная. Пойдёмте ко всем. Там, чувствую, вновь стали тревожиться. Вон, даже малышня притихла — не сводят взглядов с нас, правда, в головы не лезут — им уже попало от мамы за такие попытки.

— Засранцы малолетние, а не родня, — улыбнулась девушка и, выйдя из воды, протянула руку за своим шашлыком, но её брат растерянно посмотрел на голые шампуры и... судорожно спрятал обе руки за спиной.

Арина, увидев, что её половинка слопала обе порции, захохотала, глядя на покрасневшего брата и, слегка щёлкнув того по носу, затем туда же поцеловав, потянула за руки Антона и деда к костру.

Дочери Сергей Павлович сразу же вручил два полных шампура, а вот на жалобный и виноватый взгляд Антона, в ответ скорчил свирепую гримасу.

— Ты мужчина, поэтому не буду публично ругать за столь неблагоприятный поступок, но запомни правило — не хочешь в семье ссор и скандалов — сначала накорми женщину, а уж потом ешь сам. Поверь, в дальнейшем между Вами будет царить мир и спокойствие. И не перепутай, мол, надо самому в первую очередь насытиться. Я вот именно по такому принципу и живу. Как видишь, у меня всё в семье нормально. Супруга послушная и добрая, слова поперёк не скажет, да и дети знают своё место — никогда не спорят с отцом.

Настя, сидя рядом, после слов мужа аж поперхнулась, покраснев и закашлявшись.

— Это я послушная? — по щекам женщины текли слёзы и она пыталась откашляться. — «Поперёк слова не скажет»? Это ты обо мне?

— Конечно о тебе, родной мой человечек, — улыбнулся Ярый. — Что, будешь прилюдно оспаривать мои слова? Я не прав? Мы ссоримся каждый день? Ругаемся? Бьём посуду? Дети у нас неудачники и ведут себя отвратительно, не слушая родителей? Так? Только попробуй не согласиться!!!

— Не, — женщина ещё больше покраснела и неожиданно стихла. — У нас в семье и в самом деле всё хорошо, ты прав. Мы не ссоримся, не ругаемся. И дети у нас прекрасные.

— Вот видите, — победоносно и хвастливо задрал нос к небу Сергей Павлович. — Даже старик, наподобие меня, живя по заветам предков, смог охмурить и заинтересовать такую юную крastoку, которая, в итоге, и стала моей супругой. Знали бы Вы, сколь долго я её добивался...

— Кто добивался? ТЫ?? — Настя вскочила, чисто по-женски уткнув руки в бока. — А ну-ка, ну-ка, поподробнее. И сколько ж ты меня добивался, а? Неделю? Ну да, долго для тебя. Я вообще боялась, что мой будущий муж не дойдёт живым до Дворца бракосочетаний, рассыпется по пути. Песочек — то...

Сергей Павлович не дал договорить Насте до конца. Подскочил, подхватил руками и

подкинул ту сначала вверх, а потом вообще, прижав к себе, закружил по пляжу, слыша радостный писк супруги.

— Радостно видеть как люди любят друг друга, — тихо промолвил Дмитрий Михайлович, сидя рядом с двойняшками и глядя на их улыбающиеся лица. — Вот родители и поделились с детьми, передав свою любовь и счастье. Да и Вы сами, видя такой пример перед глазами, взяли от них самое лучшее.

— Мама с папой нас любят, да и мы отвечаем тем же, — девушка счастливо улыбнулась. — И счастливы, что рядом с нами те, кто близок нам и дорог. Не говоря уже о родителях, и Катина семья, и ты, деда. Ты стал близким нам, очень близким...

— Спасибо, милая, за добрые слова. А теперь, коли успокоилась, не поведешь о том, что прошло мимо нас? Сами ведь видели, что мы отключились. Что это было, до сих пор так и не поняли, но что Катя, что я чувствовали одно — нас парализовало. Да, видели и слышали всё, что происходит рядом, но вот двинуть не могли даже пальцем.

Девушка, вновь сев на колени брата, который её обнял и прижал к себе, стала рассказывать с того момента, как увидела у кустов коленнопреклонёного юношу и мчавшегося к нему жука...

--

За то время, что длился рассказ, вокруг не прозвучало ни единого слова. Все молчали, боясь прервать девушку. И только когда она протянула руку и, взяв пластиковый стаканчик, поданный стариком, сделала маленький глоток, удивлённо посмотрела на Дмитрия Михайловича. Она сразу догадалась откуда в её стаканчике могло появиться такое чудо.

— Что это? — одними губами спросила девушка и увидела точно такой же почти беззвучный ответ.

— Это лекарство. Для тебя. К сожалению, его больше не осталось, даже для твоего брата, ты уж прости. Но прошу — выпей сама. Это придаст сил и нормализует состояние.

Арина отрицательно помотала головой и, заглянув в стакан, отпила ровно половину, затем и напоив брата. Увидев удивление в глазах Антона, показала глазами на деда и парень, не скрывая изумления, в благодарность склонил голову, почувствовав, как по его организму пробежала волна жаркого пламени, возбуждая и стимулируя тело, придавая сил и здоровья. А ещё через миг почувствовал, что все руны медальона стали покалывать, ощутимо нагреваясь и они уже, в свою очередь, тоже стали воздействовать на организм, приводя его в полный порядок.

Парень хотел спросить деда, что это такое, но заметил, как тот еле заметно отрицательно повёл головой и вроде как случайно прижал к одному уху ладонь руки, изображая возможное внимание окружающих.

Первым нарушил тишину Олег, извинившись и смутившись от всеобщего внимания.

— Я понял, как мне кажется, главное из рассказа Арины. В том существе, которое старалось подчинить её своей воле, а потом... убить, находилось другое. Паразит это был или симбиот, мы так никогда и не узнаем, так как тело сгорело и никто ничего там не нашёл кроме горстки невесомой пыли. Как и от другого существа, которое было уничтожено — то тело также сгорело. Непонятно, правда, отчего. Как мне объяснили, то для уничтожения жуков, на тех были уложены тела других существ, которые и сыграли роль горючего. Это первое несоответствие, что вызвало у меня недоумение, ведь те двое были уничтожены по отдельности. И ещё. Судя по всему, наши братья были парализованы этой тварью лишь с одной целью — отвлечь от себя нападающего жука, предоставив ему дармовую пищу.

— Жестоко, но, по сути, верно, — Свар сел прямо на песок спиной к костру и лицом ко всем остальным. — Скажу честно. Я никогда не слышал о тех, кого Вы называете жуками, а вот с расой четвероруких хоть лично и не встречался, но слышал о таких. Это мирные существа, которые совершенно не занимались каким-либо производством, но, что касается работы в поле, или, как сейчас говорится, работе в сельском хозяйстве, они были непревзойдёнными знатоками. Четверорукие ментально слабо развиты, тем не менее, как-то умели общаться с растениями и деревьями, усиливая их плодovitость. Они славились и как уникальные селекционеры. Почему говорю так утвердительно? Да потому, что наши миры редко, но контактировали. Мы им поставляли орудия для работы, а они нам различные виды продовольствия. И то, что получали в процессе обмена, было в полном смысле бесценно. Все семена и ростки деревьев были уникальны — давали в три-четыре раза больше урожай, чем те, которые росли у нас, хотя и были такими же. Как выяснилось, на той планете проводилось ментальное воздействие на семена и плоды. Что ещё? Повторю. ТЕ люди были миролюбивы и являлись слабыми менталами, точнее, способности их были узко направлены. И далёки они были от войн или, тем более, стремления захватить другие планеты, тем более, как помню из рассказов родителей, на той планете совершенно отсутствовали какие-либо животные, лишь насекомые, видов которых было неисчислимое множество. Они и у себя-то освоили самую малую часть плодородной земли,

— И звали тех людей... Не помнишь как? — спросил Антон, подняв руку, останавливая Свара, договорил. — Напряги память, не спеши с ответом. Может в твоём мире их называли иначе. И всё же... «Хангел»? Или «Кхангел»? Вроде добавлена одна буква, но смысл в корне другой.

Древний внимательно посмотрел в лицо парня и ненадолго замолк. Потом, опустив глаза, произнёс негромко, но отчётливо.

— Не буду спрашивать откуда получена эта информация, но ты абсолютно прав. Четырёхрукие называли себя «Хангелы». Объясняли, что это производное от двух определяющих — «Четыре руки» и «Не летающие». У них были зачатки...

— Зачатки крыльев, точнее, совсем небольшие, в полметра, да? — прервал мужчину Антон. — Но вот тот, с кем мы столкнулись позже, был иным — именно что две вполне полноценных руки, зато крылья были метра...

— Два с половиной-три, — подсказала Арина. — И крылья, как предполагаю, не декоративные, скорее, действующие. Вот только не пойму — почему тот ими не воспользовался, что бы улететь от жука, а бросился перед нападающим на колени, к тому же закрыв глаза руками. Я это заметила и запомнила совершенно точно.

— Может от того, что Вы двое не поддались его атаке и не упали как остальные? Продолжил попытки Вас подчинить? — Олег говорил с какой-то нервозностью, словно укоряя себя, что не был в тот момент рядом с двойняшками. — Если бы Вы упали рядом со всеми, он и смог бы воспользоваться своими крыльями, пока жук Вас потрошил.

— Белый. Что с тобой? Как ни слово, то какой-то ужас? — Катя хлопнула по спине мужа. — Ты срываешься. Не надо натурализма. Будь человечнее что ли.

— Прости, Катенька, если не так говорю. Ребята, и Вы извини меня за резкость, да и прошу прощения за то, что дома наговорил много лишнего. Прости меня, был неправ. С головой у меня... И ещё. — Он посмотрел на жену, потом на Свара и вновь повернулся к двойняшкам. — Антон, Арина. Я понял одно — мне нужна Ваша помощь как врачей. Свар пообещал мне завернуть обратно все гайки, но сил у него маловато сделать всё самому. Если

Вы поможете — вернусь к нормальному состоянию. Сам стал понимать, что со мной творится неладное, поэтому прошу, не откажите в помощи своему близкому.

Арина посмотрела на брата, а потом, увидев кивок Кати и склонённую голову Свара, пообещала помочь всеми силами.

Антон же, дождавшись, когда сестра закончит говорить, вернул разговор в предыдущее русло.

— Раз ты, Свар, так характеризуюешь четвероруких, задам провокационный вопрос. Вспомни, сколько времени прошло с того момента, как ты оказался здесь. И ещё, для уточнения. Скорее всего, что в мир Хангелов или проникли какие-то паразиты или они сами развились до стадии, что стали различаться между собой, образовав минимум два вида. Для примера — общия масса, что погибла у воды, и тот единственный, который кардинально отличался от остальных соплеменников. Скорее всего, это был или вождь или тот, кто взял под контроль других, благо для этого у него были способности. Возвращаясь к основной теме о названии народов, добавлю, что и у жуков имеется название популяции, которые придумали не отдельные люди, типа вундеркида, что был здесь недавно, который обозвал крылатых «шибздиками». Тот народ имеет название — «Трапкол». Именно такое имя им дали Изначальные.

— Откуда у тебя такая информация? — улыбнулся Свар. — Как Вы можно знать, как кого-то изначально назвали Первые из Первых? Столько миллионов лет прошло...

— Имею возможность получить такую информацию, Свар, — улыбнулся парень. — Более того, могу тебе, как представителю древнего народа под названием «Боры», сообщить, что в нашем мире на данный момент есть два твоих соплеменника.

— ЧТО? КАК??? ОТКУДА???

Древний попытался подняться, но ноги у него задрожали и он осел на песок, открывая и закрывая рот, лихорадочно глотая воздух.

— Оттуда же, откуда и все остальное, из головы. Успокойся, Свар. Ты стал одним из нас, поэтому тебе ничто не угрожает. Кстати. Информация для всех. Наше население планеты имеет тоже как самоназвание, так и имя, данное Изначальными. И информация, которой в своё время с нами поделился Свар, хоть и правдивая, но далеко не исчерпывающая. И так. Мы зовёмся, на мой взгляд, не так красиво как остальные народы других планет. Всего лишь... «Земляне». И знаете, как правильно расшифровывается? «Народы, не ушедшие обратно». А если быть совсем точно, то — «Зем Ля Не». Именно так, в три слова. И на разных языках, хоть по-разному, это и произносится и пишется как одно слово. Подробностей и объяснений своим словам предоставить не могу, уж извините. Что знаю, то сказал. Но это именно, что самоназвание. А изначально население нашей планеты, да и она сама для жителей других миров зовётся — «Солны». Понимаете сакральный смысл? Солнце, Сол, Солар, Соле, Сонне, Сан, Солейл, — на большинстве языков планеты название имеет общий корень, производный именно что от древнего названия. И, как может показаться, что люди так называют своё солнце, но это не так. Точнее, потому, что каждый мир, на котором существует жизнь в том или ином виде, называется по названию именно что своих светил, которые были созданы первыми, а планеты и жизнь на них гораздо позже.

Древний с изумлением смотрел на молодого человека, который чуть ли не слово в слово говорил то, что он слышал от своих родителей и мудрых людей в том, родном для себя мире.

— Извини, если прерву твоё повествование, — Древний смутился. — Позволь повторно задать вопрос — ОТКУДА ты это всё знаешь?

— Оттуда, — Антон прижал руку сначала к груди, а потом поднёс её ко лбу. — Кстати, Свар. Если тебя интересуют подробности, лучше потом как-нибудь, наедине. Что же касается тебя лично, то твои соплеменники не совсем именно что твои. Это далёкие потомки тех, кто, как и ты, вынуждены были бежать на другие планеты в день Исхода, как ты сам назвал тот трагический день, когда всё население покинуло родной дом. Вот только другие переселенцы не утратили свою самобытность и навыки, как ты и твои родичи, а стали самодостаточными. Сейчас в Питере находятся двое из твоего народа. Не знаю, может в нашем мире есть и ещё кто-то, но пока мы с ними не встретились, конкретно ничего утверждать не могу.

— Вы должны встретиться? — чуть не закричал Свар. — Когда? Где? Меня возьмёте с собой?

Парень улыбнулся, глядя на разволновавшегося Древнего, пытаясь его успокоить.

— Скоро увидимся. Предполагаю, что когда мы вернёмся в город, то и...

Мужчина, взвинченный до предела, прервал парня.

— Надо сегодня же ехать. Как ты не понимаешь? Это же шанс встретиться с представителями другого мира.

— Свар. СТОП!!! — гаркнул Антон. — Мы с представителями другого мира уже сегодня встретились. Даже не одного мира, двух! Знаешь, сыты по самое немогу. Так что остынь, прошу. Одно обещаю твёрдо — когда состоится встреча — ты обязательно будешь присутствовать. Кстати, ты родной — то язык не забыл? Если что, есть несколько дней для того что бы вспомнить.

— Родной язык? — смутился Древний. — Мы с тобой сейчас говорим именно что на моём родном языке, хотя, прости... Не прав. ТОТ язык изменился настолько, что лишь некоторые слова остались прежним, да и прозвучат сейчас совсем иначе... — Он закрыл глаза ладонями, поник плечами и как-то сразу сгорбился. — Ты прав в очередной раз. Мой язык изменился настолько, что он, если честно, уже не существует. Хотя, надеюсь, что при общении вспомню. У нас это заложено в память крови. Это такие генетические особенности...

Мужчина смолк и ушёл в свои раздумья и воспоминания, совершенно потеряв интерес к дальнейшему разговору.

Антон, стараясь держать себя в руках, повернулся к своим родителям.

— Пап, я, когда был в отключке, всё равно заметил, что недалеко отсюда приземлялись вертолёты, да и люди какие-то в скафандрах бродили по берегу. Это кто такие были?

— Это люди из подразделения твоего отца, — хмыкнула Катя. — Он сразу же вызвал своих спецов, не успев даже выслушать наши доводы до конца. Вот и прилетели «волшебники» в скафандрах высшей биологической защиты, которые стали тут всеми руководить. Точнее, пытались руководить, пока я сдерживалась. Но когда стало невмоготу от приказного тона, а порой и нескрываемого хамства, то...

— ...То девочка вмазала одному особо ретивому промеж глаз, да так, что того самого первым отнесли в вертолёт на носилках, — хихикая, поведал Дмитрий Михайлович. — Они, кстати, не спрашивая, забрали все шесть тел, что мы оставили для своих исследований, да ещё и песок остекленевший весь поотбивали с места, где упокоили трупы, в контейнеры всё погрузили и утащили словно муравьи. Знали бы, что там имеются такие энтузиасты — вообще не уничтожали бы тела. Думаю, что и их все утащили бы в свою «норку». Да, Сергей Павлович?

Мужчина, к которому обратился старик, недовольно посмотрел на спрашивающего, но промолчал, зато Настя не сдержалась.

— Дмитрий Михайлович. Вы же в курсе, что отдел Сергея занимается именно такими всякими инопланетными вещами. А тут такой подарок...

— Вещами? Подарок? — изумился дед. — Скажи-ка, милочка, а ты случаем не работаешь в его отделе, а? А то, позволь поинтересоваться, как уважаемый генерал столь оперативно среагировал? И люди подготовленные имелись и вертолёт? У меня вообще складывается впечатление, что те чуть ли не рядом прятались, ожидая когда их позовут. Забавно, что на помощь нам они вовремя не пришли, а вот когда угроза миновала и наступило время раздачи «подарков», они как из табакерки — тут как тут.

Екатерина, что сидела рядом с Дмитрием Михайловичем, наклонилась и что-то прошептала тому на ухо, но старик не успокоился, а наоборот, ещё больше завёлся.

— Что ты шепчешь? Говори нормально — здесь все свои. Хочешь сказать, что САМА его оповестила о возможном бое? И предупредила, что на берегу могут быть тела представителей других миров? ТАК? Катерина свет Дмитриевна. А не кажется ли тебе всё это несколько выходящим за рамки полномочий СУДЬИ? Ты ведь руководствовалась не интересами Братства, а своими личными, не забывая ни на секунду, что Сергей Павлович твой родной дед. Извини, но ты вышла за всяческие рамки.

— Я не вышла никуда, деда, — вспыхнула Катя. — Да, не скрываю, что ещё у твоего дома я попросила его о помощи, если такая потребуется, а взамен дед поставил условие — что его сотрудники изымут все биологические материалы и остальное, что так или иначе связано с другими мирами. Нас ведь было слишком мало, что бы выдержать бой. Я это понимала, видя тех, кто шёл на неминуемую гибель.

— То есть, ты заранее всех похоронила? Я правильно тебя понял? — Дмитрий Михайлович говорил с Катей словно прокурор, жестко и требовательно. — И что тебе пообещал твой дед, если ты пойдёшь на сделку?

— Я пообещал участие в предстоящем бою авиацию с тяжёлым вооружением и несколько десятков подготовленных бойцов, которые были готовы по первому же сигналу прийти к Вам на помощь. Скажу сразу, опережая твои вопросы — они все вооружены лишь холодным оружием, но владеют им намного лучше, чем даже мастера Братства. Таких людей слишком мало — их готовят долгие годы, добиваясь исключительного владения чуть ли не всеми видами холодного оружия.

Настя с изумления смотрела на супруга, впервые слыша о таком подразделении. Но больше её задело, что те были, как она поняла, совсем рядом, не вмешавшись ни в бой между жуками и ангелами, ни тогда, когда её дети чуть не погибли. Не выдержав, перебила мужа, задав свой вопрос.

— Ты хочешь сказать, Сергей, что твои люди были где-то поблизости всё то время, что и мы?

— Да. Их забросили вертушками за несколько минут до Вашего прибытия. В отдел поступила информация о возможном «пробое» в этом районе, поэтому все... Они видели как сам бой на берегу, так и...

— Ты хочешь сказать, что твои люди видели и то, как мы упали парализованными и то, что мои дети чуть не погибли? ТАК? — последние слова женщина чуть ли не выкрикнула в лицо мужу.

— Это не только твои дети, но и мои. И я их люблю не меньше, че...

— СТОП!!! — крикнул Антон, аккуратно сняв с колен сестру, поднялся с места. — Можете все немного помолчать?

На берегу все затихли, а двое детей, которые и до этого не проронили ни слова, вообще прижались к Олегу, ощущая, что все остальные родственники полыхают от гнева и раздражения и в ментально выглядят как огромные костры.

Антон обвёл взглядом всех, а потом... вздохнул глубоко и шумно выдохнул. И лишь через минуту напряжённой тишины неожиданно для всех раздался тихий спокойный голос.

— Я очень прошу. Точнее, требую от всех присутствующих не обвинять друг друга непонятно в каких грехах. И не стоит демонстрировать перед другими именно что свою правоту. Вы сейчас готовы вцепиться друг в друга и устроить тут новое побоище. А нам что, вновь погребальный костёр на берегу устраивать? Так не пойдёт. Я с сестрой хочу покину это место, пока ещё никого не убили. Хотите драться или делить между собой «ништяки», которые здесь были — пожалуйста, но без нашего участия. Нас двоих это вообще не касается и мы ни на что не претендуем.

— Только и свои мечи Вам придётся оставить здесь — передать мне или моим сотрудникам, — потребовал Сергей Павлович. — Это оружие, которым Вы не имеете права обладать. Где Вы их спрятали? Не забудьте так же передать и лучевое оружие.

Арина с изумлением смотрела на отца, который спокойным тоном нёс совершенно невыносимый бред, а чуть позже, слыша хихиканье брата, а мысленно тот уже давно давился от смеха, сама не сдержалась и захохотала в голос, чем привела отца в недоумение. Свар, очнувшись от своих дум с минуту назад, услышав последние слова Ярого, оторопело посмотрев сначала на двойняшек, потом и на Сергея Павловича... тоже захохотал в голос.

— И что такого смешного я сказал? — удивился генерал. — Может, поделитесь? Мы тогда все вместе посмеёмся.

— Ты лучше ответь на вопрос, отец, — Арина никогда так папу не называла, да и Антон недоумённо на неё взглянул, понимая, что именно сейчас его сестра расставит всё по своим местам. Он хотел вмешаться, но понял, что в этом случае разговор с родителями станет последним между ними. Сергей Павлович с Настей тоже вздрогнули, поскольку тон дочери не предвещал ничего хорошего. — Ты сказал, что мы не имеем права обладать личным оружием, отмечу, СВОИМ оружием. Может подскажешь — кто есть такой, что более достоин владеть НАШИМИ клинками? Ты? Мама? Может твои зарывшиеся в песок бойцы? Или само государство более достойно?

— Арина, — отец был строг, но мужчина не почувствовал подвоха в вопросе дочери. — Ты правильно назвала последнего владельца. Именно государство должно владеть столь уникальным оружием, но никак не отдельные люди.

— Ты считаешь, что в так называемом государстве, где всё продаётся и покупается, и во власти нет никого, кого можно было бы назвать кристально честным, вдруг, откуда ни возьмись, появятся достойные люди? А ведь государство — это не что-то неосознанное, а конкретные люди во власти, разве не так?

— Государство — это государство, — отрезал Сергей Павлович, вытянув вперёд руку. — Не надо поганить своими словами всех, кого не знаете. Я жду.

Арина, сделав пару шагов, протянула руку отцу.

— Бери, коль считаешь, что вправе отнять у меня то, что никому более на этой земле не принадлежит.

— Что ты тянешь руку? Я просил меч! — чуть ли не крикнул Сергей Павлович и в ту же

секунду в поднятой вверх руке девушки блеснул тонкий длинный меч и... вновь исчез. Арина вновь протянула руку папе.

— Ты так ничего и не понял, отец, — грустно улыбнулась девушка. — Я смотрю, что пора тебе на пенсию. Будешь с мамой рядом и ей не будет столь тоскливо, когда ты мотаешься по стране по так называемым «государственным» делам. Что ты в удивлении хлопаешь глазами? Наше оружие, если до сих пор до тебя не дошло — это часть нас самих, нашего организма. Такая же, как рука, нога или голова. Что твой секретный отдел решит отрезать от нас в первую очередь? Ты уж сразу скажи, а то вдруг в оттяпанном не найдут? Мне, если честно, очень грустно, что ты становишься похожим на другого деда Кати — только тот продался за конкретную сумму в зелёных, а ты стал ярым поклонником эфемерного «государства», и ради того, что бы заполучить что-то уникальное в свой отдел, готов отдать на препарирование даже собственных детей. История повторяется, не правда ли, Катя? Только тогда разменной монетой была ты, а теперь мы. Грустно узнать, отец, что мы для тебя лишь очередной шаг в непонятном движении вперёд. Да и вперёд ли?

Сергей Павлович покраснел от гнева, но вдруг осознал, что все окружающие его осуждают. Более того, возникло ощущение, что и начинают презирать за сказанные слова и дела...

Арина так и не отводила глаз с лица отца, вдруг почувствовала, что её обняла рука брата и незаметно для всех погладила.

— *«Рин. Ты, конечно, смешала отца с дерьмом, но, как по мне, он это заслужил».*

— *«Маму жалко. Как они теперь будут смотреть друг другу в глаза?»*

— *«Жаль, согласен. Но лучше сразу, чем растягивать непонимание на вечность».*

— *«Тош. Домой очень хочу. Или снова ТУДА».*

— *«Нет, убежать рано. У нас много дел как здесь, так и с дедом надо прояснить некоторые вопросы. Меня заинтересовало — что он имел в виду, когда обмолвился, что нашёл что-то на месте последней схватки».*

— *«Помню эти слова. Мне тоже интересно».*

— *«Потом надо решить вопрос с Олегом. Он нам не чужой. В городе тоже дел по горло. Завтра, если забыла, в клинике должна начаться запись на следующий месяц — нужно связаться с Марией и оповестить когда мы начнём приём, что бы никого не подвести. Да и, как считаю, пора нам приобрести собственное жильё — по-моему, самое время оставить отца наедине со своими рабочими делами и проблемами. Помнишь его слова, мол, опять тот Иван Иванович приедет в Питер? Вот уж с кем точно видеться не желаю. Как бы с нём хорошо не отзывались — лицезреть человека с мёртвыми глазами нет никакого желания. А хотят его подлечить, так в порядке общей очереди. И только по прайсу. До этой минуты я хотел помочь отцу, пойти навстречу, но уж точно не теперь».*

— *«Да... Папа, увы, заработался, потеряв всякие границы разумного. Кстати, чувствую, что неподалеку несколько человек расположилось. Ведут за нами наблюдение. Отношение нейтральное. Скорее всего, папашкины нинзя».*

— *«Ты права. Трое. Ведут съёмку. Ну, так и пусть продолжают лежат — кто им мешает? Малыш, теперь моя очередь. Ты только не встречай, прошу, а я постараюсь закончить вообще все дебаты — пора двигать к дому. И ещё... Не обижайся на мои действия, но сейчас кое-кого проучу».*

— Катя, — голос Антона был скорее ледяной, чем доброжелателен. — Будь добра ответить — насколько твои дети ознакомлены с правилами Братства, коль являются

ментально одарёнными?

Женщина удивлённо посмотрела в глаза парню.

— Они ознакомлены в полном соответствии с ЗАКОНОМ, а что?

— Ты разъяснила им, что без разрешения ни один ментал не имеет право вторгаться в чужой разум? Нет или да?

— Говорила много раз и сегодня даже наказала, что они пытались залезть к Вам в головы. Что, снова? Славки, негодяи вы этикие. Да сколько ж можно?

— Мам, мы не...

— Врать только не надо. Тем более маме. Вы здесь не одни — вокруг есть ещё люди, которые способны общаться мысленно. — Антон посмотрел на Белого, у которого на коленях сидели двое детей. — Вас предупреждали, что такие действия недопустимы и строго караются? Говорили?

— Говорили, — чуть слышно в унисон ответили дети, в страхе ожидая заслуженное наказание.

— Тогда не буду вновь оглашать ЗАКОН, коль его не только зачитывали, но и разъясняли. Вы до сих пор так и не поняли, что тем, кто владеет большим, полагается и наказание соответствующее. Справедливо? Считаю, что да. Теперь моё слово. Я вас лишаю права общаться ментально с нами сроком на год. Попытайтесь нарушить — сильнейшая головная боль будет обеспечена обоим. Даже тому, кто и не станет нарушать запрет. Может поймете, что даже с родственниками нужно общаться с взаимным уважением, не нарушая личных границ. Добавлю. С каждой новой Вашей попыткой влезть к нам в головы боль будет усиливаться многократно. Я понятно объяснил?

— Правильно сделал, — Белый прижал к себе детей. — Я уже устал с ними бороться. Может хоть этот запрет чему-то их научит.

— Научит, Олег. Сам увидишь. Уверен, что подтверждения долго ждать не придётся.

Антон с улыбкой посмотрел на Белого и насупившихся детей, а потом на взволнованную Катю. Но не переживания её детей сейчас волновали. Совсем другое. Он повернулся к родителям.

— Отец, — как и от слов Арины, Сергей Павлович и Настя опять вздрогнули. — Прощу ответить на пару вопросов. Как понял, все действия нашей группы, что была на берегу, фиксировали на видео. Может и коптер где-то поблизости повесили для общей картинки. Это не вопрос. Скорее, утверждение. А вот теперь вопрос. Кто был наделён полномочиями отдать приказ бойцам защитить нас, если бы мы оказались в критической ситуации? Можешь назвать конкретное имя.

— Нет. Это закрытая информация. — Ярый превратился в камень, не проявляя никаких эмоций.

— Хороший ответ. Честный и исчерпывающий. Тогда следом второй вопрос. А как бы этот неизвестный определил — при смерти мы или нет? Живы или уже сдохли? А? Не можешь ответить? Между прочим, отец, твоя дочь только благодаря мне осталась жива, а твои... Ты хоть это МОЖЕШЬ ПОНЯТЬ? Сердцем своим понять, а не руководствуясь интересами государства.

Антон так и не дождался ответа от отца, заметив только, как на того смотрит мама. Не желая более ничего говорить, повернулся и сделал шаг к Дмитрию Михайловичу.

— Деда. Мы, в принципе, освободились. Как, пойдём домой?

Старик, поймав взгляд парня, глазами показал на родителей, но Антон отрицательно

качнул головой.

— Пойдём. Чего не пойти. Тем более время позднее. — Дмитрий Михайлович обратился к остальным. — А Вы как? С нами или сами доберётесь? До шоссе недалеко, а там, как понимаю, Сергея Павловича его служивые люди ожидают? Хочется верить, что и остальных родственников довезут до города, не бросят здесь.

Ярый никак не отреагировал, продолжая сидеть неподвижно, не отрывая взгляда от костра.

— Ну и ладненько, — дед усмехнулся. — Тогда не забудьте главное правило — кто уходит последним, заливает костёр, благо воды, вон, огромное озеро.

Как поняли двойняшки, и Катя с детьми, и Свар с Белым решили остаться. Будут успокаивать родителей или ещё чего — ему было не интересно знать. Только вот хулиганская мысль мелькнула в голове, а через секунду оформилась в виде плана действий.

— *«Рин. Не против развлечь наших родственников, отца и его коллег? Пусть все убедятся и зафиксируют, что всё наше оружие внутри нас, а не просто где-то спрятано. Продемонстрируем всем сначала «солнышко», а потом трансформируем его в мелкий веер. Запускаем в небо. Продолжительность от пары до десятка секунд с эффектной вспышкой под конец. Не против?»*

— *«Ты хочешь доказать всем, что отец не смог отобрать у нас оружие лишь потому, что его, физически, не существует? Давай. Думаю, зрелище будет ещё то. Только лучше работать хотя бы в полсилы, а не так как перед Сваром, для показухи. А не боишься, что после нас запрут где-нибудь в подземелье в Сибири?»*

— *«Как ты говорила несколько дней назад? ... «У нас ведь есть дар, создадим луч, да и пробьёмся к свободе». Так? Не бойся, пробьёмся. У меня сложилось впечатление, что отец уже давным-давно предоставил всю исчерпывающую информацию о нас заинтересованным людям».*

Когда двойняшки, попрощавшись, отошли от остальных метров на десять, Антон коснулся руки деда.

— Дмитрий Михайлович. Минутку подожди. Есть желание доказать как отцу, так и его прячущимся сотрудникам, которые ведут за нами наблюдение, что НАШЕ оружие они ну ни каким образом не смогут поймать. Ты только отойди от нас метров на тридцать — так безопаснее будет, да и вид со стороны получше.

Дед, мгновенно сообразив, что надумала молодёжь, усмехнулся и рванул бегом прямо к крутому берегу, крикнув на ходу. — Подождите! Дайте только забраться наверх!

Антон, с улыбкой наблюдая, как дед за несколько секунд вскарабкался словно молодой, на высокий песчаный берег, вернулся к костру и, окликнув родственников, объявил.

— Сегодня первый раз, когда мы лицом к лицу встретились в бою с инопланетным врагом. Мы победили в честном бою, они проиграли. Пусть в честь тех и других свершится салют. Этого достойны обе стороны.

— *«Готова, милая?»*

— *«Давай. Только не торопись. Пусть это будет и в самом деле запоминающимся памятным салютом».*

Через несколько секунд перед глазами оторопевших родственников, между вытянутыми руками двойняшек появился маленький сверкающий шарик, который с каждой секундой становился всё больше и больше. Когда же он, ослепительно переливаясь всеми цветами радуги, достиг диаметром около метра, дрогнул и стал медленно подниматься вверх и, на

высоте около полусотни метров, беззвучно взорвался, выпустив из себя множество разноцветных лучей, которые устремились в тёмное небо. И на разной высоте те останавливали свой полёт, напоследок озаряя тёмное небо, превращаясь на миг в яркие вспышки-шары разных цветов. И только самые последние лучи полыхнули высоко-высоко в небе так ярко, словно там зажглись маленькие солнца.

--

Антон, взглянув на сидящих родственников, которые были ошарашены увиденным, улыбнулся и, ничего не говоря, вместе с сестрой побежали к тому месту, где уже стоял Дмитрий Михайлович. Быстро поднявшись по крутому склону, пошли вслед за дедом, который в тёмном лесу ориентировался как днём.

Не успели выйти на шоссе, как на ночной дороге сверкнули огни фар и вскоре подъехала старенькая «Нива».

— Ну вот, транспорт прибыл, — хмыкнул дед, забираясь на переднее пассажирское место. — Садитесь назад. Племяш нас мигом домой доставит!

— Рад видеть Вас здоровыми и невредимыми, — мужчина, который сидел за рулём, повернулся и с улыбкой приветствовал пассажиров. — Сегодня ночь выдалась потрясающая. Не знаю кто, но на Ладоге устроили такое представление, что сейчас полгорода спорит — или инопланетяне прилетели, или военные устроили стрельбы. Как по мне, так именно что вояки — разрывы шли снизу вверх, причём, как сам видел, были использованы снаряды, а не ракеты. И, говорят, всё-таки что-то сбили чуть ли не в космосе — случайно или специально? Люди наблюдали вроде как метеор, хотя сам это подтвердить не могу — уже сюда ехал. Это мне на трубу сосед сообщил.

Дмитрий Михайлович обернулся и посмотрел на молодую парочку. Двойняшки сидели, опустив глаза вниз, но на их лицах он не увидел никакого раскаяния, скорее, еле сдерживаемый смех.

И только спустя пару минут сзади раздался тихий голос.

— Дмитрий Михайлович. Гражданских самолётов не было, как и военных. Это точно. Да и других летающих объектов вроде как...

— Вроде как? — усмехнулся дед. — Так, Паш... Сейчас домой, а если станет «жарко» — на заимку нас отвезёшь. Пока шум не стихнет, если таковой последует, там поживём.

Дед замолчал и до самого дома так и не проронил ни слова.

--

Через час, когда все попили чаю и перекусили перед сном, Дмитрий Михайлович достал из кармана носовой платок и, аккуратно положив его в центр стола, осторожно развернул.

— Что скажете?

Брат с сестрой приподнялись со стульев и с изумлением посмотрели на то, что лежало, сверкая, на развёрнутом платке, а потом, недоумевая, переглянулись...

Старинный дом на окраине г. Приозерска. Ленинградская область.

Около часа ночи.

Антон с удивлением рассматривал два медальона, что лежали на столе. Вроде бы они и были похожи по форме на те, что сами носили в себе, но отличия были, причём явные. Один имел, кроме рун, крохотный сверкающий камень в середине, который обвивала вполне обычная змейка с ярко сверкающими глазами. А вот второй медальон вообще не был ни на что не похож — он словно состоял из мельчайших шевелящихся микроскопических насекомых, хотя, по факту, живыми они быть не могли. Тем не менее, те двигались.

— Деда — удивлённо протянул парень. — Ты, как понял, поднял их с мест, где погибли жук и крылатый?

— Именно. Как понимаю, Вы по недоумению, походя, уничтожили себе подобных, словно надоедливых мух.

— Подобных? — вскинулась Арина. — Ты считаешь, что нам надо было лапки поднять кверху и ждать когда ТЕ нас сожрут? И это в лучшем случае. Худшее уже успела испытать на себе, правда, недолго.

— Подожди, сестрёнка. — Антон нахмурил брови и с недоумением посмотрел на медальоны, что лежали на столе. — На том, что с камнем, вижу основной смысл вязи рун — «Властвующий», а на втором, зелёном, вообще что-то непонятное — смысл меняется чуть ли не каждую секунду, но основное, что появляется чаще других — «Жизнь»... Хотя не так. Здесь чуть ли не фраза. Вот, увидел — «Сила жизни». Нет, не правильно. «Сила В жизни».

— Как ты заметил? — удивилась Арина. — У меня перед глазами просто сумбур какой-то. То появляются руны, то исчезают, а вместо вроде уже понятных, появляются иные. Хотя... да, ты прав. Складывается впечатление, что этот медальон вообще отличается от других — или он поистине живой или его ещё не привязали к определённому носителю.

Девушка протянула руку, что бы взять ближайший медальон, как в ту же секунду в пальцы от того, что был с камнем посередине, ударил короткий разряд.

— Ой, — вкрикнула девушка и отдернула руку. — Бьётся током, причём больно.

Антон тоже протянул руку, но уже к другому медальону, и вновь получил разряд именно от того, что был с камнем. Зелёный же лежал совершенно спокойно.

Дмитрий Михайлович с изумлением смотрел, как брат с сестрой пытаются авторучкой пододвинуть к себе медальоны, но ни один не поддавался, намертво прилипув к столу, на любую попытку сдвинуть каждый раз отвечая коротким разрядом. Не помогли ни перчатки, которые дал старик, ни старенький веник, которыми хотели вообще сдвинуть платок по столу.

Через несколько минут двойняшки успокоились, поняв, что ничего не добьются.

Антон вдруг замер от неожиданной мысли.

— Рин. А мы ведь с тобой так ни разу и не материлизовывали свои медальоны. Как они исчезли в нас, так и... Давай попробуем их вновь материлизовать на груди, да и снимем вообще. Може быть именно они и провоцируют других на агрессию? Хотя, если честно, в руки брать мне ни один из них не хочется. Вдруг ТА зараза, что была в крылатом, появилась именно что из подобного медальона.

Через время, и множества попыток, оба медальона появились на груди двойняшек, а вскоре лежали на столе.

— Как себя чувствуешь? — с тревогой спросил Антон. — Как по мне, то слегка тошнит.

— У меня такое же чувство. Я долго пыталась почувствовать его на груди, но складывалось впечатление, что тот уж очень не хотел покидать моё тело.

Парень посмотрел на сестру с удивлением, потому что та только что полностью описала его личные ощущения.

— А не станут ли наши медальоны со временем такими же паразитами, контролирующих наше сознание, как тот, что имел крылатый? Знаешь, Рин, давай-ка пока положим их на время куда-нибудь под замок? Попробуем пожить без них? Мне как-то стрёмно сейчас — словно кто-то внутри нашептывает — мол, одень свой как можно скорее...

— У меня так же, — удивилась девушка. О чем-то задумавшись, спросила деда.

— Дмитрий Михайлович. Но ты же ЭТИ в руки брал нормально? Они не стреляли разрядами?

— Нет, — старик вообще был удивлён тем, что происходило перед его глазами. — Они были холодны, словно два кусочка льда. Я сначала поднял один, потом второй и завернул их вместе в платок, что бы не потерялись.

— И они не отталкивали друг друга? — Антон, увидев удивление на лице старика, пояснил свои слова. — Мы пытались наши символы прижать один к другому, но, сколько не старались, те отталкивали друг друга.

После того, как ребята отнесли свои знаки в другую комнату и расположили их в разных концах помещения, вернувшись к столу, неожиданно ощутили в своих телах прилив сил. Удивлённо переглянувшись, посмотрели на старика.

— Дмитрий Михайлович. Складывается впечатление, что наши медальоны из нас силы тянули. А сейчас сняли и... знаете, номного лучше. Нет никакой тяжести в организме, да и все тревоги и непонятные страхи куда-то исчезли.

Старик задумался, и с его лица исчезла постоянная снисходительная улыбка. Через несколько минут размышлений, к чему-то придя однозначно, пояснил, что пришло к нему в голову.

— Мне странно, не стану скрывать, что Вы почувствовали настолько явное облегчение, когда лишились знаков. Это, с одной стороны, понятно — ведь Ваши медальоны хоть и не живые, как Вы, но в них имеется своя жизнь, кристаллическая, а подпитываются они именно за счёт Ваших сил. Так что, как один из вариантов, это вполне объяснимо. С другой стороны... Знаете, я, пожалуй, поддержу Антона — поживите пока без них — может и в самом деле это нечто другое, совсем не то, о чём я рассказывал. В жизни бывают разные казусы.

— Деда. — Арина с хитринкой в глазах взглянула на старика. — А вот теперь, уж прости, но нам надо знать имя той, кто вручила сии подарки. Знаю, что ты не желаешь называть её, тем не менее.

— Ринушка, милая. Ну не надо вслух называть имя ТОЙ, кто может в эту секунду находиться рядом. Мы её не видим, не ощущаем, а она... тут. Всё видит и слышит.

— Дмитрий Михайлович. Ты, прям, боишься её? Так? Ну не хочешь вслух, напиши, — и Антон протянул ручку и клочок бумаги, который нашёл в кармане.

Старик мялся, но, всё же, переборов себя, быстро написал что-то на бумажке и буквально швырнул, а не передвинул ту по столу.

Двойняшки одновременно посмотрели на написанное и...

— Чего ты так боишься? — девушка улыбнулась, ничего не понимая. — Имя как имя. Вполне известное. И что? Имя этой богини написано во многих книгах и учебниках по истории, да и часто произносится людьми. Что здесь такого страшного?

— Когда имя произносится неосознанно — это одно, а вот когда в голове оно соотносится с определённой личностью — совсем другое.

У старика явно испортилось настроение, но он пытался это не показывать.

— Ладно. Коль Вы сняли свои, попробуйте вновь, — и дед показал рукой на чужие медальоны.

Антон аккуратно протянул руку, но ожидаемого разряда не последовало, тем не менее, его лицо исказилось и он отдернул руку назад.

— Такое впечатление, что чем ближе были мои пальцы к медальонам, тем больше меня тошнило. Если честно, еле сдержался.

Арина вслед за братом тоже протянула руку, с удивлением глядя на Антона — у неё не было никаких ощущений, лишь в сердце появилась неосознанная тревога. Не за себя — за брата. Отодвинула руку — все ощущения исчезли.

Попросив у деда лист бумаги, Антон постарался как можно точнее перенести те руны, что мог увидеть на обоих медальонах. Закончив, сел на стул и расслабился.

— Чем был ближе к НИМ, — парень показал рукой в центр стола, — тем хуже себя чувствовал. И это даже не на уровне состояния, а словно во мне всё противилось тому, что делал.

Все трое затихли, не отрывая взглядов от центра стола.

Через несколько минут дед приподнялся и, завернув медальоны в платок, поднял его, а затем вновь положил на стол, увидев удивлённые глаза.

— Вы удивлены тем, что я беру их совершенно спокойно? — дед и сам был поражён. — Да. Никаких ощущений. Я вот что подумал — а верну-ка их ТУДА. Ну, Вы поняли. Времени это не займёт много по нынешним временам. А что будет — потом расскажу. Хорошо?

— Думаешь, следует? — засомневался Антон. — А если ЭТИ медальоны принадлежали ранее не той, с кем мы встретились? А, к примеру, её соперникам? Тогда что?

— Тогда... — старик хмыкнул. — Тогда она САМА найдёт им применение. Ну, во всяком случае, я избавлю Землю от такого недоброго наследия.

Старик вышел из горницы, а когда появился, уже был в своей домотканной рубаше.

— Вы пока не уходите спать, я скоро. — Дмитрий Михайлович положил на стол перед двойняшками другой свёрток. — Вы пока перересуйте символы с тех пластин, о которых я говорил. Они совершенно безвредные. Их в руках держали несколько человек, да и обладающие Даром то же были, так что...

Парень развернул тряпицу, в которую были завернуты две металлических тонких пластины и осторожно прикоснулся к верхней — никаких разрядов, ни других неприятных ощущений. Расположив пластины рядом, подтянув к себе бумагу и ручку, стал аккуратно и не торопясь перерисовывать руны. К работе подключилась Арина, контролируя правильность рисунков, иногда обращая внимание на те или иные детали, которые брат не уловил. Как и когда старик ушёл, они даже не заметили, полностью погрузившись в копирование текста, и лишь полчаса спустя, когда закончили, обратили внимание, что дед сидит рядом, с удивлением глядя на зажатый в руке платок.

— Что? — спросила девушка. — Не удалось?

— Я не понимаю почему, но ТУДА перенестись не смог. Пробовал и с медальонами и

без них — канал не работает. Может, Вы сами попробуете?

Через несколько минут двойняшки, переодевшись, стали петь в полголоса песню призыва, но, к их удивлению, ничего не происходило. К тому же, как оба почувствовали, та полянка, с которой они «уходили» в другой мир, уже не грела как раньше, и молодые люди в рубашках, накинутых на голые тела, достаточно быстро замёрзли.

Вернувшись в дом, на вопросительный взгляд деда отрицательно качали головами.

— Или нас всех наказали за убийство тех двух или... или что-то вообще изменилось в мире. — Антон быстро переоделся и схватился за чашку с горячим чаем, что ему подсунул дед. — Странно всё это. Хотя не думаю, что именно на нас была такая реакция. Ты, дед, сам попробовал ранее. И тебя не пустили. Скорее всего, что-то у НИХ поломалось. Может какой-то сбой, а может и вообще пути туда более не существует.

— Ладно, ребятки. Вижу, что Вы перерисовали пластины. Я, как мог, сверил — вроде всё правильно. Так что буду ждать от Вас новостей по поводу расшифровки текста. А сейчас, пожалуй, пора ложиться в постели. Девонька, вон, уже спит на ходу, да и день у нас был более чем насыщенным. Давайте мыться и по комнатам. Завтра Вас будить не буду — отсыпайтесь и набирайтесь сил. Кстати, последний вопрос — от своих клинков на ночь не хотите тоже избавиться? Может и они, как талисманы, из Вас жизнь сосут?

— Что бы определить — надо попробовать, — улыбнулась девушка и через мгновение на стол лёг один из клинков, а вслед за ним и лёг и другой, Антона.

— Твоё самочувствие? — брат смотрел на сестру, ожидая подтверждения или отрицания своих ощущений.

— Нет никакого изменения, — пожала плечами девушка. — Что они были внутри, что нет — одинаково. А у тебя?

— Аналогично. Но пусть сегодня полежат в сторонке от нас. Деда, их куда-то уберём или пусть здесь лежат?

— Я предлагаю вообще всё отнести в подвал. Так и мне будет спокойнее за их сохранность, да и Вы, в случае чего, ночью без меня туда попасть не сможете. Всё равно пройдёте мимо меня, а я сплю чутко, реагируя чуть ли не шум от крыльев бабочек.

— Это ты образно, или на самом деле так? — удивился сказанному Антон. — Если в действительности, то и я хотел бы иметь такой слух.

Старик засмеялся.

— Поверь, не надо завидовать. Такое «достижение» ни к чему хорошему не ведёт — лишь к постоянной бессоннице и нервогрёпке. Лучше спите, как все в Вашем возрасте — беззаботно и сладко. Всё, ребятки. Давайте сейчас за мной в Хранилище, а потом спать. И прошу, без шастаний по дому. Туалет есть на этаже, поэтому во двор бегать не надо. Окей, как говорит молодёжь?

— Океюшки, — хихикнула Арина, — как говорил наш любимый сатирик Михаил Задорнов.

— Помню его. Удивительный был человек. Не столь артист, сколь бесценен был как человек, трепетно относившийся к нашей истории. Хочу только сказать, что был знаком с ним, поэтому и сказал что сказал. Друзьями не стали, но хорошими приятелями были. Всё, хорош меня отвлекать. Сейчас опять зацепимся языками и надолго.

Когда поднялись из Хранилища, дед демонстративно вышел во двор, и двойняшки, поднявшись на второй этаж, разделись и юркнули под одеяла, мгновенно отключившись...

* * *

Антон эту ночь почти не спал — несколько раз ловил сестру, которая, поднявшись с кровати, куда-то стремилась с закрытыми глазами. И лишь под утро, после очередной поимки, уложил половинку рядом с собой, обняв её и прижав к себе. Арина после этого обмякла и оставшее время спала совершенно спокойно, но вот парень...

Он не спал, скорее, дремал, но мозг работал словно компьютер, анализируя факты, разговоры, действия обоих и всё, что с ними произошло за последние сутки... Сутки по местному времени, не учитывая неделю, что они провели в ином месте. И, уже под утро, он для себя поставил несколько вопросов, на которые необходимо было получить ответы как можно быстрее, но вот кто ему поможет в этом, да и сможет ли помочь вообще хоть кто-нибудь на этой земле?

От усталости он вновь отключился, но это был не сон, скорее полудрёма — слышал, как по улице проехала машина, как где-то далеко закукарекал петух, а потом... потом проснулась сестра, с изумлением обнаружив себя в постели Антона. Арина хотела было аккуратно улизнуть к себе, не потревожив брата, но рука парня, что лежала на её пояснице, ни как не давала возможности подняться.

— Что, малыш, удивляешься, как оказалась здесь? — раздался тихий голос Антона. — Так ты словно лунатик всё куда-то пыталась убежать раз пять... нет, шесть попыток было, но не удалось ускользнуть — я тебя поймал и затащил к себе под лдеяло. Измучала как себя, так и меня. Я вот совершенно разбит. Что хоть снилось?

— Прости, Тош, что не дала тебе выспаться. Не знаю, что со мной творилось — в голове почти всю ночь было одно — кто-то шептал, что нужно достать медальон и одеть на шею. Я дура, да? Только не надо говорить, что это навязчивая идея или паранойя. Это не то.

— Думаю, что это наши побрякушки не дали поспать нормально своим хозяевам. Не буду врать — и меня тянуло в Хранилище. Рин. Давай не будем их носить какое-то время. Вот чувствую, что это не к добру. Надо пожить без них. Сегодня надо уйти подальше от дома и прогнать все свои возможности, что бы убедиться, что мы можем без медальонов работать как прежде. Как по медицинским показателям, так и по нашим «фишкам». Имею в виду создание «солнышка» и других ментальных конструкторов.

— Как ты назвал? Конструкторы? А что, хорошее определение нашим придумкам. Это и в самом деле конструкция из ментального, эмоционального и биологического составляющих. По поводу диагностики, так я сейчас тебя «прогнала» — всё в норме, вот только эмоциональное истощение, но ни как не физическое.

— Хулиганка ты. Пытаешься всё делать исподтишка. Зачем? Ведь я почувствовал твой импульс. Ты, кстати, тоже соответствуешь озвученному диагнозу. Вот только в тебе ещё... это... другое. Время пришло?

— А, ты о женских делах? — смутилась девушка. — Да, с вечера стало тянуть, но это поправимо.

— Конечно поправимо, — улыбнулся Антон и, положив обе руки на живот сестре, дал живительный импульс восстановления. — Основного процесса, конечно, не предотвратить, но болей и неприятных ощущений не будет, гарантирую.

— Тош. Ну сколько можно меня вот так избавлять от всего неприятного? Плохо, честное слово, что ты со мной нянчишься как с маленькой девочкой, а я ведь давно выросла, поэтому...

— Ты хочешь испытать в полной мере то, что чувствуют многие женщины? Если так, то...

— Не, Тош, ты не так понял, — девушка, с ужасом в глазах, подскочила на кровати, а парень, глядя на неё, тихо засмеялся. Потом, схватив за руку, утащил сестру к себе под одеяло.

— То-то, отважная ты моя. Лучше пользуйся привилегией, коль тебе по жизни так повезло. А теперь, малыш, попрошу стать серьёзной. Нужно кое о чём переговорить до того момента, как свидимся с дедом.

— Слушаю. — Арина и в самом деле погасила улыбку и, прижавшись к брату, положила тому голову на грудь. — Сердце у тебя работает хоть и нормально, но как-то тревожно. Всё, замолчала. Слушаю внимательно.

Антон задумался с чего начать, и лишь через несколько секунд задал первый вопрос.

— Ринушка. Скажи, только подумав и проанализировав свои ощущения — ты и в самом деле поверила, что мы были эту неделю на другой планете? Подожди, я не закончил. Вот что меня вчера вечером, да и сегодня полночи, цепляло. Мы ходим, как и все люди в туалет, так? А почему тогда за прошедшую неделю я ни разу не захотел сходить в кустики? Даже помаленькому. Да, мы с тобой там ничем не питались, только пили. Но, согласись, и эта жидкость не могла усвоиться нашими организмами на все сто процентов. Далее. Помнишь, как ты хотела пройти через кустарник, что бы увидеть — что находится дальше за отведённым нам периметром? Не знаю, видела ли ты, что там было, но я стоял прямо за тобой и то, что успел увидеть, пока ветви кустов вновь не сдвинулись — не совсем соответствовало настоящему лесу — там было просто размытое зелёное пятно, словно...

— Нарисованное, да? — девушка подняла голову и посмотрела в глаза брату. — Если такой разговор, то и я где-то подсудно ощущала некоторые несоответствия. Например, в озере, когда ныряла. Я ведь со дна так и не смогла поднять ни единого камня, как ни пыталась. На берегу да, камней было полно, которые мы кидали в воду, но там... там они были словно скленные между собой... Но шишки, которыми мы кидались? Трава, на которой спали?

— Трава? Тоже странно. Ты обратила внимание, что, проведя ночь на траве, та несколько не пожелтела от того, что стебельки под нашей тяжестью должны были смяться? Должны было хоть немного придавиться от наших тел, но нет — все травинки торчали идеально вверх, словно были искусственными. Другое, что тоже не даёт покоя. Мы с тобой всю неделю медитировали, но никому из нас в голову не пришла мысль заняться боевыми конструктами. Создать то же «солнышко» или запустить «поиск». Ведь странно, что в мире, где не было никого кроме нас, мы так и не смогли ни разу и даже не захотели попробовать что-то опасное для ТОГО мира. Или это был не реально существующий мир, а какие-то иллюзии?

— Тогда и Марена была нереальна, а являлась голограммой? Хотя медальоны... Та ведь на наши шеи сама их одела?

— Она ли одела? Или это была точно такая же иллюзия, как и всё остальное?

— Тош. Ты сейчас доведёшь меня до слёз, правда. Вот случилось что-то волшебное в нашей жизни, сказочное, а ты вдруг, раз... и всё объяснил чисто логически. Вот честно — не хочется верить, что мы были под внушением или ещё чем-то.

У девушки и в самом деле из глаз полились слёзы.

— Малыш. Не надо плакать, прошу. Мне тоже хочется, что бы сказка продолжалась, но ведь не складывается, пойми. Ладно мы не смогли ТУДА пройти, но ведь и у деда не получилось. Именно это меня и цапнуло. Он-то ну ни как не был виновен за гибель тех двух,

чьи медальоны подобрал на берегу. В чём его-то вина? В том, что был рядом с нами? Но ведь не помог нам никак и ничем.

— Согласна с тобой, что всё это странно. А что ещё заметил?

— Ты ведь сама почувствовала вчера, когда мы пытались пройти в иной мир, что на полянке у дома было холодно как никогда, а ведь дед говорил, что там всегда теплее, чем вокруг. А вчера оказалось, что там было намного холоднее, чем вокруг. Так что вопросов много, а ответов, увы, почти нет. Я что предлагаю. Сейчас встанем, позавтракаем и попросим деда, что бы его племянник отвёз нас куда-нибудь на берег Ладоги. Хотя можно и на острова Вуоксы. Как уже говорил — нужно «прогнать» свои способности в полную силу — это раз. Второе — создать что-нибудь из конструкторов и третье — коль дед будет рядом, попробовать его просканировать и дать импульс на оздоровление. Ему это совсем не помешает. Он-то и будет нашим подопытным. Если всё будет так, как до этой поездки сюда — мы в норме.

— И надо попробовать уехать как можно дальше от наших медальонов, чтобы понять насколько велико расстояние, откуда мы их не будем чувствовать.

— Или они нас...

* * *

Старик с утра чувствовал себя неважно. Он давно стал ощущать свой возраст, но именно сегодня осознал в полной мере насколько стар в действительности. И ломота в суставах и тянущая боль в позвоночнике, да и голова... После вчерашней неудачной попытки уйти в другой мир, его организм словно «сломался». И сегодня, впервые за долгие годы, ночь провёл почти без сна. И виной тому были не переживания о вчерашних событиях, и не какое-то волнение за дальнейшую судьбу, а вот ночные посиделки с парой молодых людей и, особенно то, что медальоны, о которых он говорил столь восторженно, вдруг оказались совсем иными... Он с утра гнал из головы мысли, но те, паразиты, снова и снова возвращались и не давали покоя старому человеку.

— Дмитрий Михайлович, деда, доброе утро. Как себя чувствуешь? Как настроение?

По лестнице спустились двойняшки и, приобняв старика, невольно вызвали у того улыбку, особенно тогда, когда девочка стала заглядывать ему в глаза, словно маленький котёнок, который просил поиграть с собой. Старик хотел сказать, что всё нормально, но промолчал, понимая, что эти, особенные ребята, и так всё понимают и чувствуют его состояние, а слова... слова лишь были проявлением уважения, не более.

— Спал плохо? — спросил Антон, положив руку на шею деда. — И спина болит, да и кости ломит? Да? Знаешь, а давай-ка мы тебя посмотрим?

Дед замахал на них руками, словно мельница, но это выглядело столь забавно, что ребята рассмеялись.

— Деда. Нам надо поговорить серьёзно на тему, о которой ты и сам, скорее всего, постоянно думаешь. Но сначала давай-ка, ложись на стол. Это вполне удобное место. Мы тебя посмотрим, а потом решим что дальше делать. Если сейчас не сможем помочь в полной мере или потребуется более длительное восстановление, заберём тебя в Питер. — Антон задумался, а потом, тряхнув головой, словно отгоняя лишние мысли, продолжил. — Хотя имеется другой вариант, который позволит нам кое-что прояснить и в нас самих. Ты сможешь связаться с Пашей, что бы тот отвёз нас всех или на берег Ладоги, куда-нибудь подальше от города, где нет людей? Или на какой-нибудь из островов Вуоксы. Там сейчас людей мало, а нам лучше уехать как можно дальше от наших... — и парень кивнул туда, где

находилась лестница в Хранилище.

— Хочешь испытать их давление? — старик сразу понял о чём речь. — Давай так. Я сначала позвоню, а потом и решим когда и куда.

Спустя пару минут, переговорив с племянником, дед выключил телефон.

— Тут вот какие дела, ребятушки. Не знаю, что Вы вчера натворили, но от Приозерска в сторону Заостровья, ну, это по старой дороге в сторону Питера, что идёт вдоль берега Ладоги, наглухо всё перекрыто военными. Как сказал Паша, там чуть ли не местных эвакуируют, кто на дачах или в своих домах живёт. Не объясняют в чём дело, говорят — химико-бактериологические учения максимально приближённые к боевым.

Антон задумался.

— Так это вроде в другую сторону от города, так? Не там же, где мы вчера были?

— Так-то оно так, но вот не нравится мне всё это. Не знаю, чьё внимание Вы своим фейерверком привлекли, но вояк здесь давным-давно не видели. Есть воинские части, это да, но их мало, да и не видят тех обитателей в таком количестве в одном месте. Пограницы, правда, порой бегают неподалёку, но и то случается редко.

— Но нам ведь никто не мешает проехать в другую сторону? Или могут возникнуть проблемы? А на острова?

— На острова можно, но Пашка ещё катер на воду не спустил. Он сейчас прозондирует все варианты и сам позвонит. Сказал, что в течение получаса. А пока есть время, давайте позавтракаем, а то вдруг он приедет раньше за нами раньше, а мы голодные...

— Да. Не то слово голодные, — хихикнула Арина. — Только, чур, делаем всё вместе. Точнее, ты командуешь, а мы исполняем.

— Ладно, милая. Давай так, а то я и в самом деле сегодня не очень...

Через полчаса, когда обитатели дома плотно позавтракав, помыв и убрав посуду, сели для разговора в горнице, раздалась трель звонка от ворот.

— Ну вот, вроде Пашка приехал. Он всегда так долбит по кнопке звонка. — Дмитрий Михайлович вышел из дома, но вскоре вернулся, а на его лице было удивление.

— Там, ребятки, за Вами приехали. Военные какие-то в форме. Сказали, что от Вашего отца. — Дед с удивлением смотрел на двойняшек, которые точно также смотрели на старика.

— Заба-а-авно, — хмуро протянул Антон. — Ладно. Сейчас выясню в чём дело, и будем решать по обстоятельствам. Паша ведь так и не отзванивался?

— Нет, — ответил дед. — Сроки прошли, а он парень пунктуальный. Наверное, что-то случилось.

После секундной заминки, Антон попросил деда принести в горницу их кинжалы, но ни в коем случае не дотраиваться до медальонов...

— Понимаешь, без медальонов мы прожить сможем, а вот без оружия... Как-то свыклись с ними, — прошептал Антон, развернув свёрток из промасленной кожи, забирая свой кинжал, который мгновенно втянулся в руку. Вслед и девушка взяла со стола свой клинок и, поцеловав его, прижала к груди, дав тому возможность исчезнуть.

— Ну, я пошёл к гостям, а ты, Рин, пока здесь побудь. И без споров, прошу.

--

Выйдя из дома, Антон запустил «Поиск», но, проанализировав отклик, ничего явно опасного для себя не почувствовал. Открыв калитку, чуть не упёрся в двух военных, которые явно обрадовались, увидев молодого человека.

— Антон Сергеевич Ярый? — спросил мужчина, майорские погоны которого явно не соответствовали возрасту офицера.

— Он самый. Извините, паспорт с собой не ношу, да и в доме Наставника его нет — оставил в Питере. Поверьте на слово. Что хотели?

— Мы не «хотели». Нам дан приказ доставить Вас к Вашему отцу немедленно. Поэтому прошу проследовать в машину, — это было уже сказано вторым мужчиной. Более молодым, с погонами капитана.

— Простите, но, может, вначале представитесь? Или у представителей военной контрразведки, а Вы явно оттуда, представление ныне не в почёте? И будьте добры показать удостоверения и объяснить — куда, зачем и почему. Пока Вы не стали действовать необдуманно, предупреждаю, что я совершеннолетний человек, гражданский, и Ваше ведомство ко мне не имеет никакого отношения. Поэтому сделайте выводы перед тем, как станете угрожать или делать ещё что-нибудь незаконное.

Мужчины от такого напора даже ступшевались, но заминка продлилась недолго.

— Мы не собираемся угрожать или ещё совершать какие-либо незаконные действия, — сказал майор, открывая и демонстрируя удостоверение личности в раскрытом виде. — Мой коллега не совсем правильно выразился. Ваш отец не приказывал, а просил Вас доставить к нему. Необходима Ваше присутствие и помощь в его работе.

— Только меня или ещё кого? — Антон напрягся, чувствуя, что от последующего ответа будет зависеть многое.

— Ваш отец не просил привозить двоих, имею в виду Вашу сестру. Он сказал, что это не займёт много времени, но ждёт именно Вас, а присутствие Арины, с его слов, необязательно.

— Извините, господа офицеры, но вынужден отказать как отцу, так и Вам. К сожалению, мы сейчас готовимся оказать медицинскую помощь человеку, который не может ждать долго. К тому же, как понял, Сергею Павловичу нужен врач, а не сын как таковой, но я, как уже сказал, в данный момент занят другим пациентом.

— Антон, — пожилой мужчина скривился, словно от зубной боли. — Мы не можем вернуться без Вас. Вы должны понимать, что посьба генерала для его подчинённых равна приказу. Скажите сколько нужно ждать, и мы подождём.

— Спасибо за понимание, господин майор, хотя из Вас майор как из меня балерина. Простите за грубость, но, прожив много лет с человеком из Вашего ведомства, волей-неволей научишься разбираться кто есть кто. Знаете, а я Вам дам подсказку как можно избежать возможных неприятностей и ожидания. Надеюсь, телефон у Вас с собой и номер генерала Ярого там имеется? Позвоните ему, а дальше я сам решу все вопросы. К сожалению, ожидать Вам в ином случае предстоит долгое время, так как сегодняшней день у нас расписан по минутам. И работа с пациентом, которого сейчас меня ждёт, на нём не закончится.

Майор улыбнулся и, отойдя пару шагов от калитки, вынув телефон, набрал номер. Что-то коротко сказав и выслушав ответ, вернулся, протянув телефон парню.

— Ваш отец...

Антон прижал трубку к уху.

— На линии.

— Антон, хватит ломать комедию, — голос отца был сух. — Я послал к тебе двоих далеко не рядовых сотрудников. Неужели так тяжело оторвать зад от стула и приехать ко

мне? Нужна помощь. И немедленно.

— Отец, мы, кажется, вчера всё выяснили между собой. Или я не прав? — парень почувствовал, что этот разговор его раздражал. — У меня есть свои планы как на сегодня, так и на ближайшие два дня. Расписано чуть ли не по минутам. Поэтому извини, но тебе придётся задействовать медиков из своей службы. Или они все настолько заняты, что ты решил вспомнить обо мне? Извини, но этот разговор начал не с того и не тем тоном. Не забывай, что я уже слишком большой мальчик, что бы по первому твоему свистку мчаться сломя голову на другой конец планеты.

— Как ты со мной разговариваешь? Я тебя часто прошу о помощи?

— Нет, отец. Не часто. Но и я тебе никогда не отказывал. Наоборот, сам вызывался. Не только до вчерашнего вечера. А с сегодняшнего дня, извини, но наши дороги расходятся в разные стороны. Ты ко мне по рабочим делам не имеешь никакого отношения, как и я к твоим. Если появится желание просто пообщаться — пожалуйста, но к твоим проблемам и, тем более, к проблемам твоего любимого ведомства, тем более государства, отношения иметь не желаю. Кстати, передай маме, да и для тебя информация будет полезна — мы решили, что пора начать жить отдельно от родителей. Может со временем и на расстоянии взаимоотношения станут лучше, но отнюдь не сегодня и не завтра. Да и не в ближайшее время. Извини, но на данный момент помочь ничем не могу. Сейчас передам трубку господину майору, или кто он там по званию на самом деле, а ты уж сам им всё объясни. Кстати. Не советую применять силовое воздействие — буду сопротивляться насилию до конца, применяя всё, чем владею. Ты вчера видел лишь малую часть наших возможностей, поэтому полуразрушенный город тебе не простят. Счастливо, отец, удачи в делах.

Антон передал трубку майору, который, слыша слова парня, с ошалевшим взглядом поднёс телефон к уху.

— Ясно. Так точно. Отбой.

Мужчина опустил телефон и посмотрел на парня с удивлением и, даже с опаской.

— Уезжаем, — майор кинул напарнику и, когда тот отошёл подальше, посмотрел в глаза Антону.

— Зря Вы так, молодой человек. Я знаю Сергея Павловича более десяти лет — это порядочный и честнейший человек, каких не так много в стране.

Парень улыбнулся.

— А я знаю генерала Ярого чуть меньше тридцати лет. И у кого из нас больше оснований охарактеризовать вышеназванного человека? Я понял, Вам дан приказ возвращаться?

— Да. Он не в себе, как я понял. Скорее растроен, чем зол. Что ж, обойдёмся без Вас. Счастливо оставаться.

— А Вам доброго пути.

Машина, резко рванув с места, вскоре исчезла в конце улицы, а у Антона задрожали руки и ноги. Он только сейчас понял, насколько его напрягла ситуация, да и хоть короткий, но тяжёлый разговор с отцом. Постояв немного на улице, приведя себя в более-менее нормальное состояние, зашёл во двор и увидел, что дед и сестра стояли по обеим сторонам калитки, готовые в любую секунду прийти Антону на помощь. Посмотрев на обоих, он приобнял старика и сестру, а потом, не проронив ни слова, подтолкнул их к дому.

И только сев на стул в горнице, почувствовал насколько он вымотался за те несколько минут, что провёл с сослуживцами отца...

— Тяжело? — спросил Дмитрий Михайлович, не поднимая глаз на парня.

— Тяжело, не буду врать. Но это разговор состоялся бы в любом случае — рано или поздно. Мне сейчас надо пару минут, что бы успокоиться и привести себя в нормальное состояние. Что с племянником, деда?

— Он позвонил сразу, как ты вышел из дома. Машина у него сломалась. Остаётся один вариант — он сейчас договорится с приятелем на лодочной, и мы рванём на острова. А от дома до станции пятнадцать минут хода, ну, может чуть подольше...

* * *

Пока шли до причалов, Антон попросил сестру позвонить маме. Та, не скрывая нежелание, всё же набрала номер, поинтересовавшись, как добрались родители. Узнав, что всё в норме, девушка уже хотела закончить разговор, как брат попросил у неё трубку.

— Mam, привет. У меня к тебе вопрос и просьба. Вопрос в следующем — что там за ситуация с отцом, что тот отправил за мной на машине двух офицеров. Самое же странное в другом — он что, сам не мог до этого позвонить?

Настя, поздоровавшись с сыном, говорила сухо и явно без желания долго вести разговор.

— Он с утра как уехал, так до сих пор мне не звонил. По всем вопросам к нему. Оставьте меня в покое. Не хочу быть связным между Вами. Устала Вас всех мирить постоянно. Понимаешь? НАДОЕЛО!!!

— Хорошо, мам. Вопросов нет. Теперь просьба. Как понимаю, ты будешь дома сегодня? Если так, то передай Елизавете Петровне и Любаве Анатольевне ту папку, где наши расчётные счета, что до этого отец держал в сейфе. Кто приедет за документами — пока не знаю. Хотел сначала с тобой переговорить, а уж потом в клинику звонить. Папка лежит у меня в комнате на столе. Когда вернёмся в Питер, сразу на работу, домой заезжать не будем. Только попрошу тебя эти документы завернуть во что-нибудь, ну, что бы не было доступа. Договорились? Спасибо, мам. Счастливо. Отдыхай от всех нас.

Антон отключился и передал телефон сестре.

— Мама сегодня взвинчена до предела. Со мной говорила чуть ли не через силу. По крайней мере, натянуто. Не знаю, что произошло между всеми родственниками после нашего ухода, но, думаю, ничего хорошего. Так. Теперь надо позвонить на работу.

Антон достал уже свой телефон и, набрав номер, сразу услышал голос Любавы Анатольевны — их верной помощницы — хирурга с многолетним стажем и огромным опытом.

— Доброе утро, уважаемая и всеми нами горячо любимая Любава свет Анатольевна. Антон беспокоит. Не отрываю от дел? Не мешаю? Как у Вас там без нас? Лучше, когда руководство долго отсутствует?

Из динамика раздался даже не смех, а словно колокольчик зазвенел.

— Антон Сергеевич. Хватит подтрунивать над пожилым человеком. Сам же знаешь, что ждём Вас обоих с нетерпением. Сегодня с восьми утра начали запись на текущий месяц, так за час всё время уже было расписано. Я взяла на себя смелость продлить запись ещё на пару недель вперёд.

— Что бы мы делали без Вас? Как там обстановка? Без деталей.

— Всё нормально. Весь персонал застоялся, словно кони в конюшне. Роют и бьют, знаете ли, копытами, желая поскорее приступить к выполнению своих обязанностей.

— Прямо таки роют и бьют? Что ж. Хорошо если так. Только передайте тем коняшкам, что за случайно побитую плитку вычтем из их зарплаты. Шутка. Коль настроение боевое —

замечательно. Скорее всего, завтра днём вернёмся. Может и сегодня в ночи. Ну, как сложится. Мы здесь занимаемся повышением квалификации по своему профилю. Как скажет Наставник — так и будет. Но, вроде, основное обучение закончилось. Что попрошу. Это личная просьба. Не смогли бы Вы или Елизавета подъехать к нам сегодня вечером домой и забрать папку с документами? Мы, скорее всего, завтра не будем заезжать домой, чтобы не тратить время, а сразу направимся в клинику.

— Без вопросов. Мне всё равно вечером ехать мимо Вашего дома. Заберу, не сложно. Дома кто будет?

— Мама. Я её предупредил. И ещё. Понимаю, что, наверно, предупреждение лишнее, но в этих документах конфиденциальная информация, да и финансовые документы, поэтому...

— Обижаете, Антон Сергеевич. Вы же меня знаете. Зачем так?

— Я просто прошу, что бы Вы не потеряли документы. Если не хотите связываться — откажитесь, не обижусь. В принципе, это всё не к спеху. Теперь другой вопрос... Любава Анатольевна, Вы как-то обмолвились, что у Вас есть надёжный риелтор? Так? Он ещё живой?

— Тьфу-тьфу-тьфу. Ну и сказанули... Это в самом деле хороший как специалист, так и человек. Ну... это мой бывший муж. Первый. Он с товарищем основали агенство, которое, на данный момент, входит в пятёрку самых надёжных в городе. Кстати. Они единственные, которые страхуют сделки в полном объёме. Это о чём-то говорит? А что Вас конкретно интересует? Хотите новое здание для клиники? Если что, могу связаться и выяснить варианты.

— Хорошо, что Вы гарантируете порядочность своего бывшего супруга. Да, нужна его помощь, но не для клиники, а лично для нас. Поинтересуйтесь, пожалуйста, трёхкомнатной квартирой где-нибудь поблизости от работы. Машины у нас нет, поэтому тратиться на такси или добираться на общественном транспорте утром, а особенно вечером, исключая. Дом, желательно, после капремонта. За метражом не гонимся — нам дворец не нужен совершенно. Лишь бы была просторная кухня и место, где могли отдохнуть после работы. Понимаю, что вопрос в частностях будем решать сами, но то, что сказал, основное. Повторю — нам не нужны хоромы.

— Что, дома не складывается? — тихо спросила уже серьёзная женщина.

— Дома всё нормально, но пришла пора пожить отдельно от родителей. Как говорится — хорошее видится на расстоянии.

— Ясно, Антон... Сергеевич. Эта информация конфиденциальна, поэтому о ней никто не узнает. Ещё пожелания будут?

— Вроде нет, — парень задумался и потом задал вопрос, который вдруг всплыл в голове. — Любава Анатольевна, а был ли сегодня на записи... как бы его охарактеризовать? Вообще, парализованный мужчина возраста ближе к шестидесяти, может старше, со своей...

— Дочкой. Простите, что прервала. Да такой записался, причём оформил всё так, что мы сами удивились — в первый же день Вашего приёма он хотел оказаться именно что первым. Денег заплатил в пять раз более чем по прайсу с распиской, что все пропущенные дни из-за Вашего отсутствия он готов оплачивать без возврата денежных средств.

— Что за выкрутасы? А как мы потом проведём по бухгалтерии все приходники?

— Ирина сама с ним, точнее, с его дочерью решала все вопросы, без меня. Сказала после переговоров, что лишние суммы заказчиком предложены оформить как

безвозмездную спонсорскую помощь нашей клинике. Хотя я считаю, что эти деньги надо вернуть.

— Вы правы. Деньги необходимо вернуть однозначно и без всяких вопросов. Передайте мои слова Ирине Валентиновне — пусть произведёт возврат наличных под роспись, когда та пара прибудет на обследование. Договорились? Да, забыл спросить. Вы их разместили у нас?

— Нет. Мы предложили, но они отказались. Сказали, что живут неподалеку в гостинице. А вообще, спасибо, что согласны с моим мнением по поводу денег, — раздался повеселевший голос женщины. — А то как-то неуютно все себя чувствовали. Складывалось впечатление, что нас... чуть ли насильно заставили так поступить.

— Заставили? — Антон хмыкнул и улыбнулся сестре, которая, прижав с другой стороны телефона ухо, слышала весь разговор. — Вполне вероятно, что и действительно пытались заставить. Эта пара, как мне известно, обладает даром внушения. Не гипнотезёры, не нейролингвисты, но что-то наподобии. С ними Вам вообще лучше не общаться. Аргументируйте это моим устным приказом. В случае если почувствуете навязывание чужого мнения или иное воздействие — просто вытолкайте их из клиники с помощью охраны. И не забывайте о кулончиках, что Вы обязаны носить все без исключения во время нахождения в клинике. Не забыли о таких?

Голос в трубке снова стал весёлым и беззаботным, словно абоненту было не за пятьдесят, а лет пятнадцать, самое большое.

— Мы носим их постоянно. И та девушка была удивлена, что мы не стали резво бегать под её воздействием.

— Ну и хорошо. Ладненько. На сим заканчиваю. Да, не помню, говорил или нет — если заедете ко мне, созвонитесь предварительно с мамой. А то она сегодня с утра не в духе. Номер у Вас ведь есть?

— Есть, конечно. Всё сделаю. До свидания. Ждём Вас с нетерпением.

Антон отключил вызов и посмотрел на сестру.

— И как тебе?

— Любава — душка, как говорили раньше. Вот же нам с ней повезло. Она, хоть и не одарённая, но обладает таким опытом, что проводит предварительный осмотр выше всех похвал. Ты, например, хоть раз ловил её на ошибках?

— Ошибок не было, но упущения, уж извини, случались, хотя и редко. Согласен с тобой, что Любаша — надёжный наш тыл и опора. Да и то, что она взяла на себя практически всё управление в клинике, освободив нас от текучки — за это честь ей и хвала. Между прочим, ещё в Москве пришла мысль, что пора повысить всем нашим зарплату. Естественно, не одинаково, но кто работает больше других, то и получать должен соответственно. Не против?

— А почему я должна быть против? — удивилась Арина. — Мы просто обязаны поощрять своих сотрудников. Та же Любава делает всё возможное и даже больше. Она словно вторая мама — оберегает нас со всех сторон...

Брат с сестрой шли и беззаботно болтали на свои темы, совсем позабыв о старике, который шёл чуть впереди, не оборачиваясь, но и невольно слыша все разговоры. Спустя пару минут старик обернулся и, показав на лавочку, предложил сесть.

— Ноги у меня сегодня гудят, — пожаловался Дмитрий Михайлович. — Осталось немного, но устал, если честно. Я сегодня вообще чувствую себя совсем не так, как обычно.

— Конечно, деда, — улыбнулась девушка. — Может надо было такси вызвать?

— Прям такси... — дед сокрушённо покачал головой. — Ножками, даже большими, всё равно двигать надо. Но не о том хочу спросить. Извините, что невольно слышал Ваши разговоры. Что, хотите съехать от родителей?

— Деда... — Антон сел рядом со стариком и откинулся на спинку скамьи. — До вчерашнего вечера и мысли такие в голову не приходили, честно. Но сам же всё слышал и видел. А сегодня вновь подтверждение, что для отца мы, в первую очередь, не дети, а те, кто может помочь ему в работе. Его не интересуют наши дела и проблемы. У него в голове, как ты сам лично убедился — чтобы государство было сильнО и твёрдо стояло на ногах. А мы вот несколько иначе на всё это смотрим. Для нас на первом месте Родина. Земля, на которой родились и живём. А это, как понимаешь, не совсем то, что в голове отца.

— Не буду спорить и оправдывать генерала, — нахмурился старик. — Но и его правота имеет место быть. Земля и Родина — это да, главное, но и Государство как таковое должно существовать. Иначе нашу землю раздербанят на куски всякие пришлые, да и не останется у тебя Родины как таковой. Это сам должен понимать, не школяр какой, а вполне взрослый человек.

— Дмитрий Михайлович, — скривился Антон. — Да понимаем это не хуже тебя. Нельзя настолько бесцеремонно использовать людей во имя непонятных нам целей, понимаешь? Я вчера сказал, что для меня государство — это конкретные люди, которые руководят страной. Вот скажи, только честно, ты хоть одному из тех, кто сейчас во власти, веришь? Готов за него жизнь свою отдать без раздумий? Я, например, нет. И не потому, что там все без исключения стараются заграбастать как можно больше денег, даже не особо скрывая это. Помнишь, как недавно нашим, так называемым народным избранникам из Думы, предложили урезать как свои зарплаты, так и вообще расходы? Что, такое решение было принято единогласно? Кто был готов поделиться со стариками своими деньгами? Да ни кто. Или другое, что особенно больно для меня, когда вижу среди пациентов стариков, которые, как выясняется, получают пенсию по тринадцать-пятнадцать тысяч. А ведь таких среди пенсионеров — большинство в стране. И нет у меня веры, когда говорят, что средняя пенсия около двадцати пяти. Это как взять одного, у которого она под пару сотен тысяч и других полсотни, кто живёт, учитывая каждую копейку, не позволяя себе купить пару апельсинов в месяц. Это, считаешь, достойно для государства, которое платит старикам крохи, а основная масса денег делится между кучкой небожителей? Вот у тебя, скажи, какая пенсия?

— Двенадцать тысяч, так я и...

— Ну да. Помню, что ты последние годы работал егерем. Для власть имущих такая работа не является такой уж важной и нуждой, поэтому и зарплата соответствующая, а позже, когда здоровье не позволяет работать, грошовая пенсия. И как, доволен содержанием от государства? Оценило оно твой труд по достоинству? Вновь пойдёшь на выборы и будешь голосовать за то, что бы миллиардеры стали ещё богаче?

— Антон, остановись. Во тебя прорвало... — старик замахал руками. — Я совсем не с том хотел сказать, а о...

— А я о том, — парень встал и закрутил головой, разминая шею. — У меня вот всегда так — как начинаю волноваться, так сразу шею защемляет и голова начинает болеть. Такая своеобразная реакция организма на несправедливость. Заканчивая разговор, скажу так — я начну уважать своё государство только тогда, когда старики не будут влачить жалкого существования. Когда будут лечить детей за счёт государства, а не собирать по копейкам

помощь от неравнодушных людей. Когда рабочие, стоящие смену у станка, будут получать больше, чем госслужащие, протирающие штаны и не выполняющие никакой важной работы, а их не то, что от года к году, а от месяца к месяцу не только становится больше, так и зарплату им повышают постоянно. Или те же учителя, которые выглядят нищими по сравнению с внешним видом своих учеников. Скажи — могут они научить своих воспитанников любить Родину, получая гроши от государства за свою ненормированную работу? Или те же врачи? Которые стараются как можно быстрее устроиться в частные клиники, а не сидеть на ставке в больницах или поликлиниках? Ладно. Надоело. Закончили этот разговор. Останемся, как говорится, каждый при своём.

— Ну, тебе, например, грех жаловаться на свою жизнь? — старик хитро взглянул на парня, но неожиданно на заданный вопрос ответила Арина.

— Деда. Извини, но всему тому, чего добились в жизни и в профессии, благодарны только себе. Может, немного маме. Что конкретно тебе не даёт покоя в нашей работе? То, что мы работаем платно? Так мы и отдаём немало в виде налогов государству. Платим аренду и выплачиваем зарплату сотрудникам. Думаешь, наш труд лёгок? Если скажешь да, то сам себе соврёшь — ты, как никто другой, знаешь чем возвращается излечение больного врачу. Я не имею в виду обычного врача, а нам, менталам, которые отдают свои силы и здоровье, в принципе, чужим людям. Мы выкладываемся на все сто процентов, понимая, что иначе нельзя. Раз схалтуришь, второй, — а на третий у тебя не будет клиентов. Да и много ли ты знаешь таких клиник как наша? Даже в стране, не говоря о мировом масштабе. Что, нечего сказать? Так лучше и не говори, а то сконфузишься.

Арина раздражённо встала и посмотрела на сидящего старика.

— Дмитрий Михайлович. Мы идём? Отдохнули?

Старик расстроился, так как совсем не ожидал, что эта тема столь болезненно воспринимается молодыми людьми. Хотя и был несказанно удивлён и рад тому, что перед ним были ПРАВИЛЬНЫЕ люди. Виновато улыбнулся, глядя на покрасневшихся двойняшек, после чего вновь похлопал по скамье, приглашая сесть рядом.

— Извини старика, ребятушки. Вот совсем не ждал, не гадал, что Вас так зацепит эта тема. Подожди, Антон. Дай договорить. Вот чего хотел спросить, да и предложить. Ваша клиника, как слышал, чуть ли не в центре города?

— Не совсем в центре, — ответила Арина, — рядом с Литейным. А что?

— Да нет, ничего. Коль понял, что хотите съехать от родителей, могу предложить, как вариант, пожить в моей квартире в городе. Три комнаты, большие кухня и прихожая. Дом старый, но после капремонта. Мебель вся имеется, вот только хозяев нет. Но это так, шутка. Эта квартира мне по наследству осталась от моей супруги. Если честно, то там после ремонта и не был ни разу. Всеми делами заправлял хороший доверенный человек. Он оплачивал расходы, да и мебель поставил ту, что я просил. Так что квартира, можно сказать, готова для проживания. А я, вот, не могу там жить. Бывало, что ещё много лет назад приезжал и пытался хоть пару дней там провести — нет, убегал через пару часов в слезах от воспоминаний о моей ладушке... Сразу скажу — та не дома скончалась, далеко от Питера, да и похоронена именно здесь, на местном кладбище. Так что там ничего плохого не имеется. Я имею в виду призраков каких, или ещё чего. Вот и предлагаю Вам жить там сколько пожелаете. Мне платить ничего не надо, но все платежи за обслуживание — это уж на Вашей ответственности.

— Неожиданно, если честно, — смутился Антон. — Мы, если и согласимся, то лишь на

короткое время, пока своё не займеем.

— Так кто Вас гонит-то? Живите сколько хотите. Дом, между прочим, не так далеко от Вашей работы, на улице Чайковского. А понравится, так вообще можете у меня его купить за символическую плату.

— Так не пойдёт, деда, — немного резковато ответила девушка. — Мы никогда не использовали хорошее отношением людей в корыстных целях. Если сложится, то расплатимся в размере полной суммы. Поверь, деньги найдём, но тебя не обидим. Не забывай, что дом в городе — это не деревянный дом, который требует постоянных расходов и внимания к себе. Не так?

— Так это. Именно что так. Но мне, ребяташки, денег много не надо. Крыша над головой есть, чего поесть то же найду, так что.

— Ладно. Не будем делить шкуру неубитого медведя. За неожиданное предложение спасибо. Если сложится — поклонимся в ноги. Но пока цель иная — нужно испытать себя в полной мере. От этого зависит многое, если не вся наша жизнь в дальнейшем. Давайте доберёмся до места, а уж потом и будем обсуждать более второстепенные вопросы.

Двойняшки подняли за поданные стариком руки и отправились дальше, а через несколько минут впереди блеснула гладь озера.

--

Первым, кого увидели издали, был племянник старика, Павел, который нервно ходил вдоль ограды станции, поглядывая по сторонам. Увидев деда и двойняшек, мужчина бросился к ним навстречу.

— Вы где запропалились? — мужчина был встревожен до предела. — Мне позвонила несколько минут назад твоя соседка, деда, сказала, что твой дом чуть ли не ОМОН оцепил. Там и вояки какие-то были и ещё кто. В дом не лезли, правда, но орали громко, вызывая по очереди то тебя, то Антошу.

— Дела... — протянул парень. — Это, как понимаю, отец никак не успоился? И что ему надо?

Он достал телефон и посмотрел на список вызовов — не было ни одного нового.

— Хотел по-хорошему, но, видать, ему и в самом деле твоё присутствие нужно, — еле слышно сказал дед, а потом чуть усилил голос. — Так как, мой хороший, ты к нему сейчас или как ранее договорились?

— Конечно как ранее, — умехнулся парень, а потом обратился к племяннику деда.

— Паша. Договорился с кем?

Мужчина улыбнулся и даже хихикнул.

— Деда. Вроде всё сложилось, но нужно твоё подтверждение. Там Петрович сегодня за старшего. Ты уж сам с ним потолкуй. Он не против нас забросить на второй плёс, благо ему по пути. Тот потом дальше отправится. А на обратном пути, через пару часов, нас заберёт.

— Петрович на месте? — старик улыбнулся широкой улыбкой и чуть ли не бегом рванул к отделению ГИМСа. 1

* * *

А ещё через пару десятков минут трое мужчин и девушка, которой не позволили замочить ноги, перенеся с катера на берег на руках столь осторожно, словно та была бесценной китайской вазой, оказались на одном из островов второго плёса.

— Я тут перекусить захватил с собой, — смущённо пробормотал Павел. — Мясо там копчёное, травку разную, помидорчики-огурчики, ну и всего другого понемногу. Вы уж не

обижайтесь...

Арина подошла к мужчине и, привстав на ципочки, поцеловала того в щёку.

— Паш. Ты удивительный человек, правда. Добрый, заботливый, нежный и внимательный. Спасибо тебе за всё. Вот повезёт же какой-нибудь девушке захомутать такое золото. Одного пожелаю, что б та ценила, а не пользовалась тобой как большинство грудастых.

— КТО? — у Антона глаза стали словно два блюдца. — Рин, а ну-ка ещё раз повтори, что только что сказала. Как ты назвала жещин?

— Как назвала, так назвала, — хихикнула девушка. — Всё, проехали. Давайте лучше делом заниматься, а то времени не так и много до возвращения катера. С чего начнём?

— Не с чего, а с кого, — Антон стал предельно собранным и серьёзным. — Коль у нас два объекта, начнём с молодого. Надеюсь, что на нём и испытаем свой нынешний резерв.

— Вы это о чём сейчас? — заволновался Павел.

— Не о чём, а о тебе конкретно, — хихикнул дед. — Так. Что ему нужно делать? Раздеться догола и бегать по островам, пока Вы его не подстрелите?

Двойняшки и изумлением посмотрели на раздухарившегося старика, лишь Паша, заметив отрицательное покачивание головой Антона, сразу успокоился и исподтишка слегка пнул коленом Дмитрия Михайловича под зад.

— Не интересно с Вами, честное слово, — театрально захныкал старик. — Я вот только хотел забавы, а Вы всё так серьёзно воспринимаете.

— Хочешь забавы? Ну ладно, — хмыкнул Антон. — Вот мы и потренируемся именно что на тебе. Не против побегать?

— Да ну Вас... — старик открыл в удивлении рот. — Вы что это, серьёзно? Не-е-е. Я так не договаривался.

— Ладно, хорош трепаться, — скомандовала девушка. — Значит так. Паш. Найди поблизости ровное место, что бы не было мусора и грязи вокруг. Как найдёшь — позови.

Мужчина сорвался с места и вскоре, выйдя из-за кустарника, позвал к себе остальных.

— Это подойдёт? — он показал на натянутый между деревьев, судя по всему с прошлого года, плёночный каркасный тент, который служил или самодельной баней или палаткой, а внутри стоял сбитый из жердей длинный стол.

— Явно туристы постарались. Подойдёт как нельзя лучше. — Антон подошёл к столу и попытался его пошатнуть, но у него ничего не вышло. — Сейчас снимаешь верхнюю одежду и забираешься на стол. Так, брюки растегни и спусти их, что бы был доступ к пояснице и бёдрам. Молодец. Теперь рубашку растегни. Лежишь на спине тихо и не дёргаешься. Молчишь словно партизан, даже если будут неприятные ощущения. Когда спросят — отвечаешь кратко на заданный вопрос.

Через пятнадцать минут двойняшки вышли из этой плёночной хибарки вспотевшие и немного уставшие.

— Как, малыш?

— Норма. Знаешь, Тош, ведь неспроста Паша оказался сегодня с нами. Видят боги — это было заранее спланировано в небесах.

— Ты так поэтично говоришь, Рин, — Антон рукавом куртки вытер пот со лба. — Всё ведь убрали? Теперь ничего не угрожает?

— Его организм чист. Всю грязь вывели. Опухоли нет, метастазов тоже. Удалось с первого раза. Хороший он человек. Такому не жаль силы и здоровье свои отдать.

— Нравится тебе?

— Нравится, не буду скрывать. Красивый и умный, вот только стеснительный не в меру. Кстати, знаешь, что он в аспирантуру заканчивает в этом году? Что, удивлён? Думаешь, что раз здесь живёт, так провинциал? Как там? Яблоко от яблони? Подумай — кто его дядя или кем Дмитрий Михайлович тому по родству на самом деле приходится, а потом делай вывод.

— А зачем делать выводы, Рин? Парень он и в самом деле славный, правда, не одарённый.

— Я бы так не сказал. Он с Даром, только не развитым. Таким, что, скорее, соответствует пятилетнему мальчишке. Кстати, он интуит, причём, при должном развитии, может стать даже выше среднего, если не сильным.

— Подожди, сейчас вернусь.

Антон заскочил в домик и через пару минут вышел.

— Ты абсолютно права, сестрёнка. И как я это не заметил? — парень покрутил сокрушённо головой и, увидев деда, который в метрах десяти от них развёл костёр и сейчас сидел неподалёку, поймав взгляд, подозвал к себе.

— Что, с Пашей, закончили? — дед был серьёзен и собран. — Судя по Вашему состоянию, у него было что-то плохое? Я прав?

— Прав, деда. Онкология, да к тому же и с метастазами. Ты только не психуй. Всё убрали и привели его организм в нормальное состояние. Сейчас отдохнём минут двадцать и за тебя возьмёмся.

— Может в следующий раз? — с сомнение спросил старик, глядя на бледные лица двойняшек. — Вы, смотрите, и так отдали много сил.

— Нет уж. Всё как договорились. А ты в курсе, что у Паши имеется Дар интуита? Удивлён? Мы случайно определили, что имеется, правда, в зачаточном состоянии. Так что есть у тебя ещё одна задача на будущее. — Антон отмахнулся от старика и его вопросов, сделав пару шагов к воде, желая умыть лицо, внезапно замер и медленно повернулся. — Дмитрий Михайлович, а позвони-ка ты Кате. Попробуй прозондировать вопрос — как и что у них. Только разговор долго не веди — зацепить могут сигнал телефона, коль вокруг твоего дома отцовская братия пасётся. Вот же... И что им всем от меня надо? Неугомонные черти. И отец края потерял — озверел не в меру.

— Так, говорят, на берегу Ладоги ночью чуть ли не летающая тарелка упала. Вот и оцепили всё вокруг войсками, — послышался голос и из «домика» вышел пошатывающийся Павел. — Не знаю, верить или нет, но дыма без огня не бывает.

— Ты как, сынок? — к мужчине подскочил дед и, подставив плечо, помог Павлу дойти до костра, где тот осел, словно лишился последних сил.

— Не знаю, что сотворили эти два очумевших врача, но ощущение, что из меня все внутренности вынули и запихнули обратно как попало. — Попытался пошутить мужчина, но ему с трудом удалось произнести эту фразу — закрыл глаза и стал заваливаться набок. Арина, что стояла рядом, успела подхватить мужчину и опустила безвольное тело на второпях подsunутую одежду.

— Силён, — улыбнулась девушка. — Мы рассчитывали, что он очнётся минут через двадцать-тридцать, а он смог встать намного раньше, хотя сейчас откат догнал. Ничего. Минут тридцать поспит и встанет более бодрым. Тош. Ты как? Оклемался? Если да, то давай за деда возьмёмся. Минуты уходят, а нам ещё и конструкты надо попробовать.

— Кстати, девочка. Да и ты, Антон. Ощущения какие? Я имею в виду отсутствие

медальонов?

Антон переглянулся с сестрой и недоумённо посмотрел на старика.

— Знаешь, деда, я и забыл про них. Здесь не чувствую совершенно, а состояние, пожалуй, лучше, чем с ними было. Так что не стану носить свой. А ты, Рин?

— Аналогично.

Девушка закрыла глаза и через пару секунд вновь открыла.

— Отклика не чувствую. Судя по всему — они на этом расстоянии на нас не действуют. Ну и хорошо. Значит твои предположения, Тош, верны.

— Какие предположения? Расскажите? — дед заинтересованно посмотрел на двойняшек.

Давай сначала посмотрим состояние твоего организма, а потом, когда сделаем предварительные выводы, и поговорим. Сейчас иди и занимай место Павла. Брюки растегни и рубашку распахни, что бы был доступ до твоего царственного тела.

Через минуту вслед за дедом в самодельном «домике» скрылись и брат с сестрой, а спустя полчаса двойняшки сидели у костра рядом со спящим Павлом, который свернулся клубочком и мирно сопел, чему-то улыбаясь во сне.

--

Немного придя в себя, брат, с сидящей по давней привычке у него на коленях сестрой, встретили улыбками появившегося рядом старика. Тот, на удивление, не шатался и сделал с десяток шагов вполне уверенно, медленно опустившись на песок рядом с костром.

— Не знаю, милые, что конкретно Вы сделали, но у меня чувство, что помолодел лет на двадцать, — старик посмотрел на чуть ли не белых, без кровинки в лице, двойняшек. — Простите меня, дурня старого, за все глупые слова, что раньше говорил. Вижу сейчас, как Вам приходится после таких вот «диагностик», и вижу как Вам плохо и как слабы. Но, ребяташки, именно сейчас Вам и советую испытать свой резерв. В полном здравии можете и не понять что к чему, а сейчас самое то время. Людей поблизости нет, так что можете работать в полную силу, точнее, от того, что осталось.

Антон поцеловал сестру в нос и поднял её, а потом и сам встал.

— Дмитрий Михайлович прав, Рин. Давай по отработанной схеме. На берегу сядем и сначала с минуту попробуем ощутить в себе то, что осталось. Потом создаём «Солнышко», а вот дальше предлагаю поступить по-другому. Шар делим пополам и втягиваем в себя, если получится, а потом каждый самостоятельно создаёт «Луч», который направляет в воду. Только не в одну точку. Пусть расстояние будет метров десять, а то натворим делов...

Дед сел сзади расположившихся прямо на берегу двойняшек и старался запомнить все их движения, ощущая движения потоков энергий в их телах. Вот между руками ребят возник яркий светящийся шар, который не был статичен, а медленно вращался вокруг своей оси. Он достиг объёма около метра, а потом разделился пополам и мгновенно втянулся в руки парня и девушки. А ещё через секунду из их рук в воду устремился поток белого света и не сверкнул молнией, а светился пару секунд, пока не исчез. Брат с сестрой сидели неподвижно, словно подготавливая ещё что-то, и старик оказался прав в своём предположении — между ребятами вновь возник шар света, только тот на этот раз был чуть меньше футбольного мяча и, медленно проплыв несколько десятков над водой, тот, сверкнув, исчез в воде, откуда вздыбился фонтан пузырящейся горячей воды.

— Всё, — еле слышно прошептала девушка. — Я на нуле.

— Я тоже, хотя и остались крупницы. Рин, сейчас контроль над собой. Пострайся понять

с какой скоростью восполняется истраченное. Когда будет хотя бы половина, встаём...

Молчание и неподвижность пары продолжалось почти полчаса и только тогда первой медленно поднялась девушка, а вслед за ней и парень. Оба посмотрели на старика, который сидел сзади и всё это время не шевелился, закрыв глаза, словно во сне.

— Ну и как тебе, деда? — Антон, хоть и чувствовал себя вполне сносно внутренне, но вот внешне был скорее похож на привидение, чем на живого человека, хотя его сестра выглядела намного лучше.

— Силы в Вас много и расходуете её вполне осмысленно, но заниматься Вам и заниматься... Надо стремиться к тому, что бы для создания «Солнце Сварога» не использовать только свою энергию, а брать ту, что разлита вокруг Вас — из природы, из...

— Лучше молчи, старый дурак. Зная тебя, сейчас скажешь, что бы отбирали эти недоросли энергию от других живых существ. Одного ученичка не удалось научить стать энергетическим вампиром, так теперь сразу двух пытаешься научить чёрному делу?..

Двойняшки вздрогнули от неожиданности, потому что голос звучал непонятно откуда. Они завертели головами и приготовились защитить как себя, так и старика, что был рядом от непонятной угрозы. Но, к удивлению, они никого так и не заметили и, лишь проследив за взглядом Дмитрия Михайловича, посмотрели туда же, куда смотрел и он. А на границе воды и песка заметили, хоть и не сразу, чуть заметное марево, колыхающееся из стороны в сторону.

— Кто к нам пожаловал, — засмеялся дед. — Ни как сама Руся явилась не запылились?

— Для тебя, старый пень, не Руся, а Руслана. И не пожаловала, а явилась. Если ещё способен различить два понятия, то хорошо, знать ещё в твоей склерозной черепушке ещё что-то осталось дельного.

Антон хмыкнул и, сделав еле заметный знак сестре, обратился к старику.

— Дмитрий Михайлович. Извини, что встречаю в столь содержательную беседу, но позволь поинтересоваться, коль мы явились невольными свидетелями, — эта свернословная особа и есть та загадочная красотка, по которой чах много лет Олег Белый? И которую призывал много лет, страдая, а та, судя по всему, о нём и позабыла совершенно?

— Это кто такой наглый не по годам? — раздался женский голос, хотя злости в нём заметно поубавилось. — И какого лешего он здесь совершает непотребности в воде?

— Мадам, я, как Вы говорите, «непотребностей» в воде не совершал, — парень стал откровенно издеваться над тем существом, о котором был наслышан за многие годы общения с Белым.

— Я не мадам, а мадмуазель, коль Вы, юноша, употребляете иноземные слова. Хоть и знаю сей язык неплохо, но давайте говорить на том, который принадлежит этой земле.

— Не вижу разницы. Могу называть и девицей, насколько будет приятно Вашей особе. Но, согласитесь, разговаривать с пустым местом как-то неприлично. Может покажетесь во плоти, да докажете, что Вы настолько неотразимы, как Вас описывал вышеназванный Белый.

— Сейчас день, поэтому, хоть и могу, но нет желания тратить силы. Да и стоит ли доставлять радость непонятно кому по первому пожеланию.

— Ну, коль не желаете, то предлагаю Вам попросту исчезнуть, пока я вновь не вскипятит воду, только на этот раз вокруг Вашего прекраснейшего тела.

— Хам малолетний, — после этих слов вода у берега забурлила и всех сидящих накрыло волной.

— Вот засранка, — отпрыгнул в сторону мокрый дед. — Как была такой, так и осталась.

Вот уж точно кого не берут года, так эту водяную нечисть. Вроде бы и должна была стать мудрее и умнее за века, так нет. Складывается впечатление, что она не стареет, а наоборот — впадает в детство.

— Деда, — смеясь, снимая с себя мокрую куртку, поправил Антон. — В старости, знаешь ли, такое называется не детством, а маразмом. Так и у неё. Хочет быть молодой, а не получается...

— А ты наглец! — послышалось от воды. — Хам! Невежа! Наглец!

— Дама повторяется. Лексикон ограничен, — подражая роботу, металлическим голосом изрёк Антон. — Неопознанное и не классифицированное существо. Подлежит уничтожению. Да? Нет? Жду подтверждения...

Арина стонала от хохота, пытаясь вздохнуть, но вновь сгибаясь в три погибели.

Дмитрий Михайлович, уловив игру парня, точно таким же металлическим голосом ответил.

— Приказ задержать и доставить человеку, идентифицированному как Белый. В случае сопротивления разрешено открыть огонь на поражение.

— Приказ принят. — Антон, словно робот, плавно повернулся лицом к воде. — Нечисть, попадающая под классификацию вида русалок. Вы готовы проследовать к вышеназванному человеку добровольно или придётся принять меры к задержанию?

— Два дурака корчат из себя непонятно что, — вновь раздался негромкий голос. — Клоуны недоделанные. Что ж, попробуйте задержать, а я посмеюсь над Вашими потугами.

Антон вытянул вперёд руку и из неё вылетела короткая молния, которая попала в воду рядом с русалкой.

— Ах ты гадёныш, ну я тебя...

Что хотела Руслана, никто так и не понял потому, что уже из двух рук парня в воду посыпались разряды, после которых вода внезапно забурлила и от берега в сторону плёса метнулось еле заметное тело.

— Ну, уморил, — немного успокоившись, к Антону подошла сестра и прижалась. — Ты её не поранил?

— Конечно, нет, даже и мыслей таких не было. Я видел границы той пелены, за которой она скрывалась, вот и бил вокруг, да и разряды были очень слабыми. Так, еле чувствительными для неё. Хотя, эту красотку, как описывал Олег, был бы рад видеть наяву. Может и в самом деле она настолько хороша, что глаз не отвести?

Арина что-то хотела сказать, но брат слегка сжал её руку, глазами показав на дерево в пяти метрах от них, чьи ветви касались воды.

— Я считаю, что та милота или проснулась сегодня с плохим настроением, или мы и в самом деле её потревожили, но с нами была не в меру груба. Думаю, если в следующий раз удастся с ней свидеться, сможем пообщаться как нормальные разумные существа. Так что, Руся, не обижайся и не держи на нас зла. До встречи.

— До встречи, — раздался еле слышный голос и следом на воде стали расходиться круги.

— Так она не ушла сразу? — удивлённо спросил Дмитрий Михайлович.

— Нет, — улыбнулся Антон. — Руся любопытная. Она хоть и злилась, но только вначале, а потом я почувствовал, что она играет с нами. Ей скучно было, вот и стала нас провоцировать. А знаете, хочу с ней познакомиться поближе и пообщаться. Чувствую, что и она того же делает. Но сейчас, к сожалению, не время. Деда. Ты звонил Кате?

— Звонил. У них всё тихо, хотя, говорит, по всему берегу стоят военные, да и вертолёты часто летают, но уже не так как утром. У них объехали по посёлку, что оцепление снимут через час-полтора.

— Это хорошо. — Антон посмотрел на сестру, которая посвежела лицом и уже не напоминала ожившую мумию как полчаса назад.

Сзади раздался голос Павла.

— Дедушка. Может и мне позвонить Никитичне? Узнать как и что у твоего дома?

— Позвони, Паш, но на все её вопросы отвечай уклончиво. Вдруг там соглядтай. Нам этого совсем не надо.

Вскоре мужчина, закончив недолгий разговор с соседкой деда, вернулся от берега.

— Тётка сказала, что в дом чужие так и не полезли. Поорали через матюгальники, а потом вытащили какую-то аппаратуру из подъехавшей машины, что-то посмотрели в экраны, сели по машинам и разъехались в разные стороны, перед этим, как соседка сказала, все большие руководители наорали друг на друга, чуть драка не завязалась.

— Всё это смахивает на какой-то балаган, — недоумённо проворчал старик. — Чего ехали-то, и чего хотели? Хотя... вряд ли у них было постановление на обыск. Скорее всего, побоялись, что потом их всех по судам затаскаю. Знают же чей дом. Здесь городок маленький, все чуть ли не друг с другом здороваются. Ну, это я так, образно говорю. Хотя с руководством всех силовых структур знаком лично, да и стоящих бойцов полиции знаю по именам. Не понимаю что творится. Это, скорее всего, явно инициатива Сергея Павловича, уж не обижайтесь на мои слова, ребятки. Знать, припекло его сильно, что он любыми способами хочет сына рядом иметь. Опять же возникает вопрос — для чего?

— Не бери в голову, Дмитрий Михайлович. В город вернёмся, выясним. Кстати, Паш, состояние твоё каково на данный момент? Не мутит?

— Сейчас всё отлично. Даже странно, что нигде ничего не болит, а то я последний месяц постоянно чувствовал у себя упадок сил, словно по ночам у меня кто кровь высасывал потихоньку.

Антон улыбнулся, подмигнув мужчине, а потом посмотрел на старика, у которого на лице появился румянец, словно у молодого парня.

— Деда. Ты, насколько вижу, тоже оклемался?

Увидев подтверждающий кивок, взял за руку сестру.

— Твой резерв?

— По ощущению почти полный. Более конкретно сказать не могу, но сил достаточно.

— Тогда предлагаю как-то связаться с Белым и Сваром. Закончим с ними и надо ехать в город. Переночуем в клинике, а завтра с утра начнём полноценную работу. Сама понимаешь, что за нас делать дела никто не будет.

— Домой как будем добираться? Попросим Катю или Олега?

— Ни в коем случае. Почему-то думаю, что на дороге сейчас всех тормозят по наши души. Поступим так — сначала доберёмся до Выборга, а оттуда на электричке, или какую попутку поймаем. Хоть и муторно и намного дольше, но спокойнее.

— Ребят, — послышался голос Павла. — У меня приятель на грузовике сегодня в ночь едет в город — везёт стройматериалы. Хотите — договорюсь с ним о доставке? У него в кунге приспособа имеется — там встроенный шкаф и постель. Он там ночует, когда в дальние рейсы ездит.

Антон, немного подумав, согласился, но задал вопрос по существу.

— А если досмотр на дороге?

— Так там сорок кубов кузов. Не будут же всё вытаскивать, что бы добраться до протиположной стенки?

— Это так, если только они не будут вновь использовать похожую аппаратуру, что у дома деда. Как я понял, то там что-то по типу тепловизора или объёма. Сам же сказал, что спецмашина приезжала.

— На эту тему сказать ничего не могу. По деталям Вам нужно с самим Мишей разговаривать. Может, что и подскажет.

— Тогда, деда, попроси своего знакомого из ГИМСа, что бы высадил нас не причале лодочной, а где-нибудь в стороне. Или на пляже парка, или у железнодорожного вокзала, а может и вообще где-нибудь ещё. Сам понимаешь, что нам сейчас лучше избежать пристального внимания, пока шумиха не стихнет, а оно, уверен, будет. — Парень замолчал и лишь когда к берегу подошёл РИБ ГИМСа, обратился к своим спутникам.

— У меня есть сомнения, что дом Кати не под контролем. Поэтому предлагаю не встречаться сегодня с Белым и Сваром. Деда. Попрошу тебя им позвонить и настоятельно предложить обоим с утра приехать к нам в клинику. Во-первых, завтра-послезавтра на приём придут сородичи Древнего, а, во-вторых, нам будет спокойнее заниматься Белым в привычных для себя условиях. А сейчас, Паша, давай отправимся к твоему приятелю. Лучше у него переждём, чем будем шляться по городу в поисках приключенийна свою бесценную...

--

Вскоре четыре человека высадились на берег около железнодорожного вокзала, а РИБ инспекции, рыкнув мотором, помчался наперез какому-то мчащемуся катеру, включив ревун и «люстру».

— Ну что, будем прощаться? — Антон повернулся к Дмитрию Михайловичу, — Спасибо тебе за всё, деда. За добро и сделанное для нас — низкий поклон. Наши побрякушки пусть у тебя лежат. Вот чувствую, что не место им на нас. Как сняли, словно контроль какой-то исчез. С ними было спокойнее, а без них — легче на душе, словно ярмо скинули. По поводу Белого и Ярого уже сказал. К сожалению, не успели переговорить по поводу ИНОГО места, а вопросов по нему возникло множество. Но, будем живы, переговорим. Что ещё? Вроде всё. Одно прошу — приезжай к нам. Телефон есть, контакты имеются. Если что будет со стороны деятелей отца — не спорь с ними, лучше дай нам знать. Поверь, у нас тоже имеются рычаги воздействия. Я, правда, до этого не обращался ни разу к нужным людям, но уверен, что наши должники будут рады расплатиться столь простым способом. Тогда до встречи?

— До встречи, ребятки. Счастлив был с Вами познакомиться. Берегите себя. Да, тоже прошу — будут трудности — звоните мне в любое время дня и ночи. Не забывайте, мои хорошие, что за вами стоит Братство, а это не такая уж и малая сила. Береги себя, да и друг друга. Паш, теперь на тебе ответственность. Неотступно будь рядом с ребятами куда те не уедут.

Старик по очереди обнял девушку и парня, расцеловав обоих и, повернувшись и более не оглядываясь, неторопливо пошёл к своему дому, а Павел, внимательно смотря по сторонам, повёл подопечных к приятелю, который после повторного звонка поклялся, что доставит вверенных ему людей в целостности и сохранности...

Санкт-Петербург. Частная клиника.

Утро следующего дня.

Около семи утра Антон внезапно открыл глаза и, не сразу осознав, где находится, дёрнулся всем телом. Спустя секунду расслабился — над головой были привычные серо-голубые потолки и на стенах светлые обои.

— *«Так. Мы в клинике. От чего тогда так сердце ноет в предчувствии чего-то нехорошего? Хотя, как вижу, сестрёнка рядом сопит, скрутившись в клубочек словно котёнок. А мне пора вставать, коль сна ни в одном глазу. Надо подготовиться к трудовому дню. Перекусить что-нибудь не помешает, да и почту посмотреть на служебном компьютере пора — может, пришло что срочное»...*

Он слез с кровати и, подняв с пола брошенную куртку, тихонько вышел из комнаты ожидания, которую они заняли сегодня, в час ночи попав в клинику, потревожив охранника и открыв служебное помещение своими ключами. Таких комнат при клинике, оборудованных наподобии гостиничных номеров, было все три, но на данный момент две из них заняты пациентами, а вот третья, к их радости, казалась свободной.

Антон аккуратно прикрыл за собой дверь и прошёл в кабинет. Включил комп и, пока тот просыпался от недельного простоя, умылся и, сунув вилку электрочайника в розетку, сделал пару бутербродов и кинул в чашку три ложки растворимого кофе с ложкой сахара. Когда вода вскипела, налил в чашку воду и, подхватив её и тарелку, сел перед монитором.

Почтовый ящик как всегда был забит всяческим мусором — различными предложениями о сотрудничестве от непонятных организаций, которые ну никак не имели отношения к медицине. Быстро просмотрев почти сотню писем, большинство из которых сразу сбросил в мусор, оставил лишь пять, которые его заинтересовали, что были отправлены из Молдавии, Франции, Испании и Японии.

Французы и испанцы, как и ожидалось, предлагали контракты на совершенно фантастических условиях, хотя ни в одном, ни в другом письме не были указаны сроки, лишь расписаны «плюшки», на которые неопытный человек клюнул бы сразу. Поскольку голова ещё не работала как надо, письма перебросил в другой ящик для дальнейшего вдумчивого просмотра, а вот письмо из Японии его позабавило — тот узкоглазый, с кем «познакомился» в Москве, вызывал Антона на ментальный поединок к себе в Японию, что было-таки странно само по себе — по правилам любого представительства Братства, он сам, лично, должен был приехать в Россию, согласившись на абсолютно все условия вызываемого. Чуть подумав, Антон не стал сразу удалять столь забавное письмо, а переслал его Всеволоду — Главе Кругов Братства России, сделав приписку, что он, мол, согласен на поединок, но только на территории России и предварительно согласованных условиях.

А вот прочтя письмо из Молдавии, задумался. Вроде в тексте и не содержалось ничего оскорбительного и дурного, но всё письмо пронизывала единственная тема — требование о моральной компенсации, в связи с потерей двух десятков сотрудников из-за его «необдуманных и не оправданных по своей жестокости действий». Как понял Антон — письмо это было написано и отправлено лично руководителем школы-интерната, которая, кроме финальной расшифровки, нигде не упоминался иначе, как «Школа». Именно так — с большой буквы и без подробностей. В письме были выдвинуты требования чуть ли не в

приказном порядке прибыть в недельный срок в столицу Молдавии для «исправления допущенных ошибок». Для чего, на какой срок — нигде не было указано.

Антон прикрыл глаза. Просто удалять такое письмо он не решился — хотя рука так и тянулась к мышке компьютера. Писать ответ, подумав, тоже не стал, а, сделав скрин с экрана, отправил само письмо на принтер. Что с этим делать дальше, пока не придумал, хотя кое-какие мысли у него в голове и появились. Решив, что с утра всё же сделает звонок человеку, который хоть и не являлся непосредственным начальником отца, но имел достаточный вес в Питере решить сразу несколько неотложных вопросов, в том числе и с поиском двойняшек и попыткой их задержания, а ночью они именно с такой ситуацией и столкнулись, когда машину остановили недалеко от въезда в город и пытались осуществить досмотр. Но вот сканер, что предназначался для просвечивания грузового транспорта, судя по всему, неожиданно для всех проверяющих, вышел из строя чуть ли не за одну машину до них.

Антон улыбнулся, вспомнив, как забегали сотрудники полиции вокруг очереди из грузовых машин. Он, в принципе, ничего не сломал в чужой электронике, но с помощью сестры впервые в их практике попробовал воздействовать на самого оператора, который, в итоге, вроде как по собственному решению устроил внеплановый перекур и, выключив аппаратуру, заявил остальным, что из-за перегрева технике нужен перерыв в работе минимум на пару часов. Естественно, что на такое длительное время скопившееся немалое количество грузовых автомобилей задерживать не стали и осмотр стал проводиться чисто визуально — где, при возможности, его вообще могли провести. А в той самой машине, где прятались двойняшки, кузов был забит грузом от пола до потолка. Водитель, правда, предложил полицейским, коль тем столь необходимо провести досмотр, самим выгрузить весь груз из кузовов и потом загрузить обратно, но вот сам от участия в этом мероприятии отказался категорически, предоставив справку о недавно перенесённой операции, тем более что основная масса товара состояла из габаритных и тяжёлых мебельных панелей. У самых же дверей были размещены паллеты с кафельной плиткой, которые без погрузчика вынуть из машины было ой как нелегко — лишь руками, по одной упаковке, да и заняло бы это продолжительное время.

Около часа ночи, уже в городе, Михаил, водитель грузовика, откинул вперёд сиденья в кабине и, подняв перегородку, помог вылезти из спального модуля девушке и парню. Извинившись, что не может доставить их прямо к назначенному месту, так как большим грузовым машинам запрещено появляться в центре города, высадил пассажиров недалеко от Обводного канала, напоследок пожелав хорошо добраться. А двойняшки, поймав такси, через полчаса уже были в клинике, где почти сразу легли спать...

А сейчас, продумав свои дальнейшие действия, пока ещё позволяло время, решил воспользоваться недавним советом деда и набрал на телефоне номер.

— Утро доброе. Семён Николаевич? Не разбудил? А то могу позже перезвонить. Беспокоит Антон Ярый.

В трубке разжалось что-то наподобии хрюканья, а затем чуть слышный смех.

— Надо запомнить последовательность вопросов и построение фраз. Теперь уже не сплю благодаря Антону Сергеевичу. Спасибо за столь прекрасное начало рабочего дня. Слушаю внимательно.

— Рад стараться, господин полковник, — Антон улыбнулся, глядя картину, одиноко висевшую в кабинете, на которой было изображено лесное озеро в ночи, на берегу которого

сидела русалка, расчесывающая длинные волосы, невольно вспомнив вчерашнюю встречу и словесную перепалку с Русланой. — У меня просьба нижайшая, а заключается в следующем — не могли бы Вы ко мне прислать, скажем, к девяти утра, двух-трёх человек. Да не простых, а ныне действующих, из Конторы. Тех, кто сегодня свободен. Понимаю, что просьба непростая, но вот со вчерашнего дня что-то понадобилось именно этой организации от меня. Да так, что чуть ли не посты поставили по всем дорогам, что бы отловить наши тушки, да доставить под ясные очи отца нашего. А мы сами ну никак не желаем этого свидания.

— Антон. Не понял... — Голос в трубке затвердел. — Это что, вы где-то накосячили по крупному?

— А вот и нет, как я понимаю. С отцом поговорили по телефону вчера, так тот чуть ли не в приказном порядке повелел нам, точнее мне, явиться перед ним. А мы с сегодняшнего утра начинаем работу в клинике. И так уже неделю с гаком провели без пользы для себя, а трудясь на благо отечества, мотаясь по городам и весям, демонстрируя свои умения. Денег заработали минимум, а нервов своих поистрепали знатно.

— Ты о истории с конвоем?

— Вот видите, Семён Николаевич. И Вы, как глава силового блока Питерского отделения Братства, тоже в курсе наших дел. А если серьёзно, то объясню детали. Я сегодня должен сделать пару звонков по поводу именно того происшествия и именно что в Контору — внезапно появилась новая информация, которой необходимо поделиться с компетентными людьми, а вот что последует за этим, не знаю. Вдруг сюда прибудет группа захвата по мою душу, а я ведь не стану покорно следовать туда, куда меня поведут. Самое главное, что и не знаю для чего вообще нужен, а такой информацией со мной поделиться никто не пожелал. Вот и прошу Вас, что бы уже на месте люди из Братства объяснили визитёрам, что силой меня взять не будет возможно. Пострадают при таких действиях многие, да и не факт, что одним из них буду я.

— Если прибудет группа захвата, то трое наших погоды не сделают.

— А мне и не надо, что бы парни тут стояли насмерть. Они нужны лишь как переговорщики, да дали мне время сделать пару звонков нужным людям. Но это я так, на всякий случай. Если честно, прошу их, скорее, для собственного спокойствия. Думаю — если бы была цель нас задержать силовым способом — мы уже лежали бы под дулами автоматов мордой в пол и с наручниками на руках.

— Я тебя понял, Антон. Скажем, через час три-четыре человека у тебя будут. Но предупреждаю сразу — без оружия и на прямое столкновение с сотрудниками при исполнении не пойдут. Задержать на время задержат, но потом отступят.

— А мне другого и не надо. Внутрь парни пусть не заходят — снаружи постоят, для «мебели». Спасибо за понимание и всего доброго.

— Всего, Антон. Как пароль от прибывших — мой позывной. Помнишь его?

— Помню. Как такое не помнить? — рассмеялся парень. Всего Вам. И спасибо.

Антон откинулся и улыбнулся. «Лягушонок» — таким был позывной ещё с курсантских лет у здорового, метра под два ростом и весом чуть ли не под полторы сотни килограмм, отставного полковника службы внешней разведки. А всё потому, что на первых занятиях в училище он и прыгнул с места как лягушка — предварительно сев чуть ли не попу, оттолкнувшись с места мощными ногами и в полёте расставив ноги и руки в разные стороны...

Положив трубку на стол, включил на мониторе изображения видеокамер наружного и

внутреннего контроля. В коридорах никого не было, а вот недалеко от входных дверей в клинику «нарисовалась» машина, которая была до боли знакома, но в такое время она здесь находиться не должна была. И, что странно, в ней явно сидел не один человек, но пока никто из неё не вышел и не позвонил в дверь.

Антон нажал на селекторе клавишу вызова охранника, а через секунду последовал ответ.

— Да, Антон Сергеевич. Я на месте. Нарушений нет, но вот машина, что припарковалась в паре десятков метров, мне не нравится, хоть номер знаком. Как понимаю, это Ваши родственники? Вы в курсе кто внутри? Может вызвать группу быстрого реагирования? Или полицию?

— Молодец что заметил. Машина наша, но вот кто в ней находится — вопрос. Ну, пока те сидят внутри и ничего не нарушают, пусть так продолжают сидеть, хотя... знаешь, Саша, всё же вызови, на всякий случай, ГБР. Пусть экипаж будет поближе к нам на всякий случай. Да и заблокируй дистанционно все входы-выходы в клинику. Если что — я на месте в кабинете. Отбой.

— Сделаю, Антон Сергеевич. Отбой.

Закончив разговор, парень, глотнув кофе, не глядя протянул руку к тарелке с бутербродами, но там ничего не было. Посмотрев, убедился, что тарелка и в самом деле пуста. Задумался — он сам съел или... Обернулся и никого в кабинете не увидел. Подошёл к двери — закрыта плотно, хоть и не на замок. Сделав вывод, что съел всё неосознанно, сев обратно в кресло, допил кофе и откинулся на спинку, иногда мышкой переключая изображение с одной камеры на другую. Вокруг здания всё было спокойно, но вот какое-то неясное предчувствие так и не проходило, а, самое главное, он не знал откуда могут последовать неприятности...

--

— Доброе утро, братик, — в дверях появилась Арина, сонно хлопая глазами. — Ты что, вообще сегодня не спал? Ой, так вкусно кофе пахнет... Ты что, без меня уже позавтракал?

Антон крутанулся в кресле и, встретив щекой поцелуй сестры, ответно чмокнул ту в нос.

— Я спал, но проснулся недавно и решил посмотреть почту — там оказалось несколько забавных писем. После нашей демонстрации в Москве, обиженный япошка не решился от морального унижения кончить жизнь ритуальным самоубийством. Наоборот — вызвал меня чуть ли не на смертельный бой. Это, конечно, чисто восточная фигня — пролетает со своими желаниями. Ещё пришли письма из Франции и Испании. Те более конкретны — предлагают контракт с пятью полями в евро, правда, без уточнений по длительности нашего пребывания у них. А вот это — самое интересное, — Антон вынул из лотка принтера письмо и подал сестре. — Прочти.

Через пару минут девушка подняла глаза на брата.

— Это, как понимаю, ТА школа, в которой училась наша бывшая сотрудница?

— Именно что. Да и люди, которые нас пытались уничтожить, или, как там написано, «привлечь внимание уникальных врачей для лечения тяжёлых неврологических и психических заболеваний у детей школьного возраста». Во вывернули, а? Потрясающие люди. То есть стрельба на поражение из гранатомётов — это они так привлекали наше внимание? И заметь, ни слова извинений в наш адрес. Наоборот — именно мы, просто так, махнув рукавом, словно Василиса Премудрая, уничтожив чуть ли не взвод боевиков, как здесь написано — «воспитанников и преподавателей детского дома», ещё и остались виноваты до конца своих дней за свои действия. У людей явно крыша поехала. Я вот хочу это

письмо передать в Главк, Сан Санычу. По телефону лишь озвучу причину, а там пусть сам решает что к чему.

— Может Стасику позвонить? — Арина улыбнулась, вспомнив мужчину, которого знала чуть ли не всю сознательную жизнь.

— Стасику? Ты имеешь в виду полковника Терентьева? То же мне, «стасик».

— А что? — девушка улыбнулась, вспоминая, как мужчина при каждом посещении их семьи, не мог оторвать взгляда от их мамы, влюблёнными глазами ту чуть ли не пожирая. — Для меня он старинный друг семьи, к тому же...

— Девочка, — Атон улыбнулся. — Я, видя твой мечтательный взгляд, догадываюсь что у тебя на уме, но мамы здесь нет, поэтому у полковника голова будет работать как надо. К слову — машина наших родителей уже как полчаса стоит неподалёку. Забавно, да? Приехали и сидят, словно мыши в норке, не сделав ни единой попытки попасть в клинику, ни просто позвонить. Как понимаю — там или чужие, или отец с мамой, но они явно чего-то или кого-то ожидают. А вот что или кого?

Арина согнала брата с кресла и села к компьютеру. Пощёлкав кнопками мышки, обнаружив картинку с машиной родителей, постарался максимально увеличить изображение. Через пару минут, благодарно кивнув за бутерброды и чашку кофе, что за это время сделал Антон для неё и себя, оторвалась от монитора.

— Так и не поняла кто конкретно внутри, но, похоже, что мамы на переднем сидении нет — у той привычка класть свой телефон под лобовое стекло, а сейчас его не вижу. Остаётся одно — отец и ещё кто-то. Там, как поняла, минимум двое, может больше. Кстати, Оп-па. Смотри, кто приехал!!!

Арина опять стала щёлкать копками мышки и во весь экран появилось изображение машины Катерины, из которой вышли Олег и Свар.

— Какие пунктуальные люди, а? — хмыкнул Антон. — Как и просили, приехали с самого утра. Так, не понял, а это они куда???

На экране было видно, что дверь машины их родителей приоткрылась и, как стало понятно, вновь прибывших пригласили сесть в салон.

— Что радует, — улыбнулась Арина. — Это не чужие в отцовской машине. Туда бы Олег со Сваром так просто не сели. И что это означает?

— Не знаю, Рин. Просто не знаю. — Антон посмотрел на висящие на стене часы и взял в руки телефон. — Сейчас, милая, полная тишина. Звоню начальнику начальников, так что...

Девушка хихикнула и хотела было встать и послушать разговор вместе с братом, но Антон её перехватил, показав на кресло и включил громкую связь. Через пару гудков абонент отозвался.

— Не спрашиваю кто, потому что номер абонента был ранее записан в контактах. Не спрашиваю, почему он вообще меня беспокоит так рано. Не спрашиваю где находится и почему его действия абсурдны по природе. Хочу ответить сразу, не дожидаясь дурацких вопросов — я не буду никого ни с кем мирить и служить передаточным звеном. И так, слушаю.

Голос мужчины в трубке был хоть и насторожен, но не сказать, что бы злым или раздражённым.

Антон улыбнулся и ответил в том же тоне.

— Абонент, который Вас вызвал, имеет честь сообщить, что в вышеперечисленных услугах не нуждается. Более того — он сегодня, будучи на рабочем месте, получил на

почтовый ящик официального сайта клиники письмо от коллег тех, кто летально пострадал во время путешествия двух рядовых врачей из Москвы в Петербург. Вопрос — данное письмо удалить? Да? Нет? На всякий случай — громкая связь включена и рядом присутствует вторая половина вызывающего абонента.

В трубке послышался негромкая приглушённая фраза, которая скорее походила на приглушённый мат, чем на что-либо иное. А следом...

— Антон, еси тебя на Небеси, — мужчина, как чувствовал парень, еле сдерживался, что бы не выматериться. — Что, Арина рядом?

— Конечно, Сан Саныч, — засмеялась девушка. — Как Вы выразились пару лет назад? Как шерочка с машерочкой? Куда брат, туда и сестра. Мы ж неразделимы.

— Вы где сейчас? Имею в виду на данный момент?

— Теряете хватку, господин генерал, — хмыкнул Антон. — Я только что упомянул — беспокою именно что с рабочего места.

— Да ну тебя, — фыркнул мужчина. — Знал бы ты, какой геморой из-за Вашего путешествия пал на мою шею, молчал бы. Только не надо говорить, что гемор не на шее, а в другом месте, а то знаю тебя — сейчас последует получасовая лекция что к чему, почему, где и как лечить.

— Всё Вы знаете, Сан Саныч. Кстати, кроме письма от наших интересантов, пришло ещё несколько. Там и потрясающие по сути предложения о работе. Если б Вы знали, сколько там нулей до запятой, то... Да и япошка один захотел устроить бой со мной насмерть, прислав вполне официальный вызов. Но это, как понимаю, тоже последствия именно что Вашей работы.

— Причём здесь эти идиоты и моя работа?

— Сан Саныч. Извините, конечно, но люди, предлагающие за рабочий контракт несколько десятков миллионов евро, не могут являться идиотами по факту. А вот другие... Да ладно. А что по поводу Вашей работы, так мы в курсе с чьей подачи была организована поездка в Москву, да и последующая встреча с зарубежными деятелями. И не надо оправдываться — эта информация нами добыта именно что в Москве. Так что отец абсолютно ни при чём, а вот кто конкретно нам поведал всю поднаготную — уж извините, промолчу. Так что давайте или начнём всё с чистого листа или разойдёмся бортами.

— Антон, — голос мужчины посторожел. — Ты сейчас прям вылитый Сергея Павлович. Тот же тон и те же фразы.

— Так яблоко от яблон далеко не валится.

— Ты хотел сказать — от яблони не падает?

— Что слышали, то и сказал. Так как мне поступить, не обижая руководителя местного управления службы безопасности? Удалить — значит лично Вас подставить, а пересылать на почтовый ящик управления — извините, не желаю, что бы посторонние читали наши письма.

В трубке наступило краткое молчание, потом раздался неожиданно весёлый голос.

— Ладно, уговорил. Сейчас пришлю к тебе кого-нибудь. Пусть скопирует выходные данные, да и тексты эти.

— Вам ВСЕ письма нужны или только те, что по делу? — Антон глянул на сестру и рукой показал, что бы та молчала и дальше. — А то, знаете, некоторые по факту являются коммерческой тайной. Вдруг согласимся на предложение буржуев, а тут Вы грудью встанете на границе — мол, только через мой труп.

— Антон, хватить хохмить, — генерал вновь стал серьёзным. — Я знаю что у тебя в душе, поэтому на данную тему говорить не собираюсь, а по поводу писем, так лучше пусть спецы посмотрят — всё как-то странно, что... Ладно, промолчу. Это пока только предположения, не более. У тебя всё?

— Всё, господин генерал. Не смею отнимать время у столь важной персоны. Напоследок вопрос позволите?

— Ну? Хотя и так знаю, о чём спросишь — супруга в норме, чувствует себя прекрасно. Вот только мне, старику, с ней уже порой и не справиться. Может самому записаться к Вам на приём? Ну, что бы немного сил прибавилось? Скидку сделаешь?

— И скидку сделаю и вне очереди приму. Только вот одна проблема — были б мы живы и здоровы на момент возможного приёма, а то сейчас вокруг клиники какая-то движуха непонятная началась... Машины какие-то, да и... Боюсь, если попытаются проникнуть в клинику силой, нам ничего не останется, как применить, скажем так, свои способности. Только уже щадить выборочно никого не будем, как на трассе. Ну, Вы поняли.

— Что ж ты сразу не сказал, мать...? Прости, вырвалось. Всё, заканчиваем разговор. Сейчас по своим каналам прозондирую почву. И жди моего человека — передаст тебе те данные, по которым поймёшь, что он именно от меня.

— Всего доброго, Сан Саныч. Берегите себя.

Что предпринял Начальник Петербургского Управления ФСБ, ни Антон, ни его сестра так никогда и не узнали, но вот два грузовых фургона с ОМОНОм и несколько тёмных микроавтобусов, что пять минут спустя после состоявшегося разговора почти одновременно тормознули рядом со входом в клинику, так, в итоге, и не выпустили из своих недр ни единого человека, а ещё через пару минут все незваные гости внезапно уехали, словно здесь их и не было никогда.

— Саныч рулит, — улыбнулся чуть побледневший от лицемерия столь внушительных сил, что явились по их души. — А вот папаша наш, как понимаю, окончательно с катушек слетел. Если честно, Рин, был бы здесь — вмазал бы ему по мордам со всем великим удовольствием за всю ту нервотрёпку, что нам устроил.

— Ну, так вмажь, — раздался хриплый голос от дверей. — Или только на словах смел? Давай, сын, попробуй, а я оценю — посмеешь ли ты на отца руку поднять? Нет? Слабо?

Ярый криво ухмыльнулся и, повернувшись к кому-то, кто стоял в коридоре, приказал.

— Задержать обоих до окончания проведения экспертизы.

Сергей Павлович отступил от дверей, а в кабинете появилось двое рослых мужчин, держащих в руках приготовленные наручники. Они, было, сделали шаг, как... их вынесло неведомой силой обратно в коридор, а освобождённый доводчик выполнил своё предназначение, закрыв с тихим шелестом дверь. Из коридора послышался приглушённый шум падающих тел, а следом трёхэтажный мат, который нёсся из уст, как поняли двойняшки, их... мамы.

Антон с удивлением посмотрел на сестру, но та виновато пожала плечами, мол, сама не ожидала что так выйдет, еле слышно объяснив что сейчас было.

— «Щит» на автомате создала. А что, не надо было?

Антон в голос расхохотался, глядя на сестру, которая, чуть покраснев от стыда, виновато смотрела на него, боясь порицания.

Через миг дверь вновь распахнулась и в проёме, наткнувшись на невидимую преграду, появиась Настя, которая хотела было сделать шаг вперёд, но ей это никак не удалось. Брат с

сестрой смотрели на безмолвный «танец» в дверном проёме, сначала тихо, но с каждой последующей секундой всё громче и громче хохоча.

Поняв дурацкую ситуацию, женщина перестала «гарцевать», с удивлением глядя на детей.

— Может мне будет позволено войти? Или и дальше будем общаться через порог?

— Мам, извини, конечно, что заставляем тебя и остальных стоять в коридоре, — Арина встала и подошла ближе к двери. — Но позволь спросить не столь тебя, а отца и его подчинённых — они прочли, что написано на двери кабинета, которую открыли чуть ли не пинком ноги? Если нет, или считают, что для них открыты все двери во всех учреждениях, прочту сама, так, что бы слышали все без исключения — «Кабинет главврача. Вход запрещён». Обратили внимание, что запрещён всем без исключения? Даже сотрудникам клиники? А это именно так. А теперь будьте добры — очистите помещение. Это частная территория и здесь посторонним не место. Все вопросы можно решить в переговорной или у администратора в холле на первом этаже. А поскольку Вы даже не соизволили одеть бахилы и халаты, загадив грязью два этажа, так ещё и сорвали нам рабочий график, поскольку сейчас предстоит устроить внеплановую уборку. Кстати, уборщицы у нас работать начинают только после трёх дня, а значит, что за Вами предстоит убираться тем, кто придут на утреннюю смену — врачам и медсёстрам. Ещё раз повторю. Пока по-хорошему. Покиньте помещение клиники, иначе нам придётся силой Вас выпроводить. Даю минуту. Время пошло.

Арина покраснела от гнева и, отвернувшись от мамы, прошла к рабочему месту и села в кресло у компьютера.

— Дочь. Ты чего? — Настя дар речи потеряла от проведи, что сейчас услышала. — Мне тоже уйти? Как и всем остальным?

— Мама, — Антон тоже не ожидал такой вспышки ярости от сестры, стараясь закончить всё миром. — Ты же знаешь порядок в медучреждениях. Скажи — ты хоть раз до этого момента была в этом кабинете? Скажу — нет, потому что порядок есть порядок. И правила существуют именно для того, чтобы их выполнять. Вот скажи — мы сейчас в верхней одежде? В уличных сапогах? Нет. Мы в сменной обуви и бахилах, а на нас комплекты медицинской одежды, плюс халаты, плюс маски и шапочки — всё, что бы соответствовать тем правилам, которые придумали не мы сами, а умные люди много поколений назад. Так что будь добра, как и все остальные, просто соблюдать элементарные правила приличия, находясь в лечебном заведении. Я не прав? И сейчас, коль на то пошло, ты ничем не отличаешься от остальных — тех, кто стоит рядом с тобой в коридоре. Если желаете поговорить — будьте добры проследовать на первый этаж, снять в раздевалке верхнюю одежду и одеть халаты и бахилы, а затем проследовать за администратором именно в то помещение, которая она укажет. А сейчас, если понятны мои слова — покажи всем остальным соответствующий пример.

Настя вздрогнула, словно от пощёчины и покраснела. Не от гнева, от стыда, понимая, что все слова сына и дочери, не были личными оскорблениями, а просто ткнули как её, так и остальных, носом в дерь... грубое нарушение элементарных правил приличия, не говоря уже о нормах поведения в медучреждении. Повернувшись, скомандовала всем, кто был для двойняшек до сих пор невидим.

— Повернулись и на выход. Вы здесь и в самом деле нагадили — посмотрите на пол, прикурки. Из Вас хоть кто ноги вытер при входе? И что теперь? А теперь я, как

единственная присутствующая среди Вас женщина, буду здесь на карачках ползать несколько часов и полы на двух этажах за всеми вами мыть. Вот что меня дёрнуло сюда ехать? Пшли вон, кому сказала?

Дверь закрылась и, двойняшки, переглянувшись, грустно улыгнулись. У них была возможность вызвать службу, услугами которой иногда пользовались, что бы привести помещения в идеальное состояние, но это было недёшево, да и не стоило в данной ситуации иначе поступать — зная характер мамы, они прекрасно понимали, что уборкой сейчас займутся все присутствующие, уж она-то точно одна убирать не будет.

И, спустя десяток минут, включив камеры внутреннего наблюдения, брат с сестрой искренне веселились, глядя, как четверо бугаёв, да и отец с мамой, явно переругиваясь между собой, кто шваброй, а кто и просто тряпкой, стоя на четвереньках, отмывали следы своего непродуманного вторжения. А главное действие наступило чуть позже, когда в клинику стали съезжаться врачи и медсёстры, кто работал в утреннюю смену. Большинство сотрудников, зная в лицо маму их руководителей, здоровались с той уважительно, не делая никаких попыток заговорить или, тем более, отвлекать от работы. Все сотрудники, зайдя в раздевалку, переодевались и выходили оттуда в таком виде, как и положено. И заметив это, Настя, не сдержавшись, со всей силы мокрой тряпкой огрела мужа по спине, показав на людей, которые не смели нарушать заведённый порядок. А спустя пару минут наступил вообще апофеоз, когда в холл зашла их сменная уборщица, которая сегодня почему-то явилась с утра. Несколько минут понаблюдав за уборкой, она, выйдя из раздевалки уже в рабочем синем комбинезоне, вырвав из рук одного из бойцов тряпку, с маху врезав ей по заднице бойца, заставив того обернуться, ткнула на две чёрных полосы от его ботинок, которые мужчина оставил за собой, ползая по полу. Потом, вновь сунув тряпку тому в руки, заставила повторно вымыть за собой пол, уже пятясь от лестницы, ведущей на второй этаж, в сторону выхода...

В кабинет, предварительно постучав, зашла Марина — их бессменный секретарь и офис-менеджер. Положив на стол документы, уточнив, что там списки клиентов и расписание на ближайшую неделю, направилась было к выходу, но её остановил Антон.

— Марина, будьте добры — когда наши внеплановые помощники тщательно вымоют за собой полы, пригласите в переговорную наших родителей. Остальных вежливо выпроводите за пределы клиники. Если возникнут трудности — у входа сейчас находятся четверо сотрудников частной охранной фирмы. Они одеты в чёрные комбнзоны с символом орла на груди. В случае затруднений — попросите тех помочь. Передайте, пожалуйста, им, ещё побыть поблизости минут двадцать, а потом могут быть свободны. И ещё. Вскоре к нам пожалуют сотрудники ФСБ. Один там будет или двое, не знаю, но проводите их, пожалуйста, прямо сюда.

Девушка кивнула и вышла. Арина вновь сделала обоим кофе и поставила чашку перед братом, который залип в экране компьютера, наслаждаясь картинкой, но тот, через минуту, позвав к себе сестру, засмеялся.

— Смотри что сейчас произойдёт. Эта сцена, пожалуй, войдёт в анализы истории службы безопасности страны как пример лбразцового служения народу не на словах, а на деле. И так, внимание...

На картинке, которую в данный момент транслировала одна из камер на ресепшине, входная дверь открылась и в помещение зашёл полковник Терентьев со своим коллегой, которые, сделав пару шагов от двери, были остановлены гневным криком то ли мамы, то ли

одного из тех, кто в данный момент мыл пол на первом этаже. Мужчины стали озираться по сторонам и, к удивлению, увидели не только коллег из Конторы, но и генерала Ярого, который с сосредоточенным лицом ловко орудовал шваброй, наводя итоговой блеск за своими подчинёнными. Последовала немая сцена, но потом, тщательно вытерев обувь и одев выданные бахилы, двое мужчин, по стеночке, тайком кидая взгляды на генерала, прошли к стойке, где уже поднялась из кресла Марина, что-то им говоря.

— Блин, как жаль, что звука нет, только картинка, — посетовала Арина. — Как бы хотелось услышать что они там говорят...

— А я тебе говорил полгода назад, когда ставили новые камеры — давай купим подороже, а ты что ответила? Мол, денег и так мало, так что...

— Согласна, была неправа, — обречённо кивнула девушка. — Но какая же картинка была бы. Кстати, Тош, ты пиешь?

— Конечно. С самого начала пустил запись. Это когда ж ещё такое можно увидеть, как сам генерал Федеральной службы безопасности вместе с подчинёнными в рабочее время моет полы в частной клинике. То ли денег не хватает, то ли времени много...

В комнате раздался оглушительный хохот и в этот момент в дверь постучали.

Получив разрешение, вслед за секретарём, в кабинет вошли двое мужчин. Оба были, мягко скажем, потрясены до глубины души.

— Арина, Антон, — полковник Терентьев, явно выбитый из обычного состояния и вообще потеряв на несколько минут шаблон восприятия мира, растерянно поздоровался. — Доброго дня. Нас к тебе отправил Сан Саныч. Сказал, что бы мы забрали какую-то важную информацию с Вашего компьютера.

— Да информация не столь секретна, сколь вызывающая. Подождите, пожалуйста. Марина, извините, что заставляю бегать по этажам, но пригласите сюда, пожалуйста, и моего отца. Только оденьте его, как и этих посетителей.

— Через пару минут будет здесь. Они уже заканчивают.

Девушка вышла, а Антон объяснил двум мужчинам, почему попросил их подождать.

— Не буду скрывать, что я с отцом в несколько в напряжённых отношениях, но работа есть работа, поэтому ЕГО работу не хочу перекладывать на Вас. Когда все соберутся, объясню что к чему...

Как и было обещано, через минуту в кабинет вошёл Сергей Павлович — усталый, но, на удивление, более спокойный, чем полчаса назад. Не говоря ни слова, Антон показал всем на стулья вдоль стола и приступил к рассказу о тех письмах, что обнаружил сегодня в почтовом ящике...

Через несколько минут, рассказав и огласив содержание писем, на лицах отца и полковника увидел явную заинтересованность. А мужчина, который был третьим, оказался специалистом по компьютерам. Усадив того в своё кресло и предоставив доступ к почте, парень, тем не менее, остался стоять рядом, контролируя все действия незнакомца. Более того, без всякой скромности сразу объявил, что ему совсем не нужно, что бы рабочий компьютер клиники был под контролем сторонней организации, даже такой уважаемой, как ФСБ. На невольный смешок мужчины, Антон, тем не менее, помешал, когда мужчина достал из кармана пиджака съёмный жёсткий диск и пытался на него скопировать файлы со служебного компьютера.

— Стоп, уважаемый. Не нужно ничего подключать, добром прошу. Вы просто скажите, что Вам нужно, и я сам переброшу всё на флешку, которую Вам презентую. Не думаю, что

требуется такой серьёзный агрегат, что Вы держите в данный момент в руках. Там объём-то совсем маленький, да и к служебной почте удалённый доступ Вам совсем ни к чему. Не согласны? Знаете ли, я не «чайник» и кое-что в компах понимаю. Если не верите, вон, спросите у генерала — он подтвердит. А сейчас будьте добры — уступите место.

Мужчина встал из-за рабочего стола и развёл руками, явно показывая, что его не так поняли, но что есть, то есть.

— И так, посмотрим файлы, которые Вы сбросили во временную папку. Это всё вам настолько интересно? — Антон открыл папку и посмотрел содержимое, иногда открывая то одну, то другую скопированные подпапки, которые так заинтересовали представителя Конторы. — А скажите, пожалуйста, коды доступа и пароли Вам так жизненно необходимы для того, что бы прочесть четыре письма? Или вот эта папка, в которой, как вижу, содержится список сотрудников клиники. Вы что, подозреваете, что именно они написали эти письма?

Антон пристально посмотрел на троих сотрудников ФСБ, которые сидели перед ним словно нашкодившие школьники.

— Уважаемые. Ладно я не знаю этого «гениального» админа, который почему-то вместо поиска цепочки серверов, по которой шли отправления, почему-то залез в служебную переписку и пытался скачать уж совсем конфиденциальные данные по нашим пациентам. Но, поскольку я знаю, что к чему, увы, у Вас ничего бы не вышло, да и не выйдет, поскольку на этом компе стоит защита от копирования. В лучшем случае позже, у себя на работе, Вы обнаружили бы пустое место на своём диске, а в худшем... Об этом не буду. Поскольку Вы несколько, скажем так, превысили свои полномочия, вынужден буду сообщить о Ваших действиях Начальнику управления. Если тот сам отдал соответствующий приказ — Вам ничего не будет, а вот если эти действия явились лично Вашей, вполне дурной инициативой, то получите... то, что заслужили, правда, не от меня.

Антон, удалив практически все папки, приготовленные к копированию, достав из стола флешку, набрал на клавиатуре длинный код разблокирования режима копирования и перебросил данные на флешку. Через несколько секунд вынул накопитель и отдал в руки Терентьеву.

— Я передаю данные Вам, да и копии писем, что уже напечатаны, — парень положил перед полковником тонкую папку со скринами писем. — Что ж, не смею Вас более задерживать.

И, уже открывая двери, что бы выйти из кабинета, двоих мужчин догнал голос Арины, которая за всё это время не произнесла ни слова.

— Стас. Мне жаль, но Вы сегодня предстали перед нами несколько в ином свете. Нам будет Вас не хватать, но ничего, свыкнемся с потерей...

Лицо полковника вспыхнуло, и он явно хотел как-то оправдаться, но девушка, поднявшись с кресла, прошла к окну и демонстративно повернулась к нему спиной.

Когда дверь за мужчинами закрылась, Сергей Павлович, который от стыда скрипел зубами, негромко произнёс.

— Я был не в курсе действий этих... офицеров. Мне стыдно что такое случилось. Это вообще выходит за рамки. Я приму меры...

— Не надо принимать меры, — Антон говорил отстранённо, словно с чужим человеком. — Я сегодня уже раз общался с Сан Санычем, потревожу его ещё раз. Вот не верится, что именно он отдал такой дебильный приказ. Да и Терентьева мы знаем много лет.

Это тоже шло явно не от него. Хотя, поскольку Вы все из одного «гнезда» — разбирайтесь между собой сами — кто за что виноват и кто кого накажет. А то, что этот му... простите, дурак, так демонстративно пытался влезть туда, куда ему было нельзя, ещё легко отделался. Я ему не обозначил худший сценарий, а он заключался в том, что вместо ожидаемых данных он бы занёс со своего компа в Вашу систему охрнительный набор всевозможных вирусов, которые за полчаса уничтожили бы все базы данных в системе. Именно что из уважения к тебе, отец, я не допустил копирования. Сам понимаешь, чем бы всё это могло закончиться.

— Ты это всерьёз? — изумлённо спросил Ярый, представив на секунду тот катастрофический результат, о котором сказал его сын.

— Я не вру, отец, как ты знаешь, никогда. Мог бы об этом помнить. От вирусов, которые заложены в защиту от копирования, на данный момент нет вообще никакой защиты, а знаешь почему? Потому, что первой волной идут те, что созданы именно для уничтожения антивирусных программ. Таких три волны, а вот потом идут уничтожители баз данных. Они ничего не копируют и ничего не передают на сторону — просто диски, будь то жёсткими, или съёмными, через пару минут форматируются в замкнутом цикле, то есть форматирование идёт непрерывно. И до тех пор, пока там ничего не остаётся и не будет никакой возможности восстановить данные, если только из архива. Откуда такое и где взял — прости, но это штучный товар, за который заплачено очень много денег. И существует такая защита от внешнего воздействия и возможности перезаписи лишь в одном экземпляре. Кстати, добавлю. Если этот кадр попытается дистанционно влезть к нам в комп — у него техника выйдет из строя за полминуты. Кроме защиты копирования, здесь поставлена и аналогичная защита от несакционированного проникновения извне. К нам уже пытались влезть хакеры из нескольких стран — я потом читал в даркнете, в их спецчате, вопли о том, что техника на несколько десятков тысяч долларов вышла из строя чуть ли не навсегда. Так что попытки раскусить нашу защиту идут волнами, но чем дольше это длится, тем меньше остаётся времени у этих уродов для других неприглядных дел.

— Интересная защита, — хмыкнул Сергей Павлович. — И это, как понимаю, производное от частного лица? Не компании?

— Именно что от частного лица. Добавлю, что тот уже покоится как год на одном из российских кладбищ. Построения защиты и исходного кода у меня нет — тот хакер их никому не передал, унёс с собой в могилу, так что, увы, поделиться с тобой ничем не могу. А теперь вопрос по существу, отец. Ты что, охренел от своей вседозволенности? Если нет, то можешь объяснить толком — что за мутоту ты создал вокруг нас? Чего тебе вообще надо?

В кабинете повисла тишина, а седой мужчина сидел молча, опустив глаза. И только через несколько минут задал вопрос, от которого двое молодых людей ошалели.

— Антон, Арина. Вы — ЛЮДИ?

Парень, несколько минут даже не смог понять в чём суть вопроса, хлопая растеряно глазами, то переводя взгляд на не менее чем он сам, удивлённую сестру, то на отца. И только открыл рот, что бы сказать колкость, как его опередила девушка.

— Пап. Ты себя хорошо чувствуешь? С тобой всё в порядке?

— Со мной всё в порядке, а вот никто из Вас так и не ответил на заданный вопрос.

— Так вопрос сам по себе довольно идио... ненормальный. Ты что, не в состоянии определить кто перед тобой? Люди или зелёные человечки? Или кого ты сейчас видишь перед собой? Знаешь, тебе пора бросать свою чёртову работу, иначе вскоре вообще крыша съедет. И так ты последнее время сам на себя не похож.

— И всё же — кто ВЫ???

— Люди мы, люди. К тому же, если забыл, относимся к твоей семье в качестве детей Сергея Павловича. Знаешь такого?

— Не надо из меня делать идиота.

— И ты не делай из нас тех, о ком сейчас сказал. — Арина стала заводиться. Её лицо покрылось яркими пятнами, и она уже еле сдерживала себя. — Тебе нужны доказательства? Какие? Просто скажи.

— Мне нужны анализы Вашей крови. Обоих. Только в... этом случае, после заключения специалистов, смогу рассказать что меня тревожит.

— Нет проблем. У нас в клинике есть процедурная, которая делает отборы крови. Сами исследования не проводим — отправляем в... надёжную лабораторию, с которой у нас заключён контракт. Мы можем при тебе сдать кровь. Более того — снабдим, естественно, с возвратом, кейсом-холодильником для перевозки биоматериалов. Такое устроит?

— Я бы хотел, чтобы отбор крови сделал мой человек. — Ярый за весь разговор так ни разу не посмотрел на детей.

— Если это будут делать твои мордовороты, извини, откажемся. У них нет должной сноровки, да и интеллекта на тех лицах особо не заметил. — Антон встал из-за стола и подошёл к окну, посмотрев на улицу, где горланили несколько детей, явно прогуливающих занятия в школе. — Эти тоже. Сейчас им весело и беззаботно. Зачем идти в школу, когда можно потуситься. А потом, через несколько лет, настанет момент, когда сами осознают, что упущенное не вернуть и остаётся один путь — сначала в армию, а потом, в лучшем случае, в профучилище. И то, если последние мозги не потеряют. Кстати, если не доверяешь нашим сотрудникам — вызови своего дружбана. Он-то явно не откажет в такой малости. Алексея Евгеньевича мы сами с радостью повидаем, да и доверимся ему без вопросов. Ну так как? Будешь звонить Шприцу? Или мне самому его попросить?

— Устроит, — буркнул Ярый и вновь замолчал.

— Вот и хорошо. — Антон улыбнулся и кивнул сестре, которая уже держала в руках телефон. — Звони, Рин.

Девушка, набрав номер, включила громкую связь, что бы разговор слышали все присутствующие в кабинете. К тому же, буквально секунду назад, к отцу присоединилась мама, которая, тихо проскользнув в кабинет, села рядом с мужем и, взяв в свои руки его руку, нежно ту погладила.

— И кто это мне звонит? Такой нахальный и нетерпеливый? — по комнате пронёсся всем знакомый смешливый голос. — Дай угадаю. Мальчик бы сразу же начал приглашать к себе в гости, обещая кучу вкусняшек к потрясающему кофе. А раз меня не перебивают через слово, то это, как понимаю, девочка? Умница, красавица, да и врач от Бога?

— Дядь Лёш. Ты как всегда прав, хоть и не во всём. Слишком много лести, но та приятна, не скрою. Доброе утро тебе. Прости, что беспокою в раннее время, но вот срочно нужна твоя помощь. Притом не по видеосвязи, а требуется именно что твоё личное присутствие.

— Не понял. Проблемы? Даже «требуется личное присутствие»? Ни как Ваш папашка рядом? Привет ему передавайте! Сам мне звонить не желает — зазнался последнее время. Куда там ему, генералу, с простым врачом говорить? Вот если бы ОН просил — не приехал бы чисто из вредности, но ради коллег... У меня сегодня, к Вашей и моей радости, отгул. Так что планов на ближайший день нет. Когда надо быть?

— Дядь Лёш. Привет. Рад слышать, а ещё больше буду рад видеть. — Антон мгновенно сообразил, что присутствие ТАКОГО специалиста не мешает им ещё и в другом плане и включился в разговор. — В двух словах ситуация такова. Сначала, по просьбе отца, тебе нужно будет взять у нас кровь с помощью вакутейнера. Как понимаю, это надо для проведения биохимических исследований. Правда, вот в чём проблема — мы не знали, что такое понадобится сегодня и, увы, с утра съели по паре бутербродов, да и кофе по паре кружек выпили. Но здесь и сейчас стоит вопрос чуть ли не жизни и смерти. Нашей, имею в виду. А на показатели основных параметров лёгкий завтрак не окажет уж такого существенного влияния. И второй вопрос, чисто по профилю — хочу тебя попросить посмотреть одного человека. Сразу скажу — его лично сам ещё не видел, но, судя по записям в карточке после предварительного осмотра, что сделал наш врач-хирург, у того сломан позвоночник, да и, возможно, может вылезть много чего другого. Вот и боюсь, что его лучше вместе посмотреть. Вдруг что посоветуешь из традиционного лечения.

— Антон. Ты в своём репертуаре — так кушать хочется, что переночевать негде. А кто смотрел этого ломаного-переломанного? Моя протеже? Если она, то соглашусь на твоё угощение. У тебя же процедурная как всегда в порядке?

— Конечно. Всё тип-топ. Когда ждать? Ты же недалеко живёшь. Сразу оговорюсь — вызов врача высшей квалификации будет оплачен по соответствующей ставке.

— Да ну тебя. Опять всё опопшляешь. Ладно. Если честно — не откажусь от гонорара тем более что я пару дней как вернулся из Москвы, а там столько просадил, что... А просить у коллег стыдно. Вообще, соблазнил бедного несчастного лепилу. Буду у тебя через... через пятнадцать-двадцать минут.

— Ждём. — Арина послала звонкий чмок в трубку и отключилась. Положив телефон на стол, подошла к селектору и, нажав клавишу, спросила.

— Вероника. Утро доброе. На месте?

— На месте, Арина Сергеевна. Рада приветствовать Вас и то, что началась нормальная работа. Я Вам нужна сейчас?

— Вы мне всегда нужны. И не только мне. И, естественно, всегда.

— Спасибо за добрые слова. Что приготовить?

— Где-то через полчаса нужно будет сделать отбор крови на биохимию. Приготовьте три комплекта. И достаньте наш холодильник. Самый малый. Его заберут, но, рассчитываю, что сегодня же и вернут назад.

— Будет готово.

— Спасибо, — Арина закончила разговор и нажала другую клавишу.

— Марина. Через пятнадцать-двадцать минут к нам подойдёт мужчина по фамилии Васильев. Звать — Алексей Евгеньевич. Проводите его сразу же ко мне в кабинет. И ещё... — Девушка заметила, как брат руками стал изображать передвижение на коляске. Сообразив, что тот хочет, продолжила. — Там инвалид на коляске в сопровождении своей дочери прибыл? Нет? Тогда, как явятся, их вне очереди в первую процедурную. Точнее, больного, а девушка пусть посидит в холле на втором этаже... Что? Да, совсем забыла, что он у нас и так записан первым. Спасибо за напоминание. Как его подготовят — дайте знать. Ой, совсем забыла. Туда же пригласите Любаву Анатольевну. Коль она проводила первичный осмотр, пусть присутствует. У меня всё.

— Рин, ты умничка, — Антон перегнулся через стол и чмокнул сестру в щёчку. — Любава и дядь Лёш знают друг друга, так что разногласий не будет, если только по делу. А

вот у меня мысль мелькнула, что если множественный компрессионный перелом — может дядя Лёша его к себе для начала возьмёт? Деньги у тех имеются, так что даже не надо будет и Полис затрагивать.

— Полис? — Арина удивилась, но, видя нахмурившегося брата, сообразила о чём речь. — А с дочерью инвалида потом поговорим?

— Как всех гостей проводим, так и поговорим. Кстати, мама. — Антон обратился к Насте, которая, на удивление, сидела в кабинете, не проронив ни слова. — Я по камерам видел, что Олега и Свара пригласили в Вашу машину. Потом отвлёкся. Где они сейчас?

— Они уехали сдавать анализы крови в нашу ведомственную клинику. Вскоре вернутся, — пробурчал Ярый и вновь закрыл рот на замок.

— Исчерпывающе, — криво улыбнулся Антон. — Да и ладно. Они в данный момент здесь не так нужны. С Белым займёмся, скорее всего, после обеда, если, разумеется, ничего вновь не случится из ряда вон.

* * *

Через полчаса, в присутствии родителей, Алексей Евгеньевич Васильев, военврач с огромным опытом, а ныне заведующий одной из кафедрой и член учёного совета Военно-медицинской академии, с нескрываемым удивлением делал заборы крови у детей своего старого друга, которого знал чуть ли не всю сознательную жизнь. Ещё более странным было то, что Сергей Павлович с ним поздоровался довольно сухо, как и его жена, как-то жалко улыбнувшись, а потом, без лишних слов, полученные образцы были упакованы и убраны в переносной холодильник, который тут же был опечатан личной печаткой генерала. Ярый, подхватив медицинский кейс, попрощался со всеми присутствующими лишь кивком и чуть ли не выбежал из клиники, передав холодильник одному из своих подчинённых и машина с образцами, резко стартанув с места, мгновенно скрылась.

Как двойняшки, так и полковник Васильев ожидали, что Сергей Павлович хотя бы вернётся и попрощается с ними нормально, но тот, вместе с женой сев в свою машину, так же уехал.

— Дядь Лёш, — Арина, после выходки родителей, чувствовала себя, скажем так, тоскливо, — не удивляйся. Папе на ум пришло, что мы... не являемся людьми. Он считает, что перед ним нахрдытятся или пришельцы, или биороботы, или андройды... Вообще, только внешне похожи на его детей, а вот внутри совсем не они.

— У него кукуха поехала? — мужчина с нескрываемым удивлением посмотрел на девушку. — Если так, то я по своей линии передам по инстанции, что бы генерала положили в ведомственную клинику на обследование, иначе тот столько делов наворотит...

— Было бы неплохо, но ты этого нам не говорил, а мы, понятно, не слышали. Хорошо? Отец ведь НИ РАЗУ за все годы не попросил себя подлечить, а на наши предложения реагировал крайне отрицательно.

— Да, странно это. Хотя Ярый всегда был в себе, даже в молодости, а с годами его замкнутость стала чуть ли не параноидальной. Но это так, вдруг вспомнил ТЕ года, когда вместе бегали по горам, словно сайгаки, за духами. Да ладно об этом. Что у нас на второе? Имею в виду пациента. А вы что подумали? Кстати, перекусить бы неплохо. Или времени нет?

Антон улыбнулся, глядя как сестра, подойдя к Васильеву, ласково того обняла и, поцеловав в щёку, что-то замурлыкала в ухо. Через несколько секунд мужчина удивлённо посмотрел на девушку, а потом на Антона.

— Тошка. Твоя сестра... Она правду сказала, что надо будет смотреть инопланетянина?

— С одной стороны правду, с другой... Алексей Евгеньевич, это не зелёный человечек, как у нас показывают по телеку всех чужих. Такой же человек, как и мы. Просто его с дочерью случайно закинуло на Землю. А вот вернуться не могут из-за травм мужчины. Так что надо воспринимать их как обычных людей. Кстати, ты ведь знаком со Сваром. Так он, как выяснилось, дальний родственник нашего пациента.

— Насколько помню, то Свар — это... Тьфу. С Вами у меня шарики за ролики улетают. Для прикладной науки вообще непонятно, как дух может вселиться в чужое тело и настолько органично вписаться в современную жизнь. Мы обследовали Свара досконально, было такое, но ничего потустороннего не нашли, разве что мозг был более развит чем у среднестатистического человека. Не в физическом объёме, а в...

— Мы поняли. И насколько больше? — хихикнула девушка.

— Ну, насколько помню, раза этак в два, плюс-минус...

— Так в этом и нет ничего странного, — Антон сел в кресло и переключил комп в режим сна. — Он полностью человек по внутреннему строению, а вот у него в мозгу находятся две личности. Точнее, уже одна, принадлежащая древнему существу, которая на протяжении нескольких лет усвоила все знания и умения более современной и, в итоге, уничтожила своего конкурента. А вот тот, кого мы сейчас будем смотреть — плоть от плоти чужой. Кстати, вопрос в чём — что мужчина с дочерью говорят на русском, это все, кто с ними общался, так или иначе подтвердили. А на деле-то, в действительности, на каком языке? Или это ментальное воздействие на окружающих? В смысле — они говорят на своём, а мы воспринимаем сказанное уже на родном языке. Странно, но такая мысль только что пришла в голову. Хотя это нам не будет мешать совершенно. Мужчина, как понял, не ментал, а вот девочку я ограничил в действиях.

— Антон, Рина, Вы что, и в самом деле умеете общаться мысленно? А доказать слабо?

— Ты смешной, дядь Лёш. Ну, хорошо. Хочешь демонстрацию? Будет тебе. Ты позволишь проникнуть к себе в мозг? Обещаем, что никакого сканирования с нашей стороны не последует. Это, так сказать, ознакомительное действие. Извини, но я обязан соблюдать правила и спросить разрешения у любого, с кем придётся общаться ментально. Не боишься? Мы, правда, дважды нарушили Правило, но лишь в целях собственной самозащиты, что дозволяется Законом.

Пожилой мужчина усмехнулся, о чём-то подумав, и махнул рукой, мол, разрешаю.

— Так не пойдёт, нужно устное подтверждение.

— Я разрешаю проникновение в мой мозг. И так?

— *«И так, дядь Лёша, вот мы с тобой и общаемся ментально. Скажи — не громко?»*

Или нормально?»

Васильев с изумлением смотрел на парня, которого знал ещё с пелёнок и заметил, что у того губы раскрылись лишь в улыбке, артикуляция отсутствует, и вдруг рядом с братом встала Арина.

— *«Не верится?»* — в голове прозвучал женственный низкий голос, который ну ни как не мог принадлежать девочке. — *«А это так. Да, твой скепсис по интонации понятен. Мысленный разговор несколько отличается от обычного. Но это для новичков. Позже мозг адаптируется и сам начинает идентифицировать личность обратившегося. В принципе, все люди могут разговаривать ментально. Для этого в нас заложены все необходимые возможности, но вот людей, стремящихся к такой форме общения и желающих развить*

ИНЫЕ навыки, в данный момент не так много. Большинству одарённых способности передаются или с генами по наследству от таких же неординарных родителей, или же добиваются такого после многих-многих лет обучения у персонального Наставника. А трудяжек, которые стремятся достичь всего только за счёт самообразования, постоянных тренировок и немыслимых затраченных сил, стремящихся выйти за рамки обыденного — вообще считанные единицы. Чего молчишь? Если думаешь, что только мы так можем, ошибаешься. Любой человек, с которым общается ментал напрямую, может отвечать аналогично, не используя речевой аппарат. Попробуй. Просто попробуй. Чуть напрягись и сформулируй мысль...»

— «Я и в самом деле ТАК могу? А то, что думаю в это время на другие темы? Это также считается партнёром? А как скрыть свои мысли или заблокировать их от других? А что надо делать для того, что бы самому научиться так общаться? А когда Вы выйдете из моей головы, я потеряю эту способность? А как измерить текущие процессы в мозге при мысленном общении при помощи современного оборудования? А как...»

Когда двойняшки расхохотались в голос, Алексей Евгеньевич внезапно осознал, что в кабинете до этого момента царила полнейшая тишина. Он от удивления захлопал глазами и спросил также мысленно.

— «Это что? Я и в самом деле общался с Вами без слов?»

— «Да, дорогой Вы наш человек. Вот, как оказалось, не всё то, что кажется сказками, таковыми являются. А сейчас выходим из этого состояния. По первости у Вас голова начнёт болеть, а нам этого совсем не надо. Как говорится, до новых встреч! Что хочу отметить. У любого человека, который хоть раз имел ментальный контакт, это, скажем так, оставляет навсегда в памяти своеобразный отпечаток. И позже мозг сам будет просить повтора. Это вроде наркотика. Раз попробовал, два, и всё... подсел. Мы не станем блокировать Ваше стремление к ИНОМУ общению, но пользоваться этим постоянно не советуем. Поскольку Вы не Одарённый и даже не новичок, начните с того, что попробуйте мысленно обратиться к своим близким, к коллегам, знакомым. Тем самым будете развивать свой мозг, да и, может быть, найдёте ещё кого подобного. Как раньше говорили? Терпение и труд всё перетрут? В любом деле надо затрачивать много сил и стараний, что бы получить на гора одну-единственную драгоценную песчинку».

Открыв глаза, пожилой врач не мог прийти в себя от восхищения — как же всё с виду легко и понятно, но он прекрасно сознавал, что те возможности, которые ему только что продемонстрировали, не просто так достаются человеку. Это много лет, если не десятилетий, каторжного труда и, как упомянул Антон, возможная головная боль от постоянного напряжения.

— Кстати, дядь Лёш. А давай-ка мы вообще с тебя сегодня начнём. Я, пока общались, успел посмотреть состояние твоего организма — к счастью, криминала нет, но вот сосуды у тебя ни к чёрту. Что посоветую на дальнейшее — два раза в неделю бассейн. Хотя бы по часу. И будешь огурцом.

— Таким же зелёным и...

— ...В пупырышек, — за мужчиной закончили хором двойняшки и рассмеялись, а вот у Антона внезапно скользнула по лицу нехорошая гримаса.

— Ты чего, братик? — к парню подскочила сестра и обняла его, заглядывая в глаза. Антон сел в кресло и, обняв девушку, привычно усадил к себе на колени.

— Вот скажи, дядь Лёш. То, что мы людей лечим, используя силы своего организма —

это для отца вроде как нормально. По его пониманию, чуть ли не в каждой районной поликлинике так. То, что за десяток минут, а то и меньше, проводим полную диагностику организма человека, выявляя абсолютно все заболевания — да, для него — обыденное дело. То, что мимоходом парализовали, тем самым лишив жизни десяток бандитов, которые были готовы нас убить — то же, вроде, хоть и с трудом, но вписывается в привычную картину. То, что мы, удовлетворяя просьбу следователя, подняли нижние пласты памяти одного из подозреваемых, отцом было воспринято не просто без удивления, а вроде как само собой разумеющееся и самое привычное действие во благо делу. Так почему тот внезапно стал шарахаться от нас, внезапно забыв всё, что было до этого, а стало «вдруг и сразу»? У меня в голове постоянно крутится эта непонятка.

— Не знаю, Антон. Я вот тоже сегодня был удивлён отношением к себе не только Сергея, но и Вашей мамы. Они не поздоровались нормально, а с прощанием, так вообще нечто. Вот и у меня в голове — я-то в чём перед ними провинился?

— Наверное, тем, что согласились приехать и сами взяли у нас кровь, а не отказали категорически, сославшись на занятость или придумав другие причины. Ведь разговор, который мы вёли с Вами по телефону, был слышен всем. Специально включили громкую связь, желая увидеть реакцию как отца, так и мамы. И те восприняли наше общение нормально, без закидонов. Тем более мне непонятно их поспешное бегство из клиники. Или они обиделись на нас за то, что поставили их прилюдно на место, указав, что загадили нам два этажа грязью, то ли за то, что не дали себя сковать наручниками и увезти непонятно куда.

— То есть? Как наручниками? — в голосе мужчины от удивления даже появилась хриплость.

— А так, дядь Лёш. Отец приказал своим мордovorотам на нас повесить браслеты и, как он там выразился? «Задержать до окончания проведения анализов»? Что вроде этого. Ну я-то просто онемел от такого — никак не ожидал, что отец своих детей в наручники закуёт. Но вот сестрёнка дала тем по мозгам — вышвырнула подчинённых отца из кабинета, да так, что они там чуть ли не кубарем летели по коридору, сметая всё на своём пути. Как понял, и родителей уронили на пол. Маман, вон, тоже хотела ворваться хозяйкой в кабинет, но Рина и её тормознула в дверном проёме, не дав войти без приглашения хозяев.

— Это как тормознула? Не понял.

Арина улыбнулась и... стул, на котором сидел Васильев, словно по льду, а не по линолеуму, скользнул к дверям.

— Вот так, только сильнее, — девушка хихикнула, показав, словно маленькая, мужчине язык.

— Я вообще ничего не понимаю, — пробормотал мужчина. — Ладно способность разговаривать без слов, а это что такое?

— Да всё тоже. Сила разума, усиленная энергией тела, в которую входит как электросоставляющая, так и биохимия и иные, даже нами до конца не понятые процессы, может создать, скажем так, воздушную преграду. Точнее, преграда создаётся сама по себе при сжатии воздуха. Вроде воздушной волны или воздушного удара. Сам же в курсе как часто люди отлетают при взрыве какого-либо снаряда. От осколков те могут и не пострадать, но вот от ударной волны летят, порой, далеко и заканчивается всё это, как правило, трагически. Мы, после многих лет тренировок и экспериментов, научились создавать такую же преграду-линзу по типу воздушной волны. Сначала та была статична и

совсем небольшой. Но, со временем, научились её приближать и отодвигать от себя, словно та являлась физической ширмой. Научились её уплотнять до состояния камня или стали, но вот, к сожалению, ненадолго, да и сил для этого требуется слишком много, выматывает быстро. До недавнего времени такой щит могли создать только совместными усилиями, а теперь каждый из нас такое может создать, правда, на короткое время, не более двух-трёх минут. Но этот конструкт не имеет никакого отношения к телепортации или дистанционному воздействию. Здесь иной принцип. Не мы своей силой отодвигаем, в данном случае с тобой, стул, на котором ты сидишь, а создаём лишь уплотнение воздуха, а уже оно тебя двигает.

— Чем дальше я с Вами общаюсь, тем больше у меня едет крыша от поступающей информации. Так, это я понял... точнее, ничего не понял. А что ещё?

Двойняшки вновь расхохотались, да так, что у девушки потекли слёзы.

В этот момент, после вежливого стука и разрешающего отклика, открылась дверь и в кабинет вошла офис-менеджер.

— Простите, что помешала, но первый пациент на месте. Мы его переместили с кресла-каталки на ортопедическую кровать. На стационарную не рискнули поднимать. Пациент готов к осмотру. Любава Анатольевна у пациента, ждут Вас.

— Спасибо, Марина. Двое мужчин, о которых говорил, не пришли?

— Пока нет.

— Хорошо. Спасибо ещё раз. Будем через пару минут.

Когда дверь закрылась, Антон с сестрой поднялись и, похватив за локти ошалевшего мужчину, поставили того на ноги.

— Дядь Лёш. Информации много для Вашего пытливого ума, но вот времени совсем нет, уж извините. Надо выполнять то, для чего существуем, а всё это... — Антон покрутил в воздухе ладонью, — так, побочные эффекты. Есть они — хорошо, а нет, так и не стоит расстраиваться. Что касается осмотра и последующих действий. Ты сегодня будешь присутствовать как приглашённый специалист. Сначала сам посмотришь и выскажешь своё мнение, а чуть позже, если есть желание, сможешь понаблюдать за нашими действиями, так сказать, воочию. Ну что, готов?

— Готов-то готов, но меня больше интересует совсем другое. То, о чём не договорили.

— Уважаемый Алексей Евгеньевич. Мы пригласили Вас как консультанта для осмотра пациента, притом гарантируя достойное вознаграждение. Как мне кажется, пора приступить к прямым обязанностям. Я не прав, профессор?

— Да что мне эти деньги. Я лучше Вас послушаю. Это намного ценнее для меня как для врача, да и просто заинтересованного человека.

— То есть, Вы, уважаемый, желаете отказаться от гонорара взамен дружеского разговора? — Антон лукаво глянул на волнующегося мужчину, провоцируя его на нужный ответ.

— В чём вопрос? Конечно, готов. Что эти деньги, когда вокруг столько загадочного и волнующего.

— Я Вас за язык не тянул. Так и порешим. Только пациент уже лежит в ожидании осмотра, а время ожидания окончилось. Одевайте маску и следуйте за нами.

--

Через пару минут двое мужчин и девушка вошли в смотровую, где находился первый на сегодня пациент, о котором много уже было сказано, но вот воочию увидеть представителя

инного мира была интересно.

Антон, поздоровавшись, поднял со столика рядом с кроватью историю болезни и вновь стал её просматривать, хотя знал всё, что здесь было написано, чуть ли не наизусть. Тем временем Васильев, увидев в помещении Любовь Анатольевну, полез было целоваться со своей старинной подругой, но строгий взгляд женщины и не менее холодный профессиональный голос словно пригвоздили именитого гостя к месту.

— Доброе утро, профессор. Рада, что приняли приглашение принять участие в диагностике нашего пациента. Посмотрите снимки, что были сделаны два дня назад. Будем ждать Ваш вердикт.

К удивлению всех присутствующих, Васильев мгновенно выбросил все посторонние мысли из головы, взяв снимки и распечатки МРТ и рентгена. Вложив снимки в зажимы световой панели, подозвал к себе коллегу-хирурга и они негромко стали рассуждать о полученных травмах и вариантах восстановления организма пожилого мужчины, который в данный момент лежал посреди кабинета. Минут через пять Васильев подошёл к пациенту.

— Необходимо задать Вам несколько вопросов. Если можно, отвечайте коротко и по существу. Где Вас так угораздило?

— Упал со скалы, да ещё и на камни.

— Альпинист?

— Нет. Спортом занимаюсь, но в горы не лезу. Просто выхода не было — на скале было ценное оборудование, которое нужно было спустить на землю.

— Без страховки лезли? Ну да, вопрос глупый. Сами же сказали, что не скалолаз. Сколько времени прошло после падения?

— Более трёх месяцев. В Москве чуть привели в норму, но...

— Ясно. Не буду спрашивать, куда конкретно обращались, так как к делу это не относится. Операцию на позвоночнике там предлагали?

— Да, в порядке очереди, а срок — чуть ли не через полгода. Хотя уже три месяца прошли.

— После падения кровь из организма шла? Имею в виду следы в естественных выделениях?

— Один день, потом не было.

— Речь у Вас нормальная. Ноги, как понял, парализованы. Руки?

— Правая рука не слушается, а вот левая ещё жива. Могу невысоко её поднять и пальцы работают.

— Боли в груди? Сердце? Давление?

— Дочь мне давление меряет каждые четыре часа. Сейчас в норме, хотя поначалу было повышено — около ста семидесяти на сто десять. Сердце стучит, поэтому вроде как живое.

— Шутник, значит. Что ж, молодец. А теперь, уж извините, но мне придётся Вас немного повернуть на бок, что бы был доступ к позвоночнику. Если будет очень больно — говорите где и в каком месте. Готовы?

— Я за прошедшее время свыкся с постоянной болью, так что уже трудно понять где сильнее болит, а где нет.

— Кстати. А кто был таким умным, что усадил Вас в кресло-каталку? По-хорошему, так Вам лучше лежать, а не сидеть.

— Так я и лежал месяц пластом, а потом мне сделали разгрузочный корсет, в котором и нахожусь постоянно. Больно, конечно, но хоть могу как-то передвигаться по комнате.

— Потрясающие люди, — Васильев покрутил пальцем у виска. Обратив внимание, что этот жест увидел пациент, буркнул. — Это не в Ваш адрес, а тех, кто Вас в больницу сразу не положил, и не предоставил нормального лечения...

Покрутив ручки регуляторов-фиксаторов кровати, Любава Анатольевна добилась такого положения, что пациент чуть ли не сам перевернулся на бок.

Сняв перчатки с рук, Васильев аккуратно пропульпировал весь позвоночник, постоянно спрашивая пациента в каких местах его касания доставляют боль. Позже выпрямился и, посмотрев на Антона, сокрушительно покачал головой. «Одев» привычную чуть снисходительную улыбку, зашёл уже с той стороны, откуда его мог увидеть пациент.

— Что могу сказать. Если честно — ничего хорошего. Три позвонка раздроблены, один из них вообще не прощупывается. Восстановить работоспособность рук можно, ног — вряд ли. Если провести... минимум четыре-пять операций, можно надеяться на реконструкцию структуры позвоночника, но вот обещать вернуть состояние организма до изначального состояния не берусь — слишком много повреждений. В лучшем случае — кресло-каталка. Извините, врать не умею. Говорю как есть.

— Спасибо, профессор. Любава Анатольевна. Ваше мнение? — Антон играл в ту игру что изначально была отрепетирована и сыграна много сотен и даже тысяч раз, и женщина, которой был задан вопрос, это прекрасно понимала.

— Я согласна с приглашённым экспертом, профессором Военно-медицинской академии. Всё так, но здесь присутствуют два молодых врача, которые, как говорят, даже в некоторых случаях могут мёртвого поставить на ноги. Что, Антон Сергеевич, Арина Сергеевна, берётесь за пациента, которому профессор вынес столь суровый вердикт?

— Не взяв в руки молоток, гвоздь в стену не забьёшь? Так говорили китацы много веков назад? Надо попробовать, вдруг да получится?

Женщина улыбнулась и подмигнула пациенту.

— У них всегда получалось. Может и в этот раз?..

— Не будем гадать. Надо работать. И так, уважаемые коллеги, оставьте нас наедине с пациентом. Любава Анатольевна, проводите Алексея Евгеньевича в комнату с монитором. Пусть оттуда наблюдает, а здесь, уж извините, профессор, нас останется лишь трое. Такая традиция у нас сложилась с годами — в помещении соображаем на троих. Шутка. Да, Любава Анатольевна, постарайтесь минимум час к нам никого не пускать, иначе всё пойдёт насмарку.

Когда мужчина с женщиной вышли из кабинета, Арина, повернув ключ в замке, изнутри замкнула дверь. Потом, подойдя к стене, заполненной различной аппаратурой, включила, к удивлению пациента, не какой-то медицинский аппарат, а что-то иное — в комнате раздались звуки джаза.

— Генератор? — спросила девушка.

— Включай. Блокировку вторых дверей тоже. Не следует дожидаться, когда очередные визитёры заявятся по наши души. Сигнал на наружную дверь и информацию о тишине Марине. Дождёмся от неё подтверждения, тогда и начнём.

Мужчина, лежащий на кровати, с удивлением слушал переговоры между братом и сестрой, до конца не понимая предназначения тех или иных команд.

Послышалось негромкое гудение и, судя по всему, снаружи вход заблокировала ещё одна дверь. А когда по клинике пронёсся короткий рык сирены, брат с сестрой подошли к пожилому человеку так, что бы он их видел.

— Ну что, гость из других миров? Не приняла Вас эта земля? Сразу огрызнулась на внезапное вторжение?

— Я Вашей земле ничем не угрожал. Мы из мирной экспедиции, но так случилось, что...

— Простите, что перебиваю, но мне, если честно, это знать не нужно. Просто не интересно. Удивлены? Зря. У нас много своих проблем, так что не стоит грузить себя ещё и чужими. На этом вступление закончим. Теперь по делу. Упали Вы и в самом деле... нехорошо. Приглашённые не заметили, а я вот обратил внимание, что и сердечко у Вас пострадало. Правое, если быть точным. Странно, что на всех снимках у Вас его не видно.

— Антон. Как Вы поняли, что у меня два сердца?

— Я не понял. Просто вижу. Ваше строение как внешнее, так и внутреннее, ничем от местных людей не отличается. Только вот два сердца, да и мозг занимает чуть больший объём, чем у землянина. Это лично у Вас так, или...?

— Нет. Это особенность нашего народа. Как известно, ранее мы имели, как и все другие народы, лишь одно сердце, а вот на планете, на которой оказались в момент...

— ... «Исхода»? Так, вроде, звали тот печальный день, когда народ с самоназванием «Боры» покинул свой дом? Кстати, один из тех, кто оказался именно что на этой планете в далёкие времена, в данный момент жив и здоров. Блин. Опять я пытаюсь всё объяснить примитивно. Короче — в теле современного землянина духовная сущность того, кто в юном возрасте покинул родной мир. Это наш друг и товарищ, а не посторонний человек. Думаю, что выполню данное ему обещание и познакомлю Вас. Но это позже. Перед тем как начнём — вопросы к нам есть?

— КТО ВЫ???

— Знаете, Вы не первый, кто даже сегодня задаёт этот вопрос. А знаете, кто был первым? Не поверите, но именно что самый близкий нам человек — наш отец, папа. Странно, да? Так вот, скажу правду — мы жители этой земли. Хотя и не совсем обычные — мы ментально одарённые и отличаемся от общей массы людей как, скажем, масштабная модель, примерно один к ста, отличается от реального реактивного самолёта. Вроде внешне и похожи, но начинка и размер несколько иные. К тому же мы состоим в Братстве — это такое объединение одарённых, и не только людей, которое борется с прорывами в наш мир различных тварей из соседних миров. Пока, хоть и с трудом, нам это удаётся. Вот и всё в двух словах. А теперь давайте займёмся делом. Рин, сейчас переворачиваем нашего путешественника на живой т кровать в сходное положение...

— Готова?

— Как обычно. Вот только, знаешь, может без оружия? А то мне как-то не по себе — дрожь непонятная внутри. Мы ж с ними только двоих лечили? Но то были наши, а это представитель другого мира. Может именно на него такая реакция?

— Рин, как по мне, то сам ничего не чувствую. Будет мешать — удалю. А ты поступай как считаешь нужным.

Девушка, материализовав в руке клинок, поцеловав его, положила на столик у стенки с аппаратурой и вроде бы в кабинете не произошло никаких видимых изменений, пока Антон не услышал сдавленный стон и случайно не поймал взгляд пожилого человека, лицо которого стало совершенно белым.

— Что с Вами, уважаемый? — с тревогой в голосе спросил парень, схватив со стола стакан с водой и поднеся его ко рту мужчины. Тот, одним глотком опустошив стакан, поднял

ошарашенный взгляд на врача.

— Это... Ассилах Тверд Сол? Один из двух? А второй?

— Вы не в меру любознательный пациент. Может объясните, что Вас так поразило? И как Вы назвали оружие?

— Вы не понимаете. Вы просто ничего не понимаете!!! — Мужчина чуть ли не застонал от негодования. — Как можно вот так просто, без всякого уважения, класть божественный клинок Создателей на простой железный стол? Клинок ведь живой — всё понимает и чувствует. Если обидится, может просто Вас убить. Вы... Вы не достойны владеть таким оружием.

Антон с сестрой засмеялись.

— Забавно, но Вы не первый, кто говорит, что именно мы не вправе владеть теми клинками, что нас признали за своих хозяев. Или за друзей? Не знаю, может и так. Но, если Вы не поняли, уточню — эти клинки нас приняли сами, выбрав по собственному желанию будущего владельца, напитавшись нашей кровью и став частью нас самих. Так что Вам в этом не нравится?

— Боги! Вы поделились с ними своей кровью? Я правильно понял Ваши слова?

— Именно так. — Антон, отойдя к стене, материализовал в руке свой клинок, демонстративно его поцеловал и прижал к груди, где тот через мгновение стал невидимым. — Кстати, мой друг недавно от души напился крови представителей двух чуждых этой земли рас — и я почувствовал, как он во мне пел победную песню.

Пожилой мужчина был потрясён до глубины души. Пара клинков, о существовании которых было сложено множество легенд в его народе, могли принадлежать лишь лучшим из лучших в мирах. Они были спутниками Героев, тех, кто боролся за справедливость, не щадя своей жизни, наказывая за враждебные действия по отношению к другим, чуть ли не целые миры и народы. Это оружие было, по сути, живым, обладая собственной душой и нравом, и лишь единицы во всей Вселенной могли не просто прикоснуться к ним, это было недопустимо и считалось во всех мирах кощунством, а считанными счастливицами считали тех, кто смог издали увидеть древние артефакты. А тут вроде двое простых врачей, ну ладно, лучших из лучших, но явно не героев, так просто взяли их в руки и... Хотя нет. Это оружие признало их, раз попробовало кровь своих носителей. А это исчезновение в теле... Как такое вообще возможно? Получается, что они стали единым целым? Или он в корне не прав в своих рассуждениях, а это не просто врачи, а...

Его мысли прервал спокойный голос молодого человека.

— Может мы всё же приступим к своим обязанностям, а лирические отступления отложим на потом? Арин. Как обычно. Я верх, ты — низ. За один раз не справимся, поэтому не стоит особо выкладываться. Работаем в пол резерва. У нас на сегодня ещё трое, да и Белый вне плана. Начали.

--

Мужчина, который лежал на больничной кровати, не сводил взгляда с клинка, а в голове у него мелькнула мысль — этот врач сказал о клинках, как «о лирическом отступлении»? Богохульник. Как он посмел? То, что сейчас небрежно лежало на столике, по сути, не стоило не только его, а тысяч жизней таких, как он, а эти...

Антон, почувствовав разгорающийся гнев пациента, возникший непонятно из-за чего, просто послал ему в сознание импульс, после которого мужчина мгновенно отключился.

— Ты его выключил? — спросила Арина, стоя с закрытыми глазами, погружаясь в транс.

— Да, половинка. Этот кадр что-то такое знает о клинках, что его мировоззрение вообще пошло в разнос. Как почувствовал — его оскорбило, что твой кинжал лежит на простом столике. Вот и возбудился без меры. А работать с пациентов в таком настрое просто невозможно. Ладно, милая. Заканчиваем разговоры. Надо делат дело. Напоминаю — полностью не выкладывайся. Не забывай, что этот человек нам, по сути, чужой. Лучше для Белого побережём силы. Работаем...

Санкт-Петербург. Частная клиника.

Там же. Час спустя.

Закончив, двойняшки отступили от кровати, посмотрев друг на друга. Оба были мокрые, словно только вышли из душа. Но обычной бледности на лицах после таких затратах энергии не было, как и тремора рук.

— Рин. Руки вытяни перед собой. Пальцы растопырь.

Девушка выполнила просьбу брата и увидела, как и тот сделал то же самое.

— Смотри, Тош, а ручки-то не трясутся, — девушка улыбнулась и подмгнула половинке. — Получается, что наш внутренний резерв стал больше, что не может не радовать. А у тебя как?

— Знаешь, на удивление чувствую себя неплохо. Слабость есть, конечно, но не как обычно, хотя мы с тобой сейчас выложились полностью. — Антон замолчал, а потом «наехал» на сестру. — Я же просил тебя не выкладываться до конца, а ты что?

— А ты что? Сам-то забыл про свои слова, а я не могла отставать, иначе было бы не лечение пациента, а переток твоей энергии в меня. Ты что, этого хотел? Молчи лучше, коль сам лопухнулся. Я-то держала планку до последнего, пока именно ты первым не стал уходить ниже порога. Что? Настолько соскучился по работе, что контроль потерял?

Парень изумлённо смотрел на сестру, желая возразить, но, на секунду уйдя в себя и проанализировав состояние, лишь издал какой-то непонятный звук.

— Что? Заглянул и понял, что я права?

— Да, ты права, а я вот... в самом деле, увлёкся. Теперь надо перерыв сделать хотя бы на полчаса. Кто у нас следующий?

Арина хихикнула, ткнув пальцем в сторону столика, где лежали истории болезней.

— Ты настолько был увлечён, что даже не поинтересовался сегодняшним планом работ? Ну, ты и... лопух. Это я так, любя. Марина, как поняла, посоветовшись с Любовью нас сегодня пожалела. Зная, что первым будет тяжёлый, остальные трое записаны на повторные сеансы. Так что нагрузки будут небольшими, но вот отдохнуть сейчас всё равно следует. Что будем делать с этим пришельцем? — Арина кивнула на мужчину, который находился в бессознательном состоянии. — Моё предложение, так его лучше вообще с этой кровати не снимать — пусть отвезут в свободную комнату ожидания, если та до сих пор не занята. Завтра можно будет повторить, а вот потом необходимо будет сделать перерыв хотя бы на недельку.

— Согласен, милая. Лучше нашего пришельца не трогать. Его дочери тоже будет где отдохнуть, так что нужно лишь уговорить, хотя уговаривать-то и не стоит. Просто предложить как более удобный для них, так и для нас вариант, а то сейчас опять ей надо будет наряжать отца в жилет и опускать с кровати в кресло, а завтра снова, только в обратном порядке. Эти манипуляции для его позвоночника будут лишней нагрузкой, да и наши труды минимум на четверть уйдут коту под хвост. Только, Рин, давай с ней поговорим прямо сейчас, а то волнуется барышня. Даже через защиту чувствую её любопытный нос, хотя, скорее всего, не прав. Она в самом деле искренне волнуется за отца. Отключай защиту и пошли что-нибудь перекусим. Кроме того и позвонить Сан Санычу надо. Я не намерен спускать с рук такое хамство, как действия этого компьютерщика из Конторы. Кратко

расскажу в чём дело, а там пусть сами решают.

— Ты всё-таки думаешь, что это была частная инициатива?

— Уверен на все сто. Как уже говорил, Сан Саныч слишком порядочный человек, что бы посылать столь наглого подчинённого, кто к нам заявился. Уверен, что и Терентьев был не в курсе. Отец и подавно. А вот этот «товарищ» или по своей инициативе действовал, или кто умный посоветовал. Хрен с ними. Не будем терять время. Разблокируй смотровую и дай сигнал Марине.

По клинике вновь разнёсся сигнал и, отомкнув дверь, двойняшки вышли в коридор.

Антон, вздрогнув, спохватился.

— Рин, клинок.

— Не волнуйся дорогой, всё в порядке. Неужели думаешь, что я могла его оставить?

— Ну, всяко бывает.

— Такого быть не может. Всё время, что была занята, я чувствовала зов. А как убрала его, так тот совно кот внури меня заурчал. Да и состояние моё резко улучшилось. Такое впечатление, что он силой поделился, чувствуя мою усталость.

— Интересно, — задумчиво протянул Антон. — Если это правда, то я завтра со своим так же поступлю, а потом попробую ощутить что к чему.

— Ты не доверяешь моим словам? — девушка удивлённо посмотрела на брата.

— Малыш. Откуда такие мысли? Как я могу не доверять сам себе? Тут совсем другое. Хочу сравнить твои ощущения и свои. Вдруг они на нас действуют по-разному.

— Ладно уж, выкрутился... Саша, Вика, — Арина подозвала к себе помощников, которые выполняли должности младшего медицинского персонала, ухаживая за пациентами в период адаптации. — Не торопитесь перекладывать пациента. Он сейчас, как видите, на ортопедической кровати, так что стол для следующего пациента не занят. Вскоре решим вопрос с дальнейшим пребыванием клиента и дадим знать куда его доставить. В блоке, пока есть время, смените съёмный фильтр кондиционера, а то старый посвистывать стал. Ну и всё как обычно.

Антон подошёл к стойке и, быстро записав в карточке отчёт о проведённых действиях, протянул документ Марине.

— Мы сейчас переговорим с родственницей пациента и чуть позже решим куда его дальше. Или оставим у нас или, если сами решат, что так лучше, уедут своим ходом. Будут просить вызвать машину — помогите, пожалуйста.

— Не вопрос, Антон Сергеевич. К какому времени готовить следующего?

— Мы немного передохнём да перекусим. Давайте, приблизительно, минут через сорок? Да, пока не забыл, приглашённого профессора попросите подождать — нам есть о чём с ним переговорить.

— Как скажете.

Антон послал воздушный поцелуй девушке, благодаря за понимание.

--

Он давным-давно знал, что Марина была в него влюблена без памяти. Антон каждое утро, здороваясь, видел взрыв эмоций, которые девушка глушила в себе. Позже до парня дошла информация, что спустя несколько дней после того, как Марина пришла устраиваться на работу, сама филолог по образованию, обладающая феноменальной памятью, зная в совершенстве три языка, решила в одночасье почему-то бросить обучение в аспирантуре и в дальнейшем стать их офис-менеджером, а по факту — администратором на ресепшн. Более

того, чуть ли не за день до свадьбы, та разорвала все отношения со своим женихом, твёрдо решив, что всю жизнь посвятит Антону, но не могла не понимать, что её избранник, хотя ценит и уважает её как сотрудника, вряд ли в дальнейшем возьмёт её в жены. Вначале Антон подумал, что это было спонтанное решение и взрыв гормонов, но, как оказалось, девушка обладала поистине ангельски терпеливым характером, да и была не столь уж юной — родилась в тот же год и даже месяц, что и двойняшки, лишь на два дня позже их. И сегодня Антон решил этот узел разрубить, понимая, что это будет болезненно для обоих. А всё потому, что не мог дальше продолжать непонятные взаимоотношения, ломая своим молчанием жизнь Марине, а вот переключить её внимание в ином направлении — профессиональном развитии, попытается. Тем более что у него в руках имелись кое-какие козыри...

--

Не торопясь, поднявшись на второй этаж, двойняшки увидели в кресле ожидающую их девушку. Сказать, что та была красива собой, значит, ничего не сказать, но парень, лишь склонив голову в приветствии, усадил сестру в кресло, а затем сел рядом так, что девушка оказалась между ними.

— Здравствуйте, прекрасная незнакомка. Мы с Вами уже пообщались раз, но предлагаю сегодня и сейчас говорить нормально, не используя мысленную речь. Вы у нас в гостях, поэтому прошу соблюдать правила приличия. И ещё, не считите за наглость, но представьтесь, а то как нас зовут, Вы в курсе, а мы Вашего имени, увы, до сих пор не знаем. Только назовите именно настоящее, а не так, как Ваш отец, который представился Петром Ивановичем.

Девушка, которая была напряжена до предела, вдруг расслабилась, не ощущая никакого воздействия на своё сознание. Да и эта пара, судя по всему, её сверстников, была расслаблена, да и как они сидели и как говорили — всё указывало на их неподдельную физическую и ментальную усталость.

— Меня зовут Мара. Это полное и настоящее имя. Но сейчас вопрос не о том. Как папа? Вам удалось?

И то, как был задан вопрос, и глаза девушки — всё говорило именно о искренней тревоге и заботе об отце. Она с надеждой смотрела на Антона, но вздрогнула от неожиданности, когда её руки коснулись пальцы Арины.

— Не надо так волноваться и переживать, хотя понимаю что может чувствовать дочь по отношению к единственному родному человеку, вокруг которых все чужие. Мы сегодня сделали много, но далеко не всё, что можно было. Извините, Мара, мы не волшебники, а просто люди. Но давайте по делу. Сейчас нужно решить два вопроса, которые нельзя откладывать на потом. Первый заключается в том, что Вашего отца лучше оставить в клинике, не мучая его перевозкой куда-либо в другое место. У нас есть комнаты, предназначенных именно для подобных случаев. Внутри оборудованы по типу гостиницы. Единственный минус — хотя туалет и раковина присутствует в каждой комнате, но душ — один на всех. Так уж получилось. Ваш отец сейчас на специальной кровати, с которой его желательно не снимать. Тем более, не тащить куда-то. Жаль будет, если то, что мы сделали, пойдёт насмарку. Решать, конечно, Вам, но в комнате есть две кровати, где Вы и сами сможете отдохнуть. Телевизор имеется. Если нужно — у нас заключён договор с кафе, что через дорогу, и Вам доставят прямо в номер всё, что закажете. Это, конечно, услуга, которую придётся оплатить дополнительно. В кафе готовят очень хорошо — мы и сами постоянно

питаемся именно там. Кстати, если есть желание, сейчас можете присоединиться. Мы проголодались, да и позавтракать сегодня толком не удалось.

Мара открыла от удивления рот и хотела что-то сказать, но Арина подняла руку, показывая, что она ещё не закончила.

— Объясню, почему предлагаю подобную услугу. Кстати, комната ожидания, а она в клинике называется именно так, для Вас и Вашего отца бесплатны в течение двух дней после сеанса, а раз мы оставляем Вас на два дня, то и находиться там можете, соответственно, три дня, начиная с сегодняшнего. Далее. Если захотите остаться и дальше — проживание придётся оплачивать, но это небольшая сумма. Таковы правила. К чему этот разговор? Предлагаю этот вариант именно потому, если согласитесь, то завтра желательно вновь поработать с Вашим отцом. Потом сделаем перерыв на неделю, что бы его организм восстановился полностью, а затем будет третья, заключительная встреча. Именно в таком порядке. Подряд три восстановительных процедуры Ваш отец может просто не выдержать. Я не имею в виду летальный исход, это исключено. Понимаете, ни один организм, даже здорового человека, не сможет принять подряд три воздействия. Он начнёт сопротивляться насильной стимуляции, а ведь то, что мы делаем — идёт, скажем так, вопреки законам природы. Может я не совсем права, но в человеческом организме не заложена такая важнейшая часть, как самовосстановление. Регенерация клеток, кожи, пополнение необходимого объёма крови в организме — это, конечно, есть. Сломанные кости срастаются и современная медицина может при удачном стечении обстоятельств даже приживить оторванную руку или ногу. Исключительные случаи, но такие были. Что касается позвоночника или мозга... Да, проходят операции по удалению опухолей на мозге и восстановлению позвонков и межпозвонковых дисков. Но это, да не будут обижаться врачи традиционной медицины, словно косметические операции по сравнению с теми процедурами, что проводим мы. Не хвалюсь, просто сравниваю. Мы окончили медицинский институт и знаем как идут дела в клиниках по стране, так что имею право говорить то, о чём знаю не понаслышке. А у Вашего отца сейчас началось восстановление именно что позвоночника, а это, как должны понимать, чуть ли не самая главная структура и опора в организме любого человека. С этим понятно? Хорошо. Чем могу порадовать — двигательные функции и чувствительность ног и рук нам удалось восстановить полностью, как и убрать все воспалительные процессы. Что происходит в данный момент? Сейчас у него начался процесс регенерации межпозвонковых дисков и одного из позвонков, который был раздроблен аж на четыре части. Завтра планируем продолжить восстановление двух других повреждённых, но они не настолько пострадали как первый. Что дальше? Основное должен будет сделать сам организм — мы лишь помогаем ему, корректируя структуру и давая необходимые импульсы на восстановление. И представьте, что в этот ответственный момент Вашего отца нужно будет переворачивать, сажать в кресло... Такое врагу не пожелаешь....

Арина, закрыв глаза, замолчала.

— Вы очень устали? — забеспокоилась Мара. — Может я могу Вам хоть чем-нибудь помочь? Вы только скажите.

— Увы, помочь нам ничем не можете, хотя за предложение спасибо. — Антон встал с кресла и, сев на пол рядом с сестрой, взял её руки в свои. — Мы устали, так как отдали много сил. Нужно немного передохнуть. И поесть надо. Так Вы с нами?

— Спасибо за предложение, но, если можно, хочу быть рядом с папой. Это разрешено?

— Почему нет? Идите. Так что решили? Останетесь или уедете?

— Если рекомендуете остаться, это было бы лучшим вариантом. Я тогда пойду?

— Идите, Мара. Хотя и я с Вами спущусь — скажу, куда надо отвезти кровать, ведь наши помощники до сих пор ждут именно Вашего решения.

Через пару минут, сказав, куда отвезти пациента, дав рекомендации Маре по поводу отца, не забыв попросить своих помощников помочь разобраться с питанием, Антон вернулся к сестре, которая, свернувшись клубочком, уже спала в широком кресле. Грустно улыбнувшись, парень не стал будить Арину, а позвонив в кафе и заказав доставку трёх обедов, сам пошёл искать Алексея Евгеньевича, поскольку обещал, ко всему прочему, накормить и его...

* * *

— Ну что, дядь Лёш. Поняли что мы делали? — Антон, отставив в сторону пустую тарелку, поднялся и подошёл к кофейному аппарату, что находился в комнате отдыха.

— Если честно, то не понял, хотя и догадываюсь что происходило. — Васильев был не столь удивлён тем, что наблюдал по монитору в течение почти часа, как внешним видом двойняшек. Те были бледны и чуть покачивались, словно только что сошли с океанского теплохода, который накануне попал в жесточайший шторм. — Вы воздействовали на спинной мозг, стимулируя его и приводя к нормальному функционированию. Затем восстановили двигательные способности нижних конечностей, затем перешли к парализованной руке. Я не гадаю на кофейной гуще — просто наблюдал как вы двигались в операционной вокруг пациента.

— Дядь Лёш. — Арина усмехнулась. — У нас нет как таковой операционной потому, что не проводим операций в том понятии, которое принято у врачебного сообщества. Да и само воздействие мы называем иначе — «Сеанс стимулирующего воздействия». Это именно то, чем, по сути, и занимаемся. Согласитесь, что крови нет, разрезов тоже не делаем, поэтому с этой стороны Минздраву и контролирующим органам к нам не подкопаться. А вот что происходит в процессе сеанса, это уже наша маленькая тайна. Хотя перед Вами и скрывать нечего. Вы наш Наставник в медицине на протяжении многих лет, да и обязаны Вам той поддержкой, сказав в нужное время веское слово при оглашении нашего решение идти именно в медицину. Если бы не Вы, то отец с мамой, вполне возможно, что и настояли бы на своём видении нашего будущего.

— Ты какая хитрюга, — Васильев улыбнулся. — Вроде и похвалила и даже где-то прогнулась, но оставила за собой последнее слово. Спасибо за слова благодарности, хотя, как понимаете, я лишь поддержал Ваше решение, да и знаний у каждого изх Вас при поступлении было поболее, чем у иных четверокурсников мединститута. Хотя, если помните, я всё же советовал следовать по военной стезе, но как получилось, так получилось. Арин, Антон. И всё же. Итог сегодняшней операции каков? Тьфу, сеанса.

Антон улыбнулся, ставя перед каждым чашку с горячим кофе.

— Хотите конфеты, джем, печенье? Если да — то на столике. Берите, не стесняйтесь. Сюда бегают все наши сотрудники в перерывах, что бы передохнуть пару минут, да и подкрепиться. — Антон сел и сделал глоток. — Чёрт, горячий... Что касается наших сеансов, то Ринка назвала их полным именем, мы же в клинике называем проще — «ССВ» или «Два СВ». А время, что находимся около пациента — или «сеанс», или, между собой, «подход». Как в гимнастике. Собрался с силами, сделал то, что было запланировано и свободен — сиди в сторонке и жди, когда судьи поставят оценку. У нас же судья один — это сам пациент. И проще и сложнее, ведь у каждого своё ожидание ДО и ощущение ПОСЛЕ. А

что по сегодняшнему дню, так ноги-руки у пострадавшего в порядке. Я не говорю о восстановлении двигательных функций в полном объёме — лишь о том, что сигналы мозга проходят по стволу без затруднений. Сегодня вечером старичок должен будет тренировать свои пальцы как рук, так и ног. А вот через недельку... Думаю, сможет самостоятельно сделать пару шагов. Что касается полного выздоровления — это две, две с половиной недели.

— Фантастика, — воскликнул Васильев. — Ты хочешь сказать, что через три недели он сможет нормально ходить?

— Не только ходить, но и приседать, правда, сгибаться ему всё же не порекомендую, особенно резко и без подготовки. А вообще, то через четыре-пять недель он будет самым обычным человеком. Может и будет где-то побаливать, это не страшно. Вскоре и сам забудет о прошедших месяцах страданий как о страшном сне.

— И куда он потом? — Алексей Евгеньевич чуть напрягся, ожидая ответа, но то, что услышал, его удивило и даже расстроило.

— Да нам-то, если честно, пофиг. Он лечение оплатил полностью. Мы свою работу сделаем, а что потом, так это его дело. Мы, дядь Лёш, никогда не интересуемся дальнейшими планами и делами своих бывших пациентов. А вот здоровьем интересуемся, раз в три месяца звоним и опрашиваем по созданной форме. Все ответы обрабатываем и заносим в карточку. И так на протяжении всей жизни любого нашего клиента. Пенсионер или миллиардер — для нас они все равны. Кстати, мы и рекомендации по реабилитации даём после окончания курса. А вот как будет дальше — это зависит только от самого клиента.

— У Вас, скорее, не клиника, а бизнес-проект. Всё рассчитано, продумано. Интересно, конечно, и полезно, но не для общей практики.

— А вот здесь позволь не согласиться. Если бы в наших больницах отслеживали дальнейший путь клиентов, если бы в поликлиниках врачи интересовались здоровьем подопечных — было бы гораздо меньше как рецидивов, так и печальных исходов. На Западе существует такая спецификация как «семейный» врач, а у нас только-только вводится это понятие. Но сам же понимаешь, что этим занимаются частники, отнюдь не госструктуры. А раз заинтересованности нет, то и таким большим пластом работы никто просто так заниматься не будет.

— Антон, но Вы же этим занимаетесь? Кстати, а сколь часто к Вам повторно обращаются?

— Занимаемся именно для вот таких, возможных повторных обращений. Да и не только. Статистика — это большое дело, а мы ведь только три года как работаем самостоятельно. Имею в виду создание клиники. А повторные... Самое забавное, то чем серьёзнее наше вмешательство, тем меньше рецидивов. Чуть ли не сто процентов — это люди, которые попадают к нам повторно после каких-либо срывов. Причина — по работе неприятности или семейные проблемы. А дальше, в чём большинство видят утешение или уход от действительности, или просто для расслабления нервов — алкоголь или наркота. Честно скажу, эта категория — самые неприятные для нас люди, хотя и приносят наибольший доход при минимальных затратах с нашей стороны. Ты правильно сказал, что у нас бизнес-проект. Именно так. Мы ведь на самоокупаемости, а не будет клиентов — не будет и денег. Всё элементарно.

— Спасибо, что говоришь честно и ничего не скрываешь. Антон, а если попрошу тебя об услуге?

— Если подлечить, то сам тебе недавно предложил такую возможность.

— Нет, я не об этом, хотя... и об этом. А Вы не могли бы провести сеанс, скажем, на мне, но под контролем аппаратуры и других врачей?

— Ты имеешь в виду с наклепными датчиками по всему телу и кучей другой аппаратуры? Если так уж тебе этого хочется, то можем. И лишь раз, и то только у нас. По секрету скажу — всё, что твои коллеги захотят проверить и увидеть — это смогут сделать, повторюсь, именно здесь, не везя сюда свою аппаратуру. Мы создали свой комплекс, вполне портативный, который не уступает ничем самым современным западным образцам. Кстати, в Москву возили именно его. Ты скажи мне, только честно — а что потом? Как и в Москве? Посмотрели, сравнивая показатели датчиков с изображениями на мониторах. Поохали, поохали и... всё, тишина. Наши действия и подобный результат повторить пока никто не может. Так зачем метать бисер перед... Прости, не вижу смысла вновь и вновь доказывать что не верблюды.

— Странно, что после Вашей демонстрации в московском госпитале, к нам пришёл лишь краткий релиз — мол, есть и доказана возможность ментального воздействия на организм, стимулирующий выздоровление, но этот процесс до конца не изучен, поэтому быть рекомендован к всеобщему применению не может.

— Вот видишь? — Арина, слушая, что говорили рядом, сидела с прикрытыми глазами, но и сейчас до конца их так и не открыла. — ОНИ, видишь ли, не рекомендуют. А скажите, Алексей Евгеньевич, у нас что, в каждом кабинете районной поликлиники сидит по одарённому, который вот прямо рвётся применить свой Дар во благо людям? Чушь, и ещё раз чушь. Есть менталы в нашей стране, да и не только в нашей, кто обладает подобным даром. Но, во-первых, среди них медиков, именно что имеющих медицинское образование, считанные единицы, а во-вторых — те не желают огласки, что бы не навлечь на себя, как минимум, неприятности. Гораздо спокойнее работать индивидуалом, кладя все заработанные деньги себе в карман и не неся, по факту, никакой ответственности за возможные ошибки. А они могут быть. У нас в прошлом году был один из тех, кто пострадал из-за подобных неучей. Затратили много сил, что бы исправить допущенную ошибку. Поэтому, одним из первых пунктов в анкете-опроснике, что заполняет каждый будущий клиент клиники, значится именно что вопрос — обращались ли они ранее к знахарям, колдунам или экстрасенсам. И если при предварительном осмотре выявляем, что написанное не является правдой, от такого клиента отказываемся, несмотря на гонорар. А всё потому, что любое ментальное воздействие оставляет в чужом организме так называемый «слепок» того одарённого, кто ранее работал с человеком. Даже создали специальную картотеку индивидуалов, чьи слепки были нами обнаружены, а таких у нас уже за двадцать. С фамилиями и местами где те живут и «работают». Часть из них вполне ответственно относится к своим обязанностям, но таких лишь четверо, с которыми мы поддерживаем связь. А остальные — недоучки, которые, нахватавшись всего по чуть-чуть, возомнили себя равными богам. Вот и страдают люди, кто доверился таким «целителям». А вот подобных себе, именно среди медиков, за эти годы так никого и не обнаружили. Я имею в виду тех, кто имеет Дар. Так что ничего удивительного, что сверху спустили циркуляр, что «не рекомендуют».

— Рин, но Вы ведь, насколько знаю, тоже не сами по себе?

— Дядь Лёш, — Антон, глянув на настенные часы, встал. — Да, до недавнего времени мы были под крылом Конторы, не буду скрывать. Но так уж сложились обстоятельства, что

сейчас мы работаем без их поддержки. И лишь потому, что вся кутерьма вокруг нас началась именно что с подачи ФСБ. Нас, как выяснилось, просто подставили, по-другому ну никак не могу сказать. И не надо нам «рекомендуемых» сверху клиентов с мешками денег вместо кошельков. Поверь, желающих попасть к нам более чем достаточно, ведь за всё время работы мы не допустили ни одной ошибки. Удивительно? Но это так. Извини, дядь Лёш, но нам пора. Перерыв заканчивается, а в смотровой готовят очередного пациента. Ты как, будешь здесь до конца рабочего дня, или пойдёшь домой? По поводу гонорара я распорядился — у нашего администратора лежит конверт с деньгами. Расписываться нигде не надо.

— Спасибо, конечно, за деньги. Но можно я останусь и дальше? Интересно как всё у Вас проходит. У меня в процессе наблюдения за Вашей работой мысли кое-какие появились. Вот и хочу обдумать, что и как... и куда.

— Только сразу предупреждаю — больше работать на Государство не будем, даже за гарантированную оплату. К слову. Мы провели в Москве пять рабочих дней. Обследовали на публику пять пациентов, а вылечили ещё больше, хотя нас об этом и не просили — люди были хорошие, вот и не устояли от соблазна помочь. (Арина, слушая брата, засмеялась.) А общая сумма, что была переведена на счёт клиники, отмечу, официально, без всяких дополнительных конвертов, равнялась сумме в пятьдесят тысяч рублей. Как тебе такое сотрудничество? К тому же, под финал, устроили нежданчик — пресс-конференцию с иностранными гостями, которые наблюдали за последним сеансом, хотя это и не было заранее обговорено с нами. Вот такой выверт, представляешь? Их пригласили чуть ли не за месяц, разместили, ублажали, а нас даже не проинформировали. И как можно потом относиться ко всему и всем, кто этим занимался? Подстава чистой воды. Хотя, надо сказать, мы хоть в итоге цену себе узнали. Ты бы знал за сколько нас пытались ангажировать... Там такие суммы были... Но это ни у кого не прокатило. Ни у западников, ни у тех, кто пытался на нас заработать. А что такие планы были — уверен на все сто процентов. Ладушки. Заканчиваем трёп. Аринка, ты как, готова?

— Я отдохнула и вполне нормально себя чувствую. Не так, конечно, как с утра, но всё же лучше чем было.

— Тогда не будем заставлять себя ждать. Дядь Лёш, если решил остаться, найдёшь сам ту комнату, где мониторы?

Увидев кивок, Антон протянул руку и помог подняться сестре. Через пять минут они входили в смотровую, где уже находился другой пациент.

--

— Здравствуйте, Нина Васильевна. Вы, как наш истинный поклонник, решили вновь получить дозу здоровья? Как самочувствие? Как настрой?

Женщина лет пятидесяти, которой на самом деле было уже за семьдесят, улыбнулась, показав ослепительно белые зубы.

— Как говорится, Вашими молитвами, иначе и сказать не могу. Чувствую себя прекрасно, но вот уставать стала быстро. Если помните, я бегаю каждый утро, как Вы сами и рекомендовали. Точно следуя всему написанному. Но вот где-то после седьмого километра начинает икры сводить, хотя и бегу сколько сказано.

Антон с удивлением выслушал женщину и не поленился — открыл карточку и посмотрел рекомендации, потом показав сестре написанное собственной рукой, засмеялся.

— И сколько Вы, дорогая, бегаєте?

— Десятку, а что, мало? Так Вы мне сами...

— Нина Васильевна. Я сейчас держу в руках карточку, откуда и была сделана копия для Вас. Читаю вслух, что бы не было недопонимания — ...«Номер 8. Бег. Не более пяти километров. Желательно разбивать дистанцию на две части в процессе комплекса упражнений. Ни в коем случае не следует пробегать такую дистанцию дважды в день»... И где тут сказано, что нужно именно десять? Как мне кажется, я наоборот предупреждал Вас о том, чтобы не давали столь большой нагрузку на организм. Не забыли сколько Вам лет?

Женщина покраснела, но, вновь мило улыбнувшись, постаралась сгладить неловкость.

— Я чувствую себя не более, чем на полсотни. А вот глаза явно старше, чем сама — не увидели того, что было написано. Жаль, что есть ограничения, а то я уже втянулась за эти полгода. Если б не спазмы в икрах. Антошенька, милый мой. Может всё же увеличите дистанцию? А то я бегаю не по кругу, а в конце маршрута как раз живёт моя приятельница. Я её тоже заразила своим комплексом упражнений. Вот когда к ней добегаю, мы вместе и занимаемся. Ну что Вам, жалко что ли?

Двойняшки захохотали в голос, а через секунду к ним присоединилась и женщина.

— Нина Васильевна, Вы просто чудо... в перьях. — Антон вдруг стал серьёзным, что-то сообразив. — Подождите. Туда Вы бежите десятку. Потом упражнения. А ОБРАТНО?

Женщина, лежащая на столе, стала красной как помидор. Чуть слышно пробормотала.

— Я обратно не бегу, честно. Иду быстрым шагом, но... иногда и... срываюсь. Так... Пробегу немного, потом иду. Ну и...

— Потрясающий человек, — Антон, глядя на вконец смутившуюся женщину, только покачал головой. — Вот что мне с Вами делать, а? Написано ведь — два подхода по два с половиной километра. А Вы что вытворяете? Десятку в один подход, да и обратно... Понимаете, так нельзя. Ни в коем случае нельзя. Не забывайте о своём общем состоянии. У вас ведь, насколько помню, и гипертония была, да и на боли в сердце жаловались. Хотя сердце-то у Вас в норме, а вот невралгия имелаась. И что будем делать дальше? Честно говоря, не хочу терять такого клиента как Вы — жизнерадостного и нужного людям. Мы-то без Ваших денег сможем обойтись, а Ваши ученики без Вас? А кафедра в Университете? С них подумали?

— Да как не думала? Только работой голова постоянно и занята. Вы только не ругайте меня, а то сейчас расплачусь. Обещаю, что снижу нагрузки. Я ведь верю в Вас. Вы для меня словно боги на земле. Чего улыбаетесь? А как Вас можно ещё называть? Пришла к Вам в клинику полгода назад древняя старуха. Вся больная и скрипящая суставами словно древний паровоз. Да и свистело у меня изо всех дырок как из того, колёсного. А в итоге? Здоровая. Сил и эмоций предостаточно. По секрету скажу — на меня и некоторые симпатичные мужчинки стали поглядывать. А что? Мои пятьдесят — это ведь не конец жизни?

— Пятьдесят? — улыбнулась Арина, на что женщина, сверкнув глазами, возразила.

— Девочка. Ты меня сможешь понять, когда тебе будет столько, сколько мне сейчас. Запони — настоящая женщина не должна заглядывать в паспорт, вспоминая сколько ей лет, а чувствовать себя и, соответственно, вести себя так, насколько позволяет физическая кондиция. Да и духовная составляющая тоже.

— Ну, коль вы настолько хорошо себя ощущаете, мы поддержим Ваш организм, хотя нагрузку следует соблюдать именно ту, что была изначально указана в рекомендациях. Могу только посоветовать — выходите пораньше из дома и идите к своей подруге нормальным шагом две трети пути. А вот последнюю треть пробегайте, только не быстро. Так же и направляясь домой, уже в обратном порядке — два-три километров бегом, не пытаюсь

обогнать ветер, а весь оставший путь пешком, то ускоряясь, то замедляясь. Именно так и никак иначе. Не будете слушать советов врачей — ощущение старости придёт внезапнее, чем Вы ожидаете.

— Как скажете, Антошенька, как скажете. Буду делать всё, как Вы сказали.

— Только, умоляю, не наоборот, — с ужасом в голосе прошептал Антон и в смотровой вновь раздался смех.

— Ну а теперь, коль вдоволь посмеялись и выяснили причины недомогания, легли на живот и расслабились. Глазки закрыли и дышим ровно и спокойно. Рин?

— Готова. Начали...

* * *

С последним пациентом закончили около четырёх вечера. Проводили того до двери и, не сговариваясь, осели на пол.

— Да уж. Начали бодро, а вот закончили иначе. — Арина подняла бледное лицо на брата. — Я уже отвыкла за две недели от таких нагрузок. Сейчас одно желание — спать и только спать. Кстати, какие мысли по поводу ночлега? Мы вроде хотели сбежать из дома? Или уже иные планы?

— Малыш. А ты-то сама хочешь вернуться в дом, где на тебя будут косо смотреть? Мама ведь тоже сегодня странно себя повела. Или отец уже поведал ей мои слова об отъезде? Комнаты ожидания сейчас все заняты. Остаётся одно — переночевать в клинике. Я тебя уложу на диван в кабинете, а сам здесь лягу. А что? Тепло, никто не мешает и не капает на мозги.

— Ты же знаешь, что не смогу без тебя уснуть. Лучше вместе ляжем на диване. В тесноте, но не в обиде. Зато будем спать как убитые.

— Решим вопрос. Сейчас в любом случае надо поужинать. Или позже пойдём?

— Давай позже, часов в семь вечера? Или попросим сюда принести. Не хочется мне никуда переться. Ноги гудят и всю потряхивает. Тош. Ты чего задумался?

— А? Ты что-то спросила? Прости, задумался. А куда делись Белый со Сваром? Прошёл день, а они так и не появились. Странно. Неужели их задержали? Причина? Анализы не те? Так это вообще бред сивой кабылы. Давай сейчас переберёмся в кабинет, а потом... Чёрт. У нас ещё и Шприц где-то по клинике бродит. Или уже ушёл? Давай, малыш, поднимайся и пойдём наверх. Заодно посмотрим что на завтра, да и с Мариной надо поговорить. Не хочу откладывать разговор, а чем её зацепить, имеется.

Не успели двойняшки выйти к стойке регистрации, как их сзади догнал профессор Васильев.

— Вы сейчас домой? — мужчина был чем-то взбудоражен. — Жаль, но у меня множество вопросов и надо пообщаться более предметно.

— Дядь Лёш. Извините, но мы на последнем издыхании. Сил нет, честное слово, а разговор будет долгим, ведь так?

Мужчина даже споткнулся на ходу, когда более внимательно посмотрел на брата с сестрой. Смутился, понимая какую глупость только что сказал.

— Простите, ребята. Вижу в каком Вы состоянии. Ещё раз простите за мою бестактность. И всё же прошу хотя бы одну встречу. Не настаиваю на завтра, но только свисните — я всё брошу и примчусь.

— На крыльях любви, — сквозь силу пробурчала девушка. — Мы же не против. Только не сегодня, ладно?

— Конечно-конечно. Отдыхайте. А я, пожалуй, пойду.

Антон, прихватив со стойки конверт, который ему подсунула Марина, довёл Алексея Евгеньевича до двери и, тепло попрощавшись, вернулся к стойке.

— Марина. Мы, скорее всего, сегодня останемся на ночь здесь. Устали очень, а домой...

— Я понимаю. С родителями не в ладах?

— Что-то вроде этого. Но разговор не о них, а о Вас. Не надо только так переживать, а то сразу побледнели. Поговорить нужно на несколько тем. Поэтому попрошу, как только проводите последнего посетителя, подняться в кабинет.

— Вы хотите меня уволить?

— Марин. Совершенно не имеем таких мыслей. У нас есть интересная информация, которая может Вас заинтересовать. Только не надо лишних вопросов здесь и сейчас. Когда освободитесь, так всё и решим. Мы сейчас наверх. Как там наш первый пациент? Есть вопросы или жалобы от него самого или от сопровождающей его девушки?

— Всё в порядке. Мужчина пришёл в себя и отправил дочь за едой. Она уже дважды бегала в кафе, правда, улыбка её лицо не покидает. Вся светится, да и, как показалось, что-то напевала себе под нос.

— Замечательно. Вообще, коль на сегодня всё, мы наверху.

Поднявшись на второй этаж и войдя в кабинет, девушка без сил рухнула на диван и с наслаждением скинула с себя всю верхнюю одежду, оставшись в тонкой рубашке и лёгких брюках.

— Как же хорошо вот просто так свалиться и ничего не делать.

— Отдыхай, роднулька, а я пока сделаю пару звонков. Ты только не прыгай — включу телефон на громкую связь.

Антон сел в кресло перед компьютером и, подумав несколько секунд, набрал номер. Услышав чуть ли не после второго гудка знакомый голос, облегчённо выдохнул.

— Привет, Белый. И что такое случилось, что Вы утром как исчезли, так и не появились у нас до сих пор? Или твоё состояние уже пришло в норму? Если так — мы будем только рады.

В трубке послышалось что-то вроде мычания, а потом раздался совсем другой голос.

— Антон, извини, что не приехали, но тут мы слегка расслабились после необычных утренних событий. Нас сначала отвезли в клинику, где взяли анализы крови, а потом с каждым беседовал твой отец в присутствии ещё пары человек. Все вопросы были вокруг именно что тебя — были ли нами замечены какие-либо странности за последние пару дней? Какие — либо оговорки и твоё неадекватное поведение? Как Вы с нами общались, как нас называли. Вообще, пару десятков вопросов, которые следовали один за другим и так по кругу, лишь с некоторыми изменениями. Это всё длилось до двух дня, а после нас пинком под зад выдворили из здания, где проходила, как сказал твой папан, «дружеская беседа». Ну и мы, выйдя на улицу, что бы прийти в себя, немного посидели в одном кафе, благо Катерина с утра вернулась с детьми на дачу. Ну и... ты уж извини, мы слегка перебрали. Белый, так вообще сказал, что последний раз был в таком состоянии чуть ли не лет сорок назад. Как к нему домой добрались — ни он, ни я не помним. Свалились и уснули. А ты вот сейчас разбудил.

— Говнюки Вы оба. Нет, что бы просто набрать номер и сказать что с Вами всё нормально. Ладно, алкаши, отсыпайтесь. Пока.

Антон, слыша, что Свар пытался что-то ещё сказать, прервал связь.

— Ты представляешь? — он посмотрел на сестру. — Мы волнуемся как там эти двое, а они, оказывается, просто нажрались до невменяемости и завалились спать. Нет, ну не сволочи?

— Тош. Да и хрен с ними. Знать не всё так плохо. Да и Белый, судя по всему, особо не стремился к нам. К тому же я на данный момент с ним отказалась бы работать — сил совсем нет.

— Да, согласен. Это плюс. А теперь второй звонок.

Антон набрал человека, которому уже звонил утром. На вызов не ответили, сбросили.

— Странно. Что ж, подождём. Может Саныч сам позже перезвонит. Кофе или чай хочешь?

Арина ответила отрицательно и, попросив брата её не тревожить, повернувшись лицом к стене, сразу отключилась.

Парень, услышав ровное сопение девушки, вынул из тумбочки плед и накинул его на сестру.

Включив комп, вновь проверил почту и, не увидев ничего нового, стал лазать по сайтам, интересуясь обстановкой в стране и мире...

--

Через час в кабинет, после аккуратного стука, вошла Марина. Антон, указав на одно из кресел около невысокого столика, на пальцах показав две минуты, попросил девушку подождать. Закончив переписку с одним из коллег, отключил связь и пересел из-за стола в кресло рядом с девушкой.

— Марина. Извините, что заставил Вас плакать, а следы этого вижу на Вашем лице, но не нахожу причин, что бы Ваше воображение нарисовало столь трагичные результаты. Я понимаю как Вы ко мне относитесь, о чувствах тоже догадываюсь, но разговор предстоит не об этом, хотя настанет день, когда и до этого дойдёт дело. Что скажу — как к сотруднику ни у меня, ни у моей сестры к Вам нет никаких претензий. Наоборот, мы безумно рады, что Вы наша опора и надёжный товарищ. Это не красное словцо и не лесть, а чистая правда.

Девушка, ожидавшая разборок, хотя и не понимая за что могла провиниться, немного успокоилась. Тем временем Антон продолжал.

— Меня, скорее, интересует Ваша профессия филолога. Вот до конца так и не понял — отчего Вы оставили аспирантуру и решили работать у нас. Честно говоря, не одобряю такие действия, но не имею права осуждать. Я сейчас задам несколько вопросов, после которых, вполне возможно, Ваша жизнь изменится. Только прошу — отвечайте искренне. И так... У Вас есть возможность восстановиться на кафедре?

— Станный вопрос. Если честно, не его ожидала. Коль просите, буду отвечать как есть. Да. Я взяла академический отпуск по семейным обстоятельствам. Хотя для аспирантуры такое нонсенс, мне, тем не менее, пошла навстречу.

— Замечательно. Идём дальше. Ваша специализация — русский язык или другое?

— Нет. Романская группа языков, но, поскольку знаю арабский, меня заинтересовала в последний год работа над двумя бронзовыми пластинами, что были найдены на границе Египта и Иордании четыре года назад. Там, к всеобщему удивлению, не египетское рисуночное письмо, не арабская вязь, а скорее напоминающее скандинавские руны, что, по мнению археологов, настолько далеко от прародины находится ну никак не должно было. Вот и мой руководитель сразу заявил, что это совершенно новый язык. За полгода работы мы не продвинулись вперёд ни на шаг, хотя кое-какие пути на дальнейшее наметились.

— Марин. У Вас даже лицо ожило при воспоминании об этой работе. Вам же это нравилось? Имею в виду то, чем занимались?

— Конечно. Я всегда грезила, с самого раннего детства, что буду много путешествовать и когда-нибудь моё имя будет столь известно, что ко мне коллеги со всего мира будут обращаться с уважением и почтением.

— Вы настолько тщеславны?

— Нет, отнюдь. Я же сказала, что это были лишь детские мечты. А на деле оказалось, что моя повседневная работа — это пребывание в пыльных архивах и просто нудная и монотонная каторжная пахота. С утра и до вечера. Хотя не буду скрывать — хотя и скучная работа, но мне нравится. А к чему Ваши вопросы?

— К чему? — Антон привстал и, подняв со стола папку, протянул её девушке. — Скажите, хотя бы навскидку — что это такое? Точнее, что это — я знаю. Меня интересует, скорее, другое — к какой географической точке планеты можно соотнести эту письменность, эти знаки. И второе — Вас лично заинтересовало бы ЭТИМ заняться.

Девушка открыла папку и... замерла. Бегло пролистнула несколько рисунков, а потом... потом увидела самый настоящий список рун, сделанный шариковой ручкой явно впопыхах, но с подробными пояснениями и, как она догадалась, попыткой русскими буквами озвучить каждую руну. А что ещё более удивило Марину, то эти руны очень уж напоминали те, которые так и не поддались расшифровке на кафедре в Университете... Она несколько раз поднимала взгляд на молодого человека, который сидел напротив и вновь «ныряла» с головой в то, что держала в руках...

— Это удивительно и странно, — девушка захлопнула папку, вернув её Антону. — Я поражена, что эти руны столь детально прорисованы, хоть и довольно небрежно, но смысл и описание каждой вообще за гранью понимания. К тому же озвучка. Откуда у Вас эти записи?

— Давайте так. Сначала Вы ответьте на мой вопрос, а уж потом я, в свою очередь, как смогу, поясню что Вы держали в руках. И так?

— Антон Сергеевич. Вы ставите меня в неловкое положение. Хорошо. — Девушка, судя по всему, решив, коль выпал такой шанс решить всё и сейчас, подняла глаза и в лоб спросила то, о чём боялась даже в мечтах сделать. — Антон. Вы и я... Как понимаю... у меня нет шансов?..

Парень смотрел на собеседницу усталыми глазами, да и вообще желал, чтобы разговор закончился как можно быстрее, хотя понимал, что раз начал, то надо и достойно закончить. Он не ответил сразу, лишь отрицательно пару раз повернул голову. И лишь через время ответил, подбирая каждое слово, что бы не обидеть ту, что сейчас смотрела ему в глаза.

— Марин. Я чувствую Ваше отношение ко мне и, поверьте, ценю его. Но сам ответить на Ваши чувства не могу. Не потому, что Вы мне не нравитесь. Вы очень красивая девушка. Стройная, умная, ответственная. Знаете, я могу перечислять Ваши достоинства долго. Может у Вас и есть недостатки, но я их за время совместной работы так и не увидел... Проблема не в Вас, во мне. Даже не пролема. Совсем другое. Как Вы знаете — мы с сестрой не только одарённые, обладающими необычными навыками, но и менталы. Сам много размышлял — с кем могу создать семью. Не сейчас, потом. Кто будет рядом со мной. И проблема определилась одна — моей женой может быть только ментал, который сможет чувствовать меня на подсознательном уровне, без слов, без длительных объяснений. С кем я смогу общаться на одной волне, не скрывая мыслей и получая точно такой же отклик. И понял одно — наш Дар является и нашим проклятьем, потому что мы, скорее всего, не найдём себе

спутников жизни. Вы, Марина, к моему глубочайшему сожалению, не являетесь одарённой. В ином случае всё могло быть сложилось иначе. Не обижайтесь, но говорю только правду. Вижу, что Вы мучаетесь, поэтому и мне каждый раз больно, когда ощущая вашу тоску и печаль. Не надо так. Уверен, что прекрасных людей на свете много и через время Вы найдёте достойного человека.

— Спасибо за искренние слова. — Девушка опустила глаза и было видно, что она еле сдерживается, чтобы не зарыдать. — Я знаю, что у меня нет никакого Дара. Поэтому... Извините, Антон, но мне очень плохо. Я ведь надеялась и ждала.

— Я понимаю, — слова парня прозвучали глухо, но твёрдо. — Я посчитал, что лучше раньше решить все вопросы, чем затягивать всё до бесконечности. Марина. Если Вы не в состоянии дальше продолжать разговор, давайте его отложим. Я имею в виду эту папку, — и парень показал на документы на столе.

— Нет. Считаю, что лучше не затягивать и согласна с Вами. Как Вы сами видите в дальнейшем наше сотрудничество? Прошу Вас говорить прямо.

— Говорить прямо? Хорошо. Как вижу наше сотрудничество? Первое — мне очень хочется, чтобы вы восстановились в аспирантуре. Это будет хорошим трамплином для Вас как для учёного. Далее. Эти документы, точнее их копию, которую Вы можете сделать, передаю Вам в полное владение. Подождите, Марина. Не перебивайте. Дайте мне договорить. Вы меня спрашивали, откуда эти данные? Отвечу. Так сложилось, за последние пару недель у нас произошло несколько удивительных встреч, которые очень сильно изменили наше мировоззрение. Я и сестра выучили древний язык. Не в полном объёме, скорее разговорный, да и то, не скажу что в совершенстве. Получили и начальные знания о письменности. К сожалению, не было времени, чтобы разложить по полочкам как в своих головах, так и перенести огромный пласт информации на бумагу. То, что Вы видели, лишь наброски, которые я сделал по пути домой. Что я Вам отдаю? На первых двух листах — копия текста с двух табличек, которые мне любезно предоставил один наш знакомый. Оговорюсь — сфотографировать их не удалось, лишь скопировали содержимое. На двух других листах бумаги — это изображение, которое содержится на небольших медальонах. Там вполне могут быть неточности или ошибки. Все символы очень мелкие, поэтому и возможны огрехи. Что попрошу. Содержимым текста этих медальонов займитесь в первую очередь. Это важно лично для нас. Следующие два листа — это руны ещё с двух медальонов, которые, как догадываюсь, не принадлежат жителям нашей Земли. А дальше в папке следуют как графическое содержание рун со смысловым значением, хотя и догадываюсь, что там может быть и иное понимание тех или иных рун. И последняя пачка листов — это приблизительная фонетическая озвучка.

— Антон, — девушка была поражена тем, что лежало в папке перед ней и, пожалуй, акцентировала внимание на одном — её шеф отдаёт все записи просто так, не требуя от неё ничего взамен. Она этому даже не поверила. — Это правда?

— Что правда? Простите, не понял вопроса.

— Вы отдаёте мне эти записи вот просто так?

— А как ещё? — недоумеваю, переспросил Антон, а спустя миг понял, почему у Марины стали такими глаза. — Мне хочется Вам сделать приятное. А может потому, что благодаря этим записям Вы сможете через короткое время осуществить свою детскую мечту? Стать известной? Если получится, и Вы доведёте дело до конца, я буду горд и рад за Вас.

— Вы правда так думаете? — девушка покраснела от смущения, вновь взяв со стола

папку и прижав к груди.

— Да. Только работы предстоит много, хотя обещаю, что помогу Вам как в освоении понимания рун, так и в обучении правильному звучанию. Так что решили? Согласны на моё предложение?

Марина смутилась окончательно. Её глаза стали мокрыми, а губы задрожали.

— Простите, Антон Сергеевич, но раз Вы обозначили в первой части разговора наши отношения, мне лучше и в самом деле заняться наукой. Но мне будет крайне сложно совместить работу у Вас и на кафедре.

— Я это прекрасно понимаю, поэтому жду от Вас достойную замену на своё место. Более того. Поскольку Вы с нами работаете не один год и за всё это время к Вам лично не было ни одного нарекания, я решил предоставить Вам гранд, компенсирующий разницу между нынешней зарплатой и той, которую, вероятно, будете получать, работая на кафедре. Считаю, что это справедливо. Да и с вопросами, что наверняка появятся, прошу, не стесняюсь, обращаться в любое время. И, Марина, есть одно единственно условие — никаких соавторов. Вы должны самостоятельно заниматься темой, без руководителей и помощников. Поверьте, если на этой земле и имеются люди, которые смогут помочь, так это только мы — я и сестра. Тот, кто нас обучил, ныне не существует.

Девушка, ошеломлённая ещё и финансовым предложением, вообще потеряла дар речи. У неё было множество вопросов, но она видела, что Антон очень устал, а их общение под конец стало его утомлять. Поэтому, держа папку у груди, сделав шаг к столу, она поцеловала парня, тихо прошептав. — Спасибо. Я тогда пойду?

— Марин. Просьба — сделайте с документов копии и оставьте их у себя, а эту папку верните. Я положу её в сейф на всякий случай. Будете знать, что здесь лежит оригинал. А чуть позже, когда мы втянемся в рабочий ритм, дополним записи. Но лучше, если при озвучке Вы будете использовать диктофон или ещё что-то. Договорились? Бегите. Вижу, как Ваши руки жгут эт бумаги. После копирования папку занесите и на сегодня свободны.

— Спасибо ещё раз, — Марина улыбнулась и выскочила за дверь. Не успела та закрыться полностью за девушкой, как на диване зашевелилась Арина. Перевернувшись лицом к брату, грустно улыбнулась.

— Зря ты так, Тош. Мариша очень хорошая девушка. К тому же любит тебя без памяти. А ты вот так... жёстко. Зря ты ей обозначил границу — мол, могу иметь дело только с одарённой. Неправильно это, да ты и сам знаешь. Так в чём настоящая причина? В зеленоглазой инопланетянке? Я права?

— Не-а. Ни в первом, ни во втором случае. Если честно, то Маринка мне и самому нравится, но осознаю, что влюблённость пройдёт через год, два, может три. А потом? Потом мне будет с ней скучно, понимаешь? Общих тем не будет. Развиваться с ней ментально, как с тобой, возможности тоже не будет. А если она захочет ребёнка? Что тогда? Пожалуй, меня может понять только такая же одиночка, как и я сам. Ты, например.

Антон еле увернулся от маленькой подушки, что просвистела у его головы.

— Поганец какой. Хочешь сказать, что я останусь старой девой, лишь бы тебе было хорошо? Фиг. Как найду достойного человека, которого смогу полюбить всем сердцем, уйду от тебя сразу же — вот и мучайся от того, что с другими был высокомерен.

— Рин. Причём здесь высокомерность? — Антон опустил голову и поник плечами. — Знаешь, подруга, что тебя сейчас попрошу? Не обижайся на мои слова, но поезжай-ка ты сейчас домой. Родители на тебя нормально реагируют, примут, а я здесь как нибудь. Прости,

что ввязал тебя во все эти передраги. Прости меня за всё, Рин, но я и вправду хочу остаться сегодня один. Может в первый раз за все годы жизни, но говорю совершенно искренне.

— Ты что, с ума сошёл? Думаешь, я тебя оставлю одного? — девушка одним прыжком соскочила с дивана и метнулась к брату. — Ты что удумал? Давай, выкладывай.

— Рин, правда. Я сегодня очень устал. Это даже не то слово, которым можно оценить моё состояние. Не обижайся, роднуля, но дай мне возможность сегодня вечером побыть одному. Только не надо выпытывать что к чему и почему. Прошу. Оставь мне силы просто поразмышлять о том, что будет дальше. Если честно, навалилось со всех сторон, а мне физически не хватает времени. Надо побыть одному и в тишине. И не час и не два... Поезжай, прошу... Ты же не хочешь, что бы мы с тобой поссорились из-за такой ерунды?

Арина отшатнулась от брата, словно тот её удврил. Постояла несколько секунд, а потом направилась к двери.

Антон от удивления даже привстал.

— Рин. А переодеться?

Девушка, взявшись за ручку двери, обернулась.

— Если думаешь, что мне в родительском доме будет хорошо без тебя, это означает одно — ты так и не понял, что я оттуда сбегу через полчаса. Просто от мысли, что ты здесь один. Вернусь, и буду ходить вокруг клиники, пока не настанет утро. Ты этого хочешь? Какой же ты дурак, хоть и любимый брат.

Как Антон через мгновение оказался рядом с сестрой, так и не понял, но, обняв хрупкое тело сестры, стал безостановочно целовать её щёки и уже мокрые от слёз глаза.

— Прости, милая, я не хотел тебя обидеть, лишь...

— Я поняла. — Арина остранила от себя брата и щёлкнула того по носу. — Хочешь остаться один — оставайся. Я пойду в ординаторскую. Там тоже есть диван, да и бельё в наличии, не то, что здесь. Будет тоскливо, приходи.

Девушка рукой притянула к себе голову брата и, чмокнув Антона в нос, вышла.

Парень, которого затопила волна любви и нежности к сестре, постоял, тупо пялясь на закрытую дверь, а потом медленно вернулся к рабочему креслу. Сел и, оперевшись локтями на стол, закрыл руками глаза...

* * *

Когда отец очнулся спустя час, как его привезли в комнату, Мара вскочила с кровати и, погладив того по щеке, не стала спрашивать как себя чувствует. У них за последнее время выработался своеобразный ритуал, что первое слово всегда за отцом.

— Ну что, дочка, как видишь, я жив и, по ощущению, состояние намного лучше, чем было до встречи с врачами. Что они со мной делали? Интересовалась?

— Пап. Всё чуть позже. Я получила рекомендации от Антона что нужно сделать в первую очередь, во вторую, в третью и так далее. Так что успеем поговорить. Я согласилась на их предложение остаться в клинике, что бы завтра они снова с утра тобой занялись. Мне подробно объяснили почему тебя лучше не транспортировать в гостиницу — что бы не нанести вред. Давай для начала я тебя положу на спину и отрегулирую кровать так, что бы было меньше нагрузки на спину. Знаешь, эта кровать вообще нечто! У нас до такой, вроде самой простой конструкции, почему-то никто так и не додумается. Эта кровать состоит из отдельных секций, которые можно регулировать как по высоте, так и каждую по наклону. Мне показали и объяснили как и в какой последовательности надо делать, да я и сама уже попробовала в какую сторону и что надо крутить. Так что сейчас твоя задача — просто

держаться за ограждение и не соскользнуть. Что улыбаешься? Именно так мне и обозначили проблему. Всё, хватит смеяться. Приготовься, а я начну наклонять кровать. Наша задача — перевернуть тебя плавно и без рывков. Готов?

Через несколько минут мужчина уже лежал спиной на кровати, а его дочь, через каждые пару секунд спрашивая, болит или не болит, крутила ручки настройки секций, добиваясь комфортного положения отца. Когда мужчина скомандовал "стоп", девушка уже была мокрой от напряжения. Вытерев полотенцем пот с лица, подтащив к кровати стул, села рядом и заглянула в глаза отцу.

— Ну как сейчас?

— Я словно лежу не в кровати, а в бассейне — ни малейшего напряжения на организм. Да, согласен, надо и у нас в больницах внедрить подобное. Что ж. Первую задачу выполнили. Что дальше?

— Попробуй пошевелить пальцами ног и рук. Не вместе, по отдельности. Что, удивлён? Да, ребята восстановили чувствительность и роботоспособность как твоей руки, так и ног. Правда, Антон категорически запретил тебе сгибать ноги в коленях, а вот ступни нужно хоть и плавно, но поворачивать из стороны в сторону. Пальцы ног тоже нужны разрабатывать, поэтому у тебя есть чем заняться. А пока дай протру тебя мокрым полотенцем, а то...

— Плохо пахну?

— Это нормально. Антон предупредил, что бы я тебя протирала каждые два часа. Если захочешь в туалет, скажи. Всё что необходимо, мне оставили.

— Да-а-а... — протянул мужчина. — Это тебе не гостиница, где нужно было исхитриться просто, что бы сходить в туалет...

— Пап. Это клиника. И она, как я поняла, чуть ли не единственная в своём роде. Здесь относятся к пациентам с уважением и всячески стараются, что бы те не терпели никаких неудобств.

— Дочка, — пожилой мужчина поймал суетившуюся девушку за руку и показал глазами на стул. — Хватит метаться по комнате. Сядь и расскажи подробно о моём состоянии и что будет дальше.

Девушка села и, как послушная ученица, положив руки на колени, рассказала.

— Сегодня тебе восстановили проходимость спинного мозга. Ноги и руки, как мне сказали, полностью в нормальном состоянии, но, как понимаешь, пока позвоночник повреждён, тебе вставать ни в коем случае нельзя. Завтра у тебя вторая встреча с врачами. Будет продолжено воздействие на организм, что бы полностью восстановить позвоночник. Третий подход через неделю. Что, на мой взгляд, самое главное, Антон пообещал, что через пару недель ты сможешь пойти сам, самостоятельно. Конечно, без приседаний и бега, без нагибаний и привычной зарядки по утрам, но я считаю, что и это за гранью реального. Антон с сестрой, они...

Мужчина улыбнулся и дочь впервые за долгое время увидела на его лице не гримасу боли, а ту добрую улыбку, которую с самого раннего возраста всегда видела у папы на лице.

— Девочка моя. Ты через два слова на третье — Антон то, Антон сё... Рад, что ты столь внимательно слушала пожелания лечащего врача. Если не приувеличиваешь, то вести хорошие. Что ж, тогда через месяц-полтора, как надеюсь, мы сможем вернуться домой. Тот блок, что сгорел, я смогу восстановить. Только б руки работали как надо... А что врачи вполне достойно выполнили свои обязанности, я и сам ощущаю. Пальцы рук и ног ощущаю как и до падения с высоты. Правая рука уже сгибается в локте. Это, конечно, удивительно

даже для уровня нашей медицины, а что говорить про здешнюю, так и вообще за гранью. Хорошо. Со мной и моим здоровьем более-менее понятно. Теперь ответь на пару вопросов. Ты с Антоном о чём-нибудь говорила? Я имею в виду другие темы?

— Нет, папа. Знаешь, как мне показалось, он и сам не хочет об этом говорить, словно показывая, что как врач отработает оплаченное время и всё. А как мы потом... Куда и когда... если честно, даже обидно.

— Он мне до операции это сказал прямо, без всяких недомолвок — мол, наши проблемы его не волнуют. Хотя, если честно, мне такой подход нравится. И в самом деле — кто мы ему? Да никто. Одни из многих пациентов. Говорил со мной без лести, без заинтересованности, словно я бревно какое. Ну и ладно.

— Пап! — изумилась девушка. — Так ты что, так и не захочешь с ним поговорить? Почему ты передумал? Я наш, другой? Который стал местным?

— Это два вопроса, а не один. На первый я ответил и не хочу менять мнение. Что касается второго, то, как мне кажется, встреча состоится в самое ближайшее время. Кстати. Ты сейчас можешь соединиться с разумом Антона? Или его сестры?

Мара поникла плечами, опустив голову.

— Антон восстановил мою чувствительность, точнее, снял все ограничения, но сам мне неподвластен, как и его сестра. Вместо них у меня в мозгу два тёмных провала. Слово они есть, а в то же время и нет. Пока ты был в беспомощности, я пыталась понять что они и кто они, но ничего не получилось. Такое впечатление, что они выставили непроницаемый барьер именно от меня. Жаль, что ты обладаешь иными способностями. Поэтому остаётся одно — или выйти на прямой контакт или... вообще, до расставания не приближаться к ним.

— Второе, думаю, более разумно. Жаль, конечно, что ты не смогла проникнуть к ним, но, с другой стороны, твои действия во многих мирах подсудны и караются самыми строгими наказаниями, вплоть до смерти. Поэтому, с данного момента, обещаю тебе, что не станешь и дальше пытаться добиться своего.

— Папа, ну как ты не понимаешь? Это настолько уникальные личности даже для нашего мира, а ты...

— Дочь. ОБЕЩАЙ!!!

— Хорошо, папа, обещаю. Но давай и ты дашь мне слово, что спустя день или два сам не заставишь меня нарушить обещание. Даёшь СЛОВО?

— Даю, дочь. А теперь скажи — здесь имеется что-либо съестное? А то, если честно, складывается впечатление, что я с неделю вообще ничего не ел.

— Есть, конечно. Я заказала из кафе обед, даже двойной. Сама уже поела — вкусно, не хуже, чем в ресторане при гостинице. Так что, я тебя покормлю?

— Давай, милая, только при условии — съем, сколько смогу, работая своей рукой, а когда устану, скажу...

* * *

Сколько сидел Антон в забытьи, он не знал, но его привела в чувство трель звонка. Не глядя, кто звонит, нажал соединение.

— Ты звонил, Антон? — раздался в трубке голос уставшего человека. — Извини, сразу ответить не мог — совещание. К тому ж, сам того не зная, вновь поставил Управление с ног на голову. Вот что с тобой делать — ума не приложу. Как сам по себе живёшь — вроде нормальный парень, такой, как и все. Но стоит с тобой кому-нибудь встретиться или переговорить по телефону — всё, жди атомную войну.

— Сан Саныч, Вы обо мне говорите так, словно я вестник Армагеддона. Совсем не так Я лишь хочу жить нормальной жизнью, именно как все, не привлекая на свою пятую точку приключений. Я же не вноват, что стоит мне вылезти из норы, как ко мне эти самые неприятности сами прилипают.

— Ну, хорошо, я и сам понимаю, что тебе нервогрёпка не нужна. Что звонил?

— Так хотел поинтересоваться — кто ко мне такой умный от Вашего имени прибыл. Я не имею в виду Терентьева. Того знаю чуть ли не с детства. А этот компьютерщик кто такой?

— Вот и говорю, что ты своим существованием будоражишь нашу службу. Кто он такой? Да, как оказывается, не совсем и рядовой исполнитель. Полковник, как вернулся в Управление, сразу рапорт написал на его действия и напрямик ко мне. Я от таких вывертов чуть не сорвался — хотел было сам наказать, своей властью, но мелькнула мыслишка копнуть чуть поглубже, вот буча и поднялась. Сам понимаешь, что информация не твоего уровня, поэтому скажу лишь одно — неспроста этот капитан хотел поглубже залезть к тебе в компьютер. С ним сейчас работают, а я от лица Управления могу лишь принести тебе официальные извинения за случившееся, что и делаю. Прости, Антон, но не предполагал, что у нас крысы до сих пор водятся. Опять же, спасибо тебе за звонок. Обещаю, что такого не повторится.

— Я понял, Сан Саныч. Проехали. Как говорили раньше — рад стараться. Так вроде? Не буду Вас отвлекать. Спасибо, что перезвонили. Скажите одно — моя информация по письмам помогла?

— Ещё как. Здесь поднялся такой шум, что Москва сейчас собирает совещание по новым данным. Думаю, что подключат смежников и вскоре всё закончится благополучно. Извини, но времени больше нет. Очередное совещание. У тебя ко мне вопросы есть?

— Нет. Спасибо Вам за оперативность, да и за человечность. Если будет время и желание — приглашаю Вас к себе. Поверьте, не пожалеете. Договорились?

— Спасибо, Антон Сергеевич. Как только так сразу. Счастливо.

В трубке раздались гудки и телефон лёг на стол.

— *«Так. С этим прояснилось. Генерал так мне и не сказал, за что взяли того умника. Хотя мне и пофиг. Раз прижали — значит, есть за что. А не фиг было так тупо работать. Взяли манеру — раз ФСБ, то никаких рамок приличия для них не существует. Да ну их... Что данный момент более забаво, то Мара пару раз пыталась пробиться через блокировку, но ей это не удалось. Вот неймётся. Интересно, это она сама, по собственной инициативе, или с подачи отца? Может сходить к ним проведать? Нет. Не стоит. Завтра опять работать и видеть его физиономию... Ну надо же... Клинки, по его мнению, нам не могут принадлежать... Сноб хренов. А может сделать ему закладку? Хотя... смысл? Тот, как только оклемается, сразу наострит лыжи домой. И что мне до них, кроме детского любопытства? Посмотреть как живёт другой народ? Зачем? Для чего? Пусть живут, как жили... Будь у нас одно правительство на Земле — может быть и постранствовал, да контакт наладил. А коль мы раздроблены и каждый гребёт под себя, это на пользу Родине не пойдёт, скорее во вред... Надо завтра окончательно переговорить со Сваром, да и, как обещал Белому, помочь ему с головой. Хотя сам не полезу — вызвался Древний сам это сделать, пусть и делает. Помочь помогу, но чужую работу делать не собираюсь. Что ещё? ... А, вспомнил... завтра вторым у меня идёт Гриндеев. Опять будет жаловаться на неспособность удовлетворить женщину. Блин. Мужуку уже за семьдесят, а ведёт себя*

словно восемнадцатилетний. Как он там сказал? У него жена и две молодых любовницы? А что? Денег полно, а на кого их тратить, коль детей так и не получилось завести... Завести? Тьфу. Звучит, словно собак или кошек. Да ну его... Надо попробовать вновь пропеть зов призыва другого мира. А вдруг... Хотя не верю, что получится, но если не получится и сейчас, стоит забыть об этом варианте навсегда... И что отец не даёт о себе знать? Что там показали анализы? Залезть к нему в голову? Я, правда, на расстоянии никогда так не делал, да и не искал в городе людей подобным способом.... Нет, не буду. Что ни случись, а после того, как он повёл по отношению ко мне... Нет, не буду. Маму только жаль, но сегодня она сама вышла за рамки дозволенного. Между прочим, впервые за всю жизнь, расставаясь, не задала вопрос когда мы вернёмся домой. Обидно. Мы ведь ни в чём не провинились ни перед отцом, ни перед мамой... Мысли скачут словно блохи. Ни на чём не сосредоточиться. Поест надо, да пораньше лечь спать. Как там сестрёнка? Обиделась на меня, это почувствовал. Но что делать, коль мне сейчас и в самом деле лучше одному. Всё, хватит гонять по кругу одно и то же. Сейчас пропеть призыв, ужин и спать. А вот сделаю сюрприз Ринке. Закажу на обоих, да и поедим вместе»...

Антон выключил компьютер и встал с кресла. Сев у дивана на пол, прислонился к нему спиной, закрыл глаза и только попытался сосредоточиться и приступить к медитации, как в дверь постучали.

— Да, войдите.

В комнату проскользнула Марина. Положив на стол папку с документами, попрощалась до завтра и вышла.

Парень снова попытался отключиться от действительности, как в дверь снова постучали.

— Войдите, — уже не так доброжелательно, как в первый раз, крикнул Антон.

Дверь приоткрылась и в комнату заглянула Мара.

— Простите, что тревожу после работы, но не могли бы Вы уделить мне время?

— Извините, но давайте не сегодня. Я очень устал. Что-нибудь с отцом?

— Нет. С папой всё в порядке. Он спит впервые за долгое время спокойно. Вот у меня и выдалось свободное время.

— Мне жаль, Мара, но повторяюсь — не сегодня. Я хотел просто прийти в себя, помедитировать. Это расслабляет и придаёт силы.

— Извините, Антон, — девушка явно расстроилась, что все её планы пошли насмарку. — Как скажете. Ещё раз извините. — Она отстранилась и дверь захлопнулась.

Антон хмыкнул, почувствовав в эмоциях девушки неуёмный интерес и, что его более удивило, беспокойство за... него. Как почувствовал, она просто хотела с ним побыть наедине, разговаривая ни о чём.

Парень, отогнав посторонние мысли, вновь закрыл глаза. И через несколько секунд в дверь постучали в третий раз.

— Блин. Мне вообще-то дадут хоть немного побыть одному? Нет? Кого там принесло в очередной раз? Входите, — крикнул он громко, но дверь так и не открылась, и ему пришлось подниматься и идти к двери. Распахнув дверь, увидел за ней сестру. Та стояла молча, с покрасневшими от слёз глазами.

— Рин, — Антон, взяв под руку сестру, завёл её в кабинет. — С каких пор ты стала стучаться в свой собственный кабинет?

— Это не мой кабинет, а твой. Я вообще здесь словно твоя тень. — Арина говорила еле

тихо, стараясь не разрыдаться. — И не спорь. Знаю, что я права. Все процедуры ты проводишь самостоятельно. Более сложные вмешательства — тоже, используя меня словно батарейку. К другим делам не подпускаешь, словно боясь, что я могу тебе навредить. Скажи — а зачем я вообще тебе нужна? Ты ведь, по факту, сам по себе, а я лишь отвлекаю твоё внимание и приношу одни расстройства. Антон. Мне кажется, что пришла пора поговорить серьёзно. В другом случае мне придётся учиться жить самостоятельно, без твоей опеки. Не бойся, я сильная и со всеми проблема справлюсь. Ты только не запрещай мне хоть изредка видиться с тобой! Если нет, то я просто не смогу жить. Это не пустые слова, сам знаешь.

Парень стоял, открыв рот, горло перехватил спазм, а воздуха в лёгких не хватало. У него помутнело в глазах и чудом взял себя в руки, чтобы не упасть.

— Рин. Ты что такое говоришь? Куда ты уйдёшь? К кому? Зачем? Не понимаю — я тебя обидел? ЧЕМ??? Что попросил побыть одному? Всё из-за этого? Милая моя, любимушка. Ты хоть сама понимаешь, что ты сейчас мне наговорила? Какой же ты глупыш...

Парень подхватил руками сестру и прижал её к себе. А потом, словно у него на руках лежал ребёнок, стал ходить по кабинету, покачивая сестру.

— И мне жизни без тебя не будет. Я, когда размышляю о будущем, сердце сжимается в ужасе от сознания, что настанет тот день, когда ты уйдёшь от меня к другому мужчине. Это не эгоизм, а страх за ТЕБЯ, понимаешь? Чисто животный страх за тебя и твоё состояние. Не знаю, что будет потом, но ты мне нужна. Я такой, потому что ты рядом. И благодаря твоему постоянному присутствию и добился всего, что мы с тобой имеем. Хотя не так, совсем не так... МЫ добились всего, вместе, потому что я всегда знал, что моя спина надёжно прикрыта самым верным человеком.

— Антон, не оправдывайся. Ты и так смог бы достичь всего.

— Нет, Ринушка. Ты не права. Милая, ты упрекаешь меня, что всю работу взял на себя? Ты хочешь сама проводить диагностику? Да я что, против? Дурилка моя... Я только за. Уверен в твоих силах и способностях на все сто, нет, на все двести процентов. Если бы ты только знала, как это нам обоим поможет. Да, по отдельности сил будем тратить больше, но и развивать свой резерв будем тоже быстрее. Хочешь, с завтрашнего дня сама начнёшь? Если боишься начинать так резко — могу поприсутствовать для твоего успокоения, но вмешиваться не буду, обещаю. Только в тяжёлых случаях нам придётся работать парой. Поверь, я буду бесконечно счастлив, если мы разделим работу поровну, и вскоре люди будут записываться именно к Арине Сергеевне на приём. А что, звучит-то как здорово!

— Ты меня не обманываешь? Говоришь честно? — девушка подняла свои огромные глаза и посмотрела на брата. — Если это только для успокоения, то...

Антон засмеялся, ещё сильнее прижав к груди сестру.

— Малыш ты мой. Я люблю тебя безумно. Такую нежную, красивую и добрую девочку. Я не обманываю тебя. Клянусь. С завтрашнего дня будем работать самостоятельно. Точнее, весь завтрашний день, кроме инопланетянина, будешь работать сама, а я скромно посижу в сторонке. Нужно будет совет — прекрасно знаешь, что мне можно их задавать всегда и по любому поводу. Ну так что, согласна?

— Ты и, правда, мне доверяешь? Я согласна. Только мне немного... страшно. Но ты же меня не бросишь?

— Я тебя не брошу, котёнок, потому что ты...

— ... Хороший, — в унисон закончили двойняшки и тихо рассмеялись. Девушка попросила поставить её на ноги, видя, что брат и так уставший, а тут носится по кабинету с

ней на руках.

— Хорошо, Тош. Только мы договорились? Ты правду будешь рядом? Хотя бы первый день.

— Буду с тобой рядом всегда. А так, что касаясь работы — сколько надо, столько и буду. Не бойся ничего — ты всё прекрасно знаешь, всё умеешь. Порой замечая, что у тебя и знаний побольше, чем у меня, просто не хочешь меня тыкать носом.

— Не так и больше... — смутилась Арина.

— Во-о-от... — улыбнулся брат. — Ну что, успокоилась? Если да, пойдём в кафе. Заодно и прогуляемся перед сном, а то весь день здесь. Идём?

— Идём, — проговорила повеселевшая девушка, вытирая глаза. Накинув куртку, сделав пару шагов к двери, остановившись. — Я видела Мару, что шла от тебя. У неё глаза были на мокром месте. Ты её обидел? Что случилось?

— Да ничего, честное слово. Она захотела поговорить, а я попросил перенести это на другой день. Просто почувствовал, что в её эмоциях ничего не было по делу — лишь простое женское любопытство, а на это тратить собственное свободное время было просто жалко. Если настолько у неё «горит» — придёт завтра. Кстати, когда она просунула в дверь голову, первое, что я заметил — она тщательно осмотрела кабинет в поисках тебя. Так что это, пожалуй, и сыграло решающую роль в моём отказе. Что у неё было на уме, не знаю, а залезать без разрешения в чужую голову как она делает, у меня не было ни сил, ни желания. Рин. Я удовлетворил твоё любопытство?

— Да, — усмехнулась девушка. — Хотя... я бы была не против негласно поприсутствовать при твоём разговоре. Что ты так смотришь на меня? Да, я женщина и мне ничего не чуждо. Особенно, если такая красотка, как это инопланетное чудище, будет соблазнять моего братика...

— И ты, конечно же, хотела бы присутствовать при самом адюльтере, спрятавшись или в шкафу или в туалете?

— Тошка. Ну какой же ты пошляк. Всё, забудь что я сказала. Идём ужинать, а потом посмотрим клиентуру на завтра. Раз предлагаешь мне самостоятельно работать, вот и разделим кого к кому и когда. При первом пациенте я попрошу тебя быть обязательно, а дальше попробую сама. Если что — буду просить совета, но не помощи. Так и знай!!!

Глава 19.

Санкт-Петербург. Частная клиника.

Утро следующего дня.

Утром, открыв глаза, Антон первым делом посмотрел на сестру — та спала так сладко и безмятежно, что парень оттягивал момент её пробудки до последнего, и лишь за сорок минут до начала рабочего дня аккуратно прикоснулся губами ко лбу девушки и в ту же секунду его шею обвили две тёплых руки.

— Как мне повезло в жизни, братик, что ты такой заботливый и нежный. Я уже не сплю минут десять, нежусь. Понимаю, что надо вставать, но нет ни малейшего желания двигать даже пальцем.

Антон с хитринкой посмотрел на сестру, которая, не размыкая объятий, не давала ему подняться с дивана.

— Так, малыш. А мне кто-то вчера нашёл, что хочет с сегодняшнего дня работать самостоятельно. Это, наверное, приснилось. Ты лежи, отдыхай, а я начну без тебя.

Не успел парень закончить фразу, как по кабинету заметался стремительный вихрь, в котором не без труда можно было опознать сестру. И через пять минут, расрасневшаяся, но уже умытая, расчёсанная и полностью одетая девушка стояла перед братом.

— Только сначала завтракать, — Арина посмотрела на настенные часы. — Времени у нас хоть отбавляй. Давай одевайся сам и вперёд. Не хочу такой важный день для меня начинать на голодный желудок. Ты идёшь? Нет? Если да, догоняй. Кто первый сядет за столик, тот и заказывает на двоих. — И за девушкой закрылась дверь.

— Ах ты, поганка! — парень на ходу пытался натянуть одновременно куртку и обувь, понимая, что уже никак не успевает за сестрой.

На первом этаже Арина остановилась как вкопанная, протирая от удивления глаза, а через пару секунд в неё, чуть не сметая с пути, ткнулся брат. Посмотрев с удивлением на замершую сестру, перевёл взгляд туда же, куда смотрела и она и... тоже остолбенел.

За стойкой ресепшн стояли ДВЕ Марины, абсолютные копии. Даже одеты были одинаково, не говоря об укладке волос, косметике и других второстепенных деталях.

Двойняшки быстро переглянулись и вновь застыли, видя перед собой фантастическое зрелище, так как две девушки, синхронно улыбнувшись, в унисон, прозвучавшим единым голосом, поприветствовали руководство.

— Доброе утро, Арина Сергеевна. Доброе утро, Антон Сергеевич.

Антон, почувствовал, как его больно за попу ущипнула сестра, захлопнул открытый рот и обратился к Арине.

— То, что у меня в глазах двоится, вряд ли. Одежда и всё остальное — не факт. Скорее всего, нас просто разыгрывают, хоть первое апреля уже давно прошло. Да и, как понимаю, здравицу репетировали долго — экспромтом такое точно не сделать.

— Мы не репетировали, Антон Сергеевич, — также единый голос донёсся из-за стойки. — Честно!!!

— Подождите, — парень в недоумении затряс головой. — Такого быть не может. Или у меня в самом деле двоится перед глазами? Арин, ты видишь то же самое, что и я?

— Ты мужчина и тебе эти две красавицы кажутся одинаковыми. А я вот вижу различия.

И, скорее всего, та, что справа от меня — именно Марина. А кто слева?

Девушки за стойкой переглянулись и рассмеялись.

— Арина Сергеевна, — на этот раз говорила одна. Та, что стояла именно справа. — Вы ошиблись. Марина стоит слева от Вас.

— Хм... — Арина вновь скептически посмотрела на девушек. — Не знаю как мой брат, а я стала кое о чём догадываться. Кто из Вас начинает слегка картавить, когда волнуется? Только честно.

— Я, — смущённо опустила голову именна та, которая оставалась неизвестной. — Вы это заметили?

— Заметила. И как же Вас зовут, тайная подмена первой Марины?

— Полина. Простите за бестактный вопрос. А как Вы поняли, что мы...

— Разные? И порой вместо одной здесь работала её сестра? Просто. Точнее, до сегодняшнего дня я до конца не понимала, что Вас именно двое, но иногда обращала внимание на Ваши серёжки. Та, что изредка картавит, любит гранаты, а вот вторая — изумруды. Хотя колечко на руках у Вас никогда не видела. Так... Понимаю, что передавать дела и опыт от одной к другой не нужно будет? Я права?

— Подожди, Рин. Как я понимаю, передо мной две сестры и, судя по всему, близнецы?

— Ну, наконец-то дошло до воспалённого мозга, — Арина шутливо стукнула брата по спине. — Я вот не удивилась, хотя нет, неправду сказала. Удивилась, да ещё и как, когда увидела Вас обеих. Замечала иногда странное в поведении, но так, мельком, не придавая особого значения, относя все несурезицы, скорее, на Ваше состояние и настроение...

Антон медленно повернул голову и посмотрел в упор на сестру.

— Ты хочешь сказать, что с нами работали долгое время не одна, а обе? По очереди? Я прав?

— Прав, дурилка, прав. И это, как понимаю, чуть ли не весь последний год?

— Чуть дольше, Арина Сергеевна, — вступила в разговор истинная Марина. — Почти полтора года. Нас и родители с трудом различают, а для всех, кто нас мало знает, мы вообще на одно лицо. Правда есть различия, но они... — Девушка смутилась. — Не видны.

— И хорошо. — Арина улыбнулась, глядя на двух очаровашек, которые краснели перед ней. — Коль вторую из Вас дополнительно обучать не надо, разрешаю и в дальнейшем всех дурить. Только одно но. С сегодняшнего дня попрошу Вас носить бейджики на одежде. Для остальных можете сохранять своё инкогнито, но при разговоре с нами, будьте добры обозначаться истинным именем. Договорились? И ещё. Полина. Как понимаю, сегодня Вы работаете?

— Да, Арина Сергеевна, теперь вместо сестры работаю я.

— Тогда сегодня вечером или завтра зайдите к нам для разговора. Извините, но в таком маленьком коллективе, как наш, нужно знать кто есть кто. Мы не задержим надолго. А сейчас, извините, позавтракаем и вернёмся в клинику. Первым по плану мужчина с трамвой позвоночника. Он во второй комнате ожидания. Виктория и Александр на месте?

— Александр на месте, Виктории пока нет.

— Передайте им, как будут готовы, что бы привезли пациента в первую смотровую. С кровати снимать не надо. Будем работать так. И пусть аппарат УЗИ прикатят. Любава Анатольевна сегодня будет?

— Нет, сегодня выходная. Вместо неё Алексей Николаевич. Он уже на месте.

— Хорошо. Тогда передайте ему, пожалуйста, что первичную диагностику проводит

именно он.

— Всё понятно, будет сделано.

— Это, кстати, тоже отличительная фраза, — Арина обернулась к брату. — Одна из них всегда отвечает «Будет сделано», а вторая — «Я поняла» или «Как скажете». Вроде мелочь, но именно на такое порой и обращаешь внимание, когда с утра до вечера общаешься с человеком и ждешь от него вполне ожидаемый ответ. Ты чего вновь замер?

— Я просто не ожидал увидеть в одном месте двух столь красивых девушек, от которых трудно отвести взгляд. — Антон, улыбнувшись краешком губ, посмотрел на ту, которая, по его мнению, была Мариной. — Вы, как понимаю, не смогли до конца меня добить качеством, так теперь пытаетесь взять количеством?

Арина, ткнув брата в бок кулаком, тихо зашипела.

— Ты что такое говоришь? Думай прежде.

— А что думать-то? Я, кроме своей сестры, в жизни, до появления Марины, и не думал, что есть на белом свете ещё потрясающе красивые девушки. Потом их стало две. А теперь три? Боги, — парень воздел глаза к потолку. — Дайте мне выдержку и терпение и обуздайте мою гордыню и разум. И не введите во искушение и извуйте меня от соблазна...

— Шут гороховый, — рассмеялась Арина. — Пошли завтракать, о твои глаза останутся где-то поблизости от этих красоток, а что мне делать с незрячим братом? — Она кинула взгляд на двух покрасневших близнецов, подмигнув им. — Девочки, не волнуйтесь за свою честь. Этот болтун только на словах смел, а по жизни так, тих и смиренен словно агнец божий. Слышь, агнец, пошли завтракать. Время идёт, а ты замер как суслик на бархане.

Когда двойняшки вышли из клиники на улицу, Арина недовольно посмотрела на брата.

— Ну и на кой устраивать эту клоунаду?

— Рин, — Антон мгновенно стал самим собой. — Я хотел проверить их обоих на стрессоустойчивость. По отдельности симулировали бы спокойствие, а вот вместе... Интересно, а кто из них на самом деле филолог? Я имею в виду по имени?

— Выбрось из головы. Сегодня или завтра узнаешь.

— А вдруг они снова поменяются? Ты такое можешь исключить? Я вот нет. Хоть тату какую-нибудь заставить их набить. Хотя о чём я? Они лишь наёмные работники, а не собственность клиники. Но как же хороши, чертовки!!! А теперь всё из головы стираем, так как это второстепенно. Одно тебе скажу, роднуля. Ты у меня самая красивая девушка из всех, кого я когда-либо видел в жизни. Чего дерёшься?

Арина, в очередной раз игриво стукнув брата по спине, улыбнулась и, обняв его руками за шею, прижалась всем телом.

— Спасибо, братик, за добрые слова. Мне приятно, честно. И я чувствую, что ты именно правду говоришь, не льстишь мне. Спасибо, родной...

--

Через полчаса, чуть задержавшись, они стояли в смотровой рядом с кроватью, на которой лежал пациент.

— Доброе утро. Как самочувствие? Были вечером или ночью спазмы в ногах? Тянуло спину?

— Здравствуйте. Никаких неприятных ощущений не было. Я, если честно, как уснул вчера около шести вечера, так и проспал до утра. Уж не помню когда так долго спал, причём без всяких болей.

— Это хорошо. Сегодня начнём с того, что посмотрим Вас под ультразвуком, а уж

позже прикинем что делаем дальше. Алексей Николаевич, готовы?

Мужчина лет пятидесяти, хирург-онколог высшей категории, который три года назад привёл на осмотр в клинику к двойняшка своего сына, через пару недель, видя результат, сам попросился к ним на работу (в неизвестную широкому кругу клинику, даже в ранге рядового врача).

— Я готов. Сначала УЗИ, потом рентген?

— Алексей Николаевич, только УЗИ. Рентген пациенту делали несколько дней назад. Не стоит повторно подвергать ослабевший организм хоть и слабому, но облучению.

Через десять минут врач откинулся на спинку кресла на колёсиках и, прокатившись по кабинету смотровой, выключил аппаратуру.

— Я за три года уже привык ко всему необычному, поэтому выскажусь по существу. Формация позвонка произошла. Хрящевая ткань межпозвонковых дисков сформирована без патологий. Сегодня Вы проведёте очередную стимуляцию? — Увидев кивок Антона, продолжил. — В таком случае уверен, что через пару недель позвоночник будет полностью восстановлен. Конечно, это будет лишь основа, после которой желательно провести длительную реабилитацию, но пациент сможет хотя бы вставать ненадолго. Было бы здорово делать снимки бы через день, но, как понимаю, Вы это не позволите?

Антон улыбнулся, кивнув на пациента, который с нескрываемым вниманием слушал разговор врачей.

— Я не могу ни разрешить, ни запретить... Договаривайтесь между собой, но только в нерабочее время или тогда, когда одна из смотровых свободна. Наш покалеченный пациент на время размещён в комнате ожидания, так что можете сами во второй половине дня с ним переговорить.

— Вы разрешаете? — с надеждой переспросил врач.

— Скажем так, не против, — хмыкнул Антон. — Ну а теперь, коль Вы подтвердили результат вчерашнего подхода, мы и сами приступим. Алексей Николаевич. У Вас сегодня сколько по записи?

— На предварительный осмотр записано восемь человек и трое желающих на повторный сеанс.

— Справитесь? Или кого в помощь направить?

— Нет, Антон Сергеевич, — улыбнулся мужчина. — Я рад, что не сижу без работы. Заодно материал и статистику подбираю.

— Как? Вы не закончили? — удивилась Арина. — Сами же сказали, что материала для международной конференции у Вас более чем достаточно?

— Материала никогда не бывает много, ведь каждый человек особенный. Хотя с Вами не соскучишься. Вроде всё свёл, доклад написал, перевёл на английский, а с месяц назад осознал, что всё, что делал до этого, годится лишь для вступительного слова...

— Уважаемый Алексей Николаевич. Так у Вас, насколько помню, всего месяц остался до выступления в США. Успеете?

— Я-то успею, но вот с английским... У меня каждый раз проблемы с переводчиком, который должен знать медицинскую терминологию, а таких, увы, немного.

— Так обратитесь к Марине. Девушка свободно владеет английским. Не знаю по поводу терминологии, но, надеюсь, она Вам поможет. Может мне её попросить?

— Марина... Английский? — удивился мужчина. — Она?

Арина рассмеялась, не ожидая такой непосредственной реакции.

— Марина филолог по образованию. Без пяти минут кандидат наук. Вы что, не знали?

— Нет. — Алексей Николаевич был в шоке. — Филолог и за стойкой???

— Так у нас все уникамы. Разве Вы рядовой человек? — Антон был серьёзен, но улыбка так и проскальзывала на его губах. — Не Вам ли предлагали статусную должность, после которой могли возвести в сан академика? Простите за столь высокопарный слог. Но Вы же отказались, выбрав должность, скажем так, чуть ли не рядового врача. А Саша, наш санитар? Инженер от бога. Компьютерщик уникальный, который чуть ли не коленке может отремонтировать самую сложную технику. Вика, его напарница — разве рядовая санитарка? Знаете кто она по образованию? Вот то-то же. Так что у нас что ни человек, то уникам сам по себе. А я с сестрой ценим каждого, которых случаем или специально занесло к нам в клинику. Мы искренне ценим Вас и стараемся помочь чем только можем, и не только на основной работе, но и в том, что каждый из Вас делает помимо этого. Саша вот придумал комплекс аппаратуры, который вмещает в себе возможности чуть ли не пяти отдельных громоздких аппаратов. А знаете что самое интересное? Он подал заявку и его изобретение получило патент. А сейчас по его чертежам вышла пилотная партия, которая проходит обкатку в госпиталях Минобороны. И получаем оттуда только восторженные отзывы. А Вы... Всё, прекращаем, а то пациент зевать стал, слушая нашу болтовню.

Алексей Николаевич вышел, и в смотровой остались двойняшки и пациент.

— Ну что, продолжим начатое? — Арина наклонилась над кроватью, глядя в глаза мужчине. — Надеюсь, Вы не стали вчера ругать дочь за то, что последовала нашим советам оставить Вас здесь?

— Нет, — тихо ответил мужчина. — Наоборот, похвалил. Как она мне сказала, то через неделю будет третий сеанс, заключительный? Нам, наверное, лучше до него у Вас оставаться?

— Я своё слово сказала вчера. Повторю для Вас — да, лучше, если и эту неделю полежите у нас. Как поступите — решение за Вами. Я или брат напишем рекомендации по дальнейшему восстановлению. Вы, как взрослый человек, должны понимать, что за две недели Ваш позвоночник не станет точно таким, как прежде. Это лишь основа, эскиз для будущей картины. Он будет скорее соответствовать возрасту годовалого ребёнка. Вроде всё и сформировалось, но хрупкое настолько, что может поломаться в любой момент при неоправданной нагрузке. Сидеть долго, кстати, Вам тоже не рекомендую. По крайней мере, в течение дня стоять, ходить и сидеть можно будет не более двух часов. И то не подряд. Но это всё позже. А сейчас мы повернём Вас на бок и приступим к работе.

— Простите, Арина. А не могли бы Вы как-то отметить те регулировки, которые вчера установила моя дочь. Это именно то положение, при котором мне комфортно.

Девушка с удивлением посмотрела на мужчину и, подняв край матраса, вновь опустила.

— ???

— А... Вы же, наверное, не видели, — кивнула Арина. — Над каждой ручкой регулировки имеется шкала наклона от минус десяти до плюс десяти и вторая шкала, регулировки высоты, от нуля до пяти в обе стороны. Смотрите.

Девушка задрала повыше матрас и, взяв с тумбочки зеркало, показала мужчине как двойные ручки регулировки, так и шкалы показателей.

— А мы вчера этого не заметили, — смущённо пробормотал мужчина.

— Не расстраивайтесь. Сейчас перепишу показатели положений и потом Ваша дочь сможет в течение пары минут всё восстановить.

Пока сестра вела запись в блокнот, Антон закрыл дверь на ключ и включил блокировку второй, наружной, уже опущенной двери.

— Арин. Закончила? Поворачиваем пациента и приступаем. Мы выбились из графика более чем на десять минут....

— ... Генератор. Сигнал Марине... Блин, Полине....

В коридоре коротко рывкнула сирена и наступила тишина.

— Работаем. Сегодня меняемся местами — ты верх, я — низ. Связь постоянная. Начали...

Через четыре часа.

Утром, когда отца увезли из комнаты, Мара, оставшись одна, впала в депрессивное состояние, то вскакивая с постели и начиная ходить из угла в угол, то вновь садясь и закрывая глаза, погружаясь в состояние, в котором явь мешается с бредом...

И вот, наконец, дверь открылась и в комнату вкатили кровать с отцом. Тот был ещё без сознания, но на его лице была непонятная улыбка, словно мужчина видел во сне что-то хорошее....

Когда отец открыл глаза и увидел место, где находится, понимая, что он уже «дома», перед взором возникло лицо дочери, в глазах которой стоял единственный вопрос «Ну, ты как?»...

— Со мной всё нормально, но вместо спины кусок льда. Но чувствую, как он потихоньку тает, а тело становится более живым. Мара, я ещё полежу как есть, а потом ты перевернёшь меня на спину... Дочь, а ты, оказывается, невнимательна. Рядом с моей головой лежит лист бумаги — там перечень регулировок кровати. Ты же вчера не заметила, что выше ручек, которые крутила, находятся шкалы. Вот по записям и установи прежнее положение. Один из врачей любезно записал положения, так что вернуть, как было, тебе не составит труда. Не туда смотришь. Подними край матраса. Увидела? То-то же...

Вскоре мужчина лежал на спине, а его тело приняло комфортное положение. Дочь, закончив с регулировкой кровати, с тревогой смотрела на отца.

— Что так смотришь? Откуда тревога в глазах?

Мара встала со стула и, поднеся руку к голове отца, через несколько секунд её резко убрала.

— Пап. У тебя слетела блокировка. Не понимаю как это возможно, но это так.

— Ты хочешь сказать, что врачи в Академии, кто ставил блокировки против насильственного проникновения в мозг участникам экспедиции, не справились со своей работой?

— Вряд ли, пап. Ты прекрасно знаешь, что единственной, кому это не ставилось, это я. И то только потому, что именно мне, как менталу, такое ставить было нецелесообразно. Вчера блокировка была, а вот сегодня её нет, хотя только что проверила — к тебе ОНИ в сознание не залезали.

— Может это побочное свойство ИХ воздействия на организм?

— Может быть, но в таком случае это просто страшно. Почти десять часов работы лучших врачей Академии и... сброс в результате «побочного воздействия»? Как это возможно? Или эта пара сознательно тебе сняла блокировку или они и в самом деле нечто невообразимое. Может аккуратно поинтересоваться? А если... Пап. А если эта блокировка мешала твоей регенерции? Ведь возможно и такое? Правда?

— По логике, вполне разумная мысль. Но задавать вопрос напрямую, думаю, будет

опрометчиво. Мы тем самым покажем своё слабое место.

— Да какое слабое место? Ты что, не понимаешь — эти врачи тебе не враги. Скорее нейтралы, если не друзья. Где бы тебя ещё лечили, хоть и за деньги? В каком мире с тобой бы делились жизненной энергией и здоровьем? А ты ведёшь себя, словно находишься среди врагов. Ты не пав, папа. Во всём не прав.

— Не прав? — мужчина построжел лицом. Строгим, даже злым голосом, пересилив себя, задал ТОТ вопрос, который, как считал, вернёт дочь к реалиям и пониманию, что они, двое, не дома, а в чужом мире, если не во враждебном.

— Ты была отличницей в Академии. Окончила курс истории с блестящим результатом. Так?

— Так. К чему вопрос?

— К чему? Что ты помнишь о парных клинках, которые в нашем мире назывались «Ассилах Тверд Сол»?

— Парные клинки Создателей. Мифическое оружие, которое на протяжении последних нескольких веков никто не видел. Владельцами могут стать только Герои Жизни. Те, которые несут людям, да и не только людям, справедливость и мир. Могут менять свой вид — как внешний, то есть длину и ширину клинка, так и быть невидимыми для посторонних глаз. Выбирают из живущих самого достойного, причём сами, как это ни странно. Самая крепкая привязка — с помощью крови носителя, но в легендах о таком случае упоминается лишь однажды, да и то ставится под сомнение.

— Что ещё?

— Вроде основное сказала. Если только добавлю, что по легендам — эти мечи, или кинжалы, а их каждый раз по-разному описывают, обладают собственным сознанием — вроде те живут квазикристаллической жизнью, но это не нашло ни одного подтверждения в летописях. Вроде всё. Не буду же тебе пересказывать эпос «Напутствие потомкам триждырождённого Илнаха Мудрого»?

— А зря. Вряд ли ты помнишь дословно эпос, тем более эти строки... Послушай и... подумай. Треис двадцатый, тонар шестой.

«И настанет день радости, когда Мечи Правосудия найдут не хозяев своих, а друзей. И случится это не в наше время, а спустя многие века забвения, в другом мире, под другим солнцем, где будут они жить жизнью владеющих, помогая не карать подданных, а лечить их силой своей и мудростью. И станут эти годы светом и славой, и достигнут наибольшей мощи Ассиахи за все века жизни прошлой»...

— Красиво, пап. К чему ты вспомнил о легендах?

— К чему? А к тому, дочь, что я вчера своими глазами, как тебя сейчас, видел оба легендарных клинка. Понимаешь? В двух метрах от себя. И я почувствовал их мощь даже через блок в мозгу. Эти клинки были... счастливы. Понимаешь? СЧАСТЛИВЫ!!!

Девушка от изумления чуть не промахнулась мимо стула, сев в изумлении от сказанного.

— Как понимаю, они теперь...

— Да. Они в этих врачах, двойняшках. Понимаешь? В них. ВНУТРИ ИХ. Эти люди даже не осознают чем владеют. Девушка, так просто положила свой меч на стол, словно тот был обычной железкой. Я пытался объяснить ЭТИМ их ошибку, но меня просто отключили, как назойливую муху. Я вчера весь день вспоминал всё, что связано с этими клинками, но более подходящей строки, что тебе озвучил, так и не нашёл. Ты понимаешь, что всё, что донесла

история до нас в виде сказаний и преданий, оказалось не вымыслом, а правдой? И века забвения и те друзья, благодаря которым они не будут нести бремя наказания, а лечить? Как такое возможно, что древний труд, которому чуть ли не десять веков, оказался точен дословно? Ради одного этого наша экспедиция уже была не напрасной. Уже один этот факт, реально подтверждающий древнее сказание чуть ли не апофеоз моей жизни...

Девушка смотрела на волнующегося отца, который пару раз неосознано даже хотел вскочить с кровати, желая, как и все прошлые годы, во время лекций в Академии не стоять за кафедрой на месте, а, заложив руки за спину, ходить вдоль первых рядов аудитории, ловя жадные до знаний взгляды студентов. Но в данный момент его порыв под внимательным взглядом дочери гас и вскоре мужчина без сил застыл.

— Пап. Тебе нельзя дёргаться так резко. Что ты творишь? Хочешь, что бы всё, что делали для тебя врачи, кануло во мрак?

— Да, дочка. Забылся. Прости. Просто то, что мелькнуло перед моими глазами, оказалось не вымыслом, сказкой, а реальностью.

— Ты уверен, что это были именно «Ассилах Соло»?

— Да, уверен. Девушка просто положил клинок на стол, а вот парень свой продемонстрировал для меня специально. Вынул из ничего, словно соткал из воздуха, а потом приложил к обнажённой коже и ТОТ исчез у него в груди. Они стали единым, понимаешь? Такого даже в легендах не описывалось, а я ведь видел это своими глазами.

— И что ты хочешь, пап? Раз клинки наши своих владельцев, нет, не так, друзей, то сам понимаешь, мы отобрать священные реликвии нашего мира них не можем. К тому же, насколько помню, это реликвии и не только НАШЕГО народа. У населения других миров тоже есть подобные легенды. Рокры, Атрики — даже у тех, кто совсем не похожи на нас, есть подобное. Почему так уверенно говорю, так сама на третьем курсе Академии участвовала в экспедиции, которая изучала историю и сказания этих двух дружеским нам рас. Так что, по идее, на эти мечи могут претендовать если не все разумные, то большинство их них. Предлагаешь начать войну за обладанием тем, что конкретно нам принадлежать не может? Так я, как единственный ментал экспедиции, при составлении отчёта выскажусь против силового воздействия, а моё право вето вообще может засекретить все итоги даже для руководства Союза Дружественных Планет. Прошу, не забывай об этом.

— Ты готова ради двух случайных людей закрыть все исследования?

— Отец. — Голос девушки стал твёрдым и она сама, поднявшись со стула, уже совсем не напоминала ту нежную и беззащитную красавицу, которая с минуту назад встревоженно сидела рядом с кроватью родного человека. Теперь перед пожилым мужчиной стоял именно куратор экспедиции, которому все участники были обязаны подчиняться бесприкословно. — Я своё слово сказала. Не забывай, прошу, что кроме того, что я твоя дочь, являюсь фактическим руководителем экспедиции. Ты — лишь научный руководитель. Давай разделять семью и работу. И я настоятельно прошу, ПОКА прошу — до нашего прибытия в Академию оставить все мысли при себе. Твой отчёт я буду читать первой. И если увижу ТЕ предложения, что в данный момент гоняешь в голове, поставлю на все документы запрет к ознакомлению и гриф немедленного уничтожения. Ты этого хочешь? К тому же хочу напомнить, что эти, как ты сказал, «случайные люди», отдают тебе своё здоровье и силы, что бы мы могли вернуться домой. Если бы они отказались тебя лечить, а такое вполне могло быть, мы бы здесь остались навсегда. Так что имей в душе и разуме не только сугубо профессиональные стремления, а ещё и то, что в нашем народе называется

признательностью и благодарностью. Извини, папа, ты меня очень расстроил. Я выйду ненадолго, а ты полежи и поразмышляй над моими словами.

— Ты к НИМ сейчас? — скривив губы, усмехнулся мужчина.

— Нет. — Девушка набросила на себя верхнюю одежду и переобулась. — Мне, конечно, было бы любопытно пообщаться и узнать этих уникальных людей поближе, но ты далеко не единственный у них пациент и двойняшки будут работать до позднего вечера, практически без перерыва. К слову — видел бы ты их вчера, когда они закончился рабочий день. Бледные, практически без сил. С дрожащими руками и пустыми глазами. А ты, мгновенно забыв всё, для тебя сделали, руководствуясь эгоистичными целями, решил их так своеобразно «отблагодарить»? Прошу, молчи, иначе мы поссоримся серьёзно и надолго. Ты мудрый человек, который всегда умел осознавать допущенные ошибки. Будь и в этот раз таким же.

* * *

— Что, милая, как тебе самостоятельная работа? Тяжелее чем в тандеме?

Девушка сидела в комнате отдыха чуть живая, но, взяв себя в руки, вымученно улыбнулась.

— Тяжелее, не буду скрывать, но удовольствия получила намного больше, чем работая в паре. Вижу результат именно своего труда, не совместного, где ошиблась и имею возможность сразу же поправить огрехи. Кроме первого, чужого, я сделала три самостоятельных подхода, из них один был средней сложности. На данный момент остался последний на сегодня. И заметь, я не просила помощи и не пользовалась твоей силой. Всё только сама. И рада и горда тем, что у меня получается так как надо.

Антон смотрел на сестру, а у него сердце разрывалось от её вида и ощущения насколько она устала. Но в то же время был искренне горд, что самолюбие девушки, помноженное на настойчивость и знания, да и накопленный опыт, сыграли свою роль. Он постоянно контролировал все действия Арины и только раз хотел было вмешаться, увидев свершённую ошибку, но его половинка сама вовремя исправила огрехи и завершила работу даже в более сжатые сроки, если бы они работали в паре.

— Ты умница. Всё было проведёно как надо. Даже ошибку в последовательности воздействия вовремя заметила и сразу же исправила. Что могу сказать — ты вполне можешь работать самостоятельно. Говорю честно, без всяких оговорок. Единственный минус — запас сил у тебя всё же маловат. Поэтому предлагаю следующее. Со всеми тяжёлыми и сложными работаем в паре, а средних и лёгких разбираем для работы самостоятельно. Согласна?

— Правда? — взвизгнула Арина и через секунду повисла на шее у брата. — Спасибо, что доверяешь мне. Спасибо, братик!!! Я вправду не подведу тебя. Вот увидишь!!!

Антон посадил по привычке сестру к себе на колени и обнял, прижав к себе.

— Ты только не делись, прошу, — девушка почувствовала, как её тело стало оживать. — Я хочу до конца испытать свой резерв. Остановись. Не надо!!!

— Хорошо, не буду. — Атон чуть отстранился и в тот же момент иссяк поток сил, который лился в девушку из тела брата. — Сама так сама. У нас последним лёгкий, повторный. Ему надо чуть поправить мышцы ног и посмотреть печень. Не забывай о резерве, контролируя себя ежесекундно, иначе обморок обеспечен, да и пациент испугается, когда около него рухнет врач. Чего смеёшься? Хи-хи. А мне, вот, не хи-хи. Кстати. Белый и сегодня не появился у нас. И Свар вдруг затих... Ну, раз решили обойтись без нас, ещё и лучше. Ладно, милая. Собирайся с силами и пойдём опять «воевать». Потом расслабимся. Кстати. Я

хочу сегодня отпраздновать твоё боевое крещение. Не против? Как, может в ресторан?

— Спасибо, Тош. Ты добрый и заботливый. Я тебе безумно благодарна, но давай перенесём празднование. У меня, честно признаюсь, ноги трясутся. Куда там идти, когда я за столом вырублюсь через пару минут... Вот через несколько дней, когда окончательно втянусь, то и сходим. Договорились?

— Договорились. Тогда ты иди к пациенту, а я вскоре присоединюсь. Сейчас закажу ужин с доставкой и что-нибудь выпить. Такое дело всё равно надо отметить.

--

Когда Арина вышла из комнаты отдыха, Антон, не торопясь, допил кофе, вымыл за собой чашки. Сделав звонок, переговорил, и затем спустился на первый этаж, где его остановила Полина.

— Антон Сергеевич. К Вам мужчина пришёл. Ждал полчаса, а сейчас вышел на улицу покурить. Позвать его?

— Зовите.

Парень глянул на часы — минут на десять он вполне мог оставить сестру работать самостоятельно, но при заключительной части необходимо было присутствовать. И не для контроля, а лишь что бы поддержать Арину или, если та отключится, самому закончить лечение пациента....

Наружная дверь открылась, и в холл зашёл странный мужчина, лет семидесяти, может даже старше, который был одет в одежду скорее начала двадцатого века, но никак не двадцать первого. Элегантная тройка с бабочкой вместо галстука и тяжёлая, явно золотая цепочка, которая тянулась от внутреннего кармана к кармашку, где, судя по всему, были часы. И если они тоже не были из золота, Антон явно бы удивился. Но больше всего парня удивили блестящие лакированные туфли, которые сверкали, не смотря на дождливую погоду.

— Антон Сергеевич? — мужчина церемонно раскланялся. — Аристарх Никифорович Терлевич к Вашим услугам. Распорядитель или, как ранее говорили, душеприказчик Вашего доброго товарища и Наставника Дмитрия Михайловича. Имею честь передать по его просьбе письмо, ключи и документы от квартиры, о коей он Вас информировал. Вчера самолично мне позвонил и просил, не откладывая на более поздний срок, передать Вам из рук в руки пакет документов, что я с удовольствием и уважением делаю.

— Спасибо, Аристарх Никифорович. Да, Дмитрий Михайлович предложил нам свок квартиру для временного проживания. Мы, правда, не рассчитывали, что это будет столь неожиданно быстро. Поэтому благодарны за Ваше беспокойство и оперативность.

— Тогда держите пакет, — пожилой мужчина вынул из внутреннего кармана даже не пиджака, скорее, сюртука, толстый конвет и двумя руками подал Антону. — Внутри как ключи от наружных дверей, так и от самой квартиры. Там же, по отдельному распоряжению, в другом запечатанном и опломбированном конверте находится ключ от сейфа. Цифровой код и пояснения в письме. Дополню от себя. Поскольку по распоряжению уважаемого Дмитрия Михайловича основные платежи по домовым услугам были оплачены до конца года, Вам остаётся лишь контролировать текущие. Так называемый интернет имеется, и он тоже оплачен до конца года. Вся квартира в идеальном порядке. Если возникнут вопросы — на обратной стороне конверта мой телефон. Звоните при малейших затруднениях. А сейчас позвольте откланяться. Не смею Вас более задерживать. Честь имею.

Старик повернулся и неторопливо вышел на улицу, аккуратно придерживая дверь, что бы

та не хлопнула.

Антон проводил взглядом мужчину, который, выйдя на улицу, через секунду словно растворился среди прохожих. И сколько парень не пытался в толпе увидеть столь необычного посетителя, ему так это и не удалось.

— *«Очередная чертовщина. Судя по поведению и манере разговора, он, скорее, ровесник деда, если не старше. Наверное, и царя видел живьём... Конверт потом открою и посмотрю что внутри. Как понял со слов этого чудика, там письмо от деда. Может и какие-то подсказки на будущее. Но это чуть позже. Сейчас к сестре».*

— Странный посетитель, — раздался голос Полины. — У меня впечатление, что побывала в Петербурге этак лет сто назад. Если не больше. Такие обороты речи сейчас вообще анахронизм. Но как он держался... Явно или потомственный офицер или дворянин.

— Полина. Этак лет сто назад потомственные офицеры почти все и были дворянами. А в остальном с Вами согласен — странный человек в странной одежде и со странной манерой разговора.

Антон посмотрел на настенные часы и удивился. Ему казалось, что прошло минут пять, а стрелки на часах показывали совсем иное — разговор длился почти полчаса. Парень бегом бросился в смотровую, где работала сестра и успел... к самому финалу, когда девушка уже помогла спуститься с лежанки мужчине, и уже заполняла историю болезни.

Когда пациент вышел, Арина, скривив уморительную гримасу, смерила взглядом брата от и до...

— Что, не торопился на помощь? Решил, что сама справится, коль пациент не сложный? А знаешь, когда я осталась одна, даже сил прибавилось. Вот сейчас чувствую себя намногое лучше, чем до последнего перерыва. Что, братец, идём праздновать?

— Идём, котёнок мой повзрослевший. У меня, кстати, сюрприз. Какой — пока не скажу. Вот после ужина и откроем вместе послание от близкого нам человека.

Арина закрыла глаза руками, словно играя в прятки.

— Так... Мама и папа отпадают. Олег и Свар, судя по всему, или не опохмелились или вновь квасят. Остаётся единственный — дед. Как чувствую, тебе принесли ключи от квартиры, которую деда предлагал? Так? Угадала?

Антон открыл от удивления рот. Он так хотел порадовать сестру, а сюрприза, увы, не получилось.

— Не интересно с тобой. Небось, считала с меня?

— Не-а. Всё просто. Метод дедукции. Знаком с таким термином?

— Причём здесь это?

— Притом. Зашёл в кабинет, а от тебя пахло ОЧЕНЬ дорогим мужским парфюмом. Второе — слабый запах трубочного табака, а сейчас трубки использует один человек на полмиллиона. Третье — запах, хоть и трудноопределимый, коньяка. Причём не ширпотреб, а из элитных сортов. Ну и четвёртое — у тебя карман на форменной куртке выпирает так, словно там пистолет. Поэтому и сделала вывод — тебя перехватил, скорее всего, около лестницы, посланник от Дмитрия Михайловича. Явно человек более чем пожилой — запах его тела тоже ощущается, а так могут пахнуть только очень старые люди. Ты с ним пообщался недолго, но стоял близко, поэтому и остались запахи на твоей одежде. Да и, как понимаю, тот передал конверт с ключами. Логично?

— Охренеть, — промолвил парень, с удивлением глядя на сестру. — С такими навыками и обонянием ты «прочтёшь» любого мужчину. Ой, не завидую твоему будущему

мужу. Даже не мыслю об измене, потому что изменять ТАКОЙ девушке в принципе нереально. А вот заначек он будет лишаться быстро и, как мне кажется, без особого сопротивления. Только б мне подобная жена не попалась. Повешусь сразу...

— Дурачок. — Арина схватила брата за уши и поцеловала в нос. — Не расслабляйся. Я твою жену в нужное время всему обучу. Так что даже не надейся на спокойную жизнь... Может не сразу, но порядок должен быть наведён во всём. Ну что. Ужинаем и идём на экскурсию в новое жилище? Если понравится, можем там и заночуем. Готов к свершениям и подвигам? Тогда вперёд!

--

Когда Арина с братом заскочили в кафе, там, на удивление, свободных мест было много. Антон улыбнулся знакомой официантке, которая почти сразу подошла к их столику.

— Добрый вечер, Оля. Что-то сегодня свободно у Вас. Непривычно даже.

— Да... А виной те четверо мужчин, что сидят в углу уже два часа. Заказ сделали на копейки, а понтов на сто рублей. Сидят всё время и выдувают одну за другую чашки кофе. Я уже потеряла счёт сколько раз им приносила новые порции.

— Но они же не буянят, не матерятся?

— Нет. Ведут себя прилично, но, как по мне, лучше б буянили — а то смотрят на всех посетителей кафе как на врагов. Люди и не выдерживают столь пристального внимания — быстро съедают что заказали, и чуть ли не бегом от нас бегут. Я менеджеру предложила вызвать наряд полиции, что бы у них проверили документы, но тот запретил это делать. И, кстати, у меня складывается впечатление, что они именно за Вашей клиникой наблюдают. Кто вышел, кто зашёл...

— Спасибо, Оля. Будем во всеоружии.

— Вам как обычно?

— Да, не будем нарушать традицию. Только, если можно, принесите две рюмки по пятьдесят грамм хорошего коньяка. Есть повод что отметить.

— Хорошо. Через пятнадцать минут стол накрою.

Официантка отошла, направляясь к другому столику, за который села молодая пара.

— Антон, — Арина слегка напряглась после разговора с официанткой, — может, пойдём в другое кафе? Что-то не нравятся мне эти мужчины. И, по-моему, среди них есть ментал. Я почувствовала, когда мы сели, словно дуновение ветра в голове. Но больше никаких ощущений.

— Даже так? — парень хмыкнул и, поскольку находился лицом к тому столу, за которым сидели мужчины, кинул в их сторону внимательный взгляд, но сразу же посмотрел на сестру.

— Всё нормально, кроме двух особенностей. То, что они мне напоминают «братков» из девяностых, это лишь внешне, хотя трое из них, скорее всего, именно что силовая поддержка, по факту — мясо. А вот четвёртый интересен. Именно тот, кто в данный момент пялится на тебя, практически не моргая. Забавно, что у них у всех совершенно одинаковые причёски, а это из ряда вон, словно клоны какие. Рин. Ты, пожалуйста, не теряй концентрацию — вдруг случится что-то. Будь готова выставить защиту, а я сейчас попробую запустить «Поиск»... Хотя как его конкретизировать? Пожалуй, что не буду ничего делать, а вот попробовать ощутить их эмоции... Я сейчас отключусь ненадолго — если что — пни ногой. Подожди, по-моему, к нам направляется их старший. Остальные трое напряжены, готовы в любой момент броситься на помощь. Если что — парализуешь им ноги, но только

ноги — трупы нам здесь не нужны.

Девушка прикрыла глаза и полуобернулась к залу, держа под контролем всех посетителей.

Мужчина, который подошёл к их столику, вблизи оказался намного моложе, чем его товарищи — лет на пять-семь старше двойняшек. Остановившись в метре от стола, он галантно склонил голову в приветствии и, остановив взгляд на лице девушки, даже стушевался.

— Простите, что Вас беспокою. Позвольте задать всего пару вопросов, после которых я более не буду Вам мешать.

— Если Ваш интерес касается моей сестры — как её зовут и есть ли у неё мужчина, то не стоит терять Ваше и наше время. — Антон подобрался, снизу вверх смотря на незнакомца, не предложив присесть за стол. — Продолжать разговор в другом тоне и проявлять к моей попутчице назойливость тоже не стоит, тем более нарываться на неприятности. Я удовлетворил Ваше любопытство?

— Простите, но нет, — мужчина слегка улыбнулся. — Как Вас зовут, уже знаю. Я и мои товарищи не хотим никак Вам навредить или испортить отдых. Нас интересует лишь одно — Вам знакомы люди, которых зовут Мара или Дриптон? Если нет, я сразу же вернусь за свой столик, обещаю.

— А позвольте поинтересоваться, — Антон насмешливо посмотрел в глаза мужчине. — Какое Вы отношение имеете к названным... людям. Да, и не стоит пытаться влезть к нам в голову. Судя по Вашим потугам, Вы довольно слабый ментал и никак не сможете прочесть наши мысли. Мы же можем ответить гораздо жестче. Поверьте, опыт имеется. — И Антон послал в голову незнакомца слабый болевой импульс.

Давление на мозг двойняшек сразу же пропало и лицо мужчины исказила болевая гримаса, которая вскоре исчезла.

— Это, так сказать, ознакомительный эффект, — прокомментировал Антон то, что испытал на себе мужчина. — Давайте по делу, а то мы устали за день, да и вскоре принесут наш заказ. И так?

Мужчина несколько секунд постоял, а потом задал вопрос, от которого удивились уже двойняшки.

— Я почувствовал, что Вы уже общались с мужчиной — на Вашей Ауре остался его след... Вы в курсе кто они и откуда?

Арина улыбнулась, широко открыв глаза и незнакомец, который за время разговора так и не отвёл глаз от лица девушки, даже пошатнулся, и, кажется, судорожно сглотнул.

— Мы в курсе приключений девушки и её отца. — Антон, отметив ожидаемую реакцию мужчины от лица и, особенно глаз сестры, расмеялся про себя. — Они сами рассказали что с ними случилось и почему здесь оказались. Без подробностей, естественно, но, в целом, да, в курсе.

— Спасибо за откровенность. Меня интересует лишь одно — раз они обратились к Вам, то пострадали? У них серьёзные травмы?

— Вы так и не сказали кто Вы и зачем нужна эта информация? — Антон задал вопрос уже серьёзным тоном.

Мужчина смутился. Оглянулся на своих товарищей и вновь уставился на Арину взглядом голодного удава.

Антон же, не выпуская из поля зрения оставшихся за столом мужчин, заметил, как они стали подниматься и, сам встав из-за стола, посмотрел в глаза незнакомцу.

— Остановите своих людей, иначе могут пострадать. Даю три секунды. Три. Две.

Но «один» так и не прозвучал, так как мужчины вновь сели на стулья и, вроде как расслабились.

Антон заметил, что незнакомец смотрит уже на него насмешливым взглядом.

— И что бы Вы предприняли бы, если бы я не согласился?

— Что? — парень тихо рассмеялся. — Сначала бы парализовал их мышцы ног, потом рук. Это одинаково действует как на живых людей, так и на клонов. Так у нас называют....

— Я в курсе кто такие клоны, — прервал объяснения незнакомец. — Забавно. А потом?

— А потом бы инициировал спаз дыхательных путей и остановку сердца. Или... сердце? Вдобавок бы сжёг то вещество, которое находится у них в головах вместо человеческого мозга. Поверьте, это было бы сделано в течение одной-двух секунд и не составило бы ни малейшего труда и сожаления.

— Вы только что признались, что в течение двух секунд смогли бы уничтожить троих разумных? Без явного нападения на Вас и применения оружия или физической силы? И Вы этим гордитесь?

Антон сели и посмотрел на мужчину, на лице которого не дёрнулась ни одна мышца.

— Таким гордиться может только отморозок, человек с ненормальной психикой. Как заметили, я предупредил заранее, что бы Ваши товарищи не вскакивали и не бежали на помощь. И к Вам лично было применено лишь лёгкое воздействие, что бы остановить дальнейшие попытки просканировать наши мозги. Так что не надо обвинять меня в жестокости и преднамеренной попытке убийства. Мы поняли друг друга? И так? Жду ответа на заданный вопрос.

— Хорошо. Отвечу. Меня зовут Дио. Названные Вам имена... Дриптон — мой отец, а Мара — сестра. Здесь присутствуют члены эвакуационной экспедиции. Извините, но на другие вопросы я не вправе отвечать.

— Становится совсем интересно. Скажу так, что поверил Вашим словам, а сейчас идите к своим. Надеюсь, что вскоре Вам представится возможность побеседовать с родственниками.

— Не понял? Как побеседовать? В смысле?

— Беседуют, как правило, используя устную речь. Или у Вас устроено иначе? Ах да... Можно и ментально, если оба собеседника обладают подобными навыками. Идите, уважаемый Дио. Имейте хоть немного выдержки.

Когда мужчина вернулся к своему столику и что-то стал рассказывать коллегам, Антон, позвав сестру, которая, словно отключившись от реальности, не отрывала взгляда от Дио, попросил его подстраховать.

— Хочу позвать Мару. Пусть сама общается со своими. Но давай так — вдруг там совсем не те, за кого себя выдают. Смотрим на реакцию девушки и соответственно действуем. А сейчас попробую дотронуться до её разума.

Антон, закрыв глаза и, отключив все органы чувств, попытался вспомнить тот энергетический канал, по которому на него выходила Мара. Через пару минут поисков, вдруг вспомнил про так и не снятую собственную защиту и, отключив её, почти мгновенно лкнулся в эмоции девушки. Чего там только не было... И злость на себя (и на него) за невозможность общаться ментально, и раздражение, что её вчера вечером так небрежно выдворили из комнаты и многое-многое другое. Но было и нечто, что выпадало из общего плана. Это, скорее, было на более глубоком пласте подсознания, то, к чему он привык за все

годы общения с сестрой — даже не симпатия, а ростки чего-то более серьёзного. Того, что он никогда ни в одной женщине по отношению к себе так и не почувствовал, даже в Марине. В мыслях той превалировало скорее стремление к браку, к совместной жизни... Здесь же здесь Антон ощутил именно чувства. И это его неожиданно смутило, потому что и сам к Маре относился не просто как к красивой девушке, а чувствовал внутри своей души нечто большее, хотя и боялся в этом признаться даже самому себе.

— «Мара, простите, что врываюсь к Вам в голову без предварительного согласия, но на то есть веские причины. Не могли бы Вы, вот прямо сейчас, пройти в кафе, что напротив клиники? Только захватите зонт, если есть, а то на улице льёт как из ведра. Если нет зонта — попросите у охранника, у него есть пара штук для особо забывчивых».

— «Спасибо, Антон, за заботу. Неожиданно. Вы приглашаете меня на ужин?».

— «К сожалению, должен признать, но нет. Здесь находятся люди, которые, если судить по их словам, могут быть Вам очень интересны. А по поводу ужина со мной... У нас есть такая поговорка — «Поживём-увидим». Или другая — «Время покажет».

— «Спасибо. Сейчас буду, только предупрежу отца. Простите, Антон. А что это за «предварительное согласие?»»

— «У нас существует Закон, что ментал не имеет право вторгаться в чужой разум без согласия на то собеседника. Причём согласие необходимо именно озвучить. Иначе такое вторжение может быть строго наказано, вплоть до блокировки Дара».

— «Ясно. Благодарю за пояснение. Буду через пару минут».

Антон открыл глаза и увидел улыбающуюся сестру.

— Тош. Ты точно влюбился в инопланетянку. Я сейчас ощущала твой восторг, восхищение ею и, как мне показалось, нечто большее. И что скажешь?

— Ничего не скажу. — Парень смутился не от слов сестры, а именно от того, что и сам в себе ощутил. Он посмотрел на улицу. Вот дверь открылась и на пороге появилась стройная фугурка. Мара открыла зонт и, несмотря на ливень, пошла к кафе словно королева — не торопясь, с достоинством держа спину и высоко поднимая голову.

— Да... Не идёт, а плывёт... Королевна, не иначе... — хихикнула Арина и вновь с улыбкой уставилась на брата. И она так не заметила, как проезжающая машина подняла колёсами целую волну с дороги, которая через секунду должна была окатить Мару с ног до головы, но... так и не долетела, бессильно опав перед девушкой. Антон увидел, как Мара съёжилась в ожидании потока воды, но отметив, что холодный грязный душ отменяется, подняла взгляд и встретилась с глазами Антона.

— «Спасибо», — донеслась до парня тёплая благодарность, которая была с таким подтекстом, что...

— «Не за что». — Девушка ощутила ответный отклик, словно её нежно погладили и широко улыбнулась. Наверное, так, как не улыбалась весь последний год.

И у Антона, который увидел эту улыбку, кольнуло сердце, но он демонстративно отвернулся от окна и вновь увидел смеющееся лицо сестры.

— Всё тебе хихикать. Время, Арин. Будь готова поставить «Щит», что бы закрыть нас, а я, в свою очередь, прикрою Мару в случае непредвиденного. Если начнётся заваруха, выходим на улицу — ты первая, Мара вторая и я последний. Не убиваем никого, но используем парализующие импульсы без ограничений.

— Поняла. Готова. — Арина сразу же стала серьёзной и начала концентрировать в себе силу для мгновенного создания «Щита».

Когда же дверь открылась и в кафе зашла Мара, она, сделав пару шагов к столику, где сидели брат с сестрой, неожиданно остановилась, увидев поднятую в предостережении руку Антона, а потом заметила и его движение головы — мол, посмотри в другую сторону. Она обернулась и... оказалась в объятиях брата, которого совсем не ожидала увидеть сегодня, да и вообще здесь. Мара мгновенно была утащена за другой столик и расслабившиеся двойняшки только сейчас заметили, что и те трое мужчин, которых они приняли поначалу за клонов или биороботов, оказались вполне обычными живым людьми, которых Мара явно знала — обнимания, поцелуи и вздох облегчения всех пяти людей говорили гораздо лучше слов.

— Ну вот, сделали людям приятное, и хорошо. — Антон отодвинулся от столика, на который подошедшая официантка стала выкладывать тарелки с едой.

Когда та закончила сервировку, Арина тихо посоветовала девушке.

— Оль. Все опасения по поводу ТЕХ посетитель закончились. Кажется, они сейчас станут пировать. Так что будьте наготове. О, ну вот, я оказалась права, Вас уже зовут.

Официантка посмотрела в уголок, где сидели непонятные люди, и увидела на их лицах улыбки. К тому же один из мужчин явно её просил подойти.

Когда брат с сестрой остались вновь наедине, Антон поднял бокал с коньяком.

— Моя роднуля. Я горд, что ты показала себя отличным диагностом, а также прекрасным терапевтом, который доказал, что может работать даже со сложными больными. Хочу поднять этот бокал в честь врача, который сегодня самостоятельно проработал целый день, дав возможность трём пациентам продолжить свою жизнь уже здоровыми и полными сил...

— ...Так у меня их было четверо, а ещё...

— Чем отличалась моя сестра с самого детства, так способностью не дослушав слова собеседника до конца, будь то родители или старший брат...

— ... Какой старший? Это я родилась...

— А так же всегда любила спорить, не желая даже в торжественный день промолчать, а не устраивать скандалы из-за путяков. Молчи, чудище... врачебное... медицинское... родное. За тебя, сестрёнка. За твой первый самостоятельный рабочий день. Я тобой горжусь!!!

Брат с сестрой выпили коньяк, а потом Арина, встав из-за стола, подошла к брату и, обняв его, звонко поцеловала в нос. Настолько громко, что на это обратили внимание все присутствующие в кафе. Антон от неожиданного внимания к себе даже покраснел, а вот девушка, совершенно никого не стеснясь, показала присутствующим в кафе язык... и села на место.

— Спасибо, Точка. Спасибо за всё, а особенно за твою веру в меня. Я это ценю. Очень-очень.

— Ты чудо из чудес, милая. А сейчас ужинать... Ой, совсем забыл.

Антон, когда вновь увидел в зале официантку, подошёл к ней и что-то прошептал на ухо. Та улыбнулась и, кивнув, исчезла на кухне.

— Признавайся сейчас же, что ты там шептал на ухо Оле? Если не скажешь, в следующий раз не поцелую, а укушу за нос. Помнишь, когда нам было по семь, я тебя укусила за попу, а ты ревел так громко, что мама с испугу неотложку вызвала?

— Ага, а потом папа, узнав причину, из-за чего возникла драка, меня ещё по больной попе пару раз стукнул ладонью, мол, не обижай девочек...

Двойняшки, не торопясь, ужинали, вспоминая детство и все смешные моменты, которые случались с ними за многие годы. Негромко смеялись, то и дело перебивая друг друга, и вновь улыбались словно дети. И они совершенно не обращали внимание за другой стол, откуда за ними всё это время внимательно наблюдали две пары глаз.

Когда всё съели и Арина хотела было встать, брат аккуратно придержал её за руку, вновь усадив за стол.

— Ещё чуть-чуть посиди. Пожалуйста, прошу...

И вскоре к их столику подошли трое — менеджер кафе, главный повар и лично владелица кафе, которая в руках держала небольшой торт, где по углам стояли четыре кремовых свечи, а посередине пятая, чуть меньшая, но настоящая, которая горела, подсвечивая надпись, сделанную по кругу — «Четыре человека, которые будут помнить тебя долго и пятый, котрый никогда ничего не забудет».

Арина, перед которой поставили торт, с изумлением смотрела на всех, кто стоял вокруг, а людей, как ни странно, было много, словно их всех кто-то поднял с мест и пригласил к столу.

— Это мне? — тихо спросила изумлённая девушка, в горле которой запершило. — Правда, всё это мне?

— Аринушка, — Зинаида Григорьевна, директор и владелица кафе, которая и сама пару раз обращалась к врачам клиники за помощью, улыбнувшись, протянула кем-то переданный ей огромный букет цветов. — Ты достойна большего, чем этот торт и цветы. Мы поздравляем тебя от всей души за твой первый самостоятельный врачебный день. Сегодня лишь пятеро, но сколько уже позади и сколько впереди... Мы все желаем тебе здоровья и счастья. Верим в тебя и гордимся, что в такой день мы все здесь, рядом с тобой. Спасибо тебе и спасибо Антону. Вы, ребята, волшебники. СПАСИБО!!!

Арина хлопала глазами от удивления и... разрыдалась в голос, опустив голову к тарту, закрыв лицо руками.

— Арин. Свечку-то задуй, а то... — брат с ехидцей смотрел на заплаканные глаза сестры и, когда та дунула, парень, выбросив неожиданно руку вперёд, макнул лицо девушки в торт.

— Кто-то здесь спросил — мол, это всё мне? Что ж, именинница. Теперь этот торт точно весь твой. Кто ещё будет есть торт, пропитанный вместо крема слезами врача?

Вокруг раздался хохот, а Арина, подняв испачканное лицо, хотела было разругаться с братом за сделанное, но, облизав губы, вдруг поняла, что этот торт напоминал именно тот, что ей подарили на совершеннолетие родители, которым, в свою очередь, привезли из-за границы, чуть ли не из Франции, сделанный по спецзаказу одним из самых известных в мире кондитеров.

— Тош. Он как тот? Тогда? — это единственное, что смогла спросить девушка и из её глаз вновь хлынули слёзы.

— Ну всё, малыш. Хватит плакать. Ты достойна гораздо большего, чем этот тортик.

Вскоре пострадавший торт, разрезанный на множество маленьких кусочков, был роздан всем посетителям кафе, а Антон, подхватив сестру под руку, вышел на улицу, где дождь уже перестал идти, но всё равно было прохладно и сыро.

— Куда дальше? — парень заботливо замотал шею сестры шарфом, который снял с себя. — Не злись. Тебя сейчас никто из знакомых не видит, а горло должно быть в тепле. Так что? Идём смотреть квартиру деда? Чудеса продолжаются?

Арина счастливо кивнула и прижалась к брату.

— Давай уж, добивай до конца. И так этот день останется в моей памяти на всю жизнь. Особенно, как ты меня макнул перед всеми посторонними людьми лицом в торт. Смешно всем было, да?

— Нет. Когда макнул — небыло. А вот когда ты высунула свой язычок и словно котёнок стала облизываться — это было нечто невообразимое. Ты вроде и урчать стала...

— Дурак, это я плакала. — Арина стукнула по спине брата и сразу же там и погладила. — И всё равно, хоть ты меня и обидел, на тебя не злюсь. Ты хороший и устроил мне праздник. Такой, который не забывается.

— Ну и славно. Мне просто хотелось тебе сделать приятное. Ты у меня одна такая на всём белом свете. И другой быть по определению не можешь. Правда, вредная временами. Нудная и приставучая, особенно, что касается личных дел. А ещё хвастливая и...

— ЧТО???. Как ты сейчас обо мне???. Куда побежал? Стоять!!! Ах, ты засранец. Ну, подожди. Догоню и выскажу всё, что на самом деле о тебе думаю... СТОЯТЬ, КОМУ СКАЗАЛА!!!

И девушка помчалась вслед за братом, который, изредка останавливаясь, то показывал рожки на голове, то имитировал, как его сестра облизывается, а то и просто показывая язык...

Открыв ключом, а не привычной «таблеткой» наружную дверь, двойняшки в полной тишине поднялись на третий из четырёх этажей. Красочные витражи вместо обычных стёкол на лестнице, кованые перила — всё показывало, что дом хоть и старинный, но содержится в идеальном состоянии. На каждой площадке было по две входных двери. Остановившись у нужной, Антон достал связку с двумя ключами, явно тоже от старинных замков, и вскоре дверь беззвучно открылась, приглашая зайти в квартиру.

Когда брат с сестрой, переступив порог, оказались в прихожей, неожиданно, сам по себе, загорелся свет. Прихожую от основного коридора отгораживала арка, увитая, судя по всему, искусственным плющом. Но даже не на это их удивило, а другое, что, не увидев вешалки, сделав полшага вроде как к пустой стене, облицованной настоящими деревянными панелями, там плавно и совершенно беззвучно раздвинулись, как оказалось, дверцы встроенного шкафа, предназначенного именно для верхней одежды и обуви. Более того, в обувной этажерке имелось с десятков комплектов домашних тапочек в ещё заводской упаковке.

— Антон, — прошептала сестра, которую подавляла величественность этого помещения, — мне как-то не по себе. Словно мы пришли в гости, а хозяева от нас сбежали. Может вернёмся в клинику?

— Рин. Раз пришли по приглашению, давай хоть посмотрим как здесь жили прежние хозяева. Я, если честно, в таких домах и не был никогда. Обрати внимание — здесь потолки высотой чуть ли не под четыре метра, может и выше. И обрати внимание ещё на интересный факт. В старых домах, как мне говорили знакомые, всегда присутствует своеобразный запах. От дерева, мебели, паркета... Здесь же этого нет, словно вполне современный дом.

— Так это и современный. Датчики движения — явно не из старины.

— Да, согласен. Переобуваемся и посмотрим что к чему.

В коридоре имелось пять монументальных дверей, которые, на удивление, открывались от самого лёгкого прикосновения. Открыв первую, пройдя через ещё небольшой коридор, в котором, в свою очередь, было ещё две двери, но уже вполне привычного размера, двойняшки оказались на кухне.

— Ну, ни хрена себе, — остановился в дверях Антон, оглядывая чуть ли тридцатиметровую кухню, которая, судя по всему, была обставлена самой современной импортной техникой, да и кухонный гарнитур, как он понял, стоил немислимую сумму денег. Подошёл к изящной раковине, которая напоминала морскую раковину, открыл сначала кран холодной воды, потом горячей, сразу услышав еле доносящийся гул.

— Рин. Здесь, похоже, вместо горячего водоснабжения стоит газовый водогрей. Ты посмотри на обстановку — сюда столько денег вложено, мама не горюй, даже страшно что-то трогать, вдруг сломаем по незнанию. — Увидев краник с питьевой водой, взял с подставки стеклянный стакан и, сполоснув его, наполнил фильтрованной. Попробовал и передал сестре. — Попробуй. На вкус, похоже, серебряная.

Открыл дверцу тумбочки под столешницей, откуда был вывод питьевой воды, но кроме аккуратно сложенной явно старинной посуды ничего не увидел. Посмотрев и пооткрывав дверцы несколько разных тумбочек и шкафчиков, в процессе обнаружил и работающий огромный пустой двухдверный холодильник, винный шкаф, наполненный пыльными

старинными бутылками разной формой, а так же, к удивлению, суперсовременную посудомоечную машину, фасад которой, как и другой встроенной техники, не выделялся из общей обстановки, а был един со всей кухней.

— Не слабо. — Арина аккуратно открывала и закрывала дверцы, каждый раз поражаясь наполнению. — Я такого оборудования вообще никогда не видела и даже не слышала о подобном. Ну, например, вот то, что передо мной — подогреватель для тарелок. Видела такое в журналах, но на кой нужен подогреватель для ложек и вилок, а он есть. Или, например, встроенный мангал с собственной вытяжкой. Причём, как поняла, не газовый и не электрический, а именно что на углях. Там, кстати, даже стенки тумбы облицованы негорючим материалом. Асбестом или ещё чем-то похожим, не разбираюсь. Ладно, с этим понятно, идём дальше.

Те двери, что были в маленьком коридоре, вели в ванную и туалет, а вот уже из туалета ещё одна дверь раскрыла перед гостями секреты технического оснащения квартиры — с десятков последовательно подключённых фильтров для воды, газовый водонагреватель, мощный фильтрующий блок от вытяжек с кухни и много другого, совершенно непонятного оборудования, хотя на стене и висел список всего, что здесь было размещено, с подробными пояснениями и указанием временного периода, когда надо было делать профилактику или что-то заменять.

— Тош, помотри, — Арина, смеясь, показала на самый последний водяной фильтр, на котором был прикреплен маленький листок бумаги. Антон, нагнувшись, прочёл вслух.

«Фильтр серебряный, уникальный по наполнению. От вампиров и их подобных. Будутдохнуть после первого же укуса жертвы. Для людей пользительно — оздоравлиет организм и придаёт силы»... И ниже... самый обычный смайлик...

— Деду не отнять чувство юмора, — улыбнулся Антон. — Всё, пошли дальше.

Выключив везде свет и плотно закрыв двери, выйдя в основной коридор, Арина толкнула противоположную дверь. Помещение было явно предназначено под столовую или гостиную — тяжёлые шторы на окнах и, как заметил парень, с элетродвигателями, так как на подоконнике лежал пульт управления. На стенах множество картин на различные темы и, как ребята заметили, точно оригиналы, не копии. Мебель явно старинная, преимущественно обтянута тёмной кожей, но нигде на ней не было видно складок или потёртостей. За стёклами нескольких шкафов виднелись сервизы с посудой, где повсюду виднелись одинаковые вензили.

Очередная дверь вела в комнату, которая была спальней, притом разделённая на две отдельных комнаты, в каждой из которых находилась широченная старинная кровать, небольшая прикроватная тумбочка, а вот вдоль всей стены стоял огромный до потолка шкаф. Антон, открыв створку, только ахнул — глубина была не менее полутора метров, а ширина...

Арина тем временем легла на кровать, немного попрыгав на ней — ни скрипа ни шороха.

— Да, в старину умели делать вечные вещи, — она закрыла глаза и притворилась, что спит. — А знаешь, я бы сегодня здесь осталась. Для эксперимента. Если ночью к нам не придут всякие призраки вроде бывших хозяев, может и выспимся? Ведь Любава, к которой ты обратился с просьбой подыскать нам что-то сносное, так до сих пор ничего и не ответила. Может забыла?

— Вряд ли забыла. Рин, подъём. Осталось две двери. Блин, как в сказке какой... Осталось две двери и поднятая крышка таинственного сундука покажет нам сокровища?...

Дверь, открытая предпоследней, открыла взору комнату, в которой большую часть занимала ультрасовременная чаша джакузи. Рядом стояла душевая кабинка и за отдельный перегородкой находились туалет и биде.

Парень, постучав по бортику ванны, понял, что она не из современного акрила, скорее, из натурального или искусственного мрамора.

— Тош, — девушка аж взвизнула. — Хочу в джакузи. Я ведь никогда не пользовалась этим и вообще не знаю что это такое. Давай сегодня залезем и испытаем.

— Арин. Вот выйдешь замуж и будешь с мужем нежиться в джакузи на пару. Мы с тобой брат и сестра и давай всё же соблюдать остатки приличия. Хотя и знаем друг друга до последнего волоска, но прошу, не переступай...

— Антон, — девушка покраснела, — не надо мне это говорить, ладно? Я ведь не предлагаю тебе лезть голышом. Ты, конечно, прав, но мог бы сейчас и промолчать, не поднимая этот вопрос. Я лично никогда ничего не забываю, тем более что мы с тобой разного пола. Так что всё, проехали.

— Рин. Не обижайся на мои слова, но если решим сегодня остаться, попробую понять что и как здесь включить, что бы моя половинка получила удовольствие от купания. Знаю, как ты любишь воду — уже явно не человек, но и не рыбка, скорее что-то среднее, вроде лягушонка. Не щипайся! Может быть и сам после тебя попробую, ведь тоже не знаю что такое джакузи и с чем его едят. Ладно. Осталась последняя комната.

А вот открыв самую дальнюю дверь, двойняшки позабыли про время и всё, что видели до этого. Как поняли — это был кабинет хозяина. Множество картин и старинных фотографий на стенах, самый настоящий камин со стопкой дров и стойкой с металлическими приспособлениями, в которых Антон опознал только что-то похожее на щипцы и кочергу, а вот для чего остальные было предназначено — увы, не знал. Пока рассматривал рисунки на изразцовой плитке, которой был отделан фартук камина, услышал за спиной тихий всхлип сестры и, резко повернувшись, увидел, как та стоит около одной из фотографий, прикусив от волнения руку. Подойдя ближе, посмотрел туда же, куда смотрела и сестра.

Три офицера в парадной одежде, с наградами, которыми были увешаны мундиры, спалашами, стояли перед портиком Эрмитажа, а впереди них на стульях сидели три дамы.

— Как понимаю, в центре — Николай Второй, — тихо сказала Арина. — Перед ним сидит его супруга, Александра Фёдоровна. Кто слева не знаю. Ни мужчину, ни женщину, хотя его лицо вроде как знакомо. А справа...

— А справа Дмитрий Михайлович? Молодой, красивый. И впереди, соответственно, сидит его супруга? Жаль, что нет подписей. — Антон аккуратно снял фотографию со стены и перевернул её. — Увы, никакой подсказки. — Он повесил обратно старинное фото и постарался выровнять как было прежде. Чуть отступил назад и положил руку на плечо сестре.

— Рин. А посмотри внимательно на все остальные фото. Ведь почти везде, так или иначе, присутствует дед. Я от Белого узнал, что Дмитрию Михайловичу больше ста двадцати, но, стоя здесь, и глядя на эти фото, понимаю, что деду намного-намного больше. Он что, бессмертный? Вряд ли. Вспомни, как неважно выглядел последнее время. У меня возник вполне логичный вопрос — почему именно НАМ он дал возможность увидеть всё ЭТО, — и Антон обвёл рукой все фотографии и картины, что висели перед его глазами. — Кстати, Рин, амы ведь так и не прочли его письмо. Кажется, пришло время ответов на

вопросы?

Парень усадил сестру в глубокое кожанное кресло и, сев напротив, развернув сложенный вчетверо лист бумаги, который держал в дрожащих руках. Набрав в грудь воздуха, словно готовился нырнуть в бездну, стал читать строки, которые прыгали перед его глазами.

«Ну, вот и настало время вновь поздороваться с Вами, мои далёкие потомки. Простите, что так и не осмелился прямо в глаза назвать Вас своими прапрапраправнуками. Я счастлив, что Вы такие светлые, к тому же избрали ту стезю жизни, которая несёт безграничную ответственность перед людьми. Понимаю, что Вы, перед тем, как открыть и прочесть это письмо, осмотрели всю квартиру от и до. И наверняка увидели моё лицо на фотографиях. Что ж. Не буду и дальше обманывать и, пожалуй, расскажу немного о себе. Как меня называли родители при рождении, и кем был на протяжении многих лет, позвольте сейчас умолчать. Уже прошло много десятков лет, как я взял имя и отчество своего самого дорого человека по крови, своего отца, и ничем его имя на протяжении многих лет не посрамил, с каждым годом лишь славя его память. А вот маму свою мне повидать не удалось — она умерла через несколько дней после родов. Кем я был? Дозволю самим узнать, коль Вы, как понял, жадны до поисков истины. Лишь намекну. Был одним из известнейших людей, подпирая трон на протяжении царствования двух императоров и самодержцев Российских, став их надёжной опорой и близким другом. В революцию и после — один из тех, кто искренне верил, что наш народ достоин большего. К сожалению, мои идеалистические помыслы не нашли среди соратников поддержки и мне пришлось снова для всех окружающих умирать и рождаться под другой фамилией. Во время Великой Отечественной был одним из тех, кто ковал победу на поле брани, а не отсиживался в тылу. После... Трудные годы, когда я не мог найти применение своим талантам, так как власть была занята не улучшением жизни народа, а лишь обогащением за счёт страданий и лишений большинства оного. А позже ко мне присоединились люди, а может я к ним присоединился, основав именно то Братство, кое и существует ныне. Братство, как таковое, было и до нас. Корни его бытия исходят из глубины веков, но лишь в последние полсотни лет это сообщество одарённых воистину стало мощной организацией, с которой в данный момент считаются сильные мира не только на Руси, но и в других странах, ибо отделения и филиалы имеются повсеместно. Членов Братства объединяет одно — защита Земли от посягательства других миров. Открою истину Вам, мои потомки — не существует друзей среди представителей из иных миров, а имеются лишь те, кто желает нас поработить или завоевать, а немногие нейтралы смотрят на землян снисходительно, опасаясь вторгаться лишь из-за страха потерять своё благополучие. Тех же, кто дружески относится к нам, а я посетил множество миров за свою жизнь, нет как таковых, ибо везде существует одно единое правило — стремление быть сильнее, могущественнее, чем ныне, за счёт более слабых. Я не призываю Вас бросаться необдуманно в бой с представителями других миров, но помните мои слова — друзей, среди чужих, НЕТ!

Что касается квартиры, где Вы оказались. Ранее этот дом принадлежал мне полностью, но настали времена, при которых был поставлен выбор — или лишиться всего или сохранить малое. Я и сохранил то, что мне было наиболее близким. Квартиры, где жила моя супруга и свою. После ухода моей Ладушки, я несколько раз устраивал перепланировку этого помещения, но, в конце концов, вернул всё к изначальному. Одно прошу, коль решите жить в этом доме, а по мне, от сердца говорю, было бы радостно видеть Вас именно в семейном

гнезде, в родительском доме — не выбрасывайте старые картины и фотографии. Дайте время мне уйти спокойно, а потом я не смогу Вам попенять за короткую память... Мне осталось совсем немного и чувствую, что непомерно длинная жизнь подходит к логическому завершению. Сколько протяну — не знаю, но хочу, что бы Вы помнили обо мне. Не как о придурковатом старике, а как о Наставнике, который совсем немного, на чуть-чуть, приоткрывал перед Вами возможности человеческого организма и некоторые тайны мироздания. А более подробные пояснения найдёте в дневниках в сейфе. Там описаны как причины, по которым прожил столь много лет, да и многое другое. Я никому до Вас ведь так и не открылся. Но Вы, потомки Ярых — мои прямые наследники. Многие годы наблюдал как за Вашим дедом, потом отцом. Следом за Катей, а потом и за Вами. Помогал тайно, направлял порой на правильный путь, но себя не обозначал. Незачем это было, да и помешало б Вашему саморазвитию. Что ж. Пора заканчивать... Счастья Вам, Арина и Антон Ярые. Долгих лет жизни и радости, мои милые и мои... родные...»

Когда Антон закончил читать, Арина рыдала навзрыд, да и он сам еле сдерживался, хмурил брови, периодически вытирая глаза.

— Дедушка, ну разве так было сложно сказать, что ты нам родной? — всхлипывая, Арина смотрела в потолок, — Ну почему всё вот так, совершенно не по-человечески? ПОЧЕМУ??? Я вот почувствовала сразу, буквально через секунду, как мы познакомились, что между нами что-то есть. Какая-то ниточка, что нас связывала. Помнишь, Тош, как он сказал нам — «Внучата, мои хорошие, мои славные, мои родные...» Разве так мог сказать совершенно чужой человек? Нет, не мог. Так почему он нам ТОГДА не признался???

— Может не хотел нас ограничивать в свободе выбора? — Антон, вытерев глаза, вновь посмотрел на картину, где стоял последний царь, а справа, как поддержка и опора, его дедушка. Он внезапно вспомнил о сегодняшнем визитёре и, попросив сестру держать рот на замке, сохраняя молчание, обращаясь вникуда, позвал.

— Аристарх Никифорович. Коль Вы присутствуете, не соблаговолите, так сказать, показаться воочию.

Не успели стихнуть прозвучавшие слова, как из коридора, после короткого стука в дверь, в комнату вошёл именно тот, кто и посетил клинику днём.

Антон, кивнув своим мыслям, задал вопрос пожилому человеку.

— У Вас есть связь с Дмитрием Михайловичем или тем, кто обитает рядом с нашим прадедом?

— Я бы поправил Вас, уважаемый, не прадедом, а с пра...

— Оставьте политесы. Я задал конкретный вопрос. Будьте добры отвечать так, как положено Вашему роду.

— Имеется, уважаемый Антон Сергеевич. Только не следует попираť веками сложившиеся устои жизни и...

— Об этом ещё побеседуем, уважаемый. Дословно готовы передать? Или требуется письменное обращение?

— Письменное более оправдано, но устное до получателя дойдёт быстрее.

— Тогда милейший, запоминайте. Готовы?

Увидев почтительно склонённую голову старика, продиктовал.

«Деда. Мы прочли письмо и желаем одного — что бы ты был рядом постоянно. Ты нам нужен не для редких случайных встреч, а для нормальной полноценной жизни. Что бы твоя мудрость не ушла с тобой, а осталась в нас, твоих потомках. Мы ценим тебя, уважаем и

любим»... Это всё, почтенный. Отсылай сообщение и когда будет подтверждение, жду его в любое время дня и ночи.

— Спасибо, Антон Сергеевич, за добрые слова и речь, достойную потомков его Сиятельства великого кня... Ой... Простите. Оговорился. Я свободен?

— Свободен. И спасибо за добрую службу нашему роду.

— Рад стараться. Благодарствую за добрые слова.

Старик вышел в коридор и вскоре оттуда раздался еле слышный хлопок.

— Это кто? — изумлённо спросила Арина, зажав рукой рот.

— Это? — улыбнулся Антон, — верный помощник нашего деда, а по факту — домовой.

Вот только удивительно, что из разряда обычных домовых, которые не так уж стремиться показываться людям, этот вполне освоил материализацию, явившись посреди рабочего дня в нашу клинику. Как посмотрю, вообще всё, чего так или иначе касается дед, выходит за рамки обычного. Теперь понимаю, точнее, догадываюсь, откуда у него появились ныне наши клинки, способ ухода в иные миры, да и многое другое. А Руслана? Удивительной красоты русалка, которая на протяжении многих лет сначала по-простому, словно закадычная подруга, общалась с дедом, затем с Белым и Катей, а теперь и с нами. Это ты считаешь нормальным? У меня сегодня что-то с головой, да и не только сегодня. Я, пожалуй, никогда в жизни не встречал столько необычного, как за последнюю неделю. Аринка, а ведь это только начало. Что же будет дальше???

— Тош. А как ты догадался, что это домовой? — Арина была немного испуганной, но и заинтересованной.

— Используя, как и ты, метод дедукции. Что улыбаешься? Когда мы переобувались, я заметил в шкафу единственную пару обуви, которую недавно наблюдал на ногах именно того посетителя, что принёс конверт с ключами от дома. Между прочим, обувь была вновь отполирована до блеска. И в стойке, где находились домашние тапочки, имелось девять пар, а не десять — одна секция была пустой. К тому же в помойном ведре лежала упаковка именно от тапок сорок третьего размера. Так что всё элементарно, мисс Ватсон...

В закрытую дверь тихо постучали и, не дожидаясь ответа, в комнату вновь зашёл Аристарх Никифорович.

— Ваше сообщение доставлено адресату. Ответ желаете услышать?

— Не томи. Желаем.

Старик картинно выставил чуть вперёд правую ногу и, прикрыв глаза, продекламировал, словно стоял не в комнате, а на сцене театра, подражая голосу и интонациям Дмитрия Михайловича.

— «Спасибо, внучата, за тёплые и добрые слова, которых ждал многие годы, но, наконец-то, дождался. Благодарен Вам за искренность и веру. Я прибуду по Вашей просьбе, но спустя неделю, когда вы проводите незваных гостей из другого мира. Не хотел бы встречаться с ними воочию, так как для этого имеются веские причины. Ещё раз спасибо Вам и вновь прошу — не оставьте просьбу предка жить в его доме. Мне хотелось бы, что бы и этот дом, как и тот, в котором сейчас нахожусь, проснулся от долгой спячки и забвения, ощутив на себе любовь и внимание таких прекрасных людей как Вы. Мой деревянный старичок словно помолодел. Перестал скрипеть по ночам. Чувствую, как он словно отряхивает с себя многие десятилетия старости. Вот вчера, например, поутру заметил, что его крыша сбросила с себя весь мох, что накопила за долгие годы, и сверкает словно новая. И всё это благодаря Вам, моим потомкам. Спасибо Вам и до встречи. И ещё. Не заставляйте

Аристарха часто носиться меж городами. Он старенький, как и я. Пожалейте моего помощника. Он ещё пригодится.»

— Как понимаю, уважаемый Аристарх Никифорович, последнюю фразу Вы добавили от себя? Насколько знаю, домовые не имеют возможности обманывать своих хозяев?

— Вы правы, у них нет такой возможности, поэтому я и передал слово в слово послание от его Сия... Ой...

— Спасибо, уважаемый. Поверьте, что такое если и будет случаться, то только крайне редко. В исключительных случаях. Отдыхайте, милейший. И ещё раз примите нашу благодарность за столь оперативную связь. Не смею более задерживать.

— Благодарствую. Честь имею.

И вновь старик вышел из комнаты, закрыв за собой дверь, и из коридора послышался еле слышный хлопок.

— Он что, телепортируется? — спросила Арина. — Вот бы нам такой метод изучить. Раз... — и на работе. Раз... — и дома. Ни тебе ни транспорта, ни затраченного времени на дорогу... И лишнее время поспать появилось бы...

— Мечтательница. Чудо ты моё в перьях... Раз... — и если не так сформулировала адрес, вдруг оказалась где-нибудь посреди каменной или бетонной стены, откуда ну никак тебя не вызволить... Ещё... Раз... — и где-нибудь посреди океана в окружении стаи голодных акул. Знаешь, малыш, лучше ножками. И надёжнее и для здоровья полезно. А наш почтенный Аристарх, скорее всего, просто развоплощается, а не телепортируется... Какие планы, Арин? Что касается ключей от сейфа, что лежат в конверте. Не считаю правильным туда залезать и интересоваться содержимым. Раз деда будет с нами, вот пусть и сам как хозяин решает что показывать нам, а что нет. Так, следующий вопрос — остаёмся или возвращаемся в клинику?

— Давай останемся. Попробуем. Только, чур, ты мне включишь джакузи, а то умру, прожив жизнь, так и не узнав что это такое.

Антон, пытаясь сохранить серьёзное выражение на лице, удивлённо посмотрел на сестру.

— Не вопрос. Давай я тебе расскажу на пальцах. Джакузи — это такая большая ванная, где из стенок под давлением компрессора выходят воздушные пузырьки, стимулируя кожный покров...

— АНТОН!!! — крикнула Арина, закрыв руками уши. — Если ты так, то и я могу тебе рассказать «на пальцах» что происходит между мужчиной и женщиной в первую брачную ночь. Именно что на пальцах. Тебе будет достаточно этой информации, что бы до конца своих дней твёрдо верить, что ты знаешь об интимных отношениях исключительно ВСЁ? Теоретически?

Антон, не ответив, поднявшись из глубоко кресла, из которого ну никак не хотелось вылезать, настолько оно было удобным, приклеив к лицу трагическое выражение, пошёл в ванную, что бы ознакомиться с инструкцией как включить и правильно настроить эту страшную и непонятную машину, которую первой решила испытать на себе его сестра.

Через полчаса в комнату заскочила уже чуть ли не голая Арина, с укором глядя на сидящего на полу рядом с джакузи брата, который замороженно, не мигая, смотрел на бурлящую воду.

— Антон, ау!!! Ты где??? — девушка помахала рукой перед лицом брата. — Ты, наблюдая пузырьки, впал в транс? Созерцание бурлящей воды стимулировало уход в nirvanу?

Всё с тобой понятно. Свободен, дорогой. Будешь хорошо себя вести, где-нибудь через пару часов может и уступлю место. Если не желаешь ждать — правая спальня твоя. Я достала чистое бельё и застелила обе кровати. Можешь, кстати, перед сном принять душ. Ну, тот, что у кухни. А меня выгонять не смей. Кстати, двери, к сожалению, не имеют замков. Но ты же у меня взрослый и разумный мальчик, поэтому вполне спокойна за тебя.

— За меня? — не понял парень, но его уже вытолкнули из комнаты в коридор.

Антон пару минут стоял, замерев, приходя в себя.

— Ну, коль остался не при делах, может на кухне чай или кофе есть? Попить горячего перед сном не помешает. Конечно, лучше чай, а в идеале вообще стакан какого-нибудь сока.

Он прошёл на кухню и совершенно автоматически, словно был у себя дома, открыл холодильник и... закрыл. Вновь открыл. Следом потянул вторую дверцу. Медленно прикрыл дверцы... Зажмурил глаза, ещё и потёр их руками. Открыл дверцы и вновь упёрся глазами туда, где ещё час назад ничего не было, но сейчас... Сейчас холодильник был забит под завязку всем, что только можно было себе представить. Он, конечно, понял, чьих это рук дело, поэтому, достав из холодильника пачку апельсинового сока, прикрыв глаза, довольно громко произнёс вслух.

— Аристарх Никифорович, благодарю за внимание и за службу. Рад был познакомиться со столь достойным... товарищем. Долгих лет существования тебе, мой друг. И пожалуйста, не стоит тратить деньги из тех, что тебе оставил Дмитрий Михайлович. Если не трудно — клади на стол чеки за покупки или черкани номер расчётного счёта, с которого ты тратишься, коль ты у нас такой продвинутый. Повторю, мы ценим добро и всегда платим тем же, но за счёт других, даже родственников, жить не желаем. Договорились?

Ответа он так и не услышал, лишь на кухне моргнул свет, словно домовый довольствовался похвалой в свой адрес и планами на дальнейшее сотрудничество.

Антон, выпив стакан сока, уже собрался идти спать, как внезапно его посетила забавная мысль. Он достал не из винного шкафа, а из холодильника бутылку дорого импортного коньяка, плеснул на треть в толстый пузатый бокал и, быстро сделав пару бутербродов с колбасой и сыром, порезав на дольки лимон, поставил всё приготовленное на барную стойку.

— Уважаемый Аристарх Никифорович. Не считите за непонимание и не уважение, но поскольку я имел честь Вас лицезреть воочию, не смею, как в давние времена, потчевать Вас блюдцем молока и пирогом. Вы уже давно выросли из того возраста, что бы довольствоваться малым. Примите это скромное угощение в знак признательности от потомков Дмитрия Михайловича с почтением и искренней благодарностью за оказанное к нам внимание.

И вновь на кухне мигнул свет, а Антон, на скорую руку приняв душ, отправился в кровать. Хотя до этого и остановился у дверей ванной, где нежилась сестра. Услышав пение и чуть ли не мырлыкание, улыбнулся и проследовал в спальную комнату. Быстро раздевшись, нырнул под одеяло и... мгновенно отключился.

* * *

Он не слышал, как в комнату проскользнула Арина, как пыталась его растормошить, как нежно поцеловав брата в лоб, ушла к себе...

Ему снился удивительный сон. Словно он сам и сестра были совсем маленькими и лежали в каких-то плетёных колыбелях. Между ними стоял Дмитрий Михайлович в том самом парадном мундире, увешанном орденами и медалями, в котором его увидели на

старинной фотографии, и обеими руками плавно и заботливо покачивал колыбели. А вот перед ними стояла очередь из огромного количества людей. Мужчин и женщин. И каждый, кто подходил ближе, клал перед младенцами что-то особое, а потом, сделав пару шагов в сторону, исчезал без следа. Антон понимал, что перед ними выстроились предки, а конца той очереди было не видно. Дамы, одетые в старинные платья, чуть касались детей своими губами, желая здоровья и многих лет жизни, а торжественно одетые мужчины в свою очередь желали, что бы их потомки не посрамили честь славного древнего рода. Это действие длилось бесконечно долго, но закончилось внезапно, ибо последним подошёл воин, одетый в старинный доспех и, выдернув из-за спины два клинка, поочерёдно поцеловав их, положил не в общую кучу подарков, а аккуратно разместил прямо в колыбелях, о правую руку каждого из младенцев. Потом, сняв шлем с головы, неожиданно улыбнулся и... поклонился в пояс. Не сказав ни слова, отступил от колыбелей, вновь надев шлем и, в отличие от других предков, не исчез, а выдохнув от облегчения, что исполнил свою миссию, ушёл обратно, туда, где клубился туман...

Антон очнулся, словно его выдернули из тяжёлого сна — мокрый, нервный. Его сердце бешено колотилось, а руки, выдернутые из-под одеяла, подрагивали.

— «Подарки подарками, наши предки нас признали и благословили. Только почему воин ушёл, а не развоплотился как другие? Показав тем самым, что нас впереди ожидают сражения и его дух, пока всё не закончится, не упокоится? Не стану ругаться, но совершенно не хочется вновь воевать с кем-либо. Наше призвание лечить людей, а не уничтожать себе подобных. Но, как понимаю этот вещий сон, (да и сон ли?) показывает, что нам в дальнейшем не грозит спокойная жизнь... Так... время сколько?»

Взяв телефон с тумбочки, посмотрел на дисплей и... подскочил чуть ли не на метр над кроватью. До начала рабочего дня оставалось всего десять минут.

Заскочив в соседнюю спальню, обнаружил, что сестры на месте нет — кровать аккуратно застелена. Рванул на кухню и увидел на столе что-то закрытое полотенцем и записку. Схватил, прочёл и... сел на стул.

«Ваше Сиятельство. Тошка, братик. Не стала тебя будить. Заходила пару раз, но ты так сладко спал... Я приготовила на завтрак твоё любимое, надеюсь, что ещё не остыло. Не торопись и не беги в клинику сломя голову — я буду на месте вовремя и начну работать. Сегодня никого из сложных нет. Так что когда придёшь, тогда и подключишься. Целую. Арина».

Антон аккуратно поднял толстое полотенце — под ним стояла глубокая миска, доверху наполненная его любимыми оладьями. А на верхней оладушке, судя по запаху и цвету, из вишнёвого варенья было изображено сердечко.

— Родной мой человечек. Какое счастье, что ты есть у меня, нежная и заботливая...

Санкт-Петербург. Частная клиника.

5 дней спустя. Утро.

— Ну вот, Вы и сделали, словно младенец, свои первые шаги. Каковы ощущения?

Антон, держа за руку пациента, улыбаясь, смотрел на мужчину, которого с другой стороны поддерживала Мара.

— Так, словно и в самом деле младенец, только чуть постарше годами, этак лет на семьдесят.

Мужчина, пряча улыбку, чувствовал невероятную слабость, но радость от ощущения собственного тела и осознание, что его миновала участь остаться до конца дней

парализованным, временами прорывалась сквозь обычное невозмутимое выражение на лице. А выражать эмоции публично — для представителей его планеты было вообще за гранью приличия.

— Спасибо Вам, уважаемые, что сделали невозможное, подарив мне здоровье и счастье ощутить себя вновь полноценным человеком.

Мужчина попытался поклониться, но чуть не упал, благо его держали за руки с двух сторон.

— А вот резких движений Вам не следует делать ещё, как минимум, месяц. Да и потом старайтесь двигаться плавно, контролируя каждое движение. Не надо давать неоправданные нагрузки на организм. Тело со временем вернётся к нормальному состоянию, только придерживайтесь рекомендаций, которые я передал Вашей дочери. Там описано всё, вплоть до мелочей... Что, будем прощаться?

— Да, время уходит. Окно возврата закрывается сегодня днём. Следующее надо будет ждать несколько месяцев.

Эти слова произнёс мужчина, который стоял сзади своего отца, держа руки на уже приготовленном кресле-каталке.

— Вы молодец... Дио. Я не ошибся? — У Антона исчезла улыбка и он стал серьёзным. — Кресло в самый раз и, по возможности, старайтесь всё же контролировать своего отца, что бы тот не вскакивал и соблюдал постельный режим хотя бы в ближайшие пару недель. Всё, как уже говорил, в рекомендациях. Что ж, счастливого пути, дети славного народа «Боры». Процветания Вам и Вашему роду.

— Благодарим Вас за оказанную помощь и надеемся, что при случае сможем ответить тем же. — Пожилой мужчина выпрямился и был торжественен. — Я никогда не забуду то, что Вы сделали для меня. Счастья Вам и процветания.

Сын с дочерью усадили мужчину в кресло и неожиданно Мара, наклонившись к голове отца, что-то шепнула ему на ухо и тот, подняв удивлённые глаза на девушку, после недолгого размышления согласно кивнул.

Мара, сделав шаг к Антону, неожиданно задала вопрос, который парень совсем не ожидал услышать.

— Антон. Разрешите мне коснуться Вашего разума?

— Разрешаю, — несколько растерянно ответил парень, незаметно подав сестре сигнал о возможном ментальном воздействии, и Арина, мгновенно подобравшись, приготовилась к защите.

— *«Антон. Я заметила, что Арина приготовилась к отражению ментальной атаки. Вы столь недоверяете нам?»*

— *«В нашем народе есть хорошая поговорка — «Доверяй, но проверяй». Понимаете с чём я?»*

— *«Вполне понимаю. У нас есть подобная. Но я не об этом... Меня волнует совсем иное. Скажите, только ожидаю честного ответа. Я Вам нравлюсь? Как человек и... как женщина».*

— *«Не буду обманывать. На оба вопроса отвечу — ДА. Вы необычны сами по себе, а кроме удивительной, даже по меркам нашего мира, красоте, обладаете незаурядным умом, да и характером, которые редко можно встретить у столь прекрасного представителя слабого пола».*

— *«Спасибо. Мне было важно услышать Ваши мысли. Именно мысли, в них не может*

быть фальши, не то, что в словах. Мне жаль, что приходится покинуть Вас, так толком ни разу и не поговорив, а тем для разговора имеется множество. Мне кажется, что я смогла бы с Вами беседовать всю жизнь, не повторяясь и находя всё новые и новые темы».

— *«Только разговаривать? И так провести всю жизнь? Мне кажется, что это несколько безрассудное проведение времени между мужчиной и женщиной».*

Девушка неожиданно покраснела и, сделав шаг вперёд, поцеловала Антона в губы.

— *«Мне бы хотелось познать всю жизнь. От и до. А я, увы, познавать так и не начала. Мне можно надеяться?»*

— *«Мне было приятно Ваше прикосновение, Мара, словно меня поцеловала не девушка, а коснулись лепестки какого-то удивительно красивого и сказочного цветка. На Ваш последний вопрос могу ответить тем же — а мне можно надеяться хотя бы ещё раз увидеть Вас и почувствовать на своих губах это сказочное ощущение? Знаете, может и будет дурным тоном вновь вспомнить поговорку нашего народа, но она уж точно описывает эту ситуацию — «Надежда умирает последней». Вспоминайте меня хоть изредка, сказочный цветочек».*

Антон сделал шаг назад и Мара, которая стояла с прикрытыми глазами, как казалось, ожидая ответного поцелуя, внезапно отшатнулась и, вопросительно посмотрев на улыбающегося отца и почему-то хмурого брата, сама свела брови.

Мужчина, сидя в кресле, откровенно потешался над своими детьми.

— Мара, ты попросилась с одним из врачей. Твой брат тоже испросил моего разрешения попроситься с другим. Дио. Твоя очередь. Не стой столбом. Сам же сказал, что время уходит. И так...

Молодой мужчина, сделав пару шагов к Арине, протянул ей руку и аккуратно помог ей подняться со стула.

— Мне сестра рассказала правила ментально общения на этой земле. Не буду нарушать традиции. Арина, разрешите коснуться Вашего разума?

Девушка вспыхнула от смущения, но, следуя Правилам Закона, ответила.

— Я даю разрешение для ментального общения...

А через секунду мужчина, схватившись за виски, рухнул на колени от боли в голове.

— Боги, я совсем ребёнок по сравнению с Силой этой девушки, — простонал мужчина. — Простите, Арина, за проявленную слабость. Я ведь только начал постигать путь Разумных. У меня Дар проснул в зрелом возрасте, он ещё слабо развит. Могу передать словами то, что было в мыслях?

— Попробуйте, — улыбнулась чуть сконфуженная девушка, видя перед собой стоящего на коленях мужчину.

— Скажу на древнем языке. Том, на котором говорили наши Создатели. Его знают на нашей планете считанные единицы, но он столь красив, как и Вы.

Арина быстро переглянулась с братом и, увидев его согласный кивок, внутренне приободрилась.

— «Ион дан сальо аль вас КОИС то наим». (Я был бы счастлив посвятить свою жизнь богине в твоём воплощении.)

Мужчина встал с колен и, сделав шаг назад, внезапно остановился, услышав за спиной голос девушки.

— «Аулон арис кайс иотан ван. Исион тан». (Смелые слова, но необдуманые. Разрешаю попробовать)

— ЧТО??? — Короткий крик прорезал тишину комнаты и двое мужчин и девушка уставились на Арину, которая спокойно опустилась на стул и сама с удивлением смотрела на ошарашенных гостей.

Сглатывая чуть ли не через секунду, старик с побледневшим лицом посмотрел на Арину, а потом перевёл взгляд на Антона.

Тот, увидев потрясение на лицах гостей, решил, что, в принципе, им нечего терять, тем более что эти странные визитёры сегодня вообще покинут Землю, продолжив за сестрой, окончательно добывая гостей.

— «Ион айтин пайос дио ту ойон ори тун СИОС» (Мы с сестрой свободно владеем языком Первых). А потом, решив, что бить, так насмерть, добавил — «Тио на КОИС ион сатки ийон вио» (Одна из Первых сама нас обучила этому языку).

В гостевой комнате повисла гробовая тишина и только несколько пару минут старик, посмотрев на дочь, произнёс непонятную для двойняшек фразу.

— Мара. Я признаю свою ошибку полностью и преклоняюсь перед твоей мудростью. Прошу простить меня за необдуманные слова.

Девушка, поклонившись отцу, ответила тем же.

— Отец, я принимаю твои извинения в полной мере. Считаю, что наши разногласия остались в прошлом. Мир?

— Мир, дочь. А теперь, дети, увезите меня отсюда как можно быстрее. В ином случае, проведя ещё некоторое время с этими людьми, я или сойду с ума или вообще откажусь возвращаться домой, что бы побыть с ними подольше.

Мужчину вывез в коридор сын, а девушка, с трудом сдерживая выступившие слёзы, задержалась ещё с полминуты, чуть улыбнувшись двойняшкам, извиняясь за слова отца.

— Простите, но папа почему-то до этого момента был уверен, что истинный язык Создателей знает у нас на Родине всего-то человек двадцать, из которых, за исключением членов нашей семьи — священники высшего сана, Хранители культа Создателей. А тут Вы, свободно владеющие языком, да и строящие фразы в изначальной форме. Антон. Вы правду сказали на счёт...

— Я не умею врать и обманывать, особенно тем, кому доверяю. Сказал правду. Так уж получилось. Извините, но попытка Вашего брата показать себя возвышенным и поэтичным, на деле провалилилась с треском. Что же, сожалею. Может в следующий раз...

— И всё же передайте Дио, что я на него не сержусь. — Арина покраснела, но пересилив смущение, продолжила. — Он милый человек, симпатичный и вполне обходительный. И всё, что я сказала на языке Создателей, остаётся в силе. Но, как понимаю, вновь лишь могу пожелать Вам доброго пути. На дальнейшее вряд ли могу рассчитывать.

— Подождите, Мара. Две минуты.

Антон выбежал из комнаты ожидания и вскоре вернулся с небольшим пакетом, передав его девушке.

— Я там приготовил небольшой подарок. Ничего опасного для Вас. Внутри пакета планшет с записями нескольких фильмов, которые мы с сестрой любим. Посмотрите, когда будет время. В пакете зарядное устройство и пояснения как и что включать. — Парень смутился. — Вообще, сами разберётесь. Главное — не сожгите адаптер, если у вас другое напряжение электричества. А сейчас бегите, а то оставят Вас здесь одну на съедение диким землянам... Мне бы, конечно, хотелось... До свидания, Мара. — Антон, не сознавая до конца что творит, обнял девушку и поцеловал её губы. — Всё, идите от греха...

Когда прошло немало времени, двойняшки, взглянув друг на друга... вдруг расхохотались в голос.

— Тош. И что ты подсунул своей невесте?

— Прям уж невесте. Ты вот своему избраннику вообще прямо в лоб сказала — приходи и бери под крыло, а я, мол, согласна на всё...

— Засранец ты. Всё не так было. Я просто дала ему разрешение на ухаживание за мной. И НЕ БОЛЕЕ!!! Я девушка строгих правил. Сначала ухаживания, ну, приблизительно, этот год минимум. Потом, если не будет эксцессов, свадьба, а уж остальное... Не то, что у тебя. Чуть ли на первом свидании поцелуи в засос, да и в мыслях твоих было ТАКОЕ, что даже мне стало стыдно за тебя... Какой же ты похабник. А ещё брат...

— Всё, Рин, закончили, — Антон вдруг стал грустным. — А знаешь, эта девушка и в самом деле необычная. Почему? Когда она коснулась меня губами, а мы к тому же были с ней соединены до этого и ментально, я понял, что она, как и ты, может быть частью меня, моей души, словно мы с ней близки.

— Ты просто влюбился в инопланетянку, братик.

— А ты в инопланетянина. Что, не прав? Чуть ли не дырку в нём просверлила своими глазищами, стараясь запомнить его образ на всю оставшуюся жизнь. Не прав? А что, парень вежливый, да и красивый, видный, умный. Вон, столь поэтическая натура, что пытался тебе объясниться в любви на языке Создателей. Будет тебе хорошей парой.

— Всё! И в самом деле, заканчиваем, — вдруг разозлилась девушка. — Они ушли по собственной воле, их никто не гнал. А раз ушли, то и...

— Согласен. — Антон примирительно поднял руки вверх. — Видно кто-то в небесах решил всё за нас или там, наверху, просто издеваются... Или решили нас испытать? Кто знает их помыслы? Почему, кстати, Свар с ними не отправился? Он ведь со своими родичами провёл последние пару дней.

— Его просили, даже умоляли, но тот упёрся. Вчера мне сказал, когда столкнулись в холле, что он им чужой, а здесь уже свyksя, да и появились настоящие друзья, которых не хочет покидать. И тонко так намекнул, мол, встретил ТУ женщину, от которой у него голова кругом идёт. Это, как поняла, и было главным, хотя Свар отнекивался.

Антон засмеялся.

— А о Белом что-нибудь говорил? Те ведь в последнее время неразлучны были? Или уже нет?

Теперь засмелаясь Арина.

— Спросила, почему Олег к нам так и не пришёл. И знаешь, что ответил Древний? Только держи себя в руках. Оказывается, в очередной раз, набравшись, Олег со Сваром сцепились из-за взглядов на... женщин. И нет бы просто на словах, так эти двое упёрлись рогами словно быки, а потом и вовсе подрались. Набили рожи друг другу, а в конце, когда Свар отправил Белого в беспамятство, тот, очухавшись через время, внезапно протрезвел и, как-то странно посмотрев на товарища, вдруг заявил, что у него мозги встали на место и, среди ночи одевшись, удрал из собственной квартиры, оставив Древнего без собутыльника. Тот, поутру, забеспокоившись, позвонил Кате, аккуратно поинтересовавшись как там Олег. Катка рассказала, что её благоверный заявился посреди ночи, разбудив её и детей. Явно ободрав пару соседних участков, слепив огромный нелепый букет из самых несовместимых цветов, в прихожей упал на колени, прося прощение за всё ранее содеянное, обещая, что теперь он другой, а с головой у него отныне всё в порядке. Катя ещё упомянула, что утром

Белый, впервые за многие годы, приготовил всем завтрак, а потом, схватив в охапку детей, пошёл с ними гулять по лесу. Свар, правда обмолвился, что Катя перепугана смертельно, мол, как общаться с прежним Олегом она знала, а вот как с новым... боится даже представить.

Комнату опять сотряс хохот и, чуть успокоившись, Антон задал вопрос, который его терзал весь день, но поговорить сестрой до этого момента ему в спокойной обстановке так и не удалось.

— Рин. А что там... дома? Как тебя вчера встретили?

Арина, взяв со стола тонкую папку, молча протянула брату. Он открыл и стал читать. Вскоре закрыл папку и бросил на пол рядом с собой.

— Это, как понимаю, причина, из-за чего что отец устроил весь этот сыр-бор? Знаешь, то, что среди непонятных осколков какой-то исследовательской станции возможно и внеземного происхождения, нашли расплавленные капсулы с «нашими» ДНК... Это, с одной стороны, интересно, с другой — невнятно. Я, даже не видя эти документы, понял, что наше времяпровождение в другом мире на самом деле было просто исследовательской миссией неких сторонних сил. Были это зелёные человечки или древняя станция Первых, мне, если честно, не интересно на данный момент. Более интересно другое, то, что было на последнем листе. Там ведь чётко было написано, что наши ДНК отличаются от тех, что нашли в капсулах и что принадлежат именно людям. Более того, если обратила внимание, там же и сравнительные показатели по двухста сорока шести параметрам, доказывающие, что мы являемся биологическими детьми именно что наших отца и матери. А найденные ДНК вообще иные. Так почему отец внезапно решил, что останки непонятных тел, да, судя по фотографиям, так вообще ничего не осталось, принадлежат именно его детям, а вместо них, то есть нас, на земле клоны или биороботы??? Бред!!! От самой станции ничего практически не осталось, от оборудования — лишь пыль... Или это воздействие нашего «салюта», или при аварии автоматически сработала защита по типу самоуничтожения. Да это и неважно. Хренотень, и только. А по факту возникает вопрос. Ну, сделаны анализы, проведены исследования. И что в итоге??? Какого отец до сих пор строит из себя непонятно что? Мог бы ещё несколько дней назад, получив эти докумнеты, прийти и всё пояснить, а не совать эти бумажки тебе.

— Антон, он не совал, как ты выразился. Его нет на данный момент в городе — уехал куда-то. Я вчера с мамой провела весь вечер. Она как клещ вцепилась в меня и ни на секунду не отпускала. И... всё время плакала. Ей больно, что мы ушли от них без объяснений.

— То есть было бы лучше устроить разборки дома? Выяснить кто из нас более виноват, кто менее? Извини, не считаю себя виновным ни в чём. И первым не пойду мириться именно потому, что не вижу за мной никакой вины. Если у тебя иное мнение — не смею препятствовать. Ты вполне самостоятельный и взрослый человек, который вправе поступать так, как считает нужным.

— Зачем ты так, Тош? Зачем меня обижаешь? Ты хочешь поссориться? Да?

— Нет, Рин. Я и в мыслях не держал такое. Просто ты более чувственная натура, которой труднее выдержать расставание с родителями. Я ведь тоже скучаю по маме. Но вот так легко забыть всё то, что происходило с нами, извини, не могу. Может пройдёт время и всё наладится? Хорошо бы, но пока не вижу причин, по которым смогу прийти к родителям и вести себя так, словно ничего не произошло. Забыть, как за нами была устроена самая настоящая охота, как мы скрывались от людей, словно преступники... Ты можешь это

забыть? Я нет. А для чего ты вообще принесла эти документы?

— Мама сказала, что отец просил передать их тебе для ознакомления.

— Ну вот, ознакомился. И что? Злорадствовать, что, судя по прикреплённым выжимкам из релизов МИДа, на Россию ополчился весь мир, требуя допустить их для исследования обломков, а наши пошли в отказ? Или считаешь, что отец просто так подсунул мне эти релизы? Одно скажу. Как понимаю, в данный момент Сан Саныч матерится в наш адрес от того, что Контора вновь в поисках «крота», кто слил секретную информацию на сторону. Или предлагаешь вот прямо сейчас бросить всё и мчаться к отцу? Помогать ему в исследованиях обломков? Что, откуда, почему, зачем? Вот именно, ЗАЧЕМ? У него, как знаю, все умные головы и вся мощь страны за спиной. Стоит только щёлкнуть пальцем. А я ему на кой? Что бы был рядом и с умным видом кивал на все его телодвижения? Так для того всё надо было изначально выстроить не так. Всё, Арин, закончили. Я своё мнение высказал, ты слышала. Можешь разговор и мои слова передать маме. Повторюсь. Пока отец не поймёт и не осознает до конца совершённые ошибки по отношению к нам, я встречаться с ним даже на нейтральной стороне не желаю. С мамой тоже. Это не спонтанное решение, а результат многих суток размышлений. Самое страшное, что случилось, если ты не поняла главное до сих пор — мама не стала за нас бороться, а сразу, без оговорок и, не выслушав нас, приняла сторону отца. Просто так — Раз... и мы в одну секунду стали для них чужими. И всё потому, что для отца чувство государственности в голове давным-давно вытеснило чувство семьи и любви к детям. Сначала по отношению к Кате, а потом и к нам. Мальш. Мне больно об этом говорить, я ведь сам переживаю. Да и вчера, к слову, мама ведь позвонила именно тебе и попросила приехать опять же только тебя... Давай закончим.

— Хорошо, Тош, закончим. Только не обижайся на меня, если буду иногда ездить к маме. Ей очень одиноко и... страшно, что нас окончательно потеряет. Она мне вчера сама об этом сказала.

— Не начинай сначала. Я тебе запретить это не могу, да и не хочу. Пусть радуется, что у неё осталась связь хотя бы с одним ребёнком.

— Антон. Прекрати! Я сейчас заплачу. Ты этого хочешь?

— Нет, сестрёнка, не хочу. Вот сейчас, как и всегда. Начали за здоровье...

Арина вытерла глаза, на которых появились слёзы и, стараясь сдерживать себя, переключив разговор на другую тему, поинтересовалась, что было в том пакете, что брат передал Маре.

— Да ничего особенного. Я заранее купил планшет и закачал туда несколько десятков самых лучших мультиков и фильмов, которые мы с детства любим и пересматриваем. К тому же скопировал и пятиминутный фильм с нами. Ну тот, который сами снимали в день рождения, на двадцать пять лет.

— Ты что, с ума сошёл? Зачем им этот фильм? Мы ведь там всё время дурачились, хотя... Да, там весь город снят, все дворцы, парки. К тому же Петродворец, Павловск... Думаю, если ОНИ будут смотреть не наши кривляния, а на виды города и окрестностей, которые совсем, как понимаю, так и не увидели за время, что здесь были... А мультики и фильмы какие?

— Король-лев, Белоснежка, Бэмби, Летучий корабль, Жил-был пёс. И другие. А и фильмов — Войну и мир, Трёх мушкетёров, Кавказкую пленницу, Невероятные приключения итальянцев в России и подобные. Руководствовался тем, что чужим будет легче воспринимать фильмы с большим содержанием юмора, нежели Анну Каренину или

подобные.

— А наш любимый?

— Ты имеешь в виду «31 июня»? Естественно. Первым в списке.

Девушка посмотрела на брата, потом замолчала и лишь спустя несколько минут спросила.

— Ты считаешь, ОНИ поймут?

— Рин. Давай жить, как жили, а что будет или не будет, всё решится со временем. Нас же не пригласили с собой, а у них, как я чувствовал, возможность такая была. Не предложили не то что жить там постоянно, а хотя бы дать возможность глянуть одним глазком как они живут. Хотя мы ведь с тобой даже свой мир не видели, что говорить о других. Рин. Ты сегодня со мной или к маме?

— С тобой. Пусть чуть уляжется буря в чувствах как у неё, так и у меня. Ужинаем в кафе или дома?

— Давай дома, а то наш домовёнок забил продуктами весь холодильник, а мы почти не ужинаем. Я вчера почувствовал его обиду.

Девушка улыбнулась, а потом захихикала.

— Нет, что бы самому нам что-нибудь приготовить. Он ведь не бесплотный дух, а вполне материален. Ты же сам заметил, что он пыль ежедневно в квартире убирает, да и за нами каждый раз перестилает кровати, что бы ни складочки, ни морщинки... Кстати, а сам обратил внимание, что каждое утро в ваннх и на кухне свежие полотенца, а кровати по вечерам застелены новым бельём? Может вскоре он и за наши трусики возьмётся?

Парень покраснел.

— Рин, так он... Ты сама спроси у него, а мои... трусы утром наглажены и пахнут, словно их стирали в отваре из цветов.

Арина в изумлении посмотрела на брата.

— Ты правду говоришь?

Парень кивнул.

Девушка тоже покрылась румянцем, пытаясь что-то сообразить.

— Вот оно что... Я ведь, честно говоря, тоже обратила внимание на подобное, но как-то не придавала этому значения. Атон. Надо прекращать. Мне стыдно, да и неловко. Хоть он и не человек, но всё же... Поговори с Аристархом, определи степень доступности к нашим личным вещам.

— Я уже интересовался, так мне было указано, что негоже по утрам повторно использовать то, что было одето накануне. И было высказано таким тоном, что спорить с ним не стал. Более того. Аристарх чуть ли не в ультимативном тоне заявил, коль мы столь стеснены в финансах, что не можем себе позволить часто менять нижнее бельё, то сам, на СОБСТВЕННЫЕ средства и по личному разумению обеспечит нас всем необходимым.

Девушка захохотала, а из её глаз потекли слёзы.

— Представляю, как однажды утром придётся одевать на себя розовые панталоны до колен, украшенные кружевами и бантиками. А сверху какое-нибудь глухое чёрное платье со стоячим жёстким воротником. Ладно. Сама с ним решу этот вопрос. Мне вот интересно другое — а как ужинали в начале прошлого века? Как сервировали стол, что подавали?

— Вот и спроси, — Антон улыбнулась. — Ты в этом доме такая же хозяйка, как и я. Точнее, мы оба приёмышы у настоящего хозяина, который со дня на день должен вернуться. Может лучше у Дмитрия Михайловича поинтересуешься?

Антон вдруг вздрогнул и, прикоснувшись пальцем к голове, потом указав на дверь комнаты ожидания, где они находились, закрыл глаза.

Издали, словно писк комара, в его голову проникла мысль девушки, что недавно покинула эту комнату.

— *«Антон. Прости, что тебя отвлекаю от работы. Арина тоже на связи? Не мешаю? У меня всего несколько секунд до перехода. Арина. Вопрос, прости, именно к тебе. А цвет твоих волос на самом деле огнено-рыжий?»*

Антон не стал ничего говорить, пытаясь лишь ощутить эмоции Мары, но отметил краем сознания слова сестры.

— *«Мара, нет, не естественный. Я с рождения блондинка. Меня родители называли Белоснежкой. А когда чуть повзрослела, решила всем на зло всем перекрасить волосы. С тех пор рыжая, как и одна наша родственница. А что?»*

— *«Блондинка? То есть белая? Разве такое бывает?»*

— *«Мара, у нас натуральных блондинок много, но светловолосых ещё больше, русских. А что тебя так удивило?»*

— *«У нас никогда не было людей с белым цветом волос. Скажу брату, тот будет счастлив. Прощайте. Спасибо Вам за все добрые дела и слова».*

— *«Когда есть возможность увидеться, мы не говорим «Прощай». Говорим с надеждой на будущее — «До свидания».*

— *«Свидания???»...*

Связь прервалась и двойняшки посмотрели друг другу в глаза.

— И что это было сейчас? — как-то с тоской в голосе спросила Арина.

— Ты правильно поправила Мару последними словами. Может когда и увидимся. Как в той поговорке? Человек полагает, а Бог располагает? Вот если ОН или ОНИ есть на самом деле, со временем в этом и убедимся. Тяп-ляп. Уже пять вечера. Мы сегодня не обедали, не забыла? Кстати, теперь понятно, почему ты заинтересовалась сервировкой стола вековой давности. Пошли. Надо меру знать.

— Так сегодня суббота, всё равно в клинике никого нет кроме охраны.

— Так и Мишу не будем лишней раз дёргать. Пойдём домой как все нормальные люди, коль он у нас появился...

Полгода спустя.

Столичный город Ардлин планеты Боры.

Мара, подойдя к окну, глянула на облака, что плыли над землей гораздо ниже того этажа, на котором находились её личные апартаменты. Перед глазами снова возникло лицо парня, которое она все эти дни и месяцы тщетно гнала от себя. Может быть её попытки и увенчались успехом в ином случае, если бы тогда, по собственному желанию, не соприкоснулась разумом с ним, в котором за мгновение растворилась без остатка, почувствовав к себе даже не симпатию, а набирающее силы большого чувства, от чего она сейчас в полном смысле сходила с ума. И всё шло по нарастающей. А как можно было оценить состояние Первого инспектора Отдела Поиска, в подчинении которого состоял штат чуть ли не из полумиллиона человек? И последнее время этот инспектор стал уходить в себя, закрываясь наглухо от других не только дома, но и во время совещаний и планирования дальнейших действий Отдела. На девушку уже стали недоумённо коситься, а некоторые так просто шептались по углам, кто догадывался о возможных причинах настолько явных изменений в психике не одну сотню раз проверенного медиками руководителя. Мара в итоге не выдержала и, подав прошение, чуть ли не силой выбила себе отпуск на две недели. И на сегодня из него уже оставалось всего два свободных дня. А ощущение тёплого, ласкового, нежного и заботливого прикосновения к своему разуму, к своей душе, так и не проходило, наоборот...

Дверь после короткого стука открылась и на пороге появилась близкая подруга.

— Марч. Я за тобой. Сегодня на студии закончили озвучку твоего любимого фильма. Я еле успела ухватить последние билеты на премьеру. Пойдём? Ну, пожалуйста... Я сама смотрела его уже раз сто, и столько же раз плакала, но не на широком экране, а в зале, где кроме нас будет ещё несколько тысяч человек... В такие моменты, когда происходит единение народа, когда все чувства огромного количества людей сливаются в единое целое. Это такая мощь...

— Тала. Я, наверное, не смогу. Ты же знаешь, что я начинаю рыдать чуть ли не с самого начала. Представь, что буду ТАК воздействовать на окружающих. Зачем им мои переживания и страдания?

— Мар, — девушка, взяв руки подруги в свои, заглянула в её глаза. — Зачем ты себя мучаешь? Если за то время, что кануло, как вернулась домой, так и не забыла парня, иди к нему. Чего ждёшь? Что он придёт за тобой? Так у них, как говорил твой брат, нет оборудования для перемещения между мирами. Чего тянешь? Всё равно, рано или поздно, ты к нему вернёшься.

Мара подняла покрасневшие глаза и посмотрела на подругу, которую знала чуть ли не с рождения...

— Ты думаешь?

— Думаю. Ещё как думаю. Я бы сделала давным-давно подобный шаг, если бы знала, что где-то на краю Галактики меня ожидает человек, ради которого можно бросить всё и быть просто счастливой. Только, чур, на свадьбу меня пригласишь. А то обижусь... или попытаюсь вообще его у тебя увести. Хоть ты и лучшая подруга, но ради собственного счастья я готова абсолютно на всё...

Мара вскинула на Талу гневный взгляд и... увидев перед собой улыбающееся лицо, сама невольно рассмеялась.

— Ладно, уговорила, психолог. Пойдём...

--

Когда девушка с отцом вернулись домой, Мара всё время откладывала тот момент, когда надо будет первый раз включить планшет, что ей подарил Антон. Почти две недели в карантине, когда её, как и други членов экспедиции, постоянно тестировали и проверяли на различные бактерии и возможные вирусы, что могли проникнуть на родную планету, у девушки просто не было ни сил, ни времени. И только за день до окончания изоляции, когда нагрузки и суматоха вокруг них стихли, Мара с осторожностью включила аппарат и... замерла от восхищения, потому что мультпликация, как таковой, в их мире не было вообще. Даже для детей создавались фильмы, где или актёры изображали детей, или живых людей заменяли куклами, да и все ситуации были скорее взяты из жизни. А на экране она увидела необыкновенных рисованных животных, которые говорили, радовались, смеялись и плакали, словно живые люди. Она и не заметила, как во время просмотра первого же мультфильма к ней присоединился сначала брат, а вскоре вокруг сидели и лежали все члены экспедиции, что эвакуировали потеряшек. В комнате не было слышно даже дыхания, словно все взрослые люди боялись нарушить волшебство...

Через пару дней, когда индикатор заряда на планшете стал падать, отец распорядился создать аппарат, который смог бы восполнить заряд батареи, так как на этой планете энергия передавалась совсем по иным принципам и сетевое электричество являлось для всех анахронизмом. И ещё через пару дней Мара вместе со своими друзьями, помучавшись и задействовав знакомых, скопировали пару фильмов и несколько мультиков на аппараты, которые могли демонстрировать изображение уже широкому кругу зрителей. И первое, что было даже не озвучено, а лишь снабжено субтитрами, однажды вечером, совершенно без предварительной рекламы, на страх и риск дежурного редактора вещания, который предварительно посмотрел этот фильм несколько раз подряд, был запущен в мировую трансляцию диснеевский «Король-лев».

Мир замер... Как позже сообщили девушке, такой трансляции их планета ещё не знала. Уже потом стало известно, что даже пассажиры подземных поездов отказывались покидать свои места, пока не досмотрели фильм до конца... Вся работа на планете остановилась и люди прильнули к экранам визоров. Да, это была не четырёхмерная голографика, к которой все привыкли, но...

А на следующий день планшет был чуть ли не силой вырван из рук Мары и под усиленной охраной перевезён в глобальный центр вещания, где уже высокклассные техники и инженеры стали копировать содержимое планшета, превращая двухмерную графику в четырёхмерную голографику, профессионально озвучивая все голоса, подражая оригинальной озвучке. И через пару дней мир потряс новый взрыв эмоций — это был короткий мультфильм под названием «Жил был пёс».

Мара не поленилась и, включив с приглашёнными к себе друзьями огромный визор во всю стену, на протяжении всех десяти минут, как и остальные, хохотала во всё горло, до слёз, больше наблюдая, как её вечно серьёзные товарищи неожиданно, даже для самих себя, смеются, переживая за героев мультика. И это поразило Мару больше всего, так как среди её народа являлось неправильным действием показывать свои эмоции на людях. А в тот момент девушка отметила, что разницы-то особой среди населения двух планеты не было, а

поначалу, видя, как земляне откровенно выражают свои чувства, смеются или плачут, хохочут по поводу и без на людях, её долгое время шокировало до глубины сознания.

Аналитики из Глобальной сети, отметив необычную реакцию зрителей, рассчитали время показа новых мультфильмов так, что бы это ни в коем случае в дальнейшем не тормозило производство и жизнедеятельность мира. И всё же порой случались курьёзные случаи.

Через неделю для тех, кто посмотреть в прямом эфире очередную премьеру не мог, на следующий день был организован повтор трансляции. Но и те, кто смотрел накануне, вновь преникали к визорам, смотря мультфильмы, словно в первый раз. Но большинство людей желали вновь и вновь смотреть уже полюбившиеся фильмы. И вскоре был создан отдельный канал, по которому безостановочно крутились уже ранее показанные.

Дети, которые посмотрели мультики, внезапно стали требовать от родителей игрушки в виде любимых персонажей и... соответствующее производство заработало в самые короткие сроки. Игрушки сметались с прилавков магазинов за считанные часы и покупали их взрослые не только для детей, но и для себя. А когда на экранах была продемонстрирована пилотная серия «Маша и медведь», то среди народа началось просто безумие — чуть ли не все дети хотели быть похожи на мультяшную девочку даже внешне...

Как ни странно, но на художественные фильмы, от трансляции которых по глобальной сети не известно по каким причинам было решено отказаться, на премьеры голофильмов шли уже вполне взрослые люди, часто семьями, словно на всеобщий праздник. И, пожалуй, ни разу среди многотысячной аудитории не было ни одного равнодушного...

Соответственно отреагировав на реакцию людей, проведя множество опросов и немислимое количество социологических исследований, без особой огласки был создан Центральный Совет Мира, где был поставлен ребром вопрос о пересмотре Правил публичного поведения людей и Регламента эмоциональной составляющей. Все поправки были одобрены единогласно, а причиной тому явился ненавязчивый совет ректора Звездной академии, который рекомендовал на обложку нового свода Правил, который был предварительно роздан всем членам Совета Мира, поместить изображение маленького львёнка из уже известного всем мультика. Да, это был удар ниже пояса, но все присутствующие через каждые несколько минут закрывали документы, осторожно кидая взгляды по сторонам, а потом и на саму обложку, и на лица солидных людей повсеместно можно было видеть добрые улыбки...

--

И вот сегодня была последняя премьера. Фильма, немного наивного по сути, но с прекрасной музыкой и тем самым содержанием... Мара сразу поняла весь подтекстфильма и почему он оказался в списке под номером один в планшете, и каждый раз плакала, как заканчивалась вторая серия и вновь перед её глазами появлялся образ ТОГО, кто ей подарил надежду и мечту на будущее.

--

Фильм несколько тысяч людей смотрели затаив дыхание и, когда закончилась вторая серия и прошли титры, никто так и не покинул своего места. Голограмма трансляции, свернувшись в точку, мелькнув, исчезла, но через мгновение в воздухе вновь появилось изображение, но уже со всеми узнаваемым человеком — Руководителем Глобальной сети вещания.

— Уважаемые друзья, близкие, родные. Сегодня у нас прошла премьера доброго и

немного и наивного фильма. Он, как и все остальные, не создан на наших студиях, а доставлен на нашу планету случайно, подаренный одним из наших товарищей. А сейчас внимание всем. Мара Энрим Гран Дриптон. Если ты есть в зале, поднимись!!!

Мара, не хотела подниматься, но её вытолкнули с места друзья.

— Уважаемые. Посмотрите на эту хрупкую и прекрасную девушку. Ту, которая благодаря профессиональной подготовке и личному мужеству, свершив множество храбрых и самоотверженных поступков, не только спасла жизнь научному руководителю экспедиции, ректору Звёздной Академии, но и принесла нашему народу столь много незабываемых минут счастья. Когда мы всей планетой плакали и смеялись, когда переживали за судьбы героев и по ночам не могли уснуть от волнения... Спасибо тебе от всего нашего народа. От всех из нас за то счастье, что принесла в каждую семью. А теперь главное. Внимание!!!

Мара Энрим Гран Дриптон. Ты, единогласным решением Центрального Совета Мира и единогласным решением Совета Информации за свершенные подвиги удостоена звания Героя Нации. Да будет имя твоё вечно записано в историю народа. Торжественное награждение будет произведено на ближайшем Высшем Совете. Прими поздравления от сердец каждого из нас!!!

Мара почувствовала, как её тело взлетело над зрительским, подхваченное множеством рук и... потерялась в круговороте счастливых знакомых и незнакомых лиц, которые говорили ей множество добрых слов и все пытались прикоснуться к ней, поддерживая и передавая свою часть благодарности...

--

Девушка пришла в себя уже дома. Вспомнив, что произошло, она вначале улыбнулась, а потом... зарыдала, понимая, что все почести принадлежат не ей, а тому парню, о котором и знать то знали лишь несколько десятков человек на планете... И все эти высокопарные слова о личной храбрости и самопожертвовании были просто ложью во имя... Во имя чего? Блага? А если бы просто рассказать всем правду? Тогда бы она так и осталась малоизвестной широкому кругу людей. А вопросы, откуда появились на этой планете странные мультфильмы, так и остались без ответа. Но поднятая людьми волна благодарности должна была найти героя. Вот её и сделали Героем Нации. Политика есть политика, будь она проклята...

Мара встала с широкого дивана, посмотрела в зеркало на свои опухшие и красные от слёз глаза, а потом... решила. Сев за стол, достала лист бумаги, который привезла с Земли и, быстро что-то написав, оглянулась, прощаясь со своим домом, но, открыв дверь, внезапно уткнулась носом в грудь брата.

— Дио. Ты чего?

— Я больше не могу так. — Мужчина, что смотрел на сестру, и в самом деле выглядел неважно. — Потерял сон. Ни есть, ни пить. На работе не сосредоточиться. На меня уже все косо смотрят. А вчера так вообще было принято решение временно отстранить меня от обязанностей руководителя глобального проекта. Понимаешь, Мара, не могу. Мне без НЕЁ жизни нет. Я решил вернуться. Сегодня в Центре смена моих друзей. Они пообещали сделать всё как надо. Я и с папой уже переговорил. Он не согласился с моим решением, но и противиться не стал. Я же зашёл к тебе попрощаться. А ты куда собралась в такое время?

— Дорогой мой человек. Туда же, куда и ты. Возьмёшь в компанию?

— Ты серьёзно? А как же награждение? Как работа?

— Дио. Я ведь чувствую себя намного хуже, чем ты, и о чём только что рассказал. Я

тоже больше не могу. Просто схожу с ума. Страшно шагнуть в неизвестность, но чувствую сердцем, что мне будут рады, что не отвергнут. Моё счастье там, не здесь, я это поняла окончательно. Так что, идём?

— Если это твоё окончательное решение, идём. Я вчера снова посмотрел тот маленький семейный фильм, где двойняшки дурачатся. Мне до сих пор не верится, что он оказался вроде как случайно среди мультфильмов и других, более серьёзных фильмов. Может это было специально сделано? Что бы мы их не забывали? И я в очередной раз позавидовал Антону, что я не на его месте, не могу прижать к себе это красивое огненно-рыжее сокровище. Кстати, помнишь ту песенку из фильма? «Вместе весело шагать по просторам»...

— Конечно, помню. Я её давным-давно выучила наизусть.

Мара, сунув ладошку в руку брата, закрыла входную дверь. И звук щёлкнувшего замка словно разделил всю жизнь до и после...

Они, весело напевая незнакомую никому в этом мире песенку, широко улыбаясь всем встречным, отправились навстречу судьбе...

— ... По просторам, по просторам

И, конечно, припевать лучше хором,

Лучше хором, лучше хором.

Спой-ка с нами, перепёлка, перепёлочка,

Раз иголка, два иголка — будет ёлочка.

Раз дощечка, два дощечка — будет лесенка,

Раз словечко, два словечко — будет песенка...(1)

Конец.

Прим.

«Вместе весело шагать».

Музыка Владимира Шаинского, слова Михаила Матусовского.

Больше книг на сайте - Knigoed.net